

«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

**Сборник трудов
IV Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Костромской государственный университет

Прокуратура Костромской области

УФСИН России по Костромской области

Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой

Адвокатская палата Костромской области

**«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»**

Сборник трудов

**IV Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции**

(Кострома, 24–25 апреля 2025 года)

Текстовый электронный сборник на компакт-диске

Кострома

КГУ

2025

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

УДК 343(0.034)+347(0.034)+351(0.034)
ББК 67.7я04+67.5я04+67.4я04
П781

Издается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы :

О. В. Воронина, заместитель главы Администрации города Костромы;
Е. А. Суманеева, заведующая правовым отделом администрации
Сусанинского муниципального района Костромской области

П781 Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сборник трудов IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Кострома, 24–25 апреля 2025 года) / сост. А. С. Евстегнеев, Н. В. Ганжа, Д. Н. Лукоянов, Н. В. Кузьмина, И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, Л. А. Сиверская, А. Г. Сироткин, И. В. Орловская, Е. В. Яснева ; отв. ред. Г. Г. Бриль. – Электронные текстовые, граф. дан. (6,1 МБ). – Кострома : Костромской государственный университет, 2025. – 672, [1] с. – 1 CD-ROM: цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3(SP3) и выше; Adobe Acrobat reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.: клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный
ISBN 978-5-8285-1343-7

Настоящий сборник составлен по итогам IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе», состоявшейся 24 и 25 апреля 2025 года в Костроме. В сборнике трудов рассматриваются наиболее актуальные вопросы правоохранительной деятельности на современном этапе.

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной и учебной деятельности.

УДК 343(0.034)+347(0.034)+351(0.034)

ББК 67.7я04+67.5я04+67.4я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

ISBN 978-5-8285-1343-7
16+

© А. С. Евстегнеев, Н. В. Ганжа,
Д. Н. Лукоянов, Н. В. Кузьмина,
И. Н. Мельников, О. В. Плюснина,
Л. А. Сиверская, А. Г. Сироткин,
И. В. Орловская, Е. В. Яснева,
составление, 2025
© Оформление. Костромской
государственный университет, 2025

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 13

Тишаков М. П.

Юридические основы трансформации отечественной системы обеспечения безопасности дорожного движения в начале 1960-х годов 13

Шекк Е. А.

Уголовно-правовые аспекты борьбы с наркопритонами:
история и современность..... 18

Игнатенко В. А.

Концепт «правоохранительные органы» в теории права:
анахронизм или парадокс? 23

Нестеров Д. О.

Организация муниципального контроля на современном этапе..... 28

Никитин В. В.

Экономико-правовые факторы и эффекты информационных отношений 35

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ

И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 41

Голубовский В. Ю.

Некоторые суждения о свойствах приговора..... 41

Винокуров А. Ю.

К вопросу об основаниях для проведения прокурорской проверки
вне уголовно-правовой сферы 47

Мартыненко С. Б.

К вопросу о реализации прокурором функции уголовного преследования
в стадии возбуждения уголовного дела 53

Жбанков В. А., Сухов А. О.

К вопросу о способах сокрытия (утаивания) наличных денежных средств
и (или) денежных инструментов при их контрабандном перемещении 59

Колесникова Т. В.

Проблемы правоохранительной деятельности в Российской Федерации..... 63

Васильева А. В., Доржиев А. С.

Защита прав детей в условиях различных семейных конфликтов..... 69

Новожилова А. В., Кисляков А. В.

Конституционные основы правового положения прокурора
в законодательстве России 74

Нор К. Е.

Роль прокуратуры в реализации правозащитной функции:
актуальные проблемы 77

Бражников С. А.	
Проблемные аспекты деятельности органов прокуратуры по профилактике правонарушений несовершеннолетних в условиях становления новой российской государственности.....	82
Голощапова А. Г., Завгороднева Е. В.	
О некоторых проблемах привлечения к административной ответственности за оскорбления	86
Кузьмина Н. В., Ерёмина Е. В.	
К вопросу о понимании электронного правосудия	93
Шилов Ю. В.	
Эволюция правоохранительной деятельности в контексте корректировки государственной миграционной политики	97
Ганжа Н. В., Мельников И. Н., Гарбер Э. А.	
Проблемы получения доказательств в арбитражном процессе.....	103
Васильева А. В., Пендюр М. С.	
Роль прокурора в обеспечении законности при рассмотрении судами гражданских дел о восстановлении на работе.....	107
Иванова Е. С., Кузьмина Е. Н.	
Служебная нагрузка судей в судах общей юрисдикции	113
СЕКЦИЯ 3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ.....	118
Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В.	
Административная преюдиция как уголовно-правовое средство предупреждения преступлений, или Можно ли из ста кошек сделать одного тигра	118
Варыгин А. Н.	
О некоторых аспектах предупреждения преступности.....	123
Дворянсков И. В.	
Концептуальные предпосылки ресоциализации осужденных в творчестве классиков отечественной литературы	128
Зацепин М. Н., Зацепин А. М.	
Интернет-преступность: правовые и криминологические вопросы национальной безопасности.....	134
Плэмэдялэ И. Г.	
Своевременность деяния, предусмотренного статьей 38 Уголовного кодекса Российской Федерации (причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление) и применения физической силы, специальных средств и оружия при задержании	139
Мартыненко И. Э.	
Правоохранительная деятельность по обеспечению культурной безопасности	150

Милич И. Д.	
Порядок отбывания наказания в тюрьмах Республики Сербия	157
Углова Е. А.	
Растительный мир: проблемы определения в контексте экоцида и экологических преступлений	161
Алихаджиева И. С.	
Корыстная цифровая преступность с персональными данными	167
Меркурьев В. В., Меркурьева Е. В.	
Борьба с транснациональной организованной преступностью в сфере незаконного оборота оружия как приоритетное направление правоохранительной деятельности Союзного государства	174
Шаймуллин Р. К.	
Антикоррупционная политика Российской Федерации в преддверии празднования юбилея Великой Победы.....	184
Желудков М. А.	
Цифровое воздействие на социально-экономические детерминанты для предупреждения преступности в энергетической сфере	188
Чистилина Д. О.	
Риски использования систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании	194
Стешич Е. С.	
Судебно-психиатрическая экспертиза: организационно-правовые аспекты производства.....	200
Черков В. А., Черкова М. Ю., Прокопова Е. С.	
Современные способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и борьба с ними	204
Афанасьева О. Р., Афанасьев П. Б., Коимшиди Г. Ф.	
Состояние и тенденции коррупционной преступности в Российской Федерации	211
Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н.	
Политическая функция криминологии	218
Анянова Е. С.	
Кибербезопасность на море.....	223
Медведчук А. А.	
Психология коррупционного поведения личности	226
Сергеева А. А., Питулько К. В.	
Структура мотивов преступления и их уголовно-правового содержания в механизме правового регулирования в постиндустриальном обществе	229
Стукалова Т. В.	
Криминологический портрет лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в современный период в России	235
Терехов Е. М.	
Основные направления использования правоинтерпретационной деятельности при осуществлении толкования уголовно-правовых норм.....	241

Насиров Н. И.	
Современные цифровые технологии в деятельности уголовно-исполнительной системы России	245
Корж П. А.	
Особенности противодействия диверсионно-террористической активности Украины на территории Российской Федерации	249
Цыплакова А. Д.	
Перспективы применения статьи 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	253
Гусева Д. А., Евстегнеев А. С.	
Проблемы привлечения к труду осужденных к лишению свободы, водворенных в штрафной изолятор, помещение камерного типа	259
Сунгатуллин А. Н.	
Киберпатрулирование как инструмент противодействия вовлечению несовершеннолетних лиц в совершение преступлений и антиобщественных действий	264
Садовая А. А., Вокина Н. А., Телегина Е. Н.	
О совершенствовании законодательства о контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам	268
Ганжа Н. В., Смирнова Д. Р.	
Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации.....	274
Рубцова М. В.	
Проблемы противодействия цифровой преступности	280
Мирный Д. С.	
О совершенствовании уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру в сфере связи	285
Керимов А. М.	
Уголовно-правовая охрана личности от преступных посягательств сексуальной направленности	290
Суругина Е. Н., Самоварова Е. С.	
Генезис становления уголовно-правовых норм в части, касающейся заведомо ложной информации о преступлении	293
Калитинская А. В.	
Проблемы противодействия коррупции в сфере закупок товаров и работ за счет средств федерального бюджета для осуществления строительства и реконструкции железнодорожных объектов в России	297

СЕКЦИЯ 4. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	301
Рябинина Т. К.	
Перспективы и трудности внедрения современных технологий в российское уголовное судопроизводство	301
Никурадзе Н. О., Мищенко Е. В., Марина Е. А.	
Собирание «электронных» доказательств в уголовном процессе:	
проблемные вопросы сквозь призму зарубежного опыта.....	306
Александров А. С., Александрова И. А.	
Обжалование промежуточных судебных решений в уголовном судопроизводстве	313
Большаков К. А.	
Уголовно-процессуальный механизм освобождения от уголовной ответственности за совершение налогового преступления в стадии возбуждения уголовного дела	318
Новокшенов Д. В.	
Темпоральное действие уголовно-процессуального закона в период военного положения.....	322
Плюснина О. В., Просвирякова Я. Р.	
Нормы, посвященные использованию электронных доказательств в уголовном процессе.....	328
Коновалова А. Б., Ларионова Н. С.	
Залог как мера пресечения: проблемы и направления оптимизации законодательного регулирования	331
Асанов Р. Ш.	
Восстановление баланса публичных и частных интересов при прекращении уголовных дел по примирению сторон.....	337
Шаталов Н. Н.	
О процессуальных средствах обеспечения права на обращение в суд кассационной инстанции в рамках современного уголовного судопроизводства	342
Сика А. М.	
Специфика профилактики повторной преступности осужденных к наказанию в виде принудительных работ.....	347
Ярков А. А.	
О полномочиях участкового уполномоченного полиции на первоначальном этапе расследования преступлений	352
Манапова А. Ф.	
Допрос несовершеннолетнего на стадии предварительного следствия	356

СЕКЦИЯ 5. ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ, СЕМЕЙНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ.....	359
Кодолов В. А., Остапко Д. А., Рылова П. В.	
Антидискриминационный режим трудовых правоотношений	359
Васильева А. В., Ланкова В. А.	
К вопросам об особенностях заключения соглашения об уплате алиментов в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) физических лиц.....	364
Семенова И. Ю.	
Медиация как альтернативный способ разрешения семейно-бытовых споров.....	369
Васильева А. В., Неретина Д. А.	
Современные тенденции развития института брака и семьи: анализ влияния социальных, экономических и технологических факторов на семейные отношения.....	373
Соловьева А. Д., Кузьмина Е. Н.	
Актуальные проблемы разрешения судебных споров об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка	379
СЕКЦИЯ 6. ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	383
Токарева А. А.	
Опыт типологии уголовно-процессуальных кодексов для государств постсоветского пространства через призму правопреемства.....	383
Ермакова А. А.	
Цифровые технологии в деятельности правоохранительных органов.....	389
Бирюкова Д. Е.	
Правоохранительная деятельность в период Великой Отечественной войны: борьба с преступностью на фронте и в тылу.....	394
Озеранская А. Ю.	
Разграничение государственной измены и сотрудничества на конфиденциальной основе с иностранным государством.....	399
Смирнова У. А., Евстегнеев А. С.	
Проблемы квалификации деяний с признаками превышения пределов необходимой обороны	402
Душкова А. В., Рубан А. А.	
Сложные единичные преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности: проблемы и квалификация	411
Пузарин Р. О.	
Виктимологический аспект состава, предусмотренного статьей 138 Уголовного кодекса Российской Федерации, и его влияние на безопасность личных данных в рамках социальных сетей и мессенджеров.....	417

Рейц А. Н., Лунева К. А.	
Трудовые гарантии лиц, проживающих в приграничье Курской области и вынужденно покинувших место жительства и место работы	421
Бондарева Т. С., Евстегнеев А.С.	
Ответственность за помощь в добровольном уходе из жизни: эвтаназия сквозь призму статей 105 и 110 Уголовного кодекса Российской Федерации	426
Анисимова М. О., Казаченкова А. А.	
Защита персональных данных в сети Интернет.....	431
Белов В. О., Ганжа Н. В.	
Отдельные вопросы законодательства в сфере регулирования ограничения доступа к информации	434
Дадаева М. И.	
Интеграция цифровых технологий в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в условиях соблюдения ограничений и запретов, связанных со службой в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации	439
Подуремных Е. А., Макашова Т. П.	
Полномочия военного прокурора при соблюдении прав мобилизованных	445
Усиков Д. В.	
Использование искусственного интеллекта в криминалистике – перспективы и ограничения	450
Фигуровская И. М.	
Длительность как проблема рассмотрения гражданских дел.....	456
Шабанова С. А.	
Принудительные меры воспитательного воздействия как средство достижения цели исправления несовершеннолетнего	461
Рыцарев А. Д.	
Генеративный искусственный интеллект: перспективы использования в правоохранительной деятельности и проблемы регулирования.....	464
Голованова П. А., Смирнова М. А.	
Правовое регулирование разрешения конфликтов в киберпространстве	469
Гусельникова О. В.	
Коррупционная направленность при хищениях бюджетных средств, выделенных для реализации национального проекта «Безопасные качественные дороги».....	475
Абрамова З. А.	
Цифровизация органов прокуратуры	479
Баймухаметов Р. Р.	
Проблемы реализации отдельных направлений современной уголовно-правовой политики Российской Федерации	484
Богачева Е. А., Скворцова С. С.	
Курение на рабочем месте – дисциплинарный проступок?.....	489

Борисанова В. Д. Проблемы правового обеспечения деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в предупреждении и пресечении правонарушений несовершеннолетних.....	494
Борисанова В. Д., Бодорина К. В. Проблемы административно-предупредительных мер, применяемых подразделениями по делам несовершеннолетних в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних	498
Спивак А. В., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В. Актуальные вопросы законодательного регулирования погашения судимости.....	502
Аджиаметова М. Н., Богдасарова Д. С. Уголовно-процессуальные проблемы проведения следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан.....	505
Борисова М. А. Анализ принципов организации и деятельности советской прокуратуры в 1939–1941 годах и современной прокуратуры: общие черты и различия	510
Борунова Я. А. К вопросу о некоторых тенденциях развития уголовного права	514
Булатова Э. Р., Бахорина А. В., Чурикова А. Ю. Использование цифровых технологий органами расследования.....	518
Воронин Д. В. Социальная сеть как источник криминалистически значимой информации при расследовании преступлений.....	521
Гончаренко С. Р., Кравцова А. Р. Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе.....	526
Горелкина Ю. А. Мошенничество в сфере социальных выплат	530
Гречко Е. Д., Евстегнеев А. С. Правовой анализ множественности преступлений.....	532
Жныкина А. А. Совершенствование уголовного законодательства в сфере незаконного потребления наркотических средств.....	537
Иванова А. С., Мокану А. И. К вопросу исследования доказательств на стадии подготовки к судебному заседанию.....	540
Иванова П. Р. Незаконное увольнение: проблемы теории и практики.....	544
Козырчикова А. А. Прокурорская деятельность в эпоху цифровизации: перспективные направления и проблемы осуществления	549

Кокоринова Е. М., Евстегнеев А.С.	
Правовые аспекты привлечения законных представителей к административной ответственности в случае имеющих условия, создающих опасность для несовершеннолетних при нахождении в заброшенных объектах	553
Кукеев А. К.	
К вопросу об особенностях проведения обыска по делу о преступлениях, связанных с незаконным оборотом криптовалюты	557
Ларина А. Э.	
Основания применения временного лишения водительских прав в законодательстве государств постсоветского пространства	563
Лосякова Ю. О.	
Проблемы квалификации вымогательства взятки	568
Ломтева Е. С., Яснева Е. В.	
Системы видео-конференц-связи как современный способ проведения отдельных следственных действий на стадии предварительного расследования	572
Манафова С. А., Полотова Ж. Ф.	
Особенности оснований дисциплинарной ответственности отдельных категорий работников	575
Майсурадзе Л. Г.	
Криптовалютные биржи как средства легализации доходов, полученных преступным путем	580
Максакова В. В.	
Роль Конституции Российской Федерации в формировании и функционировании правоохранительных органов	585
Макуха М. А.	
К вопросу о снижении возраста уголовной ответственности за преступления, связанные со сбытом наркотиков	589
Мамедов М. В.	
Правовой статус судьи: многообразие интерпретаций в современной юридической науке	593
Миленина Е. А., Домнина О. В.	
Особенности разрешения конфликтов и правовые механизмы медиации: психологические факторы, влияющие на эффективность переговоров, роль медиатора в урегулировании споров	596
Мокина А. С., Макашова Т. П.	
Представление прокурора как мера реагирования на нарушения в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения	601
Пластинина К. Е.	
Защита органами прокуратуры РФ прав несовершеннолетних	605
Попильняк Р. С.	
Кибербезопасность в правоохранительной деятельности: правовые и технологические аспекты	609

Лазарева Ю.А.			
Видеоигра как разновидность мультимедийного продукта.....	612		
Михайлова Я. Д.			
Особенности защиты прав военнослужащих в административном порядке	617		
Мальцева А. С., Беджиева Ж. Р.			
Прокурорский надзор в сфере противодействия распространению терроризма и экстремизма в сети Интернет	621		
Сажин К. А., Конардов С. Б.			
Определение места жительства при исполнении наказания в виде ограничения свободы	626		
Сазонов Н. Д.			
Конституционные пределы вмешательства правоохранительных органов в частную жизнь граждан	630		
Скотникова М. М.			
Видео-конференц-связь как способ коммуникации при рассмотрении уголовных дел в суде	634		
Слепцова А. А.			
К вопросу об особенностях производства осмотра места происшествия следователем военных следственных органов в особые периоды.....	638		
Сучилина В. С., Хопрова А. А.			
Правовые и этические вопросы использования искусственного интеллекта в судопроизводстве	644		
Темралиев Д. А.			
Сравнительный анализ способов подачи документов в суд.....	649		
Торгашова И. М.			
Анализ правонарушений с использованием информационно-коммуникационных технологий	653		
Тупотилов П. В.			
Независимость прокуратуры в России: проблемы, вызванные политическим давлением и институциональными ограничениями	658		
Устинова В. Г.			
Искусственный интеллект и авторское право: кто владеет результатами творчества искусственного интеллекта	662		
Фёдоров Е. А.			
Криминологическая характеристика лица на примере преступного посягательства, предусмотренного статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	667		

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание

СЕКЦИЯ 1

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 351.811: 656.13(477)

Тишаков Максим Петрович

кандидат юридических наук

доцент департамента права

Московский городской педагогический университет

г. Москва, Российская Федерация

TMaxim7@yandex.ru

Юридические основы трансформации отечественной системы обеспечения безопасности дорожного движения в начале 1960-х годов

***Аннотация.** В статье рассматриваются юридические предпосылки преобразований в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в начале 1960-х годов. В качестве отправной точки реформирования автор аргументированно выделяет соответствующее Постановление Правительства СССР, которое в последующем выступило правовой основой дальнейшей унификации подходов в организации дорожного движения и противодействия аварийности на автомобильном транспорте. Акцентируется внимание на создании комиссий по транспорту, комиссий общественного контроля за техническим состоянием автомобилей, разработке нового Положения о Государственной автомобильной инспекции, внедрении технических средств в сферу регулирования дорожного движения, принятии единых правил движения, расширении полномочий органов милиции по наложению взысканий на лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного состояния.*

***Ключевые слова:** аварийность на автотранспорте, безопасность дорожного движения, Госавтоинспекция, дорожные транспортные происшествия.*

Tishakov Maxim Petrovich

candidate of law, associate professor

of the department of law State

Moscow City Pedagogical University

Moscow, Russian Federation

The legal foundations of the transformation of the national road safety system in the early 1960s

***Annotation.** The article examines the legal prerequisites for transformations in the field of road safety in the early 1960s. As a starting point for the reform, the author justifiably identifies the relevant Decree of the Government of the USSR, which subsequently served as the legal basis for further unification of approaches in traffic management and accident prevention in road transport. Attention is focused on the creation of transport commissions, commissions for public control over*

the technical condition of cars, the development of a new Regulation on the State Automobile Inspection, the introduction of technical means in the field of traffic regulation, the adoption of uniform traffic rules, and the expansion of the powers of police authorities to impose penalties on persons driving vehicles in a state of alcohol.

Keywords: accidents in motor vehicles, road safety, State traffic Inspectorate, road accidents.

Отечественная система обеспечения безопасности дорожного движения насчитывает не одно десятилетие своего функционирования, на протяжении которых прошла путь значительных преобразований. Основы ее централизованного характера обусловлены созданием в середине 1930-х годов специализированного государственного органа с надведомственными полномочиями – Госавтоинспекции, ставшей стержневым элементом всей государственной политики в сфере противодействия аварийности на автотранспорте.

Несмотря на бурное развитие в предвоенные годы, последующие события Великой Отечественной войны и насущная необходимость активного восстановления народного хозяйства оказали значительное влияние на дальнейшие преобразования государственной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, несколько замедлив проводимые реформы. Такое положение дел привело к тому, что к середине 1950-х годов, основы функционирования рассматриваемой системы базировались на заложенном еще в довоенный период фундаменте, который обновлялся на уровне МВД (МГБ) и местных органов власти. Дальнейшее сохранение обозначенных тенденций явно не соответствовало темпам автомобилизации, складывающейся обстановке в организации движения автомобильного транспорта, обеспечении его безопасности, активного дорожного строительства.

Переломным моментом в государственной политике в рассматриваемой сфере стало принятие 16 июля 1959 года первого в своем роде подзаконного акта общегосударственного значения – Постановления Правительства Советского Союза № 793 «Об усилении борьбы с аварийностью на автомобильном транспорте» [3, л. 212–218]. Такая формулировка заглавия документа свидетельствует о значимости проблематики, постоянном противодействии дорожно-транспортным происшествиям, но низкой эффективности принимаемых решений. Несмотря на формальное наименование акта «Об усилении борьбы с аварийностью на автомобильном транспорте» он представлял собой своего рода концепцию (от лат. *conceptio* – система) дальнейшего развития всей системы обеспечения безопасности дорожного движения.

Анализ доступных архивных материалов и документов о деятельности данной системы, с момента создания Госавтоинспекции, позволяет утверждать, что это Постановление является по сути стержневым нормативным актом общесоюзного уровня, в котором признается проблема аварийности на автотранспорте в качестве общегосударственной, а не только ведомственной или местной. Уместно здесь привести слова начальника Госавтоинспекции МВД СССР того периода А. Кормилицына: «Недавно были разработаны и утверждены меры по усилению борьбы с аварийностью на улицах и дорогах страны, – далее

довольно подробно разъясняя. – До сих пор считалось, что вопросами безопасности движения должны заниматься только органы Государственной автомобильной инспекции. Это глубоко неверно. Аварийность – общий враг, и бороться с ней должны все» [5, с. 10]. И, как показали дальнейшие десятилетия активной работы в обозначенной сфере, эти слова оказались поистине пророческими.

Данный подзаконный акт не просто очертил ключевые проблемы в сфере противодействия аварийности на автотранспорте, раскрыл ее фактическое состояние, но и наметил векторы дальнейшего развития всей системы обеспечения безопасности дорожного движения, которые в последующие годы нашли свое непосредственное отражение в различных нормативных правовых актах и организационных подходах. Рассмотрим наиболее существенные трансформации данной системы, заложенные в постановлении Правительства СССР № 793, их организационно-правовое закрепление и проводимые мероприятия.

В первую очередь следует отметить, что Постановлением было инициировано создание в индустриальных центрах при горсоветах постоянно действующих комиссий по транспорту. Однако на практике они зачастую охватывали не только транспортное направление, но и связь, именовались как комиссии по транспорту и связи. Их задачи заключались в обеспечении повышения контроля местными депутатами за деятельностью автомобильных организаций. И как свидетельствуют архивные документы, данные органы выступали в качестве главных разработчиков проектов решений местных исполкомов в сфере организации дорожного движения, противодействия аварийности. Комиссии заслушивали на своих заседаниях руководителей автотранспортных предприятий, представителей Госавтоинспекции, депутаты непосредственно посещали автохозяйства с целью контроля за проводимыми мероприятиями.

Примечательно, что в рассматриваемом Постановлении Правительства указывалось и на серьезные недостатки в деятельности Госавтоинспекции, необходимости их устранения, в том числе в вопросах кадрового обеспечения службы. От МВД СССР требовалось подготовить в течение одного месяца новое Положение о ГАИ, направленное на повышение роли данной службы по ключевым направлениям деятельности. Однако полноценная реализация инициативы, направленной на обновление ключевых полномочий, организации и деятельности Госавтоинспекции, была осуществлена только спустя четыре года [10], а к концу 1963 года получило свое распространение и на уровне союзных республик, в том числе РСФСР [9].

Не обходило вниманием решение Правительства и активное привлечение общественности к вопросам противодействия аварийности. В частности, предусматривалось создание комиссий общественного контроля за техническим состоянием автомобилей в крупных автохозяйствах. Порядок создания таких общественных органов делегировался республикам, что и было довольно оперативно реализовано. Например, в РСФСР это установлено совместным решением Правительства и ВЦСПС, подписанным 28 ноября 1959 года [7].

Важным направлением стала инициатива, нацеленная на более активное внедрение технических средств регулирования дорожного движения, а также изготовление соответствующих знаков силами правительств республик, край-, обл- и горисполкомов. Однако, как показывает практика деятельности правительства РСФСР, четкий механизм правовой реализации данных инициатив, их централизованный характер был детально проработан только к 1965 году [6].

Наиболее существенные изменения касались разработки и последующего внедрения единых, общеобязательных правил движения по территории всего советского государства. Особенно учитывая тот факт, что на протяжении предшествующих четырех десятилетий каждый регион подходил к решению этого вопроса самостоятельно, путем утверждения местных правил движения [13; 14]. И такой подход был как нельзя кстати. Ведь в августе 1959 года СССР присоединился к Конвенции о дорожном движении и к Протоколу о дорожных знаках и сигналах, принятых еще в 1949 году [11, с. 409–410], что потребовало унифицировать подходы в сфере правового регулирования организации дорожного движения к международным стандартам. Итогом проводимых преобразований стало введение в действие с начала 1961 года на всей территории Советского Союза первых единых правила движения [12]. Одновременно с учетом требований международных документов введены и новые стандарты дорожных знаков [1, с. 18–19]. Однако полноценное внедрение положений международной Конвенции было осуществлено только в следующих редакциях Правил.

Решением Правительства предусматривалось и предоставление права сотрудникам милиции накладывать на водителей, управляющих автотранспортом и городским электротранспортом в нетрезвом состоянии, наказания в виде лишения права на управление транспортными средствами на срок до одного года. Детализация данных положений нашла свое последующее нормативное закрепление в виде соответствующих Указов Президиума Верховного Совета союзных республик [8, с. 3–4]. Предусмотренные в Правительстве меры были учтены и в аналогичных актах союзных республиках. Например, в РСФСР это Постановление Правительства от 15 августа 1959 года № 1360 [2, л. 81–83], в УССР аналогичный акт был принят 7 сентября 1959 года [4, л. 181–185].

Дальнейшая активизация усилий в сфере противодействия аварийности на автотранспорте и внедрение качественно новых подходов в организации дорожного движения, в том числе связанная с международной составляющей, засвидетельствовала о необходимости централизации существующей системы, широкого внедрения передовых технических достижений, автоматизации рутинных процессов регулирования уличного движения, обновлении правовых норм и правил в связи с динамично меняющейся ситуацией. Тем не менее именно Постановление Правительства СССР № 793, принятое в 1959 году, заложило концептуальные основы последующих трансформаций отечественной системы обеспечения безопасности дорожного движения, значимость которого удалось полноценно определить лишь спустя годы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Внимание: дорожные знаки // За рулем. 1960. № 5. С. 18–19.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А259. Оп. 1 Д. 1193.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 1 Д. 690.
4. Донецкий государственный архив. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 559.
5. Кормилицын А. Аварийность – общий враг // За рулем. 1959. № 10. С. 10.
6. О мерах по улучшению обеспечения городов, рабочих поселков и других населенных пунктов техническими средствами регулирования уличного движения : Постановление Совета Министров РСФСР от 10 мая 1965 г. № 554 // Собрание Постановлений Правительства СССР // Собрание постановлений Правительства СССР. 1965. № 10. Ст. 50.
7. Об организации в автомобильных хозяйствах комиссий общественного контроля за техническим состоянием автомобилей : Постановление Совета Министров РСФСР и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 28 ноября 1959 г. № 1867 // Собрание постановлений Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1959. № 19. Ст. 156.
8. Об ответственности водителей автотранспорта и городского электротранспорта за управление транспортом в нетрезвом состоянии : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 октября 1961 года // Бюллетень текущего законодательства за октябрь 1961 года. С. 3–4.
9. Об утверждении Положения о Государственной автомобильной инспекции Министерства охраны общественного порядка РСФСР : Постановление Совета Министров РСФСР от 20 декабря 1963 г. № 1428 // Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1964. № 12. Ст. 87.
10. Об утверждении Типового положения о Государственной автомобильной инспекции Министерства охраны общественного порядка союзной республики : Постановление Совета Министров СССР от 30 сентября 1963 г. № 1022 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1963. № 9. Ст. 193.
11. Островский Я. Международные договоры заключенные советским союзом в 1959 г. // Советский ежегодник международного права. 1960. С. 409–410.
12. Правила движения по улицам и дорогам Союза ССР : введены в действие с 1 января 1961 г. распоряжением Совета Министров РСФСР от 25 октября 1960 г. М. : Автотрансиздат, 1961. 126 с.
13. Тишаков М. П. Развитие местных правил дорожного (уличного) движения в довоенный и послевоенный периоды // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается) : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Тамбов, 29–30 октября 2020 г.). Тамбов, 2021. С. 63–74.

14. Тишаков М. П. Развитие отечественных правил дорожного движения // Сб. науч. ст. по итогам проведения Третьего Севастопольского юридического форума (Севастополь, 27 сентября 2020 г.). Севастополь, 2021. С. 96–98.

УДК 343.97

Шекк Елена Александровна

старший научный сотрудник

Научно-исследовательский институт

Университета прокуратуры Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

shekkalena@yandex.com

Уголовно-правовые аспекты борьбы с наркопритонами: история и современность

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию проблем противодействия преступности, связанной с организацией и содержанием притонов для потребления наркотиков. Автором проведен ретроспективный анализ положений, устанавливающих ответственность за притоносодержательство в различные периоды существования российской государственности. Рассматриваются исторически обусловленные сущностные характеристики наркопритонов, в том числе те, которые сохранили свое криминальное значение в современных условиях.*

***Ключевые слова:** преступность, наркотики, притон, наркопритон, незаконный оборот наркотиков, история, ретроспективный анализ.*

Shekk Elena Alexandrovna

senior researcher, research Institute

of the University of the Prosecutor's

Office of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

Legal framework for countering narcotic dens: historical and contemporary perspectives

***Annotation.** The article is devoted to the study of the problems of combating crime related to drug trafficking, in particular, the organization and maintenance of dens for the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. The publication provides a retrospective analysis of the provisions establishing responsibility for brothel keeping in different periods of the existence of the Russian statehood. Historically conditioned essential characteristics of drug dens, including those that have retained their criminal significance in modern conditions, are considered.*

***Keywords:** crime, drugs, drug den, drug trafficking, history, retrospective analysis.*

Изучение исторического аспекта правовой регламентации противодействия организации и содержанию притонов позволяет взглянуть на эти преступления несколько шире, чем просто места для незаконного наркопотребления.

Результаты историко-правового исследования, охватывающего период с 1469 года по 2020-е годы, выявили устойчивые закономерности и эволюционные тенденции в системе правового регулирования противодействия притоносодержательству и позволяют сделать вывод, что исторически понятием «притон» или аналогичными понятиями охватывались места, где созданы условия для занятия преступными видами деятельности, укрытия преступников и формирования преступных групп. Притон воспринимался, прежде всего, как «колыбель» преступности, не случайно на ранних этапах употреблялись понятия «пристань», «пристанище». Уже на более поздних этапах развития практики законодательного установления ответственности за притоносодержательство законодательно были выделены *наркопритоны* как места распространения аддитивных взглядов и установок на немедицинское потребление наркотиков и девиантного поведения, связанного с наркопотреблением.

В российском уголовном законодательстве установлена ответственность за организацию и содержание притонов для потребления наркотиков и занятия проституцией. Ранее криминализировались и другие формы притоносодержательства, что отражало эволюцию восприятия их общественной опасности (воровские, игорные).

С XV по XIX век притоны рассматривались как «рассадники преступности» – места формирования преступных намерений, укрывательства правонарушителей и совершения противоправных деяний. Законодательно запрещались воровские, разбойничьи, игорные притоны, а позднее – для пьянства, разврата и наркопотребления.

Изначально притоносодержательство связывалось с созданием среды для криминальной деятельности, но со временем конкретизировалось в отдельные составы преступлений. Исторически термин «притон» трактовался как место сбора лиц с девиантным поведением, «место, где собираются с преступными и иными неблагоприятными целями» [5, с. 591].

Уголовная ответственность за содержание притона появилась впервые в Соборном уложении 1649 года. Прямые указания на пресечение незаконного оборота наркотиков в нормах Соборного уложения отсутствуют. Однако в главе XXI «О разбойных и о татиных делах» содержалось сразу несколько статей, по своему содержанию схожих с современным притоносодержательством: «А которые воры на Москве и в городех воруют, карты и зернью играют... А будет кто таких людей учнет укрывать и у себя держать, а к воеводам, и к приказным людям, и к губным старостам не отведет, а иной на него то доведет, и на нем за то взять пени десять рублей, чтобы на то смотря иным не повадно было так делать, а татем бы и розбойником нигде пристанища не было» [6, с. 267–270].

Из приведенных цитат можно сделать несколько выводов: во-первых, игры в карты и зернью, что впоследствии стало основой для игорных притонов,

приравнивались к разбою и татьбе (воровству), т. е. рассматривались как серьезное преступление; во-вторых, наказывалось умышленное создание *пристанища* для преступников, что по сути представляло собой первое понятие притона; в-третьих, здесь же предусматривалась ответственность за бездействие, т. е. несообщение о месте игр, совершении преступлений и т. п.

Проследившая эволюцию установления ответственности за притоносодержательство, определенный интерес в этом отношении представляет издание Н. С. Таганцевым постатейных материалов и комментариев к Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., где автор приводит извлечения из решений уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1898 г. Как самоуправство со стороны домохозяев по отношению к квартирантам рассматривались: «а) действия домовладельца, прогнавшего своих жильцов из занимаемой квартиры, вместо того, чтобы прибегнуть к помощи полиции для прекращения *систематически происходивших в ней пьянства и карточной игры...*» (дело 69/365 Лукьянова) [11, с. 288], т. е. по существу содержания притона. Этот пример, наглядно иллюстрирует особенности уголовной политики того периода, когда такие формы притонов были практически легализованы и лишь утверждались определенные правила.

Следующий этап становления уголовной ответственности за рассматриваемые преступления связан с принятием в 1885 году новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение редакции 1885 г., Уложение). В нем устанавливалась уголовная ответственность за содержание мест, создающих благоприятные условия для совершения преступлений и пребывания преступников. Законодатель того периода использовал близкое по значению понятие «пристань». Содержание пристани, а также предоставление помещений для запрещенной законом деятельности, а равно осуществление деятельности, способствующей распространению преступности, называлось «пристанодержательство» (ст. 929 Уложения) [7, с. 142–149].

В 1903 году было принято новое Уголовное уложение, в котором введено понятие «притон». Так, в ст. 315, 500, 527, 528, 529 устанавливается ответственность для лиц, держащих питейный притон, а также лиц, открывших притон разврата без выполнения требования полицейско-санитарного характера, в виде промысла, т. е. с корыстной целью [4]. Нормы Уложения 1903 года свидетельствуют о попытках властей контролировать притоны посредством их легализации под определенными ограничениями, что позволяло пополнять казну за счет такой деятельности.

Следующий этап развития норм об ответственности за притоносодержательство ознаменовало широкое распространение курения опия в 20-е годы XX века в России. На борьбу с этим негативным явлением направлены некоторые декреты Советской власти, поскольку проблема стала приобретать широкий общественный резонанс. Так, к лицам, виновным в хранении, покупке, продаже опия, трубок и других приспособлений для курения опия не в виде промысла, *в предоставлении помещения для курения опия*, в соответствии с положениями Декрета ВЦИК и СНК от 27 июля 1922 г., применялись *административный*

штраф и принудительные работы от 1 до 3 месяцев. В дальнейшем эта норма с соответствующими дополнениями была воспринята Уголовным кодексом РСФСР в редакции 1924 года.

Закономерным продолжением текущей антинаркотической политики привело к криминализации наркопритонов. Декрет ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР 22.12.1924 «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст. 140-д», которая предусматривала ответственность за изготовление и хранение с целью сбыта и сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения, – с наказанием на срок *до трех лет*. А квалифицированный состав предусматривал те же преступления, совершаемые в виде промысла, а равно *содержание притонов*, в коих производится сбыт или потребление кокаина, опия, морфия и других одурманивающих веществ, – с наказанием в виде лишения свободы на срок *не ниже трех лет со строгой изоляцией*, конфискацией всего имущества, поражением в правах и воспрещением проживания по отбывании наказания в пограничной полосе на срок до трех лет» [1]. Именно в этот период законодателем воспринята высокая общественная опасность притоносодержательства. Как видно, содержание притонов рассматривалось как наиболее тяжкое преступление и за него могло быть назначено более строгое наказание.

С минимальными изменениями эта норма воспроизведена в УК РСФСР 1926 года, однако санкция за притоносодержательство была уменьшена до трех лет [10].

Исследователи этого периода обращают внимание на общее значительное снижение санкций за преступления, связанные с запрещенными веществами. Очевидно, что с введением в действие УК РСФСР 1926 года начался и продолжился до 1960 года период либерализации уголовной политики государства, направленной на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, связанный, прежде всего с тем, что значимость проблемы незаконного оборота наркотиков и их немедицинского потребления недооценивалась. Равно как не было достаточной степени осознания опасности формирования организованных форм преступной деятельности вокруг подобного рода заведений.

Невозможно не согласиться с мнением Б. Ф. Калачева, проведенного глубокое изучение истории законодательства о противодействии незаконному обороту наркотиков в том, что «подобный правовой дисбаланс между государственным контролем над предложением и спросом, наблюдавшийся в течение последующих 50 лет, в частности, столь трудно объяснимый либерализм для довольно строгих условий правового бытия Советского общества, способствовал не только развитию тенденции опосредованной и неуклонной наркотизации населения страны, но и укоренению идеи легализации наркотиков, что особенно ярко проявлялось в годы Перестройки и последующее время» [2, 3].

В 1960 г. был принят УК РСФСР, который изначально содержал единую статью об уголовной ответственности за притоносодержательство различных видов: «Статья 226. Содержание притонов разврата, сводничество с корыстной целью, а равно содержание притонов *для потребления наркотиков* либо содер-

жание игорных притонов, наказывались лишением свободы *на срок до пяти лет* с высылкой или без таковой, с конфискацией имущества или без таковой или ссылкой на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой» [9]. Через 14 лет, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г. УК РСФСР дополнен статьей 226.1 «Организация или содержание притонов для потребления наркотических веществ» с весьма суровыми санкциями: лишением свободы на срок *от пяти до десяти лет с возможностью конфискации имущества*. Итоговую редакцию законодатель оформил в статье 232 УК РФ [8]: со сроками наказания до четырех лет за простой состав, и *до семи лет* за квалифицированные составы организации или содержания наркопритонов, а в 2013 г. введен состав систематического предоставления помещений.

Анализ современной правоприменительной практики в сфере противодействия преступлениям, связанным с организацией наркопритонов, позволяет выявить значительную трансформацию данного явления в конце XX века. В этот период произошло разделение притонов на две основные категории: маргинальные (низкоорганизованные) и элитные (высокоорганизованные). Данная дифференциация отражает изменения в структуре криминальной среды, обусловленные социально-экономическими и правовыми факторами.

Ретроспективный анализ показывает, что, несмотря на сохранение традиционной криминальной сущности притонов, в современных условиях они приобрели качественно новые характеристики, существенно повышающие уровень их общественной опасности. Исторически притоносодержательство рассматривалось как социально опасная деятельность, поскольку способствовало воспроизводству и распространению преступных норм, укрытию преступников. Проведенное исследование подтверждает, что функционирование наркопритонов в настоящее время играет ключевую роль в расширении масштабов наркотизации населения, являясь элементом криминального рынка наркотиков, рутинизации процесса наркопотребления. Таким образом, эволюция притоносодержательства свидетельствует о его адаптации к современным криминальным реалиям, что требует дальнейшего совершенствования мер противодействия с учетом новых форм организации и функционирования данных преступных структур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Декрет ВЦИК от 22 декабря 1924 года «О дополнении Уголовного кодекса статьей 140-Д» // Собрание узаконений РСФСР. 1925. № 5. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2287.htm (дата обращения: 17.10.2016).
2. Наркотики на Руси. Исследование Б. Ф. Калачева. Этап первый – Древняя Русь. URL: <http://narkotiki.ru> (дата обращения: 19.08.2023).
3. Семькин Д. В. Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-н/Д., 2008.
4. Новое Уголовное уложение. СПб., 1903. 253 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 6-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1964. С. 591.

6. Соборное уложение 1649 года. По изданию: М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 267–270.
7. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1903. С. 142, 149.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации. Новосибирск : Изд-во Сиб. ун-та, 2023. Ст. 232.
9. Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
10. Уголовный кодекс РСФСР : ред. 1926 года (принят 2 сессией ВЦИК 12 созыва) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
11. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб. : Изд. Н. С. Таганцева, 1898. С. 288.

УДК 340.12

Игнатенко Владимир Александрович

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет

г. Красноярск, Российская Федерация

ignatenko.well@mail.ru

Концепт «правоохранительные органы» в теории права: анахронизм или парадокс?

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретико-правовые подходы к исследованию политико-правового феномена «правоохранительные органы». Автор обращает внимание, что он напрямую зависит от концептуальных подходов в теории права. В заключении делается вывод, что если рассматривать концепт «правоохранительные органы» исходя из позитивистской теории права, он представляет собой уже отживший правовой анахронизм. Но и с позиции естественной теории права, данный концепт остается, в большей степени, правовым парадоксом, вызывающим ряд противоречий и не вписывающимся, в полной мере, в выстроенную данной теорией правовую систему.*

***Ключевые слова:** законность, механизм государства, правоохранительные органы, правопорядок, правоохранительная деятельность.*

Ignatenko Vladimir Alexandrovich

senior lecturer, Krasnoyarsk State Agrarian University

Krasnoyarsk, Russian Federation

The concept of “Law Enforcement Agencies” in Legal Theory: an anachronism or a paradox?

***Annotation.** The article examines theoretical and legal approaches to the study of the political and legal phenomenon of “Law Enforcement Agencies”. The author draws attention to the fact that it directly depends on conceptual approaches in the Theory of Law. In conclusion, it is con-*

cluded that if we consider the concept of "Law Enforcement Agencies" based on the Positivist Theory of Law, it is an already obsolete legal anachronism. But even from the standpoint of the Natural Theory of Law, these concept remains, to a greater extent, a legal paradox, causing a number of contradictions and not fully fitting into the Legal System built by this Theory.

Keywords: *legality, state mechanism, law enforcement agencies, law and order, law enforcement activities.*

Одним из важнейших направлений государственной политики каждого цивилизованного государства в любой исторический период его развития, является функция по обеспечению законности внутри него.

Так, С. С. Алексеев рассматривал законность в различных аспектах, например, как реалистическое отношение «к писаному праву», как гуманистическое содержание «господствующего мировоззрения» и как «характеристику существующей правовой системы» [1, с. 265–266].

Таким образом, законность представляет собой сложное и многоплановое правовое явление, включающее в себя не только издание властных полномочий господствующей политической системы, в виде писаных законов, но и способность воплотить данные властные предписания посредством существующего внутри государства специального надстроечного политико-правового образования – механизма государства.

Отдельно стоит подчеркнуть, что немаловажная роль «в деле обеспечения законности» и правопорядка в Российской Федерации отводится специальному силовому аппарату в структуре механизма государства, традиционно именуемого «правоохранительные органы» [12, с. 475].

В свете современной теории права, правоохранительные органы рассматриваются в качестве системы государственных органов, осуществляющих «правоохранительную деятельность», заключающуюся в пресечении преступлений, иных правонарушений, восстановлении «нарушенных прав» [2], а также специальных силовых структур, призванных обеспечивать безопасность и законность в государстве [3].

В научных трудах современных исследователей различным аспектам деятельности системы правоохранительных органов отводится значительное внимание. К данной тематике часто обращаются не только именитые научные деятели и практикующие юристы, но и представители студенческого сообщества. В чреде исследователей феномена «правоохранительные органы» можно назвать Н. Г. Казанцеву, О. Г. Карповича [4], Х. П. Пашаева, С. И. Давыдова [8], О. С. Попову [9], В. В. Стрельникова [11], А. Н. Толстихина [14], А. В. Федотова [15] и др.

В рамках настоящего исследования целесообразно остановиться еще на одном из аспектов феномена «правоохранительные органы», который не был освещен в прежних исследованиях, на проблеме, связанной с данным понятием.

Представляется, что именно точное понятие характеризует внутреннюю сущность любого политико-правового либо социокультурного явления, его внутренне содержание, «систему, совокупность, сумму», входящих в него эле-

ментов. При этом в контексте философских методов исследования, понятие именуется «концепт» [6, с. 395].

Так, в концептуальном походе при исследовании феномена «правоохранительные органы», теоретик права А. Г. Братко отмечает, что правоохранительные органы отличаются от других государственных органов рядом признаков, к которым можно отнести следующие:

- прямое назначение органа осуществлять правоохранительную деятельность, установленную конституцией государства, либо другим нормативным актом;

- возложение на данный орган государственно-властных полномочий по осуществлению правоохранительной деятельности;

- наличия у данного органа прав на осуществления мер «государственного принуждения к нарушителям правопорядка» а также иных, предусмотренные законодательством, мер, допускающих ограничения прав и законных интересов граждан и организаций, физических и юридических лиц;

- наличие у данного органа правосубъектности, которая заключается в его относительной самостоятельности от других государственных органов, при осуществлении правоохранительной деятельности [13, с. 318].

Таким образом, ключевым элементом, характеризующим внутренне содержание и функционал концепта «правоохранительные органы» является осуществление данным органом правоохранительной деятельности.

В контексте современных правовых взглядов, правоохранительная деятельность представляет собой практическую «деятельность по защите и обеспечении верховенства права» [16, с. 9].

Следовательно, особенность правоохранительной деятельности, направленной на обеспечение «верховенства права», напрямую зависит от концептуальных подходов и понимания ключевого понятия в теории права – самого термина «право».

Так, верховенство право более соотносится с практикой построения правового государства и соответствующей ей естественно-правовой теорией, рассматривающей право, как естественность и неотъемлемость прав человека, данные ему от рождения, в связи с чем, и усилия государства должны быть направлены на обеспечение и защиту данных прав [12, с. 225].

Данный подход наиболее тесно связан с аксиологической парадигмой, декларируемой статьей 2 Основного закона нашего государства, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [5].

Соответственно и деятельность правоохранительных органов, в рамках данной парадигмы, должна бы быть направлена, исключительно, на реализацию естественных прав и свобод личности человека в государстве.

Однако концепт «правоохранительные органы» формировался в исторический период, когда право рассматривалось в контексте позитивистской теории права, отождествляющей «право и закон» [12, с. 226], когда деятельность специально уполномоченных для этого правоохранительных органов, сводилось к наведению и обеспечению в государстве правопорядка.

Но столь полярные позиции в деятельности правоохранительных органов не являются единственными, так как в современной теории права имеется и интегрированный взгляд на данный политико-правовой феномен.

Согласно этому взгляду правоохранительные органы являются государственно-властными органами, осуществляющими деятельность, направленную не только на борьбу с преступностью и на «поддержание общественного порядка», но и на «обеспечение прав и свобод граждан» [10, с. 113].

На современном этапе вопрос о сущности правоохранительных органов, их структуре, составе и полномочиях, связанных с осуществлением правоохранительной деятельности, до сих пор остается вопросом научной полемики в поиске его рационального решения.

В связи с этим хочется высказать позицию, что термин «правоохранительные органы» уже не в полной мере соответствует уровню развития современного государства и общества.

Представляется, что правильнее бы было говорить о правоохранительных функциях государства либо о государственных органах, реализующих государственную политику в сфере правоохранительной деятельности.

Далее хотелось бы остановиться еще на одном аспекте концепта «правоохранительные органы», связанном с его составом в контексте вариативности взглядов различных ученых на данную проблематику.

К сожалению, в настоящее время отсутствуют и четкая позиция государства на указанную проблему, в виде закрепления данного понятия в каком-либо нормативном акте, и единая позиция по данному вопросу со стороны научного сообщества.

Например, по мнению А. Г. Братко, в систему правоохранительных органов необходимо включить судебную систему [13, с. 320].

Однако с данной позицией невозможно согласиться, исходя из принципов, изложенных в ст. 10 и 11 Конституции РФ, согласно которым судебная система является одним из элементов государственной власти, основанной на разделении властей, при которой все ветви власти самостоятельны, а предметы ведения и полномочия между органами их формирующими, строго разграничены. В связи с чем, исходя из данных принципов, деятельность правоохранительных органов, не может быть «размазана» между различными ветвями власти.

Кроме этого, прокуратура как орган, координирующий деятельности правоохранительных органов, не правомочен осуществлять координацию деятельности судов.

В связи с вышесказанным представляется, что в современную систему правоохранительных органов Российской Федерации входят исключительно федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие функции по выработке и реализации государственной политики, и нормативно-правовому регулированию в сфере охраны и защиты правопорядка, к которым можно отнести только МВД России и Минюст России.

Также в систему правоохранительных органов входит ряд федеральных органов исполнительной власти, осуществляющие функции контроля и надзора

в областях, связанных правоохранительной деятельностью государства, например, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору и др. [7].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что термин «правоохранительные органы», в контексте концептуального подхода, напрямую зависит от тех правовых теорий, которые доминируют в обществе и в его политической системе на каком-либо историческом отрезке времени.

Так, если рассматривать концепт «правоохранительные органы» исходя из позиции «морально устаревшей» позитивистской теории права, он представляет собой уже отживший правовой анахронизм.

Но и с позиции естественной теории права, он остается в большей степени правовым парадоксом, т. е. элементом, вызывающим ряд противоречий и не вписывающимся, в полной мере, в выстроенную правовую систему.

Однако если рассматривать концепт «правоохранительные органы» в рамках современной парадигмы, то он по-прежнему является актуальным предметом исследования со стороны научного сообщества и важным элементом правовой системы любого государства, занимающим свое достойное место в его правовом поле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С. С. Теория права. М. : БЕК, 1995. 320 с.
2. Воронцов С. А. Правоохранительные органы. Спецслужбы. История и современность / под ред. К. П. Краковского. Ростов-н/Д. : Феникс, 1998. 640 с. (Серия «Учебники и учебные пособия»).
3. Гнездилова В. С. Правоохранительные органы: их понятие, место и общая характеристика, место и роль в системе органов государства // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : сб. ст. по материалам 79-й науч.-практ. конф. студентов по итогам науч.-исслед. работы за 2023 год. В 2 ч. Ч. 2. Краснодар, 2024. С. 775–778.
4. Казанцева Н. Г., Карпович О. Г. Правоохранительная деятельность таможенных органов на восточных окраинах Российского государства: историко-правовой аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4(40). С. 56–62.
5. Конституция Российской Федерации (ред. от 14.03.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
6. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2009. 944 с.
7. О структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента Российской Федерации от 21.05.2012 № 636 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 22. Ст. 2754.
8. Пашаева Х. П., Давыдов С. И. О некоторых проблемах реформирования системы правоохранительных органов МВД России // Актуальные вопросы

преподавания в высшей школе: теория и практика : сб. науч. тр. : в 2 ч. Горно-Алтайск, 2015. С. 81–84.

9. Попова О. С. Органы предварительного следствия, правоохранительные органы РФ как регуляторы отношений в социокультурном окружении // Человек в природном, социальном и социокультурном окружении : материалы III Межрегион. студ. науч.-практ. конф., 2019. С. 59–63.

10. Репьев А. Г., Курманалиев Н. Ж. Роль органов внутренних дел в системе правоохранительных органов и в реализации правоохранительных функций // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4(220). С. 112–115.

11. Стрельников В. В. Совершенствование работы органов прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов // Гражданин и право. 2016. № 1. С. 16–30.

12. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2000. 616 с.

13. Теория государства и права : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М. : Право и закон, 2002. 576 с.

14. Толстихин А. Н. Современный способ формирования и совершенствования профессионально-прикладных навыков сотрудников правоохранительных органов // Евразийский союз ученых. 2018. № 8–6(53). С. 39–42.

15. Федотов А. В. Сущность взаимодействия и сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств // Военное право. 2022. № 3(73). С. 153–157.

16. Яковлев Н. М., Слепцов А. Н. Сотрудничество органов прокуратуры и правоохранительных органов РФ с международными правоохранительными организациями : учеб. пособие по спецкурсу «Международная правоохранительная деятельность». Общая часть. Якутск : СВФУ, 2019. 208 с.

УДК 342.9

Нестеров Денис Олегович

начальник отдела организационно-правовой деятельности

Управление муниципальных инспекций

Администрации города Костромы

г. Кострома, Российская Федерация

ndeniska@yandex.ru

Организация муниципального контроля на современном этапе

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы осуществления муниципального контроля соблюдения обязательных требований, установленных федеральными законами, законами субъектов, муниципальными правовыми актами.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, муниципальный контроль, вопросы местного значения, органы местного самоуправления.

Nesterov Denis Olegovich

head of the Department of Organizational and Legal Activities

Office of Municipal Inspections

Kostroma City Administration

Kostroma, Russian Federation

Organization of municipal control at the present stage

Annotation. *The article examines the current problems of municipal control of compliance with mandatory requirements established by federal laws, laws of subjects, municipal legal acts.*

Keywords: *control and supervisory activities, municipal control, issues of local importance, local governments.*

Муниципальный контроль можно определить как деятельность органов местного самоуправления, уполномоченных в соответствии с законодательством на организацию и проведение на территории муниципального образования проверок соблюдения гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями, а также юридическими лицами требований, установленных федеральными законами, законами субъектов РФ и муниципальными правовыми актами, предметом регулирования которых являются вопросы местного значения.

Кроме того, муниципальный контроль направлен на организацию и проведение мероприятий по профилактике нарушений указанных требований, мероприятий по контролю, осуществляемых без взаимодействия с юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами.

Порядок организации и осуществления муниципального контроля в соответствующей сфере деятельности (вида муниципального контроля) устанавливается муниципальными правовыми актами либо законом субъекта РФ и принятыми в соответствии с ним муниципальными правовыми актами (п. 4 ст. 2 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля») [3].

Основными видами муниципального контроля, в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» являются:

- муниципальный контроль на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве;
- муниципальный жилищный контроль;
- муниципальный контроль в сфере благоустройства;
- муниципальный земельный контроль и другие [2].

Объекты по указанным видам муниципального контроля определены соответствующими положениями, утвержденными представительным органом местного самоуправления.

Объектами муниципального контроля на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве являются:

1) деятельность, действия (бездействие) контролируемых лиц на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве, в рамках которых должны соблюдаться обязательные требования;

2) результаты деятельности контролируемых лиц, в том числе работы и услуги, к которым предъявляются обязательные требования;

3) здания, строения, сооружения, территории, включая земельные участки, дорожно-строительные материалы и изделия, которые используются при осуществлении работ по капитальному ремонту, ремонту и содержанию автомобильных дорог общего пользования и искусственных дорожных сооружений на них, предметы и другие объекты, которыми контролируемые лица владеют и (или) пользуются и к которым предъявляются обязательные требования.

Объектами муниципального жилищного контроля являются:

1) деятельность, действия (бездействие) контролируемых лиц, в рамках которых должны соблюдаться обязательные требования по содержанию жилищного фонда;

2) результаты деятельности контролируемых лиц, в том числе продукция (товары), работы и услуги, к которым предъявляются обязательные требования;

3) жилые помещения муниципального жилищного фонда, общее имущество в многоквартирных домах, в которых есть жилые помещения муниципального жилищного фонда, и другие объекты, к которым предъявляются обязательные требования.

Следует отметить, что жилищный фонд, находящийся в частной собственности, не входит в компетенцию органов местного самоуправления. В соответствии с жилищным законодательством частный жилищный фонд является объектом государственного жилищного контроля.

Объекты муниципального контроля в сфере благоустройства:

1) деятельность, действия (бездействие) контролируемых лиц, в рамках которых должны соблюдаться обязательные требования в сфере благоустройства;

2) здания, сооружения, земельные участки, на которых они расположены, и другие объекты, которыми контролируемые лица владеют и (или) пользуются и к которым предъявляются обязательные требования в сфере благоустройства.

Некоторые из таких объектов:

– территория округа с расположенными на ней объектами и элементами благоустройства;

– малые архитектурные формы, элементы монументально-декоративного оформления, средства наружной рекламы и информации, водные устройства, городская мебель, уличное коммунально-бытовое оборудование, ограждения, шлагбаумы и иные ограничивающие устройства, уличное техническое оборудование;

– детские и спортивные площадки, площадки отдыха, автостоянки, площадки для выгула собак, площадки для установки мусоросборников;

- объекты освещения и иное осветительное оборудование;
- транспортные проезды, лестницы, пандусы, пешеходные коммуникации, в том числе тротуары, аллеи, дорожки, тропинки, сети ливневой канализации, смотровые и ливневые колодцы, водоотводящие сооружения;
- зеленые насаждения;

3) также к объектам муниципального контроля в сфере благоустройства относятся результаты деятельности граждан и организаций, в том числе продукция (товары), работы и услуги, к которым предъявляются обязательные требования.

Объекты муниципального земельного контроля:

1) деятельность, действия (бездействие) граждан и организаций в сфере землепользования, в рамках которых должны соблюдаться обязательные требования;

2) результаты деятельности контролируемых лиц, в том числе работы и услуги, к которым предъявляются обязательные требования;

3) объекты земельных отношений, расположенные в границах муниципального образования, включая все земли, находящиеся в его границах, вне зависимости от формы собственности и ведомственной принадлежности, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законодательством.

В частности, к объектам муниципального земельного контроля относятся земли, земельные участки и (или) части земельных участков, которыми граждане и организации владеют и (или) пользуются, к которым предъявляются обязательные требования.

Организация и осуществление видов муниципального контроля регулируются Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [4].

Муниципальный контроль в настоящее время выступает важнейшей частью общей регуляторной политики государства, оказывает заметное влияние на такие сферы общественной жизни как земельные отношения, благоустройство, архитектурных облик населенных пунктов, качество окружающей среды и многое другое. Все эти сферы напрямую влияют на качество жизни жителей муниципального образования.

Однако на современном этапе, муниципальный контроль, как и некоторые основные виды контрольно-надзорной деятельности ограничен мораторием, введенным Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления муниципального контроля» (далее – постановление № 336) введен мораторий на плановые контрольные (надзорные) мероприятия за исключением отдельных объектов контроля чрезвычайно высокого риска, и опасных производственных объектов по некоторым видам контроля (надзора). Мораторий продлен до 2030 года [5].

Кроме того, что органы контроля (надзора) не в праве возбуждать в отношении контролируемых лиц дело об административном правонарушении,

выражающемся в нарушении обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля без проведения контрольного (надзорного) мероприятия и его завершения.

Так, в соответствии с частью 3.1 статьи 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях дело об административном правонарушении, выражающемся в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля, при наличии одного из предусмотренных п. 1–3 части 1 настоящей статьи поводов к возбуждению дела может быть возбуждено только после проведения контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом, проверки, совершения контрольного (надзорного) действия в рамках постоянного государственного контроля (надзора), постоянного рейда и оформления их результатов, за исключением случаев, предусмотренных частями 3.2–3.8 настоящей статьи и статьей 28.6 Кодекса [1].

Таким образом, возбуждение дел об административных правонарушениях по фактам несоблюдения обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом муниципального контроля, не представляется возможным.

Выдача предписаний в рамках муниципального контроля также осуществляется с учетом положений пункта 7 (2) постановления Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», которым установлено, что в случае если в ходе проведения выездного обследования в рамках муниципального контроля в сфере благоустройства выявлены нарушения обязательных требований, то составляется акт выездного обследования, который направляется контролируемому лицу, и выдается предписание об устранении выявленных нарушений. Оценка исполнения такого предписания осуществляется только посредством проведения контрольных (надзорных) мероприятий без взаимодействия.

В данном случае, с учетом положений Постановления № 336 оценка исполнения предписания, выданного по результатам выездного обследования, осуществляется путем проведения выездного обследования, а действующим законодательством в отношении муниципального контроля не предусмотрено полномочий к принятию мер по принудительному исполнению предписания.

Таким образом, в случае неисполнения контролируемыми лицами предписаний, принимаются меры по дальнейшему внесению новых предписаний вплоть до фактического исполнения контролируемыми лицами законных требований контрольного органа об устранении нарушений.

По фактам неисполнения предписаний составляются протоколы об административных правонарушениях по части 1 статьи 19.5 КоАП РФ и направляются для рассмотрения мировым судьям по месту регистрации контролируемых лиц.

В 2025 году муниципальный контроль претерпел значительные изменения. Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 540-ФЗ внесены изменения

в Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Вот некоторые особенности муниципального контроля в 2025 году, установленные Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 540-ФЗ:

1) увеличено число оснований для проведения внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий с взаимодействием с контролируруемыми лицами. Среди них – уклонение от обязательного профилактического визита и срабатывание индикаторов риска нарушения обязательных требований;

2) расширен перечень профилактических мероприятий, которые подлежат обязательному проведению органами муниципального контроля, в их число включены объявление предостережения и профилактические визиты;

3) предусмотрено право отказать проверяющему в допуске на объект контроля, если на документах госоргана нет QR-кода либо он некорректный;

4) установлена возможность проведения профилактических визитов и КНМ (инспекционного визита, выездной проверки, рейдового осмотра) с использованием мобильного приложения «Инспектор»;

5) изменены нормы, связанные с досудебным обжалованием решений и действий контрольно-надзорных органов. Правила досудебного обжалования распространены на случаи проведения обязательных профилактических визитов, введена возможность обжалования решений об отнесении объектов контроля к соответствующей категории риска, а также об отказе в проведении обязательных профилактических визитов по заявлениям контролируемых лиц. Срок рассмотрения жалобы сокращен с 20 до 15 рабочих дней.

Внесены соответствующие изменения в постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336, в особенности осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации и земельное законодательство.

С 1 марта 2025 г. в сфере муниципального земельного контроля вступили в силу изменения, которые были внесены Федеральным законом от 26 декабря 2024 г. № 87-ФЗ. Закон, в частности, урегулировал порядок утверждения положения о муниципальном земельном контроле в случае передачи полномочий по осуществлению контроля на уровень субъекта РФ.

Также закон определил, что органы муниципального земельного контроля могут выдавать предписания об устранении выявленных нарушений обязательных требований, в том числе выявленных в ходе наблюдения за соблюдением обязательных требований. При этом муниципальные инспекторы должны направлять в органы федерального государственного земельного контроля (надзора) только акты контрольных (надзорных) мероприятий, проведенных во взаимодействии с контролируемым лицом.

Еще одна новелла – в актах необходимо будет указывать нарушения обязательных требований к использованию и охране земель, за которое предусмотрена административная и иная ответственность.

Кроме того, органы муниципального контроля в соответствии с изменениями законодательства должны:

– пересмотреть категории риска в соответствии с частью 7 статьи 23 Федерального закона № 248-ФЗ (не менее три категории; раньше была одна категория – низкого риска);

– установить систему управления рисками согласно статье 3.5, части 2 статьи 23 Федерального закона № 248-ФЗ (ранее система управления рисками не применялась);

– установить не менее 3 индикаторов риска на каждый вид контроля;

– категорировать объекты контроля в зависимости от категории риска и критериев, установленных системой управления риска (статья 24 Федерального закона № 248-ФЗ) и др.

Несмотря на мораторий и ограничения при осуществлении муниципального контроля, он остается важнейшим инструментом в деятельности органов местного самоуправления по решению многих ключевых вопросов местного значения.

Особенностями, отграничивающими муниципальный контроль от иных видов контроля (надзора), является его профилактический, а не репрессивный характер, привлечение общественности, использование механизмов работы с социальными сетями для получения первичной информации о нарушениях, которые беспокоят горожан, и то, что муниципальный контроль практически не связан с вмешательством в хозяйственную деятельность организаций, если она законна и осуществляется с соблюдением обязательных требований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : [ред. от 12 ноября 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06 октября 2003 № 131-ФЗ: принят Гос. Думой 16 сент. 2003 г. : одобрен Советом Федерации 24 сент. 2003 г. : [ред. от 20 марта 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ: принят Гос. Думой 19 дек. 2008 г. : одобрен Советом Федерации 22 дек 2008 г. : [ред. от 26 дек. 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

4. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. : [ред. от 5 дек. 2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5007.

5. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 [ред. от 10 марта 2023 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1715.

УДК 331. 102. 344

Никитин Валерий Владимирович

кандидат экономических наук, доцент

доцент кафедры конституционного

и муниципального права

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

venik2206@yandex.ru

Экономико-правовые факторы и эффекты информационных отношений

***Аннотация.** В статье рассматриваются процессы и эффекты информационных отношений в правовом пространстве в условиях современного постиндустриального общества и цифровизации экономики. Делается вывод о необходимости углубления основ правового регулирования информационных отношений в условиях объединения усилий исследователей различных отраслей наук.*

***Ключевые слова:** информация, информация как объект права, информационное содержание труда, информационное право, информационные цифровые рынки, инновационная деятельность, интеллектуальные права, постиндустриальное общество, технологический прогресс, фиктивные цифровые рынки, фиктивный капитал, цифровые права, цифровые сетевые эффекты, человеческая энергия.*

Nikitin Valery Vladimirovich

candidate of economic sciences

associate professor of the department

of constitutional and municipal law

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

***Annotation.** The article examines the processes and effects of information relations in the legal space in the conditions of a modern post-industrial society and digitalization of the economy. It concludes that it is necessary to deepen the foundations of legal regulation of information relations in the conditions and to unite the efforts of researchers from various branches of science.*

***Keywords:** information, information as an object of law, information content of labor, information law, information digital markets, innovation activity, intellectual rights, post-industrial society, technological progress, fictitious digital markets, fictitious capital, digital rights, digital network effects, human energy.*

Активное существование человека в обществе всегда по своей природе и сути информационное. Важнейшей формой отражением внешнего мира является информация, т. е. сигналы явления или образы. Целесообразность функционирования человека, заключается в осознанной реализации своих способностей с помощью внутренних индивидуальных атрибутов с помощью информационного содержания своей деятельности. Любая производительная активность и деятельность невозможна без получения информации, ее переработки, осмысления и далее создания собственных моделей, образцов и матриц для дальнейшего их применения, использования и потребления. Легальное понятие информации, закреплено в качестве термина в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8].

Происходящая мировая трансформация к информационной экономике модифицирует сами основы человеческого существования общества и ведет к крупным метаморфозам, в первую очередь, в сфере экономико-правовой. Информация представляет собой специфический продукт, формирующийся и создающийся как в материализованно-вещественном виде, так и в нематериализованном (нефиксированном или виртуальном и даже «квази», суррогатном виде). Поэтому без четких границ, определяющих информацию как объект права, применение по отношению к ней любых законодательных норм проблематично.

Большинство ученых различных отраслей сходятся лишь в одном, что информация обладает рядом свойств. Информацию можно: создавать, передавать и, соответственно, принимать, хранить и обрабатывать, применять, потреблять, овеществлять и, наоборот, виртуализировать. Она может быть полезной для человека, общества и наоборот вредной и даже опасной. Еще сложнее выделить некую информационную составляющую квинтэссенцию содержания труда человека и проследить диалектику его информационного развития. Если в экономике определены основными (ведущими) экономическими факторами производства: земля, труд, капитал и предпринимательская способность, то в правовом информационном поле, возможно, выделить свои институциональные факторы, которые можно считать основными и ведущими. Отметим ряд из этих факторов, непосредственно оказывающих серьезное влияние в современных экономико-правовых отношениях на человека и общество.

Во-первых, скорость простота (быстрота) для получателя, пользователя, потребителя информации.

Во-вторых, мобильность Интернета, целевая аудитория направленности информации. У Интернета нет конкуренции, он монополист, так как там каждый найдет что-то для себя. Это унифицированный, но одновременно и специализированный ресурс.

В-третьих, это определенная агрессивность информации. Информационные потоки настойчиво внедряются в конкретные слои населения в основном через средства массовой информации и сети. Особенно это заметно в отношении рекламы и различных форм предвыборной агитации. В условиях глобаль-

ных угроз терроризма, определенные подобное проявление сегодня необходимо рассматривать через призму национальной безопасности государства и оказывать действенное противостояние преступности в этой области.

В-четвертых, сложность, вернее невозможность определение ответственного лица, виновного в причинении ущерба с помощью ошибки компьютера или интернет-сети, электронного переводчика при использовании искусственного интеллекта (ИИ) при создании, оформлении документа. Затруднительно вчинить иски, это практически невозможно из-за отсутствия объективной стороны.

В-пятых, ярко выраженная ограниченность восприятия информации конкретным человеком. Объем предлагаемой для восприятия, переработки и усвоения информации явно превышает физиологические возможности индивидуума.

В-шестых, неудовлетворенность действительно необходимой объективной информацией. В большинстве своем та информация, которая нас окружает, является ненужной или «фоновой», а необходимую информацию приходится выбирать из общего потока самому человеку, как бы вручную альтернативным путем сравнения или фильтрации, отсекая и отмечая все ненужное, непродуктивное, неэффективное (по мнению получателя, пользователя). Здесь на пути продвижения информации могут быть значительные помехи, искажения (как психофизиологические, умышленные или нет, так и или технические, или фоновые внешней среды).

В-седьмых, сегодня актуализируется проблема исследования вопросов (отношений) и результатов информационного содержания труда в его процессе в правовом поле и пространстве. Возможно, рассмотрение этого через призму теоретических проблем информационного права. Думается, что исходить нужно из анализа не только характера, но и самого содержания информационных отношений и труда [4, с. 64–72].

В-восьмых, разнополярность информационной среды: А. (телевидение). Генерация верифицированных новостей, источнику информации (каналу) редко вчиняют иски, сложность этого процесса; Б. (Интернет). Можно смоделировать, сконструировать событие (новости) и запустить новость в обиход, деловой оборот. В английском языке это определено термином – ложные новости, Фейк Ньюс (*Fake News*). Там степень верификации стремится к нулю. Однако, цели здесь различны. Используя «Окно Овертна» (метод Дискурса), этим преследуются цели от политических, правовых до чисто экономических – повлиять на цены. Сегодня для исследования важна и та и другая информационная среда.

В-девятых, глубина проникновения информации. У телевидения она пока выше, чем у Интернета.

В-десятых, несоизмеримые возможности и риски цифровой среды.

В-одиннадцатых, все еще существует и сохраняется проблема выбора научного подхода к исследованию содержания труда [5, с. 62–66], тем более информационного с его интеллектуальными и творческими составляющими элементами.

Доля интеллектуальных составляющих элементов в информационных процессах стремительно нарастает. Значительное количество функций с применением цифровых технологий, постоянно увеличивается и прирастает. Так, в «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов», утвержденных Минфином России, конкретно детализируются экономические отношения современности и на перспективу на 2025–2030 гг., определяются параметры новых проектов и мероприятий по достижению национальных целей развития для укрепления технологического суверенитета и конкурентоспособности экономики. Так, в разделе: Цели и задачи бюджетной и налоговой политики на 2025–2027 гг. в подразделе 3.1. Структурная трансформация экономики, числе структурных мер налоговой политики зафиксировано, что «на формирование стабильных и предсказуемых финансовых условий направлены системные изменения налоговой системы, основные параметры которой будут зафиксированы до 2030 года» [6, с. 24].

Вопросы достижения технологического суверенитета страны сегодня, при всех трудностях и санкционном воздействии, решаются. Здесь неожиданно выявляется ряд новых эффектов в информационном экономическом пространстве. Попытаемся привести лишь некоторые из этих выявленных эффектов, которые помогут разъяснить определенные происходящие в них внутренние процессы:

- связь с цифровыми сетевыми эффектами информационных цифровых рынков их тиражируемость и пачкование. Сетевой эффект – это зависимость от количества потребителей. Если мы, являясь частью сети, выпускаем даже невыгодную услугу, то она все равно будет вызывать повышенный спрос в данной сети, так как подверженность изменениям будет минимальна;

- индивидуальная конкретная информация может быть объектом отношений неограниченного круга лиц, и использована ими многократно, до тех пор, пока это позволяет существующий тип научно-технического, технико-технологического уклада;

- преумножаемость информации, она «растет как на дрожжах» или как соты в пчелином улье. Количество и объем информационных ресурсов не уменьшается со временем, а наоборот возрастает и множится, но ее объем все равно ограничивается на данный момент количеством потребителей;

- нетоварность информации, разрыв связей, отход цифровых рынков от товарных рынков и товара, что и приводит к разрыву прямых рыночных связей;

- с точки зрения товара, как бы «фиктивные» цифровые рынки напрямую управляют и воздействуют на товарные рынки. Возникновение и усиление влияния «фиктивного капитала». Почти по К. Марксу, что «фиктивный капитал, не будучи стоимостью, притягивает к себе прибавочную стоимость» [2, 3];

- цифровые платформы абсолютно управляют рынками, на которых обращаются товары и влияют на эти рынки. Создают там спрос, искусственный и ажиотажный спрос [1];

– современные цифровые рынки динамичны. Они изменяются моментально, почти мгновенно, вспыхивают и модифицируются, растворяясь, почти до эфемерных состояний, становясь как бы смазкой, а не «винтиком рынка»;

– модульность цифровых рынков. С помощью их все рынки связаны между собой;

– объектом правоотношений, правовой защите по поводу информации всегда является материальная ее форма, носитель, информационная база, документ или жесткий диск, позволяющий ее идентифицировать и защищать права на нее [7, с. 9]. Исходя из этого, повторимся, что предъявить иск из-за отсутствия объективной стороны представляется невозможным;

– мобильные приложения по платежам дают возможность отслеживать общие, совместные (семейные) расходы, одновременно могут и разрушать личные отношения. Уже известны исследования воспринимаемой мелочности в этой области авторов: Тами Ким, Тинг Чжан и Майкл Нортон. Так, с появлением, например, таких платежных приложений, как **Venmo**, можно с легкостью записывать точные расходы, понесенные партнером по ланчу, и вернуть долг до копейки, считая себя разумным, справедливым и эффективным. В русской интерпретации такое поведение человека можно считать, как мелочность. В западном образе делового поведения – это «преднамеренная внимательность к мелочам». По-нашему мелочность может испортить отношения, привести к взаимному обвинению и разрушить хорошие, благие намерения, которые могут стоять даже за очень щедрыми жертвованиями. И напротив, оставляя место для ошибки при обмене денег – например, путем округления суммы – мы можем сигнализировать о доверии и желании установить прочную, надежную, доверительную связь. Приложение **Venmo** – это сервис мобильных платежей, принадлежащий платформе **PayPal**. Владельцы счета **Venmo** могут переводить средства другим с помощью приложения для мобильного телефона. Количество таких или подобных мобильных приложений в сетях постоянно возрастает.

Таким образом, анализируя правовые явления и экономические процессы, выявляя противоречия, коллизии и метаморфозы, происходящие в информационной среде и правовом поле современной России, практики и исследователи, юристы и экономисты сходятся в одном – правовое поле для исследования информационно-содержащих явлений в XXI веке противоречиво, подвержено внешним и внутренним вызовам и рискам, но стремительно расширяется. Это лишний раз подталкивает нас к необходимости постоянного мониторинга и исследования основ правового регулирования информационных отношений в условиях цифровизации и проведения базисных научных разработок, которых сегодня с нетерпением ждет практика от теории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ермолаев К. Н. Экономическая сущность фиктивной стоимости // Экономика. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2008. № 12(50). С. 35–40. URL: https://vestnik.sseu.ru/view_pdf (дата обращения: 14.04.2025).

2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. М., 1968. С. 10.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1968. С. 112.
4. Никитин В. В. Информационное содержание труда и информационные ресурсы // Проблемы новой политической экономии. 2001. № 4. С. 64–72.
5. Никитин В. В. Проблемы выбора методологии при научном анализе труда // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. тр. VII Междунар. науч.-практ. конф. Кострома : Костромской государственный технологический университет, 2010. С. 62–66.
6. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов : утв. Минфином России. С. 24. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_486923/ (дата обращения: 14.04.2025).
7. Северин В. А. Принципы регулирования информационных отношений в инновационной экономике // Коммерческое право. 2017. № 2(25). С. 9.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : в ред. от 29.12.2022 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (дата обращения: 14.04.2025).

СЕКЦИЯ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 347.951

Голубовский Владимир Юрьевич

доктор юридических наук, профессор

Всероссийский научно исследовательский институт МВД России

главный научный сотрудник

г. Москва, Российская Федерация

63wladimir@mail.ru

Некоторые суждения о свойствах приговора

***Аннотация.** В статье отмечается, что вступивший в законную силу приговор суда выступает единственным процессуальным документом, который устанавливает виновность подсудимого в совершении преступления. Основополагающий статус, данного положения закреплён в Конституции Российской Федерации, который гарантирует презумпцию невиновности каждому гражданину до момента доказательства обратного в рамках федерального законодательства. Особое значение судебного приговора как ключевого инструмента правосудия налагает особую ответственность на судебные органы по строжайшему соблюдению всех законодательных требований при вынесении итогового решения по уголовному делу.*

***Ключевые слова:** законодательство, законность, исключительность общеобязательность, приговор, свойства, судебная инстанция.*

Golubovsky Vladimir Yurievich

chief researcher All-Russian scientific research

Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Moscow, Russian Federation

Some judgments about the properties of the sentence

***Annotation.** A court verdict that has entered into legal force is the only procedural document establishing the guilt of the defendant in committing a criminal act. The fundamental status of this provision is enshrined in the Constitution, which guarantees the presumption of innocence to every citizen until proven otherwise within the framework of federal legislation. The high significance of a court verdict as a key instrument of justice imposes special responsibility on judicial bodies for the strictest compliance with all legislative requirements when making a final decision on a criminal case.*

***Keywords:** legislation, legality, exclusivity, general obligation, sentence, properties, judicial authority*

Судебные приговоры отражают неразрывную связь законности, обоснованности и справедливости как фундаментальных характеристик с их практическим воплощением через законную силу, общеобязательность и исключительность документа. Внутренние качества приговора, выраженные в его содержательной части, определяют последующее формирование внешних проявлений, включая преюдициальное значение и презумпцию истинности вынесенного решения [10, с. 305].

Законность судебного приговора определяется ст. 297 УПК РФ [9], устанавливающей обязательность соблюдения требований обоснованности, справедливости и соответствия закону. Отечественные ученые выделяют комплекс обязательных критериев, формирующих правомерность вынесенного решения. Судебная инстанция, обладающая необходимыми полномочиями, выносит приговор согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству. Предшествующие судебному решению процессуальные действия проводятся в строгом соответствии с регламентированным порядком, обеспечивая установление значимых обстоятельств дела. Квалификация противоправного деяния и определение меры наказания базируются на корректном применении норм уголовного права. Вынесение приговора осуществляется при наличии законодательно установленных оснований с соблюдением процессуальной формы и включением необходимых реквизитов. Правомерность судебного решения определяется неукоснительным следованием материальным и процессуальным нормам права.

Неправильная оценка судом существенных фактов приводит к ошибочной квалификации деяния и вынесению необоснованного приговора, нарушающего принципы законности и справедливости уголовного судопроизводства. Подтверждением является пример из судебной практики.

Центральный районный суд города Челябинска вынес обвинительный приговор гр. Н. 17 февраля 2015 года за преступные действия по ч. 1 ст. 111 УК РФ [8], определив меру пресечения в форме четырехлетнего срока заключения в исправительном учреждении общего режима. Районная прокуратура Центрального района подготовила апелляционное представление по данному делу.

Апелляционное представление прокуратуры указывает на незаконность и необоснованность вынесенного приговора, требуя его отмены по четырем основаниям, предусмотренным ст. 389.15 УПК РФ [1]. Материалы уголовного дела свидетельствуют о существенных расхождениях между установленными в ходе судебного разбирательства фактами и выводами суда. Судебная инстанция, вынося решение по делу гр. Н., проигнорировала значимые обстоятельства, выявленные при рассмотрении дела. Материалы следствия доказывают умышленный характер действий обвиняемой, которая, движимая личной неприязнью к потерпевшему гр. С., применила насилие, создавшее прямую угрозу его жизни. Результатом противоправных действий стало причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее гибель пострадавшего по неосторожности. Согласно материалам уголовного дела, 18 апреля 2014 года гр. Н., пребывая в состоянии опьянения, спровоцировала конфликтную ситуацию по месту жительства

с гр. С. Вследствие возникшей личной неприязни подсудимая схватила находившийся в квартире кухонный нож, нанеся целенаправленный удар в левую часть передней брюшной стенки потерпевшего. Многократные попытки госпитализировать пострадавшего встречали категорический отказ, вследствие чего медицинская помощь была оказана спустя сутки в первой городской клинической больнице Челябинска посредством хирургического вмешательства.

23 апреля 2014 года зафиксирован летальный исход потерпевшего. Судебная инстанция, изучив материалы дела, установила отсутствие причинно-следственной связи между действиями гр. Н. и гибелью гр. С. Подсудимая предприняла максимум усилий по организации медицинской помощи пострадавшему, включая четырехкратный вызов бригады скорой помощи с попытками убедить его в необходимости госпитализации. Пострадавший гр. С. категорически отвергал любую медицинскую помощь, оформляя письменные отказы от госпитализации. Летальный исход наступил вследствие личного решения пострадавшего. Заключение судебно-медицинской экспертизы от 24 апреля 2014 года подтверждает причину смерти гр. С. – проникающее колото-резаное ранение брюшной полости с последующим развитием осложнений.

Судебная коллегия тщательно проанализировала заключения судебно-медицинских экспертов, подкрепленные многолетним профессиональным опытом и глубокими специальными познаниями в области криминалистики. Руководствуясь положениями ст. 88 УПК РФ, суд произвел всестороннюю оценку представленных материалов, установив их достоверность, допустимость и относимость к рассматриваемому делу. Совокупность собранных доказательств легла в основу обвинительного приговора, подтвердив обоснованность принятого судебного решения.

Районный суд изменил квалификацию преступных деяний гражданина Н., применив ч. 1 ст. 111 УК РФ, устанавливающую ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, создающего угрозу жизни потерпевшего. Представитель государственного обвинения выразил несогласие с принятым судебным решением, указав на необоснованность переквалификации и подтверждение материалами судебного следствия первоначальной квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ, установленной органами предварительного расследования.

Материалы уголовного дела свидетельствуют о совершении гражданкой Н. преступления при отягчающих обстоятельствах, требующих квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Умышленные действия обвиняемой, направленные на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекли смерть последнего по неосторожности. Судебная инстанция не приняла к рассмотрению факт нахождения подсудимой в состоянии алкогольного опьянения при совершении противоправных действий, что существенно влияет на определение степени общественной опасности деяния. Пренебрежение указанными обстоятельствами при вынесении приговора ставит под сомнение законность, обоснованность и справедливость судебного решения, требуя более сурового наказания.

В ходе рассмотрения апелляционного представления судебная инстанция Челябинского областного суда приняла решение отменить первоначальный приговор от 17.02.2015, вынесенный Центральным районным судом г. Челябинска по делу гр. Н., заменив его новым судебным постановлением.

Законность вынесенного судебного решения неразрывно сопряжена с полнотой его аргументации. Согласно разъяснениям Пленума Верховного суда РФ, закрепленным в постановлении от 29 ноября 2022 года «О судебном приговоре», мотивированность вердикта определяется через последовательное соответствие сформулированных в нем заключений материалам уголовного производства и доказательной базе, рассмотренной в ходе судебного разбирательства [5].

Формулировки приговора требуют максимальной ясности и точности изложения. Составление документа исключает применение неустановленных аббревиатур, просторечных выражений и нецелесообразных описаний, не касающихся непосредственно судебного разбирательства. Специализированная терминология технического характера и диалектные слова подлежат обязательно разъяснению в тексте приговора для обеспечения полного понимания всеми участниками процесса.

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает фундаментальные критерии формирования правомерного судебного решения по делу. Процесс доказывания включает сбор и анализ фактических данных, подтверждающих обстоятельства преступления согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Собранная доказательственная база должна соответствовать установленным процессуальным нормам, закрепленным в ст. 17 и ч. 1 ст. 88 УПК РФ. Вынесение окончательного вердикта основывается исключительно на достоверных сведениях, подтвержденных материалами дела и отражающих реальную картину произошедшего.

Судебное решение требует неопровержимой доказательной базы для признания обоснованности. Законодательство предписывает трактовать любые неустранимые сомнения относительно вины подсудимого исключительно в пользу последнего, согласно положениям ч. 3 и 4 ст. 14 УПК РФ [4, с. 191].

Судебное решение признается обоснованным при полном соответствии заключений суда фактическим обстоятельствам дела, подкрепленным достаточной доказательной базой, тщательно исследованной в ходе судебного разбирательства согласно установленным процессуальным нормам, что гарантирует правомерность вынесенного приговора по рассматриваемому уголовному делу.

Законодательство Российской Федерации закрепляет неразрывную связь между критериями обоснованности и мотивированности процессуальных решений. Статья 7 УПК РФ устанавливает обязательность мотивировки всех постановлений, выносимых судьями, прокурорами, следователями и дознавателями, а также судебных определений, наряду с требованиями законности и обоснованности принимаемых решений.

Так, Н. А. Тузова подчеркивают фундаментальное значение качественного мотивирования судебных решений. Мотивировочная часть выступает клю-

чевым индикатором правомерности и обоснованности выносимых актов, формируя их юридическую состоятельность как неотъемлемый диалектический компонент судопроизводства [7, с. 13].

Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации упразднило мотивированность как отдельное требование к судебному приговору, что создает существенный правовой пробел при вынесении процессуального акта правосудия. Законодательная позиция вызывает множество обоснованных вопросов среди правоведов, поскольку судебный приговор представляет фундаментальный документ, определяющий меру ответственности и требующий детальной аргументации принятого решения.

Справедливость приговора выступает фундаментальным внутренним свойством судебного решения, проявляющимся через назначение соразмерного наказания. Назначенная судом мера ответственности должна учитывать, как тяжесть совершенного преступного деяния, так и индивидуальные характеристики подсудимого, исключая чрезмерную мягкость либо неоправданную суровость применяемых санкций [3, с. 438].

Судебная практика свидетельствует о фактах процессуальных нарушений при вынесении приговоров, которые существенно искажают сущность правосудного решения и противоречат базовым принципам уголовного судопроизводства.

Приговор Центрального районного суда города Челябинска, вынесенный 26 мая 2016 года, предусматривал наказание гр. З. согласно ч. 1 ст. 285 УК РФ в виде денежного взыскания размером шестьдесят тысяч рублей, после чего районная прокуратура направила апелляционное представление в вышестоящую инстанцию.

Государственный обвинитель указывает на наличие существенных правовых оснований для пересмотра вынесенного судебного решения согласно положениям ст. 389.15 УПК РФ. Выявленные нарушения процессуальных норм, некорректная трактовка положений уголовного законодательства, а также несоответствие назначенного наказания принципам справедливости обуславливают необходимость внесения изменений в приговор суда первой инстанции.

Анализ материалов конкретного уголовного производства выявляет нарушения судебной инстанцией фундаментальных правовых принципов при вынесении вердикта подсудимому гр. З. Документально зафиксированная дата совершения преступного деяния 10 мая 2014 года предшествует времени издания Постановления Государственной Думы РФ от 24 апреля 2015 года о проведении амнистии к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне [6].

Суд назначил гр. З. меру пресечения в виде денежной санкции без лишения свободы при рассмотрении уголовного дела по ч. 1 ст. 285 УК РФ, учитывая признание вины подсудимым и классификацию противоправного деяния средней тяжести.

Законодательные требования пункта 9 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации № 6576-6ГД от 24.04.2015 об амнистии к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне [6]

предусматривают освобождение гр. З. от назначенного наказания. Судебная инстанция, вынося приговор без лишения свободы, проигнорировала обязательные нормы законодательства и не приняла решение об освобождении осужденного. Допущенные процессуальные нарушения лишают вынесенный приговор признаков законности, обоснованности и справедливости.

Апелляционная коллегия судей Челябинской области пересмотрела уголовное дело гр. З., внося изменения в приговор Центрального районного суда Челябинска от 26 мая 2016 года. Согласно п. 9 амнистии, объявленной Государственной Думой РФ к 70-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне, осужденный гр. З. получил полное освобождение от отбывания назначенного судом наказания [2].

Законная сила приговора наступает после завершения периода возможного обжалования либо по результатам рассмотрения апелляционных жалоб и протестов вышестоящей судебной инстанцией при условии сохранения первоначального судебного решения, согласно положениям ст. 390 УПК РФ.

Научное сообщество демонстрирует многообразие подходов к трактовке юридической силы судебного приговора. Исследователи правовой сферы рассматривают вступление приговора в законную силу как приобретение документом специфических правовых характеристик по завершении периода возможного обжалования принятого решения.

Правовая доктрина демонстрирует множественность подходов к определению юридической силы судебного решения. Приравнивание вступившего в силу приговора к действующим нормам права создает неоднозначность трактовки данного института. Существующие научные позиции не позволяют сформировать целостное представление о правовой природе законной силы судебного акта. Внесение дополнений в УПК РФ путем закрепления легального определения законной силы приговора устранил возникающие противоречия в правоприменительной практике.

Целесообразным будет дополнить данный перечень следующими свойствами: исключительность приговора, общеобязательность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное представление прокурора Центрального района г. Челябинска от 17.02.2015 г. по делу № 1-243/2015.

2. Апелляционное представление прокурора Центрального района г. Челябинска от 26 мая 2016 г. по делу № 1-162/2016.

3. Малахова Л. И. К вопросу о справедливости приговора суда // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. тр. Междунар. науч. конф., Воронеж, 02–04 июня 2016 г. / отв. ред. В. В. Денисенко. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2016. С. 438–444.

4. Меретуков Г. М. Обоснованность приговора суда // Общество и право. 2012. № 1(38). С. 190–194.

5. О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 21–23.

6. Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2025).

7. Тузов Н. А. Мотивирование и преюдиция судебных актов. М., 2006. 152 с.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 28 декабря 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст.121.

10. Уголовный процесс : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. В. Ендольцева, И. И. Сыдорук, О. В. Химичева [и др.] ; под ред. И. И. Сыдорука, А. В. Ендольцевой. 4-е изд. М. : Юнити-Дана, 2017. 447 с.

УДК 367.963

Винокуров Александр Юрьевич

доктор юридических наук, профессор

заведующий отделом научного обеспечения

прокурорского надзора и укрепления законности

в деятельности таможенных органов и на транспорте

Научно-исследовательский институт

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Москва, Российская Федерация

vinalexur@mail.ru

К вопросу об основаниях для проведения прокурорской проверки вне уголовно-правовой сферы

***Аннотация.** В статье автор на основе анализа действующего законодательства делает вывод о недостаточном с учетом современных потребностей органов прокуратуры регулировании вопросов, связанных с основаниями для проведения прокурорской проверки. В этой связи вносятся предложения, основанные на положениях законодательных и подзаконных правовых актов, о необходимости внесения корректив в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».*

***Ключевые слова:** нарушение закона, основание проведения проверки, повод для проведения проверки, прокурорская проверка, уведомление прокурора.*

Vinokurov Alexander Yuryevich

doctor of law, professor, head of the department
for Scientific Support of Prosecutorial Supervision
and strengthening the rule of law in the activities
of customs authorities and in transport
Research Institute University of the prosecutor's
office of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

On the question of the grounds for conducting a prosecutor's check outside the criminal legal sphere

***Annotation.** In the article, the author, based on an analysis of the current legislation of the case, concludes that the regulation of issues related to the grounds for conducting a prosecutor's check is insufficient, taking into account the current needs of the prosecution authorities. In this regard, proposals are being made based on the provisions of legislative and by-laws on the need to amend the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation".*

***Keywords:** violation of the law, the basis for the audit, the reason for the audit, the prosecutor's check, the notification of the prosecutor.*

Понятие «деятельность прокуратуры вне уголовно-правовой сферы» вошло в лексикон как действующих прокуроров [9], так и представителей прокурорской науки [6], сравнительно недавно, и имеет международно-правовые корни [5]. При этом наиболее яркое его выражение находит свою реализацию в рамках таких отраслей функции прокурорского надзора, как надзор за исполнением законов и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [8], которые, как известно, в июле 2020 года получили свое закрепление в части 1 статьи 129 Конституции Российской Федерации, а также надзора за исполнением законов судебными приставами вне процессуальной части их деятельности.

Наиболее действенным правовым средством прокуроров на стадии выявления нарушений законов выступает проверка, которая проводится при наличии к тому оснований и поводов в целях установления наличия либо отсутствия факта нарушения закона (прав и свобод человека и гражданина). В этой связи важное значение имеет точное понимание сущности оснований для проведения прокурорской проверки. Действующее законодательство, а равно организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации не дают определения этому термину. По нашему мнению, *основание для проведения прокурорской проверки* – это предусмотренная в законе возможность проведения прокурором проверки при наличии оговоренных условий. Так, в пункте 2 статьи 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) закреплено, что проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или оп-

ровергнуть без проведения указанной проверки. То есть не всякая информация о факте нарушения закона может влечь за собой необходимость проведения контактной с проверяемыми органом или лицом проверки с оформлением всех необходимых документов, подтверждающих ее законность. Вместе с тем данное обстоятельство не исключает проверку ставшей достоянием прокурора информации в бесконтактном режиме, когда имеющиеся у него возможности позволяют сделать это.

Помимо указанного основания немаловажное значение имеет такое понятие, как «повод для проведения проверки». К. И. Амирбеков в своей работе отмечает, что «поводом для проведения прокурорской проверки является наличие информации о нарушении закона, фиксированной в виде конкретного материального носителя, а основанием – наличие в данной информации достаточных данных, указывающих на нарушение закона. Повод и основание прокурорской проверки соотносятся между собой как форма и содержание целостного юридического явления, наличие которого делает правомерным проведение прокурорской проверки» [1, с. 66].

На наш взгляд, в приведенной цитате имеет место определенное искажение смысла понятия «основание», а также неправильное соотношение понятий «повод» и «основание». С точки зрения приведенной выше нормы Закона о прокуратуре, первично основание как более общая категория, допускающая возможность проведения проверки, а повод для ее проведения может содержаться в непосредственном источнике, ставшем достоянием прокурора, поскольку именно на его параметры ссылается прокурор, вынося то же решение о проведении проверки. В этом смысле в пункте 6 профильного приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» в целом правильно раскрывается общая группа источников поступающей информации, как то: обращения граждан, должностных лиц; сообщения средств массовой информации и другие материалы о допущенных правонарушениях, требующих использования прокурорских полномочий. Однако затем предписывается в качестве повода для прокурорских проверок рассматривать материалы уголовных, гражданских, арбитражных и административных дел, результаты анализа статистики, прокурорской и правоприменительной практики, а также другие материалы, содержащие достаточные данные о нарушениях закона. Полагаем, что этот перечень также относится к информативному наполнению основания проверки, а непосредственным поводом для ее проведения будут служить конкретные данные, содержащиеся в указанных носителях информации, проверка которых позволит установить истину – наличие либо отсутствие факта нарушения закона.

Казалось бы, на этом можно поставить точку, поскольку Закон о прокуратуре не предусматривает каких-либо иных оснований для проведения прокурорской проверки. Да, по умолчанию законодателя прокурорами в отсутствие какой-либо информации в инициативном порядке может проверяться закон-

ность правовых актов поднадзорных органов и лиц, поскольку это направление деятельности входит в предмет надзора за исполнением законов. С определенной долей оптимизма можно говорить и о возможности безынцидентного, т. е. в отсутствие информации о факте нарушения, проведения прокурорами проверки соблюдения Конституции Российской Федерации, поскольку такое направление с 1999 года также охватывается предметом надзора за исполнением законом, а в 2020 году даже получило конституционное закрепление. Однако это скорее пожелание на будущее, поскольку в отличие от надзора за законностью правовых актов данное направление надзорной деятельности до настоящего времени вообще не нашло отражения в ведомственных организационно-распорядительных документах.

Напомним, что до марта 2017 года требования о наличии обязательного инцидентного основания для проведения прокурорской проверки отсутствовали в отношении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, однако в результате чрезмерного понимания законодателем выводов Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в одном из решений [7], незаслуженные, на наш взгляд, ограничения получила и правозащитная отрасль прокурорского надзора, которую, впрочем, пока еще есть шанс восстановить в утерянных рамках, поскольку она также с 2020 года имеет конституционное закрепление, а значит должна быть нацелена в первую очередь на проактивное (упреждающее) осуществление, на что, собственно, с 2023 года нацеливает прокурорскую систему ее руководитель.

На фоне приведенной характеристики основания для проведения прокурорской проверки вне уголовно-правовой сферы, опирающейся на нормы Закона о прокуратуре, необходимо обратиться к целой группе оснований, которые можно и сейчас рассматривать как значимый стимул к прокурорской проверке, но при условии внятных оговорок законодателя по соответствующим вопросам.

Во-первых, в настоящее время в законодательных актах, постановлениях Правительства Российской Федерации и даже в ряде нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти содержатся десятки норм, обязывающих должностных лиц правоохранительных, контрольно-надзорных и иных правоприменительных органов уведомлять прокурора (органы прокуратуры) об определенном событии, как правило, неблагоприятном, к которому привело использование указанными лицами в пределах своей компетенции полномочий, например, наступлении смерти или ранения физического лица, в отношении которого были применены оружие, специальные средства или физическая сила [3]. Ни одна норма таких правовых актов не содержит требования, обязывающего прокурора проводить проверку полученной информации, в которой собственно нет данных о совершенном должностным лицом нарушении закона, однако проверять подобные материалы, по нашему мнению, необходимо. Полагаем, что такое основание для проверки необходимо закрепить в статье 21 Закона о прокуратуре. В настоящее время каких-либо обязывающих прокуроров проводить такие проверки положений нет также и в ведомственных организационно-распорядительных документах.

Во-вторых, в качестве основания для проведения прокурорской проверки, которое также необходимо закрепить в Законе о прокуратуре, выступают требования ряда статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 20.1, 28.1) об уведомлении прокурора (органа прокуратуры) о принятых должностным лицом органа административной юрисдикции процессуальных решениях [2]. К этой же группе оснований по признаку отсутствия в адресуемых прокурору (в орган прокуратуры) документах изначальной информации о факте нарушения закона следует отнести извещение (уведомление) о проведенных органами контроля (надзора) внеплановых проверках и иных контрольно-надзорных мероприятиях, которые в силу норм Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» (например, ч. 6 и 12¹ ст. 66) и ряда других законодательных актов обязаны направлять должностные лица соответствующих органов.

В-третьих, следует узаконить практику проведения прокурорами проверок на основании поручений главы государства, в которых содержатся конкретные требования с обязательным последующим докладом в Администрацию Президента Российской Федерации о результатах выполнения мероприятия [4]. Число таких поручений за последние пять лет исчисляется десятками. К этой же группе, очевидно, следует отнести содержащиеся в постановлениях Совета Федерации по итогам заслушивания ежегодного доклада Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в нашей стране рекомендации о продолжении осуществления надзора в различных сферах правоотношений, которых, например, в том же 2024 году было немало, что по сути предполагает проведение проверок, а также аналогичные рекомендации по результатам парламентских слушаний.

Наконец, в качестве четвертого основания следует законодательно закрепить поручение о проведении проверки непосредственно Генерального прокурора Российской Федерации, поскольку легализация такой опции существенно усилит возможности отечественной прокуратуры в современных условиях, тем более что в целом судебная практика достаточно благосклонно относится к заданиям о проведении проверок, которые исходят из Генеральной прокуратуры Российской Федерации, как к обоснованию правомерности проведения нижестоящими прокурорами проверок.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что реалии дня настоящего и перспективы будущего диктуют необходимость усиления потенциала прокуратуры вне уголовно-правовой сферы, что согласно конституционным требованиям возможно реализовать только путем закрепления новелл в федеральном законе. Безусловно, вопрос о том, в нормы каких законодательных актов нужно вносить соответствующие формулировки, да и содержание самих новелл требуют должного научного обоснования, однако в целесообразности и востребованности положений о новых основаниях для проведения проверок, полагаем, сомнений нет ни у кого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амирбеков К. И. Прокурорская проверка исполнения законов: понятие и содержание, поводы и основания, предмет и пределы (теоретический подход) // Российский следователь. 2020. № 2. С. 63–68.
2. Винокуров А. Ю. Положения КоАП РФ об уведомлении органов прокуратуры о принятых решениях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 82–88.
3. Винокуров А. Ю. Уведомление прокурора о событии как повод для надзорной проверки // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5. С. 39–43.
4. Винокуров А. Ю., Винокуров Ю. Е. Поручения Президента Российской Федерации как основания проведения прокурорами «общенадзорных» проверок в экологической сфере // Государство и право XXI века: современные тенденции и новые вызовы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Сошникова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2020. С. 308–313.
5. Заключение Консультативного совета европейских прокуроров № 3 (2008) «О роли прокуратуры вне уголовно-правовой сферы». URL: <https://rm.coe.int/ccre-2008-op3ru/1680a20c97> (дата обращения: 14.04.2025).
6. Игонина Н. А. Защита прокурором прав инвалидов вне уголовно-правовой сферы // Адвокат. 2017. № 1. С. 51–57.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С. А. Ганнушкиной» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 9. Ст. 1389.
8. Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы: проблемы теории и практики : монография / под науч. ред. Н. В. Субановой. М. : Проспект, 2023. 400 с.
9. Сеченова Р. Р. Правозащитная деятельность органов прокуратуры вне уголовно-правовой сферы // Законность. 2011. № 1. С. 7–10.

Мартыненко Сергей Борисович
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
martyncomorder@mail.ru

К вопросу о реализации прокурором функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела

***Аннотация.** В статье исследуются законодательное регулирование и эффективность реализации полномочий прокурора, касающихся начала и окончания уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела. Автором отмечается, что к таким полномочиям относятся вынесение прокурором постановления о направлении в орган предварительного расследования материалов, содержащих сведения о выявленных в ходе надзорной деятельности прокурора признаках состава преступления, а также постановления об отмене решения дознавателя, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом отсутствие полномочий прокурора в части оказания руководящего и направляющего воздействия на осуществление уголовного преследования в ходе проверки сообщений о преступлении расценивается автором как законодательный пробел, подлежащий незамедлительному восполнению.*

***Ключевые слова:** стадия возбуждения уголовного дела, поводы и основание для возбуждения уголовного дела, проверка сообщений о преступлении, отказ в возбуждении уголовного дела, уголовное преследование, прокурор, полномочия прокурора, постановление прокурора.*

Martynenko Sergey Borisovich
candidate of law, associate professor
associate professor of the Department of Criminal Law and Procedure
Saint Petersburg Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

On the issue of realization by the prosecutor of the function of criminal prosecution at the stage of institution of a criminal case

***Annotation.** The article investigates the legislative regulation and effectiveness of realization of powers of the prosecutor concerning the beginning and termination of criminal prosecution at the stage of institution of a criminal case. The author notes that such powers include the issuance by the prosecutor of a decision to send to the body of preliminary investigation materials containing information on the signs of corpus delicti discovered in the course of the prosecutor's supervisory activities, as well as the decision to cancel the decision of the person conducting the initial inquiry or investigator to refuse to institute criminal case. At the same time, the author considers the absence of the prosecutor's authority to provide guidance and direction in the implementation of*

criminal prosecution in the course of verification of crime reports as a legislative gap that should be immediately filled.

Keywords: *stage of institution of a criminal case, reasons and ground for institution of a criminal case, verification of crime reports, refusal in the institution of a criminal case, criminal prosecution, prosecutor, prosecutor's authority, prosecutor's decision.*

Уголовное преследование является одной из функций прокуратуры Российской Федерации, которая осуществляется прокурором в уголовном судопроизводстве (ч. 1 ст. 21 УПК РФ). Однако вопросы о том, реализуется ли прокурором данная функция в стадии возбуждения уголовного дела вообще, и если да, то каким образом и в какой степени, относятся в юридической науке к числу дискуссионных. При этом рассматриваемая функция прокурора предполагает наличие у него определенных полномочий, посредством которых она осуществляется. Соответственно, для разрешения указанных вопросов необходимо установить, какие именно полномочия в части начала, осуществления и окончания уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела представлены в настоящее время прокурору, а кроме того, выяснить, насколько эффективно они реализуются. Так, некоторыми авторами утверждается, что в стадии возбуждения уголовного дела функция уголовного преследования у прокурора отсутствует вовсе, а его деятельность на данном участке уголовного процесса носит исключительно надзорный характер [3, с. 13–14; 5, с. 184]. В частности, С. Л. Каменобродский связывает это с изъятием у прокурора полномочий по приему и разрешению сообщений о преступлении и по возбуждению уголовных дел [5, с. 184]. А, например, Д. А. Сычев придерживается наиболее распространенного и разделяемого нами мнения о том, что в досудебных стадиях уголовного процесса прокурором осуществляются функции как уголовного преследования, так и прокурорского надзора, взаимно дополняющие друг друга [8, с. 12, 20, 22]. Вместе с тем ученый считает объем полномочий прокурора явно недостаточным для полноценной реализации им этих функций [8, с. 6, 15, 16]. Взгляда на отсутствие у прокурора полномочия возбуждать уголовные дела как умаление реализуемой им функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела придерживается целый ряд авторов, отстаивающих необходимость возвращения этого полномочия прокурору [4, с. 160; 6, с. 9; 8, с. 15, 29].

Однако исключает ли лишение прокурора правомочия возбуждать уголовное дело его возможность начинать уголовное преследование? Ответ на данный вопрос обуславливается разрешением другого, а именно: появление какого процессуального акта или иного процессуального документа порождает уголовное преследование? И здесь мы придерживаемся позиции ученых, полагающих, что отправной точкой уголовного преследования является не вынесение постановления о возбуждении уголовного дела, а получение, т. е. прием, процессуальное оформление и регистрация компетентным органом дознания или предварительного следствия сообщения о преступлении как повода для

возбуждения уголовного дела (ч. 1, 1.3 ст. 140, 141–143 УПК РФ). Говоря иными словами, в соответствии с указанной позицией, уголовное преследование возникает и реализуется как уголовно-процессуальная функция уже в начальной стадии уголовного судопроизводства [7, с. 139; 11, с. 159] в отношении лица, сообщение о преступном деянии которого проверяется в порядке ст. 144 УПК РФ. Пункт 55 ст. 5 УПК РФ устанавливает изобличение в совершении преступления в качестве цели уголовного преследования. Таким образом, содержание деятельности по его осуществлению является преимущественно доказательственной, поскольку в ее основе лежит собирание обвинительных доказательств, улик посредством производства следственных и иных процессуальных действий, что и предусматривается в стадии возбуждения уголовного дела действующим уголовно-процессуальным законом (ч. 1–1.2 ст. 144 УПК РФ). При этом то, что законодатель связывает в п. 5 ст. 55 УПК РФ осуществление уголовного преследования с появлением процессуальной фигуры подозреваемого, обвиняемого, чуждой стадии возбуждения уголовного дела, не имеет определяющего значения, поскольку исходить в данном случае следует не из формального, а из фактического положения конкретного лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении [8, с. 5].

В связи с изложенным выше представляется некорректным название постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), поскольку данный процессуальный акт сам по себе, как содержащий исходящее от прокурора сообщение о преступлении, служащее поводом для возбуждения уголовного дела, порождает возникновение уголовного преследования, а не ставит перед органами дознания и предварительного следствия вопрос о возможности его осуществления. Соответственно, необходимо заменить в означенных нормативных положениях словосочетание «для решения вопроса об уголовном преследовании» словосочетанием «для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

Рядом ученых указанное постановление прокурора рассматривается как привилегированный, исключительный повод, предполагающий неопровержимость и безотлагательность возбуждения уголовного дела в связи с тем, что такое постановление составляется на основе представляемых вместе с ним органу предварительного расследования материалов прокурорско-надзорной деятельности, уже содержащих достаточное основание для возбуждения уголовного дела [1, с. 62; 4, с. 158–159; 6, с. 8; 9, с. 87]. Однако этот подход вызывает у нас возражения, поскольку, придерживаясь данной логики, необходимо придать такой же особый статус и выступающим в качестве поводов для возбуждения уголовного дела оформляемым рапортом об обнаружении признаков преступления сообщениям о преступлениях, выявляемых в ходе оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов, а также в ходе осуществления налоговыми органами деятельности по контролю и надзору за

соблюдением законодательства о налогах и сборах (п. 3 ч. 1, ч. 1.3 ст. 140, ст. 143 УПК РФ).

Кроме того, прокуроры, несмотря на их главенствующие роль и положение в реализации обвинительной власти и правоохранительной системе, как и сотрудники других правоохранительных, а также налоговых органов, могут ошибаться, не усматривая в ходе надзорной деятельности наличия обстоятельств, исключающих возбуждение уголовного дела. Таким образом, не следует возводить никакой иерархии поводов для возбуждения уголовного дела в зависимости от их информационной обоснованности и процессуальной значимости, а сообщение о преступлении, содержащееся в указанном постановлении прокурора, необходимо рассматривать в качестве такого ординарного повода, т. е. как подлежащее в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ обязательной проверке, по результатам которой в возбуждении уголовного дела может быть и отказано [1, с. 62].

В указанной связи несомненный интерес представляют приводимые С. А. Вецкой и Л. Р. Муллагалеевой данные о том, что в Оренбургской области направляемые прокурором в органы предварительного расследования сообщения о преступлении, помимо соответствующего постановления, нередко оформляются и сопроводительным письмом с рапортом об обнаружении признаков преступления для проведения проверки в порядке ст. 144, 145 УПК РФ [1, с. 62]. Такая практика прокурорской деятельности основывается на положениях приказов Генеральной прокуратуры Российской Федерации об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, обязывающих прокуроров поступать указанным образом в случаях, если им не удалось установить достаточные данные о наличии признаков преступления.

Возвращаясь к рассмотрению идеи о необходимости восстановления полномочия прокурора возбуждать уголовные дела, следует указать, в первую очередь, на то, что его отсутствие на текущий момент в достаточной мере замещается вынесением прокурорами указанных выше постановлений, по которым уголовные дела возбуждаются более чем в 80 % случаев [1, с. 61; 2, с. 91]. Такая статистика позволяет судить о высокой эффективности реализации данного полномочия прокурора, порождающей начало уголовное преследования.

В некоторых ситуациях позиции органов прокуратуры и предварительного следствия относительно необходимости возбуждения уголовного дела расходятся, что влечет многократные отмены прокурором раз за разом выносимых следователем решений об отказе в возбуждении уголовного дела по постановлению прокурора (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Однако наделение прокурора полномочием по возбуждению уголовных дел не послужит для таких случаев панацеей, поскольку, скорее всего, будет приводить к многократным прекращением следователем возбужденного прокурором уголовного дела по-

сле отмен прокурором соответствующих постановлений следователя (ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

Кроме того, возрождение полномочия прокурора по возбуждению уголовных дел неизбежно обусловит наделение его и другими вытекающими из этого полномочиями, а именно: по проведению предварительной проверки сообщений о преступлении [8, с. 15, 16, 29], что неминуемо повлечет значительное расширение штатов органов прокуратуры и соответствующие расходы государственных бюджетных средств.

Указанные обстоятельства и соображения заставляют нас весьма скептически относиться к мысли о наличии потребности в реанимировании прокурорского полномочия возбуждать уголовные дела. Вместе с тем, констатируя практически полное отсутствие полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования при проведении предварительной проверки сообщений о преступлении, мы поддерживаем предложения о предоставлении прокурору возможностей по оказанию руководящего и направляющего воздействия на проведение такой проверки посредством закрепления в уголовно-процессуальном законе правомочия прокурора давать обязательные для исполнения письменные указания должностным лицам, проводящим указанную проверку, о производстве следственных и иных процессуальных проверочных действий [6, с. 11; 10, с. 12].

Полномочием прокурора, способным оказывать влияние на завершение уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела, на наш взгляд, является вынесение прокурором постановления об отмене решения дознавателя, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Говоря иными словами, прокурор имеет возможность воспрепятствовать органам предварительного расследования завершить уголовное преследование в начальной фазе уголовного судопроизводства, когда не усматривает для этого оснований. При этом, согласно представленным Т. Ю. Вилковой статистическим данным, после отмены прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела решение о его возбуждении принимается лишь в 15 % случаев [2, с. 91]. При этом такая статистика, учитывая то, что прокурор может отменять указанные постановления дознавателя, следователя неоднократно, по нашему мнению, может свидетельствовать отнюдь не о низкой эффективности реализации прокурором рассматриваемого полномочия, а о надлежащей обоснованности решений органов предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела, которую прокурору сложно оспаривать.

Таким образом, прокурор обладает законодательно установленными и достаточно эффективно реализуемыми им на практике полномочиями, позволяющими ему инициировать уголовное преследование и влиять на его завершение в стадии возбуждения уголовного дела. Это позволяет утверждать, что функция уголовного преследования на данном отрезке уголовного судопроизводства прокурором фактически реализуется. При этом практически полное от-

сутствие полномочий прокурора в части оказания руководящего и направляющего воздействия на осуществление уголовного преследования в ходе предварительной проверки сообщений о преступлении представляется нам законодательным пробелом, подлежащим скорейшему восполнению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вецкая С. А., Муллагалеева Л. Р. Отдельные вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 60–65.
2. Вилкова Т. Ю. К вопросу о роли прокурора в возбуждении уголовного дела и инициировании уголовного преследования // LexRussica. 2021. Т. 74, № 7. С. 85–94.
3. Горюнов В. Е., Алимпьев М. А. О роли прокурора в досудебных стадиях // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 2. С. 9–23.
4. Исламова Э. Р., Чубыкин А. В. Мотивированное постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (проблемы применения) // Крымский научный вестник. 2016. № 3(9). С. 155–163.
5. Каменобродский С. Л. О функциях прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2009. № 2(24). С. 183–187.
6. Левченко О. В. Проблемные аспекты участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1. С. 5–15.
7. Огарь Ю. А. Возбуждение уголовного дела и начало уголовного преследования: проблемы соотношения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4(45). С. 133–140.
8. Сычев Д. А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016. 36 с.
9. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : монография / отв. ред. И. С. Дикарев. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрлитинформ, 2012. 408 с.
10. Чубыкин А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2014. 202 с.
11. Яковлева С. А. Начало возникновения уголовного преследования // Марийский юридический вестник. 2013. Вып. 10. С. 156–160.

Жбанков Виктор Андреевич

доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российская таможенная академия
Заслуженный юрист Российской Федерации
г. Люберцы, Российская Федерация
viktor.zhbankov@mail.ru

Сухов Александр Олегович

аспирант, Российская таможенная академия
г. Люберцы, Российская Федерация
sanysuchov@mail.ru

**К вопросу о способах сокрытия (утаивания)
наличных денежных средств и (или) денежных инструментов
при их контрабандном перемещении**

***Аннотация.** В статье рассматриваются способы сокрытия (утаивания) контрабандно перемещаемых наличных денежных средств и (или) денежных инструментов и рекомендации по их обнаружению. Приводится анализ способов сокрытия (утаивания) предметов контрабанды. Авторами названы наиболее часто встречаемые места сокрытия незаконно перемещаемых наличных денежных средств и (или) денежных инструментов и даны некоторые рекомендации расследования таких преступлений.*

***Ключевые слова:** криминалистика, криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию преступлений, контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, способы сокрытия (утаивания) наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.*

Zhbankov Viktor Andreevich

doctor of legal sciences, professor
professor of the Department of Criminal-legal
Disciplines of the Russian Customs Academy
Honored Lawyer of the Russian Federation
Lyubertsy, Russian Federation

Sukhov Alexander Olegovich

postgraduate student, Russian Customs Academy
Lyubertsy, Russian Federation

**On the issue of methods of concealing (hiding) cash and monetary
instruments during their smuggling**

***Annotation.** The article discusses ways to conceal (conceal) smuggled cash and (or) monetary instruments and recommendations for their detection. The analysis of the methods of concealment (concealment) of contraband items is given. The authors named the most common hiding*

places for illegally moved cash and (or) monetary instruments and gave some recommendations for the investigation of such crimes.

Keywords: *forensic science, forensic science on overcoming resistance to crime investigation, smuggling of cash and monetary instruments, methods of concealing (hiding) cash and monetary instruments.*

В статье 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [8] (далее – УК РФ) контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов определяется как незаконное их перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза, совершенное в крупном размере.

Понятие незаконного перемещения и его способы раскрываются в статье 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [7] (далее – ТК ЕАЭС).

Проведенное нами исследование показывает, что контрабандное перемещение наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в 90 % случаев осуществляется такими способами, как недекларирование или недостоверное таможенное декларирование (недекларирование отмечено по 80 % изученных уголовных дел, недостоверное декларирование по 10 %).

Реализуя преступный умысел, контрабандисты применяют различные варианты сокрытия (утаивания) наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, затрудняющие их обнаружение. Следует отметить, что в русском языке глагол «сокрыть» означает то же, что «утаить» [4, с. 688].

Сокрытию контрабандно перемещаемых через таможенную границу предметов и способов, затрудняющих их обнаружение, в криминалистической литературе уделено определенное внимание [3, с. 124–126]. Следует отметить, что большинство исследований посвящено сокрытию наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров [1; 2; 6]. Рассматривая контрабандное перемещение указанных объектов, В. А. Жбанков и А. В. Табаков выделяют следующие способы их сокрытия:

- путем использования тайников;
- с физическим сокрытием;
- помещение в труднодоступные места, не предназначенные для транспортировки и (или) хранения товаров соответствующего вида [2, с. 137].

При этом под физическим сокрытием понимается ситуация, когда должностное лицо таможенного органа не может обнаружить перемещаемые предметы путем обычного визуального осмотра без проведения личного досмотра как исключительной формы таможенного контроля или применения технических средств таможенного контроля [2, с. 141].

Мы считаем, что предложенная классификация нуждается в уточнении, в частности, второй способ – «с физическим сокрытием» характерен и для других способов, затрудняющих обнаружение предметов контрабанды. Кроме того, помещение предметов контрабанды в труднодоступные места, не предназначенные для транспортировки и (или) хранения товаров является разновидностью помещения их в тайники. В этой связи применительно к перемещению наличных денежных средств и (или) денежных инструментов предлагаем сле-

дующую классификацию способов их сокрытия (утаивания), а именно, помещение:

- среди предметов и в предметы;
- в тайники.

Анализ следственной практики показывает, что наиболее распространен первый способ. При этом сокрытие (утаивание) осуществлялось в головных уборах, одежде, обуви, ручной клади и сопровождаемом багаже контрабандистов. Исследованием установлено, что сокрытие (утаивание) осуществлялось:

- а) в головных уборах, как правило, по их периметру;
- б) в одежде: карманах пальто, курток, пиджаков, брюк, джинсов, шорт и т. д. Отмечены случаи размещения денежных средств в нижнем белье, в частности, под чашечками бюстгалтеров, трусами, колготками, чулками, носками;
- в) в обуви: внутри и под стелькой сапог, полусапог, ботинок, туфель, сандалий, босоножек, кроссовок и т. д.;
- г) в ручной клади: внутри различного рода дамских и мужских сумок (хозяйственных, дорожных, спортивных и т. д.), ручных чемоданах, портфелях, рюкзаках, бумажниках, кошельках, портмоне, футлярах ноутбуков, музыкальных инструментов и т. д., коробках, пакетах, конвертах и других упаковочных материалах и т. д., в перемещаемых вещах (ноутбуках, музыкальных инструментах, книгах, записных книжках, товарах хозяйственно-бытового, спортивного, культурного назначения и т. д.). При этом наличные денежные средства и (или) денежные инструменты помещаются в перечисленные предметы как отдельно, так и среди других вещей контрабандистов. В ряде случаев контрабандисты упаковывают их в целлофановые пакеты, фольгу, ткань; помещают в стеклянные банки, бумажные конверты, металлические коробки и т. д.;
- д) в сопровождаемом багаже: внутри различного рода перемещаемых предметов (туристических и иных чемоданах, хозяйственных, спортивных и иных сумках, рюкзаках, товарах хозяйственного, спортивного, культурного назначения и т. д.). Размещение наличных денежных средств и (или) денежных инструментов аналогично размещению их в ручной клади.

Использование тайников – наиболее ухищренный способ сокрытия (утаивания) наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Тайник – тайное хранилище [4, с. 727], т. е. секретное, тщательно замаскированное помещение, емкость или иное пространство, используемое для сокрытия в нем товаров, ценностей и других предметов, местонахождение которых неизвестно посторонним лицам, в связи с чем их невозможно или трудно обнаружить при внешнем осмотре.

Тайники подразделяются на специально-изготовленные и специально-приспособленные [5].

Специально-изготовленные тайники – это хранилища, специально оборудованные для перемещения предметов контрабанды. Они могут быть оборудованы в деталях механизма, салонах грузовых и багажных отделений транспортных средств; в емкостях, полученных путем добавления дополнительных перегородок в чемоданах, портфелях, баулах, рюкзаках, одежде, обуви, головных уборах и т. д.

Специально-приспособленные тайники – хранилища в пустотах различных объектов (транспортных средствах и иных предметах, полостях тела человека и т. д.).

Специально-изготовленные тайники, чаще всего, оборудуются в головных уборах, одежде, обуви, ручной клади, сопровождаемом багаже. Исследование показало, что они оборудуются:

а) в головных уборах: под тканью по периметру головки и в районе донышка;

б) в одежде: в специально сшитых потайных карманах в районе имеющихся накладных и прорезных карманов пальто, курток и пиджаков; в подкладке пальто, курток и пиджаков; внутри капюшона курток; в пространствах боковых и задних карманов брюк, джинсов, шорт, а также за поясом (ремнем);

в) в обуви: под тканью в районе голенища сапог и полусапог; в пространстве внутри каблука под набойкой сапог, полусапог; в пространстве между рантом (при его наличии) и подошвой ботинок туфель, сандалий, босоножек, кроссовок и т. д.;

г) в ручной клади: в районе боковых стенок (ботанов) женских (дамских) и мужских сумок, дорожных сумок, спортивных сумок, рюкзаков и пр.; в нише под тканью в районе дна указанных изделий ручной клади или в имеющихся карманах;

д) в сопровождаемом багаже: в двойном дне перемещаемых предметов (чемоданах, хозяйственных, спортивных и иных сумках, рюкзаках, товарах хозяйственного, спортивного, культурного назначения и т. д.).

Специально-приспособленные тайники оборудовались:

– в чемоданах, портфелях, сумках, баулах;

– товарах хозяйственного, бытового, культурного, спортивного назначения, например, зонтах, тростях, смартфонах, планшетах, ноутбуках музыкальных колонках и т. д.

В заключение отметим.

1) при контрабандном перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов преступники в 90 % случаев применяют такие способы их незаконного перемещения, как недекларирование или недостоверное таможенное декларирование. При этом подавляющее большинство преступлений совершается в аэропортах;

2) при совершении контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов используются следующие способы их сокрытия (утаивания):

– помещение среди предметов и в предметы;

– помещение в тайники;

3) исследование показало, что применительно к обоим вариантам, затрудняющим обнаружение контрабандно перемещаемых наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, используются головные уборы, одежда, обувь, ручная кладь и сопровождаемый багаж контрабандистов и иных лиц;

4) в процессе расследования контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов указанные объекты должны подвергаться тщательному осмотру с учетом рекомендаций возможного нахождения мест сокрытия (утаивания).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жбанков В. А., Алиев А. Н. О сокрытии наркотических средств при их контрабандном перемещении как способ противодействия указанным преступлениям // Раскрытие и расследование преступлений. М. : Изд-во Рос. таможенной акад., 2013.
2. Жбанков В. А., Табаков А. В. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, совершаемой членами организованных преступных формирований : монография. М. : Изд-во Рос. таможенной акад., 2014.
3. Жбанков В. А. Теоретико-криминалистические аспекты сокрытия преступлений. Публичное и частное право. № III (XI). М., 2011. С. 124–126.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953. С. 688, 727.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 г. № 12 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о контрабанде» // Российская газета. 2017. 11 мая, № 99.
6. Табаков А. В. Криминалистические классификации наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров как предметов контрабанды : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Рос. таможенная акад., 2012.
7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) : приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.10.2024).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 09.11.2024) : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 200.1.

УДК 347

Колесникова Татьяна Васильевна

кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

kolesn-tatiana@yandex.ru

Проблемы правоохранительной деятельности в Российской Федерации

***Аннотация.** В статье рассматриваются положительные аспекты, а также проблемы правоохранительной деятельности: нарушения прав граждан, необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, формальные ответы, переадресование в другие инстанции, нарушения сроков рассмотрения, коррупция, ошибки и процессуальные нарушения в ходе судопроизводства. Судебная система отягощена процедурами, громоздка, не эффективна в защите прав граждан и общества. Приводится случай рассмотрения несложного гражданского дела в течение пяти лет, решения судов иногда противоречат здравому смыслу*

и Конституции РФ. Усиление судебной системы новыми звеньями не вполне положительно отразилось на практике. Опыт применения права существенно отличается в разных регионах страны. Предлагается восстановление некоторых функций и полномочий прокуратуры – по возбуждению уголовных дел, по надзору за законностью действий граждан, так как это связано с правами других граждан, общества и государства. Внести в Гражданский процессуальный кодекс РФ положение об обязательном участии прокурора в гражданских делах во всех случаях нарушений прав неограниченного круга лиц, общественных и государственных интересов.

Ключевые слова: отказы в возбуждении уголовных дел, коррупция, судебные процедуры, обязательное участие прокурора, проблемы судебной системы, усиление ответственности сотрудников правоохранительных органов за нарушение рассмотрения заявлений граждан.

KolesnikovaTatyana Vasilyevna
candidate of law, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Problems of law enforcement in the Russian Federation

Annotation. The article examines the positive aspects, as well as the problems of law enforcement: violations of citizens' rights, unjustified refusals to initiate criminal proceedings, formal responses, redirection to other authorities, violations of the terms of consideration, corruption, errors and procedural violations during the proceedings. The judicial system is burdened with procedures, cumbersome, and ineffective in protecting the rights of citizens and society. The case of a simple civil case being considered for five years is given, and court decisions sometimes contradict common sense and the Constitution of the Russian Federation. The strengthening of the judicial system with new links has not had a completely positive effect in practice. The experience of applying the law differs significantly in different regions of the country. It is proposed to restore some of the functions and powers of the prosecutor's office – to initiate criminal cases, to monitor the legality of citizens' actions, since this is related to the rights of other citizens, society and the state. To introduce into the Civil Procedure Code of the Russian Federation a provision on the mandatory participation of the prosecutor in civil cases in all cases of violations of the rights of an unlimited number of persons, public and state interests.

Keywords: refusals to initiate criminal proceedings, corruption, judicial procedures, mandatory participation of the prosecutor, problems of the judicial system, strengthening the responsibility of law enforcement officials for violating the consideration of citizens' applications.

По долгу работы и службы автор постоянно занимается изучением правоохранительной системы РФ. В целом эта система характеризуется четкостью, структурированностью, стабильностью правоотношений, подготовленностью кадров, законодательным регулированием, возможностями применения мер принуждения. Складывалась эта система на протяжении десятков лет и более, имеется большой опыт применения права и организации деятельности, взаимодействия между различными правоохранительными структурами.

Правоохранительные органы выполняют важные государственные задачи, на их функционировании отражается сложность современной ситуации, в условиях прошедшей пандемии, проведения контртеррористических операций, военных действий, усилившихся посягательств с использованием инфор-

мационных технологий, активности организованной преступности и др. В целом правоохранительная система сдерживает преступность и борется с ее проявлениями.

Однако, несмотря на положительные достижения, имеются существенные недостатки в правоохранительной деятельности РФ. Автору доводилось изучать практику работы правоохранительной системы в последние годы, бывать в судах разных инстанций, прокуратурах различных уровней, органах внутренних дел, у судебных приставов, дознавателей МЧС и др. Говоря о недостатках работы правоохранительных органов, следует выделить следующие ключевые моменты:

Многочисленные нарушения прав граждан. Необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел. Направление гражданам формальных писем с переадресованием в другие инстанции – Росреестр, Жилищные инспекции, различные администрации и др. органы, которые также не реагируют на нарушения, а дают, по существу, отписки. Адресуют друг к другу. Бывают случаи, когда государственные органы быстро, оперативно реагируют на факты правонарушений, либо на сложившуюся опасную ситуацию. Такие случаи нам известны, когда граждане обращались по выделенным линиям к Президенту РФ, и то не всегда добивались быстрого реагирования. Прокуратура в ряде случаев быстро действовала. А иногда это затягивается на несколько месяцев.

Судебная система РФ, как показала практика личного участия автора в судах различных инстанций, далека от совершенства. Сложилось впечатление, что наша судебная система подвержена коррупции, не защищает права граждан, а иногда поддерживает правонарушителей, что доводилось наблюдать. При этом все решения обосновываются статьями законов, но в целом по смыслу, особенно по гражданским делам, бывают лишены простой логики, содержат многочисленные ошибки, нарушения.

Конечно, у нас есть честные судьи, строго выполняющие свой долг, но их решения преодолеваются коррумпированными заинтересованными лицами в вышестоящих инстанциях. Присутствует мнение, что эти инстанции ничего не боятся, своей предвзятости, взаимосвязаны между собой и своим руководством. Некоторые судьи проявляют грубость к пожилым участникам процесса, могут оборвать речь, либо не давать слова, откладывать заседания множество раз, нарушать процессуальный порядок.

Автору приходилось слышать отзывы населения о работе судов, и они бывают крайне негативными, есть и положительные. Рассмотрение гражданских дел затягивается в ряде случаев на несколько лет. Например, сейчас, в 2025 году не закончилось еще рассмотрение гражданского дела, которое было начато производством в 2020 году. А по этим нарушениям своих прав граждане обращались в государственные органы еще в 2019 году, и факты нарушений были установлены. И само дело несложное, четко установлено экспертизами, что правонарушителем, ответчиком, захвачена большая по размеру чужая и общественная территория. Но он до сих пор ее не освобождает, и не собирается этого делать, и восстановлению прав граждан еще далеко до логического

конца. И таких дел множество, которые рассматриваются по 5–6 лет, граждане устают от этого, кто-то умирает, и судебные тяжбы прекращаются сами собой.

Как показала практика, судебные процессы требуют немалых финансовых вложений на услуги адвоката, оплату государственной пошлины. Подача жалобы в апелляционную инстанцию сейчас составляет 3000 рублей, а в Верховный Суд РФ – 7000 рублей, а для юридических лиц это 20 000 рублей. Это существенные суммы для граждан из регионов, для пенсионеров, не каждый может себе позволить обращение в эти судебные инстанции.

Кроме того, как показала практика, суды могут возложить на законопослушную сторону, на истца, у которого нет нарушений закона, оплату экспертиз, о которых он не ходатайствовал, в сумме 100 тысяч рублей. А признанный судом нарушитель при этом не понес никаких расходов. И такое положение, считаю, противоречит здравому смыслу, общему назначению и принципам судопроизводства, в том числе принципу законности, Конституции РФ [1]. В ст. 1 ч. 1 Гражданского кодекса РФ [2] говорится о восстановлении нарушенных прав граждан, судебной защите граждан.

Если суды продолжаются в различных инстанциях на протяжении 5–6 лет, граждане вынуждены отпрашиваться с работы для участия в судебных заседаниях, они переживают, добираются из отдаленных населенных пунктов, кассационные суды расположены в других регионах, областях. И в результате граждане не всегда могут восстановить свои права. Пришлось столкнуться с действиями неопытных экспертов в некоторых случаях, а также с практикой «ручных экспертиз», назначаемых по инициативе суда, и сомнительных справок экспертов, которые, по сути, были не нужны, и все сведения о нарушении уже были установлены другими судебными инстанциями. А для чего же назначалась судом экспертиза? Неожиданно для истца, уже после проведения экспертизы, которая была в пользу истца, в гражданском деле появилась справка экспертов о возможной реестровой ошибке. Хотя у истца территория оформлена, приватизирована, имелись документы, он доказывал это в суде. А у ответчика сплошные нарушения закона, судимость, штрафы, захват большого участка общественной территории, и части территории истца. Считаю, что обоснование решения суда такими справками недопустимо, у справки иное юридическое значение, менее весомое, чем у заключения эксперта. Подобная практика в нашем регионе распространена, она является способом обойти закон, и противоречит заключениям экспертов и другим сведениям по делу.

Получилось, что нарушитель сначала фактически захватил территорию истца, а решениями судов еще и узаконил свой захват. В отношении общественной территории продолжают тяжбы нарушителя с администрацией района, хотя ему должны были отказать в рассмотрении этого иска, так как по этому вопросу есть решение суда, вступившего в законную силу, и новый суд об этом был поставлен в известность, но тем не менее в нарушение закона это дело рассматривали, оно приостановлено и может быть возобновлено.

Общий срок рассмотрения жалобы в кассационной инстанции составляет три месяца. Однако на практике затянувшееся рассмотрение дела в Верховном

Суде РФ, лишило истца права на рассмотрение жалобы вышестоящей инстанцией – Председателем Верховного Суда РФ. Хотя ясно было из документов, что дело находилось до окончания срока подачи жалобы в судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ. Почему судьи не могли продлить своим постановлением сроки рассмотрения после поступления жалобы Председателю Верховного Суда РФ? От истца требуется новое ходатайство о продлении срока.

Кроме того, в документе из Верховного Суда РФ содержалась формулировка о том, что не уплачена госпошлина истцом. А пошлина оплачивалась, квитанция направлялась в Верховный Суд РФ, у гражданина сохранилась копия. Истцу не было понятно, требуется ли при обращении к Председателю Верховного Суда РФ еще раз оплачивать государственную пошлину в размере 7000 рублей. В законе об этом расплывчатые сведения. В секретариате Верховного Суда РФ пояснили, что истцу нужно еще раз оплатить госпошлину 7000 рублей.

Такое впечатление, что решения и ответы заявителям формулируются не судьями, а их неопытными молодыми помощниками. В период, предшествующий сегодняшнему времени, несколько лет назад, решения Верховного Суда РФ содержали подробный анализ каждого пункта определения кассационной инстанции с выводами, на многих страницах. Сейчас решение Верховного Суда РФ по гражданскому делу может занимать 1-2 страницы, по сути, отказывают в рассмотрении дела по существу. Не желают им заниматься, несмотря на то, что заявитель указывает на явные нарушения закона, конституционных прав, при рассмотрении дела судами других инстанций. Пишут, что оснований для пересмотра дела нет.

Опыт показывает, что усиление нашей судебной системы в последние десятилетия по западным образцам не всегда положительно отразилось на практике. В ряде многочисленных случаев судебная система отягощена процедурами, громоздка, не эффективна в защите прав граждан и общества.

Правоприменительная практика существенно отличается по регионам РФ. Например, за один спиленный дуб в Лискинском районе Воронежской области нарушителя привлекли к уголовной ответственности [5], ущерб за одно дерево оценили в 1,4 млн рублей, нарушителю, по сообщениям прессы, грозит срок до 7 лет лишения свободы.

А в городе Саратове за несколько десятков уничтоженных дубов, возрастом более 60 лет, в природоохранной зоне, нарушитель не понес никакой ответственности, и продолжает беззаконие. Его действия зафиксированы на фото и видео, но правоохранительные органы не реагируют, адресуют материалы в разные инстанции. Заявление об этом факте поступало от граждан и в Следственный комитет РФ, поступил ответ от 21.08.2024 № 221 р-2024. Последней инстанцией оказался участковый инспектор полиции, который составил постановление об отказе в возбуждении уголовного и административного дела. При этом сроки разбирательства уже прошли, а в службе участковых инспекторов имеется значительный некомплект сотрудников, один работает за нескольких.

В то же время прокуратура РФ, являясь исторически эффективным российским государственным органом надзора по своим функциям и значению, в последние годы утратила многие полномочия. А они позволяли быстро и четко пресечь правонарушение в интересах граждан, общества и государства. И могли бы решить выше обозначенные проблемы в течение одного месяца вместо пяти лет рассмотрения дела в судах. Полномочия прокуратуры сформулированы в Конституции, федеральном законе [1; 4].

По нашему мнению, необходимо вернуть прокуратуре полномочия по возбуждению уголовных дел (это касается и проверок так называемых «отказных» материалов, по которым отказано органами дознания и следствия в возбуждении уголовного дела). Также вернуть прокуратуре полномочия по надзору за законностью действий граждан, так как это связано с правами других граждан, организаций, и государственными, общественными интересами.

Усилить ответственность сотрудников правоохранительных органов за необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, за неправильное применение закона и нарушения сроков рассмотрения по всем категориям правонарушений.

Внести в процессуальное законодательство положение об обязательном участии прокурора в гражданских делах, во всех случаях нарушений прав неограниченного круга лиц, общественных и государственных интересов, внести об этом изменение в статью 45 ГПК РФ [3].

Если потребуется расширение штата прокурорских работников в связи с этими изменениями, государство может пойти на этот шаг, тем более что высококвалифицированных и достойных кадров в государстве достаточно.

Необходима строгость и единообразие в применении нормативно-правовых актов, защите прав и законных интересов граждан, обеспечении законности и правопорядка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru>04.07.2020 (дата обращения: 01.03.2025).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). URL: <http://pravo.gov.ru> - 08.08.2024 (дата обращения: 01.03.2025).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025). URL: <http://pravo.gov.ru>-28.12.2024 (дата обращения: 01.03.2025).

4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru>-30.09.2024 (дата обращения: 01.03.2025).

5. Антонова Я. Семь лет колонии грозит дачнику из Воронежской области за срубленный 100-летний дуб // Вести Воронеж. Новости. 2021. 6 мая.

Васильева Анастасия Валерьевна

старший преподаватель

Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Доржиев Алдар Сергеевич

студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

dorjiev@bk.ru

Защита прав детей в условиях различных семейных конфликтов

***Аннотация.** Статья посвящена анализу семейных конфликтов в современном обществе и их негативному влиянию на права несовершеннолетних детей. Рассматриваются проблемы, возникающие при расторжении брака, такие как определение места жительства детей и порядок общения с родителем, проживающим отдельно. Обсуждается необходимость внесения изменений в семейное законодательство для защиты прав детей, а также роль органов опеки и попечительства в обеспечении их безопасности. Упоминается международное законодательство, включая Конвенцию о правах ребенка, и подчеркивается важность профилактических мер против насилия в отношении детей. Статья акцентирует внимание на необходимости дальнейшего развития политики в области защиты прав несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** семейные конфликты, права несовершеннолетних, расторжение брака, место жительства, порядок общения, насилие над детьми, органы опеки, семейное законодательство, Конвенция о правах ребенка, защита прав детей.*

Vasilyeva Anastasia Valerievna

senior lecturer, Far Eastern Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office

of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Dorzhiev Aldar Sergeevich

student, Far Eastern Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office

of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Protection of children's rights in various family conflicts

***Annotation.** The article is devoted to the analysis of family conflicts in modern society and their negative impact on the rights of minor children. The issues that arise during divorce are considered, such as determining the place of residence of children and the procedure for communicat-*

ing with a parent living separately. The need for changes to family legislation to protect children's rights is discussed, as well as the role of guardianship and trusteeship authorities in ensuring their safety. International legislation, including the Convention on the Rights of the Child, is referred to and the importance of preventive measures against violence against children is emphasized. The article emphasizes the need for further development of policies in the field of protecting the rights of minors.

Keywords: family conflicts, rights of minors, divorce, place of residence, communication procedures, violence against children, guardianship authorities, family law, Convention on the Rights of the Child, protection of children's rights.

Семейные конфликты в современном обществе являются негативным социальным явлением, которые зачастую приводят к нарушению прав несовершеннолетних детей. Сама по себе, концепция института семьи предполагает максимальную, всестороннюю защиту прав детей, однако, в условиях современных тенденций (увеличения количество разводов, неисполнение алиментных обязательств одним из родителей, определение места жительства несовершеннолетнего ребенка судом и др.) права несовершеннолетних детей страдают больше всего.

Расторжение семейно-брачных отношений является сложным испытанием не только для детей, чьи родители расторгают брак, но и для самих супругов. Многочисленные судебные процессы, ситуации постоянного стресса подвергают родителей большим физическим и психологическим нагрузкам, которые оказывают влияние на исполнении ими их родительских обязанностей.

Следовательно, остается открытым вопрос полноценного осуществления несовершеннолетними детьми их прав, предусмотренных гл. 11 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [10].

Согласно ст. 21 СК РФ расторжение брака при наличии несовершеннолетних детей осуществляется только в судебном порядке. Данное положение, по-нашему мнению, является верным, так как законодатель в данной ситуации исходит из интереса несовершеннолетних детей, что также подтверждается постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [8].

Одним из вопросов, разрешаемых судом при расторжении брака, является определение места жительства несовершеннолетних детей после развода. Суд обязан решить с матерью или отцом будут проживать дети, однако, при решении данного вопроса у суда отсутствует законодательная обязанность определения порядка общения с родителем, проживающим отдельно от несовершеннолетнего ребенка, что неминуемо влечет за собой нарушение его прав, так как в большинстве случаев не все бывшие супруги хотят, чтобы их детей общались с родителем, проживающим отдельно от них.

Зачастую, даже если общение с родителем, проживающим отдельно, налажено, ребенок перестает общаться с родственниками второй стороны, что также является прямым нарушением его прав, предусмотренных ст. 55 СК РФ.

Для решения данной проблемы предлагается возможным внести изменения в действующее семейное законодательство, предусматривающие обязан-

ность суда определить порядок общения несовершеннолетних детей с родителем, проживающим отдельно от них, независимо от наличия требования родителей или одного из них.

Ссоры между родителями не всегда проходят в мирном ключе, не исключается и возможность применения насилия не только в отношении супругов, но и в отношении их несовершеннолетних детей.

Учеными давно отмечается, что применение насилия по отношению к детям наносит больше вреда, нежели к взрослым людям, особенно, когда насилие применяет родитель, на которого возложена обязанность по его воспитанию и защите его прав. Также, это обуславливается тем, что несовершеннолетние дети являются менее защищенной категорией членов семьи [6, с. 81].

Помимо федерального законодательства, данный вопрос также регулируется и на международном уровне, Конвенция о правах ребенка, принятая 20 ноября 1989 г. связывает возможность реализации прав детей с правами и обязанностями их родителей или иных лиц, отвечающих за них [5].

Напротив, в ситуации применяя насилия по отношению к несовершеннолетним детям со стороны их родителей или иных лиц, отвечающих за них, создает реальную угрозу препятствия осуществления прав детей, подвергающихся ему [2, с. 61].

Ст. 56 СК РФ предусматривает возможность обращения ребенка в органы опеки и попечительства с целью защиты своих прав, а по достижении им 14-летнего возраста – в суд для защиты своих прав, нарушенных действиями родителей или лицами, заменяющими их, а также в случае ненадлежащего исполнения ими их родительских обязанностей, злоупотреблениями правами. Более детально данное право раскрывается в Федеральном законе от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [9].

Большую роль при защите прав детей, подвергающихся насилию в семье, законодатель отводит органам опеки и попечительства. Из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [7] следует, что при рассмотрении в суде данных споров обязательно участие органов опеки и попечительства.

Следственно, защита прав несовершеннолетних детей, оказавшихся в такой сложной жизненной ситуации, полностью зависит от надлежащего исполнения своих обязанностей должностными лицами органов опеки и попечительства, что требует от них всесторонней и полной проверки каждого из подобных случаев, а также недопущения ими халатного отношения к таким детям [4, с. 190].

На сегодняшний день проблему нарушения прав детей в обществе нельзя считать полностью решенной. Политику в этой области необходимо продолжать развивать, пересматривая и дополняя действующее законодательство, ужесточая наказания за насильственные действия в отношении детей и проводя профилактические мероприятия по предотвращению детского насилия сре-

ди взрослых, родителей и работников, взаимодействующих с детьми [1, с. 234].

Особое внимание следует уделить правовым аспектам проблемы раздельного проживания родителей, имеющих несовершеннолетнего ребенка.

Правовая защита прав детей является одной из важнейших задач современного общества. В условиях, когда многие дети остаются без родительского попечения или сталкиваются с различными трудностями в семье, институт опеки и попечительства становится ключевым механизмом, обеспечивающим защиту их прав и интересов. Разнообразие форм опеки, таких как временная опека, усыновление и попечительство, требует внимательного подхода к правовым аспектам, связанным с обеспечением благополучия несовершеннолетних детей.

Опека и попечительство представляют собой правовые механизмы, направленные на защиту интересов детей, которые по тем или иным причинам не могут находиться под заботой своих родителей. Временная опека позволяет обеспечить временное размещение ребенка в семье, где ему будет предоставлена необходимая забота и внимание. Усыновление, в свою очередь, создает новые семейные связи и дает ребенку возможность расти в полноценной семье. Каждая из этих форм имеет свои особенности и требует четкого соблюдения правовых норм [11, с. 101].

Органы опеки и попечительства играют центральную роль в системе защиты прав детей. Их функции включают:

- 1) контроль за условиями жизни детей. Органы обязаны следить за тем, чтобы условия проживания детей соответствовали стандартам безопасности и комфорта. Это включает регулярные проверки семей, где находятся дети под опекой;

- 2) представление интересов детей в суде. В случае конфликтов или нарушений прав детей, органы опеки могут выступать в качестве представителей в судебных разбирательствах, защищая интересы несовершеннолетних;

- 3) социальную и психологическую поддержку. Органы опеки должны обеспечивать детям доступ к необходимым услугам, включая психологическую помощь и социальную адаптацию, что особенно важно для детей, переживших травмы [3, с. 606].

Правовая защита прав детей при различных формах опеки требует комплексного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и практическое применение норм.

Обеспечение интересов несовершеннолетних должно стать приоритетом для всех уровней власти, что позволит создать безопасную и поддерживающую среду для их развития и благополучия. В конечном итоге, забота о детях – это забота о будущем нашего общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беспалов Ю. Ф. Защита гражданских и семейных прав ребенка в Российской Федерации. М. : Правоведъ-М, 2019. 371 с.
2. Доржиева С. В. Перспективы совершенствования правового регулирования расторжения брака в судебном порядке // Байкальские чтения. Актуальные вопросы цивилистики и международного частного права : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, 100-летию Верховного суда Российской Федерации, 30-летию Совета судей Российской Федерации, Улан-Удэ, 22–24 июня 2022 г. / науч. ред. С. В. Доржиева, отв. Ред. Т. Б. Гнеушева, Р. А. Балдаева. Улан-Удэ : Бурятский гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2022. С. 57–63.
3. Евсютина К. А. Опекa и попечительство – инструмент защиты прав несовершеннолетних // Экономика и социум. 2020. № 3(70). С. 604–610.
4. Кладько В. В. Правовая защита прав несовершеннолетних детей в РФ, как средство противодействия насилия в отношении них. // Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч., Пенза, 30 декабря 2018 г. Ч. 2. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2018. С. 189–191.
5. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-44-25> (дата обращения: 01.04.2025).
6. Летова Н. В. Насилие в семье: предпосылки, особенности, проблемы защиты прав членов семьи // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18, № 1. С. 80–85.
7. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей : Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.05.1998 № 10 // СПС «КонсультантПлюс».
8. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. 3 августа. № 31. Ст. 3802.
10. Семейный кодекс Российской Федерации : принят 29 декабря 1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 1 января. № 1. Ст. 16.
11. Васильева А. В. Семейное право : учеб. пособие для подготовки к аудиторным занятиям. Владивосток : Дальневосточный юрид. Ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2023. 101 с.

УДК 347.963

Новожилова Александра Владимировна

студент, юридический институт

Владимирского государственного университета

имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

г. Владимир, Российская Федерация

aleksa.novozhilova@mail.ru

Кисляков Антон Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

юридического института

Владимирского государственного университета

г. Владимир, Российская Федерация

antonval77@mail.ru

Конституционные основы правового положения прокурора в законодательстве России

***Аннотация.** В статье подвергаются анализу нормы Конституции РФ, закрепляющие правовое положение прокурора. Выявляются основные направления деятельности прокуратуры на современном этапе ее развития, на основе действующего законодательства определяется ее значение и роль в настоящее время с учетом конституционных изменений в 2020 году.*

***Ключевые слова:** прокуратура, Конституция РФ, конституционные основы, современный этап развития прокуратуры, Генеральный прокурор России, защита прав и свобод человека и гражданина.*

Novozhilova Alexandra Vladimirovna

student, Law Institute of Vladimir State University

named after A. G. and N. G. Stoletov

Vladimir, Russian Federation

Kislyakov Anton Valerievich

candidate of law, associate professor

associate professor of the Department

of Criminal Law Disciplines at the Law

Institute of Vladimir State University

Vladimir, Russian Federation

The constitutional foundations of the prosecutor's legal position in Russian law

***Annotation.** The constitutional foundations of the Prosecutor's legal position in Russian legislation The article analyzes the norms of the Constitution of the Russian Federation, which consolidate the legal position of the prosecutor. The main directions of the prosecutor's office's activity*

at the current stage of its development are identified, and its significance and role are currently being determined on the basis of current legislation, taking into account constitutional changes in 2020.

Keywords: *prosecutor's office, Constitution of the Russian Federation, constitutional foundations, current stage of development of the Prosecutor's Office, Prosecutor General of Russia, protection of human and civil rights and freedoms.*

Обладая особым правовым статусом, прокуратура Российской Федерации занимает уникальное место в системе государственных органов нашей страны в силу следующих положений. Конституция РФ [1] закрепляет основные, наполненные конституционным смыслом положения прокуратуры, а более подробно правовой статус прокуратуры детализируется в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» [2] и ряде других нормативно-правовых актов. Проблематику конституционных основ правового положения прокурора в законодательстве России в конспекте внесенных в 2020 году изменений [3] неоднократно подчеркивали в своих исследованиях такие авторы, как А. Ю. Винокуров, Н. Н. Карпов [4, с. 27], С. П. Щерба, Т. А. Решетникова [8, с. 3], А. А. Тушев [6, с. 20] и многие другие.

Такие закрепленные полномочия прокуратуры, как: осуществление надзора за исполнением законов, координация деятельности органов, исполняющими оперативно-розыскную деятельность, следствие и дознание, участие в рассмотрении дел в судах, реализация государственного обвинения в уголовном процессе, осуществление мер по борьбе с преступностью, а также защита прав и свобод человека и гражданина отражают многофункциональность и разноплановость деятельности прокуратуры в правовой системе России, а также подчеркивает ее особый статус в правоохранительной системе.

Основания для ее функционирования заложены в Конституции РФ, согласно которой прокуратура Российской Федерации представляет собой единый централизованный системный орган, деятельность которого устремлена на надзор за исполнением законов, поддержание обвинения в суде и выполнение иных функций, гарантированных и закрепленных законодательством РФ.

Согласно статье 129 Конституции Российской Федерации, прокуратура РФ представляет единую систему, подчиненную Генеральному прокурору России. Эта конституционная норма закрепляет вертикаль власти в прокуратуре, гарантируя централизацию управления и единообразие практики применения права на всей территории нашего государства. Генеральный прокурор назначается Президентом РФ и одобряется Советом Федерации РФ, что подчеркивает особую степень ответственности и одновременно значимость данного органа. Кроме того, Конституция РФ определяет прокуратуру как единый централизованный орган с подчинением нижестоящих прокуроров своим вышестоящим, вплоть до Генерального прокурора, который, в свою очередь, подотчетен Президенту РФ. Очевидно, что все эти положения подчеркивают целостность и эффективность организационной структуры системы прокуратуры в целях реализации полного и качественного осуществления поставленных задач. Между тем, как отмечается в литературе «потенциал конституционного регулирова-

ния статуса прокуратуры РФ не исчерпан» [7, с. 26], соответственно, допустимо, что законодатель в дальнейшем закрепит более детально правовой статус прокурора, его задачи и функции и отразит их на конституционном уровне.

В свою очередь, законодательные акты Российской Федерации разъясняют более детально полномочия прокурора, включающие в себя обширный ряд функций: от участия в судопроизводстве до надзора за исполнением законов другими государственными органами и органами местного самоуправления и т. д. Это позволяет прокуратуре эффективно реагировать на любые проявления правонарушений, а также обеспечивать государственный контроль в наиболее важных областях жизнедеятельности страны.

Но особенное внимание в своей деятельности прокурора уделяет защите прав и свобод граждан. Например, прокурор имеет право выступать в суде в защиту прав неопределенного круга лиц, что является одним из проявлений его надзора. Необходимо также отметить, что независимость и объективность прокурорской деятельности становятся основополагающими в обеспечении прав и свобод граждан. Под надзорной деятельностью в данном аспекте понимается контроль не только за исполнением законов органами государственной власти, но и за действиями физических лиц. Например, прокурор имеет право подавать в суд акты протеста и представления, что является формой юридической реакции на нарушения. В связи с этим в научной литературе отмечается, что «ключевым бенефициаром результатов надзорной работы являются человек и гражданин, защита прав и законных интересов которых поставлена во главу угла работы ведомства» [5, с. 26].

Помимо этого, немаловажная роль прокуратуры в антикоррупционной политике государства подчеркивает ее функцию как механизма предотвращения злоупотреблений в системе власти.

В заключение стоит еще подчеркнуть, что роль прокуратуры в Российской Федерации крайне значима и многогранна, вследствие этого основные направления деятельности, а также правовой статус прокуроров закреплены на конституционном уровне. Положения Конституции РФ в области регламентирования деятельности прокуратуре и другие законодательные акты определяют основные задачи и функции этого органа: надзор за соблюдением законности и правопорядка в стране, участие в гражданском и арбитражном судопроизводстве, обеспечение законности в местах лишения свободы, защита прав и свобод граждан и организаций, борьба с преступностью и т. д. Также описывается и система органов прокуратуры, включая территориальные и специализированные подразделения.

Внесенные в 2020 году в Конституцию РФ изменения подчеркнули особое конституционное значение и роль прокуратуры в российской правовой системе. В современном законодательстве роль прокуратуры в Российской Федерации особо значима и многогранна, поскольку, основанная на Конституции РФ и законодательстве РФ, прокуратура имеет широкие полномочия для защиты общественного порядка, законности и особенно прав и свобод граждан. Не исключено, что ввиду современных тенденций законодатель в дальнейшем

закрепит более детально целевое назначение прокурора, его задачи и функции на конституционном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (дата обращения: 01.04.2025).
2. Федеральный закон от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
4. Винокуров А. Ю., Карпов Н. Н. О системе и иерархии функций прокуратуры в контексте конституционных новелл // Законность. 2022. № 5. С. 27–31.
5. Нагорный В. А. Постановление прокурора, вынесенное в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК, – повод к возбуждению уголовного дела, требующий критического переосмысления // Законность. 2024. № 12. С. 26–32.
6. Тушев А. А. Направления деятельности, функции, полномочия прокуратуры и отрасли прокурорского надзора // Законность. 2021. № 4. С. 20–25.
7. Шобухин В. Ю. Конституционное регулирование статуса прокуратуры Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы изменения ст. 129 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 26–29.
8. Щерба С. П., Решетникова Т. А. Конституционные новеллы о системе и иерархии функции прокуратуры // Законность. 2021. № 4. С. 3–6.

УДК 340.1

Нор Кристина Евгеньевна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет

г. Красноярск, Российская Федерация

voropaeva_94@bk.ru

Роль прокуратуры в реализации правозащитной функции: актуальные проблемы

Аннотация. В статье проводится анализ эффективности правозащитной функции прокуратуры Российской Федерации. Прокуратура является важным элементом конститу-

ционной системы защиты прав и свобод человека, она выполняет особо значимую роль в обеспечении правопорядка в государстве. Автор рассматривает проблемы, которые в настоящее время препятствуют более эффективно выполнять правозащитную функцию, защищать права и законные интересы всех граждан, которые обращаются в органы прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, государство, права и законные интересы граждан, правозащитная функция, акты прокурорского реагирования.

Nor Kristina Evgenievna

senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University

Krasnoyarsk, Russian Federation

The role of the prosecutor's office in the implementation of the human rights function: current issues

Annotation. *The article analyzes the effectiveness of the human rights function of the prosecutor's office of the Russian Federation. The prosecutor's office is an important element of the constitutional system for the protection of human rights and freedoms, and it plays a particularly important role in ensuring law and order in the State. The author examines the problems that currently hinder the more effective performance of the human rights function, to protect the rights and legitimate interests of all citizens who apply to the prosecutor's office.*

Keywords: *prosecutor's office, state, rights and legitimate interests of citizens, human rights function, acts of prosecutorial response.*

В настоящее время большое внимание уделяется со стороны государства вопросу о защите прав, свобод и законных интересов граждан. Прокуратура, несомненно, является одним из ключевых институтов правовой системы в Российской Федерации, которая играет важную роль в обеспечении правозащитной функции. Прокуратура не только осуществляет надзор за соблюдением законности, но также активно участвует в защите прав граждан, выполняя ряд важнейших функций в правовой системе государства, например, проводит проверку исполнения законов и контролирует деятельность правоохранительных органов, рассматривает обращения граждан, проводит проверку по фактам нарушения, выносит акты прокурорского реагирования, может подать исковое заявление в защиту неограниченного круга лиц, а также прокуратура обязана проводить профилактические меры: пресечение и предупреждение новых нарушений, обеспечение возмещения причиненного ущерба и др.

Правозащитная функция прокуратуры представляет собой совокупность мер, обусловленных Конституцией РФ, направленных на защиту нарушенных прав и свобод граждан. Данная функция прокуратуры основывается на принципах гласности и открытости для общества. Прокуратура выполняет свои функции, согласно не только ст. 2 Конституции РФ [2], но в соответствии с Федеральным законом «О Прокуратуре РФ» [6], который полностью определяет ее полномочия, функции, род деятельности. Прокуратура наделена широким спектром полномочий по охране и защите прав и свобод гражданина, важно отметить, что согласно, Приказу Генерального Прокурора РФ «Об организации про-

курорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», «прокуратура осуществляет деятельность только при посягательстве на правовое положение личности, и которая заключается в воспрепятствовании нарушению прав гражданина, а также восстановлении правомерного положения» [5].

Следовательно, правозащитная функция прокуратуры на протяжении нескольких лет играет важную роль в осуществлении правозащиты общества, нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность прокуратуры, постоянно редактируются, дабы достичь идеального положения, однако на практике появляются проблемы реализации правозащитной функции.

Во-первых, из-за большого количества контролирующих органов государственной власти правопорядок в государстве, возникло пересечение полномочий прокуратуры с подконтрольными ей органами исполнительной власти из чего возникает нечеткое разграничение компетенций и снижение эффективности работы из-за параллельного осуществления контроля и надзора. Нередко граждане не знают, в какие именно органы государственной власти им следует обратиться за защитой, при нарушении их трудовых или жилищных прав [1, с. 47]. Встречаются ситуации, когда человек обращается в полицию, но ему отказывают в помощи, так как этим должна заниматься прокуратура, но из-за недостаточной регламентации деятельности прокуратуры по работе с населением и рассмотрению жалоб/обращений граждан, обращающийся за помощью человек об этом не осведомлен. Ни в одном нормативно-правовом документе не закреплено место прокуратуры в системе государственных органов, неясно кому она подконтрольна и подотчетна. Стоит отметить, что в нормативно-правовых актах также нет приложения с типовым заявлением/жалобой в прокуратуру, что создает для человека проблематичную ситуацию, так как он не знает, как правильно оформлять подобные документы.

Во-вторых, отсутствует положение о специальных полномочиях прокуроров о том, что они в обязательном порядке должны защищать интересы группы лиц, которые самостоятельно не могут защищать свои интересы (инвалиды, несовершеннолетние, недееспособные граждане). Достаточно сложно выявить нарушение прав недееспособных лиц, нет четкого регулирования данного вопроса [7, с. 28].

Стоит также отметить, что в современное время прокуратура имеет возможность взаимодействовать с правозащитными организациями. Правозащитная организация является некоммерческой организацией, чья деятельность направлена на обеспечение защиты прав и свобод человека. Данные организации занимаются проблемами как на международном уровне, так и на национальном, региональном и межрегиональном. Основными функциями таких организаций являются:

- разрешение сложных конфликтных ситуаций;
- разрешение социальных проблем;
- контроль за политическим и экономическим курсом страны;
- защита прав граждан.

Примеры таких организаций: Фонд «В защиту прав заключенных», Комитет «Гражданское содействие», Центр «Тюрьма и Воля» и др. Таких организаций множество в России, они обеспечивают взаимодействие государства с гражданами в области защиты прав человека и способствуя развитию общества. Однако прокуратура редко взаимодействует с данными организациями, поскольку они являются негосударственными, нет доверительных отношений, нет четкого механизма сотрудничества, сложность в обмене информации из-за конфиденциальности, нет правового регламента их взаимоотношений [3, с. 134].

В некоторых случаях сотрудничество прокуратуры и правозащитных организаций заканчивается конфликтной ситуацией, из-за противоречий интересов, возможно организация оказывается недобросовестной или же органы прокуратуры не хотят информировать граждан о чем-то, что просят сделать организации. Нередко встречаются конфликты, которые позднее тиражируются заинтересованными средствами массовой информации, что очень негативно влияет на дальнейшую совместную работу.

Предполагается, что необходимо закрепить принцип и механизм взаимодействия прокуратуры и правозащитных организаций на законодательном уровне, вынести постановление или приказ, который будет регулировать и координировать их работу. Поскольку грамотное содействие органов власти и обычных организаций, занимающихся поддержкой и защитой граждан, положительно повлияет на общество, люди будут больше доверять органам прокуратуры и не будут сами решать возникшую проблему.

Нельзя не выделить проблему, которая существует во всех органах государственной власти, в независимости от уровня и субъекта, где они находятся, это недостаточная материально-техническая база. В век технологий активно внедряют искусственный интеллект во все сферы жизни деятельности людей и прокуратура не исключение, однако процесс внедрения цифровых технологий очень медленный из-за чего процесс работы сотрудников все такой же трудный, временно-затратный и очень сложный. Необходимо создать электронную новейшую упрощенную базу данных, в которой будут анализироваться правонарушения, составляться список многократных нарушителей прав и свобод граждан, чтобы проводить в этих организациях проверки и не спускать им недобросовестную работу с рук. Также важно отметить, что в органах прокуратуры, как и в любой другой государственной структуре недостаточно сотрудников, а особенно высококвалифицированных работников, которые желают выполнять свои обязанности, а не пришли только для хорошей заработной платы и пенсии [4, с. 106]. Поэтому мало людей выполняет свои обязанности, полномочия и функции, нередко пропуская серьезные конфликтные ситуации из виду и не проводя проверку по факту нарушения. Еще одна проблема, это территориальная удаленность некоторых районов, из-за чего там не хотят работать хорошие специалисты, ведь им предоставляют плохое жилье, в этих районах плохо развита инфраструктура, небольшой штат, где сотрудники привыкли «ничего не делать».

Сотрудники прокуратуры должны постоянно повышать квалификацию для продвижения по должности, постоянно обучаться новому, знакомиться с новыми законами и подстраиваться под нововведения. Это затрудняет работу прокуроров, многим не нравится такая структура деятельности, и они увольняются из государственных органов, меняя полностью выбор профессии.

Таким образом, для повышения эффективности работы прокуратуры требуется комплексный подход к решению выявленных проблем, включающий совершенствование законодательной базы, развитие информационных технологий, усиление кадрового потенциала.

Можно подвести итог вышесказанному, прокуратура является ключевым правозащитным институтом в системе государственной власти, обладающим широким спектром полномочий для защиты прав и свобод граждан. Несмотря на существующие проблемы в реализации правозащитной функции, органы прокуратуры стараются эффективно выполнять свою работу, они активно развивают свои способности, повышают квалификацию, ищут новых сотрудников, привлекают студентов юридических институтов к работе, показывая, как важно выполнять правозащитную функцию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алябышева М. А. К вопросу о правозащитной функции прокуратуры Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 15(201). С. 46–48.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 03.03.2025).

3. Паршунин Д. Ю. Правозащитная функция прокуратуры Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 2. С. 131–139.

4. Плющева Н. С. Роль прокуратуры в защите прав и свобод человека и гражданина // Молодой ученый. 2019. № 42(280). С. 106–108.

5. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.09.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75181/ (дата обращения 03.03.2025).

6. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 03.03.2025).

7. Шельменков В. Н. Актуальные проблемы и роль прокуратуры в реализации правозащитной функции, связанной с правами несовершеннолетних на социальное обеспечение // 2023. № 5. С. 25–37.

УДК 94(470)

Бражников Сергей Александрович
кандидат исторических наук, доцент
начальник кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Воронежского института МВД России
г. Воронеж, Российская Федерация
s.a.brazhnikov@yandex.ru

**Проблемные аспекты деятельности органов прокуратуры
по профилактике правонарушений несовершеннолетних
в условиях становления новой российской государственности**

***Аннотация.** В работе рассмотрена профилактическая деятельность отечественных органов прокуратуры по снижению противоправного потенциала детско-подростково-юношеской среды в конкретно исторических условиях становления новой российской государственности в период с конца 1991 года по 1999 год. В ходе проведенного изучения выявлены и охарактеризованы отдельные проблемы, имевшие место в прокурорско-надзорной практике. Результатом исследования стали авторские выводы, характеризующие на общегосударственном уровне работу органов прокуратуры по профилактике правонарушений несовершеннолетних, ее развитие и степень эффективности, роль и значение в укреплении правопорядка.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация, органы прокуратуры, правоохранительная деятельность, профилактика правонарушений несовершеннолетних.*

Brazhnikov Sergey Alexandrovich
candidate of historical sciences, associate professor
head of the department of administrative activities
of internal affairs bodies Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Voronezh, Russian Federation

**Problematic aspects of the activities of the prosecutor's office
for the prevention of juvenile delinquency in the context of the formation
of the new russian statehood**

***Annotation.** The paper considers the preventive activities of domestic prosecutor's offices to reduce the illegal potential of the child-adolescent environment in the specific historical conditions of the formation of the new Russian statehood in the period from the end of 1991 to 1999. In the course of the study, individual problems that have occurred in prosecutorial and supervisory practice have been identified and characterized. The research resulted in the author's conclusions characterizing the work of the prosecutor's office on the prevention of juvenile delinquency at the national level, its development and degree of effectiveness, its role and importance in strengthening law and order.*

***Keywords:** Russian Federation, prosecutor's office, law enforcement, prevention of juvenile delinquency.*

Одной из важных задач, решаемых сегодня высшими органами государственной власти РФ, является совершенствование механизмов профилактики правонарушений несовершеннолетних, противодействие криминализации подростково-юношеской среды [4]. В этой связи становится актуальным разноформатное исследование накопленного опыта деятельности различных правоохранительных органов по предупреждению негативных социальных явлений среди несовершеннолетних и последующего использования полученных результатов в современной правоприменительной практике.

В период становления новой российской государственности органы прокуратуры решали значительный объем разнообразных задач в области профилактики подростково-юношеского правонарушительства. При этом следует отметить то, что в соответствии с действовавшим законодательством надзор за исполнением законов о несовершеннолетних, в рамках которого прокуратура осуществляла основной объем полномочий по профилактике противоправной активности подростково-юношеского контингента, не был выделен в качестве самостоятельной отрасли и определялся законодателем как часть прокурорского надзора в целом.

Значимое место в регулировании деятельности органов прокуратуры в сфере профилактики подростково-юношеского правонарушительства отводилось соответствующим нормативным документам Прокуратуры Союза ССР (до признания их недействующими или утратившими силу) и Генеральной прокуратуры РФ. Так, приказ Генерального прокурора СССР от 23 ноября 1987 года № 93 «О мерах по коренному повышению эффективности прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и усилению его профилактической направленности» (утратил силу с 18 мая 1995 года) был направлен на достижение следующих основных целей:

- 1) обеспечение повышенного внимания со стороны прокурорских работников к вопросам охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, контроля за проводившейся с ними воспитательно-профилактической работой;
- 2) исключение из правоохранительной практики тенденции сведения перевоспитания несовершеннолетних, склонных к противоправному поведению, к различным наказаниям и назиданиям;
- 3) исключение из прокурорско-следственной практики мероприятий общего характера, страдавших казенщиной и формализмом, обеспечение полномасштабного использования возможностей индивидуальной профилактики.

В начале исследуемого периода в РФ наблюдались высокие темпы криминализации подростково-юношеского контингента. Так, соответствующими прокурорами было дано санкций на заключение под стражу несовершеннолетних, совершивших преступления: в 1992 году – 35 074 [5, с. 36], в 1993 году – 53 019 [6, с. 36]. Рост данного показателя составил 51,16 %.

18 мая 1995 года исполняющий обязанности Генерального прокурора РФ А. Н. Ильюшенко издал приказ № 30 «О задачах органов прокуратуры по повышению эффективности надзора за исполнением законов о несовершеннолетних», в котором указал на имевшую место тенденцию снижения эффективности

прежних средств профилактики в новых социально-экономических условиях и обязал прокурорско-следственных работников на всех уровнях принять меры по совершенствованию надзора за исполнением законов о несовершеннолетних, повышению в этой работе роли профилактического воздействия.

По итогам 1992–1996 годов Генеральная прокуратура РФ подготовила обзор прокурорско-следственной практики по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность. В этом документе отмечено то, что в работе органов прокуратуры имелись определенные недостатки. Недостаточную проработанность и системность имел прокурорский надзор за обеспечением надлежащего порядка реализации положений законодательства об ответственности взрослых лиц за вовлечение детей и подростков в различные виды противоправной деятельности. Прокурорами не в полной мере применялись предоставленные им законодательством полномочия по обеспечению полноты и качества предварительного расследования [1].

29 апреля 1997 года состоялось заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ, на котором были рассмотрены проблемы в работе по усилению профилактики преступности несовершеннолетних. С информационными сообщениями о состоянии профилактики преступности в подростково-юношеской среде выступили начальник управления по делам несовершеннолетних и молодежи Генеральной прокуратуры РФ Г. Ф. Полозов и директор Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ А. Я. Сухарев. По результатам обсуждения количественных и качественных показателей криминальной активности несовершеннолетних и факторов, влиявших на ее развитие, коллегия отметила то, что на протяжении ряда лет происходила криминализация подростково-юношеского контингента. Массовый характер приобрела беспризорность и бездомность несовершеннолетних. При этом многие прокуроры проявляли безразличие к нарушениям законодательства о несовершеннолетних, ненадлежащим образом осуществляли координацию деятельности субъектов предупреждения подростковой преступности, изобличению и наказанию лиц, вовлекавших детей и подростков в антиобщественную противоправную деятельность. Во многих регионах слабо использовались материалы уголовных дел для усиления профилактической деятельности, предупреждения повторной и организованной преступности несовершеннолетних. В целях обеспечения устранения указанных недостатков и упущений в правоохранительной практике решением коллегии в аппарате Генеральной прокуратуры РФ была создана постоянно действующая рабочая группа [2].

В декабре 1999 года Генеральная прокуратура РФ подготовила обзор практики прокурорского надзора за исполнением законов о профилактике безнадзорности несовершеннолетних. Изучение результатов работы органов прокуратуры показал то, что в процессе проверочных мероприятий прокурорами было выявлено значительное количество фактов несоблюдения законодательства (их доля составила 15,9 %) и вынесения незаконных решений (их доля составила 39,5 %) комиссиями по делам несовершеннолетних. При этом подавляющее большинство установленных нарушений и незаконных правовых актов

относилось к сфере административной юрисдикции комиссий по делам несовершеннолетних, поскольку спектр вопросов, проверяемых прокурорами, чаще всего ограничивался административной практикой. Такой однообразный аспект прокурорских проверок свидетельствовал о недостаточном профессиональном уровне проверяющих и недопонимании ими места и значимости комиссий по делам несовершеннолетних в профилактике детской безнадзорности, защите прав и интересов детей, и подростков. Многие прокуроры констатировали то, что главы администраций, зачастую включали ответственных секретарей комиссий по делам несовершеннолетних в штаты подконтрольных им органов и при сокращении штатов в первую очередь пытались сократить должности ответственных секретарей, что нарушало статус комиссий по делам несовершеннолетних. Однако мало кто из прокуроров проявлял настойчивость и принципиальность в восстановлении законности и статуса комиссий по делам несовершеннолетних. Такая работа была проведена прокуратурой Архангельской области, по иску которой, судом было признано недействительным распоряжение главы Холмогорского района о передаче должности ответственного секретаря комиссии по делам несовершеннолетних в отдел образования. Аналогично был восстановлен статус комиссии по делам несовершеннолетних в Рассказовском районе Тамбовской области [3].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что деятельность органов прокуратуры РФ по профилактике правонарушений несовершеннолетних в 1991–1999 годы характеризуется следующими основными особенностями.

1. В рассматриваемый период прокуратура не имела законодательно определенного статуса субъекта системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Вместе с тем, профилактика преступлений и административных правонарушений в подростково-юношеской среде являлась значимой частью деятельности прокурорских работников. Важнейшими формами этой деятельности выступали прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и координация работы заинтересованных правоохранительных органов.

2. Работа органов прокуратуры по профилактике правонарушений несовершеннолетних находилась в поле зрения руководства Генеральной прокуратуры РФ, которое осуществляло ее организационно-правовое сопровождение, предпринимало иные практические меры, направленные на ее совершенствование. Вместе с тем, в условиях действия целого ряда объективных факторов, стимулировавших развитие правонарушительства в подростково-юношеской среде, решить проблему обеспечения надлежащей эффективности работы органов прокуратуры не представлялось возможным.

Основными субъективными причинами, оказывавшими негативное влияние на содержание деятельности органов прокуратуры по профилактике правонарушений несовершеннолетних, являлись:

а) явная недооценка многими прокурорскими работниками масштабов и последствий проблем стремительного роста правонарушительства в подростково-юношеской среде;

б) зачастую формальный подход прокурорско-следственных работников к выполнению своих должностных обязанностей;

в) использование устаревших неэффективных форм и методов прокурорско-следственной работы, неадекватных развитию социально-экономической и криминогенной ситуации.

3. Деятельность органов прокуратуры, несмотря на имевшиеся в ней недостатки и упущения, являлась значимым вкладом в становление системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казенное учреждение Воронежской области «Государственный архив Воронежской области» (КУВО ГАВО). Ф. Р-2700. Оп. 2. Д. 2729. Л. 104–111.

2. КУВО ГАВО. Ф. Р-2700. Оп. 2. Д. 2672. Л. 107–108.

3. КУВО ГАВО. Ф. Р-2700. Оп. 2. Д. 2858. Л. 267–273.

4. Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года: распоряжение Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 5. Ст. 914.

5. Состояние преступности и прокурорский надзор в Российской Федерации в 1992 году // Законность. 1993. № 7. С. 35–38.

6. Состояние преступности и прокурорский надзор в Российской Федерации в 1993 году // Законность. 1994. № 7. С. 35–38.

УДК 342.922

Голощапова Александра Георгиевна

старший преподаватель кафедры

административного и финансового права

Оренбургский государственный университет

г. Оренбург, Российская Федерация

sanechka_dom@mail.ru

Завгороднева Екатерина Валерьевна

преподаватель кафедры уголовного процесса

и криминалистики

Оренбургский государственный университет

г. Оренбург, Российская Федерация

Korniyaseva.katy@mail.ru

О некоторых проблемах привлечения

к административной ответственности за оскорбления

Аннотация. Данная статья посвящена анализу проблем привлечения к административной ответственности за оскорбления, которые остаются актуальными в современном

правоприменении. Оскорбление определяется как выражение неуважения к личности, наносящее моральный вред. В статье рассматриваются основные правовые аспекты, регулирующие ответственность за оскорбления, а также выделяются трудности, связанные с неопределенностью норм, проблемами доказательственной базы и нежеланием пострадавших обращаться за защитой.

Ключевые слова: оскорбление, административная ответственность, правоприменение, моральный вред, защита чести и достоинства.

Goloshchapova Alexandra Georgievna

senior lecturer at the Department
of Administrative and Financial Law
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

Zavgorodneva Ekaterina Valerievna

lecturer of the Department of Criminal
Procedure and Criminology
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

**About some of the problems of bringing
to administrative responsibility for insults**

Annotation. *This article is devoted to the analysis of the problems of bringing to administrative responsibility for insults, which remain relevant in modern law enforcement. An insult is defined as an expression of disrespect for a person that causes moral harm. The article examines the main legal aspects governing liability for insults, as well as highlights the difficulties associated with the uncertainty of norms, problems of the evidence base and the unwillingness of victims to seek protection.*

Keywords: *insult, administrative responsibility, law enforcement, moral harm, protection of honor and dignity.*

Оскорбление является одним из наиболее распространенных и сложных правонарушений, с которым сталкивается современное правоприменение. Оно зачастую связано с нарушением моральных норм общественного порядка, что делает его объектом административного законодательства. Однако, несмотря на наличие норм, регулирующих административную ответственность за оскорбления, возникают серьезные практические трудности в их применении.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержит в себе норму, которая определяет само оскорбление как унижение чести и достоинства другого лица (ст. 5.61) [1]. Не так давно данная статья, в ходе внесения правок в данный закон, подверглась изменениям и обзавелась новой фабулой, что, однако, не решило проблемы с тем, что сама формулировка основополагающей для данной статьи категории осталась недостаточно точной.

Наличие неопределенности рассматриваемой категории дает возможность судьям применять данную статью и определять виновность лица, подозреваю-

щегося в оскорблении другого субъекта права, предусмотренного данным положениями КоАП РФ, достаточно произвольно, опираясь на собственные убеждения. Важной частью судебного разбирательства по данной статье кодекса является этап лингвистической экспертизы, которая, анализируя высказывание потенциального правонарушителя, предусматривает вынесение вердикта. Лингвистическая экспертиза – этап делопроизводства по данной статье, который предопределяет, какие санкции будут применены к данному правонарушителю и было ли само правонарушение, содержит ли данное высказывание его признаки. Неточность формулировок, присутствующая в определении рассматриваемой категории, детерминирует то, что этап экспертизы становится крайне сложным и, порой, времязатратным из-за невозможности эффективно и быстро квалифицировать высказывание, которое подвергается анализу в соответствии с данной статьей в ходе разбирательства. Такая конфигурация объясняет цель данного исследования на предмет наличия проблем в проведении лингвистической экспертизы по статье КоАП об оскорблениях, которая заключается в том, чтобы высветить сложности, которые наличествуют в данной области и предусмотреть возможные пути их решения.

В профильной науке судебные экспертизы делятся на классы, которые, в свою очередь, делятся на роды и виды. Такая разветвленная система классификации объясняется многообразием судебных экспертиз различной направленности и характера, что детерминируется развитием научно-технического оснащения судебных экспертов и сопутствующих наук, применяемых в судебных экспертизах. В начале XXI века в России только в подведомственных государству учреждениях насчитывалось более 20 родов судебных экспертиз. На данный момент их число выросло кратно. Когда мы говорим об оскорблениях и соответствующей статье КоАП РФ, регламентирующей соответствующие правоотношения, стоит иметь в виду лингвистическую экспертизу. Именно такой род судебной экспертизы позволяет устанавливать наличие негативного контекста в выражениях данного лица, обращенных в адрес конкретной персоны, задевающих его честь и достоинство и квалифицировать их как оскорбление [5, с. 54]. Это, в свою очередь, является основанием для вынесения соответствующего судебного решения, согласно которому, лицо привлекается или не привлекается к административной ответственности.

Если говорить про исторический генезис лингвистической экспертизы как вида судебной экспертизы, то необходимо отметить недолгую, но стремительную историю ее развития. На данный момент рассматриваемый вид экспертизы имеет четко оформленную методологию, предмет, задачи и объект, рассматриваемые и используемые в рамках проводимого в ходе судебного разбирательства исследования. Данная ситуация характерна для всех развитых правовых государств, в том числе и для России. Становление данного института связывают с именем шведского лингвиста Яна Свартвика [4, с. 46]. К сегодняшнему дню можно констатировать, что лингвистическая экспертиза занимает важное место в отечественной практике правоприменения и процедура ее назначения в разбирательствах по соответствующим статьям является стандарт-

ной. Методология данного вида экспертизы, ее задачи, критерии, наличие которых в деле необходимо для назначения лингвистической экспертизы – все это на данный момент является отработанной технологией делопроизводства. Словом, техническая и процессуальная стороны вопроса лингвистической экспертизы перед современной юридической наукой и профильными науками, чьими предметами, в том числе являются судебные экспертизы, не стоят. Однако в исследовательском сообществе и среди практикующих юристов встречается мнение о том, что содержание самой экспертизы, способы толкования и обнаружения, например, оскорблений в продуктах речи, которые анализируются в ходе исследования, являются спорными моментами, требующими дополнительной регламентации. Неотъемлемой частью лингвистической экспертизы, назначаемой в ходе разбирательства, является привязка заключения к действующему закону, трактующему содержание данного продукта речи, по которому экспертиза и была назначена, так или иначе. В контексте рассмотрения статьи 5.61 КоАП РФ стоит сказать, что именно на фабулу опирается эксперт, когда делает заключение по исследуемому продукту речи. Данная статья в 2020 году получила новую фабулу, что не могло не внести корректировки в деятельность лингвистических экспертов и не отразиться на формировании соответствующих заключений.

Как уже отмечалось, продукт речи, направленный в адрес конкретного лица и имеющий своим эффектом унижение его чести и достоинства квалифицируется как оскорбление. Безусловно, исходя из данного определения, закрепленного в статье 5.61 КоАП РФ, суд выносит решение, согласно которому человек признается или не признается правонарушителем и подвергается, в случае наличия вины, административной ответственности. Однако недостаточно самого определения оскорбления, необходимо еще и объективно интерпретировать сам продукт речи, который потенциально представляет собой оскорбление и произнесение которого в адрес определенного лица явилось поводом, спровоцировавшим данное разбирательство. Именно руководствуясь данной посылкой, испытывая сложности с интерпретацией речевого акта, суд назначает лингвистическую экспертизу.

В ходе проведения экспертизы эксперт-лингвист отвечает на ряд процедурных вопросов о характере речевого продукта (имеет ли он приличную или неприличную форму?), а также выносит заключение о том, был ли направлен речевой акт на унижение чести данного лица и/или умаление его достоинства. Перечень вопросов, на которые отвечает эксперт, и их формулировка не являются спорными категориями. Но сами методы и подходы к интерпретации продуктов речи на предмет содержания в них оскорблений – место для дискуссий.

Известный ученый-языковед И. А. Стернин в одной из своих работ формирует целую методику для определения и установления факта унижения чести и достоинства личности. Так, согласно данной методике, у унижающей речевой конструкции есть две составляющие. Первой является негативная коннотация сказанного. Второй – непосредственная направленность в адрес конкретного лица. То есть негативная информация, согласно И. А. Стернину, должна не

только содержать негативные характеристики, но и быть направленной против конкретного человека. Следовательно, исходя из логики экспертной лингвистической оценки, исследователь определяет, присутствуют ли эти две составляющие в анализируемом речевом продукте и относится ли данный речевой акт к фактическому посягательству на унижение чести и достоинства данного лица [7, с. 60].

Однако в таком подходе к классификации речевых конструкций присутствуют ситуативные и контекстуальные сложности, которые объясняются тем, что сказанное может быть учтено только в рамках ситуации, в которой оно было произнесено вслух. При этом в контексте информации, негативно характеризующей и направленной против данного лица, стоит отметить точки зрения, принятые за ориентир в ее формировании и превращении в речевой акт. В практике лингвистической экспертизы принято выделять две позиции, с которых может высказываться анализируемая информация, произнесенная вслух. Первой позицией является позиция общества. Как показывает анализ судебной практики по подобным делам, в данном случае, чаще всего, в целях оскорбления используется брань, иногда не литературная, а также лицу приписываются негативные, осуждаемые обществом характеристики [6, с. 94]. Негативная информация, как правило, преподносится прямым текстом. В случае же с личной точкой зрения, используемой человеком, чей речевой акт, в случае проведения экспертизы, сложности вызывает правовое определение слов. Так, при личном посягательстве на оскорбления, распространенными являются слова, используемые в переносном значении, а также, часто, отсутствует «нецензурная» брань. Такие речевые конструкции, как отмечают эксперты, невозможно классифицировать и квалифицировать с точки зрения права.

В ходе анализа практики лингвистической экспертизы можно подробно разобрать некоторые кейсы. Так, в одном из случаев, когда речевой акт подлежал рассмотрению в рамках судебной экспертизы, были подвергнуты анализу следующие фразы: «лжесуд» и «как последняя потаскуха» [3, с. 59].

Данные фразы были направлены в ходе совершения речевого акта в адрес конкретной женщины. Однако, в данном случае, в ходе проведения экспертизы, в рамках контекста произносимого и анализа сопутствующих речевых конструкций, составляющих данный речевой акт, не удалось установить наличие конкретных указаний на то, что женщине, в адрес которой были произнесены данные слова, приписывается обладание осуждаемыми в обществе качествами. То есть, по сути, наличия в данном продукте речи элементов, которые интерпретировались бы как порочащие честь или унижающие достоинство данной женщины обнаружено не было [2, с. 68].

Рассматривая заключение эксперта-лингвиста по данному делу, стоит отметить интерпретацию, которая была дана рассматриваемым словам. Анализируемая речевая конструкция характеризовалась наличием грубой формы. Однако сам посыл фразы и ее последствия для авторитета или достоинства данной личности, в отношении которой эти слова были произнесены, по версии эксперта, отсутствовали. По словам лингвистического эксперта, произносивший

рассматриваемые фразы в рамках речевого акта, безусловно, выражал свои мысли в бранной форме и давал эмоциональную оценку некоторым аспектам поведения женщины. Однако эксперт установил, фразы все-таки отражали личное отношение говорившего к данной женщине и его собственные переживания. Произнося подобные фразы, говоривший выражал свое личное мнение, однако не прибегал к общественным оценкам или утверждениям, которые могли бы быть квалифицированы как унижающие честь и достоинство, а значит и как оскорбление. Общим посылом сказанных и рассмотренных в ходе экспертизы фраз стало выражение презрения и пренебрежения к персоне в чей адрес они были произнесены. Кроме общественного порицания, которое, по мнению эксперта, заслуживает говоривший вышеописанные фразы, эксперт отмечает, что данные речевые конструкции не поддаются квалификации с точки зрения права.

Исходя из вышеописанного можно констатировать, что негативная информация, выявляющаяся по ряду критериев, при условии, что она напрямую касается лица, в адрес которого произносится, не обязательно, с точки зрения закона, может квалифицироваться как оскорбление. Именно поэтому, в деятельности лингвистического эксперта так важен контекст речевой конструкции в полном ее объеме, с учетом рассматриваемых в рамках экспертизы фраз. Учет контекста произносимых фраз и обстоятельств, в которых они произносились, позволяет определить цели, которые преследовал в речевом акте говорящий.

Переходя к самому вопросу утверждения новой фабулы рассматриваемой статьи 5.61 КоАП РФ, где регламентируются нарушения административного законодательства в виде оскорблений, стоит отметить очередную неоднозначную формулировку, которая появилась в законе после внесения в него изменений в 2020 году. Речь идет про формулировку «иная противоречащая общепринятым нормам морали и нравственности форма». Имеется в виду форма, в которую облачается высказывание или действие, порочащее честь и унижающее достоинство данной личности и квалифицирующееся как оскорбление. Как следует из логики анализа формулировок правовых норм, применяющейся в данном исследовании, формулировка про противоречие формы действия общепринятым нормам морали и нравственности является неточной в части определения понятий норм морали и нравственности и регламентации действий, им противоречащих.

Многими лингвистами отмечается, что, по аналогии с категориями «честь» и «достоинства», категории «морали» и «нравственности» являются смежными, но разными с точки зрения субъекта анализа. Моральная сторона и ее оценка присуща конкретной личности, с позиций ее, личности, мироощущения. Нравственность же, как аспект социальной жизни человека, является категорией, содержание которой определяет общество. Однако, если говорить о законодательном закреплении данных категорий, стоит иметь в виду тот факт, что с течением времени содержание таких этических категорий как мораль и нравственность, и других могут меняться весьма стремительно, что объясняется объективными процессами, сменами парадигм и т. д. Однако условная кодифи-

кация данных норм при том, что поправки в закон будут вноситься с учетом меняющейся действительности, видится вполне релевантным решением проблем с множественными трактовками законодательства.

Также важным моментом в нововведенной формулировке, касающийся формы оскорбительного действия, стоит отметить слово «иная». С развитием научно-технического прогресса, важной частью современной коммуникации стала коммуникация через социальные сети и другие интернет-ресурсы. В ходе данного вида коммуникации могут использоваться текстовые сообщения (SMS), которые могут содержать различные смайлы, символы, высказывания в форме голосовых или видео-сообщений, которые, в свою очередь, могут быть оскорбительными и унижать достоинство или попирают честь данного лица. Новая итерация КоАП РФ учла данные изменения в коммуникативном поведении людей и предусмотрела данные формы речевого акта в итоговом обзоре поправок. Однако формулировка «иная», относящаяся к форме оскорбления, не была расшифрована и развита в дальнейших положениях тематического законодательства.

Актуальность проблем привлечения к административной ответственности за оскорбления неоспорима в условиях современного общества. Для повышения эффективности применения законодательства необходимо устранить существующие проблемы, связанные с неопределенностью норм, недостаточной доказательственной базы и нежеланием пострадавших обращаться за защитой. Решение вопросов требует комплексного подхода, включая развитие правовой базы, усиление деятельности правоохранительных органов и повышение правовой грамотности населения. Только так можно обеспечить надлежащую защиту прав граждан и гарантии их достоинства в обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве. Красноярск : Мир, 2009. 375 с.
3. Дудина Н. А. Законодательная трансформация статьи 5.61 КоАП РФ: обзор изменений // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 59–61.
4. Зебницкая А. К. Проблема квалификации оскорбления как административного правонарушения // Актуальные вопросы развития современного общества : сб. ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 т. Т. 2. Курск : Триумф, 2018. С. 45–47.
5. Зорина Н. С. Кибербуллинг среди подростков: понятие, виды и профилактика // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 54–57.

6. Кравец И. А. Конституция РФ, права человека и достоинство личности: диалог конституционной теории, практики конституционного правосудия и международных норм // Юридическая наука и практика. 2019. № 2. С. 94–98.

7. Стернин И. А. Основные понятия лингво-криминалистической экспертизы. Ярославль : Канцлер, 2019. 167 с.

УДК 342.56

Кузьмина Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

kuzmina.nat@yandex.ru

Ерёмина Екатерина Владимировна

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

ekaterina.katerina19.fedorova@mail.ru

К вопросу о понимании электронного правосудия

***Аннотация.** В статье рассматриваются различные подходы к пониманию электронного правосудия, проанализированы точки зрения различных авторов по поводу данного понятия, дано его авторское толкование и выделены характерные признаки электронного правосудия.*

***Ключевые слова:** электронное правосудие, арбитражные суды, правосудие, электронный документооборот, электронные документы, информационные технологии.*

Kuzmina Natalia Vladimirovna

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Eremina Ekaterina Vladimirovna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

On the issue of understanding e-justice

***Annotation.** The article examines various approaches to understanding e-justice, analyzes the points of view of various authors about this concept, gives its author's interpretation and highlights the characteristic features of e-justice.*

***Keywords:** electronic justice, arbitration courts, justice, electronic document management, electronic documents, information technology.*

Актуальность исследования понятия «электронного правосудия», определения его понятия и сущности, а также вопросов внедрения соответствующих технологий в процесс осуществления правосудия в современном мире обусловлена процессом информатизации общества, государства в целом и судебной системы как части государственного аппарата в частности. Электронное правосудие представляет собой способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий.

В настоящее время законодательство Российской Федерации не содержит официального определения электронного правосудия. Однако дефиницию можно найти на уровне подзаконных правовых актов.

Так, с целью оптимизации процесса внедрения электронного правосудия в Российской Федерации была подготовлена Концепция развития информатизации судов до 2020 года, утвержденная Постановлением Президиума Совета судей РФ от 19.02.2015 № 439 [5]. Согласно указанной Концепции, под электронным правосудием понимаются способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде. По нашему мнению, такое определение не отражает всей глубины и сути рассматриваемого нами явления.

За последние несколько лет появилось значительное количество научной литературы, посвященной различным аспектам электронного правосудия. Следует отметить, что зачастую в таких научных исследованиях к электронному правосудию относят элементы, которые характерны для других терминов. В связи с этим необходимо, во-первых, соотнести ряд смежных категорий между собой («электронное правосудие», «электронное обеспечение правосудия» и «информатизация судебной системы»), поскольку, как верно подмечает С. В. Василькова, «остается довольно размытой грань между электронным правосудием и простой информатизацией судебной деятельности, не затрагивающей существо судебной власти» [1, с. 50] и, во-вторых, определить их содержание.

Так, в частности, с точки зрения С. В. Романенковой [4, с. 30], необходимо разграничивать термин «электронное правосудие» в широком и узком значениях.

По мнению автора, в широком смысле под электронным правосудием можно понимать совокупность различных автоматизированных информационных систем – сервисов, предоставляющих средства для публикации судебных актов, ведения «электронного дела» и доступа сторон к материалам «электронного дела». Вышеуказанные средства позволяют вывести на совершенно иной качественный уровень взаимодействие суда, участников процесса и иных заинтересованных лиц. В то же время все эти сервисы носят прикладной, вспомогательный характер, не изменяя способов ведения судебного процесса. В узком смысле «электронное правосудие» – это возможность суда и иных участников судебного процесса осуществлять предусмотренные нормативными правовыми

актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход судебного процесса (например, такие действия, как подача в суд документов в электронной форме или участие в судебном заседании посредством системы видеоконференц-связи).

Н. Н. Федосеева и М. А. Чайковская также отмечают, что необходимо разграничивать такие понятия, как «информатизация судов» и «электронное правосудие». Информатизация судов предполагает, что суды используют в своей деятельности компьютеры и иную технику в качестве средств обеспечения процесса, но не как процессуальное средство непосредственно. Несмотря на то, что информатизация судов в России идет полным ходом, единой сети для всех судов пока нет. Тем не менее само по себе сведение судов в единую компьютерную сеть – это еще не электронное правосудие. Публикация всех судебных решений в Интернете, появление веб-сайтов судов – тоже не электронное правосудие. «Электронное правосудие возникает тогда, когда в процессуальное законодательство будут внесены изменения, позволяющие совершать процессуальные действия в цифровой форме».

Наиболее широкий подход к определению термина «электронное правосудие» придерживаются В. В. Ярков и И. И. Черных. Данные авторы рассматривают электронное правосудие как «электронную систему разрешения споров, которая может включать в себя такие элементы, как руководство процессом и судебным разбирательством, оборот судебных документов, доступ к судебной информации, судебные извещения, правовой поиск, внутренние судебные процедуры» [6; 7]. Именно к определению электронного правосудия в широком понимании данного термина придерживаются и на международном уровне.

Согласно Рекомендациям Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 (G48) электронное правосудие, как форма выражения электронной демократии, включает в себя официальные сайты судов, национальные и международные порталы, системы информирования о статусе судебного дела в онлайн-режиме, системы видеоконференций, а также методы и стандарты электронного обмена информацией [2].

Кроме вышеперечисленных позиций, представляется довольно интересной позиция В. И. Решетняк о том, что «внедрение электронного правосудия создаст условия для накопления в единой аналитической системе доказательственных прецедентов (определенное сочетание доказательств по делу с учетом факторов, влияющих на достоверность средств доказывания, критерии допустимости доказательств, не выраженные в законе и потому формулируемые практикой)» [3, с. 65].

Анализ различных точек зрения применительно к соотношению данных словосочетаний сводится к тому, что информатизацию судов (электронное обеспечение правосудия) не следует отождествлять с электронным правосудием.

По мнению С. В. Васильковой [1, с. 42], информатизация судебной системы вполне может развиваться без электронного правосудия, в то время как электронное правосудие сложно представить в отрыве от информатизации судов по той причине, что электронное правосудие реализуется непосредственно

с помощью информационно-коммуникационных технологий, т. е. средств вычислительной техники (иными словами, посредством технического программного обеспечения). Таким образом, с точки зрения правовой природы и терминологии упомянутые словосочетания отличаются друг от друга, однако их взаимосвязь, несомненно, прослеживается и неоспорима.

Для определения содержания термина «электронное правосудие» необходимо раскрыть основные его признаки:

1) использование информационно-коммуникационных технологий в качестве основного средства совершения всех процессуальных действий как судом, так и сторонами, а также для совершения действий, обеспечивающих процесс судопроизводства. При этом применение информационно-коммуникационных технологий основывается на процессуальном нормативно-правовом акте;

2) создание системы электронного документооборота (внешнего и внутреннего), позволяющей сторонам направлять документы в суд, а судам обеспечить надлежащее прохождение поданных документов в суде и создание электронного дела. Электронная форма документа является основной, при этом последняя используется в качестве полноценного эквивалента документа на бумажном носителе. По существу, в электронном правосудии бумажная форма документа вытесняется электронной формой;

3) введение системы управления электронным делом, создающей возможность управлять содержащейся в деле информацией и предоставлять доступ к информации, как публичный, так и ограниченному кругу лиц (сторонам спора), если информация носит конфиденциальный характер;

4) формирование системы публикации всех судебных актов;

5) обеспечение фиксации событий судебных заседаний посредством аудиовидеозаписей;

6) широкое использование средств видео-конференц-связи для получения устных объяснений сторонами и иными участниками процесса, исключения необходимости непосредственной явки сторон в зал суда, а также для обеспечения публичности процесса;

7) использование оборудования, позволяющего исследовать доказательства, предоставленные в электронной форме, возможность исследования доказательств судом и сторонами исключительно путем обозрения электронных документов, а также воспроизведения аудио- или видеозаписей с цифровых носителей.

Таким образом, проанализировав сложившиеся в юридической литературе мнения по вопросу понятия и признаков электронного правосудия, можно сделать следующий вывод: под электронным правосудием следует понимать способ осуществления правосудия, при котором судопроизводство осуществляется посредством установленных процессуальным нормативно-правовым актом специальных информационно-коммуникационных технологий, применение которых обеспечивает использование, создание и хранение всех используемых в процессе документов в электронной форме, а также обмен информацией между всеми участниками процесса.

Электронное правосудие отражает современные тенденции в развитии государства и права, является элементом электронного государства и сетевого общества, представляет собой особый способ и форму осуществления государственной функции, адекватную современному уровню развития и информатизации общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Василькова С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 50 с.
2. Рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии, приняты Комитетом министров 18 февраля 2009 г. на 1049-м собрании заместителей министров // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.03.2025).
3. Решетняк И. В. Электронная форма подачи документов в суд (опыт зарубежного гражданского судопроизводства) // Адвокат. 2013. № 4. С. 65.
4. Романенкова С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран. С. В. Романенкова // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 31.
5. Постановление Президиума Совета судей РФ от 19.02.2015 № 439 «Концепция развития информатизации судов до 2020 года». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.03.2025).
6. Черных И. И. Размышления об «электронном правосудии» // Судебная реформа и проблемы развития гражданского и арбитражного процессуального законодательства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М. : РАП, 2011. С. 112.
7. Ярков В. В. Электронное правосудие // Юрист. 2006. № 41. С. 12.

УДК 342.9

Шилов Юрий Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент
профессор кафедры публичного права
Пермского института ФСИН России
г. Пермь, Российская Федерация
shilov_yura_1968@mail.ru

Эволюция правоохранительной деятельности в контексте корректировки государственной миграционной политики

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности правоохранительных органов в разрезе корректировки государственной миграционной политики современной России, связанной с необходимостью полноценной легализации иностранных граждан. Ужесточение ряда требований к режиму пребывания указанных лиц на террито-

рии нашей страны в сочетании с изменением отдельных элементов правового статуса обозначенных субъектов, являются ориентиром для активизации и совершенствования правоприменительной и правоохранительной деятельности уполномоченных субъектов права, расширения существующих и поиска новых форм межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: гражданство, иностранные граждане, миграционная политика, правоохранительная деятельность.

Shilov Yuri Valerievich

candidate of law, associate professor

professor of the Department of Public Law

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Perm, Russian Federation

Evolution of law enforcement activities in the context of adjusting the State migration policy

***Annotation.** The article examines certain aspects of the activities of law enforcement agencies in the context of the adjustment of the state migration policy of modern Russia, related to the need for full-fledged legalization of foreign citizens. The tightening of a number of requirements for the regime of stay of these persons on the territory of our country, combined with changes in certain elements of the legal status of the designated entities, are a guideline for activating and improving the law enforcement and law enforcement activities of authorized legal entities, expanding existing and searching for new forms of interdepartmental interaction.*

Keywords: citizenship, foreign citizens, migration policy, law enforcement.

Большинство экономически развитых современных государств мира в последние десятилетия испытывают на себе влияние происходящих в мире сложнейших геополитических процессов, создающих, в том числе, определенную турбулентность в сфере миграции. Россия не только не является в этом плане исключением, но и по многим показателям является мировым лидером по влиянию происходящих миграционных процессов на ее экономику, политические процессы, культурную идентичность, стабильность уклада жизни населения и иные факторы. Широкий общественный резонанс всего того, что связано с различными проявлениями незаконной миграции, обуславливают необходимость скрупулезного анализа происходящих процессов для выработки взвешенной государственной политики и своевременного правового регулирования по всем возникающим проблемам.

В самом общем виде миграция представляется как перемещение населения из места постоянного проживания на определенное время или навсегда. При этом международная миграция сопровождается пересечением государственных границ [2, с. 24].

Динамично происходящие миграционные процессы вынуждают государственные власти искать наиболее приемлемые способы упорядочения трудовых, межконфессиональных, социокультурных, бытовых и иных вопросов с участием мигрантов, где требуется сформировать оптимальный баланс интересов государства (социума, коренного населения, жителей отдельных террито-

рий) и лиц, стремящихся самореализоваться, интегрироваться в российское общество, адаптироваться к предлагаемым обстоятельствам.

При этом следует помнить, что из числа стремящихся мигрировать на территорию другой страны, безусловно, имеются и те, кто является потенциальным преступником, носителем деструктивной идеологии, завербованным агентом или объектом влияния со стороны недружественных государств, что определяет актуальность высокого уровня мастерства и профессиональных навыков сотрудников самых разных правоохранительных органов и специальных ведомств.

Специалисты подчеркивают, что миграционную политику составляет комплекс организационных, институциональных, нормативных, правовых, финансовых, идеологических и иных мер, осуществляемых международными органами и организациями, государственными и муниципальными органами власти, политическими партиями, общественными организациями и движениями, средствами массовой информации и их представителями по формированию и реализации основных направлений управления миграционными процессами посредством использования власти, в том числе, политической, либо осуществления влияния на власть в интересах реализации значимых государственных и общественных потребностей, обеспечения и защиты прав человека и граждан [1, с. 145].

Правовые отношения, связанные с многочисленными аспектами взаимодействия граждан и государства с иностранными гражданами в Российской Федерации, регулируются в настоящее время федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ [6] и целым рядом других нормативных правовых актов различной юридической силы. Каждый правовой документ из обозначенного списка определенным образом дополняет и конкретизирует нормы базового закона, определяя сущность деятельности уполномоченных органов государства, реализующих государственную миграционную политику в складывающихся исторических и геополитических условиях.

Другой важнейший документ высшей юридической силы – федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [7] также касается смежных аспектов, в том числе, определяет основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации. Нормативно-правовое регулирование отношений гражданства сегодня базируется и на указе Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 года № 889 «Вопросы гражданства Российской Федерации» [8], и некоторых других правовых актов, корректируемых по мере необходимости и с учетом складывающейся обстановки.

Таким образом, законодательно не только закрепляются основные понятия в исследуемой теме, правовой статус обозначенных субъектов права, временные периоды (сроки) и условия пребывания (проживания) иностранцев на территории страны, вопросы возможного приобретения гражданства нашей

страны, документационную основу, но и определенные элементы государственной политики и идеологии.

Сегодня особую актуальность приобретают вопросы легализации иностранных граждан, которые получили новый импульс в связи с событиями, вызванными принятием в 2014 году в состав Российской Федерации Республики Крым и образованием новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополь, а также вхождением в 2022 году в состав России Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей.

Еще одним трагическим и резонансным событием, подтолкнувшим власть на серьезный пересмотр ситуации с миграционными проблемами, явилась террористическая атака в «Крокус Сити Холле», произошедшая 22 марта 2025 года при непосредственном участии вооруженных бандитов из числа лиц, находящихся в стране на легальных основаниях. Так, четверо исполнителей теракта – граждане Таджикистана, находились в стране на протяжении разного периода времени, при этом только двое имели легальное место работы, один при этом уже был ранее депортирован из страны, а у другого погиб брат, воевавший в Сирии на стороне боевиков ИГИЛ (запрещенная на территории Российской Федерации организация).

Фактически с этого момента государство взяло решительный курс по ужесточению миграционного законодательства и всей миграционной политики в целом, что сегодня вылилось в принятие конкретных мер и разработку целого ряда программных документов.

Не случайно многие исследователи отмечали острую необходимость в оптимизации нормативно-правовой базы в сфере миграционных отношений для того, чтобы определить вектор развития политики и кодификации законодательства в изучаемой сфере [5, с. 8].

Можно сформулировать ряд таких корректировок. Так, сегодня заработал государственный реестр контролируемых лиц из числа иностранных граждан, которые находятся в стране на нелегальных основаниях. В этот бесплатный электронный интернет-ресурс включаются все те, кто по различным причинам не переоформил те или иные документы, либо вышел за установленный период легального нахождения на территории страны. Обязанность вести обозначенный реестр возлагается на МВД России, что само по себе усиливает контроль за миграционными потоками, а также концентрирует определенные сведения в едином информационном пространстве. Вместе с тем, отметим неизбежное увеличение нагрузки на сотрудников при внесении (обработке) соответствующих данных и последующем предоставлении указанной информации по запросам, например, работодателей.

Как представляется, подобная мера будет способствовать не только выявлению и фиксации лиц, нарушающих требования миграционного законодательства, но и упорядочит трудовые отношения, например, в сфере пассажирских перевозок, сократит число правонарушений в иных сферах с участием иностранных граждан, будет способствовать упрощению процедуры их последующей депортации.

В этой связи отметим, что значительно расширены полномочия органов государства по реализации мер, связанных с выдворением иностранцев за пределы страны, которые в настоящее время могут применяться и сотрудниками МВД России без обязательного ранее судебного решения. Кроме того, сам срок пребывания иностранца на территории страны в безвизовом порядке сегодня хоть и составляет все те же 90 дней, но может быть использован только один раз в течение календарного года.

С апреля 2025 года вступает в действие норма, согласно которой иностранные граждане не вправе управлять транспортными средствами по национальным и международным водительским удостоверениям, которые после наступления указанной даты требуют замены на российские документы.

Отметим и тот факт, что сегодня активно заработала процедура получения биометрических данных иностранных граждан в целях формирования единого цифрового профиля, включающая, например, необходимость при приобретении им сим-карты пройти определенную процедуру идентификации. Сюда же могут быть отнесены действия власти по получению документов, подтверждающих владение русским языком, знание истории и основ законодательства Российской на соответствующем уровне.

Сегодня процесс формирования прозрачного, понятного и адекватного сложившейся ситуации эффективно действующего правового поля, регламентирующего правовой статус иностранных граждан в нашей стране, продолжается.

Например, обозначенная Президентом Российской Федерации позиция по легализации граждан Украины до 10 сентября 2025 года, находящихся в стране без законных на то оснований, как раз является логичным продолжением обозначенной государственной политики и свидетельствует о последовательной позиции органов публичной власти сформировать действенный механизм контроля в миграционной сфере.

Соответственно, находящиеся в силу объективных причин в России украинцы должны либо легализоваться, либо покинуть страну, поскольку в противном случае в отношении них заработает соответствующий административный ресурс на «общих основаниях», фактически прекращающий действовавший ранее режим преференций для граждан этой страны.

Вместе с тем, отметим позицию отдельных авторов, отмечающих отсутствие четких формулировок режима пребывания (проживания) иностранных граждан или лиц без гражданства в Российской Федерации, а также составляющих элементов правонарушений этого режима [3, с. 144].

Позиция руководства страны вполне обоснована и вытекает из необходимости защиты интересов нашего государства, обеспечения требуемого уровня всех элементов национальной безопасности, а равно конструирования единообразного правового инструментария. Сам факт неурегулированности правового статуса жителей Украины создает множество проблем бытового характера, не позволяющих им, в частности, реализовать те или иные правовые возможности. Так, в случае прохождения процедуры медицинского освидетельствования, дактилоскопической регистрации и фотографирования обозначенные иностранцы смогут работать

на территории новых регионов страны без обязательного получения соответствующего разрешения на работу или патента. Однако срок действия подобной меры завершится с окончанием текущего календарного года.

Обозначенный курс государства и формируемая на его основе новая идеология миграционной политики, напрямую влияет на видоизменение практического функционала деятельности большинства структур правоохранительной и правозащитной направленности. Несмотря на существующие финансово-экономические, кадровые, материально-технические и иные сложности, ведомства должны максимально полно включиться в новый механизм противодействия незаконной миграции и достижения тех или иных социально значимых целей.

Уже сегодня наблюдается активизация деятельности уполномоченных правоохранительных органов, прежде всего, профилактической направленности – проведение большого количества тематических рейдов, профилактических обходов, специальных контрольно-надзорных и оперативно-профилактических мероприятий по выявлению незаконных мигрантов, осуществление точечного анализа миграционной обстановки в отдельных территориях, консультативно-пропагандистская работа с национальными диаспорами и пр.

Согласимся, что, как и ранее, миграционная политика, как и любая иная, зиждется на четырех столпах: законодательстве, организационном (институциональном) ее сопровождении, инструментах реализации и финансировании [4, с. 176].

В заключение еще раз отметим, что складывающаяся в современных условиях в стране и мире сложная социально-политическая ситуация, в том числе, определяемая нерешенностью накопившихся миграционных проблем, обусловила необходимость взяться за столь сложный «клубок проблем» и постепенно выстроить упорядоченный и эффективно работающий комплекс, представляющий собой один из важнейших компонентов национальной безопасности.

Очевидно, что наметившиеся тектонические сдвиги потребуют в ближайшей перспективе довести многие полезные инициативы до своего логического завершения, что будет сопровождаться обязательным изменением в правовом поле и совершенствованием правоприменительной практики. Требуется наметить новые возможные пути межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, оказания необходимой практической помощи или методического сопровождения, обеспечив тем самым комплексное решение существующих проблем. Особую значимость сегодня приобретает последовательная позиция органов прокуратуры в части координации совместных усилий в миграционной сфере. Только такой подход позволит поднять вопросы обеспечения национальной безопасности на новый уровень, а равно наметить стратегические приоритеты правового регулирования всего комплекса отношений в сфере миграции на долгосрочную перспективу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волох В. А. Новая Россия: политика и управление миграционными процессами : монография. Самара : Бахрам-М, 2015. 192 с.

2. Киселева Е. В. Международно-правовое регулирования миграции : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2018. 374 с.
3. Музыченко П. Б., Музыченко Н. П. О совершенствовании паспортно-визового режима в современной миграционной политике Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3(219). С. 144.
4. Мукомель В. И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты / Ин-т социологии РАН. М. : Диполь-Т, 2005. 351 с.
5. Муленко Н. В. Проблемы национального законодательства в сфере регулирования миграционных отношений в Российской Федерации // Миграционное право. 2024. № 2. С. 6–10.
6. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.
7. О гражданстве Российской Федерации. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215.
8. Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 889 (с изм. от 04.01.2024) «Вопросы гражданства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 48. Ст. 8551.

УДК 347.94

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

nat_ganzha@mail.ru

Мельников Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

i_melnikov@ksu.edu.ru

Гарбер Элеонора Андреевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

Garber.Elya@yandex.ru

Проблемы получения доказательств в арбитражном процессе в условиях цифровизации

Аннотация. В современных условиях цифровизации коммуникация все чаще осуществляется через социальные сети, мессенджеры и различные онлайн-платформы. Однако

функция удаления сообщений, присутствующая в большинстве этих платформ, усложняет процесс сбора доказательств для представления их в суде. В настоящей статье предпринята попытка сформулировать изменения действующего законодательства, которые позволят обеспечить техническую возможность представления доказательств, содержащихся в архивах данных социальных сетей, мессенджеров с целью представления доказательств в суде. Авторами обсуждается возможность внесения изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» для предоставления арбитражным судам механизмов содействия в сборе цифровых доказательств.

Ключевые слова: цифровизация, арбитражный суд, удаленные сообщения, доказательства, мессенджеры.

Ganzha Natalia Vladimirovna

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Garber Eleonora Andreevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of obtaining evidence in the arbitration court in the context of digitalization

***Annotation.** In the modern context of digitalization, communication is increasingly carried out through social networks, instant messengers and various online platforms. However, the message deletion function present in most of these platforms complicates the process of collecting evidence for presentation in court. This article attempts to formulate changes to the current legislation that will ensure the technical possibility of presenting evidence contained in the archives of social networks and instant messengers for the purpose of presenting evidence in court. The authors discuss the possibility of amending the Federal Law «On Information, Information Technologies and the Protection of Information» to provide arbitration courts with mechanisms to assist in collecting digital evidence.*

Keywords: digitalization, arbitration court, deleted messages, evidence, instant messengers.

Цифровые технологии играют все более важную роль в жизни современного общества, что не могло не отразиться на юридических процессах. Коммуникации, заключение договоров и многие другие аспекты взаимодействия сторон все чаще переходят в онлайн-пространство. Тем не менее важной проблемой остается вопрос сохранности и предоставления цифровых доказательств в суде. В особенности это касается случаев, когда сообщения могут быть удалены с платформы, на которой происходило общение, что затрудняет сбор необходимых доказательств.

Доказательства играют ключевую роль в любом судебном разбирательстве, включая арбитражные споры. Согласно статье 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), доказательства – это сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела. Эти факты могут быть получены из объяснений сторон, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, заключений экспертов и других источников [1].

Электронные доказательства, такие как переписки в мессенджерах, электронные письма, записи с камер видеонаблюдения и другие цифровые данные, становятся все более актуальными в современном арбитражном процессе. Это объясняется цифровизацией бизнеса и активным использованием онлайн-коммуникаций в деловой среде. Понятие электронные доказательства закреплено в статье 75 АПК РФ, где указывается, что это документы, полученные с использованием электронных или иных технических средств, которые имеют такую же юридическую силу, как и их бумажные аналоги.

Е. В. Гаврилов в своих исследованиях подчеркивает, что электронные доказательства требуют тщательной правовой оценки, поскольку их происхождение и достоверность могут быть оспорены, особенно если отсутствует возможность верифицировать подлинность цифрового источника [2, с. 393–397].

На данный момент многие современные платформы, такие как социальные сети, мессенджеры и онлайн-платформы, предлагают функцию удаления сообщений как для одного участника, так и для всех. Это приводит к тому, что история общения или отдельные сообщения могут исчезнуть без возможности их восстановления для представления в суде. В случае арбитражных разбирательств, когда одна из сторон может использовать скриншоты переписки в качестве доказательств, проблема усугубляется, если данные были удалены до их предоставления.

Часть 3 статьи 10¹ Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ-149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») устанавливает обязанности организаторов распространения информации в сети Интернет по хранению двух различных категорий данных. В соответствии с п.п. 1 ч. 3 ст. 10¹ Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», подлежит хранению «информация о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет [3]. Срок хранения этой информации составляет не менее одного года. Такие данные позволяют восстановить структуру взаимодействия между сторонами и являются важным источником для анализа цифровой активности.

В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 10¹ Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» подлежит хранению текст, голосовые сообщения, изображения, видео и иные виды кон-

тента, передаваемые в процессе общения. Эти данные обладают высокой доказательственной ценностью, поскольку позволяют установить суть взаимодействия. Срок их хранения ограничен шестью месяцами, а порядок хранения устанавливается Правительством РФ.

Однако на практике не все платформы предоставляют пользователям доступ к удаленным данным, тогда как суды не наделены прямыми полномочиями запрашивать такую информацию, поскольку согласно п. 3.1 ч. 3 ст. 10¹ ФЗ-149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», это право закреплено исключительно за строго определенным кругом уполномоченных органов.

Для решения описанной проблемы предлагается внести изменения в п. 3¹ ч. 3 ст. 10¹ Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и изложить текст в следующей редакции «Организатор распространения информации в сети Интернет» обязан предоставлять указанную в части 3 настоящей статьи информацию суду, уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами». То есть в случае судебного производства сторона, которая не может предоставить доказательства, может обратиться к администрации платформы с запросом о восстановлении удаленных сообщений, а если платформа откажет в предоставлении данных, сторона сможет обратиться с ходатайством в суд о содействии в сборе доказательств. Это позволит суду запрашивать у администрации российских платформ доступ к архиву данных для восстановления необходимых сообщений или комментариев.

Такая практика обеспечит более высокий уровень юридической защиты сторон в арбитражных процессах и позволит исключить возможность злоупотреблений функцией удаления сообщений в корыстных целях. Важно отметить, что данные у платформ хранятся в течение определенного времени, что делает возможным восстановление информации для судебного разбирательства.

Примером эффективного взаимодействия между судами и цифровыми платформами может служить практика Европейского Союза и США, где законодательство в сфере защиты данных и доступа к ним активно развивается. В частности, в США суды могут запрашивать данные у IT-компаний для обеспечения правосудия, что позволяет минимизировать риски, связанные с утратой цифровых доказательств [4; 5].

Таким образом, для эффективного правоприменения в условиях цифровизации необходимо внесение изменений в законодательство, регулирующее сбор и предоставление цифровых доказательств. Предложенные изменения в Федеральный закон № 149-ФЗ позволят арбитражным судам оказывать содействие в сборе доказательств в тех случаях, когда стороны не могут самостоятельно их обеспечить. Это повысит справедливость и прозрачность судебных разбирательств и позволит более эффективно защищать права участников процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) : принят Государственной Думой 14 июня 2002 года : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.04.2025).

2. Гаврилов Е. В. К вопросу о месте скриншотов в системе доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург, 2020. 597 с.

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации (с изменениями и дополнениями) : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149 (ред. от 23.11.2024) : принят Государственной Думой 8 июля 2006 года: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.04.2025).

4. Court of Justice of the European Union, Press release № 70/14, Luxembourg, 13 May 2014, Judgment in Case C-131/12 Google Spain SL, Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2014-05/cp140070en.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).

5. U. S. Supreme Court, 584 US (2018), Decision in the case of USA v. Microsoft., № 17-2. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/584/17-2/case.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).

УДК 347.963

Васильева Анастасия Валерьевна

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Пендюр Марина Сергеевна

студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

marina.pendyur@yandex.ru

Роль прокурора в обеспечении законности при рассмотрении судами гражданских дел о восстановлении на работе

Аннотация. Статья посвящена изучению роли прокурора в обеспечении законности при рассмотрении судами гражданских дел о восстановлении на работе. Авторами прово-

дится анализ норм гражданского процессуального законодательства, раскрываются особенности участия прокурора в данной категории дел, анализируется актуальная судебная практика, исследуется ведомственная статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурор, восстановление на работе, гражданское судопроизводство, заключение прокурора, судебная практика.

Vasilyeva Anastasia Valeryevna

senior lecturer of the department of civil law disciplines

DYUI (f) UP of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Pendur Marina Sergeevna

student, DYUI (f) UP of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

The role of the prosecutor in ensuring the rule of law when considering civil cases of reinstatement by the courts

Annotation. *The article is devoted to the study of the role of the prosecutor in ensuring the rule of law when considering civil cases of reinstatement by the courts. The authors analyze the norms of civil procedure legislation, reveal the specifics of the prosecutor's participation in this category of cases, analyze current judicial practice, and study departmental statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.*

Keywords: *prosecutor, reinstatement, civil proceedings, prosecutor's opinion, judicial practice.*

В современном российском обществе вопросы защиты трудовых прав граждан приобретают особую значимость. Деятельность органов прокуратуры в этой области реализуется в различных аспектах: получение по результатам прокурорской проверки информации о нарушениях трудового законодательства и в последующем ее анализ, подготовка исковых заявлений, участие в рассмотрении дела судом, дача заключений по делам. Органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением трудовых прав граждан, контролируя исполнение трудового законодательства и реагируя на выявленные нарушения.

Согласно части 3 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о восстановлении на работе, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством [4]. Данное обстоятельство обусловлено необходимостью защиты трудовых прав граждан и обеспечения справедливости судебного разбирательства [3, с. 130].

Прокурорский надзор играет ключевую роль в обеспечении соблюдения трудовых прав граждан Российской Федерации.

Согласно статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации в период с 2020 по 2024 годы судами первой инстанции было рассмотрено 48 840 дел о восстановлении на работе с участием прокурорского работника, из

них 39 663 решений вынесено в соответствии с заключением прокурора. В этой связи роль прокурора в рассмотрении судами гражданских дел о восстановлении на работе является особенной и количество рассмотренных дел, демонстрирует актуальность темы исследования.

В ходе судебного разбирательства прокурор осуществляет всестороннюю оценку представленных сторонами доказательств, анализируя их с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. Такой подход позволяет выявить возможные нарушения трудового законодательства и обеспечить объективность судебного процесса. Например, в деле об увольнении работника по сокращению штата прокурор проверяет, соблюдены ли работодателем все процедурные требования, предусмотренные законом, и не было ли допущено дискриминации.

Прокурор вправе представлять дополнительные доказательства, которые могут существенно повлиять на исход дела. Это особенно важно в ситуациях, когда работник не обладает достаточными ресурсами или знаниями для самостоятельной защиты своих прав. Например, в случае увольнения беременной женщины прокурор может представить медицинские документы, подтверждающие состояние работницы, и тем самым доказать незаконность увольнения [8, с. 555].

Особое внимание уделяется случаям, когда права наиболее уязвимых категорий работников подвергаются нарушению. К таким категориям относятся, например, инвалиды, беременные женщины и несовершеннолетние работники. В этих ситуациях прокурор осуществляет надзор за соблюдением трудового законодательства, чтобы предотвратить дискриминацию и обеспечить равные возможности для всех работников.

Обратимся к примеру из судебной практики. Истец обратилась в суд с иском о восстановлении на работе, взыскании средней заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда. Исходя из материалов дела с ней был заключен срочный трудовой договор. В связи с истечением трудового договора работница была уволена. В дальнейшем в адрес работодателя была направлена справка о том, что в период выполнения трудовых обязанностей истец находилась в состоянии беременности, поэтому, по ее мнению, увольнение является незаконным.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано. Не согласившись с ним, прокурором было подано апелляционное представление, в котором он просил восстановить истца на работе и признать приказ об увольнении незаконным.

Судом второй инстанции было принято новое решение по делу об установлении новой даты увольнения, выплате среднего заработка за время вынужденного прогула, компенсацию морального вреда [1].

Данное дело было также отражено в обзоре практики разрешения апелляционной инстанцией Санкт-Петербургского городского суда по рассмотрению гражданских и административных дел по апелляционным представлениям прокурора во втором квартале 2022 г. Управления по обеспечению участия

прокуроров в гражданском и арбитражном процессе прокуратуры г. Санкт-Петербург [5].

В делах о восстановлении на работе незаконно уволенных работников прокурор выступает как «арбитр справедливости». Прокурор исследует все обстоятельства дела и обращает внимание на множество аспектов, которые необходимо установить, чтобы защитить права граждан в полной мере. Например, при увольнении работника по собственному желанию необходимо исследовать наличие обстоятельств, предшествующих увольнению, а также добровольность такого волеизъявления.

Рассмотрим пример из судебной практики. Истец, находясь на должности водителя, стал участником дорожно-транспортного происшествия. На момент аварии находился за рулем автомобиля работодателя. В последующем работником было написано заявление об увольнении по собственному желанию в связи с разночтениями по вопросам оценки ущерба. Приказом директора истец был уволен. На приказе истцом была поставлена собственноручная подпись и сделана запись: «спорная мотивация».

Судом первой инстанции иск о признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, признании незаконными действий по отстранению от управления автомобилем не удовлетворен.

Исходя из того, что в материалах дела отсутствовали доказательства того, что работодатель убедился в том, понимает ли работник последствия написания им заявления об увольнении, работодателем работнику разъяснены последствия увольнения.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено. Увольнение истца было признано незаконным. В судебном заседании прокурором было дано заключение о том, что решение суда подлежит отмене и увольнение должно быть признано незаконным, добровольное волеизъявление работника на прекращение трудовых обязанностей не подтверждено, в связи с тем, что на приказе была сделана надпись «спорная мотивация» [2].

В российском гражданском судопроизводстве прокурор обладает рядом «процессуальных инструментов», направленных на обеспечение законности и защиту прав граждан, особенно в делах о восстановлении на работе.

Заключение прокурора по делам о восстановлении на работе является важным аспектом деятельности, описывает все ключевые обстоятельства дела, предлагает свою правовую позицию по удовлетворению или отказу в удовлетворении иска или жалобы. Такие заключения позволяют быстрее разобраться в сути дела, ведь дела порой бывают очень запутанные, прошедшие не одну инстанцию.

Так, Девятый кассационный суд общей юрисдикции рассмотрел дело, по которому ранее было принято четыре судебных постановления. Определением Верховного Суда Российской Федерации дело было направлено на новое рассмотрение.

Истец в жалобе излагает, что судом неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела. Считает, что ответчиком нарушена процедура увольнения, вакантные должности ему не предлагались.

Ранее истец обратился в суд с иском к работодателю о восстановлении на работе, указав, что на основании ранее принятого решения восстановлен на работе в должности помощника начальника караула отряда пожарно-спасательной части. Приступив к работе, в этот же день ему вручено уведомление о том, что в соответствии с решением коллегии МЧС России отряд, в котором истец проходил службу, будет ликвидировано. В этом же уведомлении истца поставили в известность о том, что контракт с ним будет расторгнут, и он будет уволен. Однако приказом истец переведен в штат другого подразделения для дальнейшего прохождения службы по ранее занимаемой должности. В последующем истец о новой дате увольнения не уведомлялся, также не разъяснено, по каким основаниям его планировалось уволить, вакантные должности не предлагались. Далее истец был уволен.

Прокурором по делу было дано заключение, в котором явно указывалось, что лицо не может находиться на службе в случае осуждения его за преступление по приговору суда, вступившему в законную силу, а равно ввиду наличия судимости, в том числе снятой или погашенной. Данные обстоятельства имеют значение для дела. Поэтому в дальнейшем лицу не предлагались вакантные должности, и оно было уволено [6].

Таким образом, дела анализируемой категории отличаются как правовой, так и фактической сложностью. Заключение прокурора в таком случае является «верным помощником» для принятия законного решения суда.

Одним из ключевых «инструментов прокурора» является право направления запросов в государственные органы, такие как Государственная инспекция труда, для получения необходимой информации. Это позволяет обеспечить всестороннее и объективное рассмотрение дела, выявить возможные нарушения трудового законодательства и представить суду достоверные данные. Взаимодействие с государственными органами позволяет органам прокуратуры эффективнее осуществлять защиту трудовых прав граждан.

Кроме того, прокурор обладает правом опротестовывать судебные акты, включая направления апелляционных и кассационных жалоб в интересах работника [7, с. 353]. Согласно статье 320 ГПК РФ, прокурор, участвующий в деле, имеет право на подачу апелляционной жалобы на решение мирового судьи [4]. Такое право позволяет прокурору реагировать на судебные решения, которые, по его мнению, противоречат закону или нарушают права граждан, и добиваться их пересмотра в вышестоящих судебных инстанциях.

Роль прокурора также заключается в недопущении давления со стороны работодателя на работника в ходе судебного разбирательства. Прокурор следит за тем, чтобы процесс проходил в соответствии с принципами равноправия и состязательности сторон.

В завершении отметим, исследование особенностей участия прокурора в рассмотрении судами гражданских дел о восстановлении на работе показыва-

ет, что его роль является ключевой в обеспечении законности и защиты трудовых прав граждан.

Прокурор не только вступает в процесс в случаях, затрагивающих публичные интересы, но и активно применяет процессуальные инструменты, включая направление запросов в государственные органы, представление доказательств и участие в судебных прениях, дача заключений по делу.

Анализ судебной практики последних лет подтверждает рост числа трудовых споров и усиление роли прокуратуры в данной сфере. Конкретные решения судов свидетельствуют о значимости прокурорского надзора при выявлении дискриминационных увольнений, незаконных сокращений и нарушений прав социально уязвимых категорий работников.

Влияние органов прокуратуры на судебные процессы выражается не только в отстаивании законности, но и в формировании единообразной правоприменительной практики, что способствует укреплению гарантий защиты трудовых прав и эффективному исполнению судебных решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 13.04.2022 по делу № 33-4912/2022 // Сайт Санкт-Петербургского городского суда. URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=57149934&delo_id=5&new=5&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 23.02.2025).

2. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 09.06.2022 № 33-11988/2022 // Сайт Санкт-Петербургского городского суда. URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=79738749&case_uid=015f3552-b4bf-461d-bb54-a78ce9abc0cf&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 26.02.2025).

3. Вайман А. Б. К вопросу о защите прокурором трудовых прав граждан // Аграрное и земельное право. 2020. № 1(181). С. 129–132.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. Обзор практики разрешения апелляционной инстанцией Санкт-Петербургского городского суда гражданских и административных дел по апелляционным представлениям прокурора, рассмотренным за второй квартал 2022 г // Управление по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе прокуратуры г. Санкт-Петербург

6. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2022 № 8Г-4170/2022 [88-4798/2022] // Сайт Девятого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12306029&case_uid=396c28a4-12a7-4cc1-8d5f-8dce4909abba&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 23.02.2025).

7. Ухинова А. А. Проблемы правового регулирования участия прокурора по отдельным категориям гражданских дел о защите трудовых прав граждан // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2, № 5(25). С. 350–356.

8. Васильева А. В., Пендюров М. С. Защита трудовых прав несовершеннолетних органами прокуратуры Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 2А. С. 555–563.

УДК 342.56

Иванова Елена Сергеевна

магистрант

Костромской государственный университет

Кострома, Российская Федерация

eivanova.30@mail.ru

Кузьмина Екатерина Николаевна

помощник судьи Костромского областного суда

Кострома, Российская Федерация

ek.kuzmina@mail.ru

Служебная нагрузка судей в судах общей юрисдикции

***Аннотация.** В статье рассмотрены проблемные аспекты нагрузки на судей и судебный аппарат судов общей юрисдикции. Анализируется термин «служебная нагрузка судей», определяются причины высокой нагрузки на судей в Российской Федерации. Анализируются меры, предпринимаемые для снижения судебной нагрузки.*

***Ключевые слова:** альтернативное разрешение споров, исполнительная надпись нотариуса, оптимизация судебной нагрузки, служебная нагрузка судей.*

Ivanova Elena Sergeevna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna

assistant judge of the Kostroma Regional Court

Kostroma, Russian Federation

The official workload of judges in courts of general jurisdiction

***Annotation.** The article discusses problematic aspects of the burden on judges and the judicial apparatus of courts of general jurisdiction. The term “judicial workload” is analyzed, and the reasons for the high workload of judges in the Russian Federation are determined. The measures taken to reduce the judicial burden are analyzed.*

Keywords: *alternative dispute resolution, notary's executive order, optimization of judicial workload, judicial workload.*

Статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Одно из ключевых значений для обеспечения качества рассмотрения дел при отправлении правосудия имеет эффективное управление служебной нагрузкой судей [6].

Термин «служебная нагрузка судей», а также выражения, используемые как его синонимы, – «судебная нагрузка», «нагрузка на судей» часто употребляются в специальной литературе и широко используются в официальных документах. При этом законодатель, закрепляя термин «нагрузка судей» в процессуальном законодательстве, не дает его легального определения. Отсутствует единый подход в трактовании этого понятия и в юридической литературе.

С процессуальной точки зрения, судебная нагрузка – это количество конкретных уголовных, гражданских, административных дел, дел по разрешению экономических споров и их «взвешенная» сложность. При этом сложность дела, т. е. объем затраченного на него времени, может зависеть от фактической сложности дела, т. е. от таких обстоятельств, как количество сторон, количество свидетелей, наличие экспертиз, объединенных исковых требований и т. д.; от правовой сложности дела, например, если дело, требует применения норм международного или иностранного права; от процессуального порядка рассмотрения дела, предусматривающего объем действий судьи и участников процесса (упрощенное или исковое производство, примирение сторон или вынесение решения по существу и т. п.) [1, с. 186].

В широком смысле, служебная нагрузка на судью определяется как объем судебной работы судьи за определенный период времени (по рассмотрению дел и осуществлению иных судебных задач), показатели которой свидетельствуют о степени соответствия судебной организации стандартам надлежащего правосудия и качества судебной деятельности. При этом в содержание судебной нагрузки входит не только время, потраченное на разрешение тех или иных типов дел, но и деятельность, связанная с обслуживанием рабочего места, повышением квалификации судьи, обобщением судебной практики, участием в деятельности органов судейского сообщества, иных органов и организаций, осуществлением организационно-распорядительных полномочий, а также иная деятельность, обусловленная предназначением судов как органов судебной власти [1, с. 186].

С каждым годом растет количество рассматриваемых судами дел. Так, если в 2023 году судами рассмотрено около 39 млн дел, то в 2024 году этот показатель составил более 42 млн дел [3, с. 1]. С развитием и усложнением общественных отношений судебная нагрузка будет только увеличиваться. Так, появление новых объектов гражданских прав обуславливает неизбежность возникновения споров по поводу данных благ в гражданско-правовой плоскости, равно совершения в отношении них преступлений – в плоскости уголовной. При этом Ю. О. Луховская отмечает, что ежегодно возрастающее количества передаваемых на рассмотрение суда споров, обусловлено, не только усложнением

общественных отношений, но и неразвитостью альтернативных (внесудебных) способов разрешения конфликтов, из-за чего граждане и юридические лица вынуждены обращаться в суд как единственно возможный и единственно доступный для них способ защиты и восстановления нарушенных или оспариваемых прав [7, с. 52]. Следовательно, снижению судебной нагрузки будет способствовать развитие альтернативных (внесудебных) способов разрешения споров, например развитие института медиации, развитие института исполнительной надписи нотариуса.

Еще одной причиной высокой судебной нагрузки, по мнению многих исследователей, является острая нехватка не только самих судей, но квалифицированных кадров в лице помощников и секретарей, во многом определяющих и предопределяющих результативность труда судьи и качество правосудия в целом. Ю. О. Луховская отмечает, что кадровый дефицит, равно как и недостаточный уровень компетентности секретарей и помощников как одна из причин высокой судебной нагрузки, – прямое следствие недостаточного финансирования судебной системы, так как уровень заработной платы помощников и секретарей вынуждает наиболее грамотных и профессиональных юристов выбирать альтернативные места трудоустройства, предлагающие конкурентоспособное вознаграждение за труд [7, с. 53].

В рамках реформирования судебной системы Российской Федерации органы публичной власти разрабатывают меры, направленные на снижение судебной нагрузки.

Так, создание в 2019 году апелляционных судов общей юрисдикции и кассационных судов общей юрисдикции имело своей целью не только инстанционное усовершенствование устройства судов общей юрисдикции и максимальное обеспечение независимости и самостоятельности различных судебных инстанций при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб, но и оптимизацию судебной нагрузки за счет снижения нагрузки на судей верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов.

В 2018 г. Верховный Суд Российской Федерации внес в Государственную Думу проект федерального закона, предусматривающий составление мотивировочной части судебных решений по гражданским делам и экономическим спорам только по заявлению участников судопроизводства или при подаче апелляционной жалобы. Это предложение было отклонено законодателем, но в 2021 году в связи ростом судебной нагрузки и, учитывая тот факт, что большинство решений судов первой инстанции не обжалуются, председатель Верховного суда Российской Федерации предлагал вернуться к обсуждению данного предложения [2, с. 5]. До настоящего времени такой закон так и не принят, но данная инициатива вызывает широкую дискуссию в научных кругах.

Так, Л. А. Прокудина считает, что расширение возможности судей выносить немотивированные решения приведет к наступлению ряда негативных последствий. В частности, указывает на то, что на основании мотивировочной части стороны решают, осуществил ли суд полномочия, данные ему законом, над-

лежащим образом, т. е. вынес ли он законное и обоснованное решение, решают вопрос о необходимости его дальнейшего обжалования и вероятности достижения успеха при этом, отмечает, что обязанность судьи обосновать свои выводы является также фактором, сдерживающим судебский произвол, поскольку в противном случае может сложиться практика вынесения судьей абсолютно любого решения, невзирая на любые представленные доказательства, при отсутствии необходимости опровержения доводов проигравшей стороны [8, с. 52].

Ю. О. Луховская, наоборот, полагает, что предложенная мера отвечает критериям профессиональной дальновидности и не умаляет процессуальных прав участников спора – напротив, она направлена на повышение эффективности реализации указанных прав путем обеспечения качества отправления правосудия за счет объективного снижения судебной нагрузки. Воплощение данной инициативы обеспечит эффективную реализацию права судьи на отдых, что, в свою очередь, будет способствовать сохранению здоровья, поддержанию трудоспособности судей, повышению результативности их труда и уменьшению числа судебных ошибок [7, с. 53].

На протяжении последних нескольких лет в судебском сообществе разрабатывался проект федерального закона «О нормах служебной нагрузки судей и работников аппаратов судов РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», устанавливающий научно обоснованные нормы служебной нагрузки для судей и работников аппарата суда. В настоящее время законопроект направлен в Верховный Суд Российской Федерации для возможной реализации в порядке законодательной инициативы [9].

В настоящее же время на рассмотрении Государственной Думы находятся два законопроекта, принятие которых будет способствовать снижению судебной нагрузки.

Так, Правительством Российской Федерации с участием Верховного Суда Российской Федерации был разработан законопроект о внесудебном взыскании задолженности по налогам и сборам с физических лиц. Законопроект предусматривает применение внесудебного порядка взыскания в отношении задолженности по налогам, сборам, страховым взносам, исчисляемым физическим лицом самостоятельно (при подаче налоговых деклараций, применении специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»). Если же сумма задолженности начислена налоговым органом на основании налогового уведомления или решения о привлечении к ответственности (отказе в привлечении к ответственности) за совершение налогового правонарушения, решения об отмене (полностью или частично) решения о предоставлении налогового вычета полностью или частично, то внесудебный порядок может быть применен только при отсутствии возражений физического лица, т. е. в случае отсутствия спора [5].

В первом чтении Государственной Думой был принят законопроект о взыскании задолженности в сфере жилищно-коммунального хозяйства посредством осуществления исполнительной надписи нотариуса. На нотариуса возлагается обязанность предварительно, до совершения исполнительной над-

писи, уведомлять должника о поступившем требовании взыскателя, предоставив должнику срок для ответного реагирования (частичное или полное погашение задолженности, направление возражений нотариусу относительно представленного расчета задолженности, подача искового заявления в суд). Исполнительная надпись не совершается в случае, если нотариусу поступили письменные возражения должника относительно представленного взыскателем расчета задолженности. По мнению инициаторов данного законопроекта, его принятие будет способствовать снижению нагрузки на судебную систему [4].

Таким образом, реализация приведенных мер позволит судьям и работникам аппарата судов концентрировать трудовые и временные ресурсы на рассмотрении действительно сложных дел, где имеется спор о праве, что должно благоприятно отразиться на качестве отправления правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдина Е. В. Судебная нагрузка как показатель эффективности судебной деятельности: теоретические, методологические и практические аспекты // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3, № 4. С. 177–196.

2. Выступление Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей РФ (25 мая 2021 г.). URL: <https://www.vsrfr.ru/files/30052/> (дата обращения: 01.06.2025).

3. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Подносковой по итогам 2024 года. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/34239/> (дата обращения: 01.06.2025).

4. Законопроект № 680171-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об исполнительной надписи нотариуса при взыскании задолженности в сфере жилищно-коммунального хозяйства)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/680171-8> (дата обращения: 01.06.2025).

5. Законопроект № 782260-8 «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 12 и 30 Федерального закона „Об исполнительном производстве“». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/782260-8> (дата обращения: 01.06.2025).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.06.2025).

7. Луховская Ю. О. «Нагрузка на судей» в контексте институтов трудового права и поиск эффективных путей ее снижения // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 49–54.

8. Прокудина Л. А. Научно-практическое заключение на проект Верховного Суда Российской Федерации по реформированию процессуального законодательства в целях снижения нагрузки судей // Администратор суда. 2028. № 1. С. 49–54.

9. Совет судей РФ разработал законопроект о нормировании нагрузки судей. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250429/310825174.html (дата обращения: 01.06.2025).

СЕКЦИЯ 3

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

УДК 93/94

Мартыненко Наталия Эдуардовна

доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
kafedra_up_au@mail.ru

Мартыненко Эдуард Владимирович

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры национальной безопасности
и правоохранительной деятельности
Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета
г. Москва, Российская Федерация
edusmart@mail.ru

Административная преюдиция как уголовно-правовое средство предупреждения преступлений, или Можно ли из ста кошек сделать одного тигра

***Аннотация.** В статье предпринята попытка выявить возможности административной преюдиции предупреждать административные правонарушения и преступления и сделан вывод о том, что нормы с административной преюдицией не решают задачу предупреждения преступлений, а увеличивают количество судимых лиц.*

***Ключевые слова:** административная преюдиция, нормы с административной преюдицией, судимость, административный надзор, кража, нарушение правил дорожного движения.*

Martynenko Natalia Eduardovna

Doctor of law, professor
professor of the Department of Criminal
Policy Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Martynenko Eduard Vladimirovich
candidate of law, associate professor,
associate professor of the Department
of National Security and Law Enforcement
Institute of International Law and Justice
of the Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation

Administrative prejudice as a criminal justice tool for preventing crimes, or Can one be made into a tiger out of a hundred cats

***Annotation.** The article undertaken an attempt to identify the possibilities of administrative prejudice to prevent administrative offenses and offenses and concluded that norms with administrative prejudice do not prevent the task number of convictions.*

***Keywords:** administrative bias, norms with administrative bias, conviction, administrative supervision, theft, traffic violations.*

Термин «преюдиция» (от лат. *praejudicialis*), означает «относящийся к предыдущему судебному решению». Преюдиция используется в различных отраслях права (ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ); ч. 2 ст. 61 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), ч. 2 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), ч. 2 ст. 64 Кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ)). В процессуальных отраслях права преюдиция предполагает освобождение от необходимости повторного доказывания обстоятельств, которые ранее были установлены и зафиксированы судом во вступившем в законную силу судебном постановлении (решение суда, приговор, определение об утверждении мирового соглашения).

В отличие от процессуальных отраслей права, в уголовном праве преюдиция связана только с предыдущим решением суда по административному правонарушению. Именно поэтому она называется административная преюдиция. Понятие административной преюдиции в уголовном законе отсутствует, поэтому авторы, разрабатывающие проблему административной преюдиции, давали самые разные ее определения [2; 3; 5; 7] суть которых сводится к тому, что к уголовной ответственности лицо может быть привлечено только в случае, если ранее оно привлекалось к административной ответственности за аналогичное, однородное, тождественное деяние и административная наказанность сохраняет юридическую силу.

Дискуссия о том, нужна ли административная преюдиция в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) ведется не одно десятилетие, разделив научный мир, как это всегда бывает, на два непримиримых лагеря ее сторонников и противников. Противники административной преюдиции считают, что совершение нескольких административных правонарушений не может образовывать преступление, так как общественная опасность второго и последующих правонарушений не становится такой, что ему следует «присваи-

вать» статус преступления. Нам ни разу не попало более меткого выражения, вошедшего в аналоги уголовного права, чем то, которое высказала Н. Ф. Кузнецова и которое поставлено в заглавие статьи: «сто кошек не могут образовать одного тигра» [6]. Именно поэтому разработчики УК РФ (1996), одним из которых была Н. Ф. Кузнецова, отказались от включения административной преюдиции в уголовный закон и на протяжении почти тринадцати лет УК РФ не имел в своей структуре норм с административной преюдицией. Авторы статьи являются противниками административной преюдиции, считая, что сколько бы раз лицо не совершало административные правонарушения, характер и степень общественной опасности каждого из них остается одинаковой. Скорее можно говорить не об общественной опасности деяния, а об общественной опасности лица, его совершившего. А это возврат к теории общественно опасной личности, которая подвергалась критике не одно десятилетие (и даже столетие) [4].

Однако у административной преюдиции есть и свои сторонники. Так, Н. И. Пикуров считает, что преступление с административной преюдицией – качественно новое (по отношению к административным проступкам) [9].

Дискуссии касаются не только необходимости наличия административной преюдиции в УК РФ, но и самого понятия «административная преюдиция». Законодатель лишь подливает масла в огонь, включая в УК РФ новые статьи, содержащие административную преюдицию. Теперь споры идут не только среди теоретиков уголовного права. Проблема применения норм с административной преюдицией перешла в плоскость применения уголовного закона и для ее решения даже потребовалась правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации.

Победоносное возвращение в УК РФ административной преюдиции произошло более пятнадцати лет назад в 2009 г. и с этого времени уголовный закон с завидной регулярностью дополняется нормами с административной преюдицией, несмотря на многочисленные критические публикации на тему административной преюдиции. В настоящее время УК РФ содержит 28 статей с административной преюдицией.

Наибольшее количество норм с административной преюдицией находится в главах 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» (4 преступления), в главе 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» (3 преступления), в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» (5 преступлений). Статьи, содержащие административную преюдицию, находятся в 13 главах УК РФ и, как следствие, посягают на разные объекты уголовно-правовой охраны, относятся к разным категориям преступлений (табл.).

Большинство норм, содержащих административную преюдицию, относятся к категории небольшой тяжести. Именно из-за отнесения преступлений с административной преюдицией к данной категории, возникает вполне закономерный вопрос о том, нельзя ли было предупреждать административные правонарушения иными, не уголовно-правовыми средствами и не увеличивать,

тем самым, количество судимых лиц. Тем более что законодатель всячески пытается сузить круг таких лиц. Достаточно вспомнить введение в УК РФ судебного штрафа. В пояснительной записке к данному законопроекту было указано, что «...внесение в действующее законодательство... изменений создаст условия для выведения из-под действия уголовного закона или из сферы уголовной ответственности в общей сложности более 300 тысяч человек, что в свою очередь будет способствовать положительным изменениям в социальной структуре общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость» [10].

Таблица

Категории преступлений, содержащих административную преюдицию

Номер статьи УК РФ	Категория преступления	Номер статьи УК РФ	Категория преступления
116.1	Небольшой тяжести	264.1	Небольшой тяжести
151.1	Небольшой тяжести	264.2	Небольшой тяжести
157	Небольшой тяжести	264.3	Небольшой тяжести
158.1	Небольшой тяжести	274.2	Небольшой тяжести
171.4	Небольшой тяжести	280.1	Средней тяжести
171.5	Небольшой тяжести	280.3	Средней тяжести
191	Небольшой тяжести	282	Средней тяжести
193	Небольшой тяжести	282.4	Средней тяжести
201.2	Тяжкое	284.2	Небольшой тяжести
201.3	Тяжкое	285.5	Тяжкое
212.1	Средней тяжести	285.6	Тяжкое
215.3	Небольшой тяжести ч. 2 средней тяжести	314.1	Небольшой тяжести
215.4	Небольшой тяжести ч. 2 средней тяжести	315	Небольшой тяжести
255	Небольшой тяжести ч. 3 средней тяжести	330.1	Небольшой тяжести

Способно ли включение в УК РФ норм с административной преюдицией уменьшить количество лиц, имеющих судимость? Ответ на этот вопрос отрицательный – нет, не сможет. Изучение статистических данных о количестве зарегистрированных преступлений с административной преюдицией позволяет констатировать, что введение их в УК РФ увеличило количество судимых лиц в стране. Так, например, в 2016 г. в УК РФ была введена ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» [8]. Если сравнивать 2017 г. (первый год после введения статьи) и 2024 г., то количество преступлений, зарегистрированных по данной статье увеличилось на 32,5 % и, как следствие, возросло количество судимых лиц в стране.

Еще один пример. Глава 27 УК РФ, содержит три статьи с административной преюдицией – это ст. 264.1. «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» (введена в УК РФ в 2014 г.), ст. 264.2 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и ли-

шенным права управления транспортными средствами» (введена в УК РФ в 2022 г.) и ст. 264.3. «Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» (введена в УК РФ в 2022 г.). Наибольшее количество преступлений регистрируется по ст. 264.1 УК РФ. За время действия данной статьи количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности, составило почти триста тысяч человек. Введение в УК РФ ст. 264.1 не в состоянии было удержать лиц, от управления транспортным средством в состоянии опьянения. Существенное снижение зарегистрированных по данной статье преступлений произошло в 2022 г. после введения в УК РФ нового вида конфискации – конфискации транспортного средства (п. «д», ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Отсутствие предупредительного эффекта норм с административной преюдицией можно проследить и на примере ст. 314.1 УК РФ, введение которой в УК РФ в 2011 г. не только не способствовало снижению нарушений правил административного надзора, но и привело к ежегодному увеличению количества совершенных преступлений лицами, которым установлен административный надзор [1].

В заключение хотелось бы сделать следующий вывод: включение в УК РФ статей, содержащих административную преюдицию, увеличило количество судимых в стране лиц, что противоречит проводимой в стране уголовной политики. Доказательств того, что административная преюдиция способна существенно повлиять на предупреждение как повторных административных правонарушений, так и преступлений выявить не удалось, что позволяет нам оставаться на стороне противников административной преюдиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баркаев Г. Р. Уголовно-правовое предупреждение уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 24 с.
2. Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве. М. : Юрлинформ, 2021. С. 76–77.
3. Бойко А. И. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Юрист-Правовед. 2004. № 3. С. 29–31.
4. Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964. 21 с.
5. Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5(1). С. 247.
6. Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2003. № 1. С. 6.
7. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3(23). С. 64–71.

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4256.

9. Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 176.

10. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (дата обращения: 15.04.2025).

УДК 343.9.01

Варыгин Александр Николаевич

доктор юридических наук, профессор

заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

van808@yandex.ru

О некоторых аспектах предупреждения преступности

***Аннотация.** Статья посвящена отдельным вопросам предупреждения преступлений. Автор обращает внимание на необходимость определения единого подхода к понятию «предупреждение преступности»; на некоторые положения предупредительной деятельности; на существующие сложности организационно-управленческого характера, в системе предупреждения преступности; на необходимость разработки единого криминологического законодательства, совершенствования подготовки кадров для правоохранительных структур; налаживания нормальной организации надлежащего взаимодействия субъектов предупредительной деятельности, а также указывает на то, что система предупреждения преступлений нуждается в определении эффективности ее деятельности.*

***Ключевые слова:** криминология, преступность, преступление, профилактика, предупреждение, пресечение, предупредительная деятельность, субъекты профилактики.*

Varygin Aleksand Nikolaevich

doctor of law, professor

head of the Department of Prosecutorial

Supervision and Criminology

Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

On some aspects of crime prevention

***Annotation.** The article is devoted to certain issues of crime prevention. In it, the author draws attention to the need to define a unified approach to the concept of “crime prevention”; to*

some provisions of preventive activities; to the existing organizational and managerial difficulties in the crime prevention system; to the need to develop unified criminological legislation, improve training for law enforcement agencies; establish a normal organization of proper interaction of subjects of preventive activities. It also indicates that the crime prevention system needs to determine the effectiveness of its activities.

Keywords: *criminology, crime, crime, prevention, prevention, suppression, preventive detail, subjects of prevention.*

Проблема предупреждения преступности, наряду с самой преступностью, ее причинами и условиями является главной в криминологии. В ее разработке принимали участие такие видные ученые-криминологи, как Г. А. Аванесов, Ю. М. Антонян, Ю. Д. Блувштейн, А. И. Долгова, А. Э. Жалинский, И. И. Карпец, В. В. Клочков, В. Н. Кудрявцев, Г. М. Миньковский, А. Б. Сахаров, В. Д. Филимонов и многие другие.

Вышеназванные ученые внесли огромный вклад в развитие отечественной криминологии и в создание теоретических основ предупреждения преступности. Но время не стоит на месте, меняется общество, преступность, подходы к ее предупреждению. Учеными стали шире использоваться позитивные взгляды зарубежных коллег, положения других наук, предлагать новые взгляды на те или иные криминологические проблемы. В этой связи говорить о том, что проблема предупреждения преступности (ее теория и практика) не требует пересмотра, дальнейшего совершенствования, вряд ли будет правильным. Поэтому позволим себе затронуть некоторые из аспектов указанной проблемы.

Прежде всего следует отметить, что давно назрела необходимость в определении единообразного подхода к понятию самого предупреждения преступности, его современному содержанию, правовому регулированию, в том числе путем формирования «предупредительного» законодательства, разработки методик оценки предупредительной деятельности; учета и использования положительного международного опыта и сотрудничества государств в деле противостояния преступности.

Список «предупредительных» нормативно-правовых актов достаточно велик и не впишется в рамки данной статьи, исходя из их требований к ее объему. Но, несмотря на многообразие таких актов, регулирующих предупредительную деятельность и составляющих ее правовую основу, в стране, к сожалению, нет закона, непосредственно «посвященного» предупредительной деятельности. Закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» эту ситуацию не улучшил. Он посвящен главной, но не единственной форме предупреждения преступности. В качестве таких форм ученые, кроме профилактики определяют предотвращение, пресечение преступлений. Действующие законы, посвященные противодействию отдельным видам преступности, вносят определенную терминологическую путаницу, отождествляя, например, предупреждение преступлений с их профилактикой.

Еще один правовой аспект заключается, на наш взгляд, в целом в необходимости формирования криминологического законодательства. В этой связи, на мой взгляд, следует прислушаться к мнению ученых, которые высказываются о необходимости формирования, так называемого криминологического законо-

дательства (Р. М. Абызов, Д. Ю. Гончаров, М. Н. Клейменов, В. Н. Орлов, Д. А. Шестаков и другие). Например, Д. А. Шестаков говорил о его необходимости еще около 20 лет назад [1, с. 49–50].

Кроме того, следует отметить наличие ряда сложностей организационно-управленческого характера, существующих в системе предупреждения преступности. Среди проблем сегодняшнего дня следует выделить кадровое и ресурсное обеспечение предупредительной деятельности. Прежде всего обеспечение деятельности ряда субъектов, а именно органов внутренних дел. Именно они выявляют и раскрывают 98 % всех преступлений. Современная преступность, особенно, такие ее разновидности как организованная, коррупционная, террористическая, киберпреступность, предполагает наличие подготовленных, высококвалифицированных, специалистов, обладающих не только юридическими, но и иными специальными познаниями в различных отраслях знаний. Слабая профессиональная подготовка, не надлежащее обеспечение правоохранительных органов специальными техническими средствами, системами связи, телекоммуникации не всегда позволяют своевременно обнаруживать готовящиеся преступления, выявлять лиц, совершающих преступления, фиксировать следы совершенных ими преступлений. Чрезмерная нагрузка на оперативных сотрудников, следователей приводит к некачественному расследованию уголовных дел, их необоснованному и незаконному прекращению, отказам в возбуждении уголовных дел.

Желает лучшего ресурсное обеспечение субъектов предупреждения преступности. Низкая заработная плата, сложность и напряженность работы обуславливают отток кадров из правоохранительных органов. В последние годы крайне неблагоприятная ситуация в связи с этим сложилась в органах внутренних дел. По заявлению министра внутренних дел В. Колокольцева в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в мае 2024 г., комплект личного состава органов внутренних дел страны составил 152 тыс. человек, дефицит участковых в ряде регионов достигает 75 % [2]. Не случайно с каждым годом снижалась результативность деятельности МВД России. Например, в 2023 г. в стране нераскрытыми остались 911,4 тыс. преступлений (47 %) [3, с. 5], в 2024 г. – 929,7 тыс. (48,6 %) [4, с. 5].

В связи со сказанным видится необходимым улучшение материально-технического, финансового обеспечения органов внутренних дел и иных правоохранительных органов, которые тоже находятся далеко не в лучшем с ними положении.

Требуется совершенствование и подготовка кадров для правоохранительных структур, причем не только в ведомственных вузах системы МВД России, Прокуратуры Российской Федерации, но и в «гражданских» высших образовательных учреждениях. Как отмечала А. И. Долгова, студенты должны готовиться к решению конкретных задач борьбы с преступностью в конкретных условиях и приобретать основополагающие теоретические знания с тем, чтобы они могли сами принимать творческие решения при изменении криминологической обстановки [5, с. 430].

Сотрудники, ведущие предупредительную деятельность, должны обладать криминологическими знаниями о преступности, ее причинах и условиях, особенностях личности преступников, мерах профилактики преступлений. Такие знания позволят им определять тенденции преступности на обслуживаемой территории, выявлять ее причины и условия, эффективнее разрабатывать и осуществлять предупредительные мероприятия. Не случайно ряд ученых говорят о необходимости введения в органах внутренних дел должностей штатных криминологов (криминальных аналитиков) [6, с. 506–518].

Успешность выполнения предупредительных мероприятий также во многом будет зависеть от согласованности деятельности субъектов, их осуществляющих. В предупреждении преступности принимают участие многочисленные органы и организации, как государственные, так и общественные, так и коммерческие, правоохранительной и не только направленности, различной ведомственной принадлежности. В этой связи возникает необходимость в организации их взаимодействия и координации предупредительной работы, что также не всегда осуществляется эффективно.

На федеральном уровне в качестве органа, осуществляющего взаимодействие субъектов предупреждения преступности, выступает Правительственная комиссия по профилактике правонарушений. Она является координационным органом, образованным для обеспечения согласованных действий заинтересованных органов исполнительной власти при реализации мер в системе государственной профилактики правонарушений.

На региональном уровне взаимодействие осуществляется в рамках постоянно действующих координационных совещаний по обеспечению правопорядка, создаваемых в соответствии с Указом Президента РФ от 12 октября 2010 года № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка».

В системе правоохранительных органов координационную деятельность в соответствии с Законом «О прокуратуре Российской Федерации» и Указом Президента РФ «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» координируют прокуроры. Сущность координации деятельности правоохранительных органов заключается в разработке и осуществлении органами внутренних дел, органами государственной безопасности, другими государственными органами, ведущими борьбу с преступностью, согласованных действий по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению [7, с. 145].

Любая организационная система нуждается в определении эффективности ее деятельности. Система предупреждения преступности в этом отношении исключением не является.

Под эффективностью обычно понимают степень соответствия деятельности поставленным перед нею целям [8, с. 239]. Эффективность любой деятельности определяется на основе критериев, являющихся «мерилом» оценки деятельности. Критерии эффективности предупреждения преступности – это конкретные количественные и качественные данные, которые характеризуют саму предупредительную деятельность и определяют ее показатели. Показатель – это

то, по чему можно судить о развитии и ходе чего-нибудь [9, с. 539]. На наш взгляд, можно выделить два основных показателя, отражающих степень эффективности предупреждения преступности, а именно, криминологический, характеризующий состояние объекта предупредительного воздействия, и организационно-управленческий, отражающий результаты работы субъектов такого воздействия.

К числу криминологических критериев, по которым определяется эффективность предупредительной деятельности, можно отнести показатели преступности, отраженные в статистических данных: состояние преступности, ее динамика, характер, структура, в частности, уровень рецидивной преступности; количество выявленных лиц, совершивших преступления. Это те данные, которые характеризуют состояние объекта предупредительного воздействия.

К числу сведений, отражающих результаты деятельности самих субъектов предупреждения преступности, прежде всего следует отнести количество возбужденных уголовных дел, в том числе, направленных в суд; количество отказных материалов по выявленным преступлениям; процент раскрываемости преступлений; количество проведенных профилактических мероприятий; лиц, поставленных на профилактический учет и т. д. Здесь же можно учитывать количество сотрудников, привлеченных к профилактическим мероприятиям, количество субъектов предупреждения, участвующих в них и некоторые другие.

Следует отметить, что одних формальных данных – статистических показателей преступности и отчетов о результатах деятельности субъектов предупреждения преступности явно недостаточно.

В качестве критериев, оценивающих эффективность предупреждения преступности можно и нужно использовать результаты криминологических и социологических исследований, оценку населением страны криминогенной обстановки, мнение граждан о степени их защищенности от преступных посягательств. Так, МВД России систематически осуществляет мониторинг общественного мнения о состоянии преступности и деятельности органов внутренних дел. Например, в 2023 году показатель оценки уровня защищенности граждан от преступных посягательств по сравнению с 2019 годом увеличился с 45,7 до 59,0 %. Уровень доверия граждан к полиции в 2023 году составил 66,0 %, хотя в 2019 году он составлял 41,9 % [10].

Методика определения эффективности предупредительной деятельности учеными разработана прежде всего применительно к отдельным видам предупредительной деятельности [11, с. 227–237; 12], а, к сожалению, не всей преступности, что также требует дальнейших исследований.

Это, к сожалению, далеко, не все из существующих проблем и сложностей в современной системе предупреждения преступности, требующих своего внимания и принятия мер разрешения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шестаков Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1(28). С. 49–50.

2. Выступление Владимира Колокольцева в Совете Федерации Федерального Собрания в рамках «Правительственного часа» 16 ноября 2022 г. URL: <https://мвд.рф/news/item/33788873/?year=2024&month=5&day=14> (дата обращения: 1.07.2024).

3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года : статист. сб. М.: ГИАЦ МВД РФ, 2024. С. 5.

4. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года : статист. сб. М.: ГИАЦ МВД РФ, 2025. С. 5.

5. Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 430.

6. Институт штатных криминологов (криминальных аналитиков): зарубежный опыт и перспективы внедрения в систему профилактики правонарушений в Российской Федерации / А. Н. Варыгин, Е. В. Червонных, А. С. Клементьев, П. А. Пименов // Российский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 506–518.

7. Криминология : учебник / под ред. А. Н. Варыгина. Саратов : Изд-во СГЮА, 2024. С. 145.

8. Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С. 239.

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2007. С. 538.

10. О результатах изучения общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации в 2023 г. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 02.06.2024).

11. Жалинский А. Э., Костицкий М. В. Эффективность профилактики преступлений и криминологическая информация. Львов : Вища школа, 1980. 211 с.

12. Варыгин А. Н., Бытко С. Ю. К вопросу об эффективности координационной деятельности органов прокуратуры // Вестник СГЮА. 2023. № 1. С. 227–237.

УДК 334.241.8

Дворянсков Иван Владимирович

доктор юридических наук, профессор

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин

Московский университет имени А. С. Грибоедова

г. Москва, Российская Федерация

diw@yandex.ru

Концептуальные предпосылки ресоциализации осужденных в творчестве классиков отечественной литературы

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема отражения ресоциализации осужденных в творчестве классиков отечественной литературы. Реализующая сегодня в нашей стране пробация как форма поддержки осужденных и профилактики рецидива и иного их противоправного поведения, многими воспринимается как новый институт, не имеющий аналогов в отечественной истории. Однако это не так. В разные исторические периоды такие аналоги возникали, что было обусловлено осознанием социальной потребности*

в постпенитенциарной или внепенитенциарной работы с осужденными. На это осознание, в первую очередь, влияло творчество отечественных литераторов. Данная статья представляет собой попытку краткого анализа такого влияния.

Ключевые слова: ресоциализация осужденных, творчество классиков отечественной литературы, probation и ее аналоги в отечественной истории, поддержка осужденных и профилактики рецидива и иного их противоправного поведения.

Dvoryanskov Ivan Vladimirovich

doctor of law, professor, professor
of the department of criminal law disciplines
of the A. C. Griboyedov Moscow University
Moscow, Russian Federation

Conceptual prerequisites for the resocialization of convicts in the works of the classics of Russian literature

Annotation. *The article discusses the problem of reflecting the resocialization of convicts in the works of classics of Russian literature. Probation, which is currently being implemented in our country as a form of support for convicts and the prevention of recidivism and other illegal behavior, is perceived by many as a new institution that has no analogues in Russian history. However, this is not the case. In different historical periods, such analogies arose, which was due to the awareness of the social need for post-penitentiary or extra-penitentiary work with convicts. This awareness was primarily influenced by the work of Russian writers. This article is an attempt at a brief analysis of such an impact.*

Keywords: *The rehabilitation of convicts, the work of classics of Russian literature, probation and its analogues in Russian history, support for convicts and the prevention of recidivism and their other illegal behavior.*

Рассмотрение вопроса о ресоциализации осужденных на рубеже XIX–XX веков необходимо предварить кратким изложением причин, тенденций и движущих механизмов в государственной политике, направленной на гуманизацию отношения к лицам, совершившим преступление, но не потерянным для общества. Важной вехой в этом направлении является эпоха Просвещения (вторая половина XVII – начало XIX века), в которую коренным образом изменился подход к преступлению, начался переход от господствовавших прежде теологических трактовок его как «*греховного поведения*», результата действия сверхъестественных сил к рациональным объяснениям его причин. Разумеется, эти тенденции при всех особенностях российского государственного устройства и правления того периода не могли не оказать влияния на отечественную уголовную политику. В это время, как уже было отмечено одним из авторов данной статьи, в трудах зарубежных ученых возникает живой интерес к объяснению причин преступности, изучению личности конкретных преступников и влияния на них наказания (Ч. Беккариа, И. Бентам), начинают проводиться эмпирические исследования, в том числе в пенитенциарных учреждениях (Д. Говард, Ф. Галль, Г. Ловерн) [1].

В России эти идеи нашли благодатную почву: один из сподвижников реформ Петра I И. Т. Посошков отмечал необходимость учитывать при исполнении наказания психологию преступников, историк М. М. Щербатов призывал создавать законы с учетом психологии народа [2].

Одним из первых итогов переосмысления задач и проблем отечественного уголовного права стал «Наказ» Екатерины II, своеобразный юридический памятник, а в большей степени – теоретический труд российской императрицы, заложивший основу для последующей работы многочисленных комиссий по составлению законов, трудов ряда криминалистов-теоретиков (Ушакова, Радищева, Лопухина, Горегляда, Солнцева, Елпатьевского, Пауловича, Гордеенко и др.). По мнению многих специалистов, он был написан под большим влиянием идей философии Просвещения, преобладавшей в то время в Европе, прежде всего Беккариа и Монтескье [3; 4]. Идеи Наказа поддержали и обогатили такие русские публицисты, как Ф. В. Ушаков, А. Н. Радищев, И. В. Лопухин, Митрополит Гавриил и др. Так, А. Н. Радищев выступал за введение гласного судопроизводства и суда присяжных; И. В. Лопухин отстаивал принцип *nullum crimen, nulla poenae sine lege* и т. д. [3; 4]. Идеи Наказа, который, судя по данным исследователей, был написан лично Екатериной II, выражались в гуманизации наказания и приведения его в соответствие с характером и степенью тяжести преступления. При этом закону отводилась главенствующая роль, по сравнению с судебским усмотрением. Так, в ст. 212 Наказа говорилось: *«Чтобы наказание было сходно с правосудием, то не должно оно иметь большей степени напряжения, как только чтобы оно было довольно к отвращению людей от преступления»*.

Русские ученые-криминалисты конца XVIII – начала XIX века существенно развили доктрину наказания. На развитие теоретической основы отечественного уголовного права наряду с кодификационными попытками оказали влияние и труды российских криминалистов: Ф. Г. Штрубе, А. Я. Поленова, К. Г. Лангера, А. А. Артемьева, С. Е. Десницкого и др. Пересмотр взглядов на преступление был вызван развитием гуманистической философии.

Под влиянием идей Просвещения и некоторого смягчения общественных нравов появляется вполне естественная для государства идея о возможности исправления нравов населения путем издания «правильных» законов, касающихся всех сфер жизни. Указанные события послужили почвой для законодательных реформ начала XIX века, проводимых под руководством и идейным сопровождением М. М. Сперанского.

В середине XIX в. реформирование пенитенциарной политики заняло доминирующее положение, а в основу ресоциализации преступников были положены социальные условия отбывания наказания. Огромный вклад в становление отечественной уголовно-исполнительной системы был сделан такими учеными-пенитенциаристами, как И. Я. Фойницкий, С. В. Познышев, Н. С. Таганцев, С. П. Мокринский и др.

В России проблема влияния наказания на исправление преступника также привлекала пристальное внимание не только правоведов, но также философов и писателей.

Ф. М. Достоевский, в чьем творчестве исправление считается одним из ключевых вопросов, видел его том, чтобы преступник заново стал человеком. Причем сделать это он мог только сам, осознав причиненное им зло и раскаяв-

шись (пример – раскаяние Родиона Раскольникова в финале романа «Преступление и наказание»). И здесь роль наказания лишь косвенная, она только подталкивает человека к самоуправлению, которое происходит только внутри него самого [5; 6].

Близок к этой идее был и Л. Н. Толстой, который считал, что суть исправления состоит во внутреннем изменении преступников [7].

В. С. Соловьев полагал, что исправление осужденных возможно исключительно через самоисправление, так как только сам человек, по своему внутреннему убеждению, способен перерасти самого себя, сделаться больше и лучше [8, с. 287].

Вопросы причин и психологических мотивов преступлений, бесчеловечных условий каторги и ссылки занимали значительное в творчестве А. П. Чехова. Как отмечают А. И. Станько и О. И. Лепилкина, отличительной особенностью чеховских произведений на эту тему является, наряду с художественными картинками происходящего, прямая авторская оценка сущности явлений, касающихся системы наказаний в России. Один из важных выводов автора – «наказание очень часто приносит гораздо больше зла, чем само преступление». В ранних рассказах А. П. Чехова неоднократно повторялась мысль о безнравственности смертной казни и пожизненного заключения. Антигуманности и нецелесообразности этих мер наказания публицист посвятил отдельную главу в цикле «Из Сибири». Наиболее ярко эта проблема нашла отражение в художественно-публицистической книге очерков «Остров Сахалин», где слово «наказание» и производные от него слова использованы 110 раз и присутствуют в названиях глав, что подчеркивает значимость этой темы для автора. Чехов показал, как губительно сказывается система наказания на каторге, на заключенных и на пенитенциарных служащих. В целом, публицистическое творчество Чехова 1880–1890-х гг. явилось своеобразной энциклопедией художника-гуманиста, обличающей всю совокупность жестоких карательных мер, направленных на унижение и бесправие человеческой личности [9, с. 216].

В рассказе «Дома», помещенном в чеховский сборник «В сумерках», прокурор окружного суда ведет долгую назидательную беседу с семилетним сыном, который попробовал покурить. Добиться успеха ему помогла только простая сказка, которую он рассказал сыну. Вывод автора таков: «Наказание очень часто приносит гораздо больше зла, чем само преступление» [10, с. 42].

Существующее отношение к заключенному, томящемуся в ссылке, считает он, неприемлемо «в христианском государстве и в христианской литературе». В числе причин бедственного положения каторжан и ссыльных Чехов называет несовершенство судопроизводства, которое обрекает преступников в ссылку, не имея представления о ней; судья «только судит и приговаривает, а куда идет преступник после суда и зачем, что такое тюрьма и что такое Сибирь, ему неизвестно, неинтересно и не входит в круг его компетенции: это уж дело конвойных и тюремных смотрителей с красными носами» [11, т. 14–15, с. 26].

Поэт и писатель Н. А. Некрасов глубоко сочувствовал страданиям простого народа, а тема социальной несправедливости и угнетения стала одной из центральных в его творчестве. Вопрос о судьбе осужденных, каторжан и системе наказаний также находит отражение в его произведениях, хотя прямо он не формулировал философских или юридических концепций – скорее, показывал трагедию людей, ставших жертвами жестоких общественных порядков.

Некрасов часто изображал каторгу и ссылку как следствие социального гнета. Например, в поэме «Русские женщины» (1872–1873) он воспел подвиг жен декабристов, последовавших за мужьями в Сибирь, подчеркивая их моральную силу и человеческое достоинство в условиях наказания, которое воспринималось как несправедливое.

В стихотворении «Внимая ужасам войны...» Некрасов размышляет о жертвах насилия, а в «Железной дороге» (1864) упоминает каторжный труд строителей, погибающих от невыносимых условий. Эти образы подчеркивают, что государственная система часто эксплуатирует и «наказывает» тех, кто вынужден трудиться ради выживания.

Таким образом, хотя Н. А. Некрасов не выступал с прямыми декларациями о реформе наказаний, но через художественные образы показывал, что система угнетения и карательных мер в России бесчеловечна. Его творчество – это голос в защиту униженных, призыв к милосердию и социальной справедливости. Осужденные и каторжане в его произведениях становятся символами народного страдания, а их наказание – следствием не личной вины, а порочности общественного устройства.

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) в своем творчестве неоднократно обращался к теме социальной несправедливости, жизни отверженных российским обществом конца XIX–начала XX века, в том числе и осужденных, системе наказаний. Его произведения пронизаны гуманизмом, критикой жестокости общества и верой в возможность преобразования человека даже в самых тяжелых условиях.

В пьесе «На дне» (своеобразном прообразе современного центра протации) действие происходит в ночлежке, где собрались люди, отвергнутые обществом. Здесь можно говорить о моральном осуждении, социальном наказании. Герои оказались на дне из-за обстоятельств, социальной несправедливости. Горький показывает, что общество само создает условия, ведущие к преступлениям и падению человека.

В рассказе «Челкаш», где главный герой – вор, но Горький изображает его с сочувствием, противопоставляя жадному крестьянину. Это может говорить о том, что писатель критикует общество, которое толкает людей на преступления, а не самих людей, тем самым разделяя концепцию социального детерминизма преступности, не соглашаясь видеть в человеке, совершившем преступление, первопричину зла. Он изображал осужденных, преступников и изгоев не как «отбросы общества», а как жертв обстоятельств, подчеркивал, что многие преступления порождаются нищетой, бесправием и социальным неравенством. Горький резко осуждал существующую тюремную систему и кара-

тельную политику государства, считая их бесчеловечными и неэффективными, при этом верил, что даже «падший» человек способен на духовное возрождение, если общество даст ему шанс, рассматривал наказание и осуждение как проявления социальной болезни, выступал против системы, которая карает вместо того, чтобы помогать, и видел выход в радикальном переустройстве общества. Его творчество – призыв к милосердию, пониманию и вере в человека, даже если он оказался «на дне».

Эти идеи выглядят современными и прогрессивными даже сегодня, по прошествии более ста лет, особенно в аспекте внедрения института пробации.

Таким образом, большинство классиков отечественной литературы были приверженцами идеи гуманизма, видя в наказании скорее неизбежное зло, но не панацею от совершения преступлений. Основным контекст их произведений заключался в необходимости преодоления конфликта, возвращении человека, совершившего преступление, к нормальной жизни в обществе, т. е. ресоциализации. С другой стороны, они возлагали ответственность и на само это общество, пороки которого, нерешенные социальные проблемы неизменно выступают главными детерминантами преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дворянсков И. В. Исполнение наказаний и иных уголовно-правовых мер без изоляции осужденных от общества в истории России. СПб., 2017. С. 36.
2. Рябова Г. Л. Исполнение уголовных наказаний без изоляции от общества в отношении несовершеннолетних в дореволюционной России (психолого-юридический анализ) // Проблемы исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, и применения иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 7 декабря 2005 г.) : в 2 ч. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2006. Ч. 2. С. 267–268.
3. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 99.
4. Ошерович Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли. (Вторая половина XVIII века – первая половина XIX века). М., 1946. С. 57.
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М. : Азбука-Аттикус, 2024. 576 с.
6. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома. М. : АСТ, 2016. 448 с.
7. Толстой Л. Н. Путь жизни. М. : Республика, 1993.
8. Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Цимбаева. М. : Современник, 1991.
9. Станько А. И., Лепилкина О. И. А. П. Чехов-публицист о системе наказаний в России // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1. С. 216–220.
10. Чехов А. П. В сумерках. Очерки и рассказы. М. : Наука, 1986. 573 с.

11. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. : сочинения в 18 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького ; [редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.]. М. : Наука, 1983– .

УДК 343.9

Зацепин Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
Аналитик управления научных исследований
и международного сотрудничества УрГЮУ
г. Екатеринбург, Российская Федерация
mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры уголовного права УрГЮУ
профессор кафедры предпринимательского права УрГЭУ
член Российской криминологической ассоциации,
старший прокурор отдела по надзору
за оперативно-розыскной деятельностью
прокуратуры Свердловской области
г. Екатеринбург, Российская Федерация
tr0507@ya.ru

Интернет-преступность: правовые и криминологические вопросы национальной безопасности

***Аннотация.** Статья посвящена анализу проблемы интернет-преступности, ее генезису, факторам влияния и мерам противодействия. Рассматриваются политические, правовые и социально-экономические аспекты, определяющие развитие интернет-преступности. Подчеркивается необходимость комплексного подхода, включающего не только ужесточение уголовного законодательства, но и международное сотрудничество, учет специфики законодательства разных стран и совершенствование правоприменительной практики. Особое внимание уделяется важности профилактики и изучения причин и условий совершения киберпреступлений для эффективной борьбы с ними.*

***Ключевые слова:** киберпреступность, интернет-преступность, правовое регулирование, международное сотрудничество, криминологический анализ.*

Zatsepin Mikhail Nikolaevich

doctor of law, professor
honored Lawyer of the Russian Federation
Analyst of the Department of Research
and International Cooperation at the UrGYU
Yekaterinburg, Russian Federation

Zatsepin Alexander Mihajlovich

doctor of law, associate professor
professor of the Department of Criminal Law
at the Ural State Law University
professor of the Department of Business Law
at the Ural State University of Economics and Law
Member of the Russian Criminological Association
Senior Prosecutor of the Department
for Supervision of Operational Investigative Activities
of the Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region
Yekaterinburg, Russian Federation

Internet crime: legal and criminological issues of national security

***Annotation.** The article is devoted to the analysis of the problem of Internet crime, its genesis, factors of influence and counteraction measures. The political, legal, and socio-economic aspects that determine the development of Internet crime are considered. The need for an integrated approach is emphasized, including not only stricter criminal legislation, but also international cooperation, taking into account the specifics of legislation in different countries and improving law enforcement practice. Special attention is paid to the importance of preventing and studying the causes and conditions of cybercrime in order to effectively combat them.*

***Keywords:** cybercrime, Internet crime, legal regulation, international cooperation, criminological analysis.*

В XXI веке информация стала главным ресурсом, требующим защиты. Распространение Интернета повлекло за собой рост правонарушений в сфере информационных технологий, что требует эффективного правового регулирования интеграции цифровых инструментов в общественную жизнь, в том числе в юриспруденцию. Такое регулирование должно охватывать вопросы внедрения, использования и хранения цифровых ресурсов, обеспечивая законность и защиту прав субъектов. Юридическая наука с ее принципами последовательности и точности является ценным ресурсом для развития цифровизации. Рост масштабов этого принципиально нового вида преступности, именуемого «интернет-преступностью», наблюдается практически во всех государствах, нанося значительный экономический ущерб.

Несмотря на повсеместное распространение и доступность компьютерной техники, создаваемые ею возможности для совершения правонарушений требуют особого внимания и адекватных мер противодействия. На это обратил внимание и президент РФ, так, 05 марта 2025 года на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД, он обозначил ключевые задачи ведомства на ближайшее время, среди которых присутствует и решение вопроса о вовлечении молодежи в преступную деятельность, в частности в киберпреступность, им был отмечен рост киберпреступлений, ущерб от которых в 2024 году составил около 200 млрд рублей, затронув 25 % пострадавших [5].

Данные показатели говорят о том, что современная преступность, быстро оценила преимущества новейших электронных средств и технологических

новшеств. Она активно использует всевозможные цифровые технологии, специальную технику и при этом не испытывает недостатка в кадрах, способных эффективно применять свои профессиональные знания и умения для подготовки, совершения и маскировки преступлений.

Проблема интернет-преступности требует особого внимания к закономерностям развития криминальной ситуации и характеризуется повышенной обеспокоенностью в связи с ростом общественно опасных деяний, представляющих угрозу для общественных отношений и социальной политики. Фактические тенденции развития преступности в сфере информационных технологий несут в себе риски не только для отдельных граждан и организаций, но и для национальной безопасности Российской Федерации.

В рамках анализа правовых аспектов борьбы с киберпреступностью следует учитывать, что трансграничный характер компьютерных преступлений позволяет злоумышленникам зачастую действовать на опережение правоохранительных органов. Правоохранительный механизм противодействия киберпреступности, находясь на начальном этапе своего развития, нуждается не только в профессиональных кадрах, но и в разработке специализированных программ, концепций и законопроектов. Особое внимание следует уделить формированию эффективных мер по раннему и общему предупреждению киберпреступлений, учитывая их организованный и транснациональный характер. Транснациональный характер интернет-преступности, позволяющий хакерам, вирусам и киберпреступникам беспрепятственно действовать в глобальной сети, создает серьезную проблему для бизнеса и государственных структур, чьи системы подвергаются атакам, осуществляемым через границы разных стран.

Процессы глобализации обострили проблему киберпреступности, привлекли к ней международное внимание и обусловили необходимость выработки скоординированных мер противодействия. Так, 24 декабря 2024 года Генеральная Ассамблея ООН консенсусом одобрила разработанную по инициативе России Конвенцию против киберпреступности (полное название – «Конвенция против киберпреступности; Укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям») [3].

Конвенция установила, «что предупреждение киберпреступности и борьба с ней – это обязанность всех государств и что для обеспечения эффективности своих усилий в данной области они должны сотрудничать друг с другом при поддержке и участии соответствующих международных и региональных организаций, а также неправительственных организаций, организаций гражданского общества, научных учреждений и структур частного сектора» [3].

Конвенцией были установлены меры предупреждений в сфере киберпреступности, в частности, к ним отнесены: укрепление сотрудничества между правоохранительными органами или прокурорами и соответствующими лицами и структурами за пределами публичного сектора; содействие углублению понимания обществом факта существования, причин и опасного характера угрозы, создаваемой преступлениями в интернет-сфере; стимулирование поставщи-

ков услуг к принятию эффективных мер для усиления безопасности своих продуктов, услуг и клиентов; разработку, содействие осуществлению и поддержку программ и мероприятий, преследующих цель удержать тех, кто может подвергнуться риску вовлечения в киберпреступность и прочие [3, п. 3 ст. 53].

Однако предлагаемые законодателями программы и меры противодействия часто оказываются недостаточно эффективными и сталкиваются с трудностями при реализации из-за противоречий в практическом применении. Учет экономических преступлений не в полной мере отражает реальный масштаб и интернационализацию этой деятельности. В связи с этим статистические данные об экономической преступности зачастую искажены и противоречивы. Статистика говорит о том, что доля экономических преступлений в общей структуре преступности несоразмерно мала по сравнению с преступлениями против личности. Если разделить преступность на уголовную, включающую кражи, грабежи и вымогательства, и экономическую, основанную на хищениях и взяточничестве, то становится очевидной несогласованность масштабов и статистики. А виной всему является теневая экономика, которая, по сути, существует внутри государственных хозяйствующих субъектов и использует в своих целях распределительные фонды, товары, услуги и должностные полномочия. Отсюда есть все основания говорить о том, что принятые в последние годы законодательные акты о киберпреступности, не сопровождающиеся изменением уголовного права, оказываются в разительном противоречии [1].

Киберпреступность стала основой экономики для некоторых стран из-за высокой доходности. Для ее искоренения потребуются социальные программы и создание легальных отраслей с учетом уникальных характеристик преступности в каждой стране. Глобализация и локализация влияют на распространение киберпреступлений, требующих международного взаимодействия. Со временем киберпреступления становятся все более сложными и требуют от преступников специальных навыков и знаний. Киберпреступность приобрела глобальный масштаб, сформировав криминальное сообщество, деятельность которого постоянно расширяется и совершенствуется. Во втором квартале 2023 года по сравнению с аналогичным периодом 2022 года количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в России, увеличилось на 27,5 % [2, с. 508].

Несмотря на определенную взаимосвязь между количеством лиц, совершивших мошенничества в сети Интернет, и общим числом киберпреступлений, основной проблемой остается сложность выявления преступников, что обуславливает снижение числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, при одновременном росте зарегистрированных преступлений. Киберпреступления, помимо получения экономической выгоды и нарушения неприкосновенности частной жизни, используются для криминализации экономики. Анализ новостных криминальных сводок демонстрирует иерархическую структуру отбора событий по значимости, в которой реальная картина преступности не всегда соответствует представленной. Наблюдается тенденция к замалчиванию наиболее масштабных захватов банковской и предпринимательской деятельности, в то время как внимание акцентируется на бытовой преступности. В новостях

преобладает криминальная хроника и освещение криминального мира, а также информация о политических и коммерческих конфликтах.

Несмотря на относительно низкий уровень зарегистрированной киберпреступности в России, темпы ее роста опережают многие страны, что требует пристального внимания. Опыт прошлого показывает, что попытки полностью искоренить преступность нереалистичны. Для эффективной борьбы с киберпреступностью необходима комплексная стратегия, включающая профилактику, изучение причин и условий, а не только меры правоохранительных органов.

Важно отметить, что для эффективной защиты от киберпреступности необходимо учитывать взаимодействие политических и правовых явлений, а также причинно-следственные связи. Генезис интернет-преступности обусловлен взаимодействием социально-экономического развития с политическими процессами и объективно связан с реализацией экономической, социальной и демографической политики. Несмотря на ужесточение мер, неотвратимость наказания за киберпреступления не достигнута. Помимо политических и правовых явлений, для защиты необходима интернационализация международных документов с учетом различий в законодательстве разных стран, что позволит эффективно регулировать законотворческую, правоприменительную и правоохранительную деятельность.

Криминологический контроль является наиболее гуманным и перспективным методом социально-правового контроля [4, с. 476]. Интернет-преступность обусловлена социальными причинами, и именно эта детерминирующая составляющая поддается воздействию со стороны общества. Следовательно, эффективная стратегия борьбы с киберпреступностью должна основываться на ее предотвращении путем изучения и устранения криминогенных факторов, т. е. посредством криминологического контроля. Недостаточная эффективность профилактической работы обусловлена недооценкой сложности и фундаментальности проблемы, в результате чего предупреждение преступности, как правило, возлагается исключительно на органы уголовной юстиции, чьи возможности по изучению и устранению криминогенных факторов крайне ограничены.

Уголовно-правовой контроль преступности также ограничен, уголовное наказание переживает фундаментальные изменения, связывая свое существование с дальнейшей гуманизацией уголовной ответственности, хотя уголовно-правовой контроль преступности остается самым впечатляющим и устойчивым. Тем не менее эффективная борьба с киберпреступностью требует не только уголовно-правового контроля, но и готовности общества к определенным ограничениям прав и свобод для повышения безопасности. Гуманизация уголовной ответственности и необходимость международного сотрудничества, а также анализ причин и условий совершения преступлений – ключевые элементы противодействия. Несмотря на стремление к демократическому обществу, жесткий правовой контроль над криминальными процессами необходим для удержания преступности на социально приемлемом уровне, поскольку национальная и транснациональная преступность представляет глобальную угрозу.

Таким образом, эффективная борьба с киберпреступностью требует сочетания репрессивных и профилактических мер, а также создания совершенной правовой базы. Комплексный подход к противодействию киберпреступности является приоритетным направлением в обеспечении государственной безопасности и способствует снижению ее показателей [6, с. 95].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2011. 668 с.
2. Зык А. В. Совершенствование государственной политики по противодействию киберпреступлениям в Российской Федерации // Право и управление. 2023. № 11. С. 508–510.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационнокоммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям : принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 09.03.2025).
4. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М. : Норма, 1997. С. 476.
5. Новая миграционная политика и борьба с киберпреступностью: что Путин поручил МВД. 05.03.2025. URL: <https://m.ura.news/1052898217/> (дата обращения: 09.03.2025).
6. Тропина Т. Л. Борьба с киберпреступностью: Возможна ли разработка универсального механизма? // Международное правосудие. 2012. № 3(4). С. 86–95.

УДК 343.211.4

Плэмэдялэ Игорь Георгиевич

кандидат юридических наук

полковник внутренней службы в отставке

Российская Федерация

igor.plemedyale@yandex.ru

Своевременность деяния, предусмотренного статьей 38

Уголовного кодекса Российской Федерации (причинение вреда

при задержании лица, совершившего преступление)

и применения физической силы, специальных средств и оружия

при задержании

Аннотация. В данной статье термин «своевременность» рассматривается как средство регулирования правовых отношений, в связи с чем и был проведен анализ положений действующего законодательства и материалов руководящей судебной практики. По

мнению автора, фактор своевременности следует законодательно закрепить в качестве единого юридически значимого свойства (признака), как исключаящего преступность деяния, предусмотренного статьей 38 УК РФ, так и признания правомерности применения физической силы, специальных средств и оружия при задержании.

Ключевые слова: своевременность, правомерность, исключение преступности деяния, принудительное задержание, применение физической силы, специальных средств и оружия, сроки давности.

Plemedyale Igor Georgievich

candidate of law, retired

colonel of internal service

Moscow, Russian Federation

**The timeliness of the act provided for in Article 38
of the Criminal Code of the Russian Federation
(The Infliction of Harm on a Detained Person Who Has Committed
a Crime) and the use of physical force, special means
and weapons during detention**

***Annotation.** In this article, the term “timeliness” is considered as a means of regulating legal relations, which is why the author has analyzed the provisions of current legislation and materials from leading judicial practice. According to the author, the factor of timeliness should be legally established as a single legally significant property (characteristic) that both excludes the criminality of an act under Article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation and recognizes the legitimacy of the use of physical force, special means, and weapons during detention.*

***Keywords:** timeliness, legality, exclusion of criminality of an act, forced detention, use of physical force, special means and weapons, statute of limitations.*

Всему свое время, и время всякой вещи
под небом...

*Библия. Ветхий Завет.
Книга Екклесиаста, глава 3:1.*

Значимость понятий «время» и «своевременность» было актуальным на разных этапах исторического развития, как говорится, «для всех времен и народов»¹, что определяет их как социальные категории, которые не только влияют на общественные отношения, но и сами подлежат регулированию. Теологи разных вероисповеданий сходятся во мнении, что время – это ресурс человека, ко-

¹ «Знай время» – Гесиод (VIII-VII века до н. э.); «Всему знай пору» – Питтак (VII-VI века до н. э.); «Величие некоторых дел состоит не столько в размерах, сколько в своевременности их» – Сенека младший (4 г. – 65 г. н. э.); «Нет больше мудрости, чем своевременность»; «Что сделано несвоевременно – сделано напрасно» – Ф. Бэкон (1561–1626); «Полезно все, что кстати, а не в срок – все блага превращаются в порок». У. Шекспир (1564–1616); «Всему свое время» – Хань Сян-цзы (прибл. XVIII–XIX вв. н. э.); «Своевременность – это такое свойство действий и событий, без которого они теряют свой смысл». Э. А. Севрус (1948 г. р.); «Дело вовремя – не бремя»; «Не в пору, не впрок, а ко времени, спорее»; «Все хорошо вовремя» (русские народные пословицы).

торый необходимо ценить и правильно использовать. Конечно, управлять временем юриспруденции не под силу. Однако распределение времени, определение (наполнение) его содержания фактами и событиями, имеющими юридическое значение, вполне можно рассматривать в качестве предмета правового регулирования.

Известно, что как регулятор общественной жизни, право действует в пространстве и времени. По мнению Т. Л. Тениловой «правовое время выражает начало, длительность и окончание какого-либо правового действия, процесса, нормы, состояния, события» [1, с. 106]. Вместе с тем, как отмечает Е. Ю. Догадайло, кроме «определения начала и конца ситуации, подлежащей правовому регулированию», идея установления нормы права связана с необходимостью «установления временных границ правомерного и противоправного поведения» [2, с. 13, 20].

Применительно к статье 38 УК РФ можно отметить, что своевременность рассматривается (главным образом в теории) как одно из оснований/условий правомерности «задержания преступника»¹. Каково же назначение этого свойства (условия/основания правомерности) в реализации рассматриваемого института?

По мнению автора, назначение своевременности (в рассматриваемом контексте) заключается в: а) исключении преступности деяния, предусмотренного ст. 38 УК РФ («причинения вреда при задержании...»); б) признании правомерности применения физической силы, специальных средств, оружия (далее – применение ФС СС ОО) «для задержания». Вопрос: каким же образом свойство «своевременность» может способствовать достижению обозначенных выше целей?

Для ответа на этот вопрос необходимо провести небольшой исторический экскурс. Как известно, до вступления в действие УК РФ, согласно п. 3 постановления пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» (далее – ППВС от 16.08.1984 № 14), «действия по задержанию» должны были рассматриваться «как совершенные в состоянии необходимой обороны», что предполагало некие благоприятные последствия для субъектов задержания. Однако эти ожидания не всегда и не в полной мере себя оправдывали. Почему? Потому что согласно п. 5 этого же постановления, ответственность должна была наступить на общих основаниях «...если вред причинен **после того**, как посягательство было предотвращено или окончено и в применении средств защиты явно отпала необходимость» [3, п. 3 и п. 5]. Тем самым, положение пункта. 5 «обнуляло» разъяснение пункта 3 о рассмотрении «причинения вреда при задержании... как совершенного в состоянии обороны», поскольку необходимость в применении мер задержания возникала как раз после того, как «посягательство предотвращено

¹ В научной литературе этот институт обозначен как «уголовно-правовое задержание», «причинение вреда при задержании», «насилованное задержание», «вредоносное задержание» и др.

или окончено», т. е. когда «в применении средств защиты явно отпала необходимость». Это означало, что «оборона» (при ее удачном исходе для обороняющегося) могла «трансформироваться» в «задержание» посягнувшего лица (в случае его попытки скрыться), соответственно, «о наступлении ответственности на общих основаниях» не могло быть и речи. В. Ф. Кириченко в связи с этим отмечал, что «действия, направленные на задержание преступника, не перестают быть правомерными и после прекращения права на необходимую оборону» [4, с. 58].

Внесение ст. 38 УК РФ в Уголовный кодекс России 1996 года и должно было устранить отмеченные выше непоследовательность и противоречивость правовой оценки «задержания преступника». Однако, к большому сожалению, не вышло! Через 15 лет после вступления в действие УК РФ (01.01.1997) принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – ППВС от 27.09.2012 № 19) где сказано, что «действия не могут признаваться совершенными в состоянии необходимой обороны... после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено». Здесь же отмечено, что «в таких случаях... причинение вреда посягавшему лицу может оцениваться по правилам статьи 38 УК РФ либо оборонявшееся лицо подлежит ответственности на общих основаниях» [5, п. 7]. Приходится признать, что избавиться от унаследованных от прежних постановлений Пленума Верховного Суда СССР: от 23 октября 1956 г. № 8 (п. 4), от 4 декабря 1969 г. № 11 (п. 4) и от 16 августа 1984 г. № 14 (п. 5) «граблей», пока не получилось.

Далее, в п. 18 ППВС от 27.09.2012 № 19 сказано, что суды должны обратить внимание на «признаки, отграничивающие необходимую оборону от причинения вреда при задержании» [5, п. 18]. В качестве такового обозначена «цель доставления» задержанного в органы власти. Представляется, что «цель доставления» не может быть признана признаком, отграничивающим оборону от «задержания». Следует заметить, что «цель доставления» присутствует не только при задержании. Такая «цель» является обязательной и для обороны. В противном случае, эти действия выступали бы «как акт мести – самочинной расправы», как об этом говорилось в названных постановлениях Пленума Верховного Суда СССР.

Автор полагает, что одним из основных признаков «отграничивающих» эти два состояния (оборону от задержания) является время: есть время обороны, и есть время задержания. При этом можно вспомнить, что временной фактор и ранее использовался для разделения «задержания преступника» от необходимой обороны, как это имело место, например в ч. 3 ст. 13 УК Узбекской ССР или в ч. 3 ст. 15 УК Украинской ССР.

Следует отметить, что критерии своевременности «задержания» в рамках ст. 38 УК РФ, несколько отличаются от критериев своевременности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия для задержания, предусмотренных нормами, так называемого специального законо-

дательства (далее – спецзаконами). Так, наличие в ст. 38 УК РФ словосочетания «причинение вреда при задержании лица, **совершившего** преступление» предполагает, что здесь речь идет об осуществлении мер задержания **после** «совершения преступления». В статьях же спецзаконов (в части касающейся) право применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия для задержания не ограничено только содеянным в прошедшем времени. Это право распространяется, в том числе на «случаи», когда лицо застигнуто «при совершении преступления и пытающегося скрыться», «при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого и особо тяжкого преступления...» [6, ст. 21, 23] (во время совершения противоправного деяния), а также когда «лицо может оказать вооруженное сопротивление», создается «непосредственная угроза жизни и здоровья», «может повлечь иные тяжкие последствия» [6, ст. 19, 21] (до начала совершения противоправного деяния).

Очевидно, что тут возникает вопрос относительно начала применения силовых мер «задержания» в рамках ст. 38 УК РФ, с одной стороны, и возникновения права на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия «для задержания» (согласно специальным законам), с другой. Так, своевременность «причинения вреда при задержании» (ст. 38 УК РФ) обусловлена тем, что «иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным». Что касается «специальных законов», если обратиться, например, к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»), то в нем сказано, что сотрудник полиции имеет право применять физическую силу, «...боевые приемы борьбы, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей» [6, ст. 20]. Право применения специальных средств и огнестрельного оружия «для задержания» возникает, когда лицо «пытается скрыться», «если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным», когда водитель транспортного средства «не выполнил требования сотрудника полиции о прекращении движения» [6, ст. 21 и 23]. Схожие по смыслу положения содержатся и в других федеральных законах «О войсках национальной гвардии» (ст. 20 и 21); «О федеральной службе безопасности» (ст. 14.3 и 14.5); «О вневедомственной охране» (ст. 15 и 16) и др.

При этом, перед тем как применить «силовые» меры задержания, сотрудник соответствующего правоохранительного органа должен прибегнуть к «несиловым мерам». Что это за меры? По мнению автора, «несиловые меры» характеризуются тем, что они могут быть осуществлены до начала применения силовых мер. Таковыми могут являться: а) требование прекратить противоправные действия или о совершении действий, обеспечивающих безопасность субъектов задержания, окружающих и самих задерживаемых, что выражается в командах: «стоять!», «лежать!», «не двигаться!», «руки вверх! (за спину)», «иди сюда-туда!» (и т. п.); б) предупреждение о применении физической силы, специальных средств и оружия – голосом («выпускаю собаку», «стой, стрелять буду!») или посредством совершения определенных действий: обнажением и демонстрацией оружия или специального средства, предупредительным выстрелом.

Кроме этого, согласно предписаниям этих законов, после обозначенных выше требований и предупреждений субъекты задержания обязаны «предоставить возможность и время» («достаточно времени») для их выполнения (за исключением установленных законом случаев, когда «предупреждение является неуместным или невозможным»). Здесь важно заметить, что во всех специальных законах отсутствуют четкие установки о том, сколько нужно (можно) предоставить времени (секунд, минут, часов) для этого, соответственно «зависает» вопрос относительно того, через какое время после игнорирования законных требований и предупреждений можно приступить к непосредственному физическому воздействию на нарушителя (?). Законодатель ограничился неопределенным положением о том, что «сотрудники... при применении физической силы, специальных средств и оружия действуют с учетом создавшейся обстановки». Что за обстановка (?), что нужно учитывать при этом (?), каким образом могут (должны) действовать сотрудники (?) – эти вопросы оставлены без ответов. Представляется, что от подобных неточных, как с точки зрения восприятия, так и исполнения, предписаний необходимо избавляться, поскольку при последующем разбирательстве они не исключают уголовное преследование и привлечение к ответственности субъекта задержания (также как и субъектов обороны и крайней необходимости). Важно отметить, что такого рода предписания о необходимости действовать «с учетом создавшейся обстановки...» отсутствуют (!) в Федеральном законе от 27 мая 1996 г. № 57 «О государственной охране». Это благоразумное решение законодателя было бы уместным в отношении всех субъектов задержания, независимо от сферы профессиональной деятельности.

В связи с этим представляется, что обозначение фактора своевременности в качестве основания/условия признания правомерности применения физической силы, специальных средств или оружия «для задержания» (обороны, крайней необходимости), вполне укладывается в следующем: «действия сотрудников (...), применивших физическую силу, специальные средства или оружие в случаях и в порядке, установленных законом, являются правомерными и не влекут уголовной и иной ответственности», где термином «случаи» обозначены временные промежутки, а порядок – последовательность применения силовых мер задержания. Автор полагает, что данная редакция была бы уместной и целесообразной для всех российских законов, регулирующих применение физической силы, специальных средств и оружия (в части касающейся).

В свою очередь, логичным и последовательным было бы включение в ст. 38 УК РФ предписаний о применении физической силы, специальных средств или оружия в случаях и в порядке, предусмотренных российским специальным законодательством. Реализация этих предложений способствовала бы формированию единого юридического механизма признания правомерности применения физической силы, специальных средств или оружия для задержания/при задержании, с одной стороны, а также исключения преступности «причинения вреда» в рамках ст. 38 УК РФ, с другой. Эти предложения относятся и к необходимой обороне и крайней необходимости.

Обратим внимание на один аспект. Так, во всех законах, регулирующих применение физической силы, специальных средств или оружия, заявлены «случаи» применения этих силовых мер (в том числе «для задержания»). Однако, как представляется, в них обозначены вовсе **не** «случаи» применения физической силы, специальных средств или оружия. Дело в том, что используемый в соответствующих статьях этих законов предлог **«для»** указывает на назначение и цель применения физической силы, специальных средств или оружия: «для защиты...», «для пресечения...», «для отражения...», «для задержания...» и т. д. В связи с этим представляется, что обозначение именно «случаев», т. е. событий (происшествий), являющихся причиной, объясняющей **когда, а не ради чего**¹, возможно применение физической силы, специальных средств или оружия, требует **замены** предлога **«для»** на предлог **«при»**: «при защите...», «при освобождении...», «при задержании...» и т. д. Заметим, что предлог **«при»** уже употребляется в интересующем нас ключе в ряде законов².

Другая проблема заключается в том, что в теории твердо закрепилось мнение о том, что «право на причинение вреда при задержании... прекращается с момента истечения сроков давности» [7, с. 116]. Это не совсем так. Дискуссионность этого тезиса вызвана необходимостью уяснения некоторых вопросов.

Во-первых, о каких «сроках давности» идет речь, принимая во внимание, что в российском законодательстве их несколько: а) сроки давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ); б) сроки давности вступления в действие обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ); в) сроки давности, применяемые в отношении несовершеннолетних (ст. 94 УК РФ); г) сроки давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Вопрос: по истечении каких сроков давности должно прекратиться «право на причинение вреда при задержании»? Ответа на этот вопрос нет ни в теории, ни в законах, ни в материалах руководящей судебной практики (такой вопрос не ставится вообще нигде).

Во-вторых, согласно статьям 78, 83, 94 УК РФ истечение сроков давности является основанием для освобождения от уголовной ответственности или от отбывания наказания [8]. В п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ истечение сроков давности уголовного преследования – это основание для отказа в возбуждении или прекращения уголовного дела [9]. В перечисленных статьях УК и УПК РФ ничего не сказано о сроках давности «причинения вреда при задержании» или применения физической силы, специальных средств или оружия «для задержания».

Не говорится о сроках давности ни в ст. 38 УК РФ, ни в статьях специальных законов, регулирующих право применения физической силы, специаль-

¹ Предлог **«при»** указывает на явление, предмет или действие, сопутствующие другому действию или являющиеся его причиной, условием. **«Для»** – указывает на назначение предмета, на цель совершения действия. URL: <https://www.gramota.ru>; www.sanstv.ru; www.znachenie-slova.ru (дата обращения: 07.04.2025).

² Например, в ст. 31.3 Закона РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы РФ» от 21.07.1994 № 5471-1 сказано, что сотрудник уголовно-исполнительной системы имеет право применить огнестрельное оружие **«при попытке осужденного... приблизиться к сотруднику уголовно-исполнительной системы...»**, а также в двух «случаях» применения специальных средств, обозначенных в п.п. 8–9 ч. 1 ст. 30 этого закона. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

ных средств и оружия. Истечение сроков давности не значит в качестве признака составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 114 (превышение мер, необходимых для задержания) и ч. 1, 3, 5 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). В-третьих, юридическим последствием применения статей 78, 83, 94 УК РФ является освобождение от уголовной ответственности (от отбывания наказания), а ст. 38 УК РФ – исключение преступности деяния, т. е. признание правомерности. Несмотря на то, что в российском законодательстве отсутствуют нормативные определения «освобождения» и «исключения» уголовной ответственности, эти два понятия (термина) следует различать.

По мнению В. И. Селиверстова, это различие заключается в том, что «при освобождении от уголовной ответственности в деянии лица содержатся все признаки состава преступления». Наличие же обстоятельств, исключающих преступность деяния, «свидетельствует об отсутствии самого преступления» [10, с. 58]. То есть исключение преступности деяния (соответственно и уголовной ответственности), применимо в отношении лица, поступок которого не содержит ни признаков состава преступления, ни признаков преступления [8, ст. 8 и 15].

Заметим, что ППВС РФ от 27.09.2012 № 19 также не содержит каких-либо разъяснений о «причинении вреда при задержании» в пределах «сроков давности», о «превышении мер, необходимых для задержания» или недопустимости применения физической силы, специальных средств или оружия при задержании по истечению сроков давности [5].

Как видно, сугубо научный тезис о допустимости «задержания преступника» **только в пределах** «сроков давности» не имеет нормативного подтверждения. Автор полагает, что несостоятельность этого тезиса обусловлена не только номинальным отсутствием соответствующих правовых норм. Самое важное здесь то, что нормативные процедуры реализации сроков давности и применения мер силового задержания не пересекаются друг с другом ни юридически, ни физически.

Дело в том, что течение сроков давности происходит только тогда, когда «лицо, совершившее преступление», «подозреваемый, обвиняемый, подсудимый» участвуют (или не участвуют) в процессуальных мероприятиях по основаниям и в порядке, установленных законом. При таких обстоятельствах меры силового задержания не осуществляются ввиду того, что в них нет необходимости. Возникает же такая необходимость тогда, когда «лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия и суда» (ч. 3 ст. 78 УК РФ), или когда «осужденный уклоняется от отбывания наказания» (ч. 2 ст. 83 УК РФ). З. И. Сагитдинова кратко и точно отмечает: «одно условие применения сроков давности – неуклонение лица, совершившего преступление, от следствия и суда; уголовно-правовое последствие нарушения этого условия – приостановление течения сроков давности» [11, с. 247]. А. В. Бриллиантов справедливо считает, что «время, в течение которого лицо уклонялось от следствия и суда не должно засчитываться в срок давности» [12, с. 104]. Представляется, что и вре-

мя, в течение которого осужденный уклонялся от отбывания наказания, также не должно засчитываться в срок давности.

Согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 г «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» «под уклонением от следствия и суда следует понимать такие действия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, которые направлены на то, чтобы избежать задержания и привлечения к уголовной ответственности (...в том числе, побег из-под стражи)» [13, п. 19]. Что касается «уклонения от отбывания наказания» – на этот счет в материалах руководящей судебной практики нет никаких разъяснений. Однако, если использовать обозначенные в данном постановлении критерии определения «уклонения от следствия и суда», то «под уклонением от отбывания наказания» следовало бы понимать такие действия осужденного, которые направлены на то, чтобы избежать наказания (скрылся, совершил побег из-под стражи), из-за чего приговор не может быть приведен в исполнение.

Из разъяснений анализируемого постановления видно, что сроки давности применяются в отношении «подозреваемого, обвиняемого, подсудимого», согласно ст. 78 УК РФ – к «лицу, совершившему преступление», а ст. 83 УК РФ – к «осужденному». В рамках же института принудительного задержания (в рамках ст. 38 УК РФ), кроме процессуально обозначенных выше фигурантов, задержанию подлежат также и лица, не признанные таковыми в установленном законом порядке [12, п. 19]. На месте происшествия не всегда ясно, ни какое совершено общественно опасное деяние, ни кем оно совершено (достоверное установление личности возможно только после задержания/доставления нарушителя). Определение (установление) же сроков давности зависит как от категории совершенного преступления [8, ст. 15], так и от возраста «лица, совершившего преступление» [8, ст. 94].

Очевидно, что решение этих вопросов на месте происшествия (в момент так называемого фактического задержания) невозможно. Поэтому, сроки давности не имеют, не могут (и не должны) иметь никакого значения ни для субъекта задержания, применяющего физическую силу, специальные средства или оружие (в установленных законом случаях и порядке), ни для последующей правовой оценки этих действий. Такой вывод можно сделать ввиду следующих обстоятельств:

а) «сроки давности» действуют на разных процессуальных стадиях¹;

б) исчисление сроков давности весьма не простое занятие, так как для этого необходимо учитывать множество обстоятельств и особенностей, не входящих в компетенцию субъекта, применяющего физическую силу, специальные средства или оружие на месте происшествия (в момент фактического задержания);

¹ Например, сроки давности привлечения к уголовной ответственности действуют «со дня совершения преступления» до «момента вступления приговора суда в законную силу» (ч. 2 ст. 78 УК РФ); сроки давности приведения в исполнение обвинительного приговора суда начинают действовать «со дня вступления его в законную силу» (ч. 1 ст. 83 УК РФ).

в) «рассогласованность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных предписаний о давности» [6, с. 247–271].

С логической точки зрения понятия «сроки давности» и меры задержания, предусмотренные ст. 38 УК РФ и статьями специального законодательства о применении физической силы, специальных средств или оружия для задержания/при задержании, являются безотносительными¹. Можно сказать, что эти понятия находятся в некой «обратной соотносительности», которую можно выразить в двух импликациях. Первая – наличие понятия «А» исключает понятие «Б». Вторая – отсутствие понятия «А» предопределяет возникновение (наличие) понятия «Б».

Применительно к срокам давности («А») и мерам принудительного задержания («Б»), эти импликации отражают следующие две ситуации. Первая – во время, когда происходит течение сроков давности («А»), меры принудительного задержания («Б») не осуществляются. Вторая – приостановление течения сроков давности («А»), ввиду уклонения от следствия или суда, либо от отбывания наказания предопределяет (предполагает) возникновение права применения мер принудительного задержания («Б»).

Проще говоря, в определенный промежуток времени может существовать или понятие «А», или понятие «Б», т. е. либо происходит течение сроков давности, либо осуществляются меры принудительного задержания. Одновременное (единовременное) течение сроков давности и применения мер принудительного задержания – исключено.

Относительно конечного момента задержания представляет интерес мнение С. Г. Келиной о том, что «вопрос должен решаться в зависимости от субъекта задержания. Для граждан это время должно ограничиваться временем совершения преступления или непосредственно после его совершения. Более поздние действия по задержанию должны производиться только соответствующими властями, которые могут принимать меры по задержанию независимо от истечения сроков давности» [14, с. 309].

По мнению автора, действие права на применение ФС СС ОО для задержания не ограничено временем «фактического задержания» на месте происшествия (совершения преступления), или передачей и доставкой задержанного лица в органы власти. Это право действует в течение всего периода содержания задержанного лица (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного) под стражей, при конвоировании во время следственных действий, судебного разбирательства, а также отбывания наказания в виде лишения свободы (в предусмотренных российским законодательством случаях и порядке). Право на применение силовых мер задержания прекращается после принятия специально на то уполномоченными государственными органами (должностными лицами) решения об освобождении содержащегося под стражей лица в установленном законом порядке.

¹ Безотносительными являются понятия, которые отражают отдельно существующие предметы и мыслящиеся вне их отношения к другим предметам. URL: https://azbuka.ru/slovar_po_logike (дата обращения: 07.04.2025).

Признание и фиксирование своевременности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия – это не одолжение сотрудникам, и не усмотрение правоприменителя. Это фактор, доказывающий правомерность предпринятых силовых мер задержания, и который обязательно должен быть обозначен в процессуальных документах (в качестве основания отказа в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, оправдательного приговора и т. д.).

Можно отметить, что своевременность применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия для задержания/при задержании характеризует содеянное как общественно полезное и необходимое, а также способствует квалификации предпринятых субъектом задержания силовых мер в качестве правомерного поступка. Своевременно предпринятые силовые меры характеризуют субъект задержания (сотрудника полиции, Росгвардии, ФСБ, УИС, судебного пристава, охранника и др.) не только как профессионала, способного использовать предоставленное законом право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, но и как ответственного, мужественного и надежного человека, и гражданина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тенилова Т. Л. Пространство и время в правовой жизни общества: соотношение категорий // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010, № 2(13).С. 105–110.
2. Догадайло Е. Ю. Время и право: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2013. 54 с.
3. О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14. Пункты 3 и 5. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107354/ (дата обращения: 07.04.2025).
4. Кириченко В. Ф. Об усилении борьбы с хулиганством. М. : Знание. 1967. 77 с.
5. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. Пункт 7 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 07.04.2025).
6. О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. : принят Гос. Думой 28 января 2011 г. : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 г. № 1-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 07.04.2025).
7. Уголовное право России. Часть Общая и Особенная : курс лекций / А. И. Рарог, Г. А. Есаков, А. И. Чучаев, В. П. Степалин ; под ред. А. И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби : Проспект, 2005. 480 с.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.04.2025).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 07.04.2025).

10. Уголовное право. Общая часть : учебник / под общ. ред. В. И. Радченко. М. : Юстицинформ, 2010. 496 с.

11. Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права : монография / под общ. ред. М. Б. Костровой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 319 с.

12. Бриллиантов А. В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2014. 111 с.

13. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 07.04.2025).

14. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2006. 309 с.

УДК 246.1

Мартыненко Игорь Эдуардович

доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой гражданского права
и процесса, Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
i.martinenko@grsu.by

Правоохранительная деятельность по обеспечению культурной безопасности

Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

***Аннотация.** В статье рассматриваются положения нового законодательства Республики Беларусь о противодействии экстремистской деятельности и недопустимости реабилитации нацизма. Цель данной работы – ознакомление юридической общественности с опытом союзного государства по юридическому закреплению запретов проявления любых*

форм проявлений нацизма. Необходимость данного исследования обусловлена теми вызовами (попытки реабилитации нацизма), с которыми столкнулось человечество в первой четверти XXI века. Выводы и рекомендации автора о целесообразности изучения данных вопросов (защита исторической памяти, недопущение реабилитации нацизма) в учреждениях высшего профессионального образования могут быть использованы для соответствующего обновления учебных программ.

Ключевые слова: сравнительный опыт применения законодательства; правоохранительная и судебная деятельность; совершенствование законодательства; новые учебные программы; деятельность, направленная на реабилитацию нацизма.

Martynenka Ihar Eduardovich

doctor of law, professor

head of the Department of Civil Law and Procedure

Grodno State University named after Yanka Kupala

Grodno, Republic of Belarus

Annotation. *The article discusses the provisions of the new legislation of the Republic of Belarus on countering extremist activities and the inadmissibility of the rehabilitation of Nazism. The purpose of this work is to familiarize the legal community with the experience of the union state in the legal consolidation of prohibitions on the manifestation of any forms of manifestations of Nazism. The need for this study is due to the challenges (attempts to rehabilitate Nazism) that humanity faced in the first quarter of the 21st century. The author's conclusions and recommendations on the expediency of studying these issues (protection of historical memory, prevention of the rehabilitation of Nazism) in institutions of higher professional education can be used for the appropriate updating of curricula.*

Keywords: *comparative experience in the application of legislation; law enforcement and judicial activities; improvement of legislation; new curricula; activities aimed at the rehabilitation of Nazism.*

Обеспечение национальной безопасности включает защиту культурного, духовно-нравственного наследия и исторических традиций. В современных геополитических условиях, когда кардинально меняется характер и направленность угроз, в том числе нетрадиционного и гибридного толка, растет вероятность кризисных ситуаций и конфликтов, апробируются новые подходы в области взаимоотношений между государствами и их объединениями [1, с. 18], требуется новый подход к уточнению объектов национальной неопасности.

Сегодня можно говорить о культурной безопасности как составной части национальной безопасности [2, с. 84], и вот почему. Сфера культуры объединяет деятельность по сохранению историко-культурного наследия (историко-культурных ценностей, культурных ценностей, нематериального проявления человеческого творчества), развитию библиотечного, музейного, архивного дел, поддержке и развитию исполнительских искусств, кинематографии, изобразительного искусства, развитию традиционной народной культуры, укреплению международных связей, усилению притягательности белорусской культуры для соотечественников, проживающих за рубежом (белорусов зарубежья), представителей других культур.

Культурная безопасность предполагает заботу о сохранении духовно-нравственного здоровья общества, идентичности этноса, возрождение его исто-

рической памяти. К индикаторам культурной и духовной безопасности относятся уровень политической и правовой культуры, гражданского и национального самосознания, историческая память народа, аксиологическое измерение его образа жизни, взаимообогащение культур в процессе их диалога, религиозность населения [3, с. 74].

Говоря об историко-культурном наследии (как части культуры), отметим, что оно приобретает все большую политическую силу и значение как надежный гарант сохранения идентичности и самобытности народа, ценнейшее конкурентное преимущество в условиях глобализации. Именно поэтому сохранение историко-культурного наследия земли белорусской – существенный элемент нашей национальной безопасности.

Национальная безопасность в первую очередь связывается с состоянием защищенности личности, общества и государства от разнообразных угроз и опасностей внутреннего и внешнего характера в различных сферах жизнедеятельности [4; 5, с. 3–6]. Национальные интересы представляют совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие государства. Национальные интересы в социальной сфере заключаются в сохранении культурного (историко-культурного наследия), обеспечении защищенности духовных ценностей общества от внутренних и внешних угроз.

Культурная безопасность представляет собой такую качественную характеристику состояния социально-политической системы, которая характеризуется отсутствием факта угрозы историко-культурному наследию, способностью функционировать в опасных условиях, осуществлять деятельность, направленную на минимизацию, нейтрализацию и ликвидацию возникающих угроз. Угроза национальной безопасности – это потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба национальным интересам государства.

Конечно, опасность нанесения ущерба национальным интересам не тождественна угрозе. Так, характерными отличиями опасности от угрозы являются степень риска причинения конкретного ущерба национальным (в сфере историко-культурного наследия) интересам (социальная безопасность), направленность воздействия, присутствие в них трех компонентов – намерения, возможности, последствия. Угроза – это намерения и возможность нанесения ущерба национальным интересам (утрата национальных культурных ценностей), а опасность – это либо намерения, либо возможность. Последствия – безвозвратная утрата национальных культурных ценностей в результате их уничтожения, вывоза из страны происхождения, умаления художественных достоинств, дискредитация исторического прошлого и достижений культуры [6, с. 43, 46, 48].

Многолетнее изучение проблемы показывает, что в сфере культурного (историко-культурного) наследия угрозами национальной безопасности являются: преступность [7] – вандализм (надругательство над историко-

культурными ценностями, контрабанда культурных ценностей (утрата культурных ценностей в результате их безвозвратного вывоза из страны); хищения культурных ценностей из музеев, архивов, библиотек; нелегальные раскопки памятников археологии, приводящие к уничтожению, повреждению артефактов и участию их в нелегальном обороте; уничтожение объектов военно-исторического наследия в результате нелегальных раскопок воинских захоронений; разрушение материальных недвижимых историко-культурных ценностей (например, памятников архитектуры и градостроительства), в том числе в виде реставрации (обновления); дискредитация нематериального культурного наследия. Поэтому считаем, что система правовой защиты историко-культурного наследия должна быть построена на основе требований национальной безопасности посредством единого структурирования их объектов охраны в виде завершеного и функционально-эффективного правового института правоохранительной деятельности.

В этом контексте правоохранительная деятельность, как средство обеспечения национальной безопасности в сфере историко-культурного наследия, представляет собой систему, включающую цель, необходимые ресурсы для ее достижения, пути достижения цели и методы их обоснования, что находит отражение при выработке соответствующей государственно правовой формы реагирования на различные вызовы и угрозы.

Выбор именно правоохранительной деятельности как средства адекватного реагирования на реальные вызовы и угрозы национальной безопасности в области историко-культурного наследия обусловлен характером такой опасности, одним из источников которой является преступность, что требует разработки концептуально нового подхода к организации правоохранительной деятельности.

Новые подходы вызывают необходимость определения историко-культурного наследия в качестве непосредственного объекта национальной безопасности.

Такое понимание приводит к необходимости в упомянутой выше Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, указания новых угроз. Предложенный подход позволяет по-новому определить задачи, решаемые субъектами правоохранительной деятельности. Предлагаем к компетенции Министерства внутренних дел, Государственного пограничного комитета, Комитета государственной безопасности, Государственного таможенного комитета, Министерства по чрезвычайным ситуациям отнести также осуществление защиты историко-культурного наследия, что потребует корректировки законодательных актов, определяющих задачи, статус и компетенцию указанных субъектов правоохранительной деятельности.

Как представляется, практическая реализация указанных предложений в определенной мере повысит эффективность правовой охраны историко-культурного наследия и будет служить обеспечению национальной безопасности.

В этом же контексте (защита исторической правды) мы рассматриваем установленные законодательством меры ответственности за посягательства на

объекты и памятники военно-исторического наследия. Таковыми являются скульптурные, архитектурные сооружения, посвященные борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, места захоронения участников борьбы с фашизмом (памятники, мавзолеи, стелы, обелиски и иные сооружения). Многолетнее исследование проблемы, показывает, что ежегодно в стране выявляется в принципе не много фактов надругательства над памятниками, установленными в целях увековечения подвига советского народа в Великой отечественной войне. Но тем не менее такие случаи есть. Анализ уголовных дел, материалов проверок и сообщений о фактах вандализма свидетельствует, что осквернение воинских мемориалов из националистических побуждений приурочивается к памятным датам (начало Великой Отечественной войны, День Победы и др.). В основном такие преступления совершают молодежные группы антисоциальной направленности, ведомые лидерами непризнанных политических организаций. Форма выражения надругательства в данном случае, как правило, одна – использование фашистской символики.

Именно поэтому в ст. 346 УК Республики Беларусь установлена ответственность за надругательство над историко-культурными ценностями (таковыми являются памятники защитникам Отечества и жертвам войн. – *Прим. автора*). Своей сутью надругательство (в уголовном законодательстве других стран – вандализм) имеет сознательное осквернение, поругание, унижение мест и зданий, которые в сознании людей ассоциируются как святое, исключительно ценное, памятное. Целью надругательства является умышленное искажение смыслового содержания памятника как формы увековечения подвига советского народа в Великой Отечественной войне.

Объектом данного преступления являются общественный порядок и общественная нравственность. Предметами являются: историко-культурные ценности; особо ценные материальные историко-культурные ценности, т. е. вновь выявленные объекты, которые могут иметь международное или национальное значение; памятники защитникам Отечества¹. В законодательстве Российской Федерации такие памятники определяются как объекты культурного наследия (ст. 3 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»).

¹ В годы Великой Отечественной войны людские потери на территории Беларуси (боевые потери Красной Армии, партизан и подпольщиков, а также военнопленные в лагерях, мирные граждане, истребленные немецко-фашистскими захватчиками) составили более 3 млн человек. Сведения о 473 тыс. погибших увековечены и внесены в паспорта воинских захоронений, автоматизированный банк данных «Книга Памяти Республики Беларусь», нанесены на надмогильные мемориальные плиты. Более 1,7 млн захороненных числятся как неизвестные, во время Великой Отечественной войны на территории Беларуси погибло и пропало без вести около 200 тыс. иностранных военнослужащих (немцев и их союзников), при этом в немецких архивах документально засвидетельствована гибель примерно 153 тыс. человек. Учитывая эти обстоятельства постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 февраля 2021 г. № 117 утверждена новая Государственная программа «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества на 2021–2025 годы», в которой (а также ранее реализованной) и содержатся указанные выше сведения.

Объективную сторону данного преступления составляют действия, связанные с осквернением памятных зданий и сооружений; глумление, циничное и оскорбительное отношение к историко-культурным ценностям. Под осквернением обычно понимают учинение непристойных по содержанию, оскорбительных и циничных по форме надписей, рисунков, символов и знаков. К действиям, запрещенным Уголовным кодексом, относятся: нанесение надписей либо изображений нецензурного содержания или циничного характера на историко-культурных ценностях, наклеивание листовок, плакатов или иных носителей графической информации, пропагандирующих антиобщественные идеалы и антисоциальные ценности, оскорбляющие человеческое достоинство. Как свидетельствует судебная практика, изученная автором, памятники обливают краской, разрисовывают, на них учиняют непристойные либо унижающие человеческое достоинство надписи, а также запрещенную законодательством фашистскую символику.

С субъективной стороны данное преступление совершается с прямым умыслом, т. е. виновный сознает, что совершает надругательство (оскверняет) над памятниками истории и культуры и желает этого. Мотивы преступления могут быть разными. По бессмысленности действий надругательство над историческими памятниками схоже с хулиганством.

Однако эти два преступления различаются по своим целям, т. е. по направленности преступных действий и способам их достижения: общественная опасность надругательства состоит в том, что преступник посягает на неповторимые объекты материальной культуры, демонстрируя тем самым свою ненависть к цивилизации.

Дело остается за умелым и оперативным расследованием данных преступлений, с тем, чтобы ни один виновный в осквернении памятника защитникам Отечества не ушел от ответственности.

Заметим, что в Российской Федерации в ст. 243.4 УК РФ установлена уголовная ответственность за *уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России*. Именно с такой диспозицией в Республике Беларусь уголовно-правовой нормы нет. Выше мы уже указали на положения УК Республики Беларусь, установивших ответственность за надругательство над памятниками в широком смысле (они поименованы в Кодексе Республики Беларусь о культуре как историко-культурные ценности).

Важным направлением государственной политики является **недопущение реабилитации нацизма**, правовую основу которой составляют Конституция Республики Беларусь, запрещающая пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды (ч. 3 ст. 5 Конституции); законы и иные акты законодательства: законы «О противодействии экстремизму», «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму» «О недопущении реабилитации нацизма» и «О геноциде белорусского народа» от 5 января

2022 г. № 146-З. Указанными нормативными правовыми актами в Республике Беларусь запрещается: реабилитация нацизма; финансирование реабилитации нацизма; деятельность организации, представительства международной или иностранной организации, индивидуального предпринимателя, направленная на реабилитацию нацизма.

Заключение

Сохранение историко-культурного наследия становится важнейшим политико-правовым фактором обеспечения национальной безопасности. Национальные интересы в социальной сфере заключаются в сохранении историко-культурного наследия, обеспечении защищенности духовных ценностей общества от внутренних и внешних угроз. Следовательно, концептуальное определение историко-культурного наследия в качестве непосредственного объекта национальной безопасности детерминирует необходимость выделения в доктринальных документах, определяющих подходы государства на обеспечение безопасности от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности (например, это **Концепция национальной безопасности Республики Беларусь**, утвержденная Решением всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5¹, аналогичные документы приняты во всех странах СНГ), новых вызовов и угроз, связанных с нелегальным оборотом движимых культурных ценностей, производством нелегальных раскопок памятников археологии и воинских захоронений, деятельностью по разрушению материальных историко-культурных ценностей (памятников архитектуры и градостроительства, памятников истории) под видом их реставрации (обновления), надругательством над историко-культурными ценностями, дискредитацией нематериального культурного наследия.

Наше понимание проблемы приводит к выдвижению положения о необходимости по-новому определить задачи, решаемые субъектами правоохранительной деятельности: к компетенции Министерства внутренних дел, органов национальной (государственной) безопасности, таможенного и пограничного контроля, Министерства по чрезвычайным ситуациям следует отнести также *осуществление защиты объектов культурного наследия*, что вызывает необходимость корректировки законодательных актов, определяющих задачи, статус и компетенцию указанных субъектов правоохранительной деятельности.

В условиях нарастания информационных атак, внешних угроз, ведущихся в целях дискредитации союзного государства, истории и самобытности Беларуси и России, дегероизации прошлых побед и завоеваний, обеспечение сохранности памятников истории и культуры, воинских мемориалов является гарантией не только сохранения целостности государства, но и объединяющей идеей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шамаров П. В. Национальная безопасность: содержание понятия // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 4(130). С. 16–24.

¹ Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 26.04.2024, 1/21360.

2. Романова А. П., Мармилова О. В. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2. С. 82–94.

3. Рудковский Э. И. Культурная безопасность как императив национальной безопасности // Искусство и культура. 2020. № 2(38). С. 72–76.

4. Голобородько А. Ю. Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России : автореф. дис. ... д-ра полит- наук : 23.00.02. Ростов-н/Д., 2016. С. 4.

5. Сулименко Е. Г. Культурная политика как фактор национальной безопасности в условиях глобализации : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2008. С. 3–6.

5. Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : монография. М. : Юридический институт МИИТ, 2013. 195 с.

6. Болотова Е. Д. Уголовная ответственность за посягательство на объекты культурного наследия, взятые под охрану государством. М. : ИНФРА-М, 2025. 208 с.

УДК 343.8

Милич Иван Д.

доктор юридических наук

доцент кафедры уголовного права

Новосадский университет

г. Нови-Сад, Республика Сербия

I.Milic@pf.uns.ac.rs

Порядок отбывания наказания в тюрьмах Республики Сербия

***Аннотация.** Даже если осужденные находятся в тюрьме, это не означает, что они не могут совершить преступление. Они могут совершить уголовное преступление против осужденного, работающего лица или против лиц, не лишенных свободы. Осужденный также может стать жертвой преступления, совершенного в тюрьме. Определенное количество осужденных намерено совершить побег из тюрьмы. В связи с этим в тюрьме должны поддерживаться порядок и безопасность, и за это отвечают определенные службы.*

***Ключевые слова:** безопасность, тюрьма, преступление, осужденный порядок, свобода.*

Milić Ivan D.

doctor of law, associate professor

of the Department of Criminal Law University

of Novosad

Novi Sad, Republic of Serbia

The procedure for serving sentences in prisons of the Republic of Serbia

Annotation. *Even if convicted persons are in prison, this does not mean that they cannot commit a crime. They may commit a criminal offense against a convicted person, an employee, or against persons who are not deprived of their liberty. A convicted person may also become a victim of a crime committed in prison. A certain number of convicts intend to escape from prison. In this regard, order and security must be maintained in the prison, and certain services are responsible for this.*

Keywords: *security, prison, crime, convicted order, freedom.*

Как известно лица, виновные в совершении уголовных преступлениях подлежат различным наказаниям [1; 2; 3], и одним из них, безусловно, является лишение свободы с отбыванием наказания в тюрьме. В более чем тридцати тюрьмах Сербии по различным правовым основаниям содержится около десяти тысяч человек, как правило это лица, совершившие различные виды преступлений и проступков, а также лица, содержащиеся под стражей и т. д.) [4]. В тюрьмах содержатся лица, осужденные за совершение различных преступлений. Это осужденные лица, совершившие преступление, предусмотренное Уголовным кодексом [5] или правонарушение, запрещенное иным законом Республики Сербия.

Анализ законодательства Республики Сербии, позволяет сказать, что существуют две категории осужденных, а именно «обычные осужденные» и особые осужденные – наиболее опасные осужденные, обладающие повышенной общественной опасностью и/или совершившие тяжкие преступления.

Согласно положениям действующего законодательства, осужденные отбывают наказание вместе с другими осужденными. Так, в местах отбывания наказаний существуют общежития, в которых проживает несколько осужденных. Обычно в жилых помещениях общежитий размещается по шесть человек, однако бывают случаи, когда в таких помещениях может содержаться двадцать и более осужденных. При этом в общежитиях осужденных существуют общие помещения (комнаты), в которых они проводят личное время в течение дня.

Трудоустроенные осужденные, во время работы, находятся вместе с другими осужденными по месту их работы. В это время они также могут находиться в непосредственном контакте с ответственными за обеспечение установленного порядка отбывания наказания и поддержание безопасности вообще, а также личной безопасности осужденных, отбывающих наказание в тюрьме. Это могут быть сотрудники службы безопасности, медицинские работники, а также иные лица, работающие в тюрьме.

Во время отбывания наказания в тюрьме осужденные вправе периодически контактировать со своими близкими родственниками и другими лицами извне, во время свиданий. Кроме этого, в установленных законом случаях осужденный имеет право на краткосрочный отпуск, т. е. он может быть освобожден из мест лишения свободы на определенный срок и покинуть тюрьму «в сопровождении» или «без сопровождения» сотрудника службы безопасности.

В связи с тем, что имеют место случаи совершения преступлений, как осужденными, так и иными лицами, в том числе и должностными лицами, в отношении осужденных, содержащихся в тюрьмах и лиц «контактирующих» с осужденными, возникает вопрос об обеспечении их безопасности, а также о том, кто и каким образом должен нести ответственность за безопасность осужденных, а также иных лиц, с которыми осужденные контактируют. Аналогичный вопрос возникает в случаях повреждения или уничтожения тюремного имущества. Согласно положениям соответствующих нормативных правовых актов – это обязанность службы безопасности тюрьмы. Из этого следует, что в тюрьмах Сербии вопросами (проблемами) организации и обеспечения надлежащего порядка отбывания наказания осужденными осуществляется не подразделениями полиции, а службой безопасности тюрьмы.

В функции сотрудников службы безопасности входит обязанность по принятию профилактических мер, направленных на безусловное соблюдение осужденными порядка отбывания наказания в тюрьме, т. е. правил поведения, действующих для осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы (в тюрьмах). Как показывает практика, для определенного числа осужденных достаточно простого присутствия сотрудника службы безопасности (охранника), чтобы их поведение соответствовало предписанным правилами при отбывании наказания в тюрьме, каждый осужденный знает, что в случае совершения им действий, запрещенных в местах лишения свободы, к нему будут применены меры дисциплинарного взыскания. В нормативных актах Республики Сербии, регулирующих порядок отбывания наказания в виде лишения, предусмотрен перечень дисциплинарных проступков или правонарушений, за совершение которых к ним могут быть применены меры дисциплинарного взыскания или уголовного наказания.

В целях поддержания надлежащего порядка и безопасности как в тюрьме, так и за ее пределами, сотрудники службы безопасности правомочны (уполномочены) принимать определенные меры к правонарушителям. Например, это может проявляться в сопровождении сотрудником службы безопасности осужденного при его передвижении или в присутствии охранника тюрьмы в местах нахождения осужденных. На службу безопасности также возложена обязанность по принятию мер, направленных на предотвращение или пресечение попыток побега или незаконного освобождения осужденного третьими лицами.

Согласно положениям действующего законодательства обычные осужденные «часто» могут находиться в непосредственном контакте с лицами, не лишенными свободы, что не исключает вероятности совершения определенных преступлений, как самими осужденными, так и в соучастии с контактируемыми лицами. Известен случай, когда в тюрьме осужденный мужчина, во время так называемого супружеского свидания, убил свою жену¹. Такое стало возможным ввиду того, что супружеские свидания не контролируются, и в комнате свидания

¹ Об этом см.: URL: <https://www.rtvbn.com/315642/Osudjenik-ubio-suprugu-u-ljubavnoj-sobi-u-zatvoru> (дата обращения: 03.03.2025).

ний в это время не может находиться ни один сотрудник службы безопасности, поскольку это супружеское свидание.

Говоря об особых или наиболее опасных осужденных, следует отметить, что в тюрьмах Сербии существуют специальные отделения [4], в которых отбывают наказание наиболее опасные осужденные. Исполнение наказания в виде лишения свободы в таких отделениях тюрем регулируется положениями специального закона, а также специальных подзаконных актов. В таких спецотделениях, как правило, отбывают наказание осужденные, совершившие преступление или преступления в группе или в составе организованной группой, а также за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

После вынесения судом приговора с назначением наказания в виде лишения свободы проводится особая процедура, в ходе которой принимается решение о том, подлежат ли наиболее опасные осужденные отбыванию наказания в таком специальном отделении или нет. Следовательно, такая категория осужденных может отбывать наказание как в специальном отделении тюрьмы, так и в обычной тюрьме.

Также из положений нормативных правовых актов следует, что у осужденных, содержащихся в спецотделении установленный режим отбывания наказания значительно строже, чем у обычных осужденных.

В отличие от обычных осужденных у лиц, отбывающих наказание в специальном отделении тюрьмы иной порядок предоставления краткосрочных отпусков. У них отсутствует возможность выхода в город или, например, навесить родственников по выходным даже «в сопровождении» сотрудника службы безопасности. В связи с этим данные осужденные постоянно находятся «под замком». Как правило, они отбывают наказание индивидуально, т. е. у каждого осужденного своя одиночная камера. Во время прогулок на свежем воздухе одновременно может находиться максимум пять осужденных. Во время их посещения родственниками, за ними осуществляется строгий надзор и контроль.

Изучение нормативных актов, регулирующих деятельность сотрудников службы безопасности позволяет сделать вывод о том, что они, перед тем как приступить к исполнению своих обязанностей по обеспечению порядка отбывания наказания и обеспечению безопасности, проходят специальную подготовку. Как следует из документов, они не работают в спецотделе на постоянной основе, сюда направляются сотрудники из различных подразделений и отделов. В данном случае предусмотрена специальная процедура отбора. Изначально объявляется внутренний конкурс, в котором может принять участие лишь сотрудники службы безопасности. После чего, сотрудники прошедшие конкурс направляются на работу в соответствующий специальный отдел на срок не более шести месяцев в течение года. Конечно, может возникнуть вопрос, а почему сотрудники службы безопасности хотят послужить на самом опасном участке – в специальном отделе, где самый опасный и самый сложный контингент осужденных? Как показывают результаты исследований, одной из основных причин называется зарплата, которая в два раза выше заработной платы сотрудников службы безопасности других подразделений и отделов тюрьмы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Милич И. Виды наказаний // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар : Кубанский государственный университет, 2022. С. 3–8.

2. Милич И. Пожизненное лишение свободы в Сербии // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности : VI Тихоокеанский юрид. форум, 8 октября 2021 г. : материалы / сост. В. В. Гаврилов. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 285–288.

3. Милич И. Пришло ли время для нового уголовного наказания в Республике Сербия – запрета доступа в Интернет? // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика : сб. ст. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. 16 / отв. ред. С. И. Давыдов, В. В. Поляков. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 37–41.

4. Милич И. Где отбывают тюремное заключение самые опасные заключенные в Республике Сербия? // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20 сент. 2019 г. : в 2 т. / редкол.: А. Л. Осипенко и др. Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2019. Т. 1. С. 44–50.

5. Уголовный кодекс Республики Сербия // Служебный вестник Республики Сербия, № 85 от 6 октября 2005 г., № 88 от 14 октября 2005 г. – с изм., № 107 от 2 декабря 2005 года – с изм., № 72 от 3 сентября 2009 г., номер 111 от 29 декабря 2009 г., № 121 от 24 декабря 2012 г., номер 104 от 27 ноября 2013 г., № 108 от 10 октября 2014 г., № 94 от 24 ноября 2016 г., номер 35 от 21 мая 2019 г., № 94 от 28 ноября 2024 г.

УДК 343.3

Углова Евгения Анатольевна

начальник отдела научной информации, издательской
деятельности и библиографического обеспечения
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
vladivostok200@mail.ru

**Растительный мир: проблемы определения в контексте экоцида
и экологических преступлений**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения понятия «растительный мир» в контексте экоцида – умышленного уничтожения окружающей среды. Ана-

лизируются существующие правовые нормы, регулирующие охрану «растительного мира», понятия «растения» и «растительность». Выявляются пробелы в законодательстве и коллизии указанных понятий в действующем законодательстве.

Ключевые слова: экоцид, уголовное право, преступления против мира и человечества, растительный мир.

Uglova Evgeniia Anatolyevna

head of the department of scientific
information, publishing and bibliographic support
of the Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Plant life: problems of definition in the context of ecocide and environmental crimes

Annotation. *The article examines the problems of defining the concept of «plant world» in the context of ecocide – the deliberate destruction of the environment. It analyzes the existing legal norms governing the protection of “plant world”, the concepts of “plants” and “vegetation”. Gaps in legislation and collisions of these concepts in the current legislation are identified.*

Keywords: *ecocide, criminal law, crimes against peace and humanity, flora.*

В современном мире, где экологические проблемы становятся все более острыми, решение вопроса ответственности за акты экоцида приобретает особую значимость. Экоцид – это не просто уничтожение природы, это преступление против окружающей среды, которое ставит под угрозу жизнь целых экосистем на планете. Человечество оказалось вынужденным признать существование конфликта между ним и окружающей природой, а также тот факт, что решение конфликта лежит на пути изменения человеческого поведения по отношению к природе. За сравнительно короткое историческое время возникла и быстро развивается все более весомая область целенаправленной деятельности людей, народов, государств, ориентированная на достижение гармонии между человечеством и природой, которая нуждается в правовом регулировании. Остро встал вопрос и о развитии необходимых для этого правовых норм – итогом стало признание необходимости юридической ответственности за экологические правонарушения во всех правовых системах современности [2, с. 101–103].

Российская Федерация решила вопрос об ответственности за экоцид при принятии в 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), включив в главу 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» статью 358 «Экоцид» и установив уголовную ответственность за совершение действий, которые могут повлечь за собой массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

На сегодняшний день в судебной практике Российской Федерации нет приговоров, вынесенных судами по данной статье. Вместе с тем в августе 2021 г. Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело об экоциде из-за водной блокады Крыма [6], расследование которого до настоящего времени не завершено. Полагаем данные обстоятельства достаточно веской причиной для детального анализа законодательной формулы экоцида с целью выявления проблем, препятствующих правоприменению, и возможных путей их преодоления.

Исторически экоцид ассоциировался с масштабными катастрофами – разливами нефти, вырубкой лесов или ядерными испытаниями. Наиболее известными актами экоцида являются действия Вооруженных сил США во Вьетнаме с 1961 по 1973 гг. и иракских военных во время Второй войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг.

Сегодня вред, наносимый экологическим системам, становится все более разнообразным и все более разрушительными в перспективе. Одним из таких примеров вмешательства в экологию планеты, поначалу незначительным, но приведшим к катастрофическим последствиям, является уничтожение лесов Амазонии.

Вырубка лесов в этом регионе началась еще XVI в. после прихода европейцев в Америку, активизировалась в период «каучукового бума» в конце XIX в. и стала массовой в середине XX века, когда правительство Бразилии начало активно осваивать Амазонию в рамках политики экономического развития – создания сельхозугодий и пастбищ для разведения скота. По оценке регионального директора и представителя Программы Организации Объединенных наций по окружающей среде Хуана Белло, по состоянию на май 2023 г. биом Амазонии уже потерял около 20 процентов своей первоначальной площади, и специалисты говорят, что он быстро достигает «точки невозврата» [5].

Другим, не менее показательным примером уничтожения растительности в целом регионе являются действия США во Вьетнаме. Как известно, разработанная США программа дефолиации «Помощник фермера», официально стартовавшая в 1961 г., первоначально преследовала цель искусственного удаления листьев с деревьев во вьетнамских джунглях для улучшения видимости в труднопроходимых условиях и уничтожение урожая, который бойцы Вьетконга могли использовать в качестве пропитания [1]. Однако дальнейшее распыление агента «оранж» привело к экологической катастрофе в Южном Вьетнаме.

Представляется, что именно уничтожение растительности повлекло за собой экологические катастрофы в Амазонии и Вьетнаме, которые однозначно оцениваются многочисленными экологическими и правозащитными организациями как экоцид [4; 7].

Ограничившись рамками статьи, детально проанализируем понятие «растительный мир» как одного из предметов экоцида и экологических преступлений, а также близкие к ним понятия «растения» и «растительность», используемые в различных отраслях права.

В современной российской правовой системе понятие «растительный мир» раскрывается в природоохранном, лесном, водном и земельном законодательстве преимущественно в контексте объекта охраны.

Так, статьи 1 и 4 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» включают «растительный мир» в перечень компонентов «природной среды» – части понятия «окружающая среда», являющейся одним из объектов охраны от загрязнения, порчи, уничтожения и иного негативного воздействия хозяйственной и (или) иной деятельности.

В статьях 56, 95, 104 Земельного кодекса Российской Федерации термины «растительный мир» и «объекты растительного мира» применяются исключительно в нормах, регулирующих режим использования земель особо охраняемых природных территорий и при перечислении целей установления зон с особыми условиями использования территорий.

Лесной кодекс Российской Федерации упоминает «растительный мир» лишь однажды – в статье 60.15 регулируются вопросы особенностей охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения деревьев, кустарников, лиан, иных лесных растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации или Красные книги субъектов Российской Федерации.

Объекты растительного мира упоминаются в ст. 3, 42, 63, 65, 67 Водного кодекса Российской Федерации, но понятие их в этом кодексе отсутствует.

Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» в статье 32 (экологические требования к проведению мелиоративных мероприятий) также использует понятие «растительный мир» без детализации составляющих его признаков.

На уровне подзаконных нормативных актов федерального уровня есть всего один документ, который дает определение «растительному миру» как «совокупности произрастающих дикорастущих растений, образованных ими популяций, растительных сообществ и насаждений» (п. 2.110) – это ГОСТ Р 57007–2016 «Наилучшие доступные технологии. Биологическое разнообразие. Термины и определения», утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 июля 2016 г. № 810-ст (далее – ГОСТ). Однако, как следует из «Введения», он «не может рассматриваться как источник однозначных указаний на определения терминов», а в разделе «Область применения» специально оговорено, что «термины, установленные настоящим стандартом, предназначены для добровольного применения в нормативно-правовой, нормативной, технической и проектно-конструкторской документации, а также в научно-технической, учебной и справочной литературе применительно к сохранению и охране биоразнообразия».

В условиях многообразия коллизий федерального законодательства некоторые региональные законодатели предприняли попытки урегулировать этот вопрос на своем уровне. Так, в Республике Крым действует закон «О растительном мире» от 25 декабря 2014 г. № 50-ЗРК/2014, в статье 3 которого дано определение растительного мира как «совокупности всех видов высших сосу-

дистых растений, мхов, лишайников, водорослей и грибов как дикорастущих, так и культивируемых, произрастающих на территории Республики Крым, во всем их биологическом разнообразии и во взаимодействии с другими компонентами природной среды». Однако на сегодняшний день данный закон остается единственным региональным специальным законом, давшим определение «растительному миру».

В других регионах законодатели включили нормы об охране «растительного мира» в другие, более общие законы. Например, в Алтайском крае принят закон от 1 февраля 2007 г. № 3-ЗС «Об охране окружающей среды в Алтайском крае», в Красноярском крае – Закон от 20 сентября 2013 г. № 5-1597 «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае», которые регулируют вопросы охраны растительного мира через призму правоотношений по охране окружающей среды, городских и пригородных зеленых насаждений, лесных экосистем, редких и исчезающих видов растений.

Интересным с точки зрения решения вопроса охраны растительного мира представляется закон города Москвы от 13 ноября 2024 г. № 27 «Об охране и использовании зеленого фонда в городе Москве», регулирующий отношения в области охраны и использования зеленого фонда в городе Москве. Этот закон, в частности, использует такое понятие, как «зеленые насаждения» – древесно-кустарниковая и травянистая растительность естественного и искусственного происхождения, в том числе отдельно произрастающие деревья и кустарники, травяной покров и цветники. Кроме того, закон детально регулирует вопросы озеленения, охраны растений в природных заказниках, ботанических садах, водоохраных зонах, дает понятие нативных и инвазивных растений и содержит целый комплекс иных правовых норм, оставшихся за пределами внимания федерального законодателя. Представляется, что этот закон, принятый в порядке опережающего нормотворчества, во многих своих правовых решениях может служить примером для других региональных законодателей.

Обобщая изложенное, следует сделать вывод, что на сегодняшний день в отношении растительного мира отсутствует определенность в вопросе о том, что именно охватывает данное понятие [3, с. 84–104].

Исследование нормативного определения наиболее близкого к «растительному миру» понятия «растения» показало, что законодатель также использует этот термин в нормативных актах, но его определение варьируется в зависимости от контекста.

Например, уже упоминавшийся ГОСТ при даче понятия «биоценоз» определяет его как «совокупность растений, грибов, животных и микроорганизмов». Кроме этого, ГОСТ особо выделяет «дикорастущие растения» как «растения, находящиеся в их естественной среде произрастания и способные образовывать популяции, растительные сообщества или насаждения» и относит их к объектам растительного мира (пп. 2.14, 2.26, 2.77). Однако, как уже указывалось ранее, термины, установленные настоящим стандартом, предназначены для добровольного применения.

Единственный федеральный закон, включивший в свой понятийный аппарат «растения», это Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ «О карантине растений». Между тем и он всего лишь указывает, что растениями называются «сами растения и их части, в том числе семена и генетический материал» (ст. 2).

В статье 2 Федерального закона от 17 февраля 1997 г. № 149-ФЗ «О семеноводстве», действовавшем до 1 сентября 2023 г., было дано определение «растений» как «живых организмов, относящихся к царству растений, способных к фотосинтезу и имеющих клеточное строение». Однако действующий в настоящее время Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 454-ФЗ «О семеноводстве» определения растений уже не содержит – в нем осталось лишь понятие «сельскохозяйственных растений» (растения и их части, включая семена, относящиеся к сельскохозяйственным культурам, за исключением декоративных и цветочных культур). Очевидно, исключение общего понятия «растения» из этого закона продиктовано достаточно узкой сферой его применения – регулированием правоотношений в области семеноводства (производства (выращивания), хранения, транспортировки, реализации семян сельскохозяйственных растений).

Достаточно большим блоком нормативных актов, которые повсеместно используют понятие «растения», являются законы, регулирующие вопросы ведения региональных Красных книг, и Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 23 мая 2023 г. № 320 «Об утверждении перечня объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации».

Между тем совершенно очевидно, что все эти понятия, изложенные в указанных законах и подзаконных актах, не могут применяться к уголовным правоотношениям, отнесенным статьей 71 Конституции Российской Федерации к предметам ведения Российской Федерации.

В результате складывается достаточно парадоксальная ситуация, в которой, несмотря на очевидную пробельность федерального природоохранного, лесного и земельного законодательства, термин «растения» активно используется в главе 26 «Экологические преступления» Уголовного кодекса Российской Федерации, в которой установлена ответственность за нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 249); уничтожение, повреждение, незаконную добычу, сбор и оборот особо ценных растений, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (260.1).

Представляется, что восполнение правового пробела федерального законодателя при определении понятий «растительный мир», «растительность» и «растения» как одного из предметов экоцида и экологических преступлений требует согласованных усилий со стороны биологов, экологов и близких к ним специалистов с целью обоснования его закрепления на нормативном уровне и, следовательно, унификации существующих научных подходов и достижения

других положительных результатов, являющихся следствием единообразия терминологии, имеющей междисциплинарное значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артур Галстон против агента «оранж»: как американский биолог боролся против экоцида во Вьетнаме и чем его история важна для современной биоэтики. URL: <https://knife.media/galston/> (дата обращения: 13.03.2025).
2. Греченкова О. Ю. Отдаленные последствия экоцида для природы и человечества // Молодой ученый. 2017. № 8(142). С. 101–103. URL: <https://moluch.ru/archive/142/39616/> (дата обращения: 14.03.2025).
3. Минина Е. Л. Лес и растительный мир: правовые проблемы разграничения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 51. С. 84–104.
4. «Мощное решение»: активисты выступают за то, чтобы экоцид стал международным преступлением. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/sep/26/activists-push-make-ecocide-international-crime> (дата обращения: 13.03.2025).
5. Последний шанс спасти Амазонию. Выступление Хуана Белло (Juan Bello), регионального директора и представителя ЮНЕП в Латинской Америке и Карибском бассейне в честь Международного дня биологического разнообразия (22 мая 2023 года). URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/blog/posledniy-shans-spasti-amazoniyu> (дата обращения: 26.02.2025).
6. СК возбудил уголовное дело об экоциде из-за водной блокады Крыма. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2021/612525869a7947e9ce77e880> (дата обращения: 26.02.2025).
7. Экоцид может быть признан международным преступлением. URL: <https://aussiedlerbote.de/2022/09/ekocid-mozhet-byt-priznan-mezhdunarodnym-prestupleniem/> (дата обращения: 02.03.2025).

УДК 343.8

Алихаджиева Инна Саламовна

доктор юридических наук, доцент

Российская криминологическая ассоциация

имени Азалии Ивановны Долговой

г. Москва, Российская Федерация

AlinsI@yandex.ru

Корыстная цифровая преступность с персональными данными

***Аннотация.** В статье представлены результаты анализа корыстных цифровых преступлений, совершаемых с использованием персональных данных. Его основу составили статистические показатели, экспертные оценки, судебная практика, сообщения российских и за-*

рубежных средств массовой информации и научной литературы. Выявлены и описаны новые способы посягательств против собственности, совершаемых виртуально, приведены примеры криминальных схем с манипуляцией чужими конфиденциальными данными в сети Интернет. Автор приходит к выводу об изменении качественных характеристик корыстных преступлений в цифровом пространстве, что позволяет строить прогноз об увеличении показателей этого сегмента общеуголовной преступности.

Ключевые слова: персональные данные, биометрические данные, утечка персональных данных, мошенничество, вымогательство, нейросети, дипфейк.

Alikhadzhiyeva Inna Salamovna

doctor of law, associate professor

Russian Criminological Association

named after Azalea Ivanovna Dolgova

Moscow, Russian Federation

Self-serving digital crime with personal data

Annotation. *The article presents the results of an analysis of malicious digital crimes committed using personal data. The analysis is based on statistical data, expert assessments, judicial practice, reports from Russian and foreign media, and scientific literature. The article identifies and describes new methods of virtual attacks on property, and provides examples of criminal schemes involving the manipulation of confidential data on the Internet. The author concludes that the qualitative characteristics of malicious crimes in the digital space have changed, which suggests an increase in this segment of general criminality.*

Keywords: *personal data, biometric data, personal data leakage, fraud, extortion, neural networks, deepfake.*

Современный мир невозможно представить без Интернета и цифровых технологий. Они способствовали массовому внедрению онлайн-сервисов, с помощью которых человек в дистанционном режиме получает различные услуги и реализует гражданские права и обязанности (регистрирует сделки с недвижимостью, осуществляет банковские переводы, получает кредиты, платит налоги, участвует в избирательных кампаниях, заказывает товары и др.). Для того чтобы получить доступ к виртуальному миру услуг, потребитель (клиент, заказчик) должен раскрыть третьим лицам свои конфиденциальные данные (ФИО, возраст и паспортные данные, телефон и адрес электронной почты, места жительства). Общемировой тренд на цифровизацию с обменом сведений о себе на услуги и другие блага цивилизации, экономия времени и другие преимущества деанонимизации персональных данных способствовали тому, что личная информация о гражданах стала объектом внимания злоумышленников, ценным товаром, который монетизируется сам по себе [1, с. 92]. В закрытых чатах теневого сегмента Интернета функционирует глобальный рынок, на котором выставляются объявления о продаже баз данных с гигабайтами конфиденциальной информации о людях. Как пишет «Коммерсантъ», стоимость «пробива» чужих данных в 2024 году увеличилась в 2,5 раза и варьируется от 40 тыс. руб. В преступном бизнесе представлена тарификация на детализацию звонков мобильных операторов, банковские транзакции, сведения об автотранспортных средствах и объектах недви-

жимости. Повышение стоимости чужой персональной информации специалисты по информационной безопасности объясняют введением больших штрафов, усилением мер защиты компьютерных систем, высоким спросом на услугу.

Согласно отчету группы компаний InfoWatch, по числу деанонимизированных личных данных Россия в 2024 году заняла пятое место в мире, тогда как годом ранее наша страна находилась только на седьмом месте. В абсолютных цифрах доля утечек за год увеличилась в сравнении с 2023 годом на 31,7 % (каждая 12-я утечка в мире, или 8,5 %). Объем «слитых» записей за 2024 год составил 1,58 млрд. ТАСС сообщает, что первенство по инцидентам с персональными данными удерживают США (36,1 % в мире), а на втором – четвертом местах соответственно Китай, Индия и Испания. Среди отраслей по количеству раскрытых личных данных, как утверждают аналитики InfoWatch, лидируют торговля, промышленность, IT-сектор и информационная безопасность, банки и государственные органы [3]. Чужие персональные данные стали средством совершения, прежде всего, корыстных цифровых преступлений, облегчая психологическое воздействие на потенциальных потерпевших [4, с. 67].

Злоумышленники используют методы социальной инженерии, когда личные сведения о жертве выступают способом психологического воздействия на нее. Так, только за прошлый год ущерб от телефонного мошенничества, по данным Сбербанка, составил 295 млрд. руб. Как отмечают специалисты, 85 % мошеннических атак стали успешными потому, что основным инструментом злоумышленников являлось манипулирование закрытыми данными человека. Благодаря тому, что преступники завладели ими, они убедили потерпевших раскрыть банковские реквизиты, что позволило совершить хищение денежных средств. На удаленные транзакции без согласия клиентов – физических лиц в результате применения к ним приемов и методов социальной инженерии пришлось большинство банковских операций.

Говоря о мошенническом обмане с использованием цифровых технологий, исследователи отмечают, что регистрируются статистикой только три состава мошенничества (ст. ст. 159, 159³, 159⁶ УК РФ), что не соответствует реальному положению дел по корыстной преступности. Новыми, зафиксированными следственной практикой, способами получения и использования чужих персональных данных для совершения корыстных цифровых преступлений, являются:

1. *Мошенничество под видом различных рекламных лжеакций, новых «услуг», благотворительных розыгрышей, рассылка сообщений и писем о новых льготах и доплатах, получении компенсационных выплат от государства, о заработке за прохождение опроса, теста, голосование в конкурсах и др., целью которых является получение сведений о человеке, включая данные, позволяющие завладеть его аккаунтами в приложениях онлайн-банков, в социальных сетях, на платформах с государственными услугами.* По свидетельству российских СМИ и пресс-службы МВД России, за несколько месяцев 2025 года криминалитетом апробированы следующие схемы. Для получения персональных данных злоумышленники в мессенджере Telegram осуществляют рассылку фейковых приглашений на бесплатные косметические процедуры для женщин

в возрасте 27–75 лет. Чтобы получить бонус на омоложение в качестве модели, жертва регистрировалась по фишинговой ссылке из сообщения, раскрывая личные данные на имитирующем «Госуслуги» сайте. С их помощью преступники авторизовались вместо жертвы в личных аккаунтах банков, оформляя на нее кредитные заявки. Для того чтобы женщина согласилась на оформление онлайн-заявки, злоумышленники в переписке нагнетали ажиотаж, призывая торопиться ввиду ограниченного количества мест.

Для хищения чужих данных киберпреступниками задействован и фейковый бот Telegram якобы от «Почты России», помогающий найти несуществующую посылку или заказное письмо. Целью бота является получение доступа к личному кабинету в финансовых учреждениях и на сайте «Госуслуги» через введенные в предложенную форму данные о себе. Россиян стали «разводить» и по схеме услуг от службы Энергосбыта. Скамеры рассылают сообщения гражданам с предложением подключить льготный тариф или установить умный счетчик с приложением. СМС-код, который называет жертва после ввода личных данных, становится ключом к опциям на Госуслугах. Портал предупредил пользователей о мошенничестве с использованием не кодов из СМС, а QR-кодов, для получения учетных данных на сайтах кредитно-финансовых организаций.

Новым криминальным трендом стал перевыпуск SIM-карт умерших людей для похищения денежных средств с их банковских счетов. Получив информацию о смерти человека, преступники находят его персональные данные из реестра наследственных дел. Затем в режиме онлайн оформляется SIM-карта на имя усопшего, с помощью которой открывался доступ к денежным средствам. Российские СМИ писали о нескольких таких случаях, когда наследники обнаружили пропажу денег своих почивших родственников.

2. Изготовление поддельных электронных копий паспортов с персональными данными потерпевших. Специалисты Сбербанка утверждают, что оформить кредит без личного присутствия человека по скану паспорта сложно, а получить микрокредит вполне вероятно. По подделке может осуществляться электронная идентификация при заключении договоров в микрофинансовых организациях, выдающих займы. Взять микрокредит можно и онлайн, для чего заемщик указывает номер телефона и счета для перевода денег. Мошеннику таким способом могут предоставить множество кредитов, в связи с чем сумма займа станет внушительной. При этом человек, чьи персональные данные были указаны для микрокредита, узнает о нем тогда, когда кредиторы сообщат о необходимости погасить задолженность и накопленные проценты за просрочку оплаты. Мошенниками изобретен еще один способ заполучить чужие деньги и оформить кредит на имя другого человека: в утерянные или украденные документы (паспорт, водительские права) они вклеивают фотографии сообщников, которые максимально похожи на человека, которому они принадлежат. Модифицированные сканы паспортов с чужими персональными данными также используются для подачи онлайн-заявок на кредит, фальшивых сделок с недвижимостью. Правоохранители и службы безопасности банков для минимизации мошеннических рисков рекомендуют проверять свои учетные записи на «Госуслугах» и кредитную историю.

3. *Вымогательство с помощью компрометирующих материалов на жертву.* Преступники находят жертву через деанонимизированные персональные данные (страницу в социальной сети, телефон, адрес электронной почты), устанавливая ее внешность по специальным программам. Далее преступник по видеозвонку на смартфон или мессенджеру сообщает о том, что располагает интимными фотографиями жертвы. Они могут быть сделаны на веб-камеру во время видеосвязи, извлечены из потерянного или украденного смартфона, похищены путем взлома страницы в соцсети или защиты смартфона, из компьютера с помощью внедренного хакером трояна, передающего ему личные фото и видео в режиме онлайн, получены в ходе переписки на сайтах знакомств, когда ничего не подозревающая жертва отправляет личные фотографии и видеофайлы сексуального характера [5, с. 108]. А затем под угрозой их распространения и всей интимной переписки в публичном пространстве жертва, рассматривавшая общение в сети как пикантное развлечение, скрашивающее монотонные будни брака, вынуждена платить деньги за молчание. Для большего эффекта шантажисты оперируют персональными данными человека: именем, местом жительства, работы, данными о членах семьи, транспортных средствах и др., угрожая личной встречей с самой жертвой или с ее (его) супругом. Между тем все эти данные шантажисты могут получить за отдельную плату у недобросовестных сотрудников банков, онлайн-магазинов, служб доставки, у операторов связи и др., найти в даркнете или взломать корпоративную компьютерную систему.

4. *«Романтическое» мошенничество.* Его отдельным случаем является виртуальное мошенничество «на почве любви», или кетфишинг, когда преступник с вымышленного аккаунта «выстраивает» отношения с жертвой ради выгоды. Например, в 2024 году в Испании задержали пятерых мужчин, подозреваемых в хищении 325 тыс. евро у двух женщин. В испанской схеме «поддельный Брэд Питт» участвовала группировка из десяти человек, которые представлялись в социальных сетях американским актером. Злоумышленники, изучив профиль потенциальных жертв, выбирали самых уязвимых, склонных к депрессии, эмоционально нестабильных женщин. После длительного общения через мессенджеры и электронную почту, «актер» пообещал девушкам романтические отношения и совместное будущее. Добившись их доверия, он предложил бизнес-проект с инвестированием денежных средств, что и сделали жертвы, переведя мошенникам крупные суммы. В группировку входили граждане Нигерии, Ганы, Сенегала и Сьерра-Леоне, открывшие сеть банковских счетов с поддельными документами для вывода средств [2].

Жертвами «американских актеров» становились и россиянки. Например, в 2024 году жительница Чебоксар заплатила мошеннику, выдававшему себя за Леонардо Ди Каприо, 80 тыс. руб. Это был взнос за членство в клубе суперфанатов, которое позволяло общаться с голливудской звездой по видеосвязи. Женщина взяла кредит и перевела на указанный счет эти деньги. Видеозвонок продлился всего одну минуту, а затем общение продолжилось по переписке. После того, как «Ди Каприо» попросил оплатить ему перелет самолетом из Америки до Чебоксар, потерпевшая обратилась в полицию.

Еще одним способом вымогательства стал так называемый секс-шантаж, когда преступники манипулируют ревностью, а не стыдом, как раньше. Одному из супругов по электронной почте приходит письмо от «крупной компании по безопасности», которая получила доступ к хранящимся на личных устройствах другого супруга данным. В нем сообщается о том, что компания располагает доказательствами супружеской измены, и нужно перейти по ссылке, чтобы ознакомиться с архивом со скачанной информацией. Переход по ней для введения личных данных и есть схема, по которой люди теряют свои деньги. На самом деле у злоумышленников нет никакого компромата, а имена и адреса e-mail супругов находятся через слитые базы данных. Другим вариантом завлечь на ссылку является короткий, секундный ролик, в котором может быть дипфейк-порно с лицом супруга, а вторую часть с полным видео можно купить по ссылке. Угрожают мошенники и рассылкой друзьям, коллегам и контактам нейросетевого порно с одним из супругов в главной роли, если не откупиться от них. Уже зафиксированы случаи подделки чужих фотографий с помощью технологии дипфейк, когда злоумышленники, получив реальное изображение будущей жертвы, фальсифицируют ее под порнографическую съемку.

5. *Дипфейк с лицом и (или) голосом близкого человека.* Мониторинг судебной практики по использованию персональных данных в киберпосягательствах с корыстным мотивом показал, что преступный сценарий их совершения кардинально изменился. Набирает все большую популярность у злоумышленников дипфейк – качественная подделка голоса или видеоизображения с помощью нейросети. Так, в начале 2025 года Глобальную сеть облетела сенсационная новость: 53-летняя француженка Анна, жена миллионера, успешный дизайнер интерьеров, была обманута на 830 тыс. евро. Как оказалось, женщина полтора года общалась в одной из запрещенных сетей якобы с Брэдом Питтом. Для того чтобы жертва убедилась в том, что ей пишет настоящий Брэд Питт, он прислал француженке скан паспорта и водительского удостоверения. Для большей правдоподобности в ходе переписки фейковый кавалер отправлял ей сгенерированные искусственным интеллектом изображения известного актера, практически ежедневно поддерживая контакт. Их переписка началась с обсуждения кино и невинных комплиментов, «актер» читал на видео стихи и отправлял нежные послания. Со временем флирт дошел до предложения о замужестве. С Анной связалась «мать» актера, одоббив невесту как «ту самую женщину, которая нужна ее сыну». Затем мошенник сообщил невесте о том, что отправил ей дорогие подарки. Он прислал видео из бутиков, запечатанные посылки с ювелирными украшениями Chanel, эксклюзивными сумками Hermes и Louis Vuitton. Для прохождения посылки через таможню нужно было заплатить пошлину больше 9 тыс. евро. Жертва перевела эти деньги голливудскому жениху, поскольку его счета были заморожены из-за развода с Анджелиной Джоли, однако обещанных подарков так и не получила. Подозрения о том, что ее обманывают, возникли тогда, когда она увидела фотографии в зарубежной прессе Питта с его нынешней девушкой Инес де Рамон. И тогда дипфейк Питт отправил ей ролик, в котором какой-то журналист общал сенсационную новость о том, что возлюбленной Питта является францу-

женка Анна. В продолжение виртуального романа оказалось, что «Брэд Питт» нуждается в лечении из-за рака почек, что подтверждалось медицинскими счетами с расписанными процедурами и фотографиями из больничной палаты. Для того, чтобы женщина поверила в смертельно опасную болезнь, ей написал и лечащий врач актера. Он сообщил, что Брэд впал в кому, ему необходима срочная пересадка почки. Для дорогостоящей операции женщина перевела мошеннику несколько сотен тысяч евро, полученных после развода с мужем. История романтических отношений завершилась драматично: в социальных сетях и в прессе жертва подверглась травле, от нее отвернулись друзья и дочь. Она несколько раз пыталась свести счеты с жизнью и оказалась в психиатрической клинике для лечения тяжелой депрессии. Расследование установило, что фейковый Питт живет в Нигерии и выдает себя и за актера Киану Ривза [6].

Подводя итог исследованию, необходимо отметить, что современные способы совершения корыстных преступлений с использованием персональных данных в цифровом пространстве разработаны и адаптированы под информационные поводы в обществе и учитывают новейшие технологии. Следует прогнозировать качественную трансформацию корыстной цифровой преступности за счет внедрения новых форм использования персональных данных потерпевших и увеличение ее показателей ввиду большего перемещения рассматриваемых деяний в виртуальную реальность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13(3). С. 90–101.
2. В Испании задержали мошенников, выдававших себя за Брэда Питта. Они выманили у жертв больше €300 тыс. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/66f287899a7947a54649958d> (дата обращения: 22.03.2025).
3. Данные пробили цену // Коммерсантъ. 2024. 20 марта URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6580285> (дата обращения: 09.03.2025).
4. Дерюгин Р. А. О современных способах совершения мошенничества, связанного с использованием персональных данных пользователей сети Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня. 2023. № 1(25). С. 65–74.
5. Ильницкий А. С. Криминологические риски интимной коммуникации в сети Интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 106–109.
6. Француженка бросила мужа из-за представившегося Брэдом Питтом мошенника. Аферист выманил у 53-летней женщины €830 тыс. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/678611969a79479c1f57b739?ysclid=m8scy0khu5674308034> (дата обращения: 25.02.2025).

Меркурьев Виктор Викторович
доктор юридических наук, профессор
заведующий отделом НИИ Университета
прокуратуры Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
merkuriev-vui@mail.ru

Меркурьева Екатерина Викторовна
депутат Законодательного собрания Владимирской области
г. Владимир, Российская Федерация
zakladka2012@mail.ru

**Борьба с транснациональной организованной преступностью
в сфере незаконного оборота оружия как приоритетное направление
правоохранительной деятельности Союзного государства**

***Аннотация.** В статье анализируется необходимость выработки единой законодательной базы для противодействия незаконному обороту оружия государств-участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, в том числе государств-членов ОДКБ. Обоснована необходимость и показаны результаты разработки рекомендаций по дальнейшей унификации законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь в части установления уголовной ответственности за преступления, непосредственно связанные с незаконным оборотом и перемещением оружия. Сотрудничество в исследуемой сфере создает реальные предпосылки перекрытия потенциальных лазеек, которыми могут воспользоваться злоумышленники, ввиду наличия расхождений в определениях, принятых в различных юрисдикционных системах. В этой связи актуальным становится дальнейшее развитие международно-правового сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь с международными организациями ОДКБ, СНГ, ШОС, БРИКС для выработки законодательной базы, устанавливающей единый порядок оборота оружия, в том числе через тесное взаимодействие правоохранительных органов этих стран в борьбе с его незаконным оборотом.*

***Ключевые слова:** национальная безопасность, суверенитет, транснациональная организованная преступность, криминальный рынок оружия, незаконный оборот оружия, Конвенция ООН, Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия и его составных частей, противодействие криминальному рынку оружия, международно-правовое сотрудничество, выработка законодательной базы, оружейный кодекс государств – членов ОДКБ.*

Merkuriev Viktor Viktorovich
doctor of law, professor
head of Department of the Research Institute
of the University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Merkurieva Ekaterina Viktorovna
deputy of the legislative assembly of the Vladimir region
Vladimir, Russian Federation

Combating transnational organized crime in the field of illegal arms trafficking as a priority area of law enforcement activities of the Union State

***Annotation.** The article analyzes the need to develop a unified legislative framework for countering the illicit trafficking of weapons by the state's parties to the UN Convention against Transnational Organized Crime, including the CSTO member states. The article substantiates the need and shows the results of developing recommendations for further unification of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus in terms of establishing criminal liability for crimes directly related to the illicit trafficking and movement of weapons. Cooperation in the field under study creates real prerequisites for closing potential loopholes that can be exploited by malefactors, due to the existence of discrepancies in the definitions adopted in various jurisdictional systems. In this regard, it is relevant to further develop the international legal cooperation of the Russian Federation and the Republic of Belarus with international organizations of the CSTO, CIS, SCO, BRICS, in order to develop a legislative framework that establishes a unified procedure for the circulation of weapons, including through close cooperation between law enforcement agencies of these countries in the fight against illegal arms trafficking.*

Keywords: national security, sovereignty, transnational organized crime, criminal arms market, illegal arms trafficking, UN Convention, Protocol against the Illicit Manufacturing of and Trafficking in Firearms and Their Components, countering the criminal arms market, international legal cooperation, development of a legislative framework, arms code of the CSTO member states.

Транснациональная организованная преступность является угрозой суверенитету и безопасности государств, а ее участие в вооруженных конфликтах может затруднить поддержание мира и развитие международных отношений.

Участники организованных преступных формирований зачастую сотрудничают с террористическими или повстанческими группами. Есть и другая сторона расширения масштабов ее деятельности, характеризующаяся вступлением государственных структур в сговор с преступными группами, чтобы использовать их услуги для ведения гибридных войн против других стран.

По нашему мнению, издержки насилия, связанные с транснациональной организованной преступностью, намного превосходят издержки, вызванные терроризмом или вооруженным конфликтом. Поэтому представляется справедливым суждение о том, что организованная преступность приобрела глобальный характер и превратилась в колоссальную экономическую и военную силу¹, без преувеличения став угрозой международной безопасности и стабильности.

Многолетние криминологические исследования дают основания констатировать, что точкой приложения усилий организованной преступности явля-

¹ Такие оценки были сделаны в докладе Управления ООН по наркотикам и преступности (ЮНОДК) под названием "The Globalization of Crime: A Transnational Organized Crime Threat Assessment" (Глобализация преступности: оценка угрозы транснациональной организованной преступности). В этом докладе, представленном 3 июня 2010 г. в Совете по внешним связям в Нью-Йорке, анализируются основные потоки незаконно распространяемых наркотиков (кокаина и героина), огнестрельного оружия, контрафактной продукции, похищенных людей, продаваемых с целью сексуальной эксплуатации или принудительного труда, и природных ресурсов, а также незаконно перевозимых мигрантов. Кроме того, в нем рассматриваются проблемы морского пиратства и киберпреступности.

ются многочисленные криминальные рынки, организация и функционирование которых определяют смысл существования и эволюционирования организованных преступных формирований.

В этом контексте существенную опасность представляет криминальный рынок оружия, контролируемый транснациональной организованной преступностью.

По результатам научного исследования, проведенного в Университете прокуратуры Российской Федерации, выработано следующее понятие *криминального рынка оружия* – это международное (транснациональное) и внутригосударственное общественно опасное явление, обуславливающее спрос на оружие, предложение оружия и применение его в преступных целях, а также деятельность организованных преступных формирований, коррумпированных должностных лиц и групп населения, обеспечивающих его функционирование и развитие в целях получения криминальных доходов [1].

В современных условиях криминальный рынок оружия носит организованный транснациональный и внутригосударственный характер, выступая сопутствующим фактором наиболее опасных видов преступности, вследствие чего выступает в качестве угрозы мировому правопорядку, подрывает систему глобальной безопасности, а также систему договоров и соглашений в области контроля над вооружениями.

Необходимость системного противодействия незаконному обороту оружия зафиксирована в международных документах. Неконтролируемое распространение различного рода оружия, его комплектующих и боеприпасов повышает вероятность их попадания в руки террористов, а также в государства с нестабильной внутривнутриполитической ситуацией. В последние годы в мире колоссально увеличивается теневой экспорт оружия, что обусловлено в основном активностью террористических групп и организаций [2].

В частности, отмечается существенное увеличение нелегальных поставок в различные конфликтные зоны современных видов оружия, прежде всего, с территории Украины [3].

В своем выступлении статс-секретарь – заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации И. Н. Зубов на открытии 12-й сессии Конференции государств-участников *Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности* отметил, что практикуемое Западом деление партнеров по международному сотрудничеству в сфере борьбы с организованной преступностью на «своих» и «чужих», «удобных» и «неудобных» направлено, как правило, на сокрытие проведения специальными службами западных стран операций, направленных на взятие под контроль экстремистских и террористических организаций, а также транснациональных преступных группировок и их криминального бизнеса, в том числе нелегальной торговли оружием и боеприпасами [4].

Представляется важным в организации взаимодействия по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, учитывать результаты Конференции государств-

участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, которая является эффективной площадкой для выработки практических инструментов правоприменительной практики по выполнению положений Конвенции и дополняющих ее протоколов.

Вопросам противодействия незаконному обороту оружия посвящен Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему.

Данный Протокол содержит резюме и предварительный анализ информации, предоставленной государствами-участниками в 27 заполненных вопросниках для самооценки ситуации с осуществлением положений Протокола об огнестрельном оружии.

Мы не будем подробно останавливаться на раскрытии сформулированных в статье 3 Протокола об огнестрельном оружии определениях ключевых терминов, таких, как: «огнестрельное оружие», «составные части и компоненты» и «боеприпасы», поскольку они нашли свое законодательное закрепление в нормативных правовых актах Российской Федерации и Республики Беларусь.

Им посвящены подготовленные Университетом прокуратуры и Научно-практическим центром Рекомендации по дальнейшей унификации законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь в части установления уголовной ответственности за преступления, непосредственно связанные с незаконными оборотом и перемещением оружия.

Остановимся на анализе результатов Конференции государств – участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, о которой сказано выше.

Все 27 представивших ответы государств сообщили, что в их национальном законодательстве дано определение термина «огнестрельное оружие», включающее также и переделанное оружие, что соответствует определению, содержащемуся в Протоколе об огнестрельном оружии. Вместе с тем, если содержание определений таких уголовных правонарушений, как *незаконное изготовление и незаконный оборот* указанных предметов, трактуются в целом однозначно, то например такому термину, как «отслеживание», внимания не уделено.

Так, из 27 государств, представивших ответы на вопросник для самооценки, в 8 государствах не принято определение термина «отслеживание». Однако, согласно ответам на вопросник, правоохранительные органы этих государств, как правило, обладают следственными полномочиями для проведения операций по отслеживанию, несмотря на отсутствие конкретного определения этого понятия.

Углубленный анализ ответов показывает, что национальные определения отдельных преступлений существенно различаются. В одних юрисдикционных системах применяется довольно широкое определение огнестрельного оружия, не содержащее всех элементов определения, изложенного в Протоколе об огнестрельном оружии, в то время как в других установлены более развернутые требования, чем в Протоколе, и, например, введены также нормы, определяю-

щие, в каких случаях газовый или сигнальный пистолет считаются легко приспособляемыми, или принята классификация, согласно которой разные виды огнестрельного оружия отнесены к разным категориям.

Однако некоторые государства-участники не дают четкого определения компонентов боеприпасов, как оно сформулировано в рамках определения боеприпасов, содержащегося в Протоколе. Что касается определения составных частей и компонентов, то некоторые государства просто включили составные части и компоненты огнестрельного оружия в определение собственно огнестрельного оружия. В других государствах введено отдельное определение «основных компонентов», которое распространяется, однако, на различные предметы, что создает *потенциальные лазейки*, которыми могут воспользоваться злоумышленники, ввиду наличия расхождений в определениях, принятых в различных юрисдикционных системах.

Как известно, в статье 5 Протокола об огнестрельном оружии предусмотрены три группы преступлений:

- преступления, связанные с незаконным изготовлением;
- преступления, связанные с незаконным оборотом;
- и преступления, связанные с подделкой маркировки огнестрельного оружия.

Все представившие ответы государства признали в качестве уголовно наказуемых деяний *изготовление без лицензии или разрешения*, но вместе с тем два государства либо не признали, либо признали частично в качестве уголовно наказуемого деяния изготовление или сборку огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов или боеприпасов из находящихся в незаконном обороте составных частей и компонентов; четыре государства не признали в качестве уголовно наказуемого деяния преступление, связанное с изготовлением огнестрельного оружия без требуемой маркировки (рис. 1).

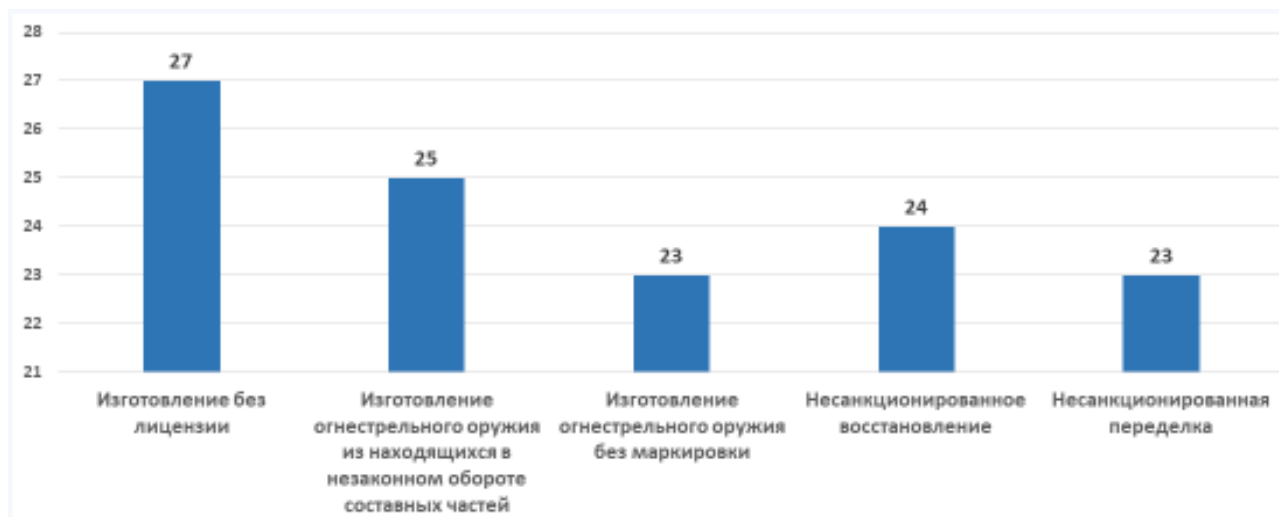

Рис. 1. Признание изготовления огнестрельного оружия уголовно наказуемым деянием

Методы производства могут быть разными, включая восстановление списанного огнестрельного оружия и переделку газового и сигнального оружия. Независимо от способа производства, если требуется лицензия на изготовление

огнестрельного оружия, изготовление огнестрельного оружия без лицензии, как правило, имеет признаки состава преступления незаконного изготовления. Однако три государства-участника, в отношении которых проводится обзор, сообщили, что в их юрисдикционной системе несанкционированное восстановление списанного огнестрельного оружия либо не образует, либо образует лишь частично состав уголовного преступления, а четыре государства-участника сообщили, что в их юрисдикционной системе несанкционированная переделка оружия в огнестрельное также либо не образует, либо образует лишь частично состав уголовного преступления.

Сравнительный анализ подходов к классификации преступления *незаконного оборота оружия* выявил некоторые существенные расхождения между представившими ответы государствами: если все представившие ответы государства подтвердили, что незаконный оборот огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему в их юрисдикционных системах признан правонарушением, то в некоторых из них это деяние рассматривается как таможенное правонарушение (контрабанда огнестрельного оружия), уголовная ответственность за которое предусмотрена не уголовными кодексами или законами об огнестрельном оружии, которые направлены на обеспечение общественной безопасности, а таможенными кодексами, главная задача которых состоит в защите интересов государства, связанных с получением таможенных доходов, или аналогичными законами (рис. 2).

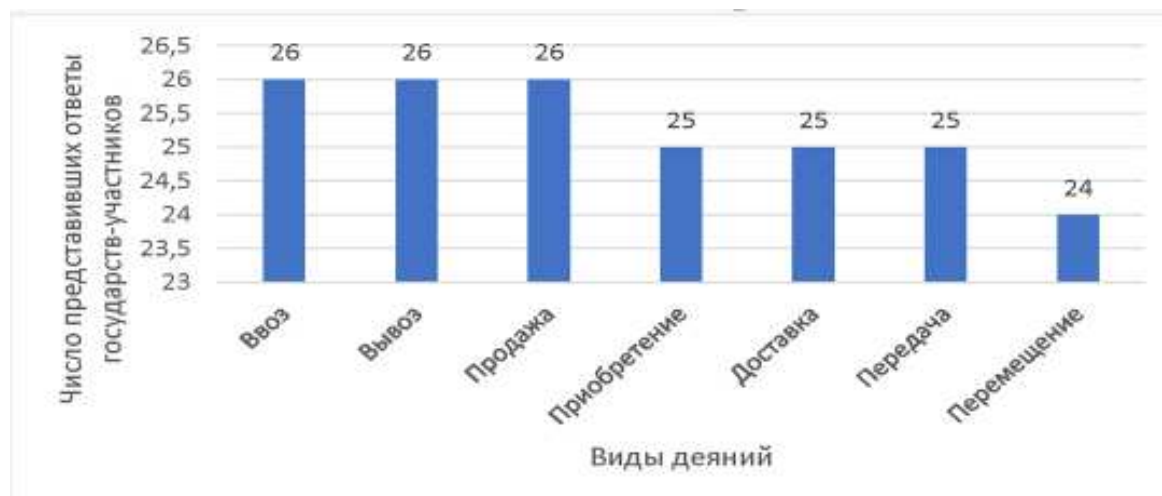

Рис. 2. Виды деяний, включенные в состав преступления незаконного оборота

В общей сложности 17 из 27 представивших ответы государств также признают в качестве уголовного преступления несанкционированную передачу огнестрельного оружия на территории страны, или «внутренний незаконный оборот», тем самым выходя за рамки требований Протокола, согласно которым государства-участники обязаны признать уголовно наказуемым только транснациональный незаконный оборот; тем не менее эти меры согласуются с положениями пункта 3 статьи 34 Конвенции, в соответствии с которым государствам-участникам разрешается принимать более строгие или суровые меры, чем меры, предусмотренные настоящей Конвенцией, для предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней.

Особое внимание следует обратить на *преступления, связанные с подделкой маркировки* – в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Протокола об огнестрельном оружии предусмотрено признание уголовно наказуемыми действия, в результате которых маркировка на огнестрельном оружии становится неразборчивой или неправильной. Состав преступления включает подделку маркировки в любой момент после процесса изготовления или сборки, в том числе:

- а) фальсификацию вновь нанесенной маркировки;
- б) удаление, уничтожение или изменение существующей маркировки.

Как следует из ответов на вопросник для самооценки, подделка маркировки реже всех остальных преступлений, предусмотренных Протоколом, признается уголовно наказуемым деянием (рис. 3).

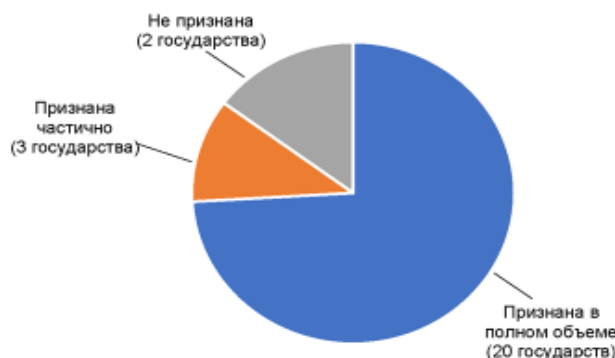

Рис. 3. Признание подделки маркировки огнестрельного оружия в качестве преступления
(число представивших ответы государств по степени признания)

В четырех государствах-участниках, в том числе Российской Федерации, это деяние не признано уголовным преступлением, а в трех государствах-участниках оно признано таковым лишь частично.

Другие преступления – в соответствии с пунктом 3 статьи 34 Конвенции государства-участники Протокола могут принимать более строгие меры и вводить другие составы преступлений в дополнение к тем, которые предусмотрены Протоколом.

В качестве таких представлены:

- фальсификация или неправомерное использование документов в целях получения лицензий, разрешений, сертификатов конечного использования / конечного пользователя;
- обладание или пользование поддельными лицензиями, разрешениями или сертификатами конечного использования / конечного пользователя;
- предоставление ложной или вводящей в заблуждение информации, способной ненадлежащим образом повлиять на выдачу лицензий, разрешений или сертификатов конечного использования / конечного пользователя;
- незаконные посреднические операции, касающиеся огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов или боеприпасов к нему, и отказ от предоставления требуемой информации о посреднических операциях;

- несоблюдение требований к документации об огнестрельном оружии, фальсификация и уничтожение такой документации;
- незаконное восстановление списанного огнестрельного оружия.

Половина представивших ответы государств сообщила о разработке или принятии национальных или региональных стратегий, или планов действий по пресечению незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, хотя в Протоколе об огнестрельном оружии это требование прямо не установлено. В двух государствах разработка плана действий или стратегии находится в стадии планирования. В одном государстве в национальный план действий включен также ежегодный план проведения инспекций арсеналов, предприятий по производству огнестрельного оружия и складов огнестрельного оружия.

Ответы на вопросники для самооценки свидетельствуют о том, что Россия и Беларусь, как большинство представивших ответы государств, соблюдают большую часть обязательных положений Конвенции и протоколов к ней, которые входят в подлежащую обзору тематическую группу статей. В то же время треть государств, представивших ответы, сообщила о том, что им требуется техническая помощь.

Анализ потребностей в технической помощи показывает, что более строгого соблюдения положений Конвенции и протоколов к ней можно добиться путем организации подготовки кадров и наращивания потенциала соответствующих национальных органов, а также путем оказания помощи в использовании новых технологий и поддержки в создании или развитии информационно-технологической инфраструктуры.

В заключение считаем целесообразным сформулировать некоторые выводы.

Противодействие функционированию криминального рынка оружия должно быть одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных и иных государственных органов. Такая работа будет характеризоваться множественной превенцией:

во-первых, противодействие *криминальному рынку оружия* направлено на пресечение незаконных действий с оружием;

во-вторых, вследствие пресечения указанных деяний будет предупреждено совершение иных преступлений с применением оружия и, в частности, предотвращено наступление тяжких последствий в случае противоправного его применения;

в-третьих, такое противодействие – одна из мер борьбы с организованной преступностью;

в-четвертых, отчасти это способ профилактики преступлений, обеспечивающих функционирование криминального рынка оружия (коррупция, легализация доходов, полученных преступным путем и т. п.).

В связи с этим представляются актуальными и своевременными Рекомендации по дальнейшей унификации национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь в части привлечения к уголовной ответст-

венности за преступления, непосредственно связанные с незаконными оборотом и перемещением оружия

Выводы:

1. Актуальным представляется дальнейшее развитие международно-правового сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках противодействия незаконному обороту оружия с региональными международными организациями, членами которых они являются (ОДКБ, СНГ, ШОС, БРИКС). Целесообразно также заключение Россией межгосударственных соглашений с иными государствами по выработке законодательной базы, устанавливающей единый порядок оборота оружия и тесное взаимодействие правоохранительных органов этих стран в борьбе с его незаконным оборотом [6].

2. Необходимо добиваться реализации положений Соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (заключено в г. Кишиневе 14 ноября 2008 г.) в части: совершенствования договорно-правовой базы сотрудничества и содействия гармонизации законодательств государств – участников СНГ в сфере борьбы с незаконным изготовлением и оборотом оружия (далее – НИОО), выработки согласованной стратегии и совместных мер борьбы с НИОО, осуществления координации и совершенствовании механизмов взаимодействия компетентных органов в области противодействия НИОО, создания совместного банка данных о транснациональных преступных группах, их лидерах и участниках, причастных к НИОО, участия в международных организациях по вопросам противодействия НИОО, проведения совместных и/или согласованных мероприятий по пресечению НИОО.

3. Для осуществления действенного контроля за незаконным оборотом оружия предлагается создание единого информационного банка данных, включающего в себя сведения: об оружии, находящемся в розыске (с подробным описанием его криминалистических характеристик); об изъятом оружии (с результатами его криминалистического исследования); о лицах, у которых изъято оружие, в том числе и о лицах, освобожденных от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

4. Возможно создание специальной базы данных, содержащей информацию о сбытчиках оружия. Наличие такого рода информации позволит осуществлять оперативный контроль как за перемещением оружия, так и за лицами, занимающимися его незаконным оборотом, причастными к подобного рода преступлениям. Тем самым значительно облегчилось бы решение задачи установления и устранения источников поступления оружия в незаконный оборот.

5. В целях повышения эффективности правоохранительной деятельности целесообразно формирование межведомственного информационного банка данных, включающего в себя сведения: об оружии, находящемся в розыске; об изъятом оружии; о лицах, привлеченных к ответственности за незаконный оборот оружия; о каналах и источниках поступления оружия в нелегальный оборот [5].

6. С учетом новых объективных реалий актуальным представляется: расширение и унификация предметов, включаемых в Закон об оружии, и расшире-

ние сферы его действия, в отношении не только огнестрельного (стрелкового) и холодного оружия, но и иных видов вооружения, имеющих оборот (в том числе незаконный) в России; согласование различных законов со смежными предметами правового регулирования по принципиальным вопросам, в том числе по унификации терминологии.

7. Возникает необходимость активизации работы прокуроров и правоохранительных органов по мониторингу информационно-телекоммуникационной сети Интернет для выявления сайтов, на которых осуществляется незаконная продажа оружия, частей к нему, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ, а также сайтов, содержащих информацию о технологиях изготовления указанных предметов. Особого внимания прокуроров требует выявление фактов предложения в Сети незаконной 3D-печати оружия.

8. В целях предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, в регионах со сложной криминогенной обстановкой прокурорам необходимо осуществлять координационные мероприятия по пресечению деятельности организованных преступных групп и сообществ, занимающихся незаконным оборотом оружия. Одновременно от правоохранительных органов требуются действенные меры по пресечению фактов контрабанды оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС либо государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕАЭС, а также из регионов вооруженных конфликтов.

9. Отдельного внимания требует усиление контроля за деятельностью поисковых отрядов и объединений, а также «черных копателей», осуществляющих выезды на места сражений Великой Отечественной войны и Специальной военной операции [7].

10. Считаю целесообразным включить в Программу деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2026–2030 годы вопрос о разработке модельного Оружейного кодекса государств – членов ОДКБ, в котором целесообразно рассмотреть все аспекты, касающиеся противодействия незаконному обороту оружия и борьбы с криминальным рынком оружия [8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Робак В. А. Борьба с криминальным рынком оружия: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. С. 10.

2. Робак В. А., Васнецова А. С. Понятие криминального рынка оружия // Борьба с криминальными рынками в России: законодательные и правоприменительные проблемы: реализация положений Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности : сб. материалов межведомст. науч.-практ. конф. (Москва, 28 апреля 2020 г.) / под общ. ред. О. С. Капинус; [под науч. ред. В. В. Меркурьева, П. В. Агапова ; сост. П. В. Агапов, М. В. Ульянов] ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2020. С. 197.

3. Меркурьев В. В., Стешич Е. С. Предупреждение незаконного оборота оружия с территории проведения специальной военной операции как источника

возможных террористических действий. Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «64-е Ежегодные криминалистические чтения» (Москва, 26 мая 2023 г.) : в 2 ч. / под ред. Ю. В. Гаврилина, Б. Я. Гаврилова, В. О. Лапина, Ю. В. Шпагиной. М. : Академия управления МВД России, 2023. Ч. 2. С. 303–307.

4. Обзор хода осуществления Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней. Двенадцатая сессия Вена, 14–18 октября 2024 г. П. 2а предварительной повестки дня. URL: <https://news.rambler.ru/world/53575400-v-vene-igor-zubov-vystupil-na-12-y-sessii-konferentsii-gosudarstv-uchastnikov-konventsii-onn-protiv-transnatsionalnoy-organizovannoy-prestupnosti/?ysclid=m366gogcbv252506403> (дата обращения: 05.11.2024).

5. Васнецова А. С., Меркурьев В. В. Методологические аспекты противодействия криминальному рынку оружия // Противодействие незаконному обороту оружия в России: сб. материалов круглого стола / отв. ред. Р. В. Жубрин. М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2019. С. 5–17.

6. Рекомендации круглого стола // Противодействие незаконному обороту оружия в России : сб. материалов круглого стола / отв. ред. Р. В. Жубрин. М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2019. С. 142–145.

7. Меркурьев В. В. Криминологическая характеристика организованного сопротивления борьбе с преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 25–41.

8. Меркурьев В. В. Организованная преступность: понятие, состояние, структура, динамика и результаты реагирования // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2 (31). С. 136–146.

УДК 343.9

Шаймуллин Рустам Камильевич

кандидат юридических наук, доцент

Оренбургский государственный университет

г. Оренбург, Российская Федерация

ShaimullinR@gmail.com

Антикоррупционная политика Российской Федерации в преддверии празднования юбилея Великой Победы

***Аннотация.** В статье рассматриваются отдельные вопросы состояния антикоррупционной политики Российской Федерации в преддверии 80-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне. Исследованы отдельные положения и нормы российского антикоррупционного законодательства в связи с проведением специальной военной операции. Отмечены уровни развития конфликта интересов, приводящего к порождению и способствованию военных конфликтов современности. Указывается необходимость учета национальной и междуна-*

родной платформ проведения антикоррупционной политики для предотвращения вооруженных конфликтов в будущем, подобно базисным решениям международных организаций по итогам Второй мировой войны. Исследованы некоторые положения действующих нормативно-правовых актов, а также вопросы, рассмотренные в научной литературе, посвященные противодействию коррупции в условиях вооруженных конфликтов и с учетом необходимости защиты всего мирового сообщества от коррупционных посягательств.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, национальное и международное антикоррупционное право, противодействие коррупции, конфликт интересов, ответственность за коррупцию.

Shaimullin Rustam Kamilevich

candidate of law, associate professor

Orenburg State University

Orenburg, Russian Federation

Anti-corruption policy of the Russian Federation before celebration of anniversary of the Great Victory

Annotation. *The article examines certain issues of the state of anti-corruption policy of the Russian Federation on the eve of the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Individual provisions and norms of Russian anti-corruption legislation are examined in connection with the special military operation. The levels of development of conflicts of interest leading to the generation and promotion of modern military conflicts are noted. The need to take into account national and international platforms for conducting anti-corruption policy to prevent armed conflicts in the future, similar to the basic decisions of international organizations following the Second World War, is indicated. Some provisions of current regulatory legal acts, as well as issues considered in scientific literature, devoted to combating corruption in armed conflicts and taking into account the need to protect the entire world community from corruption attacks, are examined.*

Keywords: *corruption, fight against corruption, national and international anti-corruption law, combating corruption, conflict of interest, responsibility for corruption.*

2025 год – год 80-летнего Юбилея Победы Союза Советских Социалистических Республик в Великой Отечественной войне над нацизмом под предводительством Германии, Италии, Японии в соучастии с другими странами-сателлитами их поддержавших. Являясь на постсоветском пространстве правопреемником Союза ССР: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) [3]. В этой связи всяческого рода попытки повторить историю и ввергнуть российское общество в орбиту нацификации и милитаризации с помощью марионеточных режимов, однозначно будет терпеть поражение, поскольку сама тысячелетняя история России лишнее тому свидетельство, когда ее многонациональный народ, объединенный общей судьбой, будет противостоять любым попыткам посягать на ее суверенитет.

Как показывает практика проведения специальной военной операции, идет не только вооруженная защита собственных интересов федеративного устройства, но и отстаивание суверенного права проведения самостоятельной политики в отношении многих явлений и процессов микро- и макро-уровнях

конституционно-общественного бытия. Так, на микроуровне происходит отстаивание института семьи (брака) как союза мужчины и женщины, а к макроуровневым интересам можно отнести возможность проведения самостоятельной антикоррупционной политики. Одним из таких суверенных решений Российской Федерации стала денонсация Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, подписанную от имени Российской Федерации в городе Страсбурге 27 января 1999 года [6].

Вооруженный конфликт, в рамках специальной военной операции между Россией и Украиной, вскрыл многочисленные коррупционные составляющие, сопутствующие подобного рода ситуациям. Являясь наивысшей стадией развития социального (межгосударственного) конфликта, военные конфликты вбирают в себя множество мелких, в том числе, коррупционных конфликтов интересов. Как законодательно указано о конфликте интересов в ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ: «Под конфликтом интересов в настоящем Федеральном законе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [7]. На протяжении проведения всей специальной военной операции с 2022 года, можно констатировать многочисленные факты ее сопровождения коррупционными скандалами в рядах субъектов – прямых или косвенных участников ее проведения.

Коррупция, связанная с деятельностью армейских структур и финансированием боевых действий, добавляют негативный фон в происходящий процесс разрешения долго назревавшего социального конфликта на международном уровне. Коррупционные дела, рассматриваемые в судах Российской Федерации, о привлечении к ответственности чиновников Министерства обороны России – лишнее свидетельство продолжения истории о коррупции, влияющей на обстановку в армии и ее боеготовность [2]. Проблемы коррупции, связанные с вооруженным конфликтом, очевидно, наблюдаются мировым сообществом на Украине. Западные партнеры, спонсирующие Украину (в первую очередь США и ЕС), от которых зависит финансовая и военная помощь Киева, требуют строгого контроля за расходованием выделенных средств и ожидают от украинских властей реальных результатов. Они также настаивают на большей автономии антикоррупционных органов. Согласно оценкам наблюдателей, экспертов и украинских СМИ, действия властей, представляемые как «борьба с коррупцией», являются лишь показными акциями, за которыми скрывается перераспределение сфер влияния и финансовых потоков, в то время как коррупция продолжает процветать практически во всех областях. Как показывают социологические исследования, Украина испытывает очень серьезные проблемы с коррупцией, так считают почти 80 % украинцев, при этом 57 % жителей страны винят в этом Владимира Зеленского и его окружение [8].

Что касается одних из самых больших соучастников конфликта – Соединенных Штатов Америки, то, как считает заместитель председателя Совета безопасности России Д. А. Медведев, выделенные Украине экс-президентом США Джо Байденом 100 миллиардов долларов были похищены сотрудниками Пентагона, ЦРУ и американскими предприятиями военно-промышленного комплекса, а также в самом Киеве [5]. Прямые и косвенные человеческие жертвы от таких коррупционных схем исчисляется несоизмеримо большими, а по сути, бесценным ущербом всему мировому сообществу, поскольку вышеуказанные примеры являют собой полную социальную деградацию отношений всех уровней. Как указывает Д. И. Дедов: «Конфликт интересов является довольно чувствительной темой, полной человеческих страстей, разочарований и обманутых надежд, что довольно часто случается с правом, но в данном случае – с особым постоянством. Действия в условиях конфликта интересов часто связаны с обманом, воровством, потерей репутации и даже человеческого достоинства. В подобных случаях обычно говорят об этическом поведении, доверии или о потере доверия, искушении и прочих вещах, олицетворяющих самые темные закоулки человеческой души. Человек, нарушающий правила в условиях конфликта интересов, сразу становится полностью отрицательным героем» [1, с. X].

В этой связи, динамика разрушения общественных отношений управления, свидетельствует о необходимости постоянного контроля всех его уровней, начиная от следования антикоррупционным стандартам в области формирования органов власти (а в широком понимании всех базисных элементов управленческого аппарата социума), до гарантий предотвращения конфликта интересов при передаче властных полномочий в рамках демократических процедур. К сожалению, рассмотренные выше примеры коррупционной проблематики в условиях вялотекущих, скрытых процессов существования внутри социума коррупционных (!) конфликтов интересов в мирное время показывают, что они (многочисленные коррупционные конфликты интересов) могут многократно обостриться в момент существования открытых, скоротечных процессов в условиях вооруженных конфликтов как крайней степени в иерархии конфликтов.

Следует отметить, что универсальные антикоррупционные нормы международного права, прописанные, прежде всего в Конвенции ООН против коррупции, могут также послужить для стран, оказавшихся в коррупционной западне вооруженных конфликтов, несомненным ориентиром – путеводной звездой для выхода из сложившейся ситуации, как служат человечеству до сих пор материалы Нюрнбергского и Токийского трибуналов, принятые сразу после Великой Победы 80 лет тому назад.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дедов Д. И. Конфликт интересов. М. : Волтерс Клувер, 2004. 288 с.
2. Кого из генералов Минобороны обвинили в коррупции и мошенничестве URL: https://www.rbc.ru/photoreport/29/08/2024/66d0742a9a79470_decc21dcf (дата обращения: 17.03.2025).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01 июля 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.04.2025).

4. Кого из генералов Минобороны обвинили в коррупции и мошенничестве. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/29/08/2024/66d0742a9a79470decc21dcf> (дата обращения: 17.03.2025).

5. Медведев заявил о хищениях и коррупции в США в рамках помощи Киеву. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67a095199a7947ce62d502e0> (дата обращения: 17.03.2025).

6. О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию : Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 42-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440542/ (дата обращения: 20.04.2025).

7. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/. (дата обращения: 21.04.2025).

8. Почти 80 % опрошенных украинцев считают серьезной проблему коррупции в стране. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23396685> (дата обращения: 17.03.2025).

УДК 343.7

Желудков Михаил Александрович

доктор юридических наук, доцент

профессор юридического института

Тамбовский государственный технический

университет, ведущий научный сотрудник

Юго-Западного государственного университета

г. Тамбов, Российская Федерация

kandydat1@yandex.ru

Цифровое воздействие на социально-экономические детерминанты для предупреждения преступности в энергетической сфере

***Аннотация.** В статье сделан акцент на поиск социально-экономических детерминантов, оказывающих непосредственное влияние на энергетическую преступность и элементов цифровой среды для их устранения. На основе исследования научной литературы и действующих нормативно-правовых актов предложена новая модель открытой формы цифрового контроля государства и общества над расходованием бюджетных и поступающих от граждан средств в сфере энергетики.*

***Ключевые слова:** цифровой контроль, социально-экономические детерминанты, хищения электроэнергии.*

Zheludkov Mikhail Alexandrovich

doctor of law, associate professor

professor of the Institute of Law

Tambov State Technical University

leading researcher, South-West State University

Tambov, Russian Federation

Digital Impact on Socio-Economic Determinants for Energy Crime Prevention

***Annotation.** The article focuses on the search for socio-economic determinants that have a direct impact on energy crime and the elements of the digital environment to eliminate them. Based on the study of scientific literature and current regulatory legal acts, a new model of an open form of digital control of the state and society over the expenditure of budget and funds received from citizens in the energy sector is proposed.*

***Keywords:** digital control, socio-economic determinants, electricity theft.*

Вводная часть. Цифровой контроль в энергетической преступности – это прежде всего особые технологические и моральные требования не только для предотвращения несанкционированного подключения к электрическим сетям, но и при создании системных мер безопасности на объектах энергетического комплекса и по отношению общества к данной проблеме, где структурное соотношение элементов, позволяет своевременно реагировать на кризисные ситуации и создает условия защищенности от преступности. Энергетическая преступность представляет собой совокупность преступлений экономической направленности, реализуемой в сферах, где происходит добыча, переработка, транспортировка и реализация топливно-энергетических элементов, передача и распределение электроэнергии, иного топлива. Нельзя отрицать высокую общественную опасность данного вида преступности. Совершенствуются способы совершения таковых преступлений, возникают новые формы криминальной активности, снижается морально-нравственная практика по отторжению корыстного мотива при бытовом хищении электроэнергии. Способы совершения хищения электроэнергии имеют прямую зависимость от места совершения преступления и цели хищения. На бытовом уровне опросов по местам нахождения помещений различных форм собственности, из материалов уголовных и административных дел, были выявлены следующие методы снижения оплаты за потребляемую электроэнергию: незаконное подключение к сетям; заземление нулевого контакта счетчика; применение неодимового магнита и др.

По данным некоторых исследователей «ввиду отсутствия репрезентативных статистических данных по способам (видам) хищения электроэнергии (хотя бы по одному региону страны) в такой классификации нет необходимости, поскольку нет возможности применить какие-либо строгие математические методы для количественной оценки масштабов проблемы. Поэтому представляется целесообразным на данном этапе просто разделить способы хищения элек-

троэнергии на расчетные и технологические: эти группы включают все существующее многообразие способов и видов хищения электроэнергии» [4, с. 50].

В рамках уголовно-правовых отношений ответственность за незаконные деяния, связанные с уклонением от оплаты потребленной электроэнергии, квалифицируется по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ. Здесь нет признаков утраты имущества, потери конкретного предмета преступления или возможности последующего его возврата. Неполученные доходы – вот тот критерий, который применяется при подобной квалификации. Причем если лицо самовольно подключится к электросетям, но при этом не будет использовать устройства для искажения показаний или применять другие способы обмана, злоупотребления доверием, то в этом случае наступают административно-правовые отношения, где ответственность выделена по ст. 7.19 КоАП РФ.

Общественная безопасность в энергетической сфере защищается в уголовном праве России нормами статьи 217.1 УК РФ. Здесь основные моменты защиты – объекты энергетики в целом сочетаются с дополнительными объектами в виде здоровья и жизни людей, интересами собственников. Существуют требования к обеспечению безопасности таких объектов и выделены действия или бездействия, которые в нарушение этих требований влекут уголовно-правовое реагирование. В рамках данной статьи не ставится задача изучить недостатки или положительные черты современного уголовно-правового реагирования на преступления в сфере энергетики. Полагаем, что построению системы безопасности энергетической сферы не может быть основано только на элементах страха населения на аспектах привлечения к уголовной ответственности. Наличие совокупности негативных явлений общественной жизни и производных от них отрицательных черт индивида, которые непосредственно воздействуют на антиобщественную модель конкретного человека в преступной деятельности должны не только изучаться учеными криминологами [2, с. 154–159], но и находить свое выражение в практических программах профилактики указанной преступности [1]. В силу того, что в энергетической сфере большинство общественных отношений построены на денежной основе, в них неизбежно будут проявляться мотивы корыстной экономической заинтересованности субъектов.

Актуальность разработанности обозначенной темы характеризуется тем, что современная система предупреждений энергетической преступности [2, с. 154–159] в рамках цифрового контроля замыкается только на средства технического реагирования и фиксации опасности, но не учитывает структурную модель социально-экономических детерминантов позволяющих предвидеть изменение криминальных корыстных явлений в этой сфере и новых цифровых форм реагирования на эти явления.

Цель статьи – раскрыть социально-экономическую обусловленность энергетической преступности и сформулировать комплекс мер цифрового воздействия на данные детерминанты. Выделены моменты того, что цифровой контроль позволяет вовремя выявить такие криминологически значимые об-

стоятельства, как несовершенство тарифной системы, недостатки в системе охраны объектов энергетического комплекса, несоответствие потребленной электроэнергии и оплаты коммунальных платежей за предоставляемые услуги от ресурсоснабжающих организаций, корыстную заинтересованность определенных лиц. При достижении поставленной цели использовались методы диалектического познания, позволяющие обнаружить социально-экономические детерминанты данной преступности, а также частно-научные методы [2, с. 154–159]. Научная новизна статьи заключается в формировании новой модели цифрового взаимодействия общества и субъектов, за которыми закреплены объекты энергетической системы до начала реагирования на преступные угрозы.

Основная часть. Основополагающие, базисные отношения в энергетической сфере завязаны на денежных инвестициях из бюджетов государства, субъектов РФ и оплаты за электроэнергию со стороны граждан [6; 2, с. 154–159]. Поэтому элементы цифрового контроля со стороны государства и общества прежде всего следует направить на вопросы целевого расходования получаемых и используемых денежных средств за потребленную электроэнергию. Прозрачность прохождения денежных потоков за оказанные услуги важна не только при подготовке и принятии решений о подключении к электросетям, но и по тендерам, по установлению тарифов или при заключении контрактов поставок энергии, а также при прохождении денежных средств от населения к управляющим компаниям или собственнику поставляемой электроэнергии. Например, на практике некоторые управляющие компании используют полученные от населения за электроэнергию деньги не по назначению. «Прокуратурой Автозаводского района города Тольятти была проведена проверка по обращениям жителей дома № 6 по ул. С. 01.02.2020 по данным проверки было возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ. Установлено, что с 01.06.2019 деятельность по управлению многоквартирным домом № 6 по ул. С., г. Тольятти осуществляет лицензиат ООО УК «название не указывается». Управляющей компанией заключены договоры с энергоснабжающими организациями. В то же время руководством ТСЖ «С 6» в июне 2019 года были выставлены квитанции-извещения на оплату жилищно-коммунальных услуг собственникам. При этом собственникам дома сообщены ложные сведения о том, что оплату энергоресурсов необходимо осуществлять на расчетный счет ТСЖ «С 6». Будучи введенными в заблуждение, собственники многоквартирного дома за период с 01.06.2019 по 09.09.2019 перечислили на банковский счет ТСЖ более одного миллиона рублей. Полученные денежные средства руководством ТСЖ израсходованы на нужды товарищества, в том числе на оплату ранее возникших обязательств. Расследование уголовного дела находится на контроле прокуратуры района» [8].

Полагаем, что именно цифровое наполнение сведений в определенной базе данных позволит своевременно прослеживать затраты за оказанные услуги и обоснованность их применения. Контроль всегда является одной из функций управления за поведением субъекта или системы в целях своевременного реагирования и минимизации негативных последствий. Проведенный нами анализ

уголовных дел выявил множество фактов того, что в энергетической сфере существуют объективные и субъективные обстоятельства, коррелирующие с коррупцией, волокитой, злоупотреблением должностью [2, с. 154–159]. Важными социально-экономическими детерминантами выступают факторы отсутствия государственных норм положенности и алгоритма эффективности оказываемых услуг (необоснованное обновление сетей и электросчетчиков, беспочвенная постановка и замена средств техники с целью экономии энергии и т. д.), что позволяет увеличивать издержки в данной сфере и повышать ее корыстную криминальную привлекательность [2, с. 154–159].

Цифровые формы контроля не должны замыкаться только на создание определенных баз и последующую их оценку. Полагаем необходимым задействование морально нравственных основ таких форм контроля, а именно активности равнодушных граждан, которые могут просто фиксировать совершаемое негативное деяние. Одной из форм профилактики детерминации данной преступности является налаживание цифрового взаимодействия общества и организаций, поставляющих электроэнергию. В настоящее время получили яркое развитие электронные сервисы для сообщений о хищении электроэнергии. Сознательные граждане через социальные сети или специально созданные чаты могут анонимно сообщать о замеченных ими попытках хищения электроэнергии. Для примера приведем данные, которые были подготовлены пресс-службой АО «РЭС» в 2022 году, а именно: «в течение 2021 года в АО «РЭС» поступило 370 сообщений о незаконном потреблении электроэнергии, что в 2,5 раза превышает показатели прошлого года. Всего же с начала работы сервисов обратной связи по хищениям электроэнергии получено около 900 сообщений. Безусловно, это говорит об укреплении нетерпимого отношения к энерготорговству в обществе. По результатам проверок поступивших сообщений специалисты по работе с потерями электроэнергии пресекли около десятка правонарушений, еще часть обращений проверяется. Авторам подтвердившихся сообщений о хищении электроэнергии, кто указал свои персональные данные, АО «РЭС» уже выплатило десятки тысяч рублей в качестве вознаграждения» [7].

В различных научных исследованиях по формам детерминации преступности и контроля со стороны общества, подобный контроль представляет собой развитие, изучение и изменение определенных структурных элементов, но в то же время контроль за любой средой сопровождается принудительным давлением не только на сферы жизнедеятельности, но и на членов общества и их психологическое состояние [5]. Индивидуум отождествляет себя с обществом не потому, что является его членом, а на основе участия в деятельности этого общества и принятию или отторжению нормативных правил поведения, в том числе в сфере энергетики. В свою очередь, позитивные процессы создают возможности для изменения подобной приверженности, в том числе и с учетом получения материальной выгоды от пресечения хищения электроэнергии.

Выводы. В ходе исследования подошли к следующим результатам и выводам: в целях снижения уровня энергетической преступности необходимо создавать более открытые формы цифрового контроля государства и общества над

расходом бюджетных и поступающих от граждан средств в сфере энергетики, а также расширять взаимодействие общества и поставщиков электроэнергии на основе новых технологических решений в сети Интернет. Цифровой контроль – это термин, который сегодня проник в обычный повседневный регулятор общественного развития, доказав тем самым, что сведения, полученные в процессе его осуществления, позволяют, не только выявить совершаемые, например, хищения электроэнергии, но и создать необходимый механизм своевременного правоохранительного реагирования, в том числе с учетом внешней оценки и использования информационно-коммуникационной сети Интернет [3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быстрова Ю. В. Преступность в сфере ЖКХ: криминологическое исследование : монография. М. : Научный консультант, 2017. 224 с.
2. Желудков М. А., Быстрова Ю. В., Ковалевский В. Е., Сущенко В. Э. Социально-экономические детерминанты корыстной преступности и цифровой контроль в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Сб. науч. тр. Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета 15–16 октября 2021 г., Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2021. С. 154–159.
3. Желудков М. А., Шевелева С. В., Байбарин А. А., Баумштейн А. Б. Organizational behavior of criminals committing a crime together: limits of the exercise of freedom of will // Vision 2025: education excellence and management of innovations through sustainable economic competitive advantage: Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). 2019. P. 3816–3819.
4. Красник В. В. 101 способ хищения электроэнергии. М. : ЭНАС, 2005. 112 с.
5. Орлова Е. Е. Мониторинговые технологии повышения эффективности правотворчества в государствах – участниках СНГ в контексте евразийской перспективы // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 96–106.
6. Пирожкова И. Г. Формирование правовой основы системы ЖКХ в России: начальный исторический этап // Право: история и современность. 2020. № 3(12). С. 34–39.
7. В 2,5 раза выросло количество сообщений о хищении электроэнергии от граждан. URL: <https://rg.ru/2022/01/31/reg-sibfo/v-25-raza-vyroslo-kolichestvo-soobshchenij-o-hishchenii-elektroenergii-ot-grazhdan.html> (дата обращения: 05.02.2022).
8. Прокуратура Самарской области разъясняет. URL: <https://63.мвд.рф/19930286> (дата обращения: 05.02.2022).

Чистилина Дарья Олеговна

кандидат юридических наук, доцент

Юго-Западный государственный университет

г. Курск, Российская Федерация

darya-chistilina@yandex.ru

Риски использования систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01341,
<https://rscf.ru/project/25-28-01341/>

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровой трансформации правовых систем. Перспективным направлением является внедрение систем искусственного интеллекта. Однако их использование сопряжено с различными рисками, минимизация которых необходима ввиду оптимизации работы лиц, ведущих расследование, и суда. Данные риски связаны не только с техническими проблемами функционирования систем искусственного интеллекта, но и правовыми препятствиями их внедрения. Так, необходимо учитывать и нравственную составляющую уголовно-процессуальной деятельности, чтобы принятое правоприменителем решение было справедливым и объективным. Поэтому для корректной работы подобных систем необходимо учесть все имеющиеся риски.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное доказывание, искусственный интеллект, принципы уголовного процесса, риски, следователь, свобода оценки доказательств.*

Chistilina Daria Olegovna

candidate of law, associate professor

Southwest State University

Kursk, Russian Federation

The risks of using artificial intelligence systems in criminal procedural evidence

***Annotation.** The article examines the features of criminal procedural evidence in the context of the digital transformation of legal systems. A promising direction is the introduction of artificial intelligence systems. However, their use involves various risks, the minimization of which is necessary due to the optimization of the work of the persons conducting the investigation and the court. These risks are related not only to the technical problems of the functioning of artificial intelligence systems, but also to the legal obstacles to their implementation. Thus, it is necessary to take into account the moral component of criminal procedural activity so that the decision made by the law enforcement officer is fair and objective. Therefore, for the correct operation of such systems, it is necessary to take into account all the available risks.*

***Keywords:** criminal procedural evidence, artificial intelligence, principles of criminal procedure, risks, investigator, freedom to evaluate evidence.*

Научно-технический прогресс оказывает огромное влияние на все сферы жизнедеятельности человека. Стремительное развитие технологий открывает не только новые возможности, но и порождает ряд проблем, с которыми несовместимо нормальное функционирование системы.

Правовая сфера всегда стремилась не отставать от темпов развития технологий и социума, поэтому все нововведения объясняются их острой потребностью. Процесс производства по делу, разрешение его по существу в суде в первую очередь подлежит корректировке, отвечая современным технологическим вызовам. Так, первые шаги в этом направлении были сделаны Высшим арбитражным судом РФ (ВАС РФ). Именно там впервые были введены электронные технологии, а уже после объединения Верховного Суда РФ и ВАС РФ был создан единый центр судебной власти, что позволило распространить электронные механизмы взаимодействия и на другие формы судопроизводства.

Последующему внедрению и распространению информационных технологий способствовали события, происходящие в мире и оказавшие значительное влияние на социум. Кроме того, потребность в транспарентности судебных и досудебных процедур заставляет вводить новые технологии в привычные процессы производства по делу. Однако если сфера гражданского и арбитражного судопроизводства успешно откликается на вводимые изменения, то уголовно-процессуальная сфера требует большей гибкости в данном вопросе.

На данном этапе развития уголовного судопроизводства уже эффективно функционируют некоторые информационные технологии, которые не только облегчают деятельность правоприменителя, но и ускоряют сам процесс производства по уголовному делу.

Так, существует возможность подачи заявлений о совершенном или готовящемся преступлении дистанционно, система автоматизированного учета статистических карточек и электронные алфавитные указатели в программных средствах государственной автоматизированной системы «Правосудие», подключение к аппаратному обеспечению (серверу), на котором функционирует модуль АМИРС22, предназначенный для автоматизации процессов судебного делопроизводства и информационного сопровождения всех стадий судебного рассмотрения уголовного дела, системы видео-конференц-связи (отечественная многоточечная вэб-конференция «Винтео»), средства аудио- и видеофиксации, средства оповещения участников уголовного процесса, а также интегратор судебных решений судов (sudact.ru) и др. [8, с. 142–143].

Однако дальнейшее развитие технологий в наше время заставляет задуматься о введении более совершенных механизмов, которые будут помогать избавляться от существующих пороков системы. Например, бороться со злоупотреблениями, минимизировать субъективизм и закрытость системы [13, с. 215–216]. Одним из предложений, направленных на улучшение качества производства по уголовному делу, является введение систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальную деятельность. Особую актуальность данный вопрос приобретает в свете распоряжения Правительства РФ от 01 ноября 2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных тех-

нологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года», где обозначено в числе прочих направлений важность применения государственными органами информационных технологий с элементами искусственного интеллекта.

Так, П. Г. Смагин к достоинствам систем искусственного интеллекта относит следующие возможности: «анализировать большой объем информации с выстраиванием корреляционных связей между отдельными элементами; формировать конечные выводы из промежуточных; выдвигать версии произошедшего; составлять рекомендации и алгоритм деятельности сотрудника правоохранительных органов в конкретной ситуации; автоматизировать электронный документооборот». Он считает, что с помощью подобных систем можно установить корреляционные связи между определенными обстоятельствами, что в последующем поможет субъекту правоприменения принять более объективное решение, а также будет способствовать автоматизации некоторых процессов (например, автоматизировать составление обвинительного заключения) [10, с. 301–306].

Совершенно справедливо некоторые исследователи предлагают выработать критерии применения цифровых технологий в уголовном процессе. К ним чаще всего относят: усиление гарантий прав и свобод человека, вовлекаемого в уголовный процесс при одновременном ускорении производства, упрощении отдельных процедур, экономии человеческих ресурсов; добровольное и безопасное использование каналов дистанционного взаимодействия между различными участниками уголовного судопроизводства; обеспечение достоверности идентификации заявителя при удаленном доступе к материалам уголовного дела и разграничение прав доступа к информационным ресурсам в сфере уголовного судопроизводства и др. [4, с. 10–12].

Безусловную пользу информационные технологии могут принести процессу осуществления уголовно-процессуального доказывания при производстве следственных действий. Уже на современном этапе есть определенные успехи в данном направлении, позволившие отчасти упростить деятельность следователей и судей (средства видеофиксации, аудио протоколирование, дистанционное межведомственное взаимодействие и т. д.). Однако проблемы все же остаются. Так, необходимо решить проблему взаимодействия правоохранительных органов с организаторами распространения электронной информации по сети Интернет, если последние находятся за пределами Российской Федерации, а также предоставить возможность выбора субъекту, предоставляющему сведения в цифровом виде, как он эту информацию будет передавать [3, с. 118–119].

Также существуют предложения относительно широкого использования систем искусственного интеллекта. Так, предлагается применять подобные системы для выявления и исправления нарушений формы процессуальных документов, а также для выявления недоброкачественной и потенциально недостоверной информации, поступающей следователю; для оценки достаточности собранных доказательств; для генерирования оптимальных вариантов решений по уголовному делу.

Основным преимуществом систем искусственного интеллекта является возможность обработки большого массива информации, которая может включать в себя эмпирические данные в виде судебной-следственной практики. Это позволит установить устойчивые, повторяющиеся связи между доказательствами, средствами доказывания, предметом доказывания и объектом доказывания. Однако учет всех особенностей каждого уголовного дела невозможен в рамках такой системы, поэтому контролировать процесс все же должен человек [1, с. 90–93].

Система искусственного интеллекта может помочь в систематизации доказательств посредством перевода криминалистической регистрации на цифровую основу. Впоследствии данная информация может использоваться не только в рамках конкретного уголовного дела, по которому она была изъята, но и для раскрытия всех других преступлений, связанных с обвиняемым. Более того, О. А. Зайцев и П. С. Пастухов предлагают создать цифровой профиль, состоящий из совокупности цифровых записей о физическом лице, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций. Это поможет раскрывать преступления путем поиска виновного через цифровые идентификаторы (следы преступления), а также проверки, установления и уточнения обстоятельств в различных следственных ситуациях [5, с. 305–308].

Систему искусственного интеллекта можно использовать и при создании интеллектуальных карт, что позволит визуализировать основные понятия, используемые при построении статей уголовного кодекса, их взаимосвязи, а также отразить природу установленных между ними связей [7, с. 363–367]. Подобные интеллектуальные карты будут служить ориентиром для следователя при расследовании преступлений. По мере ее заполнения он сразу будет видеть свои недоработки и пробелы в доказательственной базе.

При этом стоит задуматься, так ли объективен искусственный интеллект? С какими рисками может столкнуться современный правоприменитель в процессе его использования?

Первым риском является то, что искусственный интеллект будет функционировать на основе данных, введенных в программу человеком, который не свободен от различного рода предубеждений и субъективизма. Если говорить о прогнозировании судебных решений, то в основе будут лежать приговоры судов, вынесенные до этого людьми, которые имели свое внутреннее убеждение, что не исключает некоторую порочность системы.

Вторым риском видится несовершенство алгоритма системы и введенных в нее критериев. Так, отрицательным примером является функционирование американской системы COMPAS, в задачи которой входит прогнозирование рисков повторного совершения преступлений лицами, претендующими на освобождение под залог или условно-досрочное освобождение. В ней прослеживается некоторая предубежденность относительно расовой и половой принадлежности обвиняемых. Фактически в системе нашли отражение предубеждения писавших ее лиц [9, с. 65–68].

Третьим риском является неумелое обращение правоприменителя и иных участников уголовного процесса с подобными системами. Все материалы уголовного дела должны быть переведены в электронный формат (важно, что должен быть произведен полный переход на электронную систему, исключая дублирование материалов в бумажном виде), что позволяло бы открыть доступ к ним участникам уголовного процесса и обеспечить сохранность и защиту информации. Кроме того, в таком случае необходимо будет нормативно запретить использование личных устройств сотрудников, подключенных к Интернету, либо предусмотреть дополнительные механизмы защиты от неправомерного проникновения к информации, хранящейся на них [3, с. 113–115]. К сожалению, современные условия и недостаточная цифровая компетентность правоприменителя и граждан пока не позволяют осуществить полный переход на электронный формат производства по уголовному делу [6, с. 87–88].

Четвертый риск заключается в несовершенстве систем искусственного интеллекта, которые не могут распознать и учесть некоторые нравственные понятия. Так, нельзя заложить в систему возможность оценки таких нравственных категорий, как «примерный семьянин», «чувство долга», «добропорядочность», «честность» и др. [11, с. 85–86] Их оценку может осуществить лишь человек, а без их учета нельзя будет назвать принятое решение объективным и справедливым. Особенно это касается вопросов избрания мер принуждения и назначения наказания. При этом существует риск нарушения принципа свободы оценки доказательств, так как в целях работы математического алгоритма доказательствам будет присвоен определенный вес. В связи с этим стоит рассмотреть возможность применения технологий искусственного интеллекта на этапе проверки и оценки доказательств через алгоритмы, основанные на теории относительной правдоподобности [12, с. 490].

Пятым риском является то, что зачастую невозможно проверить или оппорить решения, вынесенные с помощью искусственного интеллекта ввиду сложности для понимания алгоритмов, используемых искусственным интеллектом. Необходима такая система, которая отличалась бы прозрачностью и доступностью для всех участников уголовного процесса.

В заключении отметим, что нельзя не согласиться с исследователями, которые считают, что система искусственного интеллекта не должна заменять следователя или судью, а создается в помощь им при принятии сложных решений. То есть последнее слово всегда должно оставаться за правоприменителем [2, с. 91–100].

Также хочется отметить, что цифровизация все же в большей степени должна коснуться не вопросов принятия ключевых решений по уголовному делу, а делопроизводственных и организационно-технических вопросов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьев А. Ю. Системы искусственного интеллекта в механизме уголовно-процессуального доказывания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1(49). С. 89–95.

2. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы // Lex Russica. 2019. № 5(150). С. 91–104.
3. Головачук О. С., Раменская В. С. Пути совершенствования института доказательственного права в уголовном процессе России в свете цифровизации // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 4(74). С. 113–119.
4. Желева О. В. Критерии использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 3(29). С. 9–19.
5. Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 281–308.
6. Малышева О. А. Особенности доказывания, осуществляемого следователем, в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 10(74). С. 82–88.
7. Мещеряков В. А. Визуализация процесса доказывания на основе электронных интеллектуальных карт // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2013. № 2(15). С. 363–367.
8. Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная неизблемость или неизбежная трансформация // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1(146). С. 136–149.
9. Мичурина О. В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 65–68.
10. Смагин П. Г. Автоматизация процессуальной деятельности следователя при производстве по уголовным делам // Вестник ВИ МВД России. 2020. № 2. С. 301–306.
11. Спесивов Н. В. От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологий при отправлении правосудия по уголовным делам? // Lex Russica. 2023. № 2(195). С. 81–90.
12. Спиридонов М. С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 2. С. 481–492.
13. Чистилина Д. О. К вопросу об участии понятых в ходе следственных действий // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения : сб. материалов III Междунар. студ. науч.-практ. конф. Курск : Университетская книга, 2016. С. 215–220.

Стешич Елена Сергеевна

профессор, Академия управления МВД России

г. Москва, Российская Федерация

esteshich@mail.ru

**Судебно-психиатрическая экспертиза:
организационно-правовые аспекты производства**

***Аннотация.** В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты производства судебно-психиатрической экспертизы. Формулируется предложение о возможности производства экспертиз посредством видеоконференцсвязи с закреплением порядка в уголовно-процессуальном законодательстве.*

***Ключевые слова:** вменяемость, невменяемость, психиатрическая экспертиза.*

Steshich Elena Sergeevna

doctor of law, professor

Academy of Management

of the Ministry of internal affairs of Russia

Moscow, Russian Federation

**Forensic psychiatric examination:
organizational and legal aspects of production**

***Annotation.** The article examines the organizational and legal aspects of production of forensic psychiatric examination. A proposal is formulated on the possibility of conducting examinations via videoconferencing with the consolidation of the procedure in the criminal procedure legislation.*

***Keywords:** sanity, insanity, psychiatric examination.*

Правосудие сегодня связано с возможностью широкого привлечения специалистов для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в виде консультирования, а также проведения экспертиз. Только в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России проводится 52 вида экспертных исследований [1]. Их назначение, как правило, имеет диспозитивный характер и обусловлено тактическим решением следователя (дознавателя) о целесообразности получения мнения специалиста относительно обстоятельств преступления.

Возможности современных экспертиз, безусловно, повышают качество расследования. Между тем, не во всех случаях их назначение является обоснованным, о чем свидетельствует следственно-судебная практика и основанные на ней руководящие разъяснения. Так, в межведомственном информационном письме (2023 г.) указывается, что в ряде случаев судебные экспертизы назначаются без наличия необходимости проведения исследования с исполь-

зованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле, когда их производство не является обязательным, а выводы эксперта заведомо не повлияют на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Избыточное назначение судебных экспертиз влечет увеличение их числа, создает значительную нагрузку на экспертные учреждения, что увеличивает сроки производства исследований и предварительного расследования в целом. Обращается внимание, например, не только на лингвистические, компьютерные и ДНК-экспертизы (изъятые в общественном месте с большим скоплением людей, при наличии иных доказательств вины подозреваемого/обвиняемого), но и на психиатрические.

Назначение психиатрических экспертиз, по общему правилу, носит императивный характер. Так, в соответствии с п. 3 ст. 196 УПК РФ назначение и производство психиатрической экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое состояние подозреваемого/обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости и способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

В вышеприведенном информационном письме (2023 г.) указывалось, что зачастую в отсутствие оснований, предусмотренных ст. 196 УПК РФ, назначаются судебно-психиатрические экспертизы в отношении обвиняемых в зависимости от вида и категории преступления, в том числе лишь по причине совершения преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, в связи с ранее проведенной судебно-психиатрической экспертизой в отсутствие поставленного диагноза, несовершеннолетием лица, даже при отсутствии оснований полагать, что он является больным наркоманией. Тем самым при решении вопроса о назначении судебно-психиатрической экспертизы, авторы письма призывали к «взвешенному и индивидуальному подходу».

В конце прошлого года принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору», которым такие условно-императивные случаи назначения судебных экспертиз вновь стали сугубо обязательными, поскольку, как указано в руководящих разъяснениях суда: уголовное дело подлежит возвращению прокурору в случаях, когда обвинительный документ не содержит ссылки на заключение эксперта, наличие которого, исходя из существа обвинения, является обязательным для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (ст. 73 УПК РФ), с учетом того, что данные обстоятельства не могут быть установлены с помощью иных видов доказательств, а для производства такой экспертизы необходимо проведение значительных по объему исследований, которые не могут быть выполнены в ходе судебного разбирательства без отложения рассмотрения дела на длительный срок, противоречащий интересам правосудия (п. 3) [2].

Императивность получения заключения эксперта по изучаемой категории дел, обуславливает организационные вопросы предварительного расследования по соблюдению процессуальных сроков. Так, изучение следственно-судебной практики отдаленных регионов (Ямало-Ненецкий автономный округ, Сахалинская область, республика Саха (Якутия), характеризующихся отдаленными экспертными учреждениями (до 600 км), большой протяженностью и суровыми климатическими условиями (сезонные паводки, ветра и низкие температуры) свидетельствует о том, что длительность производства судебно-психиатрических экспертиз становится основной причиной продления срока дознания. Перемещение подэкспертных, как правило, осуществляется на вертолетах, что влечет существенные расходы и связано с риском для безопасности всех участников уголовного судопроизводства. Длительные сроки ожидания производства судебно-психиатрических экспертиз, приводящие к нарушению процессуальных сроков, были выявлены и в других субъектах Российской Федерации (Липецкая область, Херсонская и Запорожская области).

В связи с чем, в некоторых регионах страны сложилась практика производства амбулаторных психиатрических экспертиз посредством видеоконференцсвязи (Ямало-Ненецкий автономный округ, республика Саха, Свердловская область)¹. Хотя суды принимают заключения экспертов в качестве доказательства, процедура проведения судебной экспертизы посредством видеоконференцсвязи уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена, но и не запрещена.

Из письма Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского, которое дано в качестве ответа на обращение ГБУЗ «Ямало-Ненецкий окружной психоневрологический диспансер» по организации амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз с отдаленными муниципальными образованиями автономного округа посредством видеоконференцсвязи следует, что проведение таких судебно-психиатрических экспертиз не соответствует требованиям действующих нормативных правовых актов по организации судебно-психиатрических экспертиз в государственных экспертных учреждениях, поскольку это не позволяет обеспечить проведение тех исследований, которые установлены в качестве обязательных. Сюда относится физикальное исследование, включающее соматическое и неврологическое обследование (№ 8918 от 10.03.2021 г.).

Вместе с тем, одним из видов комплексной амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы предусмотрена заочная экспертиза [3]. Порядок ее проведения в ведомственном нормативно-правовом акте не раскрывается. Экспертная практика свидетельствует о том, что в уголовном судопроизводстве она назначается, как правило, в связи со смертью лица, а в исключительных случаях по причине невозможности личного участия подэкспертного при проведении экспертизы. Таким образом, этапы заочной психиатрической экспертизы, хоть и проводимой в исключительных случаях, также по объективным причинам не

¹ Исследование проведено в 2024–2025 гг. адъюнктом Академии управления МВД России Д. С. Гордеевым под научным руководством автора статьи.

включает непосредственное физикальное исследование, т. е. соматическое и неврологическое обследование подэкспертного, являющегося согласно методологии проведения обследования обязательным [3]. Более того, такие медицинские заключения от врача-терапевта или невропатолога в экспертные материалы не всегда могут быть представлены.

Выводы.

Представляется, что использование телемедицинских технологий [4] возможно в отдаленных территориях с ограниченной транспортной доступностью, в форме видео осмотра врачом-психиатром (видео освидетельствования) в режиме онлайн, через специальный защищенный канал связи, обеспечивающий полную конфиденциальность обследования, имеющийся в медицинских учреждениях либо в системе МВД России. Такая экспертиза является комплексной, требует участие врача терапевта и врача невропатолога, которые проводят непосредственное соматическое и неврологическое освидетельствование подэкспертного, как это предусматривают ведомственные нормативные документы Министерства здравоохранения России.

Возможность производства экспертизы с использованием видеоконференцсвязи целесообразно предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 12.11.2024) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения: 12.04.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493917/ (дата обращения: 12.04.2025).
3. Приказ Минздрава России от 12 января 2017 г. № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» : зарегистрировано в Минюсте России 02.03.2017 № 45823. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213561/ (дата обращения: 12.04.2025).
4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 12.04.2025).

УДК 343.57

Черков Владимир Александрович

кандидат юридических наук, доцент
старший научный сотрудник, доцент
кафедры государственного управления

Луганский государственный университет имени Владимира Даля
г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация
Vladimir_Cherkov@mail.ru

Черкова Марина Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент
старший научный сотрудник, доцент
кафедры государственного управления

Луганский государственный университет имени Владимира Даля
г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация
marina.cher.80@mail.ru

Прокопова Екатерина Сергеевна

студент, Луганский государственный университет имени Владимира Даля
г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация
prokopovaKaterina88@gmail.com

**Современные способы совершения преступлений
в сфере незаконного оборота наркотиков и борьба с ними**

***Аннотация.** В статье рассмотрены современные подходы к выявлению лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков с использованием возможностей «крипторынков». Авторами проведен анализ сети наркоторговцев: членов наркогруппировок, мест нахождения наркотиков. Обращено внимание на усложнение механизма совершения исследуемых преступлений и изменение качественных показателей наркотиков, а также на то, что незаконный оборот наркотиков на «крипторынках» – это новое явление, и существует недостаточно эмпирических данных, позволяющих предположить, что ОПГ переходят в онлайн-криминальные сети.*

***Ключевые слова:** преступление, наркопреступность, наркобизнес, наркосети, наркогруппировка, правоохранительные органы, наркотические вещества, крипторынок, риск.*

Cherkov Vladimir Aleksandrovich

candidate of law, associate professor
associate professor of the Department
of Public Administration Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
Lugansk State University named after Vladimir Dahl
Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation

Cherkova Marina Yuryevna

candidate of law, associate professor
associate professor of the Department
of Public Administration Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
Lugansk State University named after Vladimir Dahl
Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation

Prokopova Ekaterina Sergeevna

student, Lugansk State University named after Vladimir Dahl
Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation

**Modern methods of committing crimes in the sphere
of illegal drug trafficking and the fighting against it**

***Annotation.** The article discusses modern approaches to identifying individuals involved in drug trafficking using the capabilities of «crypto markets». The authors analyzed the network of drug traffickers: members of drug gangs, drug locations. Attention is drawn to the complication of the mechanism of commission of the crimes under investigation and changes in the quality indicators of drugs, as well as to the fact that drug trafficking in the “crypto markets” is a new phenomenon, and there is insufficient empirical evidence to suggest that organized crime groups are moving into online criminal networks.*

***Keywords:** crime, drug crime, drug business, drug networks, drug gang, law enforcement agencies, narcotic substances, crypto market, risk.*

Правоохранительные органы во всем мире уделяют значительное внимание проблеме наркомании в надежде повысить интенсивность и эффективность борьбы с ней. Однако быстрые изменения в социальных моделях общества приводят к тому, что преступники, занимающиеся наркобизнесом, также пытаются избежать привлечения к ответственности и традиционного расследования, производя, транспортируя и продавая наркотики в киберпространстве. Учитывая это, законодатель и правоохранительные органы должны внедрить методологию, основанную на современных методах выявления преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Сегодня для выявления структурных особенностей и преступных последствий организованной преступности существует метод анализа социальных сетей (далее – АСС). Сетевой анализ может точно описать общие характеристики наркосети и изучить роль отдельных лиц на основе их отношений с другими участниками. Большинство исследований данного метода в коммерческих сообществах или интернет-форумах показывают, что важные в данной структуре люди обычно имеют больше социальных связей. Однако в криминальных сетях влиятельные люди менее склонны создавать большое количество связей, потому что большее их количество означает более высокий риск быть привлеченным к ответственности, и, как следствие, приведет к распаду группы. С другой стороны, некоторые исследователи также предположили, что наркогруппы с большим количеством связей могут повысить надежность и устойчивость сети в случаях, если лидеры групп задерживаются правоохранительными органами.

Большинство стратегий правоохранительных органов по контролю над наркотиками основаны на жестких запретительных мерах. Однако эффективность данных мер может быть ограничена из-за недостаточного понимания нюансов наркобизнеса [1, с. 424–441]. За последнее десятилетие структура наркобизнеса существенно изменилась.

В традиционной модели цепочки поставок наркотиков они осуществляются в пределах небольшой территории, поэтому правоохранительные органы могут использовать концентрированные полицейские ресурсы для сокращения спроса и предложения наркотиков. Однако в современном мире новые технологии разрушают географические барьеры и обеспечивают удобное общение, незаконное производство, оборот и распространение наркотиков между странами, при этом снижая затраты и минимизируя риск быть задержанными. Соответственно, важно изучить структурное влияние наркопреступности и предоставить более полное представление о стратегиях контроля над наркотиками.

Поскольку лица, совершающие преступления, связанные с наркотиками, глубоко связаны друг с другом как форма спроса и предложения, лучшая стратегия в борьбе с наркотиками должна основываться на анализе данного вида преступности. Без учета структурного фактора вторжение правоохранителей может вызвать неожиданный хаос. Например, устранение лидера наркосети является распространенной стратегией антинаркотического вмешательства, но отсутствие доминирующего человека может вызвать «вакуум власти» или «экологическую катастрофу». Остальные члены банды могут нарушить первоначальные договоренности путем насилия для получения доминирующего положения. Масштабная борьба за реорганизацию может нанести еще и значительный социальный вред.

К примеру, исследования рынка наркотиков в Италии показали, что разные наркотики могут порождать различные модели преступных группировок. Участники кокаинового рынка имеют четкую иерархию. Однако на рынке героина наблюдается больше межклассовой конкуренции, а члены преступных группировок обычно пытаются нарушить существующий принцип разделения рынка с целью получения большей прибыли. Аналогичные результаты были получены и в сети группировок наркоторговцев в Австралии. Исследования показали, что преступные группы, занимающиеся наркотиками, имеют разную организационную структуру.

В условиях быстро меняющейся среды угроза злоупотребления наркотиками меняет тенденцию от традиционной и местной к современной и сложной организованной преступности. Несмотря на то, что в сфере преступности, связанной с наркотиками, проводятся различные исследования, в большинстве из них используются устаревшие методологии, которые могут не сработать из-за невозможности обобщить результаты исследований. Чтобы восполнить этот недостаток, некоторые количественные методологии, такие как интеллектуальный анализ данных, анализ социальных сетей и анализ текста, применяются в сфере преступности и успешно приносят существенные результаты в исследованиях.

Современные количественные теории, применяемые к проблеме наркотиков, в основном делятся на три категории:

1. Анализ сети наркоторговцев: преступные члены наркогруппировок иногда создают особые сетевые отношения, основанные на ролях, сыгранных в деле, например, отношения между производителями и распространителями наркотиков. Теория сетевого анализа, которая фокусируется на взаимоотношениях узлов в сети, широко используется в областях, связанных с наркотиками. Посредством анализа взаимоотношений между членами можно выявить их неявные ассоциации и обеспечить более полное представление об экосистеме наркотиков.

2. Анализ местонахождения наркотиков: местонахождение является одним из основных факторов преступлений, связанных с наркотиками, и в этих местах, как правило, обычно отсутствует контроль и надзор. Анализируя распределение мест, правоохранительные органы могут выявить районы с высоким уровнем преступности и задействовать человеческие ресурсы полиции для предотвращения совершения преступлений. Идея картирования преступности обычно реализуется с помощью географической информационной системы. С помощью визуального отображения на карте можно интуитивно продемонстрировать «горячую зону» района с наркотиками. Информация о «горячих точках» может помочь полиции разработать стратегический план и повысить эффективность борьбы с наркотиками.

3. Индивидуальный анализ наркотиков: чтобы понять мотивацию преступников, совершивших преступления, связанные с наркотиками, основным методом является расследование преступления и определение возможных причин с помощью допросов. Преимущество опросов и допросов заключается в том, что они позволяют получить информацию от большого количества людей на значительных территориях.

Учитывая высокоорганизованный характер преступлений, связанных с наркотиками, анализ социальных сетей может широко применяться для решения проблемы влияния сетевой структуры в сфере совершения противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков. АСС – это методология, которая фокусируется на анализе социальных субъектов и их связей на основе теории графов. Действующие лица представлены в виде узлов, которыми могут быть люди, события или другие объекты. В данном случае это будут лица, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков. Связи указывают на отношения между фигурантами, которые, в свою очередь, могут быть семейными или дружескими; в нашем случае – лица, причастные к одному и тому же преступлению. Различные взаимодействия субъектов могут влиять на социальное поведение как с индивидуальной, так и с организационной точки зрения.

В данном случае АСС используется для извлечения структурных знаний из сети соучастников преступлений, связанных с наркотиками, чтобы облегчить проведение прогнозирования рецидивов преступлений, и, в конечном итоге, предотвратить их. В этой модели мы видим четыре составляющие. Во-первых, данные о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Во-вторых, личные качества каждого преступника, совершившего преступле-

ние, связанное с наркотиками. На третьем этапе АСС используется для анализа социальных функций каждого правонарушителя. В-четвертых, реализуется несколько алгоритмов классификации для прогнозирования рецидивов и сравнения классификационных характеристик с социальными признаками и без них.

Поскольку незаконное распространение наркотиков становится более сложным и имеет тенденцию приобретать характеристики организованной преступности, использование методов анализа социальных сетей может облегчить выявление преступлений, связанных с наркотиками. Анализ связей между людьми обеспечивает понимание моделей взаимодействия, что имеет решающее значение для правоохранительных органов при планировании эффективных мер реагирования [2, с. 6].

Торговцы наркотиками вскоре могут стать невидимыми на улицах, поскольку они переместились на онлайн-рынки наркотиков, называемые «крипторынками». Криминогенные признаки незаконного оборота наркотиков на «крипторынках» побудили организованные преступные группы (далее – ОПГ) использовать технологии для достижения своих незаконных целей. ОПГ, использующие криптовалюты, в некоторой степени помогают сохранять анонимность и облегчают им отмыwanie своих доходов. Литературы, объясняющей рост незаконного оборота наркотиков на «крипторынках» со стороны ОПГ, к сожалению, не хватает.

Утверждается, что ОПГ делают рациональный выбор в пользу торговли наркотиками через Интернет, поскольку выгоды, связанные с незаконным оборотом наркотиков на «крипторынках», перевешивают потенциальные издержки, такие как, например, арест. Благодаря качественному анализу данных и онлайн-источников выяснилось, что участники «крипторынков» имеют свободную иерархию. Массовые продажи осуществляются горсткой предпринимателей, имеющих структуры, подобные ОПГ, которые действуют меньшими группами, чтобы минимизировать риски.

«Крипторынки» открывают новые способы распространения наркотиков. Продавцы на «крипторынках» используют модели прямого распространения, при которых нет необходимости в оптовиках, брокерах, торговцах, уличных продавцах или каких-либо посредниках. Модель прямого распределения приводит к максимизации прибыли и упрощению работы по устранению посредников. Традиционный уличный наркобизнес носит территориальный характер. Каждая группировка ограничена определенной территорией, на которой они продают свою продукцию. Любая продажа с нарушением территориальных норм влечет за собой столкновения между ними. Поэтому, чтобы бесперебойно вести бизнес, продавцы ограничивают свою деятельность закрепленными за ними территориями. «Крипторынки», напротив, позволяют продавцам распространять свои наркотики без каких-либо ограничений физических территорий. Продавец из любой точки мира имеет доступ к любому покупателю, включая распространение наркотиков на международном уровне.

Продавцы предпочитают криптовалюты для получения платежей от покупателей. Криптовалюты помогают сохранить тайну транзакции, и, как следствие, достаточно трудно отследить происхождение и доставку платежа. Незаконные

транзакции могут «соединиться» с законными транзакциями и создать единую транзакцию. Такие объединенные транзакции затрудняют разделение законных транзакций и незаконных транзакций. Отслеживание транзакций криптовалюты требует их тщательного изучения и анализа. Открытые ключи общедоступны, и поэтому правоохранительные органы могут легко исследовать и собирать данные о транзакциях. Данные о транзакциях можно получить, но опять-таки сложно связать конкретную транзакцию с конкретным человеком.

Присутствие ОПГ в сфере наркоторговли хорошо известно. Поэтому, естественно, что ОПГ, будучи «оппортунистическими экономическими агентами», теперь перешли в киберпространство, расширяя свой бизнес. ОПГ, как правило, действуют как коммерческое предприятие с фиксированной иерархией.

Традиционные ОПГ существенно отличаются от ОПГ, действующих в киберпространстве. Традиционные ОПГ имеют пирамидоподобную иерархическую структуру и, как правило, этнически однородны. Тогда как ОПГ, действующие в киберпространстве, не имеют такой структуры или имеют неоднородную структуру.

«Социальные связи» в ОПГ играют решающую роль в наборе членов и координации их деятельности. Например, офлайновые социальные связи, такие как «тот же район» или «известные из преступного мира», приводят к формированию основной группы ОПГ, действующих в киберпространстве. Другие члены, такие как «помощники» (которые оказывали необходимые услуги для реализации плана) и «денежные мулы», входящие в «общий состав» ОПГ, меняются очень часто.

Учитывая неоднородные структуры, некоторые ученые скептически относятся к отнесению таких структур к ОПГ. Во многом это связано с тем, что, во-первых, насилие находится в центре деятельности ОПГ. Однако в контексте киберпространства «аналоговой угрозы» не существует. Во-вторых, ОПГ имеют территориальный характер. Принимая во внимание, что киберпространство по своей природе не имеет границ, критики заявляют, что легкое навешивание ярлыка преступных сетей в Интернете как ОПГ имеет серьезные последствия для национальной безопасности и распределения ресурсов. Поэтому требуется повторное обсуждение особенностей ОПГ, когда такие группировки действуют в киберпространстве.

ОПГ быстро адаптировались к росту «крипторынков», где они занимаются разнообразной незаконной деятельностью, включая незаконный оборот наркотиков, продажу оружия, отмывание денег и киберпреступность. Они используют анонимность и децентрализованную природу криптовалют для осуществления своей преступной деятельности и уклонения от правоохранительных органов. Несколько исследований показали, что незаконный оборот наркотиков на «крипторынках» сильно сконцентрирован в руках небольшого числа предпринимателей, а большинство продавцов являются всего лишь зрителями. Это происходит потому, что существует естественная склонность покупать товары у известных продавцов, которые публично рекламируют свою продукцию. Покупатели готовы платить более высокие цены за проверенных и надежных поставщиков. Основные затраты, связанные с ведением незаконного наркобизнеса

са, заключаются в привлечении нескольких человек и координации между ними. Уменьшив количество людей, вовлеченных в процесс торговли, ОПГ смогли снизить такие издержки и увеличить свою прибыль за счет продажи наркотиков на «крипторынках».

Отмывание денег является ключевым компонентом деятельности ОПГ, занимающейся незаконным оборотом наркотиков на «крипторынках». Эти группы генерируют огромное количество криптовалют и конвертируют их в наличные, которые им приходится отмывать, чтобы создать впечатление, будто они были заработаны законными способами. Обычно это делается посредством сложной сети финансовых транзакций, включающих перемещение денег через множество счетов и юрисдикций, что затрудняет отслеживание происхождения средств. Отмывание денег позволяет ОПГ продолжать свою незаконную деятельность и скрывать доходы, которые они получают от незаконного оборота наркотиков. Криптовалюты, полученные в виде платежей на «крипторынках», иногда сохраняются ОПГ в качестве инвестиций. Криптовалюты, которые не используются в качестве инвестиций, отмываются и вливаются в легальную экономику.

Использование «крипторынков» в даркнете открыло ОПГ новые возможности для незаконного оборота наркотиков. Нельзя отрицать, что «крипторынки» меньше по размеру по сравнению с общей мировой торговлей наркотиками. Значение масштабируемости и экспоненциального роста «крипторынков» заключается не в доходах, которые они приносят, а, скорее, в потенциальном влиянии, которое они могут оказать на будущее сделок с наркотиками. Отсутствие таких существенных характеристик традиционных ОПГ вызвало сомнения в отношении отнесения таких преступных сетей к ОПГ. Тем не менее есть данные, свидетельствующие о том, что ОПГ формируют более мелкие группы для продажи наркотиков на «крипторынках». Хотя группы меньше, но они, как известно, продают свою продукцию в больших количествах, причем на международном уровне.

Подавление «крипторынков» приводит к появлению новых прокси-сайтов или к тому, что продавцы сами открывают свои онлайн-порталы для незаконной торговли наркотиками. Таким образом, репрессии на «крипторынках» сдерживают участников лишь на очень ограниченное время. Исследования показали, что крупные поставщики поддерживаются ОПГ, имеют наибольшие объемы продаж и зарабатывают больше всего денег. Следовательно, интервенции на «крипторынки» должны быть направлены на подавление крупных поставщиков, а не администраторов «крипторынков». Только уничтожение крупных поставщиков приведет к полному обрушению рынка. Льготы, связанные с «крипторынками», придется устранить, чтобы сделать эти рынки менее привлекательными для ОПГ в их деятельности. «Рациональный выбор» придется склонить в пользу большего количества потенциальных рисков, чем выгод, и этого можно достичь только посредством многогранного подхода, включающего такие меры, как эффективное правоохранительное обеспечение, межведомственное и международное сотрудничество, нормативное урегулирование.

Незаконный оборот наркотиков на «крипторынках» – новое явление, и существует недостаточно эмпирических данных, позволяющих предположить, что ОПГ переходят в онлайн-криминальные сети. Доказательств недостаточно либо потому, что ученые отвергают саму идею называть свободно сформированные преступные сети ОПГ, либо потому, что недостаточно исследований, оценивающих роль ОПГ на «крипторынках». Таким образом, на наш взгляд, еще необходим значительный объем дальнейших исследований в этой области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bright D., Greenhill C., Britz T., Ritter A., Morselli C. Criminal network vulnerabilities and adaptations // Global Crime. 2017. N 18(4). P. 424–441.
2. Дремлюга Р. И. Направления уголовно-правовой политики в сфере борьбы с торговлей наркотиками в Darknet // Наркоконтроль. 2021. № 4. С. 3–8.

УДК 349.9

Афанасьева Ольга Романовна

доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права имени Е. В. Эминова
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация
afanasevaor@yandex.ru

Афанасьев Павел Борисович

кандидат юридических наук
доцент кафедры правовых дисциплин
Московский экономический институт
г. Москва, Российская Федерация
afanasevapb@mail.ru

Коимшиди Георгий Феофилактович

кандидат технических наук, доцент
ведущий научный сотрудник
ФГКУ «ВНИИ МВД России»
г. Москва, Российская Федерация
koim@mail.ru

Состояние и тенденции семейно-бытовой преступности в Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются современные особенности состояния и динамики семейно-бытовой преступности в Российской Федерации за период с 2020 по 2024 гг. Авторы обосновали подход к определению понятия семейно-бытовой преступно-

сти, исходя из личностного характера мотивов и наличия близких социальных связей между участниками конфликтов. На основе анализа официальных статистических данных выявлена устойчивая тенденция к снижению количества зарегистрированных анализируемых преступлений, в том числе за счет уменьшения доли особо тяжких и средней тяжести деяний. Приведены данные о территориальной дифференциации уровня семейно-бытовой преступности, в том числе с указанием субъектов Российской Федерации с наибольшими и наименьшими показателями криминальной нагрузки. Рассматривается структура преступлений по видам и степени тяжести, а также индекс тяжести семейно-бытовых преступлений в региональном разрезе. Результаты исследования позволяют сделать выводы об эволюции рассматриваемой категории преступности и указывают на необходимость учета территориальных и социально-демографических факторов в профилактической деятельности.

Ключевые слова: преступность, состояние преступности, тенденции преступности, индекс тяжести преступности, семейно-бытовое насилие, типология.

Afanasyeva Olga Romanovna

doctor of law, associate professor
professor of criminology and Penal
enforcement law named after E. V. Eminov
O. E. Kutafin University (MGUA)
Moscow, Russian Federation

Afanasyev Pavel Borisovich

candidate of law, associate professor
of the department of legal disciplines
Moscow Institute of Economics
Moscow, Russian Federation

Koimshidi Georgy Feofilaktovich

candidate of technical sciences
associate professor, leading researcher
FGKU VNII of the ministry of internal affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

The State and Trends of Domestic Crime in the Russian Federation

Annotation. *The article examines the current characteristics of the state and dynamics of domestic crime in the Russian Federation for the period from 2020 to 2024. The authors substantiate an approach to defining the concept of domestic crime, based on the personal nature of the motives and the existence of close social ties between the parties involved in conflicts. Based on an analysis of official statistical data, a steady downward trend in the number of registered offenses under consideration has been identified, including due to a decrease in the share of particularly serious and moderately serious crimes. The article presents data on the territorial differentiation of domestic crime levels, including information on the regions of the Russian Federation with the highest and lowest criminal burden. The structure of domestic crimes is analyzed by type and degree of severity, as well as the severity index of such crimes across regions. The findings of the study allow conclusions to be drawn about the evolution of this category of crime and highlight the need to take territorial and socio-demographic factors into account in preventive efforts.*

Keywords: *crime, crime rate, crime trends, crime severity index, domestic violence, typology.*

Семейно-бытовая преступность является предметом многочисленных криминологических исследований, между тем в законодательстве и научной литературе отсутствует единство мнений как по определению, так и содержанию данного вида преступности.

В этой связи, руководствуясь распространенным в научной литературе представлением о признаках семейно-бытовой преступности и критериями отнесения зарегистрированных преступлений к числу семейно-бытовых, отраженных в официальной статистической отчетности, к числу семейно-бытовых преступлений относим деяния, совершаемые «на почве конкретно-личностных непроизводственных отношений, конфликтов, мотивированных неприязнью, завистью, местью, ревностью или хулиганскими побуждениями виновного, связанного с потерпевшим семейным, иным родственным или соседским общением» [2, с. 30; 4, с. 15; 1, с. 130; 3].

Динамика семейно-бытовой преступности¹ в период с декабря 2020 г. по декабрь 2024 г. представлена на рисунке 1 в формате «скользящего года», т. е. в каждой точке значение показателя за предыдущие двенадцать месяцев (за условный год).

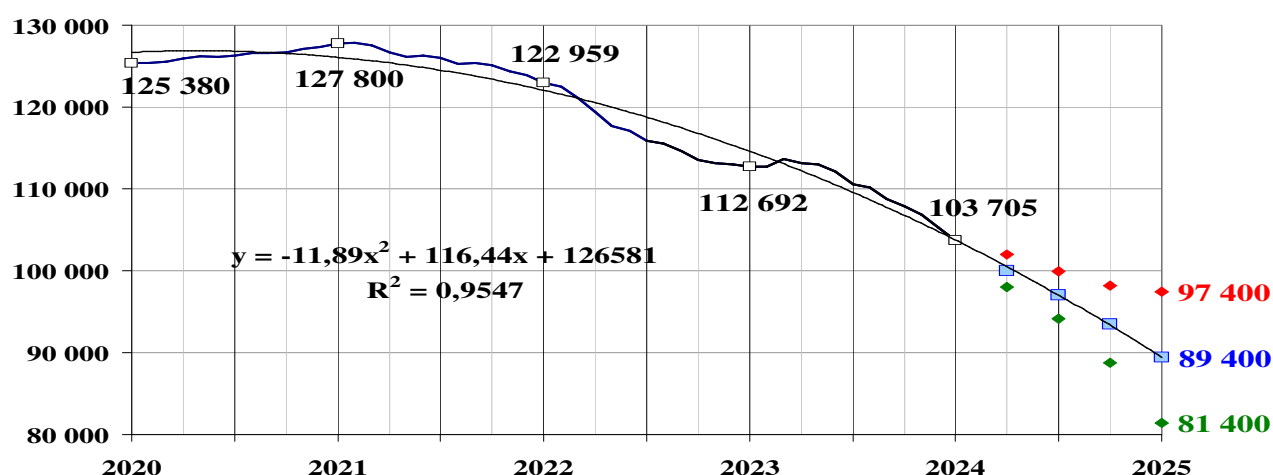

Рис. 1. Динамика количества зарегистрированных семейно-бытовых преступлений в Российской Федерации в 2020–2024 гг.

В 2024 г. отмечается снижение на 8,0 % количества зарегистрированных семейно-бытовых преступлений (103 705 преступлений), а сравнении с показателями 2020 г. на – 17,3 % или – 21 675 преступлений [5, с. 237–243].

На протяжении последних лет (2020–2024 гг.) в динамике исследуемой преступности наблюдалось устойчивое снижение показателей регистрируемой преступности по модели параболического развития, характеризуемой равноускоренным снижением, выражающемся в ежемесячном абсолютном снижении на 23,8 преступления.

¹ Под семейно-бытовыми преступлениями понимаются зарегистрированные преступления, совершенные членом семьи, супругом, сожителем, сексуальным партнером, в том числе бывшими.

Возможно предположить, что если тенденция равноускоренного снижения, наблюдаемая в период с 2020 по 2024 гг., в дальнейшем сохранится (метод экстраполяции), то в 2025 г. в Российской Федерации будет зарегистрировано 89,4 тыс. семейно-бытовых преступлений – с учетом стандартной ошибки: от 81,4 тыс. до 97,4 тыс. (см. рис. 1).

Более половины (56,9 %, или 58 993) семейно-бытовых преступлений было зарегистрировано в трех федеральных округах Российской Федерации, т. е. каждое четвертое-пятое 22,9 %, или 23 762 семейно-бытовое преступление было зарегистрировано в Приволжском, каждое пятое-шестое 18 616 или 18,0 % – в Сибирском и каждое шестое 16 615, или 16,0 % – в Центральном федеральном округе (рис. 2).

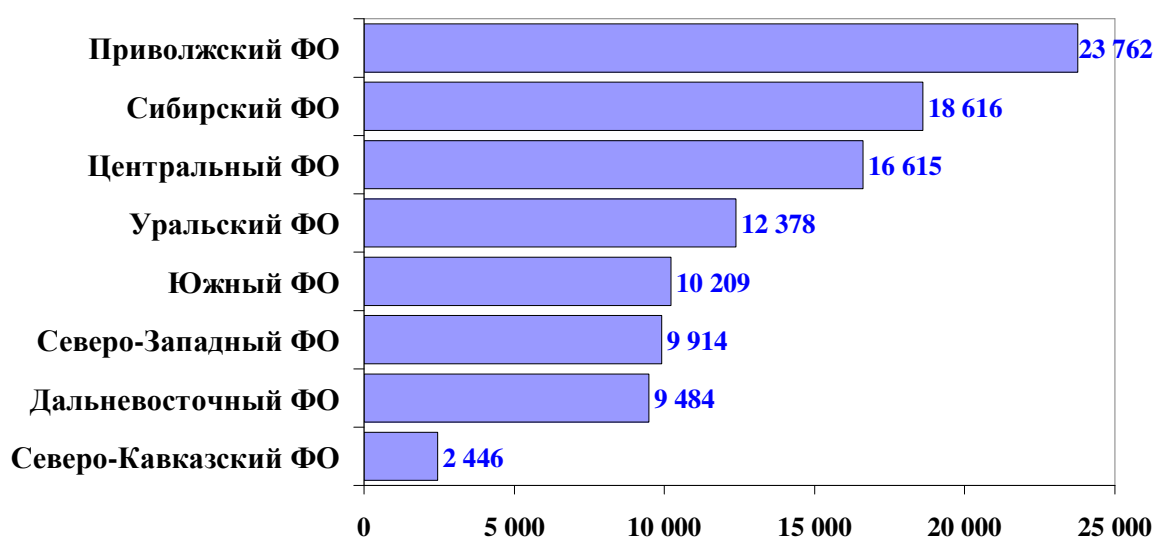

Рис. 2. Количество зарегистрированных семейно-бытовых преступлений в Федеральных округах Российской Федерации в 2024 г.

Наименьшее количество исследуемых преступлений было зарегистрировано в Северо-Кавказском федеральном округе (2,4 %, или 2446).

Каждое четвертое (25,9 %) семейно-бытовое преступление было зарегистрировано в одном из восьми субъектов Российской Федерации: 4,0 %, или 4109 преступлений – в Челябинской области, 3,7 %, или 3821 – в Свердловской области, 3,3 %, или 3454 – в Республике Башкортостан, 3,3 %, или 3449 – в Красноярском крае, 3,0 %, или 3128 – в Краснодарском крае, 3,0 %, или 3061 – в Пермском крае, 2,8 %, или 2910 – в Кемеровской области и 2,8 %, или 2884 – в Алтайском крае.

Криминальная нагрузка (коэффициент) от семейно-бытовой преступности в 2024 г. в Российской Федерации составляла 71,0 преступлений на 100 тыс. всего населения страны. Размах данного показателя в субъектах Российской Федерации составляет от 0,7 в Чеченской Республике до 255,7 в Республике Алтай (255,0).

В восемнадцати регионах страны с наибольшими значениями исследуемого показателя преступности и где проживает 10 % населения страны уровни преступности варьируется от 122,7 в Пермском крае до 255,7 в Алтайском крае. Среднее значение уровня преступности в данной группе составляет 148,2 преступления на 100 тыс. населения (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Субъекты Российской Федерации с высокими коэффициентами
семейно-бытовой преступности
(где проживает 10 % населения страны). 2024 г.

Субъект РФ	Коэффициент	Субъект РФ	Коэффициент
Республика Алтай	255,7	Кировская область	149,4
Чукотский АО	229,0	Республика Бурятия	144,8
Забайкальский край	204,9	Ненецкий АО	142,1
Курганская область	182,2	Республика Карелия	142,0
Республика Коми	173,3	Алтайский край	136,3
Республика Тыва	172,1	Астраханская область	134,0
Еврейская АО	169,4	Томская область	128,8
Архангельская область	162,5	Республика Хакасия	124,6
Амурская область	150,5	Пермский край	122,7
Средний коэффициент			149,2

В трех регионах России с наименьшими значениями исследуемого показателя и где проживает 10 % населения страны уровень преступности составляет от 9,8 в г. Москве, 4,6 в Республике Ингушетия и 0,7 в Чеченской Республике. Среднее значение уровня преступности в группе составляет 8,6 преступлений на 100 тыс. населения.

В трех регионах криминальная нагрузка на населения от семейно-бытовой преступности настолько велика, что они нарушают статистическую однородность всех субъектов Российской Федерации: 255,7 преступлений на 100 тыс. населения в Республике Алтай, 229,0 – в Чукотском автономном округе и 204,9 – в Забайкальском крае. Средний уровень преступности составил 187,1 преступлений на 100 тыс. населения, при этом на данной территории проживает 1243,2 тыс. жителей или 0,85 % населения страны.

В 2024 г. в структуре семейно-бытовой преступности (рис. 3) преобладают преступления небольшой тяжести (85,6 %, или 88 802 преступлений). Отмечается снижение особо тяжких преступлений (было 4,9 %, или 5482, стало 4,6 %, или 4751) и преступлений средней тяжести (было 4,8 %, или 5372, стало 4,3 %, или 4507). Удельный вес тяжких преступлений остался без изменений (было 5,4 %, или 6097, стало 5,4 %, или 5645).

В структуре семейно-бытовой преступности по видам почти половину (48,9 %, или 50 986) составляют преступления против жизни и здоровья (40 951 преступление), против половой свободы и неприкосновенности личности (3626 преступлений) и против собственности (6142 преступления). В 2023 г. удель-

ный вес этой группы преступлений составлял 52,9 %, или 59 577 преступлений. При снижении абсолютных значений данных видов семейно-бытовой преступности снизились значения удельные веса преступлений против жизни и здоровья (было 42,4 %, или 47 810, стало 39,5 %, или 40 951), преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности (было 3,7 %, или 4159, стало 3,5 %, или 3626) и преступления против собственности (было 6,8 %, или 7608, стало 5,9 %, или 6142). Каждое второе-третье (39,5 %) семейно-бытовое преступление – это преступление, квалифицируемое по статьям главы 16 УК РФ.

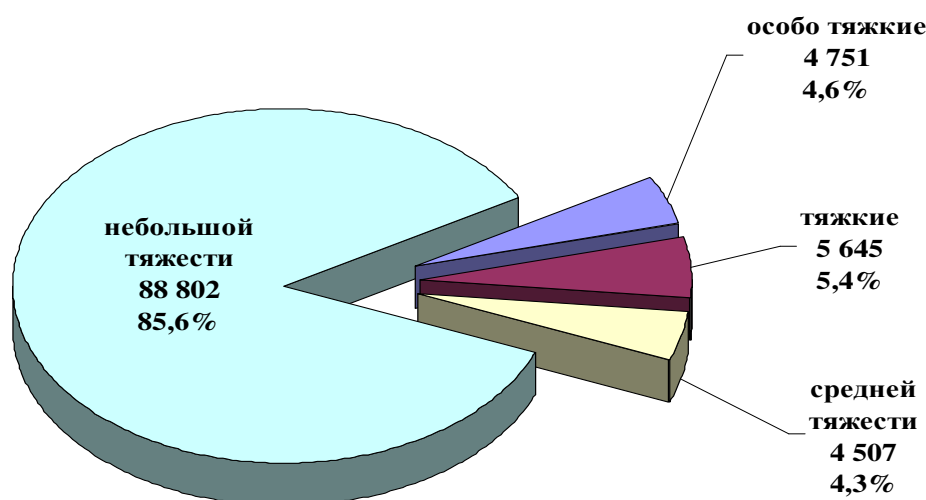

Рис. 3. Структура семейно-бытовой преступности по тяжести в Российской Федерации в 2024 г.

Индекс тяжести семейно-бытовой преступности, т. е. средний максимальной срок наказания за преступление, в 2024 г. составил 4,25 лет (4 года 2 мес. и 29 дней). За год анализируемый показатель снизился на 20 дней (в 2023 г. 4,30 года, или 4 года 3 мес. и 19 дня).

Наибольшие значения индекса тяжести семейно-бытовой преступности отмечаются в пяти регионах Российской Федерации и в которых проживает 10 % населения страны: 8,67 – в Республике Адыгея, 6,42 – в Белгородской области, 6,04 – в Астраханской области, 5,31 – в Республике Хакасия и 5,19 – в Москве.

Наименьшие показатели индекса тяжести семейно-бытовой преступности отмечаются в семнадцати регионах страны, в которых также проживает 10 % населения страны: от 3,27 – в Ненецком автономном округе до 3,87 – в Оренбургской области. Средний индекс тяжести среди данных субъектов Российской Федерации составил – 3,68 (табл. 2).

Таким образом, проведенное исследование показало, что в период с 2020 по 2024 г. семейно-бытовая преступность в Российской Федерации демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению. Общее число зарегистрированных преступлений данной категории сократилось примерно на 17 %, достигнув около 103,7 тыс. преступлений в 2024 г. Только за 2024 г. отмечено уменьшение

показателя примерно на 8 % по сравнению с предыдущим годом, что подтверждает поступательный характер снижения. Однако ее проявления остаются неоднородными, поскольку сохраняются выраженные региональные диспропорции, а в структуре семейно-бытовой преступности продолжают преобладать преступления небольшой тяжести.

Т а б л и ц а 2

Субъекты Российской Федерации с низкими индексами тяжести
семейно-бытовой преступности
(где проживает 10 % населения страны). 2024 г.

Субъект РФ	Индекс	Субъект РФ	Индекс
Оренбургская область	3,87	Ярославская область	3,72
Костромская область	3,82	Республика Крым	3,71
Смоленская область	3,81	Брянская область	3,62
Томская область	3,80	Республика Алтай	3,47
Чувашская республика	3,79	Кабардино-Балкарская республика	3,40
Калининградская область	3,76	Республика Мордовия	3,36
Курганская область	3,76	Республика Северная Осетия Алания	3,36
Архангельская область	3,74	Ненецкий АО	3,27
Ивановская область	3,72	Средний индекс тяжести, лет	3,68

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьев П. Б. Состояние и тенденции развития умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6-4(96). С. 129–133.
2. Варыгин А. Н. Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3(17). С. 30–34.
3. Криминология и предупреждение преступлений : учебник и практикум / О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова, В. И. Шиян. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 360 с.
4. Максимов С. В., Ревин В. П. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики : учеб. пособие. М. : УМЦ при ГУК МВД РФ, 1993. 56 с.
5. Шиян В. И. Современные тенденции насильственных преступлений против личности // Семья в современном обществе: проблемы и пути их решения : сб. науч. ст. по материалам Всерос. конф. в рамках проведения XXIV науч.-практ. чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А. Н. Радищева, приуроченных к Году семьи. М., 2024. С. 237–243.

Горшенков Андрей Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры уголовного права

Российский государственный университет

правосудия им. В. М. Лебедева. Приволжский филиал

г. Нижний Новгород, Российская Федерация,

gen7976@yandex.ru

Горшенков Геннадий Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры уголовного права

Российский государственный университет

правосудия им. В. М. Лебедева. Приволжский филиал

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

gen7976@yandex.ru

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

gen7976@yandex.ru

Политическая функция криминологии

***Аннотация.** В статье дается исследовательский обзор вопроса о политической сущности криминологии, которая изначально была присуща инновационной науке в середине XVIII века, возникшей в новых, раскрепощающих научную мысль условиях эпохи Просвещения, в частности, меняющей средневековый взгляд на преступление как исключительно юридическую категорию на новое их осмысление – как явление реальности, а не теоретическую умозрительную конструкцию. Раскрывает значение и роль криминологии в научной разработке и практической реализации уголовной политики. Уголовная политика рассматривается как предмет криминологического изучения, в котором выделяются два аспекта: политика как универсальный метод совершенствования управления борьбы с преступностью: политика – с позиции неумелого или злонамеренного использования данного социального института.*

***Ключевые слова:** научная революция, возмездие, предупреждение, политика, функция, уровень политики, политизация зла.*

Gorshenkov Andrey Gennadievich

candidate of law, assistant professor

associate professor, Lebedev Russian

State University of Justice Volga branch

Nizhny Novgorod, Russian Federation

Gorshenkov Gennady Gennadievich
candidate of law, assistant professor
associate professor, Lebedev Russian
State University of Justice Volga branch
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Gorshenkov Gennady Nikolaevich
doctor of law, professor, professor
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The political function of criminology

***Annotation.** The article provides a research review of the political essence of criminology, which was originally inherent in innovative science in the mid-18th century, arising in the new, liberating scientific thought conditions of the Enlightenment era, in particular, changing the medieval view of crime as an exclusively legal category to a new understanding of it as a phenomenon of reality rather than a theoretical construct. It reveals the significance and role of criminology in the scientific development and practical implementation of criminal policy. Criminal policy is considered as a subject of criminological study, which highlights two aspects: policy as a universal method for improving the management of crime control, and policy from the perspective of the incompetent or malicious use of this social institution.*

***Keywords:** scientific revolution, retribution, prevention, politics, function, level of politics, politicization of evil.*

Начать размышления по означенной теме представляется целесообразным не с доказательств политической сущности криминологии, а с утверждения авторитетного российского криминолога, вице-президента Российской криминологической ассоциации имени А. И. Долговой, проф. В. А. Номоконова: «Криминология... как известно, наука не только социально-правовая, но и политическая» [8, с. 68]. Данное утверждение основывается на глубоком знании ученым изначального процесса формирования нового направления в юридическом учении о преступлении.

Наука криминология возникла на волне научной революции XVI–XVII веков, да и XVIII века. В этот период Нового времени начинается и новый этап развития науки – *научной революции*. Он отличался тем, что заключал в себе «радикальное и глобальное изменение процесса и содержания системы научного познания» [7]. «Сила, которая произвела всю эту «великую революцию» в уголовном праве, – писал М. Н. Гернет, – известна под скромным именем «позитивного метода», «метода опыта и наблюдений» [1, с. 4].

Данный метод воспринимался как противоположный методу формально-логическому, или умозрительному, т. е. оторванному от реальной жизни. Например, преступления рассматривалось элементарно – как «переступление» через запрет. Объяснялось оно выбором, который преступник делал в силу данной ему от природы «права» на свободу воли. Таким образом, преступление рассматривалось исключительно как оценочное явление, или юридическая катего-

рия («пустая оболочка»), и поэтому преступник не заслуживал исследовательского внимания.

Однако позитивистская революционная мысль потому так и называлась, что была устремлена в познании преступления как жизненного явления и выяснению причины его возникновения. Полученные знания открывали новые возможности борьбы с преступностью – не возмездием путем наказания, а предупреждением посредством, не столько карательными мерами, сколько социальными (нравственными, воспитательными, просветительными и др.).

Это требовало поисков оптимальных усилий в борьбе с преступностью, в чем могли сыграть более важную роль (чем карающее уголовное право) новые позитивистские (определяющее единственным источником действительного знания эмпирические, или опытные исследования реальных фактов) науки. Такими науками заявляли о себе криминология и уголовная политика, причем, не отделяемые от уголовного права.

Один из основателей социологической школы в уголовном праве и уголовной политики, криминолог Франц фон Лист рассматривал интеграцию усилий этих трех уголовно-правовых отраслей и практик как важное политическое решение, благодаря которому можно было значительно повысить потенциал борьбы с преступностью. И эта идея была положена в основу определения ученым уголовной политики. Ее он рассматривал *«как систематическую совокупность оснований, опирающихся на научное исследование причин преступления и действия, производимого наказанием, – оснований, сообразуясь с которыми государство при помощи наказания и родственных ему институтов должно бороться с преступлением»* [6, с. 13].

Вопрос «Как бороться?» – вопрос качества, или эффективности. И ответ на него в первую очередь должна была дать криминология путем исследования, *во-первых*, причин (факторов) преступности; *во-вторых*, результатов применяемых уголовно-правовых средств; а *также* систематизация полученных знаний, в итоге которой должны быть сформулированы те самые криминологические «основания», на которые и должна была опираться уголовная политика.

Идею интеграции криминологии и уголовной политики в частности исследовали и ученые в России. Например, выдающийся русский правовед С. К. Гогель рассматривал возможность формирования новой, двуединой криминологического-политической науки. В *первой* ее части (криминологии) предмет изучения составляли преступность и ее причины, или факторы, во *второй* – репрессивные и превентивные меры борьбы с преступностью.

Важно подчеркнуть, что при этом С. К. Гогель рассматривал *уголовную политику как прикладную науку* «к основной позитивной науке – уголовной социологии» [2, с. 3], т. е. криминологии.

С этим можно соглашаться или не соглашаться. Очевидно главное: криминология и политика противодействия преступности обуславливают друг друга. И эта особенность их взаимодействия, несомненно, сказывалась на функциональности криминологии.

Сегодня политическую составляющую криминологии можно представить в соответствующем ее аспекте функциональности, или политической функции. Эта функция, в нашем представлении, имеет двусторонний характер, поэтому рассматривать данный аспект целесообразно дифференцированно: *с одной стороны*, обращать внимание на практическое обеспечение оптимизация, или искусства управления противодействием преступности; *с другой* – обеспечивать получение предметных знаний как позитивного, так и негативного, т. е. криминального и криминального характера в изучении политики как социального явления. Таким образом, можно говорить о двух подфункциях рассматриваемой специальной функции криминологии.

Функцию обеспечения мы находим целесообразным рассмотреть дифференцированно, в соответствии с уровнями политики противодействия преступности. Мы выделяем три таких уровня: *а) концептуальный, б) правообразовательный, в) исполнительно-распорядительный*, в том числе и *правоприменительный*.

Концептуальный, или *идеологический* уровень, представляет систему взглядов, идей и убеждений, которая определяет политическую целесообразность в правотворческой и исполнительно-распорядительной деятельности, в области противодействия преступности. Данный уровень, по политической сущности, можно определить как идеологический; идеология – это система, именно концептуальных идей, которая выражают интересы, мировоззренческие взгляд, идеалы субъектов политики [5]. На этом уровне особенно истребуется криминологическое мышление, сущность которого заключается в криминологизации (наполнении криминологическим смыслом) политической целесообразности. Таким образом уже на этом уровне происходит слияние двух сущностей, или двух видов энергии – криминологии и политики. И правильно будет говорить о криминологическом обеспечении противодействия преступности.

Правообразовательный уровень, на котором осуществляется «процесс, в ходе которого „вызревает“, формируется право» [4, с. 3]. И здесь чрезвычайно важно исходить из методологических положений о категориях формы и содержания, в соответствии с которыми должна разрабатываться норма как будущий элемент системы правового регулирования. И здесь важно обеспечить ее совершенство, в частности, конкретность, или адресность и однозначность. В противном случае может возникнуть риск приобретения такого свойства, как криминаленность. В связи с этим возникает потребность в криминологической экспертизе, и разработке соответствующей теории – криминологической экспертологии.

Исполнительно-распорядительный уровень, на котором реализуется все то, что произведено на предыдущих уровнях, в процессе властной, адресной, исполнительно-распорядительной деятельности – во исполнение закона. От реализаторов политической идеи, воплощенной в законодательство, зависит продуктивность системы противодействия преступности. И здесь тоже криминологическая составляющая играет очень важную, если не первостепенную (наряду с политической) роль в оптимизации системы противодействия. Задача

криминологии – оценить *состояние ситуации* как внешнего фактора криминологического-политического обеспечения противопреступных управленческих усилий. В особенности проявляет себя криминологический *анализ* и *оценка* ситуации, а также криминологическое *прогнозирование*.

Функцию предметного исследования политики как социального института в системе правоотношений можно рассматривать с двух сторон:

1) с *позитивной* стороны – исследование возможностей *оптимизировать* управленческую систему противодействия преступности, способствуя повышению ее результативности;

2) с *негативной* стороны – выявлять: а) риски *деструктивного* воздействия на систему, которые обуславливаются ее криминогенными свойствами, приводящими к возрастанию риска угрозы ее безопасности; б) закономерности связей политики и преступности, чему посвящена разрабатываемая ныне концепция «политизации зла» [3].

Таким образом, в теоретическом плане контуры сущности политической функции криминологии просматриваются как эскиз, или набросок замысла будущей теории политического аспекта криминологической науки и практики, т. е. криминологической деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. М., 1905. 203 с.
2. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб., 1910. 505 с.
3. Горшенков Г. Н. Политизация зла // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3. С. 14–25.
4. Дробязко С. Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Право и демократия : сб. науч. тр. Минск : БГУ, 2003. Вып. 14. С. 15–34.
5. Идеологический. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/169305/Идеологический> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М. 2004. 110 с.
7. Дробязко С. Г. Научная революция. URL: https://yandex.ru/search/?text=научная+революция&clid=5988311-ДробязкоС.Г.11_&banerid=1200005600%3A11425680561406476287%3ASWf679ebd97b62&win=687&lr=47 (дата обращения: 17.04.2025).
8. Номоконов В. А. Криминологическая оценка антикриминальной политики // Наука и жизнь Казахстана. 2022. № 3. С. 67–73.

Анянова Екатерина Сергеевна
кандидат юридических наук
юрисконсульт ООО «Балтторг»
г. Калининград, Российская Федерация
anyanova@mail.ru

Кибербезопасность на море

***Аннотация.** Угроза кибератак является очень острой для отдельных областей морского судоходства. Цель данной статьи – рассмотреть применение норм международного права, изучить необходимость внесения поправок в нормы международного морского права по вопросу киберустойчивости судоходства. Несмотря на то, что в этой области проводятся некоторые исследования, морская кибербезопасность не была глубоко изучена. В данной работе представлен подробный анализ правовых документов и исследований, опубликованных в международных исследованиях по праву кибербезопасности для морской отрасли, с выделением проблем и вызовов безопасности.*

***Ключевые слова:** кибербезопасность, порты, судоходство, морская индустрия, международный кодекс безопасности судов и портовых средств (ОСПС).*

Anyanova Ekaterina Sergeevna
candidate of legal sciences
legal adviser of the limited liability
company Balttorg
Kaliningrad, Russian Federation

Maritime Cybersecurity

***Annotation.** The threat of cyber attacks is very acute for certain areas of maritime shipping. The purpose of this article is to review the application of international law, to examine the need to amend international maritime law on the issue of maritime cyber resilience. Although there is some research in this area, maritime cybersecurity has not been studied in depth. This paper presents a detailed analysis of legal documents and studies published in international research on cybersecurity law for the maritime industry, highlighting security issues and challenges.*

***Keywords:** cybersecurity, ports, shipping, maritime industry, International Ship and Port Facility Security Code (ISPS).*

Судоходство всего мира систематически подвергается хакерским атакам, причиняющим вред такого масштаба, который требует немедленных мер, направленных на обеспечение кибербезопасности. В зарубежной практике имели место такие атаки, которые привели к сокращениям работников. Кроме того, кибернападения могут причинить судовладельцам крупнейшие потери.

В процессе проводимого исследования нами использованы юридическая методология и инструментарий, которые помогли анализировать правовые кон-

цепции информационно-коммуникационных технологий [1, с. 11], особенно концепцию кибербезопасности на море.

1. УГРОЗА КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Кибербезопасность – это концепция безопасности, используемая для защиты киберсреды, организации и пользователя [3].

С 2017 года кибербезопасности морской отрасли уделяется особое внимание на международном уровне с помощью таких документов, как, различного рода руководства и рекомендации [4, с. 12]. Однако обязательных требований не существует.

Порты являются активными участниками глобальной торговли с точки зрения информационной революции [2, с. 313]. На кораблях используются информационные технологии (ИТ), которые объединены в сети и подключены к Интернету. Такие технологии сокращают количество портовых рабочих, повышают эффективность, но сталкиваются с угрозой киберпреступлений.

2. ПРИМЕРЫ КИБЕРНАПАДЕНИЙ

Исследования свидетельствуют о том, что за последние годы увеличилось количество сообщений о кибернападениях на морскую отрасль.

Например, нападение NotPetya на компанию Maersk в 2017 г. привело к убыткам в размере около 300 миллионов долларов.

В 2018 году атакам подверглись порты Барселоны, австралийского оборонного судостроителя Austal, центр обслуживания клиентов терминалов COSCO Shipping Lines в порту Лонг-Бич и порту Сан-Диего в США [5].

В 2022 году компания Sea-Invest, один из крупнейших бельгийских портовых терминалов, прекратила все операции из-за хакерской атаки.

В 2022 году сингапурская судостроительная компания Sembcorp Marine подверглась атаке неавторизованного пользователя, который получил доступ к ИТ-сети через стороннее программное обеспечение. В декабре 2022 года атаке подверглась ИТ-система сингапурской морской компании Voyager Worldwide.

Веб-сайт и внутренняя компьютерная система порта Лиссабона были нарушены в декабре 2022 года и не работали в течение нескольких дней после кибератаки.

Норвежское классификационное общество судоходства Det Norske Veritas (DNV) подверглось атаке вымогателей в 2023 году. Международная морская организация (ИМО) также подвергалась атакам в 2020 и 2023 годах. Порт Лос-Анджелеса постоянно подвергается атакам программы вымогателя, вредоносных программ и фишинговых атак.

3. НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Документальная часть международного права, посвященная кибербезопасности в судоходстве, содержит в себе лишь отдельные документы, среди которых:

– Руководящие принципы ИМО по управлению киберрисками на море 2017 г.; международные или отраслевые стандарты и передовая практика (например, Система кибербезопасности 2.0 Национального института стандартов

и технологий, стандарт ISO/IEC 27001 для систем управления информационной безопасностью); Резолюция MSC.428(98), принятая Комитетом по безопасности на море (КБМ) 16 июня 2017 г.; Кодекс ОСПС;

– Дополнительное руководство и стандарты включают в себя Руководство по кибербезопасности на борту судов, Руководство по кибербезопасности для портов и портовых сооружений, разработанное Международной ассоциацией портов и гаваней (IAPH) в 2021 году.

4. БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Усиление мер кибербезопасности предполагает управление киберрисками. Кроме того, после увеличения числа кибернападений компании начали отключать платформы электронной коммерции и центры обработки данных. Важно применять эту концепцию как можно шире.

Должна обеспечиваться защита от несанкционированного доступа.

Предлагается разработать новые руководящие принципы кибербезопасности для морского пространства при участии ИМО. Иногда предлагаются поправки к Кодексу ОСПС, которые сделают обязательными вопросы кибербезопасности.

В целях содействия управлению кибербезопасностью было внесено предложение о назначении ответственного за кибербезопасность (CySO). Такая должность введена в некоторых местах, например, в порту Роттердама.

В настоящее время морская индустрия становится все более уязвимой для киберугроз.

Для обеспечения киберустойчивости судов и портовых сооружений требуются дополнительные меры кибербезопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Aranha M. Hermeneutical Model for Identification of Juridical Variables in the ICT Comparative Research // SSRN Electronic Journal. 2011. May 2. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2079096> (дата обращения: 24.02.2025).

2. Aranha M., Chacon G., Oliveira F. ICT Variables for Development in South America Through Federal Lenses // SSRN Electronic Journal. 2014. URL: [10.2139/ssrn.2462565](http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2462565) (дата обращения: 24.02.2025).

3. Code of Practice Cyber Security for Ships [s. l]: The UK Department for Transport, 2017. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/642598/cyber-security-code-of-practice-for-ships.pdf. 11 nov. 2023 (дата обращения: 24.02.2025)..

4. Port cybersecurity – Good practices for cybersecurity in the maritime sector. European Union Agency for Cybersecurity (ENISA). 11 nov. 2023.

5. Senarak C. Cybersecurity knowledge and skills for port facility security officers of international seaports: Perspectives of IT and security personnel // The Asian Journal of Shipping and Logistics. 2021. N 37(4). P. 345–360.

Медведчук Анна Александровна
старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин и криминалистики
Луганский филиал Воронежского
института МВД России
г. Луганск, Российская Федерация
medved1313@inbox.ru

Психология коррупционного поведения личности

***Аннотация.** В данной статье рассматривается вопрос психологии коррупционного поведения личности. Для понимания сущности коррупции и формирования представлений о методах борьбы с ней, наряду с правовым, автор предлагает обратить внимание на психологический и нравственный аспект. В коррупционных проявлениях как в зеркале находит отражение психология конкретных индивидуумов, в коррупции как социально-политическом явлении отражается психология социальных групп и всего общества. Особое внимание уделяется проблеме выбора поведения личности, которая лежит в основе коррумпирования общественных отношений.*

***Ключевые слова:** противодействие коррупции, моральные ценности, общественное сознание, поведение личности.*

Medvedchuk Anna Alexandrovna
lecturer at the Department of Criminal
Law Disciplines and Criminology
Lugansk branch of the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Lugansk, Russian Federation

Psychology of corruption behavior of personality

***Annotation.** This article examines the issue of the psychology of corrupt behavior of an individual. To understand the essence of corruption and form ideas about methods of combating it, along with the legal, the author suggests paying attention to the psychological and moral aspects. Corruption manifestations, as in a mirror, reflect the psychology of specific individuals, while corruption as a socio-political phenomenon reflects the psychology of social groups and the entire society. Particular attention is paid to the problem of choosing the behavior of an individual, which underlies the corruption of public relations.*

***Keywords:** anti-corruption, moral values, social consciousness, personal behavior.*

Разрешение проблем эффективного противодействия коррупции в значительной степени зависит от того, насколько правильно и глубоко определена ее сущность. Выяснение сущности коррупции чрезвычайно важно как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Определяя сущность коррупции, следует, прежде всего, исходить из того, что: «Коррупция не может быть сведена к какому-либо конкретному общественно опасному деянию, к определенному правонарушению. Сведение коррупции к определенному виду правонарушений, в частности преступлений, имеющих место со стороны определенной части ученых и практиков, на наш взгляд, является одной из наиболее существенных ошибок в понимании коррупции» [2].

Наиболее удачной, по нашему мнению, является позиция Н. И. Мельника, он считает, что: «Коррупция – это социальное явление, которое имеет социальную обусловленность, социальные закономерности развития и оказывает негативное влияние на социальные процессы. Существовая в обществе и являясь порождением общественных отношений, коррупция пронизывает разные социальные сферы общества, по-разному деформируя общественные отношения» [4].

Большинство ученых в своих исследованиях фундаментально изучают правовую природу коррупции, мы считаем необходимым обратить свое внимание на психологический и нравственный аспект этого явления. Коррупция – это не только противоправные действия, но и образ мышления человека, его взгляды, убеждения и установки, которые обуславливают его образ жизни.

Как отмечал в свое время С. Степашин: «Коррупция – не просто взятки, не просто злоупотребление служебным положением, не просто завуалированные виды подкупа чиновников. Это болезнь более глубокая, которая в своей основе содержит психологическую установку использовать государственную службу как неисчерпаемый источник для достижения корыстной цели» [5].

На наш взгляд, эта точка зрения по психологической природе коррупции требует определенного уточнения, а именно: «Распространение психологической установки на противоправный способ достижения цели не только на государственных служащих, но и граждан, не состоящих на государственной службе. Ориентированность обычных граждан на решение жизненных проблем коррупционным путем является важным фактором, который, во-первых, стимулирует чиновников к злоупотреблению, во-вторых, во многих случаях делает это злоупотребление возможным (например, в случаях получения взятки по инициативе взяткодателя)» [4].

В коррупционных проявлениях как в зеркале находит отражение психология конкретных индивидуумов, в коррупции как социально-политическом явлении отражается психология социальных групп и всего общества.

Будет или не будет совершено коррупционное действие, зависит от конкретной личности. Как отметил Р. Л. Ахмедшин, «никто, вероятно, не сомневается в том, что любое лицо, в том числе лицо преступника, представляет собой самоуправляемую биосоциальную систему чрезвычайно высокой сложности и что элементы (подструктуры) личности взаимодействуют между собой на психологическом уровне» [1]. Именно такое взаимодействие порождает соответствующую психологическую установку личности, формирующую ту или иную модель поведения (деятельности), в том числе коррупционную.

Некоторые исследователи считают, что коррупционная модель поведения имеет, главным образом, психологические корни, а коррупция вообще имеет

психологическое происхождение. Они объясняют психологический характер происхождения коррупции, в частности, сохранением в традициях разных стран обычаев, которые подобны проявлениям коррупции, но в основном используются в быту и одобрительно воспринимаются обществом.

Стоит отметить, что есть и другая нравственно-психологическая сторона коррупции. Следует согласиться с утверждением, что когда государство заставляет своих граждан вести себя нечестно, то это порождает нездоровую систему и оказывает негативное влияние на общество [3].

Государственному служащему, который, условно говоря, стоит перед выбором: честно исполнить свой долг или злоупотребить властью или служебным положением – в условиях господства правового нигилизма, социальной нестабильности и неуверенности в своем будущем, культивации психологии стяжательства и алчности, падения нравственности, отсутствия идеологии легче склониться к коррупционной форме поведения.

Проблема выбора поведения и есть основная психологическая проблема, которая лежит в основе коррумпирувания общественных отношений. Учитывая это, суть предотвращения коррупции в принципе должна сводиться к тому, что проблема такого выбора перед лицом, уполномоченным на выполнение функций государства, возникала как можно реже, а при ее возникновении – такое лицо имело все основания решить его в пользу правомерного поведения.

Подчеркивая психологические корни коррупционного поведения, все же, на наш взгляд, следует исходить из того, что лицо, которое становится на путь совершения коррупционных деяний, не является, так сказать, коррумпируемым от природы. Коррумпируемые черты поведения личность приобретает в процессе ее собственной социализации. Следовательно, станет или не станет человек на путь коррупции – зависит не столько от того, какие традиции или психологические установки были усвоены им от рождения, а от того, в какой общественной среде человек вырос, какой психологический климат царил вокруг него, какие поступки признавались безнравственными, а какие со стороны морали поощрялись. Иными словами, речь идет об общественном сознании, в котором фокусируется чрезвычайно много аспектов общественной жизни, в том числе отношение граждан к закону и их реакция на коррупцию.

Учитывая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что одним из стратегических направлений предотвращения коррупции должна быть защита общественного сознания от коррупционного влияния, включающего в себя: активные меры правового воспитания граждан, повышение культуры общества в целом и личности в частности, сохранение моральных ценностей и рост общественного сознания, устранение произвола, нигилизма и социальной апатии. Как для масштабного распространения коррупции, так и для эффективного противодействия ей должно существовать соответствующее психологическое настроение общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмедшин Р. Л. Лекции по правовой психологии : учеб. пособие. Томск : Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2019. 454 с.

2. Будатаров С. М. Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 359. С.106–110.

3. Ванновская О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих : монография. 2-е изд. М. : Юрайт, 2020. С. 76.

4. Мутилина Т. Г. Понятие и правовая природа коррупции // Стратегия устойчивого развития в антикризисном управлении экономическими системами : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Донецк : Донецк. нац. техн. ун-т, 2019. С. 196–204.

5. Степашин С. В. Против криминализации России // Российская юстиция. 2000. № 1. С. 45.

УДК 343.2/7

Сергеева Анжелика Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент,

Санкт-Петербургский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

anzh-sergeeva@yandex.ru

Питулько Ксения Викторовна

кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

lokhi@yandex.ru

**Структура мотивов преступления
и их уголовно-правового содержания
в механизме правового регулирования
в постиндустриальном обществе**

***Аннотация.** В статье рассматриваются современные проблемы установления содержания субъективной стороны преступления. На основе анализа действующего законодательства, актов его толкования и доктринальных воззрений авторами обосновано, что нормативная характеристика мотивации преступного поведения и ее правоприменительная и научная интерпретации обладают статичностью и не отвечают актуальному состоянию общественных отношений, преломляющемуся в структуре мотива преступления. С учетом этого предложен новый подход к уголовно-правовой оценке мотива преступления как признака его субъективной стороны, позволяющие преодолеть стагнацию нормотворческой деятельности.*

***Ключевые слова:** преступление, субъективная сторона преступления, мотив, цель, квалификация преступлений*

Sergeeva Anzhelika Anatolievna
candidate of law, associate professor
Saint Petersburg Institute
of the All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

Pitulko Kseniia Viktorovna
candidate of law, associate professor
Saint Petersburg Institute
of the All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

The structure of crime motives and their criminal-legal content in the mechanism of legal regulation in a post-industrial society

***Annotation.** The article examines modern problems of establishing the content of the subjective side of a crime. Based on the analysis of current legislation, acts of its interpretation and doctrinal views, the authors substantiate that the normative characteristic of the motivation of criminal behavior and its law enforcement and scientific interpretations are static and do not correspond to the current state of social relations, refracted in the structure of the crime motive. Taking this into account, a new approach to the criminal-legal assessment of the crime motive as a sign of its subjective side is proposed, allowing to overcome the stagnation of norm-setting activity.*

***Keywords:** crime, subjective side of a crime, motive, purpose, qualification of crimes.*

Современную уголовно-правовую и криминологическую проблематику смело можно назвать поливекторной. В поле зрения ученых оказываются многие негативные явления социальной действительности, которые возникают и бурно эволюционируют в условиях статичности (или отсутствия) правового регулирования. Законодатель весьма активно совершенствует содержание уголовно-правовых запретов (как известно, в период действия Уголовного кодекса РФ в его текст внесено несколько сотен изменений, порядка 20 % которых связаны с установлением уголовной ответственности за новые противоправные деяния или же с появлением ранее не известных квалифицирующих признаков). Тем не менее уже много лет в правовой доктрине констатируются и бессистемность корректировок [1, с. 123–136], и отсутствие унифицированной уголовно-правовой политики [7, с. 3–9], и низкое качество нормотворческой [6, с. 58–63], а вслед за ней – и правоприменительной деятельности [5, с. 119–131]. Не ставя цели высказать собственные суждения по предметам этой дискуссии, предлагаем остановиться на, казалось бы, тривиальном, но при этом чрезвычайно востребованном сегменте, объединяющем уголовно-правовую и криминологическую теорию.

Одним из постулатов науки уголовного права выступает учение о составе преступления. Элементы состава преступления в совокупности и отдельно исследовались многими юристами в различные исторические эпохи. Криминологическая доктрина, будучи относительно юной, вобрала в себя сложившиеся представления о преступности и наказуемости деяния, разнобразив их осмыс-

лением мотивации и детерминации преступного поведения. В действующем законодательстве, очевидно, для этого создана необходимая база. Это означает, что в уголовном законе констатируется возможность привлечения к уголовной ответственности только при наличии всех признаков состава преступления, выделяется условно закрытый перечень мотивов, влияющих на квалификацию действий (бездействия), предусматриваются пределы поощрения позитивного постпреступного поведения или отказ от уголовного преследования лиц, совершивших социально полезные действия с некриминальной мотивацией. Пленум Верховного Суда РФ в постановлениях, обобщающих судебную практику по уголовным делам о совершении различных преступлениях, уделяет этому должное внимание. Однако ни нормы законодательства, ни акты судебной интерпретации, ни воззрения ученых не позволяют в полном объеме осветить уголовно-правовую характеристику мотива преступления.

Причиной этого можно назвать концентрированное изложение сведений о мотиве преступления в структуре его состава («хулиганские побуждения», «низменные побуждения», «иная личная заинтересованность»), стереотипное, не изменяющееся многие десятилетия толкование его содержания и – одновременно – минимальный нормативный акцент на особенностях субъективной стороны преступления. Закрепляя ее признаки в уголовно-правовых нормах, законодатель зачастую проявляет невнимательность, не давая разграничений мотива и цели преступления и очень скудно освещая умышленный или неосторожный характер вины. А между тем, ее детальная характеристика в положениях уголовного закона имеет как правотворческое и доктринальное, так и сугубо прикладное значение.

Проиллюстрировать высказанное суждение можно с помощью элементарных примеров. Как известно, в число квалифицирующих признаков убийства законодатель включил такой, как совершение преступления из корыстных побуждений. В п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ отождествлен этот вид убийства и два других – по найму или в условиях сопряженности с разбоем, вымогательством или бандитизмом. При квалификации последнего из упомянутых вариантов однотипного преступного поведения неминуемо возникает вопрос о роли корысти в формировании и реализации умысла виновного. Очевидно, что, лишая жизни потерпевшего, предварительно напав на него, субъект действует из корыстных побуждений, поскольку намеревается завладеть его имуществом. Однако состав разбоя как вида хищения в структуре субъективной стороны имеет корыстную цель, как следует из примечания к ст. 158 УК РФ. Иными словами, буквальное толкование дает основания полагать, что субъект в данном случае действует из корыстных побуждений и с корыстной целью, формализованной в намерении завладеть чужим имуществом. Но нельзя не отметить, что тавтология в мотивации и целеполагании не может быть признана положительной характеристикой качества нормы, а значит, – и качества уголовно-правовой охраны жизни человека.

Другой пример относится к таким составам преступлений, в которых вопросы мотивации изначально не получили никакого освещения в нормативной характеристике противоправного поведения. При факультативном статусе моти-

ва и цели преступления, тем не менее такой подход способен породить избыточное правоприменение или, напротив, необоснованное смягчение наказания. Сложившиеся доктринальные стереотипы невозможно назвать пригодными для разрешения возникающих коллизий. Так, общепринятым является суждение, в соответствии с которым преступления террористической направленности и подобные им деяния совершаются лицами, разделяющими деструктивную идеологию [3, с. 15–18]. Соглашаясь с ним, поставим вопрос о том, а исчерпан ли круг субъектов террористического акта или диверсии именно такими лицами?

С учетом тенденций судебной практики за последние три года на этот вопрос можно ответить отрицательно: лица, совершившие террористическую атаку на ТРЦ «Крокус» в Московской области, действовали по найму; многочисленные «поджигатели», признанные виновными в умышленном повреждении имущества публичных компаний (РЖД, Россетти) и зданий, находящихся на балансе Минобороны РФ, вовлекались в совершение преступлений, руководствуясь корыстными побуждениями. Законодатель не выделил ни в ст. 205, ни в ст. 281 УК РФ признаков, характеризующих мотив преступления; аналогичный недостаток имеется и в положениях уголовного закона об ответственности за действия, связанные с вербовкой и вовлечением в состав террористического, диверсионного, экстремистского сообществ. Наличие установленной цели преступлений или базовых мотивов никак не соотносится с иными устремлениями виновного, которые при этом могут доминировать при формировании у него умысла. Кроме того, открытым остается вопрос о степени опасности для общества лиц, изобличенных в совершении подобных преступлений. Критерии для ее измерения отсутствуют, поэтому ответ на него может быть только субъективным. Между тем, представление о том, опаснее «идейный» преступник или алчный, напрямую связано с определением срока наказания за совершенное преступление.

Факультативный характер мотива и цели преступления в структуре его субъективной стороны – устоявшийся в уголовно-правовой науке тезис [4, с. 5]. Наполнить достаточно лаконичную стилистику аутентического и судебного толкования конкретным содержанием, казалось бы, могли результаты криминологических исследований. Они являются весьма познавательными и не лишены практического потенциала [2, с. 5–8], но обладают и некоторыми дефектами. Главным из них можно назвать использование стереотипного лексического аппарата, не раскрывающего современные особенности мотивации преступного поведения.

При этом невозможно отрицать, что в постиндустриальном обществе сложились содержательные аспекты мотивации преступного поведения, выходящие за рамки «классических», хорошо известных правоприменителям и подробно описанных учеными. Подобно тому, как эволюционировали способы совершения преступлений, мотивы их совершения претерпели качественные изменения. Особенно это касается мотивов абстрактного характера, среди которых максимально выделяется иная личная заинтересованность. Законодатель не дал никакого наполнения этому понятию, однако использовал его в структуре

составов должностных преступлений. Это породило стереотип о том, что иная личная заинтересованность включает ложно понятые интересы службы, желание искусственно завысить показатели собственной работы, неправильное представление о целях и задачах служебной деятельности. В судебной практике в большей степени прижилось буквальное толкование, данное во взаимосвязи с альтернативным мотивом (корыстными побуждениями), – иная личная заинтересованность охватывает все побуждения, не относящиеся к обогащению или экономии затрат. Это выглядит правильным, но достаточно спорным: умышленное преступление совершается под влиянием определенных побуждений, наличие которых реализуется в конкретных действиях виновного. Но законодатель только в части составов преступлений обратил внимание на мотивацию, которую можно охарактеризовать таким образом. Это означает, что иная личная заинтересованность может быть ограничена открытым перечнем побуждений и интересов. В противном случае любое должностное злоупотребление нужно было бы признавать преступным, если оно существенно нарушило права граждан, организаций, общества или государства.

Аналогичные суждения можно высказать относительно гипертрофированной характеристики мотива ненависти или вражды, получившей отражение в нормах УК РФ во взаимосвязи с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». В действующей редакции кодекса он обладает шестеричным спектром, включая национальную, расовую, религиозную, политическую, идеологическую ненависть или вражду, либо идентичное отношение к какой-либо социальной группе. Если межэтнические и межконфессиональные конфликты являются устоявшимся элементом обстановки криминального насилия, то политический и идеологический экстремизм довольно сложен для уголовно-правовой оценки. Политические противоречия получили, как известно, криминологическое обоснование в системе детерминации преступного поведения; прецеденты пресечения политически мотивированных противоправных действий в новейшей истории России имели место быть. Однако идеологический экстремизм и его определение в системе действующего правового регулирования, в которой использован конституционный принцип деидеологизации, а преследуемой в соответствии с законом является только одна идеология – нацистская, не воспринимается в структуре мотивации. Включение в рассматриваемый перечень мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы тоже выглядит сомнительно: чтобы вменить наличие такого отношения, достаточно кратко установить принадлежность потерпевшего к потенциально стигматизируемой группе. Можно привести курьезный пример: при рассмотрении в 2022–2023 гг. одним из районных судов Санкт-Петербурга уголовного дела в отношении ряда лиц, состоящих в ячейке последователей Р. Хаббарда, в призме судебного познания оказалось обвинение по ст. 282 УК РФ, суть которого сводилась к тому, что ими поощрялась «дискриминация» других адептов этого учения, нарушивших установленные в ячейке правила поведения. Иными словами, в коллективе, объединенном по признаку общих убеждений, имела место стигматизация отдельных его членов, искусственное раз-

деление на «истинных» и «ложных», сопряженное с отлучением последних от проводимых ритуалов. Суд признал, что в этой части обвинение не нашло подтверждения, что представляется справедливым, поскольку такая характеристика возникновения экстремистской мотивации тяготеет к абсурду.

Далее нельзя не отметить, что законодатель реагирует на появление новых тенденций в общественно опасном поведении, однако эта реакция не всегда отличается полнотой. Например, в 2024 г. перечень квалифицирующих признаков убийства был дополнен такой позицией, как совершение преступления, сопряженное с публичной демонстрацией. Очевидно, что п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ – это «отклик» на приобретшие популярность стримы, трансляции и видеоэфиры, содержание которых далеко не всегда можно назвать социально приемлемым. В 2022–2023 гг. правоприменителями выявлены различные прецеденты криминального насилия, ставшие доступными неограниченному кругу зрителей. Решение законодателя представляется адекватным и общественной опасности убийства, и аморальности просмотра такого контента. Но при его формализации был упущен из виду коммерческий аспект: платные подписки приносят лицам, администрирующим сайты, стабильный доход, часть которого принадлежит создателям контента. В этой ситуации убийцей может руководить широкий спектр побуждений, в структуре которого ненависть или неприязнь к жертве занимают далеко не первое место. Жажда известности или популярности, завоевание авторитета, а также корыстные побуждения, в силу которых «убийство в прямом эфире» может относительно быстро стать способом заработка, – в любом случае обладают повышенной общественной опасностью, поэтому разумнее было бы оснастить п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ и мотивационными параметрами. Возможно, это привело бы и к снижению популярности такого контента, и к сокращению прецедентов его создания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонченко В. В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 12. С. 123–136.
2. Антонян Ю. М. Мотивация преступного поведения : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 376 с.
3. Королев И. А. Личность и мотивация террориста // Закон и право. 2019. № 3. С. 15–18.
4. Музюкин А. П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение : монография. М. : Юнити-Дана, 2023. 127 с.
5. Павлова Л. О. Дефекты судебной практики об изменении категории преступления // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1. С. 119–131.
6. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л., Горенко М. А. Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения общественной безопасности: парадоксы и аберрации // Российский следователь. 2024. № 1. С. 58–63.
7. Третьяков И. Л. Уголовная политика современной России : монография СПб. : Фонд «Университет», 2017. 414 с.

Стукалова Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовно-процессуального права

Приволжский филиал

Российского государственного университета

правосудия имени В. М. Лебедева

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

tanya.stukalova.2002@mail.ru

**Криминологический портрет лица,
занимающего высшее положение в преступной иерархии,
в современный период в России**

***Аннотация.** В статье рассматриваются социологические (возраст, образование, национальность, судимость и др.) признаки криминальных авторитетов, существующих, а также умерших, чья преступная деятельность распространяется на территорию России. Кроме того, анализируются также личностно-психологические и криминально-профессиональные черты «воров». В статье обращается внимание на то, что криминальные авторитеты склонны к совершению корыстных и корыстно-насильственных преступлений, или к организации таких преступлений. В работе рассматриваются учения итальянских криминологов по поводу «опасного состояния личности». Исследования научной литературы и действующих нормативных правовых актов позволяют «нарисовать» криминологический портрет лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.*

***Ключевые слова:** преступный мир, криминологическая характеристика, криминальный авторитет, организованная преступность, высшее положение, криминальная субкультура.*

Stukalova Tatiana Vladimirovna

candidate of legal sciences, associate professor

associate professor of the Department of Criminal Procedure Law

Volga Branch V. M. Lebedev Russian State University of Justice

Nizhny Novgorod, Russian Federation

**Criminological portrait of a person occupying the highest position
in the criminal hierarchy in the modern period in Russia**

***Annotation.** The article examines the sociological (age, education, nationality, criminal record, etc.) signs of criminal authorities, existing as well as deceased, whose criminal activities extend to the territory of Russia. In addition, the personal-psychological and criminal-professional traits of «thieves» are also analyzed. The article draws attention to the fact that criminal authorities are prone to committing mercenary and self-serving violent crimes, or to organizing such crimes. The paper examines the teachings of Italian criminologists on the “dangerous state of personality”. Studies of scientific literature and current regulatory legal acts allow us to “draw” a criminological portrait of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy.*

Keywords: *criminal world, criminological characteristics, criminal authority, organized crime, higher status, criminal subculture.*

В криминологической и уголовно-правовой доктринах существует теория «опасного состояния личности» [2]. Данная теория была введена в 1904 году известным бельгийским доктором права Адольфом Принсом.

Представитель биологической теории происхождения причин преступности Рафаэль Гарофало [1] (ученик известного итальянского криминолога Чезаре Ломброзо) считал, что самые серьезные антиобщественные деяния (преступления) должны быть сурово наказаны, чтобы защитить общество от скрытой опасности. Гарофало отмечал, что преступная тенденция каждого человека нарушает не только сам закон, но естественное для человека положение вещей. В частности, согласно такой концепции преступление представляет из себя определенный акт, нарушающий два естественных для природы человека условий: честность и благочестие (в плане сострадания). При этом под «опасным состоянием» личности Гарофало понимал перманентную (постоянную) и имманентную (внутренне присущую) склонность человека к совершению преступлений.

Врожденными причинами девиантного поведения вышеупомянутый ученый считал: особенности темперамента и черт характера (от природы, от рождения), а также наркотическая зависимость от чего-либо, включая алкоголизм (приобретенная в социуме). Гарофало выделял врожденные детерминанты преступного поведения человека (природные черты характера, психические отклонения, и пр.) и приобретенные (алкогольная или наркотическая зависимость). К приобретенным социальным причинам могут быть отнесены и социальные условия (неудовлетворительное воспитание, сложные условия в детстве, и пр.). Указанные детерминанты снижают эффективность достижения целей наказания. Уголовное наказание не исправляет людей, а только запугивает. Однако вечно в страхе жить не возможно. Это становится одной из причин повторного совершения преступления. В результате лицо становится рецидивистом.

Парижское совещание центрального бюро Международного союза криминалистов [8] 1904 года, на котором и была предложена теория «опасного состояния личности», определило четыре категории опасных лиц: 1) опасные рецидивисты; 2) нищие и бродяги; 3) психически дефективные преступники; 4) преступники-алкоголики. Исходя из анализа рассматриваемой теории, лидеров криминального мира необходимо относить к опасным рецидивистам.

По мнению С. С. Новожилова [5], введение в уголовный закон антиворовской статьи обусловлено продолжением применения теории «опасного состояния личности». Данная теория описывается, в том числе, в научном труде 1880 года Энрико Ферри и Рафаэля Гарофало «Критерии опасного состояния» (представителей антропологической школы уголовного права, учеников Чезаре Ломброзо).

Положения современной теории «опасного состояния личности» развил известный французский криминолог Жан Пинатель. Жан Пинатель в своих трудах пишет: «Эгоцентризм, лабильность, агрессивность, эффективность, без-

различия составляют центральный стержень преступной личности, а следовательно, ее криминальных способностей. Такие лица относятся к неисправимым преступникам, по сути, профессионалам в своей маргинальной сфере. Они являются постоянными «тюремными клиентами».

Таким образом, теория «опасного состояния личности» позволяет привлекать лицо к уголовной ответственности не за совершенное преступление, а за то, что лицо доказало свою устойчивую антиобщественную направленность (так называемое отрицалово). Под такие условия как раз попадают современные лидеры криминального мира.

К криминологической науке существует точка зрения о том, что лица некоторых национальностей склонны к совершению различного рода преступлений.

Например, итальянская мафия считается одной из влиятельных в мире. В связи с этим можно заключить, что итальянцы достаточно криминальная национальность. Однако Чезаре Ломброзо в одном из своих научных произведений указал на то, что преступные наклонности итальянцев складывались из смешанных браков с преступниками других национальностей. Поскольку в Италии благоприятный климат, то это привлекает преступников. Чезаре Ломброзо в своем научном труде «Преступный человек» [4] писал следующее: «Во всех областях Италии и почти в каждой провинции ее существуют такие местечки и деревни, которые пользуются репутацией родины разного рода преступников. Так, например, Лигурия, Леричи славятся своими мошенниками, а Кампофеддо и Масса – убийцами; Поццало известно своими разбойниками на больших дорогах; Луккская провинция Каппанори приобрела печальную известность своими наемными убийцами, а Пьемонт – своими полевыми ворами. В Южной Италии Сора, Мельфи, равно как Партинико и Монреале в Сицилии, уже с шестидесятых годов стали известны своими разбоями. Это преобладание того или другого вида преступления в известной местности объясняется, несомненно, расой, как история доказывает относительно некоторых из них. Так, мы знаем, что Пергола и Пистоя были некогда населены цыганами, Масса – португальскими разбойниками и Кампофеддо – корсиканскими пиратами; еще и по настоящее время здесь говорят наполовину на корсиканском, наполовину на лигурийском наречии».

Этика преступников являет собой искаженную модель деятельности представителя законопослушного населения. В криминальной среде преступное поведение считается проявлением приверженности к преступному (антиобщественному) миру, и служит способом обогащения (в виде «промысла»). Законопослушное и моральное поведение, присущее нормальному гражданину, отвергается. Следует особенно подчеркнуть, что модель поведения преступника позволяет представителю «тюремного мира» существовать независимо от общества.

В целом «высокопоставленному» преступнику (лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии) присущи следующие черты:

1. Отсутствие у лица моральных устоев, что проявляется, в том числе, в пренебрежительном отношении к людям, и высокомерии [3, с. 87].

2. Презрение к людям у лица свидетельствует о человеконенавистничестве.

3. Аморальность мышления и поведения лица реализуется в политике превосходства над другими людьми.

4. У лица, стремящегося занять лидирующее в преступном мире положение, существует страсть к верховенству над другими людьми, стремление к материальному обогащению без осуществления нормальной трудовой деятельности, жажда алчного накопления материальных ценностей за счет законопослушных представителей населения.

5. Подбор достаточно удовлетворительных кадров и осуществление грамотной внутренней и внешней политики (финансовой, информационной, организационной, и пр.) группы лиц, свидетельствует об организаторских способностях лица достаточно высокого уровня организации.

6. Признаком приобретения лицом статуса «иерарха» является обеспечение личной охраны, что подтверждает авторитет лица.

По мнению А. Е. Шалагина [9], лидером преступного сообщества необходимо считать лицо, определяющее направления криминальной деятельности, пользующееся значительным авторитетом. В целом, как подчеркивает указанный автор, такое лицо выступает как активный идеолог уголовной среды. Основные характеристики анализируемых лиц, выделяемых А. Е. Шалагиным, можно разделить, на наш взгляд, на 2 группы:

1 группа – криминально-профессиональные (отрицание правопослушного поведения, преступный профессионализм (включая знание законов и обычаев криминального мира), умение объединять и подчинять себе людей с криминальной направленностью, умение противостоять государственному и общественному контролю (особенно правоохранительным органам);

2 группа – личностно-психологические (управленческие и организаторские способности; быстрая адаптивность к новым (быстро меняющимся) условиям; коммуникабельность (общительность).

В плане построения криминологического портрета криминального лидера интересным считаем вопрос возраста лиц, занимающих лидирующие позиции в криминальном мире.

По исследованию, проведенному С. В. Кондратьюком [3, с. 97], возрастную «лестницу» высокопоставленных криминальных «авторитетов» можно представить следующим образом: 52 % – лица от 55 лет и старше, 34 % – от 45 до 54, 11 % – от 35 до 44, от 25 % до 34 лет – 3 %.

Следовательно, необходимо отметить, что чем старше преступник, тем больше шансов у него стать криминальным лидером. Это объяснимо тем, что с возрастом у лица накапливается криминальный и общий житейский опыт. Таким образом, можно констатировать, что среди криминальных лидеров преобладают лица зрелого возраста.

Если вести речь об образовании криминальных «авторитетов», следует отметить, что подавляющее большинство преступников имеют среднее образо-

вание (77 %) и среднее специальное и незаконченное высшее – 3 %. Только 1 % имеют высшее образование.

Следует отметить то, что криминальные авторитеты пытаются обрести криминальными (включая коррумпированными) связями, в том числе, в правоохранительной сфере.

Пример из следственно-судебной практики. В приговоре Верховного Суда Республики Дагестан от 21.09.2021 года по уголовному делу № 2-9/2021 (2-23/2020) [7] по обвинению Магомедова Шамиля Анасовича (криминальное прозвище «Смолян» и «Шамиль Смолянский») по ст. 210.1 УК РФ говорится о том, что оперативного сотрудника Управления МВД по Республике Дагестан ФИО4, подсудимый и ФИО24 воспринимал как **коррумпированного представителя полиции**. Сотрудничество с рассматриваемым сотрудником правоохранительного органа, по мнению указанных лиц, совпадало с их интересами по продолжению занятия высшего положения в преступной иерархии под его прикрытием. Об этом свидетельствует предложение, исходившее от подсудимого Магомедова Ш. А. и свидетеля ФИО2 подарить ФИО4 автомобиль БМВ Х5, Оперуполномоченный ФИО4 заявил: «Деньги мне нужны, в данный момент деньги мне не хватает, потому, что у меня пацан вырос...». Ответ Магомедова Ш. А. «Уже ты как коллега наш стал. Мы тебя тоже в семью примем. Своим тоже скажи, чтобы не посадили, а то будешь сидеть с нами в тюрьме, мы тебя потащим, куда хочешь» (т. 4 л. д. 43)».

В плане раскрытия криминального портрета преступного лидера, интересным остается вопрос о наличии количества судимостей (в том числе снятых и погашенных) на момент привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ. Так, у 8 человек имелось одна судимость; у 26 человек – две судимости; у 28 человек – три судимости; у 7 человек – четыре судимости. Интересно, что не имели судимости 11 человек (13,75 %) [3, с. 98]. Среди указанных судимостей лидирующее положение занимали корыстные и корыстно-насильственные преступления, а также незаконный оборот наркотических средств.

В ходе исследования был проанализирован национальный состав «воров в законе». По данным информационного агентства «Прайм-Крайм» [6] количество «воров в законе» составляет 6809 (включая умерших). Агентство занимается сбором и обобщением истории воровского мира. С 2006 года «Прайм Крайм» является зарегистрированным средством массовой информации, все материалы которого защищены авторским правом. Агентство официально объявлено экстремистским.

Национальный состав всех «воров в законе» (включая умерших и уехавших), неофициально зарегистрированных с 2006 года на территории России представляет следующее: русские – 36 %, грузины – 34 %, армяне – 4,6 %, украинцы – 3,3 %, азербайджанцы – 2,6 %.

Лидеры преступного мира, как правило, не женаты официально, или сожительствуют с женщинами (редко с мужчинами). Криминальные «авторитеты» могут часто менять социальных и сексуальных партнеров.

К личностным характеристикам высокопоставленного криминального «авторитета» относятся эгоизм в крайней степени проявления, сопровождающийся высокими амбициями относительно собственного значения в обществе.

Лидеры преступного мира создают, как правило, организованную преступную группу. Однако более авторитетным является создание преступного сообщества (преступной организации).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гарофало Р. Биография и материалы. URL: <https://ru.thpanorama.com/articles/ciencia/raffaele-garofalo-biografia-y-aportaciones.html> (дата обращения: 24.02.2025).

2. Колоколова М. В. Теория опасного состояния личности и ее влияние на уголовное законодательство и практику его применения // Вестник науки. 2021. Т. 1, № 12(45). С. 117–127. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47293653_42607095.pdf (дата обращения: 24.02.2025).

3. Кондратюк С. В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тольятти, 2022. С. 87.

4. Ломброзо Ч. Преступный человек. Мидгард, 2005. С. 27. URL: <https://asagao.nethouse.ru/static/000/000/298/767/doc/f4/74/af689ff077b64c3ec4a973d1efb24d8f83e2.pdf> (дата обращения: 24.02.2025).

5. Новожилов С. С. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы применения части 4 статьи 210 и статьи 210.1 УК Российской Федерации // Юридические исследования. 2022. № 4. С. 48–57. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37807 (дата обращения: 24.02.2025).

6. Официальный сайт информационного агентства «Прайм Крайм». URL: <https://www.primecrime.ru/characters/az/?sort=byUpdate&order=asc&page=69> (дата обращения: 24.02.2025).

7. Приговор Верховного Суда Республики Дагестан от 21.09.2021 года по уголовному делу № 2-9/2021 (2-23/2020). URL: https://vs--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4942877&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 24.02.2025).

8. Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opasnoe-sostoyanie-lichnosti-kak-kriminologicheskaya-kategoriya/viewer> (дата обращения: 24.02.2025).

9. Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4(26). С. 36–39.

Терехов Евгений Михайлович

кандидат юридических наук, доцент

Балаковский филиал

Саратовской государственной юридической академии

г. Балаково, Российская Федерация

terehov1989@yandex.ru

**Основные направления использования
правоинтерпретационной деятельности
при осуществлении толкования уголовно-правовых норм**

***Аннотация.** Статья посвящена выявлению и характеристике основных векторов правоинтерпретационной деятельности при раскрытии смысла уголовно-правовых норм. Показывается, что возможность раскрывать смысл отдельных уголовно-правовых норм не является единственным вектором использования правоинтерпретационной деятельности. В этой связи выделяются следующие траектории: единообразное понимание и применение уголовно-правовых норм на всей территории РФ; поддержание баланса правовых интересов; использование результатов толкования для совершенствования уголовного законодательства; повышение правовой культуры сотрудников правоохранительных органов.*

***Ключевые слова:** юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика.*

Terekhov Evgeniy Mikhailovich

candidate of juridical sciences, associate professor

Balakovo branch Saratov State Law Academy

Balakovo, Russian Federation

**The main directions of using law-interpret activities
in the interpretation of criminal law norms**

***Annotation.** The article is devoted to the identification and characterization of the main vectors of law-interpret activities in the disclosure of the meaning of criminal law norms. It is shown that the ability to reveal the meaning of individual criminal law norms is not the only vector of using law-interpret activities. In this regard, the following trajectories are highlighted: uniform understanding and application of criminal law norms throughout the Russian Federation; maintaining a balance of legal interests; using the results of interpretation to improve criminal legislation; improving the legal culture of law enforcement officers.*

***Keywords:** legal activities, law-interpret activities, interpretation of law, clarification, interpretative act, interpretive practice.*

С момента своего становления, правоинтерпретационная деятельность прошла довольно длительный путь своего развития: совершенствовались формы и объемы интерпретационных актов; модернизировалась методика их издания; непрерывно проводилась работа по внесению столь необходимых измене-

ний и дополнений в их тексты; формировалась их система; субъекты официального толкования получали и передавали бесценный интерпретационный опыт следующим поколениям. Неизменно было лишь одно – способность правоинтерпретационной деятельности полноценно обеспечивать смысловой поддержкой неоднозначные нормы права.

На сегодняшний день возможность официального толкования раскрывать смысл конкретных правовых норм выступает первичной задачей правоинтерпретационной деятельности, однако далеко не единственной и на это стоит обратить серьезное внимание. Не является исключением в этом смысле и уголовный закон.

С момента принятия действующего УК РФ [7] в государстве и обществе произошло много изменений: вводились новые составы преступлений; возникали сомнения относительно понимания и смысла отдельных противоправных деяний и их признаков; баланс уголовно-правовых интересов нуждался в корректировке; развивалась и менялась уголовно-правовая политика, в том числе отдельные ее тенденции и др. Все это вызывает потребность в использовании результатов правоинтерпретационной деятельности для обеспечения работоспособности механизма правового регулирования применительно к его уголовно-правовой части.

Анализ интерпретационной практики и некоторых ситуаций применения уголовного законодательства, позволяет выделить следующие основные направления использования правоинтерпретационной деятельности при осуществлении толкования уголовно-правовых норм:

1. Единообразное понимание и применение уголовно-правовых норм на всей территории РФ.

Судебная политика, осуществляемая Верховным Судом РФ, подразделяется на множество видов, самостоятельным из которых является ее интерпретационный вектор. Судебная интерпретационная политика преследует масштабную цель – создание условий, способствующих единообразному толкованию уголовно-правовых норм всеми субъектами уголовного преследования.

Еще В. И. Ленин в своей работе «О двойном подчинении законности» писал, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик» [3, с. 198]. По аналогии с этим, толкование любых уголовных норм также должно быть одинаковым, максимально исключая субъективное усмотрение. С этой целью Пленум Верховного Суда РФ ежегодно издает необходимые интерпретационные акты, направленные на выработку единого понимания и последующего применения норм уголовного закона на всей территории государства.

Заслуживает внимания тот факт, что вышеобозначенные акты толкования, охватывая весь спектр уголовно-правовой деятельности, посвящены не только материальным, но и процессуальным аспектам уголовного правосудия, т. е. высший орган судебной власти разъясняет не только, что понимается под определенной категорией либо одним из ее признаков, но и обращает внимание

на множество методических моментов, связанных с квалификацией преступления и правовыми последствиями возникающими в этой связи.

Например, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 мая 2018 года № 10 обращает внимание, что положения части 6 статьи 15 УК РФ могут быть применены судом, разрешающим вопросы, связанные с исполнением приговора, если вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, наказание осужденному в соответствии с пунктом 13 статьи 397 УПК РФ смягчено до пределов, предусмотренных частью 6 статьи 15 УК РФ. В этом случае решение об изменении категории преступления на менее тяжкую принимается судом исходя из фактических обстоятельств преступления, изложенных в приговоре [5].

2. Поддержание баланса правовых интересов.

Н. М. Коркунов обращал внимание на то, что сама сущность правовых норм «предполагает противоположение нескольких самостоятельных интересов, друг другу противопоставляемых и друг друга ограничивающих» [2, с. 40]. Продолжая данное умозаключение, А. Ф. Пьянкова указывает, что «разграничение интересов членов общества является одной из важнейших и сложнейших задач права» [6, с. 15].

Данное направление можно рассмотреть на примере наличия судимости у лица за совершение преступления.

Уголовный закон говорит о том, что лицо, которое было осуждено за совершение преступного противоправного деяния, будет считаться судимым с момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения (снятия) им судимости. Этот факт, безусловно, будет вызывать соответствующие негативные правовые последствия.

В то же время Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что если на момент совершения подсудимым преступления, в котором он обвиняется по рассматриваемому судом уголовному делу, его судимости сняты или погашены, то суд, исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ, не имеет права обращать на них внимание в вводной части приговора. В таком случае суд отмечает, что лицо является не судимым [4]. А этот факт уже выступает в поддержку лица, которое погасило судимость и которое, юридически, является не судимым, несмотря на то, что ранее совершило преступление, за которое понесло установленное законом наказание.

Обозначенный пример наглядно демонстрирует возможность и необходимость поддержания правового баланса между совершенным преступлением и правовыми последствиями для лица, его совершившего.

3. Возможность использования результатов толкования для совершенствования уголовного законодательства.

Правоинтерпретационная деятельность, по общему правилу, осуществляется после принятия соответствующих уголовных правовых норм. Многочисленные постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященные практике применения судами уголовного законодательства, выходят в свет после принятия первичных законодательных установлений.

Несмотря на это, специфика неоднозначности понимания смыслов уголовно-правовой нормы, а равно разность ее толкований может вызвать потребность во внесении изменений в действующее уголовное законодательство, основанных на результатах интерпретационной деятельности.

Ст. 238 УК РФ запрещает производство, хранение, перевозку, сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Ранее, по смыслу данной статьи, уголовной ответственности подлежали медицинские работники из-за ее неоднозначного толкования сотрудниками правоохранительных органов. Статистика показывает, что за 2022 год было возбуждено 260 уголовных дел в отношении медицинского персонала, ежегодно около 6000 врачей попадают в поле зрения следственных органов [1]. Медики были не согласны с толкованием, которое давалось правоохранителями, неоднократно обращались через профессиональное сообщество к руководителям органов государственной власти РФ, призывая скорректировать обвинительный уклон медицинской интерпретационной практики. Это привело к тому, что депутаты Государственной Думы РФ все-таки внесли поправки в текст УК РФ, посредством которых ст. 238 УК РФ теперь не будет касаться медицинских работников, исключая их из субъектов преступления.

В данном случае именно результаты интерпретационной деятельности породили внесение законодательных изменений в текст уголовного закона.

4. Повышение правовой культуры сотрудников правоохранительных органов.

Правовая культура сотрудников правоохранительных органов – важнейший компонент их работы. Она прямо влияет на конечное качество работы. Исходя из этого, чем выше уровень правовой культуры отдельно взятого должностного лица правоохранительного органа (суда, прокуратуры или др.), тем выше качество реализуемой им правовой охраны.

С целью повышения общего уровня правовой культуры указанных сотрудников периодически проводятся обучающие семинары, а также служебные совещания, на которых обсуждаются и подробно разбираются различные правовые вопросы, в том числе посвященные правоинтерпретационной деятельности. Это позволяет произвести обмен интерпретационными правовыми позициями, осуществить их детальный анализ и исключения из них ошибочных.

Правоохранитель, который знает, понимает право и действует в строгом соответствии с ним, является не только примером для службы, но и символом усиления авторитета закона в глазах общественности.

Служитель закона, который анализирует условия и обстоятельства принятия уголовно-правовой нормы, интерпретационную ситуацию, в которой функционирует такая норма, ее объем и прочие обстоятельства, так или иначе воздействующие на ее смысл, способен применять норму уголовного закона наиболее эффективно и уверенно.

Таким образом, правоинтерпретационная деятельность при толковании норм уголовного права может использоваться в разных направлениях, а именно для: единообразного понимания и применения уголовно-правовых норм на всей

территории РФ; поддержания баланса правовых интересов; использования результатов толкования для совершенствования уголовного законодательства; повышения правовой культуры сотрудников правоохранительных органов. Указанный перечень не является исчерпывающим, поскольку внимание было уделено лишь наиболее объемным и значимым векторам. Все это говорит нам о том, что правоинтерпретационная деятельность из формального средства раскрытия смысла правовых норм постепенно, но уверенно, превращается в многофункциональный инструмент, полноценно обеспечивающий работоспособность механизма правового регулирования общественных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Замахина Т. Госдума освободила врачей от ответственности по ст. 238 УК РФ // Российская газета. 2024. 17 декабря.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб. : Пресс, 2003. 353 с.
3. Ленин В. И. О двойном подчинении законности // Полное собрание сочинений В. И. Ленина. 5 изд. Т 45. М. : Изд-во полит. лит., 1970. 729 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 декабря.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 УК РФ» // Российская газет. 2018. 19 мая.
6. Пьянкова А. Ф. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах. Пермь : Пермский нац. гос. ун-т, 2014. С. 15.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 28.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 343.82

Насиров Немэт Интигам оглы

кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

naumat@mail.ru

Современные цифровые технологии в деятельности уголовно-исполнительной системы России

Аннотация. На современном этапе развития человечества цифровые технологии выступают неотъемлемой частью общества и играют ключевую роль в жизни каждой личности. Продукты научно-технического прогресса активно используются в различных сферах жизнедеятельности, включая пенитенциарную сферу. Внедрение инновационных технологий в деятельность уголовно-исполнительной системы создало дополнительные возможности по повышению уровня эффективности организации административно-

управленческой работы, оказанию на сознание и волю осужденных исправительного воздействия, оперативному выявлению и установлению социально-правовых обстоятельств.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, цифровые технологии, осужденный, искусственный интеллект, научно-технический прогресс.

Nasirov Nemet Intiqam

candidate of law, associate professor

Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Modern digital technologies in the activities of the Russian criminal-executive system

Annotation. *At the present stage of human development, digital technologies are an integral part of society and play a key role in the life of every individual. The products of scientific and technological progress are actively used in various spheres of life, including the penitentiary sector. The introduction of innovative technologies into the activities of the criminal-executive system has created additional opportunities to increase the level of efficiency of the organization of administrative and managerial work, to exert corrective influence on the consciousness and will of convicts, to promptly identify and establish socio-legal circumstances.*

Keywords: *criminal-executive system, digital technologies, the prisoner, artificial intelligence, scientific and technological progress.*

Цифровая трансформация отечественной уголовно-исполнительной системы относится к числу приоритетных направлений политики государства по ее развитию. Ее центральная идея представлена в Государственной программе Российской Федерации «Юстиция» [3] и Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. [5]. В целях модернизации уголовно-исполнительной системы в эпоху цифровизации публичная власть на постоянной основе ведет работу по оптимизации ее материально-технической базы и регламентирующих ее деятельность нормативных актов. Цифровизация уголовно-исполнительной системы предполагает проведение ряда мероприятий, в том числе:

- автоматизация рабочего процесса;
- создание и развитие систем сбора и обработки данных;
- межведомственное электронное взаимодействие;
- применение технологий искусственного интеллекта;
- обеспечение связей осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с родственниками, должностными лицами органов власти и представителями ОНК, а также их онлайн-участие в судебных заседаниях с использованием системы видеоконференции;
- дистанционный контроль за поведением освобожденных от отбывания наказания лиц и лиц, в отношении которых применены уголовно-процессуальные меры пресечения;
- применение электронной очереди для посещения адвокатами лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы и т. д.

На сегодняшний день активное применение продуктов научно-технического прогресса наблюдается в процессе исполнения уголовных наказаний. Они используются при осуществлении контроля за поведением лиц, отбывающих уголовные наказания в виде ограничения свободы, принудительных работ и лишения свободы, а также при реализации основных средств исправления осужденных. В частности, контроль за поведением указанной категории субъектов уголовно-исполнительных правоотношений может осуществляться с использованием аудиовизуальных, электронных и иных технических средств. Возможность их применения предусмотрена ст. 60, 60.19, 83 УИК РФ, а условия и порядок использования регламентированы положениями Постановления Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198 [2], Распоряжения Правительства РФ от 31 декабря 2016 г. № 2932-р [4] и Приказа Минюста России от 19 сентября 2017 г. № 170 [6]. Применение технических средств контроля и надзора нацелено на получение оперативной информации о поведении осужденных и удержание их от совершения противоправных деяний.

Образование как приоритетное направление государственной политики занимает ключевое место в пенитенциарной практике. Такие его формы, как получение общего образования и профессиональное обучение, законодателем отнесены к основным средствам исправления осужденных. Отношение осужденных к получению образования и профессиональному обучению поощряется и учитывается при определении степени их исправления. УИК РФ наделяет не достигших тридцатилетнего возраста осужденных к лишению свободы обязанностью получить общее образование (ст. 112 УИК РФ). Для лиц, осужденных к лишению свободы и не имеющих профессии, по которой они могут работать в период отбывания наказания или после освобождения от отбывания наказания, в учреждениях уголовно-исполнительной системы организуется обязательное профессиональное обучение или среднее профессиональное образование (ст. 108 УИК РФ).

Осужденным к лишению свободы гарантировано право на получение высшего образования, а на администрацию исправительного учреждения возложена обязанность по оказанию им содействия в его получении (ч. 4 ст. 108 УИК РФ). Механизм реализации права на получение высшего образования в период отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы имеет свои особенности. Согласно ч. 9 ст. 80 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1], обучение осужденных в образовательных организациях высшего образования допускается только в заочной форме. В целях содействия осужденным к лишению свободы в получении высшего образования ФСИН России заключает соглашения с образовательными организациями, реализующими программы высшего образования, в том числе с применением дистанционных образовательных технологий. Практика показывает, что внедрение в учебный процесс дистанционных образовательных систем способствовало получению многими осужденными высшего образования.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы выступает составной частью ее развития и публичная власть уделяет этому аспекту особое внимание. Реализованные и планируемые мероприятия в данной сфере способны создать дополнительные возможности по повышению уровня эффективности организации административно-управленческой работы, оказанию на сознание и волю осужденных исправительного воздействия, оперативному выявлению и установлению социально-правовых обстоятельств и т. д. Иными словами, цифровизация уголовно-исполнительной системы способствует успешному решению ее сотрудниками стоящих перед ними служебных и профессиональных задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 28 февраля 2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 03.03.2025).

2. Постановление Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» (ред. от 16.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 14. Ст. 1663

3. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 (ред. от 16 декабря 2021 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Юстиция“» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (ч. 2). Ст. 2158.

4. Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2016 г. № 2932-р «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных центров для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017 № 2 (ч. 2). Ст. 472.

5. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.

6. Приказ Минюста России от 19 сентября 2017 г. № 170 «Об утверждении Порядка применения технических средств надзора и контроля к осужденным к принудительным работам». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278703/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (дата обращения: 03.03.2025).

Корж Павел Анатольевич

старший преподаватель кафедры уголовного, государственного
права и исполнительного производства

Западно-Уральский институт экономики и права

Пермь, Российская Федерация

korzh2006@gmail.com

Особенности противодействия диверсионно-террористической активности Украины на территории Российской Федерации

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные направления диверсионно-террористической активности украинских спецслужб на территории России, оцениваются основные способы привлечения исполнителей для таких акций. Предлагаются направления по совершенствованию деятельности правоохранительных органов России с точки зрения профилактики и противодействия данным угрозам. Ставится вопрос выработки практики разграничения ст.ст.205 и 281 УК РФ.*

***Ключевые слова:** терроризм, диверсии, украинский режим, привлечение исполнителей.*

Features of countering the sabotage and terrorist activity of Ukraine on the territory of the Russian Federation

Korzh Pavel Anatolyevich

senior lecturer at the Department of Criminal, State Law
and Enforcement Proceedings

at the West Ural Institute of Economics and Law

Perm, Russian Federation

***Annotation.** The article examines the main directions of sabotage and terrorist activity of the Ukrainian special services on the territory of Russia, evaluates the main ways to attract performers for such actions. The directions for improving the activities of Russian law enforcement agencies in terms of preventing and countering these threats are proposed. The issue is raised of developing a practice for distinguishing Articles 205 and 281 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

***Keywords:** terrorism, sabotage, the Ukrainian regime, involvement of perpetrators.*

Четвертый год специальной военной операции с очевидностью демонстрирует, что мы имеем дело с фашистским режимом. Но поскольку киевский режим не субъектен, а управляется, прежде всего, европейскими структурами, мы имеем дело с очередной фашизацией Европы, что проф. О. В. Мартышин справедливо определял как буржуазный тоталитаризм [1, с. 583].

Характерной чертой фашизма является террор. Причем, террор тотальный, проявляющийся как на внутреннем, так и на внешнем контуре. Как следствие, террористическая активность в отношении нашей страны будет только возрастать. Ранее мы уже указывали характерные признаки современного терроризма,

направленного на Российскую Федерацию [2, с. 142–145]. В данной статье постараемся отметить характерные черты его развития, что позволит выработать эффективные приемы противодействия.

При этом сразу отметим, что массовые обстрелы приграничных и прифронтовых населенных пунктов, которые при возбуждении уголовных дел квалифицируются как терроризм, мы специально рассматривать не будем. На наш взгляд, это не столько терроризм, сколько проявление обычного фашизма и такие действия следует квалифицировать по гл. 34 УК РФ как военные преступления. В данном материале мы рассмотрим динамику развития террористических актов на внутренних территориях России.

На начальной фазе СВО в качестве исполнителей терактов зачастую привлекалась ранее подготовленная агентура. Прежде всего, это касалось оставшихся активистов ФБК (*09.06.2021 г. признан экстремистской организацией*) и прочих организаций внесистемной оппозиции. Достаточно быстро этот ресурс истощился – кто-то уехал, кто-то сел, кто-то поумнел. Возникла необходимость массовой вербовки исполнителей. Так возникли два основных канала.

Первый канал – это вербовка граждан России. Здесь можно отметить три направления.

Во-первых, это подход на корыстной основе к морально неустойчивым слоям населения. Прежде всего, к учащейся молодежи. Как правило, вербовочный подход осуществляется через популярные мессенджеры с предложением денежного вознаграждения за конкретный диверсионный акт. Наиболее часто речь идет о диверсиях на слабо охраняемых участках железнодорожного полотна и иной транспортной инфраструктуре при помощи легко изготавливаемых или приобретаемых горючих жидкостей. Выход на объект вербовки может осуществляться через онлайн-игры, путем контент-анализа комментариев в соцсетях или целенаправленно через активность в соцсетях и мессенджерах. Все это требует очень объемной работы в интернет-трафике и серьезных ресурсов, что очевидно подтверждает вовлеченность в эту деятельность технических разведок зарубежных стран. Прежде всего, США и Великобритании, как обладающих наибольшими ресурсами в этом сегменте разведки. Далее информация о лицах передается оперативным работникам украинских спецслужб, которые и осуществляют вербовочный подход. Данный вариант не требует серьезных затрат, поскольку осуществляется исполнителем самостоятельно. Причем, в большинстве случаев, за лишь обещанное вознаграждение. А поскольку такая агентура предназначена для однократного использования, то, как правило, окончательная оплата не производится. Конечно, такой вариант не позволяет совершить серьезную по масштабам и резонансу диверсию, но позволяет достичь определенной массовости. Что, вкупе с малозатратностью может быть достаточно эффективным.

Во-вторых, это продолжение успешного акта телефонного мошенничества. Подавляющий объем телефонного мошенничества сейчас осуществляется с территории Украины. При успешности мошеннического звонка, потерпевшему, учитывая его психологическое состояние, предлагают совершить теракт для

возврата части похищенных средств. Иногда, такое предложение производится от имени российских спецслужб, якобы для выявления и задержания мошенников. Как правило, речь также идет о диверсиях на объектах транспортной инфраструктуры или о терактах в местах массового пребывания людей или в учреждениях Министерства обороны (часто таким объектом становятся военные комиссариаты). Как правило, такие акты также проводятся с использованием легко воспламеняющихся жидкостей и различных горючих смесей.

В-третьих, это вербовка на долговременной основе с целью регулярного осуществления разведывательно-диверсионной работы. Объектами таких вербовок обычно становятся бывшие граждане Украины, проживающие на территории Российской Федерации (беженцы, оптанты и т. д.). Вербовка, как правило, осуществляется также посредством мессенджеров, также как и постановка задач. Учитывая, что имена и фамилии многих таких лиц известны, их поиск для разведки Украины не представляет особых сложностей. Такие лица используются уже долговременно, для разведки в оперативно-тактическом тылу наших войск, наведения боеприпасов, организации более серьезных диверсий с использованием взрывных устройств. Для них организуются тайники и схроны с оружием и минно-взрывными средствами. Также взрывчатые вещества могут направляться посылками и на транзитном транспорте.

Также для целей пассивной разведки на транспортной инфраструктуре могут вербоваться граждане России, преимущественно пенсионного возраста, проживающие вблизи железнодорожных узлов и транспортных развязок. При чем вербовка может производиться под «чужим флагом», например под видом российских спецслужб.

Второй канал – это вербовка для проведения диверсионно-террористических мероприятий граждан других государств. Прежде всего, выходцев из Средней Азии и Закавказья. Причем это могут быть лица, получившие боевой опыт в локальных войнах на Ближнем Востоке. Учитывая, что американская и английская разведки активно участвовали в организации и подготовке бандитско-террористических формирований Ближнего Востока, передача некоторых лиц украинским спецслужбам не представляет никакой сложности. Также необходимо отметить, что британская разведка традиционно имеет сильные позиции в Средней Азии. Эти лица могут уже находиться на территории Российской Федерации либо перебрасываться под соответствующей легендой вместе с мигрантскими потоками. Вербовка происходит на корыстной основе. Такие лица используются для проведения наиболее серьезных и резонансных терактов. Можно вспомнить Крокус-сити холл и убийство генерала Кириллова.

Можно отметить, что деятельность украинских спецслужб напоминает деятельность гитлеровской военной разведки в годы Великой Отечественной войны. На первом этапе разведывательно-диверсионная работа против нашей страны проводилась за счет переброшенных диверсантов и заранее завербованных граждан СССР. Но расширение масштабов войны потребовало в разы большее количество исполнителей, даже в ущерб качеству их подготовки. Что и было организовано за счет привлечения лиц на оккупированной территории,

завербованных военнопленных и прочих предателей. Серьезные операции часто проводились с участием белоэмигрантов, не только осевших в Европе после 1917 г., но и, зачастую, организованных в разведывательно-террористические организации (например, Российский общевоинский союз (РОВС)). Для проведения карательных операций на оккупированной территории привлекались националистические организации из Прибалтики и Западной Украины.

Такая ситуация с развитием сети разведывательно-диверсионно-террористической активности требует предельного напряжения и усиления эффективности всей правоохранительной системы.

Во-первых, требуется усиление контрразведывательной работы по разным группам населения: мигрантам из Средней Азии (с точки зрения их связей с теми или иными террористическими группировками), беженцами и аптантами (с точки зрения их возможной связи со спецслужбами противника), морально неустойчивыми и откровенно враждебно настроенными гражданами нашей страны.

Во-вторых, это усиление оперативной работы с выявленной агентурой противника. Вспомним, если на первых этапах Великой Отечественной войны эффективность работы контрразведки оценивалась количеством обезвреженной агентуры, то на последующих этапах этот показатель заменялся на количество перевербованной агентуры с точки зрения ведения оперативных игр с противником. Полагаем, что этому еще уделяется недостаточно внимания. Перевербовка и оперативные игры с агентурой позволяют дезинформировать противника, выявлять неизвестную агентуру, получать с той стороны деньги, оружие, минно-взрывные средства, отслеживать каналы их поступления в страну и т. д. Все это позволяет более эффективно профилактировать враждебную деятельность, чем выявление и задержание одиночных исполнителей.

В-третьих, это усиление работы по каналам связи. Это, прежде всего, анализ интернет-трафика с целью выявления аккаунтов и вербовочных подходов противника. К сожалению, мы еще не в достаточной степени можем это контролировать, тем более, что далеко не все службы мессенджеров имеют представительства в нашей стране и готовы быстро и в широком объеме раскрывать переписку. В этом направлении требуется широкая техническая и организационная работа. В том числе, возможно, и по блокировке некоторых интернет-сервисов, если они откровенно не желают сотрудничать с нашими спецслужбами.

В-четвертых, это дальнейшая работа особенно в приграничной и прифронтовой зонах по выявлению схронов с оружием, боеприпасами и минно-взрывными средствами. А также усиление взаимодействия таможенных, пограничных органов и «Почты России» и различных маркетплейсов по выявлению каналов поступления, прежде всего, взрывчатых веществ, их пресечению или взятию под оперативный контроль.

С точки зрения уголовно-правовой науки требуется проработка разграничений ст.205 «Террористический акт» и ст.281 «Диверсия» УК РФ. Можно отметить, что судебная практика двух последних лет является весьма неоднородной. А эти преступления различаются объектом, объективной стороной (прежде

всего, с точки зрения угрозы жизни и здоровью людей) и субъективной стороной (прежде всего, по мотиву и цели). В этом направлении, прежде всего Верховным Судом России важно провести работу по обеспечению однообразия судебной практики. Также возможно рассмотреть вопрос применения по совокупности ст.275 «Государственная измена» УК РФ.

Надо понимать, что требуется обновление подходов к профилактике и борьбе с разведывательной и диверсионно-террористической активностью противника исходя из ее значительного усиления и использования для этих целей материальных, логистических, оперативных ресурсов не только Украины, но и поддерживающих ее государств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История политических и правовых учений / под общ. ред. проф. О. В. Мартышина. М. : Инфра-М – Норма, 2002. 912 с.
2. Корж П. А. Особенности проявления терроризма на современном этапе // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сб. тр. III Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Кострома, 25–26 апреля 2024 г.). Кострома : Костром. гос. ун-т, 2024. С. 142–145.

УДК 343.34

Цыплакова Алёна Дмитриевна

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru

Перспектива применения статьи 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

***Аннотация.** В настоящем исследовании кратко освещены правовые проблемы, которые могут возникнуть при привлечении к уголовной ответственности согласно ст. 272.1 УК РФ ввиду пробелов: неохваченность всех действий (операций), составляющих обработку персональных данных, отсутствие легального определения семейных и личных нужд, неоднозначность к уже имевшим место сливам и утечкам персональных данных, которые могут быть составной частью информационных ресурсов, а также их соотношение с существующим OSINT-инструментарием. При безусловной актуальности требуется выработка единой позиции по обозначенным вопросам.*

***Ключевые слова:** OSINT, личные нужды, семейные нужды, утечки персональных данных, незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, создание информационных ресурсов.*

Tsyplakova Alyona Dmitrievna

PhD candidate, Lecturer of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology, MGIMO University
Moscow, Russian Federation

Perspective of applying Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

***Annotation.** The research briefly outlines the legal challenges that one may face when bringing to criminal liability under Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author has determined the following gaps: the lack of coverage of all actions (operations) constituting the processing of personal data, the absence of a legal definition of family and personal needs, the ambiguity to the already existing leaks that may be part of information resources, as well as their correlation with the existing OSINT toolkit. Given their undoubted relevance, one requires a unified position on these issues.*

***Keywords:** OSINT, personal needs, family needs, personal data leaks, Illegal use and/or transfer, collection and/or storage of computer information, development of information resources.*

30 ноября 2024 года Федеральным законом № 421 была введена уголовная ответственность за незаконные действия, образующие обработку персональных данных, полученных незаконным путем, а равно создание и/или обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для указанных целей (ст. 272.1 УК РФ) [1]. Как указывается в пояснительной записке к соответствующему законопроекту [2], одной из причин разработки подобной нормы являются массовые утечки данных и, как следствие, хранение и продажа соответствующих записей в теневом сегменте сети Интернет. Достоверно и точно оценить реальные ущерб и объем сведений не представляется возможным, однако примерная статистика, которая с каждым годом растет и исчисляется в миллиардах строк, требовала оперативной реакции со стороны законодателей в части криминализации и пенализации.

Вместе с тем отметим ряд неопределенностей, которые могут затруднять правоприменение и квалификацию рассматриваемого состава преступления.

Во-первых, не все операции, которые составляют обработку персональных данных, предусмотренных п. 3 абз. 1 ст. 1 Федерального закона № 152-ФЗ от 27.07.2006 «О персональных данных» [3], включены в диспозицию уголовно-правовой нормы ст. 272.1 УК РФ: запись, систематизация, накопление, уточнение (обновление, изменение), извлечение, обезличивание, блокирование, удаление и уничтожение. В то время как последние четыре перечисленных действия предположительно не могут нести вреда, то подобного нельзя сказать в отношении записи, систематизации, накопления, хранения, обновления, изменения и извлечения компьютерной информации, содержащей персональные данные, неправомерным способом. При этом ряд из этих действий как раз могут совер-

шаться при формировании информационных ресурсов¹, заведомо предназначенных для незаконных действий (ч. 6 ст. 272.1 УК РФ). Каким же тогда образом расценивать запись, систематизацию и накопление персональных данных, полученных незаконным путем? Если рассматривать с точки зрения объективной стороны, можно предположить, что это подготовительные действия для создания и последующего функционирования информационного ресурса, аккумулирующего персональные данные, полученные незаконным путем. Следовательно, можно предположить, что они образуют покушение на преступление. Тем не менее если буквально следовать букве закона, то подобные операции не попадают под действие уголовно-правовой нормы. В данной части, очевидно, требуются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Во-вторых, может ставиться под сомнение этичность и правомерность интернет-ресурсов, которые аккумулируют сведения из открытых (и, возможно, не только открытых) источников, и, как следствие, их использование. Содержание подобных ресурсов может охватывать утечки и сливы данных, которые открыто размещаются в сети Интернет. Но можно ли считать последние общедоступными в таком случае и использовать для создания и функционирования именно законных OSINT-ресурсов? Закономерен и вопрос про пользование ими.

На сегодняшний день существует множество чат-ботов мессенджера Telegram, различные приложения и сервисы, которые собирали и систематизировали огромный массив данных. Не исключено, что туда могли попадать и так называемые сливы и утечки данных. В конечном счете, они представляли сведения о том, как указано лицо (пользователь) абонентского номера в телефонной книге, а также о возможных личных страницах в социальных сетях и мессенджерах по типу Telegram (ID, группы, дата регистрации, изменения профиля), WhatsApp, Viber, «ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram², адреса проживания, транспортных средствах (марке, номере, полисе, VIN, кузове, годе производства, цвете, мощности, типе двигателя, приводе, СТС и его дате), дате рождения пользователя, IP-адресах с указанием прокси, города, региона, страны, интернет-провайдера, координат и возможных пользователей, регистрациях в мобильных банках, размещенных объявлениях, электронных почтовых ящиках (логинах, доменах, именах), абонентских номерах с отражением оператора, региона и страны. При этом на интернет-страницах отдельных подобных информационных ресурсов в качестве источников указываются в том числе сервисы государственных органов, а также организаторы распространения информации в сети Интернет, операторы сотовой связи и иные, в частности «ВКонтакте», Facebook³, Instagram⁴, Twitter¹, «Одноклассники», ICQ, Telegram, Mail.ru, Skype,

¹ Информационные ресурсы включают в себя сайт в сети Интернет и/или страница сайта в сети Интернет, информационная система, программа для электронных вычислительных машин (ЭВМ).

² По решению Тверского суда г. Москвы от 21.03.2022 компания Meta, которой принадлежат социальные сети Instagram и Facebook, признана экстремистской.

³ См. выше.

⁴ См. выше.

WhatsApp, Viber, «Авито», «Юла», «Из рук в руки», Avto.ru, «Циан», «Яндекс», Google, Rusprofile, GetContact, Foursquare, GitHub, Drive2.ru и «Автокод».

Создание и/или обеспечение функционирования аккумулирующих персональные данные чат-ботов мессенджера Telegram, различных приложений и сервисов аналитики будут образовывать состав только при условии доказанности заведомого их предназначения для целей, указанных в диспозиции, – незаконных хранения, передачи компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем. Заведомость как признак субъективной стороны преступления в данном случае решающий.

В-третьих, согласно прим. 1 к ст. 272.1 УК РФ лицо не подлежит уголовной ответственности в случае обработки информации для личных и семейных нужд. Ни в пояснительной записке, ни в отзывах Правительства РФ, Верховного Суда РФ, ни в заключениях профильных комитетов не было обращено внимания на отсутствие определения личных и семейных нужд. Чем же руководствоваться при толковании нормы и квалификации преступления? С учетом того, что релевантное Постановление Пленума Верховного Суда № 37 [4] было принято еще 15.12.2022, посему оно не может содержать подобных разъяснений.

Применение уголовного закона по аналогии не допускается, исходя из общих принципов (ст. 3 УК РФ), однако оно опирается на терминологию других отраслей законодательства. Действие упомянутого ФЗ № 152-ФЗ от 27.07.2006 [3] не распространяется на случаи обработки персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд, если при этом не нарушаются права субъектов персональных данных. Несмотря на корреспондирование норм, нет определения личных и семейных нужд. При изучении действующего отечественного регулирования не выявлено легальных дефиниций указанных понятий. Вместе с тем отметим следующие особенности: личные и бытовые нужды используются как взаимозаменяемые (например, Приказ Министерства транспорта Российской Федерации № 256 от 29.07.2024, вступающие в силу с 01.03.2025 [5]), так и разграничиваются (см. Методические рекомендации 2.1.0247-21, утвержденные Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 17.05.2021 [6]). В гражданско-правовом регулировании нет точного такого же понятийного аппарата: в Гражданском кодексе РФ [7] применяются термины «личные цели» и «бытовые или другие личные потребности»; в Семейном кодексе РФ [8] – «нужды семьи». Исходя из преамбулы Закона РФ № 2300-1 от 07.02.1992 «О защите прав потребителей» [9], личные, семейные и домашние нужды включаются в понятие иных, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Наконец, обратимся к Постановлению Правительства РФ № 747 от 31.07.2014 [10]. В нем установлен перечень рассматриваемых нужд: образовательные и научные потребности, а также связанные с созданием результатов творческой деятельности, с приобретением товаров, работ, услуг, поиском работников, размещением информации о вакансиях, с ведением домашнего хозяй-

¹ Доступ к социальной сети, ныне именуемой «Х», ограничен 04.03.2022 по решению Роскомнадзора.

ства, садоводства, разведением животных и уходом за ними, с получением информации о технических характеристиках и потребительских свойствах товаров, качестве услуг, результатах работ, с организацией досуга и/или воспитанием детей. Однако он относится к случаям, когда лицо не обязано выполнять требования, установленные для организатора распространения информации в сети Интернет – лица, осуществляющего деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и/или программ для ЭВМ, которые предназначены и/или используются для приема, передачи, доставки и/или обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет. К таковым обычно относятся СМИ, мессенджеры (Telegram, WhatsApp, Viber), социальные сети по типу «ВКонтакте», интернет-порталы (например, Habr), исходя из данных реестра Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Возникает закономерный вопрос относительно пользователей подобных ресурсов, которые потенциально могут быть признаны субъектами преступления. Фактически определения семейных и личных нужд в отношении них отсутствует и остается на усмотрение правоприменителя.

При этом нет указания на некую необходимость или нужду (выражаясь формулировками прим. 1. к ст. 272.1 УК РФ), которая бы характеризовала правоохранительную деятельность или цели уголовного судопроизводства. Может ли компьютерная информация, содержащаяся в различных информационных ресурсах, имеющих неоднозначный статус, считаться ориентирующей и (исходя из терминологии частной криминалистической теории) криминалистически значимой информацией? Можно ли использовать информационные ресурсы, DeepNet, DarkNet для целей осуществления уголовного преследования? Где грань между допустимым OSINT-инструментарием и незаконными методами расследования преступлений? Применима ли в данном случае англо-американская доктрина плодов отравленного дерева (англ. fruit of the poisonous tree) со ссылкой на ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса РФ, если впоследствии производится оценка и проверка подобной информации следственным путем в порядке, предусмотренном законом? В юридической литературе среди представителей различных правовых школ активным образом ведутся дебаты о возможностях и пределах OSINT-разведки, в том числе в отношении утечек данных российских сервисов [11; 12; 13; 14; 15]. С учетом нововведенного состава (ст. 272.1 УК РФ) и поправок, которые вносятся в ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Федеральным законом РФ № 420-ФЗ от 30 ноября 2024 г. и вступят в силу 30 мая 2025 г. [16], отметим обострение дискуссии в этой части.

Таким образом, при правоприменении и квалификации преступлений, предусмотренных ст. 272.1 УК РФ, могут возникать обозначенные сложности, решения для которых будут формироваться при выработке практики привлечения к ответственности и правовых позиций сторон исходя из конкретных обстоятельств дела. Возможно, потребуются принятие поправок к существующему Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15.12.2022 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступле-

ниях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Законопроект № 502113-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Часть I. Ст. 3451.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/31913/> (дата обращения: 15.04.2025).
5. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 29 июля 2024 г. № 256 «Об утверждении Правил оказания услуг по перевозке пассажиров, багажа, грузов для личных (бытовых) нужд на внутреннем водном транспорте». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411270016> (дата обращения: 15.04.2025).
6. Методические рекомендации МР 2.1.0247-21 «Методические рекомендации по обеспечению санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации помещений, зданий, сооружений, оборудования и транспорта, а также условиям деятельности хозяйствующих субъектов, осуществляющих продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг» (утв. Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека 17 мая 2021 г.) // Бюллетень нормативных и методических документов госсанэпиднадзора. 2021. № 3.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.04.2025).
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
9. Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (в ред. от 8 августа 2024 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 15.04.2025).
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 747 «О перечне личных, семейных и домашних нужд, удовлетворение которых не влечет исполнения обязанностей, предусмотренных частями 2–4 статьи 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 32. Ст. 4520.
11. Информационные технологии в уголовно-правовой сфере : монография / под ред. А. И. Бастрыкина и А. Н. Савенкова. М. : Юнити Дана, 2023. 279 с.

12. Фаниев П. А. Тихая разведка OSINT как способ получения криминалистически значимой информации // Научный портал МВД России. 2023. № 2(62). С. 82–87.
13. Васюков В. Ф., Афанасьев А. Ю. К вопросу о получении оперативно значимой информации из открытых источников информации сети Интернет // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1(65). С. 79–86.
14. Титов А. А., Васюков В. Ф. Процессуальные и тактические проблемы изъятия электронных носителей и копирования информации при расследовании преступлений с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2023. № 2. С. 23–27.
15. Шавловский А. Б. Технология OSINT в расследовании преступлений, сопряженных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность с использованием информационно-коммуникационных сетей // Организация работы по предупреждению деструктивной идеологии в подростковой среде : материалы науч.-практ. конф., Москва, 20 декабря 2024 г. М. : Московская академия следственного комитета, 2025. С. 99–103.
16. Бессонов А. А. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1(35). С. 94–100.

УДК 343.9

Гусева Дарья Алексеевна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
dashaguseva969@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Проблемы привлечения к труду осужденных к лишению свободы, водворенных в штрафной изолятор, помещение камерного типа

***Аннотация.** В статье авторами приведен анализ проблемы, связанной отсутствием возможности привлечения осужденных к лишению свободы, водворенных в штрафной изолятор, помещение камерного типа к общественно-полезному труду, в связи с отсутствием в большинстве исправительных учреждений предоставления таким осужденным изолированных рабочих участков. Авторами были проанализированы положения Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Приказа Минюста России от 04 июля*

2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» касающиеся вопроса о привлечении к труду осужденных к лишению свободы, порядка такого привлечения, а также отдельных положений, касающихся привлечения осужденных к лишению свободы, водворенных в штрафной изолятор, помещение камерного типа к труду. На основании проведенного исследования авторы предлагают дополнить ст. 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации частью 3.1.

Ключевые слова: общественно-полезный труд, привлечение к труду осужденных, осужденный к лишению свободы, штрафной изолятор, помещение камерного типа, рабочие камеры, исправительное учреждение.

Guseva Darya Alekseevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich
candidate of law, associate professor
head of the Department of Criminal law Disciplines
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of attracting to work those sentenced to imprisonment, placed in a penal isolation unit, a cell-type room

Annotation. *In the article, the authors present an analysis of the problem related to the lack of the possibility of involving prisoners sentenced to imprisonment, placed in a penal isolation cell, in a cell-type facility for socially useful work, due to the lack of isolated work sites for such convicts in most correctional institutions. The authors analyzed the provisions of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, Order №. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 07/04/2022 “On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the penal correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional centers of the penal correction system” concerning the issue of employing persons sentenced to imprisonment, the procedure for such attraction, as well as certain provisions concerning the attraction of convicted persons to imprisonment, placed in a penal isolation cell, a cell-type room for work. Based on the conducted research, the authors propose to supplement Article 118 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation with part 3.1.*

Keywords: *socially useful work, recruitment of convicts, sentenced to imprisonment, penal isolation unit, cell-type premises, work cells, correctional institution.*

Как следует из нормативных предписаний, одной из главных задач уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является исправление осужденных к лишению свободы, а также предупреждение совершения ими правонарушений и новых преступлений.

Представляется правильным высказывание Е. В. Емельяновой о том, что привлечение осужденных к лишению свободы к общественно-полезному труду является одной из мер реализации уголовно-исполнительной политики современного государства. В связи с этим, по ее справедливому мнению, создание

производственных структур на территориях исправительных учреждений является не принуждением осужденного к труду, а наоборот, выступает одним из способов его социализации, посредством включения в социально значимые отношения [1].

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), одним из средств исправления осужденных к лишению свободы является общественно-полезный труд [2].

По результатам проведенного нами исследования, мы согласны с мнением Г. А. Стеничкина, полагающего, что труд осужденных к лишению свободы был и остается одним из главных факторов их исправления [3].

Как следует из положений подраздела 2 Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р в современных условиях социально-экономического развития Российской Федерации одним из вызовов перед уголовно-исполнительной системой стоит: совершенствование производственной деятельности для обеспечения необходимого уровня занятости осужденных и возможности обращения взыскания по исполнительным документам на заработную плату осужденных [4].

Так, согласно положениям подраздела 3 Концепции, одними из ее целей являются: исправление осужденных, предполагающее обеспечение исполнения наказания в условиях, не унижающих человеческого достоинства, соответствующих законодательству Российской Федерации и международным стандартам, совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития [4].

По нашему мнению, привлечение осужденных к лишению свободы к общественно-полезному труду является одним из действенных механизмов их исправления, а после освобождения нормальной ресоциализации, поскольку в процессе трудовой деятельности у них вырабатываются определенные навыки и умения в определенном виде профессий, которые можно будет применить после освобождения, а также, полагаем, что это способствует укреплению сознательности и дисциплины, формированию уважительного отношения к людям труда и к труду в целом.

Осужденные к лишению свободы привлекаются к общественно-полезному труду исходя из предписаний, предусмотренных правовыми нормами главы 14 УИК РФ, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», и нормами [5].

В соответствии с положениями Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Уголовно-исполнительного кодекса РФ «Привлечение к труду осуществляется с учетом пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест Администрацией исправительного учреждения».

Согласно ч. 1 ст. 104 УИК РФ «продолжительность рабочего времени осужденных к лишению свободы, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. Время начала и окончания работы (смены) определяется графиками сменности, устанавливаемыми администрацией исправительного учреждения по согласованию с администрацией предприятия, на котором работают осужденные».

Труд осужденных к лишению свободы оплачивается. В соответствии с ч. 2 ст. 105 УИК РФ «размер оплаты труда осужденных, отработавших полностью определенную на месяц норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму, не может быть ниже установленного минимального размера оплаты труда».

Также осужденным в исправительных учреждениях предоставляется ежегодный оплачиваемый отпуск на основании пунктов 434–440 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, частей 4 и 5 ст. 104 УИК РФ.

В соответствии с пунктом 429 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и ч. 6 ст. 103 УИК РФ отказ от работы или прекращение работы является злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания.

Осужденные, водворенные в штрафной изолятор или помещение камерного типа, единое помещение камерного типа, также привлекаются к общественно-полезному труду на основании пункта 424 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и ч. 3 ст. 118 УИК РФ. Согласно данному положению, осужденные, водворенные в штрафной изолятор, помещение камерного типа и единое помещение камерного типа, трудятся отдельно от других осужденных к лишению свободы.

Проведенные нами исследования обусловили вывод о целесообразности, на законодательном уровне, решения вопроса о возможности привлечения осужденных к лишению свободы, водворенных в штрафной изолятор, к общественно-полезному труду.

Поскольку в связи с тем, что в большинстве исправительных учреждений отсутствуют изолированные участки рабочих мест, возникает проблема привлечения осужденных к лишению свободы, водворенных в штрафной изолятор к общественно-полезному труду, т. е. в данном случае осужденные не вовлекаются в трудовой процесс, не выводятся на работу, а как следствие, по нашему мнению, одна из целей исправления осужденных, посредством привлечения их к труду достигается не в полной мере. Также, поскольку осужденный к лишению свободы, водворенный в штрафной изолятор не привлекается к труду, а следовательно, не получает заработную плату, то в данном случае его содержание полностью обеспечивает государство, кроме этого, считаем важным отметить и то, что данная категория лиц, вследствие такого положения, не может возмещать все исковые требования взыскателей, как это предписано положениями статей 99 107 УИК РФ.

Такой наш вывод обуславливает целесообразность внесения изменения в статью 118 УИК РФ и дополнить ее частью 3.1, которая регламентировала бы положение о возможности привлечения осужденных к лишению свободы, водворенных в штрафной изолятор, к общественно-полезному труду, и вывода такого осужденного к рабочему месту на время рабочего дня вместе с другими осужденными.

В связи с этим предлагаем изложить часть 3.1 статьи 118 УИК в следующей редакции:

«3.1. В случае, если в исправительных учреждениях отсутствуют изолированные участки для привлечения к общественно-полезному труду осужденных, водворенных в штрафной изолятор, предусмотреть возможность его привлечения к труду совместно с другими осужденными на время рабочего дня».

Полагаем, что внесение данной нормы в текст статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в целом может положительно сказаться на исправлении осужденных к лишению свободы, в частности, его дисциплинированности, укреплению сознательности, формированию уважительного отношения к людям труда и к труду в целом, а также на обеспечении денежным содержанием осужденного, к лишению свободы, водворенного в штрафной изолятор, что значительно сократит расходы на его содержание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Емельянова Е. В. Влияние реформирования уголовно-исполнительной системы на организацию труда осужденных // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1(18). С. 7–12.

2. Уголовно исполнительный кодекс Российской Федерации : текст с изм. и доп., вступившими в силу с 25 октября 2024 года : принят Государственной Думой 18 декабря 1996 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 года // Офиц. интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.04. 2025).

3. Стеничкин Г. А. Труд осужденных в местах лишения свободы как одно из основных средств их исправления // Юриспруденция. 2010. № 4(20). С. 65–72.

4. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Офиц. интернет-портал правовой информации. Информационно- правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.04. 2025).

5. Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» : зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 № 69157 // Офиц. интернет-портал правовой информации. Информационно-

правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.04. 2025).

УДК 343.5:343.85

Сунгатуллин Айдар Наилевич
адъюнкт, Казанский юридический
институт МВД России
г. Казань, Российская Федерация
ansngtx@mail.ru

Киберпатрулирование как инструмент противодействия вовлечению несовершеннолетних лиц в совершение преступлений и антиобщественных действий

***Аннотация.** В данной работе рассматривается деятельность киберпатрулей, приобретающая большую актуальность во всем мире. В условиях цифровой трансформации общества мониторинг сети Интернет в целях поиска противоправного контента становится одной из важнейших задач правоохранительной деятельности. Особое значение такая деятельность приобретает в отношении информации, направленной на вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений и антиобщественных действий. В настоящее время в России киберпатрулированию уделяется недостаточно внимания, в связи с чем приводятся возможные направления совершенствования рассматриваемой деятельности.*

***Ключевые слова:** антиобщественные действия, вовлечение, Интернет, киберпатрулирование, несовершеннолетний, преступление.*

Sungatullin Aidar Nailevich
postgraduate, Kazan Law Institute
The Ministry of Internal Affairs of Russia
Kazan, Russian Federation

Cyber patrolling as a tool to counter the involvement of minors in committing crimes and antisocial actions

***Annotation.** This paper examines the activities of cyber patrols, which are becoming increasingly important worldwide. In the context of the digital transformation of society, monitoring the Internet to search for illegal content is becoming one of the most important tasks of law enforcement. Such activities are of particular importance in relation to information aimed at involvement of minors in committing crimes and antisocial actions. Currently, insufficient attention is paid to cyber patrolling in Russia, in connection with which possible areas for improving the activity in question are given.*

***Keywords:** antisocial actions, involvement, Internet, cyber patrolling, minor, crime.*

Развитие цифровых технологий не только открывает новые возможности для образования и коммуникации, но в то же время создает риски вовлечения несовершеннолетних лиц в совершение преступлений и антиобщественных действий. Обусловлено это тем, что в настоящее время цифровая среда играет значительную роль в жизни детей и подростков. По данным социологического исследования Государственного университета управления, около 50 % опрошенных несовершеннолетних проводят в сети Интернет свыше 4 часов в день [3, с. 217]. Такой показатель действительно вызывает некоторые опасения. Чувствуя себя комфортно в интернет-пространстве, несовершеннолетние теряют бдительность и находятся в зоне риска цифровых посягательств.

Киберпатрулирование – это комплекс мер по мониторингу и анализу цифрового пространства, который в последнее время становится ключевым инструментом в предупреждении вовлечения несовершеннолетних лиц в совершение преступлений и антиобщественных действий. Между тем, роль киберпатрулирования в этом процессе остается недостаточно осмысленной.

Практики применения киберпатрулирования успешно реализуются по всему миру. К примеру, в Индонезии Министерство связи и цифровых технологий, посредством киберпатрулирования борется с порнографией [8], азартными играми [9] и дипфейками [7].

Полиция префектуры Сайтама (Япония) впервые апробировала киберпатрулирование с привлечением иностранных волонтеров для поиска лиц, находящихся в стране нелегально. Особое внимание уделялось вьетнамским мигрантам. Тех, кто находится в Японии незаконно, называют *Bodoi*, что переводится с вьетнамского как солдат, поскольку таким лицам достаточно трудно находиться в стране без вида на жительство. Именно на индикацию таких маркеров была направлена деятельность первой в Японии группы по киберпатрулированию [6]. В настоящее время деятельность по киберпатрулированию возложена на искусственный интеллект и распространяется на всю территорию Японии.

В Европе киберпатрулированию уделяется огромное внимание не только в рамках внутригосударственного мониторинга цифровой среды, но и в рамках межгосударственного взаимодействия. Так, в 2024 году силами Европола, а именно при содействии более 30 тыс. сотрудников полиции из стран Евросоюза и других стран Европы, было арестовано 796 лиц и начато 316 расследований, а также изъято 442 единицы оружия [5].

В России мероприятия по киберпатрулированию также приобретают популярность. Вместе с этим, реализация киберпатрулирования в данное время проводится на добровольных началах и без серьезного финансирования. Можно привести несколько примеров их реализации.

Одним из наиболее ярких и результативных примеров является проект «Киберпатруль» под началом Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при губернаторе Тюменской области. Данный проект берет свое начало с 2014 года как городской проект, однако с 2017 года деятельность проводится на всей территории Тюменской области. Согласно информации из офи-

циального портала органов государственной власти Тюменской области, за 2022 год чуть менее 1 тыс. волонтеров выявили более 2 тыс. 300 ссылок с незаконным контентом и провели более 5 тыс. профилактических мероприятий [4].

В городе Сочи на момент 2022 года было сформировано 12 волонтерских отрядов на базе образовательных организаций среднего и высшего образования, члены которых проводят регулярный мониторинг сети Интернет с целью выявления противоправной информации экстремистского и террористического характера. О выявленных нарушениях волонтеры сообщают в Роскомнадзор [1].

В 2024 году в Республике Хакасия региональными Минобрнауки совместно с Центром противодействия экстремизму МВД, проводились мероприятия, связанные с обучением добровольцев мониторингу сети Интернет на предмет наличия информации экстремистского характера [2].

Такие практики реализуются и в других регионах России – Иркутской области, Ямало-Ненецком автономном округе, Санкт-Петербурге, Пскове и т. д. Создание таких проектов, их всесторонняя поддержка и развитие – одно из наиболее перспективных направлений противодействия преступлениям, совершаемым в сети Интернет в том числе и направленным на вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий. Это современный инструмент, позволяющий правоохранительной деятельности следовать в ногу со столь быстро совершенствующимися криминальными ухищрениями.

Вместе с этим, следует выделить и ряд недостатков, которые в настоящее время снижают эффективность киберпатрулирования в России, мешают гармоничному развитию рассматриваемой деятельности.

Во-первых, учреждение и организация деятельности киберпатрулей происходит децентрализовано, преимущественно на добровольных началах. Иногда инициаторами выступают органы местного самоуправления, однако даже при этом условии такая деятельность все равно остается низко финансируемой.

Во-вторых, деятельность киберпатрулей воспринимается недостаточно серьезно, а оттого и полномочия волонтеров остаются неисклнительными – направление жалоб в Роскомнадзор на предположительно незаконный контент в сети Интернет является наиболее частой практикой в деятельности киберпатрулей, однако эти действия способен осуществить любой гражданин Российской Федерации. Из этого следует, что необходимо расширять круг исключительных полномочий киберпатрулей – волонтеры должны понимать, что реализуют важную деятельность и обладают уникальной компетенцией в этой области. Условия настоящего времени требуют автоматизации подобного рода деятельности, а роль живых людей предполагает принятие ими окончательного решения в случае возникновения спорных ситуаций.

В-третьих, низкий престиж рассматриваемой деятельности и отсутствие перспектив для самих волонтеров. За рубежом участие в такой деятельности, которая организована на базе образовательных организаций, предоставляет особые льготы волонтерам при получении образования в ведущих вузах, а так-

же при трудоустройстве в государственные органы соответствующего профиля. Это открывает перед волонтерами новые возможности. Волонтеры понимают, что работают на перспективу и прикладывают максимальные усилия при осуществлении данной деятельности.

Все перечисленные факторы взаимообусловлены и лишь устранение комплекса этих факторов позволит более эффективно реализовывать деятельность по киберпатрулированию в России. Особое значение в этом контексте имеет разработка и принятие нормативной основы деятельности киберпатрулей.

Подводя итог работы, следует отметить серьезный потенциал киберпатрулирования для противодействия распространению противоправной информации в сети Интернет. Особое значение данная деятельность приобретает при охране общественных отношений, связанных с обеспечением нормального развития несовершеннолетних лиц. Однако данная деятельность в России требует комплексного совершенствования, что позволит более эффективно использовать ее в правоохранительной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В Сочи волонтерский проект «Киберпатруль» реализуют 12 студенческих отрядов // Офиц. портал города-курорта Сочи. URL: <https://sochi.ru/press-sluzhba/novosti/11/172759/> (дата обращения: 06.03.2025).

2. «Киберпатруль» продолжает работать в Хакасии // Республиканское интернет-издание «Хакасия». URL: <https://gazeta19.ru/news/v-khakasii/kiberpatrul-prodolzhaet-rabotat-v-khakasii/> (дата обращения: 06.03.2024).

3. Титор С. Е. Роль сети Интернет в современной жизни детей и подростков: анализ социологического опроса // Вестник Университета. 2023. № 1. С. 213–221.

4. Тюменский проект «Киберпатруль» – на страже молодых жизней // Офиц. портал органов государственной власти Тюменской области. URL: https://admtumen.ru/ogv_ru/news/subj/more.htm?id=12001060%40egNews (дата обращения: 06.03.2025).

5. 796 arrests in massive EU action against organised crime // The official website of the Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/796-arrests-in-massive-eu-action-against-organised-crime> (дата обращения: 06.03.2025).

6. Adachi K., Tahara T. Overstayers beware: Japan's 1st foreigner cyber patrol to decode, report possible crimes // The Mainichi. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20240807/p2a/00m/0na/011000c> (дата обращения: 06.03.2025).

7. Indonesian police, ministry conduct cyber patrols to detect deepfakes // ANTARA. URL: <https://en.antaranews.com/news/342618/indonesian-police-ministry-conduct-cyber-patrols-to-detect-deepfakes> (дата обращения: 06.03.2025).

8. Ministry ensures continued cyber patrolling of pornographic content // ANTARA. URL: <https://en.antaranews.com/news/224373/ministry-ensures-continued-cyber-patrolling-of-pornographic-content> (дата обращения: 06.03.2025).

9. Ministry steps up cyber patrol against online gambling // ANTARA. URL: <https://en.antaranews.com/news/335101/ministry-steps-up-cyber-patrol-against-online-gambling> (дата обращения: 06.03.2025).

УДК 342.5

Садовая Анастасия Александровна

заведующий отделом, Дальневосточный

юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

sadovaya.aa007@gmail.com

Вокина Наталья Александровна

старший научный сотрудник

Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

nattta24@yandex.ru

Телегина Елена Николаевна

научный сотрудник, Дальневосточный

юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

praslova.en@mail.ru

О совершенствовании законодательства о контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с дополнением категорий сделок, расходы на которые являются предметом контроля. Предлагается отнести к их числу расходы на поездки за пределы Российской Федерации по частным делам, обучение детей в иностранных образовательных организациях, расположенных за пределами Российской Федерации. Предлагается корректировка законодательства.*

***Ключевые слова:** противодействие коррупции, контроль за расходами, обращение в доход государства имущества, Закон № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».*

Sadovaya Anastasiya Alexandrovna
head of department, Far Eastern Law
Institute (branch) of the University
of Prosecutor's Office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Vokina Nataliya Alexandrovna
senior researcher, Far Eastern Law
Institute (branch) of the University
of Prosecutor's Office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Telegina Elena Nikolaevna
researcher, Far Eastern Law
Institute (branch) of the University
of Prosecutor's Office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

**On improving legislation on control over the compliance
of the expenses of persons holding public office
and other persons with their income**

***Annotation.** The article examines issues related to the addition of categories of transactions, the expenses of which are subject to control. It is proposed to include among them expenses for trips outside the Russian Federation on private business, education of children in foreign educational institutions located outside the Russian Federation. It is proposed to adjust the legislation.*

***Keywords:** combating corruption, control over expenses, conversion of property into state revenue, Federal Law No. 230-FZ "On control over compliance of expenses of persons holding government positions and other persons with their income".*

Необходимость в усилении мер по борьбе с коррупцией с каждым годом становится все более очевидной. Коррупция представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности, подрывая основы государственного строя, снижая эффективность работы государственных и муниципальных органов и, как следствие, дискредитируя их и государство в целом.

В общественном сознании восприятие коррупции постепенно эволюционирует: от понимания ее как исключительно уголовного преступления к осознанию как негативного социально-правового явления, дестабилизирующего политическую и экономическую системы современного общества.

Противодействие коррупции предполагает комплексный подход, включающий широкий спектр государственно-правовых инструментов, таких как антикоррупционная экспертиза нормативных актов и их проектов, а также система декларирования доходов и имущества для определенных категорий лиц.

В России на сегодняшний день сформированы эффективные механизмы противодействия коррупции, которые непрерывно совершенствуются и адаптируются к требованиям правоприменительной практики и современным вызовам.

Одним из ключевых элементов этих механизмов является контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам.

Уже сейчас можно утверждать, что внедрение контроля не только над доходами, но и над расходами лиц, замещающих должности государственной, муниципальной службы, и иных лиц значительно повысило эффективность антикоррупционных мер, принимаемых государством, и создало дополнительные препятствия для легализации неправомерно полученных средств.

В юридической литературе справедливо отмечается, что обращение в пользу государства активов, законность происхождения которых не может быть доказана чиновником, является логичным итогом процедуры контроля за соответствием расходов должностных лиц их доходам и органам прокуратуры в этом механизме отведена ключевая роль [1, с. 3–6].

При этом существующая система контроля за расходами вряд ли сможет эффективно функционировать без прокурорских проверок исполнения соответствующего законодательства и последующего прокурорского реагирования.

Статьей 13 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ) [6] предусмотрены различные виды ответственности за совершение коррупционных правонарушений, включая гражданско-правовую.

Процедура контроля за расходами может привести к привлечению должностных лиц к гражданской ответственности с конфискацией имущества и/или денежных средств в пользу государства.

И здесь уместно обратиться к разъяснениям Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которыми изъятие незаконных доходов или имущества, приобретенного на них, введено в законодательство не в качестве уголовно-правовой санкции, а в качестве специальной меры, предусмотренной в рамках антикоррупционного законодательства для случаев незаконного обогащения. Изъятие такого имущества, по существу, призвано выступать в качестве неблагоприятного последствия получения государственным служащим доходов от коррупционной деятельности и указывать ему на бессмысленность приобретения имущества на незаконные доходы и, соответственно, бесперспективность коррупционного поведения [3].

Применение мер гражданско-правовой ответственности в отношении лиц, у которых выявлено несоответствие расходов доходам, является не только инструментом наказания, но и важным элементом превенции коррупционных правонарушений.

С каждым годом органы прокуратуры все активнее применяют меры по привлечению чиновников (в том числе бывших) к данной форме ответственности. Предъявлению исков предшествует масштабная работа по сбору и анализу информации, направленная на выявление объектов недвижимости и других ценностей, приобретенных на незаконно полученные средства.

При этом постоянно совершенствуются и методы противодействия деятельности прокуроров в указанной сфере. В связи с чем возникает необходимость дополнять и расширять традиционные методики надзорных процедур,

исключать возможность формального подхода к проведению проверок. К примеру, важно уделять внимание вопросам оформления имущества на неподконтрольных лиц, установлению финансовых интересов семьи и близких служащих, а также фактам пользования дорогостоящим имуществом, не принадлежащим служащему.

Частью 1 статьи 3 Федерального закона № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Закон № 230-ФЗ) [7] в перечень расходов чиновников (их супругов и несовершеннолетних детей), подлежащих контролю, включены расходы по каждой сделке по приобретению земельных участков, объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, долей участия в уставных капиталах организаций, цифровых финансовых активов и цифровой валюты, совершенной ими в течение года, предшествующего отчетному. Обязательным условием осуществления контроля является превышение общего дохода проверяемого лица и его супруги(а) за три года, предшествующих отчетному периоду, над суммой, потраченной на указанные сделки.

По нашему мнению, при оценке несоответствия расходов должностных лиц их доходам не следует ограничиваться только категориями сделок, указанными в статьях 3 и 4 Закона № 230-ФЗ.

Такой подход представляется вполне логичным, поскольку целью является выявление именно тех расходов, которые превышают законные доходы должностного лица и, следовательно, могут указывать на наличие незадекларированных источников обогащения. Расширение перечня учитываемых расходов позволит более эффективно выявлять случаи коррупции и незаконного обогащения, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению доверия общества к государственным институтам.

В практике органов прокуратуры при рассмотрении исков об обращении в доход государства имущества, приобретенного на доходы, законность которых не может быть подтверждена, часто используется информация не только о вышеупомянутых сделках, но и о расходах на посещение ресторанов, дорогостоящие строительные, ландшафтные и ремонтные работы, стоимости внутреннего убранства жилых помещений, вложениях в антиквариат, драгоценности, предметы искусства, а также данные о стоимости поездок, совершаемых чиновниками и членами их семей.

При этом, согласно Методическим рекомендациям Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, при расчете общего дохода служащего, используемого для сопоставления с расходами, произведенными в отчетный период, не вычитаются иные расходы, например связанные с отпуском, оплатой жилищно-коммунальных услуг [2] и т. п.

Однако полагаем, что расходы на поездки за границу для отдыха или лечения не могут рассматриваться как обычные текущие расходы должностного лица, поскольку они не сопоставимы с затратами на жилищно-коммунальные услуги или предметы первой необходимости.

Например, в решении Никулинского районного суда г. Москвы от 01.12.2017, вынесенном по иску Генеральной прокуратуры Российской Федера-

ции к бывшему полковнику МВД России З. и его близким лицам о взыскании с них имущества стоимостью свыше 9 млрд руб., указано, что З. неоднократно выезжал за границу, тратя на путешествия суммы, существенно превышающие уровень его официального дохода. Так, в период 2007–2014 гг. З. посещал Австрию, Германию, Швейцарию, Египет, США, Испанию, Израиль, ОАЭ и Украину [4].

Совокупность экономических, геополитических и логистических факторов, с которыми столкнулась Россия после 2020 года на фоне глобальной пандемии и международных конфликтов, привела к тому, что отдых за границей стал менее доступным для россиян.

Изоляция стран и регионов привела к остановке авиасообщения. Дестабилизация отношений с отдельными странами привела к введению санкций против России, закрытию неба для российских авиакомпаний, блокировке банковских карт россиян и другим ограничениям. В результате цены на отдых за рубежом резко возросли и такие путешествия приобрели оттенок недоступной роскоши.

Поэтому отнесение поездок за пределы Российской Федерации в личных целях (для отдыха, оздоровления и т. п.) к категории «роскошь» и включение их в перечень сделок, подлежащих контролю, позволит получить более полную картину о структуре расходов и выявить случаи несоответствия расходования семейного бюджета доходам чиновника (членам его семьи).

Представляется, что к расходам, связанным с поездками за границу, следует, в первую очередь, относить расходы на приобретение билетов, оплату аренды жилья, услуг туроператоров и т. д. При этом, механизм контроля должен учитывать не только прямые затраты, но и сопутствующие (например, расходы на питание, развлечения, медицинские услуги и т. д.).

При проведении проверок соблюдения антикоррупционных стандартов лицами, занимающими государственные и муниципальные должности, а также государственными и муниципальными служащими, в предмет надзора следует включать изучение вопросов выезда этих лиц и их близких родственников за пределы Российской Федерации, цели поездок, их продолжительность и другие обстоятельства, позволяющие установить несоответствие понесенных расходов полученным доходам. Исследование этих же вопросов имеет важное значение на досудебных стадиях уголовного процесса при проверке прокурорами материалов уголовных дел коррупционной направленности с целью сбора данных, которые в дальнейшем будут использованы в качестве основания для предъявления исков об обращении в доход государства имущества, приобретенного на доходы, законность которых не может быть подтверждена.

По схожим причинам к числу сделок, в отношении которых могут быть применены нормы законодательства о контроле за расходами, предлагается отнести договоры с иностранными образовательными организациями. Так, обучение в большинстве зарубежных вузов по стоимости за год несравнимо превышает соответствующие расходы на обучение в нашей стране. Распространяющаяся практика обучения за границей детей (в том числе достигших совер-

шеннолетия) подконтрольных лиц требует проведения анализа и оценки финансового обеспечения учебного процесса.

В конечном итоге, расширение перечня учитываемых расходов в сочетании с принципами разумности, соразмерности и прозрачности позволит повысить эффективность контроля за соответствием расходов должностных лиц их доходам и внести значительный вклад в борьбу с коррупцией.

Исходя из приведенных положений ч. 1 статьи 3 Закона № 230-ФЗ, при ежегодном декларировании чиновником информации о его приобретениях может возникнуть ситуация, когда одни и те же доходы, полученные в один и тот же год, будут использованы для обоснования сделок, совершенных в разные отчетные периоды, в справках о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Также наличие достаточного дохода за трехлетние периоды, предшествующие году совершения сделок, может служить основанием для того, чтобы не указывать в разделе 2 справки о доходах и расходах («Сведения о расходах») информацию об источниках средств, за счет которых были совершены сделки.

Например, если государственный служащий совершает сделки рассматриваемой категории в 2023 и 2024 годах, то в справках о доходах и расходах в качестве источника средств для совершения этих сделок будут указаны данные о доходах за частично совпадающие периоды (2020–2022 и 2021–2023 годы, соответственно).

В подобных случаях сотрудники государственных и муниципальных органов, ответственные за профилактику коррупции и иных правонарушений, не имеют формальных оснований для оспаривания информации об источниках получения средств, повторяющихся в различных справках о доходах и расходах.

Дополнение статьи 3 Закона № 230-ФЗ положениями, учитывающими недопустимость неоднократного обоснования совершенных в разные годы сделок ссылкой на тот же заработок, который израсходован на предыдущую покупку, усовершенствует как порядок реализации обязанности по представлению сведений о расходах, так и механизм осуществления контроля за расходами.

Предлагаемые изменения нормативного регулирования потребуют корректировки целого ряда законов о противодействии коррупции, государственной, муниципальной службе и т. д., а также формы утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23.06.2014 № 460 справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера [5].

С учетом приведенных аргументов такие меры представляются оправданными и необходимыми, повысят эффективность прокурорского надзора за расходами чиновников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жиляков К. Ю. Обращение имущества должностных лиц в доход государства в результате контроля за их расходами: актуальные проблемы правоприменения // Законность. 2022. № 8. С. 3–6.

2. Методические рекомендации по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2024 году (за отчетный 2023 год) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 01 декабря 2017г. по делу 2-6770/17. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/cases/docs/content/14c85d21-5998-4d55-80ad-a773ed5006d0> (дата обращения: 03.03.2025).

5. Указ Президента РФ от 23 июня 2014 г. № 460 «Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.06.2014. № 26 (ч. 2). Ст. 3520.

6. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

7. Федеральный закон от 03 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Российская газета. № 280. 05.12.2012.

УДК343.3

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

Смирнова Дарья Романовна

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
darja.perfilowa@yandex.ru

Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы уголовно-правового регулирования преступлений в сфере компьютерной информации. Целью работы является анализ законо-

детельства в сфере информатизации, выявление пробелов законодательства в исследуемой сфере и предложение конкретных путей их решения. «Киберпреступность» или преступления в сфере компьютерной информации являются актуальной проблемой современности, поскольку информационная революция привела не только к развитию общества, но к появлению нового вида преступлений, ставящих под угрозу как личные данные отдельно взятого человека, так общества и государства в целом.

Ключевые слова: информационная безопасность, киберпреступность, компьютерная информация, уголовное законодательство, Российская Федерация.

Ganzha Natalia Vladimirovna

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Smirnova Daria Romanovna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Criminal liability for crimes in the field of computer information

Annotation. *The article considers the problems of criminal-legal regulation of crimes in the field of computer information. The purpose of the work is to analyze the legislation in the field of informatization, identify gaps in the legislation in the studied area and propose specific ways to solve them. "Cybercrime" or crimes in the field of computer information are a pressing problem of our time, since the information revolution has led not only to the development of society, but to the emergence of a new type of crime that threatens both the personal data of an individual, society and the state as a whole.*

Keywords: *information security, cybercrime, computer information, criminal legislation, Russian Federation.*

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется масштабными трансформациями в сфере цифровой экономики и в других областях социальной жизнедеятельности, где главными богатствами и силой становятся данные, сообщения, знания, информация, в том числе компьютерная информация.

Непрерывно развивающийся научно-технический процесс выдвигает на первый план важность компьютерных и информационных технологий. К сожалению, законодатель не всегда успевает за нарастающими темпами технологического и информационного развития общества. Однако обеспечение правовой защиты компьютерной информации выступает на первый план не только для отдельно взятого человека или деятельности фирмы, учреждения, но и для государства в целом. Компьютерные технологии, сеть Интернет, появление искусственного интеллекта и многое другое дали человечеству неограниченные возможности, совершенствовать имеющиеся области, развивать новые. Однако развитие технологий не всегда можно охарактеризовать исключительно как положительный процесс. Так, с развитием технологий появляются и новые, многогранные и сложные для выявления и пресечения виды преступлений, одним

из которых является преступления в сфере компьютерной информации (киберпреступления).

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» [1] персональными данными является любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Таким образом, в различных ситуациях в категорию персональные данные попадают – фамилия, имя, отчество лица, адреса мест жительства и мест пребывания, номера «мобильных» и «городских» телефонов, электронная почта, реквизиты различных документов, в том числе удостоверяющих личность, и многие другие данные, позволяющие идентифицировать конкретного гражданина.

В связи с тем, что персональные данные стали постоянным «спутником» любых коммуникаций человека в сети Интернет, проблемы обеспечения защиты таких данных, связанных с угрозами неправомерного доступа к ним, распространения и использования персональных данных в преступных целях, с каждым днем становятся все более актуальными. Это обусловлено существенным ростом противоправных действий в отношении персональных данных, а также фактов незаконного использования личной информации при совершении различных преступлений.

По информации из открытых источников, по состоянию на 2024 год доля ежедневных интернет-пользователей в России составляет 76 %, что в 1,6 раза превышает показатель десятилетней давности (2014 года – 47 %). Кроме того, персональные данные размещаются пользователями в личных кабинетах на сайтах и в приложениях для оказания различных интернет-услуг (финансовых, курьерских, информационных, образовательных, развлекательных и т. д.) и организации купли-продажи товаров.

Согласно отчету InfoWatch, по итогам первого полугодия существенно выросла и доля утечек сведений, содержащих государственную тайну: с 6,4 до 11,1 % от общего объема утекших данных.

Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте МВД РФ (за период январь – декабрь) [2]:

2022 год: зарегистрировано 522,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 0,8 % больше, чем за аналогичный период 2021 года;

2023 год: зарегистрировано 677,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что уже на 29,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

2024 год: зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, что на 13,1 % больше, чем в 2023 году, в том числе тяжких и особо тяжких составов – на 7,8 %. В значительной степени этот фактор повлиял на рост в 2024 году общего числа тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8 %.

Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде [3] по ст. 272–274.2 УК РФ было осуждено:

2022 год осуждено 280 лиц;

2023 год – 333 лица;

2024 год – 379 лиц.

Таким образом, мы видим, что за последние три года наблюдается рост преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации, а также с использованием IT-технологий и сети Интернет. Это свидетельствует о «нерабочем» характере главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

К перечню негативных факторов распространения рассматриваемой категории преступлений можно отнести: низкий уровень контроля за тиражированием и распространением программной компьютерной продукции; высокую латентность преступлений; а также недостаточность теоретических знаний и практических навыков расследования преступлений в сфере информационных технологий практическими работниками правоохранительных органов.

Преступность в сфере компьютерной информации представляет собой реальную и актуальную угрозу. В современном обществе, основанном на технологиях, компьютеры играют важнейшую роль в повседневной жизни – от социального обеспечения до обороны. Стремительное развитие информационных технологий привело к появлению компьютерных преступлений, которые достигли высокого уровня.

Статья 272 УК РФ предусматривает наказание за неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, ориентированный на сохранение целостности и безопасности информационной системы. Несанкционированный доступ к компьютерной информации с целью ее уничтожения, модификации, блокирования или копирования считается преступлением. Однако если последствий не наступило, то оно не является противоправным, так как отсутствует причинно-следственная связь между деянием и последствиями. Согласно статье 272 Уголовного кодекса, доступ к компьютерной информации – это получение возможности доступа к ней, в результате чего лицо приобретает права собственника [4]. Уголовный кодекс признает общественно опасные последствия уничтожения, модификации или копирования информации, нарушения работы компьютеров и причинно-следственных связей. Понятие «копирование информации» сложно определить, что привело к различным судебным решениям и толкованиям в юридической литературе, определяющим «копирование» как создание или дублирование. На этот счет ученые полагают, что под копированием понимается «тиражирование посредством распечатки» [5], «ознакомление на экране монитора» [6] и «переписывание, иное тиражирование, разглашение, воспроизведение точного или относительно точного ее оригинала» [7]. В этом случае на первом месте стоит нарушение конфиденциальности путем ознакомления с информацией, которое затем приводит к копированию путем ее визуальной записи. Субъект преступления – 16-летнее вменяемое лицо.

Статья 273 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации. Статья 273 Уголовного кодекса РФ направлена на обеспечение безопасности компьютерной информации и функционирования компьютерных программ. Вредоносная программа – это набор операций по подготовке данных для управления системой, направленных на уничтожение, блокирование, изменение или копирование информации [8]. Преступление предполагает наличие прямого умысла и осознание виновным общественно опасных последствий.

Статистические данные показывают, что данные преступления в большинстве случаев совершаются с целью – скрыть или облегчить совершения другого преступления, либо с целью совершения террористических актов. Поэтому полагаем целесообразным дополнить диспозиции указанных статей новыми частями, предусмотрев уголовную ответственность за вышеуказанные деяния. Поскольку совершение преступлений террористической направленности уголовным законодательством РФ относится к категории особо тяжких преступлений (например, ч. 1 ст. 205 УК РФ (террористический акт) предусматривает назначение наказания исключительно в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет), полагаем, что санкция в данных частях должна быть построена по этой же аналогии. Кроме того, исследования показали, что преступления исследуемой группы нередко совершаются несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, поэтому также полагаем необходимым внести изменения и в общую часть УК РФ, а именно в статью 20 «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность».

Таким образом, предлагаем внести следующие изменения в УК РФ:

1. Часть 2 статьи 20 УК РФ «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность» изложить в следующей редакции:

«2. Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за... неправомерный доступ к компьютерной информации, совершенный с целью сокрытия или содействия совершению другого преступления либо с целью терроризма (часть пятая статьи 272), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ с целью сокрытия или содействия совершению другого преступления либо с целью терроризма (часть четвертая статьи 273)...

2. Дополнить статью 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» частью 5, изложив ее в следующей редакции:

«5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, если они совершены с целью сокрытия или содействия совершению другого преступления либо с целью терроризма, –

наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет».

3. Дополнить статью 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» частью 4, изложив ее в следующей редакции:

«4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они совершены с целью сокрытия или содействия совершению другого преступления либо с целью терроризма, –

наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет».

Принятие данных изменений позволит эффективно привлекать к уголовной ответственности злоумышленников, совершающих преступления в рассматриваемой сфере, а также реализует превентивные механизмы уголовного права, что позволит предотвратить многие преступления в данной сфере. Таким образом, подводя итог вышеизложенному отмечаем, что защита информации требует грамотного контроля и организации доступа, поэтому систематизация и усовершенствование уголовного законодательства в исследуемой части позволит не только снизить количество совершаемых «киберпреступлений», а также положительно повлияет на механизмы их предотвращения и выявления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ : принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года (в ред. от 03 апреля 2025 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2025).

2. Статистические данные // Министерства внутренних дел российской федерации. Статистика и аналитика : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 23.03.2025).

3. Статистические данные // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/?year=2023> (дата обращения: 23.03.2025).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года (в ред. от 03 апреля 2025 года) URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2025).

5. Полубинская С. В. Комментарий к ст. 272-274 УК РФ : учеб. комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М. : Эксмо, 2020. 837 с.

6. Малыковцев М. М. Уголовная ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Ин-т междунар. права и экономики, 2006. 24 с.

7. Крылов В. В. Информационные компьютерные преступления. М. : Инфра : Норма, 1997. 276 с.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. профессора Н. Г. Кадникова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2019. 1096 с.

Рубцова Майя Викторовна

старший научный сотрудник НИИ

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Москва, Российская Федерация

majya-rubcova@yandex.ru

Проблемы противодействия цифровой преступности

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы борьбы с цифровой преступностью, приводятся исследования ученых в сфере информационных технологий, даются понятия слова киберпреступность, цифровая преступность, анализируются правовые вопросы в сфере цифровой преступности, предлагаются основные варианты борьбы с цифровой преступностью.*

***Ключевые слова:** проблемы противодействия, цифровая преступность, информационные технологии, киберпреступления, государственные служащие.*

Rubtsova Maya Viktorovna

senior researcher at the Research Institute of the University

of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

Problems of countering digital crime

***Annotation.** The article discusses the problems of combating digital crime, provides research by scientists in the field of information technology, gives concepts of the word cybercrime, digital crime, analyzes legal issues in the field of digital crime, and suggests basic options for combating digital crime.*

***Keywords:** counteraction problems, digital crime, information technology, cybercrime, government officials.*

В условиях пандемии, самоизоляции, проведения СВО, санкционного давления, демографических и миграционных процессов с расширением сферы применения цифровых технологий увеличился рост цифровой преступности.

За последние пять лет количество таких преступлений возросло более чем в два раза, увеличился их удельный вес в числе всех зарегистрированных деяний. Практически каждое третье преступление совершено в информационно-коммуникационной сфере либо с использованием информационно-коммуникационных технологий. В структуре преступлений данной категории в 2023 году преобладали кражи и мошенничества, которые составили почти три четверти таких преступлений (70,2 %). Каждое восьмое преступление (12 %) совершалось с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств и психотропных веществ. Экономической направленности – 3,4 % преступлений, экстремистской направленности и террористического характера – 0,2 %. Также отмечается существенное увеличение количества пре-

ступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, их доля в общем числе преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, по итогам 2023 года возросла в 6,8 раза. При этом раскрываемость таких преступлений остается на крайне низком уровне 5,6 % [9]. Учеными и практиками в своих исследованиях также отмечается активное использование информационных технологий (далее – ИТ) в преступных целях, в частности увеличение числа преступлений, совершаемых с использованием цифровой электронной подписи. В связи с чем делается вывод о необходимости оперативного вмешательства со стороны государства для нейтрализации сложившейся криминогенной ситуации в сфере ИТ [2].

Персональные данные государственных служащих находятся в зоне риска, поскольку имеющие стабильные доход они вызывают повышенный интерес у мошенников, кроме того, цифровой профиль государственного служащего содержит сведения, которые позволяют злоумышленникам лучше спланировать преступление. Распространению цифровой преступности способствуют не только доверчивость граждан, но и уязвимость информационной инфраструктуры. Противодействие преступному использованию ИТ осложняется техническим прогрессом, постоянным совершенствованием технологий, широким внедрением в общественную практику и деятельность различных государственных органов, а также несовершенством системы цифровой безопасности.

Преступления, совершаемые с использованием ИТ, трактуются и понимаются по-разному. Основной проблемой является то, что официальное закрепление в сфере цифровой преступности получила только одна группа деяний, объединенная в гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», которая содержит четыре состава преступлений – статья 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), статья 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ), статья 274 УК РФ (нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей), статья 274.1 УК РФ (неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации). Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет дано разъяснение в связи с вопросами, возникающими у судов, и в целях обеспечения единообразного применения ими законодательства об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации.

Цифровая преступность – это совокупность общественно-опасных деяний, совершенных в информационно-коммуникационной среде с использованием цифровой информации и информационных технологий.

Некоторые авторы отмечают, что существующая преступность в онлайн-пространстве, использующая, совершенные технические возможности ИТ

(цифровая преступность) еще новое и мало изученное негативное киберсоциальное явление для борьбы с которым необходим особый подход и инструментарий. Важной задачей современного общества для обеспечения национальной и международной безопасности является изучение ее характеристик, особенностей детерминации и проработка направлений уголовно-правового противодействия [5, с. 4].

Под киберпреступлением (или цифровым преступлением) подразумевается любое виновное общественно опасное посягательство, которое осуществляется с использованием современных ИТ-технологий, а также в самом информационном пространстве. При этом ИТ относятся как конкретные технические устройства с выходом в сеть Интернет, в частности, компьютеры, ноутбуки, гаджеты, также сама информация на материальных носителях. Как показывает практика, все совершаемые цифровые преступления находятся во взаимодействии с информационным пространством. Среди основных факторов, способствующих совершению цифровых преступлений можно назвать следующие: доступность программных средств, неопределенный правовой статус Интернета, отсутствие должного контроля, трансграничный характер цифровых преступлений, многообразие способов совершения преступлений в сфере цифровых технологий и др. Все факторы взаимосвязаны с основными сферами жизни общества: экономической, политической, социальной и другими.

Имеются иные определения компьютерной преступности как совокупность деяний, вообще совершаемых с использованием современного информационно-коммуникационного оборудования. Среди ученых имеется мнение о том, что не стоит ограничиваться выделением только преступлений в сфере компьютерной информации, которые посягают на информационные компьютерные отношения, но также необходимо иметь в виду и преступления, характеризующиеся использованием компьютерной информации или составляющих ее элементов информационного пространства при совершении противоправных действий, посягающих на другие охраняемые законом правоотношения (собственности, общественной безопасности и т. д.) [1, с. 50].

Другие авторы относят к рассматриваемым преступлениям все совершенные на конкретной территории за конкретный период деяния (лиц, их совершивших), непосредственно посягающие на отношения в сфере сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и распространения компьютерной информации, а также преступления, совершаемые с использованием компьютера в корыстных целях для извлечения материальной выгоды или другой личной заинтересованности [3, с. 39]. По мнению А. Н. Савенкова киберпреступность определяется как совершенные с умыслом общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законодательством, совершенные с помощью неправомерного доступа к электронной информации, содержащейся в компьютерных сетях с использованием их возможностей в системах связи телекоммуникаций [6, с. 8].

Из всего вышеизложенного следует, что под преступлениями, совершаемыми с использованием ИТ-технологий, понимаются общественно опасные,

совершенные умышленно уголовно-противоправные действия в отношении (или) посредством методов, процессов, программно-технических средств, предназначенных для хранения и обработки или передачи компьютерной информации. Имеющиеся возможности глобальной сети Интернет также позволяют преступным элементам распространителям порнографии и наркотиков широкие возможности при отсутствии личного контакта с приобретателем запрещенных объектов. Получается некоторая взаимосвязь происходящих процессов, которые формируют такие уголовно-правовые феномены, как компьютерная преступность и компьютеризированная преступность. При том что если компьютерная преступность состоит только из посягательств на объекты информационно-коммуникационной инфраструктуры, то компьютеризированная преступность представляет собой не совсем определенное в правовом смысле меняющееся явление, как традиционная преступность, которая ввиду цифрового обновления общества, демонстрирует тенденцию стремительной «виртуализации» [5, с. 29].

Борьба с цифровой преступностью должна осуществляться с целью нейтрализации негативного воздействия криминогенных факторов, способствующих развитию данного вида преступности. Для того чтобы эффективно противодействовать цифровым преступлениям, необходимо пресекать негативные проявления таких факторов, как несоразмерность роста цифровизации общества и цифровой грамотности населения Российской Федерации, увеличение аудитории социальных сетей и мессенджеров, активный рост применения электронных средств платежей [7].

В настоящее время возникла крайняя необходимость в формировании единого подхода к выработке комплекса согласованных мер противодействия цифровым преступлениям, где на уровне уголовно-правовых норм должны определяться запреты на совершение противоправных общественно опасных деяний с учетом особенностей, а также отвечающих правовым требованиям в системе регламентации уголовно-правовой охраны отношений в данной сфере. С применением дифференцированных и справедливых мер уголовной ответственности за противоправные деяния. Совершенствование регламентации уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере цифровой экономики следует осуществлять с учетом научных разработок в данной области, которые могут быть как узконаправленного, так и комплексного характера, также рассматривающих противодействие соответствующим преступлениям с позиции взаимного влияния друг на друга экономической и криминальной деятельности, равно как и используемых при их осуществлении современных информационно-коммуникационных технологий [4].

Преступления, совершаемые с использованием возможностей цифрового пространства ИТ носят распространенный характер, поскольку этот способ позволяет воздействовать на широкую аудиторию из любой точки мира, сохраняя анонимность, а также имеется сложность с фиксацией следов преступной деятельности и поиска лица, совершившего преступление.

Имеется мнение о том, что противодействие цифровой преступности необходимо осуществлять посредством межгосударственного взаимодействия, совместно с приведением в соответствие норм внутригосударственного уголовного законодательства. В научной литературе высказывается мнение не просто об унификации законодательства, а о формировании качественно новой отрасли – право киберпространства [7, с. 164].

Количество мошенничеств, совершенных с использованием ИТ в 2024 году, увеличилось на 15 % (с 110 тысяч до 130 тысяч). В целях защиты прав граждан прокуроры обращались в суд с исками. Сформирована судебная практика оспаривания договоров, заключенных с банковскими учреждениями под влиянием заблуждения. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 года № 4154-р утверждена концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Документ закрепляет общие принципы построения защиты ИТ-инфраструктуры в России, а также граждан от угрозы кибератак, интернет- и телефонного мошенничества. По инициативе Генерального прокурора Российской Федерации были выработаны комплексные механизмы противодействия цифровой преступности. Среди них: внедрение операторами связи антифрод-систем, противодействие использованию подменных номеров и серых сим-карт, установление требования об обязательной регистрации карт в государственных информационных системах. Вместе с Банком России прокурорами был ограничен доступ к 44,5 тыс. сайтов, распространявших ложную информацию о предоставлении финансовых услуг и банковских продуктов. По инициативе органов прокуратуры в Уголовном кодексе Российской Федерации введена ст. 272.1, предусматривающая ответственность за незаконный оборот баз персональных данных, а также за создание электронных площадок для их реализации. При наступлении тяжких последствий за такие преступления грозит такой же срок, как за мошенничество и, например, растрату, – десять лет. К дропперам, предоставившим свои счета для перечисления на них денег потерпевшими, предъявлено 9,5 тыс. исков на 1,7 млрд руб. Вместе с тем предлагается на законодательном уровне ввести лимиты по выпуску банковских карт, а также нормативно урегулировать деятельность риэлторов, через которых мошенники ускоренно продают квартиры потерпевших. Соответствующие предложения Генеральным прокурором Российской Федерации направлены в Совет безопасности [8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волеводз А. Г. Противодействие компьютерной преступности: Правовые основы международного сотрудничества. М. : Юрлитинформ, 2002. 485 с.
2. Закомолдин Р. В., Кондратюк С. В. Об уголовной ответственности за неисполнение обязанностей при выдаче квалифицированного сертификата ключа (электронной цифровой подписи) // Безопасность бизнеса. 2024. № 2. С. 39–43.

3. Лопатина Т. М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 60 с.

4. Решняк М. Г., Борисов С. В. Современные проблемы формирования уголовно-правовой основы противодействия преступлениям в сфере цифровой экономики // Безопасность бизнеса. 2020. № 3. С. 41–45.

5. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2022. 350 с.

6. Савенков А. Н. Противодействие киберпреступности в финансово кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 5–18.

7. Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex Russica. 2016. № 3. С. 164–182.

8. Выступление Генерального прокурора России в Совете Федерации 2 апреля 2025 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7622964> (дата обращения: 17.04.2025).

9. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 N 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий». URL: <http://government.ru/docs/all/157328/> (дата обращения: 14.04.2025).

УДК 343.34

Мирный Даниил Сергеевич

аспирант, Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)

г. Москва, Российская Федерация

79260658027@yandex.ru

О совершенствовании уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру в сфере связи

***Аннотация.** В последние годы на территории России возросло число случаев неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру, что охватывается статьей 274.1 УК РФ. Одной из наиболее опасных форм такой деятельности выступают посягательства на объекты телеком-инфраструктуры. Причинение им вреда может повлечь значительный ущерб не только для самого оператора связи, работа которого нарушается на длительный срок, но и для широкого круга лиц, использующих услуги связи в производственных целях (банковские, транспортные и иные значимые предприятия). По результатам анализа реальных и прогнозных последствий, причиняемых преступлениями указанного рода, определяется одно из перспективных мер современной уголовной политики – в части совершенствования ответственности, предусмотренной статьи 274.1 УК РФ.*

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура, электросвязь, статья 274.1 УК РФ.

Mirnyi Daniil Sergeevich

postgraduate student, All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russian Federation)
Moscow, Russian Federation

On improving criminal liability for unlawful impact on critical information infrastructure in the field of communications

***Annotation.** In recent years, there has been an increase in cases of unlawful interference with critical information infrastructure in Russia, as covered by Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. This includes encroachment on telecommunication infrastructure, which can cause significant harm not only to telecom operators, but also to a wide range of businesses that use communication services, such as banking and transportation. Based on the analysis of real and predicted consequences of crimes of this type, one of the promising measures for the development of modern criminal policy has been identified – i. e. improving the responsibility provided for under Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

***Keywords:** critical information infrastructure, telecommunications, Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Уголовная политика, как и всякая другая, отражает существующий в конкретных социуме и государстве уровень развития, включая и социально-экономические его аспекты [1, с. 4]. Отсюда современная уголовная политика, вне всяких сомнений, должна исходить из необходимости повышения защищенности общественных отношений, в рамках которых осуществляются наиболее востребованные формы хозяйственной деятельности.

В наше время, в рамках современной цифровой экономики, работа большинства отраслей народного хозяйства основывается на технологиях высокоскоростной передачи и высокопроизводительной обработки компьютерной информации [2, с. 242; 3, с. 118–120]. Создание и эксплуатация высоконагруженных компьютерных систем позволяют значительно оптимизировать управленческие процессы – как в сфере промышленного производства, так и при оказании услуг, а также в деятельности государственных органов и вооруженных сил.

Информационная инфраструктура, обеспечивающая функционирование социально значимых отраслей экономики, в Российской Федерации получила официальное название «критическая информационная инфраструктура» (далее – КИИ). Указанная инфраструктура представляет собой совокупность взаимодействующих информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления, а также сетей электросвязи, обслуживающих названные системы [4].

Таким образом, общественным отношениям, обеспечивающим нормальную работу КИИ, присуща высокая социальная ценность, поскольку их нормальное течение выступает необходимым условием современной хозяйствен-

ной деятельности. В пользу особой ценности таких отношений говорит и то, что в прошедшем году совокупный оборот ИТ и телеком-секторов российской экономики составил значительную сумму – порядка 11 трлн рублей [5, с. 19].

Отсюда закономерным выглядит то особое внимание, которое в последнее десятилетие уделяется вопросам безопасной работы указанной инфраструктуры со стороны государства. Об этом свидетельствуют как возрастающий объем правовых норм, регулирующих названные отношения, так и появление качественно нового направления отечественной уголовной политики – появление специальной уголовной ответственности за посягательства на них (статья 274.1 УК РФ) [6].

Начиная с 2017 года, в России складывался особый правовой режим деятельности, связанной с эксплуатацией КИИ. Так, на уровне профильного Федерального закона № 187-ФЗ установлены обязанности собственников значимых объектов такой инфраструктуры (банки, операторы связи и т. п.) по участию в централизованном противодействии компьютерным атакам, а также по повышению уровня защищенности используемых информационных систем [4].

Несмотря на многочисленные реализуемые меры повышения безопасности КИИ, угрозы ее функционированию на территории России (как внешние, так и внутренние) продолжают возрастать. Так, в период специальной военной операции число кибератак на КИИ заметно увеличилось. За прошедший год только в отношении отечественных информационных ресурсов было предотвращено примерно 11 тысяч компьютерных атак [7]. Почти 40 % российских компаний подвергаются им минимум раз в месяц [8].

Широкой распространенностью отличаются также внутренние нарушения нормальной работы КИИ, осуществляемые сотрудниками организаций – субъектов указанной инфраструктуры. Подобные деяния зачастую представляют собой неправомерное копирование и распространение компьютерной информации, в том числе – персональных данных, а также сведений, составляющих коммерческую и банковскую тайну. В 2024 году более половины только промышленных предприятий России столкнулись с так называемыми «утечками данных» [9]. Чрезвычайно высокой (более 95 процентов) остается доля отечественных компаний, внутренние вычислительные сети которых недостаточно защищены как от внутренних, так и внешних нарушителей [10].

Значительной распространенностью и опасностью в указанном ряду отличаются посягательства на нормальную работу КИИ, принадлежащей операторам связи. Только за период с августа по сентябрь 2024 года число компьютерных атак на указанную категорию организаций возросло на 74 % [10]. Направленность действий злоумышленников представляется закономерной, учитывая, что нормальная работа КИИ в телеком-сфере, как отмечалось, служит технологической основой современных производственных процессов.

Следует подчеркнуть, что деяния, охватываемые статьей 274.1 УК РФ и совершаемые в отношении операторов связи, отличаются высокой общественной опасностью, поскольку способны причинять ощутимый материальный ущерб. Примером подобного может служить компьютерная атака на одного из операторов

связи города Санкт-Петербурга в январе 2025 г., повлекшая не только невозможность оказания услуг связи многочисленным абонентам, но и значительную дезорганизацию деятельности самого предприятия. В материалах СМИ в отношении ущерба, причиненного данной атакой, встречались оценки вплоть до полного «уничтожения» инфраструктуры пострадавшей компании [11].

Представляется, что последствия причинения вреда ключевым элементам КИИ в сфере связи (точки обмена трафиком, информационные системы крупнейших мобильных операторов, национальную систему доменных имен и т. п.) могут иметь катастрофический характер, поскольку способны создать значительные трудности в хозяйственной деятельности на территории всей страны.

Примерное представление о подобном ущербе может быть получено при рассмотрении последствий сбоев российского сегмента сети Интернет, имевших место в 2024–2025 гг. Указанные инциденты влекли временную (до нескольких часов) массовую недоступность отечественных сайтов, включая банковские, транспортные, иные социально значимые сервисы, на территории всей Российской Федерации [12; 13]. Продолжительность такого рода последствий, в случае атак на значимые объекты телеком-инфраструктуры, может быть кратно выше.

Кроме того, о высокой общественной опасности подобных деяний свидетельствует повышенная виктимность организаций – субъектов КИИ. К настоящему времени явно недостаточен уровень исполнения ими обязанностей, связанных с обеспечением безопасности информационной инфраструктуры и предусмотренных профильным законодательством. Отсутствие необходимых мер подготовки к компьютерным атакам (к примеру, устранение уязвимостей программного обеспечения, ужесточение политик доступа и пр.) влечет значительный рост убытков, причиняемых преступлениями исследуемой категории (к примеру, расходов, необходимых для восстановления поврежденных массивов данных – как денежных, так и временных).

Как отмечал в своем выступлении осенью 2024 года начальник управления ФСТЭК России С. Бондаренко, почти половина выявленных объектов КИИ в стране (до 49 %) имеют низший уровень защищенности от компьютерных атак. При этом лишь 11 % российских организаций снабжены ресурсами, достаточными для предотвращения (а равно для сокращения возможного ущерба) наиболее распространенных форм указанных атак [14]. Негативными факторами, препятствующими отражению компьютерных атак, выступают нехватка бюджетных средств, а также недостаточность компетенций работников [15].

Необходимо отметить, что услуги связи в Российской Федерации оказываются как федеральными операторами, обладающими необходимыми ресурсами для противодействия неправомерному воздействию на КИИ, так и малым и средним бизнесом, чья технологическая и кадровая оснащенность может находиться на недостаточном уровне. В этой связи называемые риски повышенной виктимности сохраняют актуальность и для телеком-отрасли.

Приведенные нами данные, как представляется, убедительно свидетельствуют о повышенной общественной опасности преступлений, предусмотренных статьей 274.1 УК РФ и сопряженных с неправомерным воздействием на

критическую информационную инфраструктуру в области связи. Вместе с тем существующая редакция указанной статьи не предусматривает, в качествеотягчающего обстоятельства, осуществления неправомерного воздействия на КИИ, принадлежащую предприятиям указанной отрасли, что представляется нам некоторым упущением.

С учетом приводимых доводов считаем целесообразной соответствующую коррекцию части четвертой статьи 274.1 УК РФ – а именно ее дополнение после слова «совершенные» словами «в отношении объектов критической информационной инфраструктуры в сфере связи, а равно».

Принимая во внимание вскрытую высокую хозяйственную ценность такой инфраструктуры, считаем, что предлагаемое решение, отвечающее терминологии профильного законодательства [4], позволит отразить, на уровне уголовного закона, несомненно повышенную общественную опасность посягательств с исследуемым предметом.

С учетом изложенного можно говорить о том, что реализация проектируемого регулирования будет составлять одну из перспективных мер российской уголовной политики – в рамках такого ее направления, как дальнейшее совершенствования нормативной-правовой базы противодействия преступности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцев О. А. Трансформация современной уголовной политики России в области обеспечения экономической безопасности // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022. С. 3–6.

2. Чупрова А. Ю., Яцеленко Б. В. Электронная коммерция как вид экономической преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3. С. 239–243.

3. Восканян Р. О. Кибератаки как угроза мировой экономики // Система ПОД/ФТ в глобальном мире: риски и угрозы мировой экономики : сб. тез. Докл. участников V Междунар. науч.-практ. конф. Междунар. сетевого ин-та в сфере ПОД/ФТ. М., 2020. С. 118–120.

4. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 01.04.2025).

5. Социально-экономическое положение России, 2024 год. М., 2025. 356 с.

6. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220891/ (дата обращения: 01.04.2025).

7. Специалисты РКН в 2024 году отразили почти 11 тыс. DDoS-атак на российские ресурсы // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1005362> (дата обращения: 03.02.2025).
8. Воробьева Е. Пермский депутат Госдумы рассказал о мерах по защите российских компаний от кибератак. URL: <https://ura.news/news/1052824759> (дата обращения: 29.01.2025).
9. Каждое второе промышленное предприятие столкнулось с утечкой по вине инсайдеров. URL: https://safe.cnews.ru/news/line/2025-01-22_kazhdoe_vtoroe_promyshlennoe (дата обращения: 24.02.2025).
10. Иванов И. Локальные вычислительные сети компаний под угрозой // ComNews. URL: <https://www.comnews.ru/content/234163/2024-07-05/2024-w27/1008/lokalnye-vychislitelnye-seti-kompaniy-pod-ugrozoj> (дата обращения: 24.02.2025).
11. Хостинг Nodex пострадал от хакеров. URL: <https://telecomdaily.ru/news/2025/01/10/hosting-nodex-postradal-ot-hakerov> (дата обращения: 29.01.2025).
12. Бессвязный Интернет. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7431970> (дата обращения: 05.02.2025).
13. РКН сообщил о кратковременном сбое на крупнейшей в РФ точке обмена трафиком. URL: <https://www.interfax.ru/digital/1007347> (дата обращения: 11.02.2025).
14. SOC-Forum в цитатах. День первый. URL: <https://cisoclub.ru/soc-forum-v-citatah-den-pervyj> (дата обращения: 29.01.2025).
15. Гордеев А. Больше половины субъектов КИИ не импортозаместят информзащиту до конца года. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/07/29/1052504-bolshe-pоловинi-subektov-kii-ne-uspeyut-pereiti-na-rossiiskie-sredstva-kiberzaschiti> (дата обращения: 29.01.2025).

УДК 343.54

Керимов Адалет Мухтар оглы

преподаватель, Балаковский филиал

Саратовской государственной юридической академии

г. Балаково, Российская Федерация

adaletk64@mail.ru

Уголовно-правовая охрана личности от преступных посягательств сексуальной направленности

***Аннотация.** Удовлетворение сексуальных потребностей преступным путем или сексуальная эксплуатация личности вызывает негативную реакцию во всем мире. Наше государство проводит системную работу по противодействию криминальным поведениям сексуального характера. В его обеспечении ключевую роль играет уголовный закон, располагающий системой норм, устанавливающих ответственность за посягательство на половую свободы личности, половую неприкосновенность личности и сексуальную эксплуатацию*

личности. Анализ правоприменительной практики показывает, что предпринимаемые государством усилия по предупреждению подобного рода общественно опасных деяний не привели к снижению их количества. Наоборот, из года в год удельный вес преступлений сексуального характера в структуре общей преступности имеет тенденцию к росту. Сказанное свидетельствует об имеющихся резервах научного осмысления потенциала уголовного закона по охране прав и свобод личности от посягательств сексуального характера.

Ключевые слова: уголовный закон, объект охраны, предупреждение, половые преступления, сексуальная эксплуатация.

Kerimov Adalet Mukhtar oqly

lecturer, Balakovo branch of the Saratov State Law Academy
Balakovo, Russian Federation

Criminal and legal protection of the person from criminal sexual assaults

Annotation. *The satisfaction of sexual needs by criminal means causes a negative reaction all over the world. Our state carries out systematic work to counteract criminal behavior of a sexual orientation. The criminal law plays a key role in ensuring it. It has a system of norms that establish responsibility for encroachment on sexual freedom and sexual inviolability of the individual (Chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation) and sexual exploitation of the individual (Chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation). An analysis of law enforcement practice shows that despite the rather harsh reaction of the state to such socially dangerous acts, sexual crimes retain their share in the overall crime structure from year to year. This indicates the existing reserves of scientific understanding of the potential of the criminal law to protect the rights and freedoms of individuals from sexual assault.*

Keywords: *criminal law, object of protection, prevention, sexual crimes, sexual exploitation.*

Охрана личности от преступных посягательств сексуальной направленности входит в число задач Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Необходимость ее обеспечения инструментариями уголовного закона объясняется тем, что подобного рода деяния характеризуются повышенной общественной опасностью. В результате их совершения нарушаются права личности на половую неприкосновенность и половую свободу, а также наносятся вред ее физическому и психическому здоровью.

Обеспечивать охрану прав и свобод личности от преступных посягательств сексуальной направленности призваны нормы двух самостоятельных глав отечественного уголовного закона. Они возлагают на физических лиц обязанность по воздержанию от посягательств на половую свободы и половую неприкосновенность личности (глава 18 УК РФ) и сексуальной эксплуатации личности (глава 25 УК РФ). Знакомство с аналитическими материалами судебной практики показывает, что не все правоисполнители добросовестно выполняют свои уголовно-правовые обязанности по воздержанию от совершения преступления сексуальной направленности. Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 г. суды признали виновными в совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности 5911 человек, в 2021 г. – 7057 человек, в 2022 г. – 7603 человека, а в 2023 г. – 8228 человек [3]. Продемонстрированные количественные показатели лиц, привлеченных к уголовной ответственности за

совершение рассматриваемой группы общественно опасных деяний, имеют тенденцию к росту. Дополнительную тревогу вызывает тот факт, что среди данной категории осужденных немалую долю составляют лица, имеющие судимость. В частности, в 2023 г. на момент судебного разбирательства неснятую или непогашенную судимость имели 2085 человек (25,34 %).

Вышесказанное свидетельствует об имеющихся резервах повышения уровня уголовно-правового противодействия преступным посягательствам сексуальной направленности. На наш взгляд, отечественная законодательная модель расположения преступных деяний сексуальной направленности в разных главах Особенной части УК РФ нуждается в корректировке. Это связано с тем, что действующая ее редакция не позволяет рассматривать все преступления сексуальной направленности однохарактерными общественно опасными деяниями, посягающими на один и тот же родовой объект. Заметим, что Уголовный кодекс Республики Беларусь [2] в отличие от отечественного уголовного закона объединил в одну главу все нормы, нацеленные на предупреждение криминальных посягательств сексуальной направленности – гл. 20 УК Беларуси «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Они устанавливают ответственность за изнасилование (ст. 166 УК Беларуси), насильственные действия сексуального характера (ст. 167 УК Беларуси), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 168 УК Беларуси), развратные действия (ст. 169 УК Беларуси), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 170 УК Беларуси), организацию и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией (ст. 171 УК Беларуси), вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 172 УК Беларуси). Представляется целесообразным использовать белорусский опыт по объединению всех преступлений сексуальной направленности в одну главу уголовного закона. Это позволит придать всем общественно опасным деяниям сексуальной направленности единый характер, и, как следствие, уравнивать социальную значимость объектов подобного рода преступных посягательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 28.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2022. № 13. Ст. 1952; 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8525.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 22.02.2025).

3. Данные судебной статистики // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 22.02.2025).

Сурогина Екатерина Николаевна

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических кадров, Академия ФСИН России

г. Рязань, Российская Федерация

katerina_s19@list.ru

Самоварова Елизавета Сергеевна

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических кадров, Академия ФСИН России

г. Рязань, Российская Федерация

lisska080694@yandex.ru

**Генезис становления уголовно-правовых норм в части,
касающейся заведомо ложной информации о преступлении**

***Аннотация.** В статье рассматриваются нормы российского уголовного права, связанные с заведомо ложной информацией о преступлении, в их историческом контексте и развитии, сравниваются различные нормативно-правовых актов на каждом этапе становления государственности и анализируется их связь с политическими и идеологическими веяниями присущими тому времени, в котором они созданы. Проведен анализ и сделаны выводы о возможности и необходимости корректировки современного законодательства.*

***Ключевые слова:** заведомо ложная информация о преступлении, клевета, генезис, памятник юриспруденции, нормативно-правовой акт.*

Surogina Ekaterina Nikolaevna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific

and Pedagogical Personnel Academy

of the Federal Penitentiary Service of Russia

Ryazan, Russian Federation

Samovarova Elizaveta Sergeevna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific

and Pedagogical Personnel Academy

of the Federal Penitentiary Service of Russia

Ryazan, Russian Federation

**The genesis of the formation of criminal law norms in terms
of deliberately false information about a crime**

***Annotation.** The article examines the norms of Russian criminal law related to deliberately false information about a crime in their historical context and development, compares various normative legal acts at each stage of statehood formation and analyzes their connection with the political and ideological trends inherent in the time in which they were created. The analysis was carried out and conclusions were drawn about the possibility and necessity of adjusting modern legislation.*

Keywords: *knowingly false information about a crime, slander, genesis, monument to jurisprudence, regulatory legal act.*

На протяжении генезиса становления правового института в российском обществе всегда существовали нормы, регламентирующие ответственность за распространения заведомо ложной информации о преступлении. Данный феномен мы связываем с потребностью чиновников защитить население своей страны от возможных негативных правоприменительных последствий в отношении ложно обвиненных людей.

На наш взгляд, заведомо ложная информация – это информация, не соответствующая действительности, про ложность которой известно лицу, распространяющему ее. Данное определение было сформировано благодаря анализу нормативно-правовых актов, разъясняющих и формирующих современный понятийный аппарат в области заведомой ложности. Проанализировав мнения других ученых, не можем не согласиться с С. А. Елец, который в своих трудах ссылается на различные нормативные правовые акты в их историческом и практическом применении, регламентирующие распространение порочащих измышлений: «Каждый новый крупный памятник уголовного права, помимо заимствования предыдущих достижений законодателя, вводит термины и составы преступлений, неизвестные предыдущему законодательству» [1, с. 66].

Так, в статье 22 «Русской правды» впервые появляется такое понятие, как клевета: «так же и во всех судебных делах, о воровстве и о клевете, если не будет поличного, а иск не менее полугривны золота, то тогда принудительно привести ответчика к испытанию железом» [2, с. 125]. А уже в статье 18 «Пространной правды» формируется отдельная правовая норма в отношении обвинения в убийстве без прямых улик, по сути прообраза заведомо ложного доноса: «о поклепне и вире. Аще будет на кого поклепная вира, то же будет послухов 7, то ти выведуть виру...» [2, с. 234]. Следующими памятниками юриспруденции, в которых конкретизируется ответственность за заведомо ложную информацию о преступлении, являются судебники 1497 и 1550 года, в них уже более конкретно формируется понятие «ябедничества», т. е. ложного доноса по своей структуре, а также клеветы – обвинения невиновных. Также в судебнике 1497 года впервые за данный вид преступления появляется такое наказание, как смертная казнь, что уже по своей роли наталкивает нас на мысль об угрозе заведомо ложной информации о преступлении для государства.

Следующим важным этапом в становлении норм, касающихся заведомо ложной информации, настоящего законодательства является «Соборное уложение» 1649 года. В данном нормативно-правовом акте присутствует кодификация церковных и государственных норм, а заведомо ложные обвинения, как отдельная норма, появляется в первой главе, посвященной богохульникам и церковным мятежникам. Например, в ст. 7 сказано: «А будет кого обесчестит словом, а не ударит, и его за бесчинство посадити в тюрьму на месяц...» [3, с. 244], а также в ст. 17 в отношении государственной измены отмечено: «А будет кто

на кого доводил государево великое дело, или измену, а не довел, и сыщется про то допряма, что он такое дело затеял на кого напрасно, и тому изветчику то же учинити, чего бы довелся тот, на кого он доводил» [3, с. 358].

По итогу анализа данного нормативно-правового акта мы пришли к следующим выводам. Во-первых, о наличии четкого разграничения заведомо ложной информации, как преступлений против лица и государства. Те преступления, которые касаются частных лиц, на тот момент не приобрели еще вид преступлений против чести и достоинства, но их разграничение от государственных преступлений уже позволяет нам увидеть прообразы нынешней системы права. Во-вторых, очевидным становится ужесточение санкций за преступления, связанные с предоставлением заведомо ложной информации.

Также стоит обратить внимание на такие памятники юриспруденции, как:

- Артикул воинский 1715 год. Данный свод законодательных актов попытался первым дать понятие клеветы – «пасквиля»;
- Устав благочиния 1782 год определял клевету как отдельное понятие информации, порочащей честь и достоинство;
- в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года начинается полноценная разбивка, разграничение заведомо ложного доноса от клеветы.

Следующим важным историческим этапом в формировании норм права в части заведомой ложности информации о преступлении является Уголовное уложение 1903 года. В данном нормативно-правовом акте законодатель в полной мере приблизился к современному понятию клеветы, как «опозорению» – разновидности оскорбления, общественная опасность которого заключалась в нанесении вреда как физическим, так и юридическим лицам.

На протяжении всего становления норм права мы наблюдаем не только изменения в понятийном аппарате различных норм, но и в диспозиции к данным нормам. Очевидно, что данный факт связан как с развитием общества в целом, так и с этапом социально-экономического развития страны. Так, после революции 1917 года нормы права в части заведомо ложной информации о преступлении претерпевают изменения, которые в основной ее части сыграли существенную роль в возникновении таких статей Уголовного кодекса Российской Федерации от 1996 года (далее – УК РФ), как 306 УК РФ, ст. 128 УК РФ и ст. 207 УК РФ [7].

Если говорить про УК РСФСР 1922 года, в данном нормативном правовом акте часть раздела была посвящена преступлениям, связанным с ложной информацией: «глава V, раздел 5 – иные посягательства на личность и ее достоинство». Также наблюдается не только тенденция полного отделения от церкви и выделения данных норм, как преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, но и полную сепарацию прав церкви: «глава III нарушение правил об отделении церкви от государства». В документе появляется точное определение понятия клеветы, как «оглашения заведомо ложного и позорящее другое лицо обстоятельства» [4].

Учитывая сказанное, можно сделать вывод о том, что данный нормативно-правовой акт вносит свои юридические корректировки в российское законодательство, признает за данным видом преступной деятельности (в отношении клеветы) частный характер и выдвигает прообраз ст. 306 УК РФ – заведомо ложный донос. Таким образом, документ является своего рода тем основанием, на котором в дальнейшем будет строиться целая последующая вековая система права.

Стоит отметить, что УК РСФСР 1926 года стал первым нормативным правовым актом, в котором заведомо ложный донос отнесли к преступлениям против порядка управления, т. е. из преступлений против личности оно перешло в группу преступлений, связанных с государством и правосудием [5].

Последним нормативным правовым актом, который мы предлагаем рассмотреть, является УК РСФСР 1960 года. В ст. 130 указывается точное понятие клеветы, как «распространение заведомо ложных позорящих другое лицо измышлений», а в ст. 180, конкретизируется заведомо ложный донос о совершении преступления [6].

В завершении работы мы хотели бы отметить, что на протяжении становления уголовного законодательства санкции данных норм также претерпевали изменения: от штрафа в Русской правде до смертной казни в судебниках Ивана III и Ивана Грозного; от тюремного заключения до уголовных штрафов. Мы также наблюдаем, что количество норм, устанавливающих уголовную ответственность в части заведомой ложности, менялось от одной или двух статей до целых разделов, посвященных данным нормам права.

Весь отечественный историко-юридический опыт говорит не только о том, что преступления, связанные с заведомо ложной информацией, на каждом этапе становления имели свою определенную значимость и проблематику, но и о том, что данные нормы права подвергаются по большей части государственным и общественным изменениям. Из этого вытекает необходимость регулирования и дальнейшего юридического рассмотрения во взаимодействии с практическим применением данных норм права на пути к становлению правового государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елец С. А. Основные этапы и закономерности развития норм об уголовной ответственности за распространение заведомо ложных измышлений. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-i-zakonomernosti-razvitiya-norm-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-rasprostranenie-zavedomo-lozhnyh-izmyshleniy> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Законодательство Древней Руси. Т. 1 / отв. ред. тома чл.-кор. АН СССР, д-р ист. наук, проф. В. Л. Янин. 1984. С. 430. URL: <https://www.prilib.ru/item/1874382> (дата обращения: 13.04.2025).
3. Акты Земских соборов. Т. 3 / отв. ред. тома А. Г. Маньков. 1985. С. 511. URL: <https://www.prilib.ru/item/1874384> (дата обращения: 13.04.2025).

4. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 года : принят 26 мая 1922 года на 3-й сессии IX Всероссийского съезда Советов. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 14.04.2025).

5. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1926 года : принят Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (дата обращения: 14.04.2025).

6. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1960 года : принят Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 14.04.2025).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 14.04.2025).

УДК 343.352.3

Калитинская Александра Викторовна

адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России

г. Иркутск, Российская Федерация

Kalitinskaya92@bk.ru

Проблемы противодействия коррупции в сфере закупок товаров и работ за счет средств федерального бюджета для осуществления строительства и реконструкции железнодорожных объектов в России

***Аннотация.** Статья посвящена изучению видов коррупционных преступлений в сфере закупок товаров и работ за счет средств федерального бюджета для осуществления строительства и реконструкции железнодорожных объектов в России, практики борьбы с ними и существующих проблем в раскрытии и расследовании коррупционных преступлений в данной сфере. Актуальность данной темы заключается прежде всего в том, что указанная проблема не получила должного уровня научной разработки и нуждается в ряде предложений по усовершенствованию криминалистического обеспечения данного вида преступлений.*

***Ключевые слова:** противодействие коррупции, закупки, строительство и реконструкция железнодорожных объектов, федеральный бюджет, коррупционные преступления.*

Kalitinskaya Alexandra Viktorovna

adjunct at the East Siberian Institute

of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Irkutsk, Russian Federation

Problems of combating corruption in the sphere of procurement of goods and works at the expense of the federal budget for the construction and reconstruction of railway facilities in Russia

***Annotation.** The article is devoted to the study of types of corruption crimes in the sphere of procurement of goods and works at the expense of the federal budget for the construction and reconstruction of railway facilities in Russia, practices of combating them and existing problems in the detection and investigation of corruption crimes in this area. The relevance of this topic lies primarily in the fact that this problem has not received the proper level of scientific development and requires a number of proposals to improve the forensic support of this type of crime.*

***Keywords:** anti-corruption, procurement, construction and reconstruction of railway facilities, federal budget, corruption crimes.*

С учетом многогранности исследуемого спектра криминальной деятельности, совершаемой в указанной сфере, и их высокой латентности, а также результатов деятельности правоохранительных органов, квалифицирующих посяательства на установленный законом порядок проведения данных закупок по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (159, 174.1, 178, 200.4, 200.5, 200.6, 201.1, 204, 238, 285, 285.1, 286, 289, 290, 291, 291.1, 292, 293, 327) есть основание с уверенностью утверждать, что преступления в данной сфере относятся как к экономическим преступлениям, так и к коррупционным.

Также стоит учитывать, что железная дорога является зоной повышенной опасности и выделяемые на ее ремонт и реконструкцию денежные средства рассчитаны на ее безопасное функционирование. В результате совершенных коррупционных преступлений, денежные средства, выделяемые из средств федерального бюджета, поступают не в полном объеме, работы и услуги осуществляются низкоквалифицированными специалистами за более низкую оплату труда, а товары, закупаемые по низким ценам, не отвечают условиям безопасности эксплуатации, что создает угрозу жизни и здоровью граждан.

В своем исследовании К. О. Дмитриев указывает на то, что большинство подобных коррупционных преступлений в силу своей специфики носит латентный характер, и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности возможно лишь после проведения комплекса оперативно-розыскных, проверочных мероприятий и получения соответствующей информации о подготавливаемых или совершаемых преступлениях. Выявление подобных коррупционных преступлений в отношении высокопоставленных должностных

лиц ОАО «РЖД» не является редким исключением. При этом сразу обращает внимание на себя тот факт, что должностные лица ОАО «РЖД», в отличие от должностных лиц большинства коммерческих организаций, являются субъектами коррупционных преступлений. Указанная ситуация возникла в связи с тем, что несмотря на то, что ОАО «РЖД» является коммерческой организацией, 100 процентов его акций принадлежат Правительству Российской Федерации [1, с. 143].

В ходе исследования установлены следующие способы совершения коррупционных преступлений:

– мошенничество (ст. 159 УК РФ);

- превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285, 286 УК РФ);
- «взяточничество» (ст. 290, 291, 291.1, 200.5, 204 УК РФ);
- легализация (отмывание) денежных средств (ст. 174.1 УК РФ).

Одной из актуальных проблем выявления и расследования преступлений в данной сфере является низкое качество проведения доследственных проверок, обусловленное как сложностью нормативного регулирования сферы закупок, так и низким профессиональным мастерством подавляющей части оперативных работников и следователей органов внутренних дел (отсутствие уверенных знаний функционирования организаций в различных сферах экономической деятельности, обширная нормативная правовая база, которая постоянно должна актуализироваться, законодательство в сфере госзаказа, государственный оборонный заказ, антимонопольное, таможенное, корпоративное законодательство).

Автор согласен с мнением Н. В. Кручининой о том, проблемы в расследовании преступлений данной категории также связаны с низким уровнем профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов [2, с. 77].

Некомпетентность сотрудников ОЭБ и ПК, незнание процедуры закупок товаров и работ, участвующих лиц и тактики проведения отдельных видов ОРМ существенно препятствует выявлению преступлений в данной сфере.

Для решения указанной проблемы необходимо проведение дополнительных курсов повышения квалификации для сотрудников правоохранительных органов, подразумевающих изучение: конкурсной документации, процедуры закупок товаров и работ, тактики проведения отдельных видов ОРМ при выявлении и расследовании преступлений в сфере закупок товаров и работ за счет средств федерального бюджета для осуществления строительства и реконструкции железнодорожных объектов в России.

На сегодняшний день в силу растущего некомплекта и так называемого «кадрового голода в ОВД», недостатка ведомственного финансирования, существует проблема в проведении строительно-технических экспертиз по объектам железнодорожного транспорта с участием специалистов-криминалистов из числа сотрудников ОВД. Значительное количество строительно-технических исследований и экспертиз в производстве специалистов ЭКЦ ОВД создает внушительную очередь, что чревато увеличением сроков проведения расследования и как следствие предоставление возможности скрыть или уничтожить следы преступления лицам, проводившим ремонтные работы [3, с. 62].

Еще одной немаловажной проблемой является противодействие процессу расследования уголовных дел по преступлениям данной сферы, оказываемое лицами, причастными в любой форме к расследованию [4, с. 253]. В данном конкретном случае это должностные лица комиссии ОАО «РЖД» по осуществлению закупок; руководящие лица исполнителя корпоративного заказа; руководящие лица проектно-конструкторских организаций, выполняющие разработку проектной документации по строительству и производству работ и др.

С. Г. Еремин приходит к выводу о том, что положительного итога расследования преступлений совершенных в сфере государственных и муниципаль-

ных покупок является наличие определенного порядка взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками правоохранительных органов и иными участниками расследования. Слаженность и координация любого взаимодействия достигается путем распределения функций и обязанностей его участников [5, с. 122].

Успех в расследовании данного вида преступлений и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности в целом зависит от правильности, последовательности и сроков выполнения следственных действий. Зачастую данные преступления являются много эпизодными и совершаются организованной группой. В связи с чем для расследования данных уголовных дел необходимо создание следственно-оперативной группы, в которой все участники будут заинтересованы в расследовании и взаимозаменяемы при уходе в отпуска и передаче дел, а также их оперативного сопровождения. Другим условием положительного итога расследования является наличие определенного порядка взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками правоохранительных органов и иными участниками расследования. Слаженность и координация любого взаимодействия достигается путем распределения функций и обязанностей его участников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриев К. О. Коррупционные преступления на объектах железнодорожного транспорта Свердловской области и особенности их документирования на примере железнодорожных станций // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 142–147.
2. Кручинина Н. В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в сфере экономики // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2017. № 5. С. 77.
3. Абраменкова В. С. противодействие при расследовании: понятие, формы и способы // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 62.
4. Андреев С. Э. К вопросу о специфике выявления экономических преступлений в сфере строительства на железнодорожном транспорте // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 2. С. 253.
5. Еремин С. Г. Планирование и взаимодействие при расследовании преступлений, совершенных в сфере государственных и муниципальных закупок // Юрист-правовед. 2020. № 3(94). С. 122.

СЕКЦИЯ 4

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.1

Рябинина Татьяна Кимовна

доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
tatyanakimovna-r@yandex.ru

Перспективы и трудности внедрения современных технологий в российское уголовное судопроизводство

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01341,
<https://rscf.ru/project/25-28-01341/>

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы о проблемах, возникающих в процессе использования современных технологий в уголовном судопроизводстве. Автор отмечает неизбежность информатизации и компьютеризации уголовного процесса. Вместе с тем, считает, что в целях обеспечения прав и законных интересов участников судопроизводства, и эффективного осуществления уголовно-процессуальной деятельности необходимо соответствующее правовое регулирование данных процедур.*

***Ключевые слова:** концепция внедрения информационных технологий, электронные документы, электронные доказательства.*

Ryabinina Tatiana Kimovna

doctor of law, professor
head of the Department of Criminal
Procedure and Criminology
Southwest State University
Kursk, Russian Federation

Prospects and difficulties of introducing modern technologies into the Russian criminal justice system

***Annotation.** The article discusses the issues that arise in the process of using modern technologies in criminal proceedings. The author notes the inevitability of computerization and computerization of the criminal process. At the same time, he believes that in order to ensure the rights and legitimate interests of participants in legal proceedings and the effective implementation of criminal procedural activities, appropriate legal regulation of these procedures is necessary.*

***Keywords:** information technology implementation concept, electronic documents, electronic evidence.*

Теоретические исследования последнего десятилетия свидетельствуют о возросшем интересе ученых и практиков к проблемам цифровизации уголовного судопроизводства. Причем это не какая-то дань моде, а назревшая необходимость ответить на вопросы, поставленные XXI веком. И, если с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в 2001 году, научные разработки первых двух десятилетий его действия были обусловлены основными направлениями реализации современной судебной реформы – это укрепление судебной власти, расширение сферы судебной деятельности в уголовном судопроизводстве, проблемы установления истины по уголовному делу, обеспечение прав и законных интересов сторон в ходе производства по уголовному делу, совершенствование правовых статусов прокурора, следователя, органов дознания и пр., то в настоящее время научное сообщество обеспокоено проблемой расширяющегося проникновения в уголовно-процессуальную сферу современных технологий.

Одними из первых обратили внимание на проблемы, которые будут возникать в связи с использованием электронных документов в ходе производства по уголовному делу, К. Б. Калиновский и Т. Ю. Маркелова [10, с. 18–19]. В дальнейшем, с развитием цифровых технологий, конечно, круг вопросов, подлежащих изучению, с каждым годом стал расширяться.

За более чем двадцатилетний период применения УПК РФ реальная жизнь во всех сферах социума, в том числе и в уголовно-правовой, не подвластная только лишь правовому регулированию, все больше наполняемая достижениями не только юридической науки, но и точных наук – программного обеспечения, IT-технологий, не могла не сказаться как на преступности, так и соответствующих ей современных средствах борьбы с ней. Разработка высокоточных технологий, используемых в раскрытии и расследовании преступлений, а теперь и в рассмотрении уголовных дел судами, стала задачей государственного уровня, о чем свидетельствует принятие на высшем уровне Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [15], основанной на Указе Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 [16].

Несомненно, реализация данной Стратегии должна отразиться самым непосредственным образом, в том числе, и на трансформации уголовного судопроизводства из традиционного, письменного, формата в электронный. Стремясь «догнать и обогнать» преступность, которая, к сожалению, оперативнее среагировала на всеобщую компьютеризацию и цифровизацию, правоохранительная система, приняв вызов преступности, в свою очередь, стала приспосабливать уголовно-процессуальную деятельность под современные реалии.

Начав с использования электронных документов, электронных носителей информации, правоприменительная практика, опираясь на новеллы в уголовно-процессуальном законе, наполнялась опытом внедрения в уголовное судопроизводство новых технологий в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в информационных сферах, проведения процессуальных действий в виртуальных пространствах, с использованием системы видеоконференцсвязи и электронного документооборота, распределения поступивших в суд уголовных дел посредством автоматизированной информационной системы, введения аудиопотоколирования судебного заседания и пр.

Особую значимость приобрело введение в уголовный процесс порядка производства новых процессуальных действий – использование аудиовизуальных, электронных и других технических средств контроля при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий и домашнего ареста, изъятие электронных носителей информации.

Вместе с тем, практика с каждым годом ставит все больше вопросов, требующих разрешения, причем как в законодательном порядке, так и в теоретическом, и практическом. Прежде всего, речь идет о переходе на электронное уголовное дело, «электронное правосудие», о роли, фиксации и использовании в процессе доказывания электронных следов, результатов видеофиксации (видеорегистраторов), программы распознавания по лицам, о дистанционном проведении следственных действий. Дальше больше – все чаще обсуждаются перспективы использования искусственного интеллекта, робота-судьи («Алиса» в уголовном деле?) и пр.

Во всех этих направлениях проводятся научные исследования. И чем глубже ученые и практики внимают в суть новых явлений, чем больше появляется публикаций, в которых анализируются особенности использования в уголовном судопроизводстве современных технологий и правового регулирования внедрения их в уголовное судопроизводство, эффективность и перспективы их использования, тем больше вскрывается проблем, связанных с цифровизацией, компьютеризацией уголовного процесса.

Верно Л. А. Воскобитова поднимает проблему совместимости уголовного судопроизводства и цифровых технологий [4, с. 91–104]. Действительно, пока есть ощущение, что эти две сферы сосуществуют параллельно в отсутствие необходимой правовой основы. Многих исследователей стало покидать чувство эйфории по поводу «светлого» будущего в «электронном» рае. Все чаще наряду с положительными сторонами новых технологий и теории, и практические работники стали обсуждать и возможные риски их использования в уголовном судопроизводстве [2, с. 20–24; 9, с. 121–127; 14; 17, с. 214–229]. В первую очередь эти опасения, например, по мнению А. С. Александрова, касаются установления тотального контроля государства за частной жизнью граждан, что несовместимо с переводом уголовного процесса на цифровую платформу правового государства, и может свести на «нет» все усилия государства по трансформации уголовного судопроизводства в сторону наполнения его современными технологиями. Вопросами обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства озабочены и другие процессуалисты [5, с. 31–34].

На эти опасения С. В. Зуев справедливо замечает, что необходимо «...разработать оптимальные, эффективные (надлежащие) информационные правовые механизмы обеспечения прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных отношений, учитывающих интересы государства, а также уровень развития современных технологий других цивилизованных стран. Наша задача создать комфортные условия реализации прав граждан (налогоплательщиков) при их обращении в правоохранительные органы и суды. И то, что это предлагается делать в цифровом формате, никого не должно смущать или пугать. В любом случае все дороги ведут в цифровую «страну» уголовного судопроизводства».

Однако, чтобы реализовать такие идеи, необходимо выработать основные направления внедрения информационных технологий в уголовный процесс, ввести новый категориальный аппарат, выявить возможные риски, дать финансовое обоснование, учесть «человеческий фактор». Последний аспект особенно важен относительно профессиональной переподготовки следователей, дознавателей, прокуроров и, конечно, судей. «Старого багажа» явно недостаточно для перевода всего уголовного судопроизводства на электронную платформу, поскольку нет ясного понимания путей реализации этих механизмов. Требуется овладение правоприменителями новыми навыками в теоретическом, организационном, научно-техническом, кадровом аспектах.

Таким образом, высветилась главная проблема – это отсутствие четкой концепции развития и внедрения в уголовный процесс современных информационных технологий. Безусловно, теоретических исследований, публикаций, защищенных диссертаций на данную тематику предостаточно, но необходима выработка государственной концепции. В связи с этим хотелось бы отметить вклад, который внесли в развитие этой идеи отдельные ученые.

Например, научный коллектив под руководством профессора Л. Н. Масленниковой, в рамках научного проекта «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» разрабатывает концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий. Обоснованы основные направления концепции: в части цифровизации уголовного судопроизводства – разработка и внедрение не имеющей аналогов в Российской Федерации государственной автоматизированной системы «Доступ к правосудию»; создание единой цифровой платформы для электронного взаимодействия руководителей всех уровней правоохранительных и иных государственных органов, судей, прокуроров, следователей, дознавателей между собой и с гражданами при обеспечении всем участникам цифрового равенства; в части изменения парадигмы начального этапа уголовного судопроизводства – новый подход к досудебному производству как к государственной услуге по обеспечению гражданам доступа к правосудию; предоставление участникам, не наделенным властными полномочиями, права обращаться в суд с ходатайствами о депонировании доказательств, о принятии мер по обеспечению гражданского иска и др.; трансформации предварительного судебного контроля в организационно самостоятельный судебный орган, обеспечивающий доступ к правосудию путем рассмотрения обращений на начальном этапе уголовного судопроизводства, в том числе дистанционно [1, с. 728–751; 12, с. 70–78; 13, с. 52–65].

Профессор С. В. Зуев, выявив в научных исследованиях три основных направления: 1) разработка теоретических основ и научного обоснования системы информационного обеспечения уголовного процесса; 2) внедрение в классическую модель уголовно-процессуальных средств доказывания «электронных доказательств»; 3) технико-криминалистическое обеспечение использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности, расширяет границы теоретических исследований и приходит к выводу о необхо-

димости научной разработки концепции формирования единой цифровой среды уголовного судопроизводства [6, с. 587–595; 7, с. 118–123; 8, 248 с.].

Идею концептуального подхода к внедрению современных технологий высказывают и другие авторы [3, с. 15–19; 11, с. 86–99].

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на научный интерес к проблемам использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве, впереди предстоит еще серьезная работа – это приведение уголовно-процессуального законодательства в соответствие с новыми современными реалиями. Думается, что теоретические исследования в данном направлении будут востребованы законодателем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов – к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 728–751.

2. Власов П. Е. Дискуссионные направления цифровизации уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2024. № 9. С. 20–24.

3. Власов П. Е. Приоритетные направления цифровой трансформации уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2023. № 6. С. 15–19.

4. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica (Русский закон). 2019. № 5(150). С. 91–104.

5. Гладышева О. В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 31–34.

6. Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 587–595.

7. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 118–123.

8. Зуев С. В. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2018. 248 с.

9. Иванов В. В. Использование современных технологий в уголовном процессе: польза и риски // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2017. С. 121–127.

10. Калиновский К. Б., Маркелова Т. Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18–19.

11. Марковичева Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2, № 3. С. 86–99.

12. Масленникова Л. Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // LEX RUSSICA (Русский закон). 2020. Т. 73, № 1 (158). С. 70–87.

13. Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10(74). С. 52–65.

14. Скоробогатый П. Судебные реформы требуют последовательности, а не революций. URL: <http://expert.ru/expert/2017/43/sudebnyie-reformyi-trebuyut-posledovatelnosti-a-ne-revolyuitsij/> (дата обращения: 20.03.2025).

15. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203/strategiia-razvitiia-informatsionnogoobshchestva-v/> (дата обращения: 20.03.2025).

16. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

17. Шушеначев А. В. Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 214–229.

УДК 343.1

Никурадзе Наталья Олеговна

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург, Российская Федерация
nikinatali2012@yandex.ru

Мищенко Елена Валерьевна

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовного процесса и криминалистики
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург, Российская Федерация
mar_1234@mail.ru

Марина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург, Российская Федерация
marina250610@mail.ru

**Собирание «электронных» доказательств в уголовном процессе:
проблемные вопросы сквозь призму зарубежного опыта**

Аннотация. Процесс цифровизации активно проникает во все стороны жизни современного общества и уголовное судопроизводство - не исключение. Одним из аспектов

цифрового развития уголовного судопроизводства является использование в доказывании по уголовным делам доказательств в электронной форме, однако их правовое регулирование нуждается в совершенствовании. В настоящей статье рассматриваются проблемные вопросы собирания «электронных» доказательств, в том числе трансграничным путем, сквозь призму зарубежного опыта. Выявлены особенности использования в доказывании по уголовным делам «электронных» доказательств, а также предложены рекомендации их учета в практике правоприменения и совершенствовании правового регулирования.

Ключевые слова: уголовный процесс, «электронные» доказательства, собирание доказательств, трансграничное получение доказательств, допустимость доказательств.

Nikuradze Natalia Olegovna

candidate of law sciences, associate
professor of the Department of Criminal
Procedure and Forensic Science
associate professor Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

Mishchenko Elena Valerievna

doctor of law, associate professor
head of the Department of Criminal
Procedure and Forensic Science
associate professor Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

Marina Elena Aleksandrovna

candidate of law sciences, associate professor
of the Department of Criminal
Procedure and Forensic Science
associate professor Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

Collection of “electronic” evidence in criminal proceedings: problematic issues through the prism of foreign experience

Annotation. The process of digitalization is actively penetrating all aspects of life in modern society and criminal proceedings are no exception. One of the aspects of the digital development of criminal proceedings is the use of evidence in electronic form in proving in criminal cases, but their legal regulation needs to be improved. This article examines the problematic issues of collecting “electronic” evidence, including cross-border, through the prism of foreign experience. The features of using “electronic” evidence in proving in criminal cases are identified, and recommendations are proposed for taking them into account in law enforcement practice and improving legal regulation.

Keywords: criminal proceedings, “electronic” evidence, collection of evidence, cross-border obtaining of evidence, admissibility of evidence.

В науке и практике современного уголовного процесса ведутся оживленные дискуссии о тенденциях и направлениях цифрового развития складываю-

щихся общественных отношений и их правового регулирования. Сегодня уже не вызывают резкой критики идеи о применении в уголовном процессе технологий искусственного интеллекта, виртуальной реальности, онлайн-правосудия, электронного порядка производства по уголовным делам и т. д. Напротив, представители уголовно-процессуальной науки и практики в большей степени рассуждают о развитии правового регулирования, создании новых и совершенствовании действующих правовых механизмов, регламентирующих использование в уголовном процессе современных технологий. Уголовно-процессуальный институт доказывания также претерпевает «цифровое» воздействие, поскольку все стороны жизнедеятельности общества поглощены цифровыми технологиями и каждый пользователь оставляет огромное множество различных «цифровых» следов, то в системе доказательств по уголовным делам особая роль отводится «электронным».

Доказательства в электронной форме активно используются в доказывании по уголовным делам, однако они так и не получили с точки зрения законодателя самостоятельности как отдельного вида (формы) доказательства, их регламентация отсутствует в ст. 74 УПК РФ. Однако в ст. 164¹ УПК РФ закрепляет порядок изъятия электронных носителей информации и ее копирование с них при производстве следственных действий. С точки зрения практики электронные носители информации осматриваются в установленном законом порядке и приобщаются к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств. Например, по возбужденному уголовному делу следователь следственного отдела по г. Оренбург следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Оренбургской области, без участия понятых, в соответствии с ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, со ст. 164, ч. 1 ст. 176, ч.ч. 1–4 и 6 ст. 177 УПК РФ в служебном кабинете произвел осмотр документов (предметов): электронного документа «НС-03_123-А»; электронного документа «НС-03_824-А». Указанные документы содержали детализации по абонентским номерам за интересующий следствие период. После осмотра электронный носитель информации с содержащейся на нем информацией постановлением следователя приобщается в качестве вещественного доказательства, детализации распечатываются и также приобщаются к материалам уголовного дела [1].

В этой связи в науке уголовного процесса позиции ученых относительно необходимости правовой регламентации «электронных» доказательств в ст. 74 УПК РФ как отдельного вида разделились: одни полагают, что достаточно традиционных форм доказательств, другие настаивают на особой специфике электронной формы доказательств [2, с. 46–51; 3, с. 18–19], существенно отличающей их от вещественных, и, как следствие, на их закреплении в УПК РФ не просто как дефиниции, но и особого порядка их оценки, проверки и собирания [4, с. 132–144]. В настоящем исследовании предлагаем не дискутировать о понятии и самостоятельности «электронных» доказательств, а разобраться в некоторых проблемных вопросах их применения в современном уголовном процессе, а именно собирания.

Порядок собирания доказательств в электронной форме в российском уголовном процессе регламентирован общими требованиями ст. 86 УПК РФ с учетом особенностей ст. 164¹ УПК РФ, регламентирующей особенности изъятия электронных носителей и копирования с них информации. Каких-либо других, так называемых руководящих, правил не предусмотрено в отличие от законодательства зарубежных стран, где «электронные данные» рассматриваются как отдельный вид доказательств, и соответственно предусмотрен отдельный порядок их собирания. Например, в Китае с 1 февраля 2019 года вступили в силу «Правила работы органов общественной безопасности с электронными доказательствами по уголовным делам» № 40 [5].

Согласно указанным Правилам электронные данные открытого доступа подлежат извлечению (копированию) посредством телекоммуникационной сети Интернет в режиме онлайн в рамках международного сотрудничества осуществляется собирание электронных данных, находящихся под юрисдикцией другого государства, а также «перехваченных» электронных данных. При этом в случае международного сотрудничества по уголовным делам по вопросам получения «электронных» доказательств для обеспечения допустимости их использования в уголовном процессе на национальном уровне предусмотрен ряд руководящих положений: 1) при получении «электронных» доказательств по международному запросу от иностранного государства осуществляется проверка их полного соответствия требованиям национального уголовно-процессуального законодательства (с точки зрения соблюдения порядка направления и выполнения международного запроса, условий и правил собирания доказательств иностранным государством и т. д.); 2) контроль передачи «электронных» доказательств иностранным государством (соответствие фактически переданных данных составленной описи передачи, заверенной в установленном порядке консульством Китая на территории иностранного государства, осмотр «электронных» доказательств, проверка возможных повреждений, утраты данных и т. д.); 3) оценка и проверка зарубежных электронных данных (допустимость, объективность, достоверность и полнота электронных данных проверяются и оцениваются посредством исследования источника их получения и порядка собирания, хранения и передачи), проведение экспертизы; 4) изучение и установление фактических данных (установление на основе полученных электронных данных фактов связи участников преступных групп (например, в сфере кибермошенничества), связи потерпевших с преступниками, причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями) [5].

Безусловно, собирание «электронных» доказательств, находящихся под юрисдикцией другого государства, имеет определенные сложности, их важно учитывать при формировании идей и предложений по совершенствованию отечественного порядка. Для наглядности стоит обратиться к негативному опыту отдельных стран. Так, рассматривая данный вопрос, необходимо учесть и негативный опыт взаимодействия в получении электронных доказательств, например, в сотрудничестве ЕС и США. В своем исследовании Э. Буссер, рассматривая особенности обмена электронными данными между ЕС и США по эконо-

мическим преступлениями, отмечает, что имеются определенные «бреши». Во-первых, электронные данные, используемые в доказывании по уголовным делам, как правило, находятся в руках частных компаний, предоставляющих интернет-услуги, и хранятся на облачных серверах, которые, в свою очередь, могут находиться под юрисдикцией совершенно другого государства. В результате проблемы сводятся к сложностям установления, в распоряжении какой компании находятся электронные данные, где хранятся и под чьей юрисдикцией находятся, а также их последующего получения. Ситуацию усугубляет динамичное распределение электронных данных компаниями по разным глобальным центрам обработки и хранения данных [6].

Во-вторых, трансграничное получение электронных данных органами предварительного расследования, прокуратурой и судами ЕС и США не имеет надлежащей правовой регламентации. Э. Буссер указывает на «медлительность» законодателя, а именно: применяемые в настоящее время правовые основания международного сотрудничества не соответствуют быстроменяющимся уголовно-процессуальным отношениям, где все больше доказательств носят цифровой (электронный) характер. Отсутствие эффективной правовой базы для компетентных органов, которым необходимо получать электронные данные трансграничным путем с целью их использования в доказывании по уголовным делам, создает почву для законодательных инициатив отдельных государств, направленных на исправления складывающейся практики нормативного регулирования и правоприменения. Предложено к числу субъектов такого взаимодействия привлекать непосредственно компании, в чьем распоряжении находятся запрашиваемые компетентными органами электронные данные, наделяя их ролью «главных поставщиков» информации, что расширяет рамки правовой помощи ЕС и США. В-третьих, не менее важная проблема – это обеспечение гарантий защиты электронных данных. Компании, базирующиеся в США, являются важными «поставщиками» электронных данных для расследования уголовных дел, проводимых органами ЕС, однако коллизионные правовые режимы защиты информации ставят под угрозу эффективности передачи данных, особенно персональных данных граждан [6].

Изложенные проблемные аспекты собирания «электронных» доказательств обусловлены отсутствием единого правового регулирования порядка международного сотрудничества по уголовным делам ввиду различия и особенностей правовых систем государств, различием методов и способов собирания электронных данных на национальном уровне государств, несовершенством обмена опытом между государствами относительно вопросов применения передовых технологий собирания (обнаружения, перехвата, восстановления и т. д.), проверки и оценки (подлинности, аутентичности, модификации, поврежденности и т. д.) электронных данных, имеющих значение для уголовного дела. При этом анализ и обобщение международного опыта, позволяющие выявлять положительные практики, прогнозировать потенциальные угрозы утраты «электронных» доказательств и т. п., позволят улучшить систему сотрудничества между странами и аккумулировать силы в борьбе с трансграничной пре-

ступностью, совершаемой с применением информационных и телекоммуникационных технологий.

Учитывая положительный и негативный опыт зарубежных стран в вопросах собирания «электронных» доказательств по уголовным делам, целесообразно выделить ряд особенностей, позволяющих минимизировать риски недопустимости собранных по уголовному делу доказательств в электронной форме.

1. Особенности изъятия и фиксации доказательств в электронной форме. Изъятие и опечатывание оригинального электронного носителя информации имеет приоритетное значение, копирование информации на другой электронный носитель допускается при невозможности изъятия оригинала. При этом для обеспечения допустимости их использования в доказывании по уголовным делам важно осуществлять собирание доказательств, связанных с оригинальным электронным носителем информации, имеющей доказательственное значение (например, свидетельские показания, идентификационные материалы, позволяющие установить факт использования оригинального электронного носителя информации конкретными лицами).

2. Особенности проведения судебной экспертизы. Доказательства в электронной форме, имеющие значение для уголовного дела, нуждаются в проведении судебной экспертизы. Поскольку электронные данные отличаются друг от друга, а после собирания и изъятия они часто нуждаются в восстановлении, взломе, моделировании, сравнении и других процессах прежде, чем они будут доступны для человеческого восприятия, последующей их проверки и оценки, судебная экспертиза должна проводиться в три этапа: экспертиза электронных данных на этапе их собирания и извлечения; собственно экспертное исследование содержания электронных данных; экспертная оценка и проверка электронных данных и их носителей, идентификация данных.

3. Особенности производства осмотра. УПК РФ четко регламентирует порядок осмотра предмета и документов, которому подвергаются изъятые в порядке ст. 164¹ электронные носители информации или те, на которые информация была скопирована. Однако «дистанционный» осмотр электронных данных, находящихся, например, в облачных хранилищах, других устройствах, основанных на технологиях удаленного хранения, обработки и передачи данных, не предусмотрен, но его правовая регламентация сегодня обоснована и целесообразна. «Дистанционный» осмотр по характеру следственного действия аналогичен осмотру на месте, но его целью является собирание и изъятие электронных данных, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и представляет собой объективное описание «виртуальной сцены» и электронных данных. Протокол «дистанционного» осмотра должен фиксировать содержание электронных данных и их метасведения, наблюдаемую на экране следователем информацию, сведения о местоположении данных, информационные процессы, которые отображаются в описании данных, совершаемые за последнее время, зафиксированные даты изменений и т. д. Важно понимать, что в данном случае протокол – это источник доказательств, предметным содержанием доказательств будут являться са-

ми электронные данные, содержание сведения доказательственного значения для уголовного дела.

4. Особенности «замораживания» электронных данных. При производстве по уголовному делу электронные данные, имеющие доказательственное значение, могут подлежать так называемому «замораживанию», данный порядок следует процессуально регламентировать. Например, «замораживание» выполнения операции электронного денежного перевода, финансовых активов и т. п. в целях предупреждения совершения новых преступлений или последующего их ареста во исполнение конфискации имущества в порядке ст. 104¹ УК РФ или удовлетворения имущественных требований о возмещении вреда, причиненного преступлением или данных аккаунтов в целях ограничения возможностей внесения изменений и удаления данных. Для этого необходимо также предусмотреть порядок уведомления держателей электронных данных, поставщиков сетевых услуг, соответствующих ведомств, организаций и т. д. о процедуре «замораживания».

Проведенное исследование показало, что тема актуальна сегодня, имеет множество нерешенных вопросов теоретического и правоприменительного характера. Обозначенные в статье проблемные аспекты, а также выявленные особенности собирания доказательств в электронной форме и рекомендации по их учету в правоприменительной деятельности, являются лишь одной из ступеней многосложной научной проблемы применения в уголовном процессе «электронных» доказательств, востребованность которой остается в научной и правоприменительной сферах в силу недостаточности правового регулирования. Эти и многие другие вопросы относительно собирания, проверки и оценки доказательств в электронной форме еще предстоит разрешить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовное дело, по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ // Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга, 2023 г.

2. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3(26). С. 46–51

3. Калиновский К. Б., Маркелова Т. Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18–19.

4. Николадзе Н. О. Электронные доказательства в уголовном процессе: о целесообразности правового регулирования // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 4. С. 132–144.

5. 公安机关办理刑事案件电子数据取证规则》的理解与适用. URL: <https://www.secrss.com/articles/10248> (дата обращения: 28.10.2024).

6. Busser E. EU-US Digital Data Exchange to Combat Financial Crime: Fast is the New Slow // German Law Journal. 2018. N 19(5). P. 1251–1267.

Александров Александр Сергеевич
доктор юридических наук, профессор
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
anrc@rambler.ru

Александрова Ирина Александровна
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московский университет имени С. Ю. Витте
(филиал в Нижнем Новгороде)
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
iren-nno@mail.ru

Обжалование промежуточных судебных решений в уголовном судопроизводстве

***Аннотация.** В правовом государстве, каковым является Россия, права и свободы имеет приоритетную защиту. Право на судебную защиту, включая право на апелляционное обжалование лицом промежуточных судебных постановлений, которыми ограничиваются его права и законные интересы, абсолютно и не должно иметь формальных ограничений. Однако в судебной практике сложилась целая система таких ограничений, не позволяющих заинтересованному лицу получить защиту своих прав в судах апелляционной и кассационной инстанций, когда промежуточными решениями судов в ходе досудебного производства были реально ограничены его права и свободы. Эти ограничения должны стать предметом проверки со стороны Конституционного Суда России.*

***Ключевые слова:** промежуточные судебные решения, право обжалования, апелляционное производство, кассационное производство, ограничения права.*

Aleksandrov Aleksandr Sergeevich
doctor of law, professor
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Aleksandrova Irina Aleksandrovna
doctor of law, associate professor
professor of the Department of Criminal Law Disciplines
Moscow University named after S.Yu. Witte
(branch in Nizhny Novgorod)
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Appealing interim court decisions in criminal proceedings

***Annotation.** In a state governed by the rule of law, such as Russia, rights and freedoms have priority protection. The right to judicial protection, including the right to appeal interim court decisions that limit his rights and legitimate interests, is absolute and should not have formal restric-*

tions. However, in judicial practice, a whole system of such restrictions has developed that do not allow an interested party to obtain protection of their rights in the courts of appeal and cassation instances, when their rights and freedoms were actually limited by interim court decisions during pre-trial proceedings. These restrictions should be subject to review by the Constitutional Court of Russia.

Keywords: *interim court decisions, right of appeal, appellate proceedings, cassation proceedings, restrictions of rights.*

Изначально отечественная уголовно-процессуальная доктрина, следуя буквальному смыслу статьи 46 Конституции РФ, исходила из концепции «абсолютной кляузы», т. е. абсолютного права на апелляционное обжалование любых судебных решений, принимаемых в ходе досудебного производства, любым лицом, объективно ограниченным в правах судебным постановлением [1, с. 43; 2, с. 41]. Очевидно, на такую полноту права на апелляционное обжалование отразилась ограниченность действия апелляционного производства на тот период: решений мировых судей.

Однако потом закономерно, в связи с превращением апелляционной модели в общий порядок проверки судебных решений по уголовным делам, не вступивших в законную силу, произошло разделение этой модели последующего судебного контроля на две разновидности: судебного контроля за законностью, обоснованностью промежуточных судебных решений и судебного контроля за законностью, обоснованностью, справедливостью окончательных решений по уголовному делу.

Новое понимание предмета и пределов апелляционного производства применительно к промежуточным судебным решениям отразилось в доктрине, которая стала уже не столько категоричной по вопросу об абсолютности права лица на апелляционное обжалование промежуточных судебных решений [3, с. 11–12].

Разделение по предмету апелляционного обжалования нашло закрепление в статье 389.2 УПК РФ. При этом перечень промежуточных судебных решений, подлежащих апелляционному обжалованию, который приведен в части второй ст. 389.2 УПК РФ остается открытым, так в ней имеется формулировка «другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию». Вывод о неограниченном круге лиц, имеющих право на апелляционное обжалование промежуточного судебного решения, вытекает из заключительной формулировки об «иных лицах».

Понятие «лицо, чьи права и интересы были затронуты судебным решением», как субъекта права на обжалование (апелляционное в том числе) многократно разъяснялось Конституционным Судом РФ [4; 5] в контексте статьи 46 Конституции РФ, т. е. без каких-либо формальных ограничений. Любое лицо, независимо от его уголовно-процессуального статуса и даже в отсутствие такого имеет право обжаловать судебное решение, которым были ограничены его права и интересы.

Конституционный Суд РФ толкует уголовно-процессуальные нормы в конституционно-правовом – правозащитном смысле, а именно: обязанности

государства в лице судебной власти обеспечить реальный доступ лица к правосудию, обеспечить полноту права на судебную защиту, которое является основой для защиты всех прочих прав и свобод человека в правовом государстве.

Позиция Пленума Верховного Суда РФ формально совпадает с позицией Конституционного Суда РФ в понимании и истолковании смысла понятия «иного лица», имеющего право на апелляционное обжалование судебного решения, которое затрагивает его права и законные интересы. При этом он приводит в качестве примера такого «иного лица» «лицо, на имущество которого наложен арест в связи с производством по уголовному делу» [6, п. 2].

Именно эта оговорка стала поводом для ограничительного истолкования судами общей юрисдикции лиц, имеющих право апелляционного обжалования. Суды стали относить к таким лицам только тех, на чье имущество был наложен арест. Другое разъяснение, сделанное Пленумом Верховного Суда РФ в пункте 18.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) относительно права суда апелляционной инстанции изменить или отменить постановление и принять новое решение без передачи материала на рассмотрение суда первой инстанции, не имеет практического значения, так как на практике сформировался стандарт, согласно которому в рамках судебного контроля суд не должен предрешать вопросы, которые должен решить суд, разрешающий дело по существу.

Сказанное выше иллюстрируется примером. В ходе обыска в жилище И. следователь произвел изъятие мобильного телефона, ноутбука, электронных носителей информации, других предметов и документов у супруга И. – А., проживающего в этом жилище. Однако суды не признали лицо, у которого были изъяты вещи, осмотрены электронные носители, содержащие сведения о частной жизни, субъектом права на обжалование постановления суда, давшего разрешение на производство обыска на том основании, что в этом постановлении оно не указывалось [7; 8; 9; 10].

Можно утверждать, что в судебной практике сформировался правовой стандарт, согласно которому иное лицо, чьи права и законные интересы были ограничены не теми промежуточными судебными решениями, которые прямо перечислены в части второй статьи 389.2 УПК РФ, а другими решениями: принимаемыми в порядке статьи 165 УПК РФ (постановление суда о разрешении производства обыска, осмотра жилища против воли проживающих в нем лиц и пр.), не имеет право обжаловать эти решения в апелляционном порядке. Суды исходят из того, что лицо вправе воспользоваться только правом судебного обжалования этого решения в порядке статьи 125 УПК РФ.

Такой подход ведет к другому правоограничению. Разрешая жалобу такого лица в порядке статьи 125 УПК РФ, суды занимают позицию невмешательства, согласно которой суд в рамках последующего судебного контроля не вправе предрешать вопросы, которые относятся к компетенции суда, разрешающего уголовное дело по существу [11; 12].

К сказанному надо добавить еще одно правило, сложившееся в судебной практике. Оно состоит в том, что суды кассационной инстанции, начиная с кас-

сационных судов общей юрисдикции отказываются принимать кассационные жалобы к рассмотрению (несмотря на то, что в апелляционных постановлениях указывается право заявителя на их кассационное обжалование). Судьи ссылаются при этом на пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» [13]. Не только судьи кассационных судов общей юрисдикции, но и судьи Верховного Суда РФ в ответ на кассационные жалобы на апелляционные постановления, предметом которых являются промежуточные судебные решения, присылают заявителям письма, в которых прилагаются возвращаемые жалобы.

Так что можно заключить, что обжалование промежуточных судебных решений завершается апелляционной инстанцией. Суды кассационной инстанции не принимают к производству жалобы, предметом которых являются промежуточные судебные решения по делам, которые переданы на рассмотрение в суд по существу.

Логике судей, конечно, можно понять. В указанных случаях могут быть поставлены под сомнение решения судов, принятые по существу дела. Но как быть с правами и свободами человека и гражданина? Ведь они приоритетны в правовом государстве. Очевидно, требуется разъяснение Конституционного Суда РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александров А. С., Ковтун Н. Н. Апелляция в русском уголовном судопроизводстве. Н. Новгород : Волго-вятская академия государственного управления, 1999. 108 с.
2. Александров А. С., Ковтун Н. Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы и решения // Государство и право. 2001. № 3. С. 38–45.
3. Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 28 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1749.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 28. Ст. 3393.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/ (дата обращения: 12.04.2025).

7. Постановления Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода от 07 декабря 2023 г., 22 января 2024 г., 24 января 2024 г., 29 января 2024 г. о возвращении апелляционной жалобы заявителю А. / Канцелярия Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода.

8. Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 15 марта 2024 года об оставлении постановления Приокского районного суда города Нижнего Новгорода от 29 января 2024 года о возвращении апелляционной жалобы А., поданной 24 января 2024 г. на постановление Приокского районного суда г. Н. Новгорода от 29 августа 2023 г. о разрешении обыска в жилище И. А., без изменения / Канцелярия Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода.

9. Постановление судьи Первого кассационного суда общей юрисдикции от 1 октября 2024 года № 7У-7476/2024 отказано в передаче кассационных жалоб заявителя А. на постановления Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода от 7 декабря 2023 г., 22 января 2024 г., 24 января 2024 г., 29 января 2024 г. и апелляционные постановления Нижегородского областного суда от 15 марта 2024 года для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции / Канцелярия Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода.

10. Постановление Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода от 7 ноября 2023 года № 3/12-59/2023 / Канцелярия Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода.

11. Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 12 января 2024 года № 22-53/2024 (22-7080/2023) / Канцелярия Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода.

12. Постановление судьи Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 июля 2024 г. № 7У-5723/2024 / Канцелярия Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327612/ (дата обращения: 12.04.2025).

Большаков Кирилл Артемович

руководитель третьего отдела по расследованию
особо важных дел (с дислокацией в городе
Санкт-Петербург), Западное межрегиональное
следственное управление на транспорте
Следственного комитета Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Bolshakov.sledcomspb@yandex.ru

**Уголовно-процессуальный механизм освобождения
от уголовной ответственности за совершение
налогового преступления в стадии возбуждения уголовного дела**

***Аннотация.** Уголовно-правовой и процессуальный механизм освобождения от уголовной ответственности распространил свое действие на стадию возбуждения уголовного дела. Это новое правовое явление. Автором дается его теоретическое объяснение. Порядок освобождения от уголовной ответственности за совершение налогового преступления на основании, предусмотренном п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, путем вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, требует совершенствования. В статье предлагается ряд мер по обеспечению (а) прав лица, в отношении которого принимается такое решение, и (б) законности, обоснованности данного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.*

***Ключевые слова:** отказ в возбуждении уголовного дела, освобождение от уголовной ответственности, налоговое преступление, нереабилитирующее основание, процессуальная гарантия.*

Bolshakov Kirill Artemovich

head of the third department for Investigation
of Especially Important Cases (based in St. Petersburg)
Western Interregional Investigative Directorate
for Transport of the Investigative Committee
of the Russian Federation
Saint-Petersburg, Russian Federation

**Criminal-procedural mechanism of release from criminal liability
for committing a tax crime at the stage of initiation of a criminal case**

***Annotation.** The criminal-legal and procedural mechanism of release from criminal liability has extended its effect to the stage of initiation of a criminal case. This is a new legal phenomenon. The author gives its theoretical explanation. The procedure for release from criminal liability for committing a tax crime on the basis provided for in paragraph 7 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, by issuing a decision to refuse to initiate a criminal case, requires improvement. The article proposes a number of measures to ensure (a) the rights of the person in respect of whom such a decision is made, and (b) the legality of the validity of this decision to refuse to initiate a criminal case.*

Keywords: *refusal to initiate a criminal case, release from criminal liability, tax crime, non-rehabilitating grounds, procedural guarantee.*

Правовой механизм освобождения от уголовной ответственности по не-реабилитирующим основаниям в досудебном уголовном производстве существует давно и хорошо изучен в отечественной юридической науке.

Согласно доктринальным воззрениям, действие этого уголовно-процессуального механизма обычно ограничено стадией предварительного расследования [1, с. 46, 82–83; 2, с. 19–20].

Кроме того, распространено мнение о том, что принятию решения об освобождении от уголовной ответственности по не-реабилитирующему основанию в форме постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) должна предшествовать процедура предъявления обвинения [3, с. 227–306]. В ходе этой процедуры обвиняемому, вина которого в совершении инкриминируемого преступления должна быть полностью доказана, надлежит осуществить деятельное раскаяние в содеянном [4, с. 51–52; 5, с. 5–7]. Обязательным элементом раскаяния должно быть полное признание обвиняемым себя виновным в совершении данного преступления.

Таким образом, классическая модель досудебного уголовно-процессуального порядка освобождения лица от уголовной ответственности за совершенное им преступления включала достаточно много обязательных элементов, называемых «условиями», предпосылками» [6], которые образуют «юридический состав» [7, с. 9, 44–48] основания прекращения уголовного дела.

Мы разделяем точку зрения о необходимости выполнения в рамках процедуры прекращения уголовного дела по любому из не-реабилитирующих оснований условия обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого принимается такое решение. Лучшей гарантией того, что лицо понимает юридическое значение и правовые последствия данного правового акта – это оказание ему квалифицированной юридической помощи адвокатом-защитником [8, с. 202]. Мы сторонники обязательного участия адвоката-защитника в процедуре «деятельного раскаяния», получения согласия уголовно преследуемого лица на прекращение в отношении него уголовного дела по любому из не-реабилитирующих оснований.

Классическое учение о правовом механизме освобождения лица от уголовной ответственности подвергалось корректировке в силу существенных изменений в нем в виде прекращения уголовного дела. Первым из новшеств стало появление процедуры, регулируемой главой 51.1 УПК РФ, которая с процедурой, предусмотренной ст. 427 УПК РФ, образовала смешанную – следственно-судебную модель освобождения от уголовной ответственности.

Но наиболее принципиальным новшеством стало появление нового основания отказа в возбуждении уголовного дела, предусмотренного п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, введенного Федеральным законом от 18.03.2023 № 78-ФЗ [12], что стало результатом формирования особого порядка разрешения уголовно-правовых споров между государством и нарушителем законодательства о нало-

гах и сборах. В свою очередь данный согласительно-компенсаторный порядок мирного урегулирования уголовно-правового налогового спора стал частью новой уголовной политики противодействия экономическим и налоговым преступлениям. Как отмечается, происходит не предварительное, а окончательное решение по урегулированию уголовно-правового спора лица, совершившего преступление (налоговое), с государством – во внесудебном, согласительно-компенсаторном, договорно-штрафном порядке [9, с. 18–22].

Мы присоединяемся к мнению, что состав основания отказа в возбуждении уголовного дела, предусмотренный п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, является производным от юридического состава основания прекращения уголовного дела, предусмотренного ч. 1 ст. 28¹ УПК РФ [10, с. 9]. В целом его можно охарактеризовать как «усеченное деятельное раскаяние», потому главным и, наверное, единственным условием для освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего налоговое преступление, по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, является возмещение вреда, причиненного бюджетной системе России, в полном объеме [11, с. 106–123]. Выполнение данного правообразующего условия нарушителем закона подтверждается получением следователем СК РФ из налоговой инспекции данных о возмещении выявленного ФНС России ущерба: «уплате в полном объеме сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа» (п. 7 ч. 1 ст. 24, ч. 1.2, п. 4 ч. 8 ст. 148 УПК РФ). Другим условием обязательного принятия такого решения органом предварительного следствия является признание лицом факта нарушения законодательства о налогах и сборах с признаками налогового преступления. Признание, на наш взгляд, должно фиксироваться с участием адвоката, т. е. при оказании квалифицированной юридической помощи в реализации права на защиту. Изучение практики [13, 14] показывает, что адвокат лицу, в отношении которого выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основании, предусмотренном п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, как правило, не предоставляется, и не участвует в выработке такого уголовно-процессуального решения.

Полагаем, что для совершенствования порядка, гарантирующего права и законные интересы лица, освобождаемого в стадии возбуждения уголовного дела от уголовной ответственности за совершенное налоговое преступление по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в законодательство необходимо внести правовые предписания: во-первых, об обязательном участии в выработке и принятии данного решения адвоката лица, в отношении которого принимается процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, что должно подтверждаться подписанием лицами соответствующего письменного заявления. Во-вторых, утверждать данное постановление должен руководитель следственного органа Следственного комитета России, в чьем следственном подразделении принимается такое процессуальное решение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб., 2008. 586 с.
2. Химичева Г. П. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела. Рязань, 2001. 210 с.
3. Шмерева Т. А. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования // Уголовный процесс. Особенная часть. М., 2002. С. 227–306.
4. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. 544 с.
5. Михайлов В. Признаки деятельного раскаяния // Российская юстиция. 1998. № 4. С. 5–7.
6. Евстигнеева О. В. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в российском уголовном процессе. Саратов, 2018. 183 с.
7. Савкин А. В. Деятельное раскаяние в преступлении: правовые и криминалистические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 425 с.
8. Александров А. С. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М., 2017. 608 с.
9. Губко В. А. К вопросу об отказе в возбуждении уголовного дела и прекращении уголовного дела в отношении неустановленных лиц в связи с уплатой в полном объеме сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа (п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) // Российский следователь. 2024. № 7. С. 18–22.
10. Шерстнев В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации. М., 2023. 208 с.
11. Шевелева С. В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 106–123.
12. Федеральный закон от 18.03.2023 № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 12. Ст. 1891.
13. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ в отношении Х, по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, от 10.01.2025 / ГСУ СК РФ по г. Санкт-Петербургу.
14. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ в отношении Ф, по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, от 03.09.2024 / ГСУ СК РФ по г. Санкт-Петербургу.

Новокшенов Дмитрий Вячеславович
начальник кафедры отраслевых и юридических
дисциплин факультета (командного)
Военная ордена Жукова академия войск
национальной гвардии Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
d_novoksh@mail.ru

Темпоральное действие уголовно-процессуального закона в период военного положения

***Аннотация.** В статье анализируется темпоральное действие уголовно-процессуального закона. Отмечается, что изложенная в статье правовая ситуация интересна возникшим столкновением бессрочного субъективного процессуального права потерпевшего, которое в целом могло быть реализовано в соответствии с новой редакцией закона, и фактического положения в прошлом лиц, в отношении которых уголовное дело было прекращено. Рассматривается темпоральность уголовно-процессуального закона и ухудшения положения лица, совершившего преступление, фактически привела к появлению нового, сформированного практикой, основания для возмещения издержек потерпевшим за счет федерального бюджета. Исследуется подход к оценке уголовно-процессуальной нормы, предусмотренной в ст. 4 УПК РФ, делается вывод, что при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, по умолчанию обратной силой не обладает.*

***Ключевые слова:** темпоральное действие уголовно-процессуального закона, приостановление, прекращение уголовного дела, военная служба, военнослужащие.*

Novokshonov Dmitry Vyacheslavovich
head of the department of industry and legal
disciplines of the faculty (command)
Military order of Zhukov of the Academy
of National Guard Troops of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

Temporal effect of the Criminal procedure law during martial law

***Annotation.** The article analyzes the temporal effect of the criminal procedure law. It is noted that the legal situation described in the article is interesting because of the conflict between the indefinite subjective procedural right of the victim, which could generally be implemented in accordance with the new version of the law, and the actual situation in the past of persons against whom the criminal case was terminated. The article considers the temporality of the criminal procedure law and the deterioration of the situation of the person who committed the crime, which actually led to the emergence of a new basis, formed by practice, for reimbursement of costs to victims from the federal budget. The approach to assessing the criminal procedure norm provided for in Article 4 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is investigated, and it is*

concluded that in criminal proceedings, the criminal procedure law in force during the relevant procedural action or the adoption of a procedural decision is applied, this law is by default.

Keywords: *temporal effect of the criminal procedure law, suspension, termination of a criminal case, military service, military personnel.*

В Российской Федерации 2 октября 2024 года вступил в силу Федеральный закон № 340-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1]. Положениями данного Федерального закона участникам уголовного судопроизводства была предоставлена возможность прекращать приостановленное уголовное дело в связи с несколькими основаниями, одно из них за мужество и героизм совершенное при проведении специальной военной операции, и отмеченное награждением государственной наградой.

Следует отметить, что в соответствии со статьей 4 Уголовно-процессуального кодекса РФ, при производстве уголовного преследования и проведения процессуальных действий применяется тот уголовно-процессуальный закон, который, на момент проведения процессуального действия и принятия процессуальных решений, если другое не предусмотрено законом.

Вопросы темпоральных особенностей прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции и новшество уголовно-процессуального закона затронуло большое количество граждан. По мнению автора, правовые нормы, содержащиеся в законе, не затронули проблемы, которые возникают в связи с темпоральными правилами действия норм приостановления, а в дальнейшем и прекращения уголовного преследования, и их реализация на практике.

Полагаю, что такое правило, на первый взгляд, достаточно простое и понятное, нельзя признать единственным верным, безусловно соблюдаемым, поскольку достаточно стремительное развитие нашей правовой реальности уголовно-процессуальных отношений требует корректировки этого правила.

В современной юридической литературе поправки, изменения и дополнения, внесенные в действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, не получили однозначной оценки. Например, О. В. Качалова отмечает, что несовершенство уголовно-процессуального законодательства, пробелы правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений нередко приводит к тому, что на уровне правоприменительной практики правила, которые оказались достаточно незыблемыми, начинают корректироваться. Не просто произвольно, а с учетом достаточно важных мировоззренческих идей, которые составляют, основу права, справедливости, равенства участников соответствующих правоотношений [2, с. 8].

Р. В. Закомолдин полагает, что с принятием подобных правовых норм возникает некая дилемма, не только практическая, но и глобального, концептуального уровня. В данном случае важнее при разрешении конкретного уголовно-правового конфликта, или конкретного правила статьи 4 УПК РФ, обратной силы уголовно-процессуального закона, идеи справедливости, равенства, кото-

рым это правило в данный момент противоречит, но которые прямо напрашиваются к применению с учетом некоторых конкретных обстоятельств [3, с. 114].

По мнению автора, такие ситуации, возникают редко, как можно было ее предположить. Как правило, они появляются либо с принятием новых уголовно-процессуальных норм, или норм материальных, которые находят отражение в этих нормативно-правовых актах, либо с новым толкованием, с которой может высказаться и разъяснить правовую позицию Конституционный Суд или Верховного Суда Российской Федерации.

Это относится в полной мере к тем нормам, которые определяют правовое регулирование прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции. В настоящее время мы видим, насколько был законодатель непоследователен, нелогичен в принятии, конструировании этих норм. Соответственно, возникла потребность на уровне правоприменительной практики эти нормы корректировать, чтобы все-таки уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в этой сфере были более логичными и понятными.

Соответственно, в результате сложилась, по мнению автора, совершенно уникальная ситуация, когда суд, разрешая вопросы о прекращении уголовного преследования в отношении лиц, которые заключают контракт, с Министерством Обороны РФ и убывают на специальную военную операцию, либо участникам уже специальной военной операции, начинают применять правила обратного действия уголовно-процессуального закона, причем не само по себе, а еще с другими правилами, применяя уголовно-процессуальный закон по аналогии.

Мы видим, как, в одном и том же решении суда сразу применяются два правила. Суды, таким образом, выходят из положения и фактически, происходит дилемма, что применять, строгое правило УПК РФ или решаем вопрос с точки зрения справедливости, равенства участников правоотношений, но применяя эти правила в обратной силе уголовно-процессуального закона и норм по аналогии.

В контексте анализа рассматриваемой проблемы, следует привести конкретные примеры из судебных решений. Напомню три этапа, в которые происходило уголовно-процессуальное регулирование как раз особенностью уголовной ответственности участников специальной военной операции. Первый этап, 24 июня 2023 года, принимается отдельный Федеральный закон от № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Возникает вопрос, как его вообще применять, потому, что статья первая УПК РФ говорит о том, что порядок уголовного судопроизводства определяется УПК. Есть статья седьмая, которая говорит о том, что в случае, если какие-то нормы закона или тем более подзаконных актов противоречат УПК РФ, мы применяем нормы УПК РФ.

Законодатель принимает отдельный федеральный закон, который предусматривает новый вид освобождения от уголовной ответственности для таких

лиц. В УПК РФ ничего подобного нет, т. е. по сути вроде как УПК РФ противоречит, но закон принят, и он по статусу в принципе такой же, как Уголовно-процессуальный кодекс [5, с. 67].

Принят федеральный закон, следовательно, возникает вопрос, а как его применять, зачем его приняли в таком виде. Суды, правоохранительные органы встают на паузу. Никто в течение какого-то времени не применяет. В Верховном Суде стоит задача каким-то образом решить вопрос о применении этих норм, которые законодатель принял.

23 марта 2024 года, через девять месяцев принимается федеральный закон № 64-ФЗ о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс. В этом законе закреплено положение, что дознаватель с согласия прокурора и следователь с согласия руководителя следственного органа наделяются обязанностью прекращать уголовное преследование в отношении лица подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Если производство по делу было приостановлено и проведены все следственные действия, по ходатайству командования воинской части, при получении информации о том, что военнослужащий награжден государственной наградой за время прохождения военной службы, либо уволен с военной службы по состоянию здоровья, либо достижение предельного возраста.

Но суд в числе этих субъектов оказался не указанным. Представляется, что внесение подобных изменений в целом повышает степень открытости и прозрачности. Лица, которые попадают под эти критерии в ходе досудебного производства, уголовное преследование прекращается, а если его дело уже направлено в суд, то такое лицо не имеет право, т. е. в отношении него уголовное преследование прекращено быть не может. Как быть в данном случае. Здесь начинают применяться правила по аналогии. Суды стали массово прекращать уголовное преследование в отношении таких лиц с одной стандартной формулировкой.

В судебных решениях указывалось, что разницы в правовом статусе указанного в законе обвиняемого, совершившего преступление и подсудимого, в отношении которого не вынесен приговор, который также награжден государственной наградой в период прохождения военной службы по контракту, не имеются. Нормы статьи 28.2 УПК РФ улучшают положение подсудимого, поэтому подлежат применению по аналогии и таких судебных решений достаточно.

Важным также будет отметить, что если производство по делу не приостанавливалось, то это не может служить основанием для отказа в удовлетворении ходатайства стороны защиты о прекращении уголовного преследования, т. е. стали прекращать уголовное преследование по аналогии. Потом законодатель спохватился о том, что суд не указан в числе субъектов правоотношений, и уже федеральным законом № 340-ФЗ от 2 октября 2024 года были внесены изменения. И суд тоже стал наделен таким правом. Соответственно, необходимость в том, чтобы эти нормы применялись по аналогии, отпала.

Эти нормы, могут быть применены к тем лицам, которые заключили контракт о прохождении военной службы и были награждены государственной на-

градой, либо уволены с военной службы по состоянию здоровья и предельному возрасту до вступления данного закона в силу. И распространяются ли эти нормы на тех лиц, которые на тот момент не имели статус военнослужащего, а участвовали в составе добровольческих отрядов, частных военных компаний [4, с. 88].

По смыслу буквального толкования статьи 4 УПК РФ, не являются. Но суды стали поступать по-своему, поскольку фактически стал вопрос о том, тот, кто совершил подвиг до появления этой нормы, они имеют право на то, чтобы уголовное преследование было прекращено или не имеют. И этот вопрос судами стал решаться положительно, исходя из идей равенства и справедливости. Даная судебная практика, может быть, встречаются не везде.

Приведу некоторые примеры: гражданин обвинялся в умышленном уничтожении повреждения чужого имущества путем поджога. Защита заявила ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с участием обвиняемого в специальной военной операции и в связи с награждением, медалью за отвагу. Потерпевшая, ее представитель, государственный обвинитель против прекращения производства по уголовному делу, поскольку участие в СВО он принимал в связи с помилованием Указом Президента, будучи осужденным за иное преступление в рамках контракта не с Министерством обороны РФ, а с частной военной компанией.

И производство было приостановлено по делу на основании невозможности участия обвиняемого в следственных действиях, который находился в зоне специальной военной операции. Доводы, которые высказывают потерпевший, государственный обвинитель говорит, что не было на тот момент статьи 28.2 УПК РФ. Но суд пришел к выводу о возможности применения данной статьи. Решение суда объяснялось тем, что дискриминация подсудимого по отношению к лицам, заключившим контракт о прохождении военной службы после принятия выше названных законов по смыслу закона недопустимо, и прекратил уголовное преследование в отношении данного лица.

Такой подход представляется правильным, автор поддерживает позицию о том, что если в основе уголовно-процессуальных норм лежат какие-то нормы материального закона, в частности, уголовного кодекса, где статья 10 говорит о том, что обратную силу они имеют, если улучшают положение данного лица, то, конечно же, эти нормы, должны иметь обратную силу и распространяться на ситуации, когда лица совершили соответствующее деяние до вступления в законную силу [3, с. 113].

Таким образом, положения статьи 28.2 УПК РФ подлежат применению и в порядке обратной силы закона, которые распространяются на правоотношения, возникшие до вступления данной статьи в законную силу, и должны действовать по аналогии, распространяясь не только на тех лиц, которые имели статус военнослужащих, но также и иных лиц, которые совершили подвиг, участвуя в специальной военной операции, добровольцев, участников специальной военной операции в составе частных военных компаний на тот момент.

Иное бы противоречило концептуальным идеям равенства и справедливости, на которых строится уголовно-процессуальное право. Следует отметить, что с принятием законов о внесении изменений в УК и УПК РФ, законодатель не в полной мере обратил внимание на потерпевших. Возможно, это упущение, не намеренный шаг, а дополнительный стимул в виде того, что лицо пойдет защищать родину, участвует в специальной военной операции и знает, что деньги, которые он получит за это, у него не отберут для того, чтобы отдать потерпевшим.

В настоящее время, стали подаваться иски потерпевших к казначейству, государству, которое сконструировало такую норму, и не предусмотрело возможности возмещения вреда. Пример, когда потерпевшему причинен тяжкий вред здоровью по части 3, статьи 111 УК РФ, три месяца операции, тяжелой реабилитации. Обвиняемый ушел на СВО, ничего не возместив, и тогда он обращается в суд с иском к казначейству, говорит о том, что государство гарантирует потерпевшим возмещение вреда, а здесь прекратили уголовное преследование, лишили меня возможности возместить вред, причиненный преступлением.

Представители казначейства говорят, уголовное дело прекращено, следовательно, событие, состав не доказан, но суд такой иск удовлетворяет, не в полной мере, какую-то сумму возвращает. Значит, нужно возмещать потерпевшим ущерб [6, с. 28].

Автор считает, что все кодексы главные, а остальные законы носят второстепенный характер. Но вряд ли мы сможем таким образом выстроить эту иерархию, что самое важное, самое главное было указано в кодексах. Законы не должны носить вспомогательный характер. Наверняка возникнет ситуация, когда закон предоставляет, конкретный, специальный закон, больший объем процессуальных гарантий для участников соответствующих правоотношений.

В подобном случае пойдут жалобы в Конституционный Суд РФ, мы нагрузим наших коллег работой, который повторит свою позицию, неоднократно высказывающийся о том, что подлежит применению именно тот закон, который предоставляет участникам соответствующих правоотношений больший объем процессуальных прав и гарантий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 02 октября 2024 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (Ч. 1). Ст. 57.
2. Качалова О. В. Отсрочка исполнения приговора для участника СВО // Уголовный процесс. 2024. № 1(229). С. 8.
3. Закомолдин Р. В. О реформировании военно-уголовного законодательства в условиях проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 12(329). С. 111–116.
4. Ермолович Я. Н. Совершенствование норм об уголовной ответственности лиц, пребывающих в добровольческих формированиях (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений

в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28 декабря 2024 года № 507-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 3(332). С. 86–95.

5. Ермолович Я. Н. Совершенствование уголовно-процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, поступивших на военную службу по мобилизации или в военное время (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 2 октября 2024 года № 340-ФЗ // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 2(331). С. 65–70.

6. Шеншин В. М. О планируемых новых гарантиях участникам специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 10(327). С. 27–31.

УДК 343.9

Плюснина Ольга Витальевна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

o_plusnina@kosgos.ru

Просвирякова Яна Романовна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

prosviriakova.jana@gmail.com

Нормы, посвященные использованию электронных доказательств в уголовном процессе

***Аннотация.** В современном обществе цифровые технологии не только стали неотъемлемой частью повседневности, но и превратились в инструмент преступной деятельности. Анализируя действующее законодательство в уголовно-процессуальной сфере относительно цифровых информационных носителей, можно прийти к заключению о необходимости классифицировать электронные доказательства как самостоятельную категорию. Важные сведения о деталях преступных деяний зачастую хранятся в различных электронных устройствах. В данной статье рассматривается проблематика правового регулирования электронных доказательств в контексте уголовного процесса.*

***Ключевые слова:** доказательство, электронные доказательства, уголовное судопроизводство, цифровая информация, носитель информации, оценка доказательств.*

Plyusnina Olga Vitalievna
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Prosviryakova Yana Romanovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Norms on the use of electronic evidence in criminal proceedings

***Annotation.** In modern society, digital technologies have not only become an integral part of everyday life, but have also become a tool for criminal activity. Analyzing the current legislation in the field of criminal procedure regarding digital information media, it is possible to conclude that it is necessary to classify electronic evidence as an independent category. Important information about the details of criminal acts is often stored in various electronic devices. This article examines the issues of legal regulation of electronic evidence in the context of criminal proceedings.*

***Keywords:** evidence, electronic evidence, criminal proceedings, digital information, information carrier, evaluation of evidence.*

Отечественные научные специалисты обращают внимание на проблему: в современном Уголовно-процессуальном кодексе России не существует отдельной категории «электронные доказательства» [6, с. 193]. Законодательство классифицирует электронные устройства как разновидность вещественных доказательств, не признавая их самостоятельный статус в доказательной базе. УПК РФ содержит только отдельные упоминания об электронных носителях информации и правилах их использования в уголовном судопроизводстве, без комплексного регулирования этого вопроса.

Электронные носители информации упоминаются в УПК РФ довольно поверхностно. Статья 164.1 регламентирует некоторые особенности их изъятия. Что касается хранения таких носителей в материалах уголовного дела, условия определены в пункте 5 части 2 статьи 82. В статье 81 содержится лишь краткое указание на необходимость возврата владельцу электронных носителей, не имеющих отношения к делу. Схожее упоминание есть в статье 81.1, касающейся носителей информации, изымаемых при расследовании экономических преступлений [1].

Вопрос интеграции электронных доказательств остается в центре научных дискуссий, что подчеркивает значимость проблемы. Неопределенность в уголовном судопроизводстве сохраняется из-за пробелов в законодательстве, отсутствием норм, регламентирующих использование электронных доказательств. В своих рассуждениях В. Б. Вехов отмечает, что электронное доказывание пребывает в настоящее время на этапе теоретического анализа и концептуального формирования. Данное положение дел он объясняет отсутствием достаточной юридической базы и соответствующих правовых механизмов, необходимых для трансформации цифровых сведений в полноценные доказательства электронного характера [5, с. 294].

В научных кругах активно дискутируется тема «электронных доказательств» как отдельной категории. Данный вопрос широко освещается в диссертациях, монографиях и научных публикациях по уголовно-процессуальному праву. Среди исследователей нет единого мнения относительно целесообразности выделения электронных доказательств в самостоятельный вид – научное сообщество разделилось на противоположные лагеря по этому вопросу.

П. С. Пастухов считает нецелесообразным вводить в УПК РФ отдельную категорию «электронное доказательство». Вместо этого он предлагает расширить существующее определение доказательства, добавив возможность представления информации в электронной форме. По его мнению, такие цифровые данные могут эффективно использоваться в рамках уже принятых видов доказательств, таких как документы или вещественные доказательства, не требуя создания новой классификации [4, с. 700].

В свете прогресса информационно-телекоммуникационной сферы и специфики ее работы, мы разделяем позицию тех исследователей, которые считают своевременным дополнение УПК РФ категорией «электронные доказательства». В частности, Карташов И.И. выступает за внедрение в уголовно-процессуальное законодательство новой доказательственной формы, базирующейся на цифровой информации [2, с. 129].

Обсуждая важность введения термина «электронное доказательство» в уголовно-процессуальное право, П. Г. Марфицин подчеркивает необходимость терминологической согласованности. По его мнению, данное понятие должно органично вписываться в существующую юридическую терминологию различных правовых отраслей, избегая статуса терминологического аутсайдера или, образно выражаясь, «белой вороны» среди устоявшихся юридических определений [3, с. 107].

Для укрепления юридической силы и обеспечения допустимости в судопроизводстве определенных материалов целесообразно внести дополнение в УПК РФ. Конкретно, в статью 5 пункт 63 рекомендуется добавить дефиницию «электронные доказательства». Этим термином следует обозначать информацию, зафиксированную в цифровом формате (на электронных носителях и/или в электронных документах), которая используется участниками процесса доказывания для подтверждения или опровержения значимых для уголовного дела фактов, включая обстоятельства, требующие доказывания в ходе производства по делу.

Для того, что использовать доказательства, в том числе электронные, они подлежат оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности. Вопрос о том, как обеспечить возможность проверки достоверности и допустимости электронных доказательств и их источников, когда эти источники либо недоступны, либо хранятся на физических носителях информации, остается неясным. Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предоставляет решения этой проблемы.

Мы предлагаем ввести в УПК РФ новый вид следственного действия – исследование цифровой информации, который бы обеспечивал допустимость и достоверность «электронного доказательства». В ч. 4 ст. 164.1 УПК РФ изложить: «В случаях невозможности проверки достоверности и допустимости

электронных доказательств и их источников, когда эти источники либо недоступны, либо хранятся на физических носителях информации провести исследование цифровой информации, путем привлечения специалиста».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 20.03.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Карташов И. И. Некоторые особенности проверки и оценки цифровых доказательств судом // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 101-2. С. 128-130.
3. Марфицин П. В. Некоторые подходы к формулированию понятия «Электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106–109.
4. Пастухов П. С. Электронные доказательства в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств// Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 695–707.
5. Цифровая криминалистика : учебник для вузов / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 490 с.
6. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учебник для вузов / отв. ред. С. В. Зуев. М. : Юрайт, 2025. 193 с.

УДК 343.1

Коновалова Алла Борисовна

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права, процесса
и национальной безопасности
Вятский государственный университет
г. Киров, Российская Федерация
usr11587@vyatsu.ru

Ларионова Ника Сергеевна

студент, Вятский государственный университет
г. Киров, Российская Федерация
nikaveltman6@mail.ru

Залог как мера пресечения: проблемы и направления оптимизации законодательного регулирования

Аннотация. Авторами анализируются особенности процессуальной формы избрания и применения залога как одной из мер пресечения в отечественном уголовном судопроизвод-

стве, комплексно объединившей имущественные и личные неимущественные ограничения, налагаемые в целях обеспечения надлежащего поведения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Представлена попытка актуализации основных проблем законодательной регламентации и правоприменительной практики, влекущих неуклонное снижение частоты применения анализируемой меры пресечения, снижающих положительный потенциал активного внедрения в отечественную судебно-следственную практику залога, затрудняющих процесс выполнения назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, залог, мера пресечения, размер залога, соблюдение запретов, порядок внесения залога.

Konovalova Alla Borisovna

associate professor, Department
of Criminal Law, Process and National Security
Vyatka State University
Kirov, Russian Federation

Larionova Nika Sergeevna

student, Vyatka State University
Kirov, Russian Federation

Bail as a preventive measure: problems and directions of optimization of legislative regulation

***Annotation.** The authors analyze the peculiarities of the procedural form of election and application of bail as one of the preventive measures in domestic criminal proceedings, which comprehensively combines property and personal non-property restrictions imposed in order to ensure proper behavior of the person under criminal prosecution. An attempt to actualize the main problems of legislative regulation and law enforcement practice, leading to a steady decline in the frequency of application of the analyzed preventive measure, reducing the positive potential of the active introduction of bail in domestic judicial and investigative practice, complicating the process of fulfilling the purpose of criminal proceedings.*

Keywords: criminal proceedings, bail, preventive measure, amount of bail, compliance with prohibitions, procedure for granting bail.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) [1] закрепляет в ст. 98 восемь мер пресечения: подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу. Однако в современные дни залог теряет свою востребованность, в связи с чем актуализируется изучение причин, в связи с которыми залог не получил должного распространения в правоприменительной практике.

Согласно статье 106 УПК РФ залог – это внесение или передача подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей, акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному де-

ду. Помимо этого, в 2018 г. в УПК РФ было внесено следующее изменение: при избрании залога в качестве меры пресечения суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

В УПК РФ предусмотрена возможность избрания залога как меры пресечения в любой момент производства по уголовному делу. Залог избирается на срок до 2 месяцев, который исчисляется с момента внесения залога, однако данный срок может быть продлен по решению суда. Вид и размер залога определяются исходя из характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого либо обвиняемого и имущественного положения залогодателя. Следует обратить внимание, что по уголовным делам установлен минимальный размер залога, а именно: по делам небольшой и средней тяжести размер составляет не менее пятидесяти тысяч рублей, а по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – не менее пятисот тысяч рублей.

Заметим, что согласно буквальному толкованию УПК РФ в качестве субъектов, инициирующих применение данной меры пресечения, могут выступать подозреваемый, обвиняемый, иное физическое или юридическое лицо. Вместе с тем, сложившаяся практика, нашедшая отражение и в Постановлении Пленума Верховного суда РФ, допускает заявлять ходатайства о применении данной меры следователям и дознавателям [3]. В случае если суд избрал в качестве меры пресечения залог, а подозреваемый или обвиняемый в силу отсутствия денежных средств или иного имущества, не может внести залог, он вправе ходатайствовать об избрании иной меры пресечения. В данном случае суд вправе удовлетворить ходатайство и избрать иную меру пресечения, однако, суд может отказать в удовлетворении данного ходатайства и установить срок внесения залога. Если залог не будет внесен в срок, установленный судом, суд рассматривает вопрос об избрании иной меры пресечения.

Существенные трудности возникают в случае внесения залога не денежными средствами, а каким-либо движимым или недвижимым имуществом. При намерении внесения залога в форме таких объектов возникает необходимость оценки предмета залога, подбора оценщика, оплаты его услуг, полного документарного сопровождения, обеспечения сохранности и ликвидности внесенного залога, что, безусловно, снижает частоту избрания данной меры пресечения. Кроме того, в случае использования иных объектов, имеющих стоимостную оценку, могут возникнуть проблемы их обесценивания и (или) существенного снижения стоимости, например, когда акции существенно дешевеют. В связи с этим возникает вопрос: нужно ли делать переоценку и вносить дополнительное имущество или денежные средства либо этого не требуется, а также кто должен отслеживать котировки на бирже. Трудности могут быть связаны и с внесением акций в качестве предмета залога, а именно: кто должен осуществлять права участия, которые предоставляет акция, как будут реализовываться полномочия по начислению и получению дивидендов.

Залог как мера пресечения является более мягкой мерой по сравнению с заключением под стражу или домашним арестом, однако в случае применения

определенных запретов залог становится по строгости схож с домашним арестом. В Постановлении Верховного Суда РФ № 41 отмечено, что «меры пресечения, ограничивающие свободу, – заключение под стражу и домашний арест – применяются исключительно по судебному решению и только в том случае, когда применение более мягкой меры пресечения невозможно» [3]. В п. 42.1 данного постановления отмечено, что судам при рассмотрении ходатайств об избрании мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу, а также о продлении срока применения данных мер следует обсуждать возможность применения к подозреваемому или обвиняемому залога при наличии к тому оснований. Таким образом, суд правомочен по своей инициативе вынести на обсуждение вопрос о применении залога.

Отметим, что залогодателем может быть не только подозреваемый или обвиняемый, но и иное лицо. Введение запретов в УПК РФ позволяет паритетно распределить ответственность, т. е. залогодатель – иное физическое лицо – вносит залог, а на обвиняемого или подозреваемого возлагаются запреты, которые, в свою очередь, удерживают лицо от совершения нежелательных действий. Данные запреты обеспечивают явку лица в суд, к следователю или дознавателю, предупреждение совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу.

Обеспечительный механизм залога заключается в том, что в случаях, предусмотренных законодателем, залог, имеющий значение правового механизма по стимулированию надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого, обращается в собственность государства. Данная конструкция необходима для того, чтобы удержать подозреваемого (обвиняемого) от нарушения обязательств. В остальных случаях суд при постановлении приговора или вынесении определения либо постановления о прекращении уголовного дела решает вопрос о возвращении залога залогодателю [1]. Однако в уголовно-процессуальном праве существует правовой пробел, в связи с которым остается неразрешенным вопрос: что будет с залогом, внесенным иным физическим лицом, в случае нарушения запрета обвиняемым или подозреваемым? Постановление Конституционного Суда РФ № 29-П [2] содержит указание на возможность заявления залогодателем ходатайства об отмене или изменении меры пресечения в виде залога и возврате ему имущества, в случае наличия обоснованных предположений о возможном нарушении установленных запретов подозреваемым или обвиняемым, намерения скрыться и т. д. Если дознавателем, следователем или судом в отношении подозреваемого, обвиняемого после удовлетворения указанного ходатайства избрана иная мера пресечения, действие залога сохраняется до применения вновь избранной меры пресечения.

Рассматривая статистику применения залога в качестве меры пресечения (рис.) [4], можно заметить тенденцию сокращения его избрания, что создает впечатление невозможности применения этой меры к большинству подозреваемых и обвиняемых в силу его неэффективности. В юридической литературе выделяется ряд причин, в связи с которыми залог не избирается так часто, как иные меры пресечения.

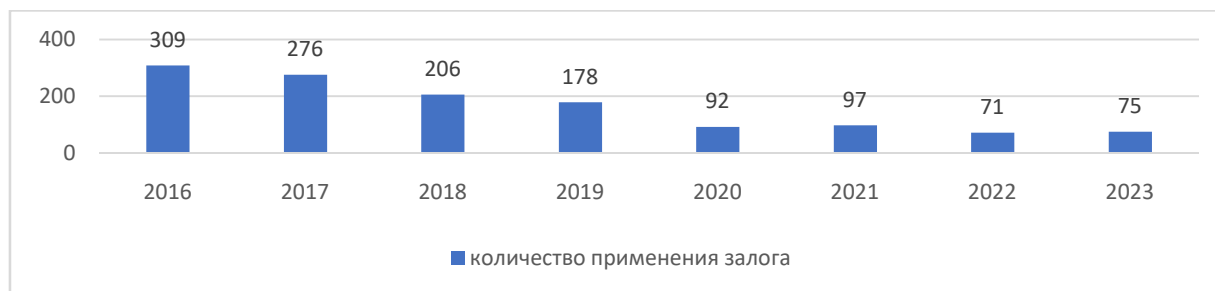

Рис. Применение залога в качестве меры пресечения в 2016–2023 гг.

В качестве одной из причин можно выделить социальное неравенство и низкий уровень дохода граждан, в связи с чем, для большинства граждан внесение залога может оказаться непосильным финансовым бременем либо затруднительным в силу их материального положения.

Второй немаловажной причиной является возможная опасность для свидетелей и потерпевших. Д. М. Грачев в своей научной статье отмечал, что, находясь на свободе, подозреваемый или обвиняемый может угрожать свидетелям и другим участникам уголовного производства [7, с.120]. Помимо этого, отметим, что ст. 106 УПК РФ содержит указание на вид и размер залога, исходя из материального положения лица и его личности. Однако, согласно ст. 99 УПК РФ, суд при решении вопроса избрания меры пресечения должен исходить из сведений о личности подозреваемого или обвиняемого, тяжести совершенного деяния, рода занятий и других обстоятельств. Поэтому, как нам кажется, данная причина является в большей мере теоретической, а не практической, поскольку при наличии оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый попытается устранить свидетелей или потерпевших, или иным образом воздействовать на них, целесообразно избрание меры пресечения, ограничивающей свободу передвижения.

В качестве самостоятельной причины в юридической литературе выделяют отсутствие методик определения размера залога. УПК РФ закреплен минимальный размер залога, а также необходимость при определении его вида и размера учета имущественного положения, и личности подозреваемого или обвиняемого, имеющие оценочный характер, что создают условия для широкого правоприменительного усмотрения. В связи с наличием этой неопределенности суды стараются не применять залог в качестве меры пресечения.

В. Н. Гапонова и А. И. Цыреторов в качестве еще одной причины выделяли чуждость применения залога отечественной правовой традиции [6, с. 201]. Это обосновывается тем, что УПК РСФСР не содержал данной меры, помимо этого авторы отмечали «жестокость» отечественной уголовно-процессуальной политики, которая характеризуется высоким уровнем применения в качестве меры пресечения заключения под стражу [6, с. 200]. Однако в дореволюционный период Устав уголовного судопроизводства рассматривал залог как меру пресечения. Четкие размеры залога закреплены не были и определялись по усмотрению следователя. Был формализован лишь нижний предел суммы залога – не меньше причиненного потерпевшему преступлением вреда, подтвержденно-

го достоверными доказательствами [6, с. 201]. Отличительной особенностью залога было то, что сумма залога могла быть присуждена потерпевшему от преступления, а излишки обращались в пользу мест заключения. Таким образом, залог выполнял не только дисциплинирующую функцию, но и компенсаторную. Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на то, что УПК РСФСР не выделял залог в качестве меры пресечения, залог в действующей правовой регламентации является проявлением правопреемства норм Устава уголовного судопроизводства Российской Империи.

Еще одной причиной является отсутствие контроля за обвиняемым или подозреваемым на период избрания залога как меры пресечения [5, с. 66]. В юридической литературе отмечается, что зачастую суды не избирают залог в качестве меры пресечения ввиду того, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыться, в том числе покинуть РФ. В правоприменительной практике, действительно, есть подобные случаи, например, показательным является дело Михаила Бабеля, который был арестован по подозрению в мошенничестве, однако, он был выпущен под залог в размере 10 миллионов рублей, после чего покинул страну, и скрывался в Израиле [8, с. 6].

Подводя итог, можно сделать вывод, что залог является малоприменимой мерой, что обусловлено рядом объективных причин: несовершенство уголовно-процессуального законодательства, недостаточная материальная обеспеченность граждан, отсутствие методик расчета залога, сложности осуществления стоимостной оценки предмета залога, обеспечения его ликвидности и сохранности.

Несмотря на ежегодное сокращение применения залога в качестве меры пресечения, представляется необходимым внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, в том числе, формализация правил и условий обращения залога в доход государства в случае нарушения запретов обвиняемым или подозреваемым. Актуальным является разработка методических рекомендаций в отношении исчисления размера залога. Такие изменения могут положительно отразиться на частоте применения залога как меры пресечения, что будет способствовать формированию единой правоприменительной практики, а, следовательно, актуализации залога как одной из мер пресечения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.03.2025).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2021 № 29-П «По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387939/ (дата обращения: 11.03.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) О практике применения судами законодательства

о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 11.03.2025).

4. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 11.03.2025).

5. Беляева О. А. Проблемы эффективности залога как меры пресечения в уголовном процессе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problem-effektivnosti-zaloga-kak-mery-presecheniya-v-ugolovnom-protsesse-1/viewer> (дата обращения: 11.03.2025).

6. Гапонова В. Н., Цыреторов А. И. Перспективы залога как меры пресечения в отечественном судопроизводстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-zaloga-kak-mery-presecheniya-v-otechestvennom-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer> (дата обращения: 11.03.2025).

7. Грачев Д. М. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zalog-kak-mera-presecheniya-v-ugolovnom-protsesse-rossii/viewer> (дата обращения: 11.03.2025).

8. Трифонов В. Почетного строителя арестовали за поездку в Израиль. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3429277> (дата обращения: 11.03.2025).

УДК 343.1

Асанов Решат Шевкетович

кандидат юридических наук

доцент кафедры уголовно-процессуального права,

Крымский филиал Российского государственного университета

правосудия имени В. М. Лебедева

г. Симферополь, Российская Федерация

reshrock@mail.ru

Восстановление баланса публичных и частных интересов при прекращении уголовных дел по примирению сторон

***Аннотация.** В статье обосновывается отсутствие сбалансированности между публичными и частными интересами уголовного судопроизводства при действующей конструкции прекращения уголовных дел по примирению сторон, что выражается в недостатке какого-либо воздействия со стороны государства при освобождении лиц от уголовной ответственности в связи с достигнутым примирением. Восстановление данного баланса видится в назначении штрафа виновным лицам. В работе также аргументируется, что решение о прекращении уголовных дел по примирению сторон, не должно зависеть от усмотрения органов уголовного судопроизводства, поскольку факт достижения примирения и соблюдения виновным лицом всех условий, являются выполненными требованиями.*

***Ключевые слова:** примирение, прекращение уголовного дела, стороны, баланс интересов.*

Asanov Reshat Shevketovich

candidate of law, associate professor

of the Department of Criminal Procedure Law

Crimean branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Simferopol, Russian Federation

Restoring the balance of public and private interests in the termination of criminal cases by reconciliation of the parties

***Annotation.** The article substantiates the lack of balance between the public and private interests of criminal proceedings under the current structure of termination of criminal cases by reconciliation of the parties, which is reflected in the lack of any influence from the state when releasing persons from criminal liability in connection with the reconciliation achieved. The restoration of this balance is seen in the imposition of a fine to the perpetrators. The paper also argues that the decision to terminate criminal cases upon reconciliation of the parties should not depend on the discretion of the criminal justice authorities, since the fact of reconciliation and compliance by the guilty person with all conditions are fulfilled requirements.*

Keywords: reconciliation, termination of the criminal case, parties, balance of interests.

Исторически сложилось, что уголовное наказание, в первую очередь, направлено на защиту общества и государства от преступных посягательств. Традиционно эта защита осуществляется путем привлечения виновных лиц к уголовной ответственности и назначения им за причиненный преступлением вред справедливого наказания, которое выполняет не только карательную, но и воспитательную функцию.

Однако с развитием права и демократизацией общества, в уголовном судопроизводстве обрел свое становление и развитие институт примирения, который существенно усилил частные интересы участников уголовного процесса при разрешении уголовно-правового конфликта по нетяжким преступлениям, исключая полностью применение какого-либо наказания.

В настоящее время примирительные процедуры в уголовно-процессуальной деятельности реализуются в следующих формах:

1) при прекращении уголовных дел частного обвинения в суде в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (ч. 2 ст. 20 УПК РФ);

2) при прекращении уголовных дел о преступлениях небольшой или средней тяжести в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ).

Общепринято считать, что реализация института примирения является способом разрешения юридических конфликтов, в основе которого лежит компромисс, т. е. соглашение между субъектами на основании взаимных уступок [3, с. 52].

Исследуя данный вопрос на нормативном уровне, следует отметить, что понятие «примирение» в уголовном и уголовно-процессуальном законе отсутствует, что указывает на необходимость обращения к юридической литературе.

Так, Ф. Р. Сундуrow и И. А. Тарханов определяют примирение как «высказывание потерпевшего органу предварительного расследования или в судебном заседании желания примириться» [5, с. 243].

По мнению А. В. Сумачева, примирение виновного с потерпевшим следует понимать, как добровольное обоюдное согласие на мирное разрешение конфликта [4, с. 75].

Указанные мнения авторов подчеркивают то, что примирение должно быть результатом свободного волеизъявления.

Отсутствие нормативного определения понятия «примирение» обуславливает выделение главных его свойств. По нашему мнению, ими являются:

- раскаяние лица и полное признание вины по уголовному делу;
- возмещение причиненного преступлением вреда в полном объеме (в ином случае ущерб потерпевшему считается не возмещенным, о чем отмечалось судами в практической деятельности [2];
- желание (воля, просьба, ходатайство) потерпевшего после возмещения причиненного вреда отказаться от дальнейшего уголовного преследования ввиду полного устранения уголовно-правового конфликта.

Вышеуказанные элементы существенно конкретизируют действующую конструкцию и видятся обязательными.

Как отмечалось, в основе примирительных процедур лежит компромисс в разрешении уголовно-правового конфликта при совершении нетяжких преступлений. Кроме этого, обоснованность рассматриваемого института продиктована стремлением оптимизировать уголовно-процессуальную деятельность и снизить степень загруженности органов уголовно судопроизводства, включая суды.

Вместе с тем, нельзя оставить без внимания тот факт, что за любое преступление должно следовать уголовное наказание, являющееся мерой реагирования государства на совершенное общественно-опасное деяние, а равно фактором сдерживания от совершения иных преступлений в будущем.

Реализация действующего института прекращения уголовных дел в связи с примирением потерпевшего с подозреваемым, обвиняемым действительно позволяет в определенной степени оптимизировать уголовный процесс и достичь некую «процессуальную экономию». При этом, примирительные процедуры, как отмечалось, преимущественно направлены на расширение сферы частных интересов в уголовном судопроизводстве: для потерпевшего – возмещение ему причиненного вреда в полном объеме; для подозреваемого, обвиняемого – избежание наказания за совершенное преступление.

Поэтому, на наш взгляд, при действующей конструкции реализации примирительных процедур путем прекращения уголовного дела, в том числе по преступлениям частного обвинения, нарушен баланс публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве, поскольку виновное лицо фактически полностью освобождается от юридической ответственности и кроме возмещения причиненного вреда, никаким иным образом не ощущает последствия своих преступных действий. Отсутствие меры реагирования со стороны государства на совершенное преступление подвергает общество возможной повторной угрозе со стороны этого лица. Кроме этого, при действующем порядке государ-

ству никак не компенсируются понесенные затраты, связанные с осуществлением и организацией произведенного уголовного судопроизводства.

Поэтому целью настоящего исследования выступает выработка механизма, позволяющего восстановить нарушенный баланс публичных и частных интересов при реализации института прекращения уголовных дел по примирению сторон. В науке уголовного процесса уже поднимался вопрос соблюдения баланса при применении примирительных процедур, однако авторы делали акцент на других аспектах [1, с. 14–16; 6, с. 366–369].

По нашему мнению, наиболее действенным и эффективным способом в урегулировании данного дисбаланса является возложение на подозреваемого, обвиняемого при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, включая уголовные дела частного обвинения, обязанность уплаты штрафа.

Данный механизм основан на действующем в настоящее время институте назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Внедрение такого подхода по отношению к примирительным процедурам, на наш взгляд, во-первых, будет проявлением неминуемой реакцией государства на всякое запрещенное деяние и одновременно стимулировать виновных лиц не совершать новые преступления; во-вторых, компенсирует затраты государства на произведенное уголовное судопроизводство. Тем самым сохранится определенный эффект уголовного наказания, а именно исправление виновного и предупреждение совершения новых преступлений.

Таким образом, нами предлагается распространить действие существующего судебного штрафа по отношению к институту примирения, с учетом разработки на нормативном уровне соответствующего порядка, предполагающего уплату штрафа лишь при условии наличия всех обязательных признаков примирения: 1) возмещение ущерба; 2) раскаяние лица с полным признанием вины; 3) желание (просьба, ходатайство) потерпевшего после возмещения причиненного вреда отказаться от дальнейшего уголовного преследования.

Далее остановимся на вопросе усмотрения органов уголовного судопроизводства в реализации примирительных процедур.

Действующий институт прекращения уголовных дел по примирению сторон, за исключением дел частного обвинения, подразумевает право органа уголовного судопроизводства освободить лицо от уголовной ответственности по указанным основаниям.

Однако, такой подход, по нашему мнению, не соответствует ни логике уголовно-процессуальной деятельности, ни назначению института примирения в уголовном процессе.

В основе нашей позиции лежит то, что достижение примирения и соблюдение подозреваемым, обвиняемым выдвигаемых законодателем конкретных условий прекращения уголовного дела по примирению сторон (совершение не тяжкого преступления впервые) не может допускать возможность отказа органа уголовного судопроизводства в применении примирительных процедур. Ведь само по себе наличие определенных требований подразумевает, что их исполнение позволит лицу достичь желанного результата. Иными словами, факт вы-

движения каких-либо оснований и условий не может подразумевать отступления при их соблюдении.

Совсем иначе дело обстоит в тех случаях, когда лицо не выполнило или частично выполнило требования законодателя. Например, когда лицо совершило преступление небольшой или средней тяжести, но не впервые. В данных случаях, на наш взгляд, орган уголовного судопроизводства правомочен самостоятельно решать данный вопрос с учетом личности виновного и обстоятельств дела, т. е. по своему усмотрению.

Поэтому мы считаем, что реализация примирительных процедур, при соблюдении виновным лицом всех требований, не должна зависеть от усмотрения органа уголовного судопроизводства. При этом, в случае не соблюдения виновным лицом всех предусмотренных условий позволяет перейти в режим личного усмотрения.

Иными словами, реализация данного института, на наш взгляд, должна иметь дифференцированный характер.

Учитывая, что применение судебного штрафа является исключительной компетенцией суда, в то время, как примирение может быть достигнуто до направления уголовного дела в суд, т. е. на стадии предварительного расследования, видится необходимым при выработке нормативного механизма учитывать соответствующие аспекты.

По нашему мнению, такой подход видится справедливым и обоснованным, поскольку расширение принципа гуманизации все же не должно подвергать общество возможным рискам. Публичный интерес государства при таком механизме гарантированно сможет выйти на равную позицию с интересами заинтересованных участников.

Вместе с тем, важно отметить, что предложенная концепция носит общий характер, поскольку ряд деталей и нюансов требует дополнительного изучения и исследования, по результатам которых модернизация рассматриваемого института сможет быть предложена на нормотворческом уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурмагин С. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением // Труды Академии МВД России. 2016. № 1(37). С. 14–16.
2. Кассационное определение 5 Кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2021 г. № 77-1575/2021. URL: <https://fparf.ru/practical-information> (дата обращения: 14.04.2025).
3. Парфенов А. В. Эволюция термина «компромисс» // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(45). С. 51–63.
4. Сумачев А. В. Влияние волеизъявления потерпевшего на уголовную ответственность и наказание // Проблемы уголовной ответственности и наказания в условиях формирования правового государства : сб. науч. тр. Рязань. 1994. С. 71–76.

5. Сундуров Ф. Р., Тарханов И. А. Уголовное право России. Общая часть. М. : Статут. 2016. 864 с.

6. Шараева Я. А. Обеспечение баланса интересов в институте примирения сторон // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1(29). С. 366–369.

УДК 343.13

Шаталов Николай Николаевич

судья Четвертого кассационного суда

общей юрисдикции г. Краснодар, соискатель кафедры

уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной

Российский государственный университет

правосудия им. В. М. Лебедева

г. Москва, Российская Федерация

rgyp.shatalov@mail.ru

**О процессуальных средствах обеспечения права
на обращение в суд кассационной инстанции
в рамках современного уголовного судопроизводства**

***Аннотация.** Публикация посвящена освещению актуальной проблемы свободного доступа к правосудию на стадии кассационного производства в уголовном процессе. Определив понятие доступа к правосудию на данном этапе судопроизводства автор останавливается на проблеме его процессуального обеспечения на первоначальном этапе, связанном с правом кассационного обжалования субъектами обжалования. Аргументируется необходимость внесения дополнений в УПК РФ в части регулирования кассационного производства.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, суд, кассационная инстанция, доступ к правосудию, процессуальные средства, процессуальные гарантии.*

Shatalov Nikolay Nikolaevich

judge of the Fourth Cassation Court of General

Jurisdiction in Krasnodar, candidate of the Department

of Criminal Procedure Law named after N. V. Radutnaya

Lebedev Russian State University of Justice

Moscow, Russian Federation

**On the procedural means of ensuring the right to appeal to the court
of cassation in the framework of modern criminal proceedings**

***Annotation.** The publication is devoted to highlighting the urgent problem of free access to justice at the stage of cassation proceedings in criminal proceedings. Having defined the concept of access to justice at this stage of legal proceedings, the author focuses on the problem of its procedural provision at the initial stage, associated with the right of cassation appeal by the subjects of*

appeal. The necessity of introducing amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the regulation of cassation proceedings is argued.

Keywords: *criminal proceedings, court, cassation instance, access to justice, procedural means, procedural guarantees.*

В идеале рассмотрение уголовного дела судом первой инстанции и вынесение правосудного решения должно удовлетворить стороны. В этом случае необходимость в дальнейшем уголовном судопроизводстве отпадает. Но в случае возникновения у участников уголовного процесса сомнений относительно законности приговора или иного итогового акта, они вправе задействовать процессуальный механизм проверки судебного решения, представленный вышестоящими судебными инстанциями. И в этой связи процессуальные средства, гарантирующие свободный доступ к правосудию в суд кассационной инстанции, играют важную роль.

Актуальность обращения к процессуальным средствам обеспечения доступа к правосудию в стадии кассационного производства на уровне научного исследования и практики применения детерминирована комплексом факторов, отражающих современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства и судебной практики.

Право на доступ к правосудию представляет собой фундаментальную составляющую системы основополагающих прав человека, которая закреплена в ст. 46 Конституции РФ [3]. Право на доступ к правосудию необходимо рассматривать в контексте не только формального закрепления, но и реальной доступности правосудия для каждого человека, независимо от его социального статуса, материального положения и других обстоятельств. Значимым аспектом данного права является также обеспечение институциональной и процедурной доступности правосудия, включающего в себя наличие эффективных судебных механизмов. Эти доводы подчеркивают, что право на доступ к правосудию носит комплексный правовой характер, обладает универсальностью и актуальностью для справедливого уголовного судопроизводства.

Стадия кассационного производства в уголовном процессе выполняет функцию процессуального гаранта, обеспечивающего общее право на судебную защиту [1, с. 96–103; 2, с. 152; 4, с. 31–38]. Уголовно-процессуальная деятельность кассации нацелена на исправление судебных ошибок и контроль за соблюдением законности в случаях, когда имели место нарушения прав участников на предшествующих стадиях процесса. Официальная информация о деятельности судов подтверждает наличие немалого количества судебных ошибок, которые выявляются и «нейтрализуются» в порядке кассации [5].

Одной из ключевых функций кассационного производства является обеспечение единообразия судебного правоприменения на всей территории нашей страны. Анализ гарантий доступа к кассационному обжалованию в уголовном процессе позволяет осуществить оценку степени эффективности реализации права на пересмотр судебных решений, что направлено на устранение правоприменительной дискретности, возникающей в практике судов нижестоящих инстанций.

По нашему мнению, система гарантий обеспечения доступа к правосудию на этапе кассационного производства в уголовном процессе представляет собой совокупность правовых механизмов, направленных на реализацию общего права на доступ к правосудию. В данной статье, в силу ограниченного объема публикации, остановимся на одном из таких важнейших элементов обеспечения доступа к правосудию в кассации, как право на обращение в суд кассационной инстанции.

Ключевыми моментами в выстраивании системы гарантий общего доступа к правосудию в кассационной форме выступают процессуальные средства реализации права на кассационные обращения, нормативно выраженные в ст. 401.2 УПК РФ. Их значимость подчеркивается Конституционным судом РФ, указавшим на недопустимость «произвольного ограничения права на кассационное обжалование... на важность сохранения правовых гарантий на всех этапах уголовного судопроизводства» [6].

Возможность реализации права кассационного обжалования выполняет критически важную функцию в механизме исправления судебных ошибок, как гарантия, которая должна обеспечивать в современных условиях правовую определенность и последовательность судебной практики.

Пленум Верховного Суда РФ существенно расширяет круг лиц, имеющих право на обращение в суд кассационной инстанции, по сравнению с буквальным толкованием ст. 401.2. УПК РФ, конкретизирует и дополняет положения уголовно-процессуального закона, включая в число субъектов обжалования лиц, которые прямо не упомянуты в УПК РФ, но фактически могут нуждаться в судебной защите (например, заявитель, которому отказано в возбуждении уголовного дела, залогодатель) [7]. Важным дополнением, содержащимся в рассматриваемом Постановлении, является указание на право обжалования частных определений (постановлений) лицами, в отношении которых они вынесены. Также Пленум Верховного Суда РФ особо отмечает роль Уполномоченного по правам человека в РФ, которому предоставлено право обращения в суд кассационной инстанции [7]. Безусловно, такое расширительное толкование статьи 401.2. УПК РФ Пленумом Верховного Суда РФ направлено на обеспечение более эффективной реализации конституционного права на судебную защиту и доступ к правосудию. Между тем, как представляется, с точки зрения системного подхода требуется включение расширенного перечня субъектов права на кассационное обжалование непосредственно в текст УПК РФ. Это позволит обеспечить целостность и непротиворечивость нормативно-правового регулирования данной гарантии.

Расширение круга субъектов кассационного обжалования соответствует общемировым тенденциям развития уголовного процесса в направлении усиления общих, предусмотренных Конституцией РФ, гарантий прав личности. Поэтому включение в текст УПК РФ положений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, позволит оптимизировать правоприменения, снизив нагрузку на судебную систему за счет уменьшения количества обра-

ний и в Конституционный Суд РФ по вопросам толкования норм о праве на кассационное обжалование.

Расширение круга субъектов кассационного обжалования непосредственно в тексте УПК РФ будет способствовать более полной реализации доступа к правосудию. С точки зрения теории правовой определенности, инкорпорация указанных положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ в текст УПК РФ повысит ясность и предсказуемость правового регулирования, что также крайне важно для обеспечения эффективного доступа к правосудию. Поэтому предлагаем дополнить часть 1 статьи 401.2 УПК РФ следующим положением:

«Правом на обращение в суд кассационной инстанции также обладают обвиняемый, подсудимый, лицо, уголовное дело, в отношении которого прекращено, лицо, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лицо, в отношении которого применена принудительная мера воспитательного воздействия, лицо, в отношении которого принято решение о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора, их защитники и законные представители».

Также предлагаем дополнить статью 401.2. УПК РФ частью 3 следующего содержания:

«3. Право на обращение в суд кассационной инстанции имеют также лица, не признанные в установленном законом порядке участниками процесса, но чьи права и законные интересы затрагиваются обжалуемым судебным решением, включая заявителя, которому отказано в возбуждении уголовного дела, залогодателя, лицо, на имущество которого наложен арест».

Помимо сказанного, следует отметить, что к числу гарантий, обеспечивающих доступ к правосудию, необходимо относить правовые положения, посредством которых реализуется доступность самой этой стадии уголовного процесса. Обеспечение доступности кассационного судопроизводства в уголовных делах было модернизировано Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» [9], внесшим коррективы в УПК РФ. Эти изменения предусмотрели возможность подачи процессуальных документов в электронном виде, что существенно расширило доступ граждан к правосудию, особенно на этапе кассационного обжалования. В развитие данного нормативного акта, Судебный департамент при Верховном Суде РФ утвердил «Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [8].

Этот приказ установил регламентированную процедуру подачи документов, что позволило оптимизировать и ускорить процесс взаимодействия с судами, повысив при этом удобство и эффективность доступа к кассационной инстанции. Представленные в нем нормы значительно расширили возможности доступа к уголовному правосудию, особенно для лиц, находящихся в отдаленных регионах или ограниченных в передвижении, поскольку электронная пода-

ча документов способствует повышению эффективности уголовного судопроизводства и облегчает доступ к правосудию. Представляется актуальным расширение перечня допустимых способов извещения и установления четких критериев подтверждения факта получения уведомлений адресатами. При этом важно предусмотреть механизмы, гарантирующие соблюдение баланса между эффективностью извещений и защитой персональных данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бородинова Т. Г. Институт кассационного обжалования в уголовном процессе // Российское правосудие. 2022. № 12. С. 96–103.

2. Бородинова Т. Г. Кассационное производство в современном уголовном процессе Российской Федерации: назначение, процессуальные средства. Краснодар : Хорс, 2021. 152 с.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 03.03.2025).

4. Непомнящих Л. А. Становление института кассационного обжалования в России // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 4(38). С. 31–38.

5. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Категория Выступления // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/video_archive/?category=performances (дата обращения: 03.03.2025).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.03.2014 № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. С. Агаева, А. Ш. Бакаяна и других». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160813/?ysclid=m0dn67d6a8175174907 (дата обращения: 09.03.2025).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». URL: <https://base.garant.ru/72165342/> (дата обращения: 09.03.2025).

8. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 23.01.2024) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/ (дата обращения: 09.03.2025).

9. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23.06.2016 № 220-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200008/ (дата обращения: 03.03.2025).

Сика Андрей Михайлович

заместитель дежурного помощника начальника
отдела дежурной службы отдела охраны
Новосибирская психиатрическая больница
(стационар) специализированного типа с интенсивным наблюдением
Министерства здравоохранения Российской Федерации
Главного управления Федеральной службы
исполнения наказаний по Новосибирской области
Новосибирск, Российская Федерация
vibesam@gmail.com

Специфика профилактики повторной преступности осужденных к наказанию в виде принудительных работ

***Аннотация.** В статье рассматривается специфика профилактической работы с осужденными к наказанию в виде принудительных работ. Интенсивное расширение применения уголовного наказания в виде принудительных работ объективно вызывает ряд организационных проблем, одной из которых является профилактика преступлений осужденных к этому наказанию. В ходе исследования установлено, что совершение преступлений осужденными к принудительным работам во многом обусловлено, с одной стороны, недостаточно отлаженными правовым и организационным механизмами профилактической работы с таким контингентом. С другой стороны, следует учитывать особенности его состава: значительную часть спецконтингента, состоящего на учете в ИЦ (УФИЦ), составляют лица, освобожденные из исправительных учреждений различных видов режима, в которых они отбывали наказание, в том числе за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, на основании ст. 80 УК РФ (замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания).*

***Ключевые слова:** принудительные работы; исправительные центры; изолированные участки, функционирующие как исправительные центры; осужденные; предупреждение преступлений; профилактическая и оперативно-розыскная деятельность.*

Sika Andrey Mikhailovich

deputy duty assistant head of the department
of the duty service Department of security
Novosibirsk psychiatric hospital (inpatient department)
of specialized type with intensive supervision
of the Ministry of health of the Russian Federation
of the Main Directorate of the Federal penitentiary
service for the Novosibirsk region
Novosibirsk, Russian Federation

The specifics of the prevention of repeat criminality of those sentenced to punishment in the form of forced labor

Annotation. *The article discusses the specifics of preventive work with those sentenced to punishment in the form of forced labor. The intensive expansion of the use of criminal punishment in the form of forced labor objectively causes a number of organizational problems, one of which is the prevention of crimes committed by those sentenced to this punishment. The study found that the commission of crimes by those sentenced to forced labor is largely due, on the one hand, to insufficiently established legal and organizational mechanisms for preventive work with such a contingent. On the other hand, the specifics of its composition should be taken into account.: A significant part of the special contingent registered with the Federal Penitentiary Service (UFIC) consists of persons released from correctional institutions of various types of regime in which they served their sentences, including for committing serious and especially serious crimes, on the basis of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation (replacement of the unserved part of the punishment with a milder type of punishment).*

Keywords: *forced labor; correctional centers; isolated areas functioning as correctional centers; convicts; crime prevention; preventive and operational investigative activities.*

Проблемы привлечения осужденных к труду в рамках принудительных работ находят достаточное освещение в литературе [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Основным фактором роста численности осужденных, состоящих на учете исправительных центров (ИЦ), выступает интенсификация применения судами альтернативных мер наказания, предусмотренных действующим законодательством. В частности, данная тенденция связана с частым использованием положений ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), регламентирующей замену неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания, в отношении лиц, освобождаемых из учреждений пенитенциарной системы.

Структурный анализ контингента исправительных центров позволяет констатировать, что значительную долю в ней занимают лица, ранее осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, переведенные в ИЦ в порядке реализации ст. 80 УК РФ. Это создает предпосылки для возникновения системной проблемы: совместного содержания в условиях одного учреждения лиц с криминальным рецидивом и осужденных, не имеющих опыта предыдущего наказания. Подобная практика, как отмечается в исследованиях пенитенциарных систем, повышает риски трансляции норм криминальной субкультуры и негативной социализации вновь прибывших.

Дополнительным аспектом проблемы является отсутствие законодательных ограничений на совместную трудовую деятельность осужденных, направленных в ИЦ для отбывания принудительных работ, и лиц, приговоренных к исправительным работам. Несмотря на допустимость такой практики в рамках действующих правовых норм, отсутствие дифференциации условий труда может способствовать стиранию границ между различными категориями осужденных, что требует дальнейшего изучения в контексте эффективности исправительного воздействия.

В контексте сложившейся судебной практики отмечается тенденция к увеличению доли осужденных, приговоренных к принудительным работам, что в перспективе может привести к исчерпанию установленных лимитов на заполнения исправительных центров, особенно в отношении лиц мужского пола. Для минимизации рисков, связанных с данной динамикой, требуется комплексный подход, включающий не только расширение инфраструктуры ИЦ и активизацию взаимодействия с организациями, задействующими труд осужденных на условиях использования собственной материально-технической базы, но также внедрение системных мер профилактики рецидивной преступности и правонарушений среди указанной категории лиц.

Как подчеркивается в аналитических работах по пенитенциарной политике [3; 6; 7], ключевым элементом устойчивого развития системы альтернативных наказаний является оптимизация механизмов социально-трудовой адаптации осужденных. Это предполагает, помимо увеличения числа договоров с работодателями, разработку специализированных программ психолого-педагогического сопровождения, направленных на снижение влияния криминальных установок. Кроме того, актуальным остается вопрос дифференциации условий содержания осужденных с учетом тяжести совершенных преступлений и наличия рецидива, что может быть достигнуто через внесение корректировок в нормативно-правовую базу (например, ст. 80 УК РФ).

Прогнозируемое превышение лимитов заполнения ИЦ также требует проведения долгосрочного планирования, включая оценку региональных возможностей для создания новых центров и анализа экономической целесообразности их функционирования. Не менее значимым аспектом остается совершенствование межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами, учреждениями УИС и социальными службами, что способствует формированию единой стратегии ресоциализации осужденных.

Думается, что потенциал принудительных работ как вида уголовного наказания к 2030 году, исходя из нормативных условий назначения принудительных работ и реальной динамики применения данного наказания, может колебаться в пределах 150-180 тысяч осужденных.

Ключевым криминогенным риском в рамках функционирования исправительных центров (ИЦ) выступает практика совместного содержания лиц с рецидивной судимостью и осужденных, впервые привлеченных к уголовной ответственности. Данная ситуация, как отмечается в исследованиях пенитенциарной системы [1; 2], создает условия для трансляции норм криминальной субкультуры, что способствует девиантной социализации ранее не судимых лиц. Усугубляет проблему отсутствие законодательных ограничений на совместную трудовую деятельность осужденных, отбывающих принудительные работы, и лиц, приговоренных к исправительным работам, что потенциально нивелирует различия в степени их социальной опасности.

Эффективным инструментом противодействия распространению криминальных установок является системная воспитательная работа, включающая как коллективные, так и индивидуальные формы воздействия. Однако, как де-

монстрируют данные эмпирических исследований, ее реализация сталкивается с рядом барьеров. В частности, сотрудники исправительных центров фиксируют устойчивое сопротивление со стороны осужденных с рецидивной судимостью интеграции в трудовые коллективы, особенно в случаях, когда руководящие должности (мастера, бригадиры) занимают женщины из числа гражданского персонала. Данный феномен, как подчеркивается в работах по гендерным аспектам пенитенциарной практики, отражает глубоко укорененные стереотипы, связанные с неприятием женского авторитета в традиционно «мужских» сферах деятельности.

Для минимизации указанных рисков целесообразно внедрение дифференцированных программ воспитательного воздействия, учитывающих как криминальный анамнез осужденных, так и их социально-психологические характеристики. Кроме того, актуальной остается задача законодательного регулирования условий труда различных категорий осужденных, включая введение норм, ограничивающих их совместную деятельность на производственных объектах.

Проведенное нами эмпирическое исследование выявило наличие неформальной иерархии среди осужденных, сопровождающейся систематическими нарушениями прав лиц с низким статусом в криминальной субкультуре. Данный феномен, характерный для закрытых сообществ, усугубляется в условиях исправительных центров из-за отсутствия строгой дифференциации контингента по критериям социальной опасности и криминального опыта.

Анализ поведенческих паттернов осужденных к принудительным работам демонстрирует тенденцию к использованию демонстративно-шантажных действий, направленных на привлечение внимания администрации ИЦ. Подобные стратегии, включая требования смягчения режима содержания, мотивированы стремлением укрепить авторитет в группе или добиться индивидуальных послаблений, что противоречит целям исправительного воздействия.

Сотрудники исправительных центров и участков (УФИЦ, УИЦ) в ходе интервью выделяют корреляцию между правопослушным поведением осужденных и их территориальной принадлежностью. Лица, постоянно проживавшие в регионе до осуждения, чаще демонстрируют девиантные модели поведения, что объясняется сохранением асоциальных связей, включая криминальные сети. Напротив, осужденные, прибывшие из других субъектов РФ, в 78 % случаев (по данным мониторинга деятельности ИЦ (УФИЦ) за 2024 г.) соблюдают режимные требования и трудовую дисциплину, а 62 % из них выражают готовность продолжить работу на предприятии после освобождения.

Указанные данные подтверждают необходимость разработки дифференцированных подходов к управлению контингентом ИЦ. В частности, актуальным представляется:

- сегрегация осужденных на основе криминального анамнеза и уровня социальной опасности;
- внедрение программ ресоциализации, направленных на разрыв асоциальных связей у лиц, проживавших в регионе до осуждения;

– стимулирование трудовой адаптации через заключение долгосрочных контрактов с предприятиями для осужденных, прибывших из других регионов.

Обращение к историческому опыту функционирования спецкомендатур, организованных по зонально-экономическому, а не территориальному принципу, позволяет выявить двойной позитивный эффект их деятельности. С криминологической точки зрения, подобная модель способствовала минимизации преступной активности осужденных за счет их изоляции от привычной социальной среды, выступавшей фактором криминализации. Как отмечается в исследованиях советской пенитенциарной системы, пространственное дистанцирование от асоциальных связей создавало условия для разрыва с девиантными практиками и формирования новых поведенческих паттернов. Кроме того, интеграция осужденных в трудовые процессы через систему спецкомендатур обеспечивала им возможность социально-экономической реабилитации, что соответствовало концепции исправления через труд, актуальной для уголовно-исполнительной политики середины XX века.

С экономической позиции применение наказаний, альтернативных лишению свободы, в рамках спецкомендатур имело стратегическое значение для народного хозяйства. Данные структуры позволяли мобилизовать трудовые ресурсы для реализации масштабных производственных и инфраструктурных проектов в географически сложных регионах (например, на Крайнем Севере или в зонах освоения целины), где привлечение вольнонаемных работников было экономически нецелесообразным или технически затруднительным. К 1970-м годам до 40 % объема работ в отдельных отраслях (лесозаготовка, строительство железных дорог) выполнялось силами осужденных, что подтверждает значимость данного института для послевоенного восстановления страны.

Анализ исторического опыта демонстрирует, что зонально-экономический принцип организации исправительных структур не только снижал риски рецидивной преступности, но и трансформировал наказание в инструмент решения экономических задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Габараев А. Ш. Принудительные работы: актуальные проблемы правоприменительной деятельности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 1(224). С. 31–38.

2. Дворянсков И. В., Мустафаев З. Р. Организация исполнения принудительных работ вне исправительных центров // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2021. С. 30–35.

3. Лядов Э. В. Правоприменительные проблемы и пути совершенствования уголовного наказания в виде принудительных работ // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1(152). С. 332–335.

4. Некоторые вопросы правового регулирования трудоустройства осужденных к принудительным работам в рамках государственно-частного партнерства в производственном секторе уголовно-исполнительной системы Россий-

ской Федерации / В. В. Авдеев [и др.] // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 10(221). С. 53–61.

5. Новожилова Ж. С. Использование труда осужденных в сельском хозяйстве пенитенциарной системы: краткий отечественный и зарубежный опыт // Агропродовольственная политика России. 2015. № 5(41). С. 20–23.

6. Первова А. Д. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ и предполагаемые пути их решения // Трибуна ученого. 2021. № 1. С. 389–394.

7. Устинов А. А. Принудительные работы как вид наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 4(227). С. 36–44.

УДК 343.13

Ярков Александр Андреевич

аспирант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

yarkov.aleks@gmail.com

О полномочиях участкового уполномоченного полиции на первоначальном этапе расследования преступлений

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией полномочий участковым уполномоченным полиции на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Исследуются проблемы, возникающие при рассмотрении этим представителем органа дознания сообщений о преступлениях, проведении доследственных проверок, принятии решений по результатам таких проверок. В качестве вывода предлагается для решения этих проблем принятие ряда мер организационно - правового характера.*

***Ключевые слова:** орган дознания, участковый уполномоченный полиции, дознаватель, процессуальные полномочия, проверка сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела.*

Yarkov Alexander Andreevich

postgraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

On the powers of the district police commissioner at the initial stage of the investigation of crimes

***Annotation.** The article discusses issues related to the exercise of powers by district police officers at the pre-trial stages of criminal proceedings. The problems that arise when this representative of the body of inquiry examines reports of crimes, conducts pre-investigation checks, and makes decisions based on the results of such checks are investigated. As a conclusion, it is proposed to take a number of organizational and legal measures to solve these problems.*

***Keywords:** body of inquiry, district police commissioner, investigator, procedural powers, verification of a crime report, initiation of a criminal case.*

Участковый уполномоченный полиции (далее – УУП) наряду с множеством должностных обязанностей по обеспечению правопорядка в жилом секторе, на обслуживаемом административном участке в соответствии с предоставленными ему полномочиями также участвует в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, выступая в качестве должностного лица (уполномоченного представителя) органа дознания [2, с. 89–92]. При этом, как правило, рассмотрение им сообщений о преступлениях, проведение доследственных проверок и принятие решений по результатам таких проверок осуществляется этим лицом по указанию (поручению) начальника органа дознания. Соответственно в этих случаях УУП наделяется процессуальными полномочиями органа дознания, предусмотренные в первую очередь ст. 144, 145, 148, 149 УПК РФ.

Вместе с тем, данные полномочия в процессе реализации оказываются тесно связанными, нередко пересекающимися и частично совпадающими с полномочиями дознавателей, состоящими на службе в том же органе дознания, что и УУП, но в других подразделениях. Подобное совпадение и вследствие этого неопределенность в их разграничении возникает уже на этапе регистрации сообщения о преступлении и необходимости выезда на место происшествия и его осмотра, особенно, по сообщениям о преступлениях, расследование которых относится по подследственности к органам дознания.

По установленному порядку на сообщения о преступлениях на место происшествия выезжают, в основном, сотрудники органа дознания (ППС, УУП, ПДН, ДПС). Выезд дознавателя отдельно не предусмотрен. Он может выехать на место или в составе СОГ (а может и не входить в его состав) или в составе группы дознавателей. Нередко, на практике, именно УУП первым прибывает на место происшествия и принимает меры к обнаружению и обеспечению сохранности следов на месте преступления до прибытия СОГ или группы дознавателей, следственной группы [4, с. 16–20]. Он устанавливает обстоятельства случившегося, свидетелей и очевидцев происшествия, а также выясняет место, время и способ его совершения и при необходимости производит осмотр места происшествия.

Соответственно четкого и конкретного разграничения процессуальных полномочий по выезду и осмотру места происшествия между дознавателем и УУП на нормативном уровне не определено, что создает определенные трудности для качественного и быстрого собирания доказательств непосредственно на месте преступления.

Следующей проблемой взаимодействия дознавателя и УУП является определение качества проверки сообщения о преступлении и разграничение между ними компетенции по принятию решения по результатам такой проверки.

При проверке сообщения о преступлении УУП в соответствии с положениями ст. 144 УПК РФ имеет право на получение объяснений, наведение справок, истребование документов и предметов, взятие образцов для сравнительного исследования, проведение освидетельствования и другие следственные и иные процессуальные действия. Кстати, получается, что он фактически, исполняя обязанности дознавателя, может давать органу дознания обязательное для ис-

полнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

К примеру, при проведении проверки сообщения о краже гр. А. продуктов из магазина, на общую сумму 235 руб. участковый установил все обстоятельства этого деяния посредством взятия объяснений, осмотра предметов хищения и оценки их стоимости пришел к выводу о малозначительности преступления. На основании этого им обоснованно было принято самостоятельное решение в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ об отказе в возбуждении уголовного дела. Соответственно, данное решение не требовало необходимости передачи материалов проверки дознавателю.

В другом случае, проведенной проверкой, УУП установил, что гр. А., примерно в 03 часа 00 минут 05 февраля 2025 года, руководствуясь умыслом, направленным на тайное хищение чужого имущества, действуя из корыстных побуждений, прибыл на ул. Советская в г. Кострома, подошел к автомашине с регистрационным знаком, марки и модели Mercedes-Benz, принадлежащей гр. Б., убедившись, что за его преступными действиями никто не наблюдает, пользуясь при этом подручными средствами, а именно металлической проволокой, тайно похитил две фары галогеновые в сборе LedDrivinglights 2014 года, общей стоимостью 140 000 рублей. После чего гр. А. с места совершения преступления с похищенным имуществом скрылся, которым распорядился по своему усмотрению.

В процессе проверки УУП приобщил видеозаписи с камер наблюдения, расположенных во дворе дома, в которых было зафиксировано совершаемое преступление. Затем совершил подворный обход данного дома с опросом жильцов, чьи окна выходят во двор, где стоял автомобиль. Опросил пострадавшего, уточнив его имущественное положение, приложив документы на автомобиль. Также установил и опросил виновное лицо, установив место сбыта украденных фар, а также обнаружил сами фары и опросил лицо, купившее их. В последующем УУП назначил товароведческую экспертизу и после получения заключения передал материал проверки дознавателю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Таким образом, проверка была проведена полно и всесторонне, однако возникает вопрос: «Имеет ли полномочия УУП на возбуждение уголовного дела?».

Исходя из практики, возбуждение уголовного дела УУП, скорее является исключением, нежели правилом. Если, исходить из положений ч. 1 ст. 146 УПК РФ, то орган дознания (в лице УУП) при наличии повода и снования вправе принять данное процессуальное решение.

Вместе с тем, проводить по нему предварительное расследование он не вправе на основании ч. 1 ст. 151 УПК РФ, так как его правомочны осуществлять следователи или дознаватели. Соответственно, УУП материал проверки с обоснованными фактами обоснования признаков преступления обязан передать для

дальнейшего расследования в соответствующий орган по подследственности на основании п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ [1, с. 223–229].

Однако, на практике далеко не всегда, дознаватель в подобных случаях бывает удовлетворен полнотой передаваемого ему материала доследственной проверки [3, с. 147–150]. При этом, несмотря на то, что дознаватель самостоятельно правомочен произвести любое из процессуальных действий, он нередко возвращает материалы проверки сообщения о происшествии на доработку, желая получить полностью доказательно собранный материал. Причиной возврата обозначается, к примеру, отсутствие объяснения от очевидца происшествия, хотя при этом все признаки преступления УУП были с достаточной полнотой установлены.

Причиной такого положения дел является то, что нормативно не регламентированы четкие основания для возврата материала проверки между подразделениями полиции. Между тем, возвраты ведут к волоките, как следствие, доказательства, которые могли быть существенными по данному материалу, становятся недоступны. Вследствие чего вина лица, которая могла быть доказана, остается недоказанной, принцип неотвратимости наказания теряет свою суть, порождая дальнейшее девиантное поведение преступного элемента.

Также не редки случаи, когда дознаватель возвращает материал проверки участковому, мотивируя это в первую очередь тем, что участковый может самостоятельно принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела по факту, когда нет однозначного вывода о наличии в материалах данных о признаках преступления [3, с. 147–150].

Одним из путей решения изложенных проблем, связанных с полномочиями УУП в стадии возбуждения уголовного дела является совершенствование правового регулирования его полномочий. На наш взгляд, целесообразно было бы на ведомственном уровне лишить участкового полномочий по возбуждению уголовного дела. Для этого предусмотреть в соответствующих ведомственных актах четкий перечень должностных лиц органа дознания, кто мог бы принимать данное процессуальное решение, поскольку к органу дознания в системе МВД России относятся и оперативные сотрудники, инспекторы ПДН, ДПС и др. Соответственно, оставить право возбуждения уголовного дела непосредственно начальнику органа дознания, а УУП поручить исполнение только лишь п. 2 и 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Лишив возможности УУП возбуждать уголовное дело, этим самым будут ограничены его права в осуществлении предварительного расследования. Тем не менее необходимо оставить за ним обязанность исполнять отдельные поручения дознавателя, оказывать содействие при производстве отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по поручению начальника органа дознания. Это не будет противоречить п. 6 ч. 1 ст. 40.2 и ч. 1 ст. 151 УПК РФ.

Кроме того, представляется целесообразным, внести дополнения в п. 8 ст. 31 ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» и изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 30.11.2011 № 342-ФЗ в виде лишения полномочий начальника органа дознания о назначе-

нии УУП исполняющим обязанности дознавателя, т. е. уполномочивать осуществление предварительного расследования в форме дознания. По своей природе участковый входит в подразделение УУП и ПДН, а значит, будет линейно сужен круг должностей на замещение исключительно только внутри подразделения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова Л. А. Полномочия сотрудников органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 2. С. 223–229.
2. Кожина Е. С. Организация деятельности участкового уполномоченного полиции по предупреждению и пресечению преступлений и иных правонарушений // Академическая мысль. 2023. № 2(23). С. 89–92.
3. Кутуев Э. К., Чабукиани О. А. Участковый уполномоченный полиции и дознаватель: сравнительно-правовой анализ полномочий на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 147–150.
4. Паутова Т. А. Отдельные вопросы взаимодействия дознавателей с участковыми уполномоченными полиции на первоначальном этапе расследования преступлений // Концепт. 2014. № 29. С. 16–20.

УДК 343.13

Манапова Анна Федоровна

аспирант, Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

anna961512@mail.ru

Допрос несовершеннолетнего на стадии предварительного следствия

***Аннотация.** В данной статье проанализированы особенности допроса несовершеннолетнего, привлекаемого по уголовному делу в качестве обвиняемого, подозреваемого, свидетеля; рассмотрен вопрос о необходимости введения зеркала Гезелла в помещениях, оборудованных для допроса несовершеннолетнего. Сделаны выводы о проделанной работе и о важности и необходимости соблюдения соответствующих мер для реализации прав несовершеннолетних в рамках уголовного процесса. Актуальность тем исследования обусловлена современными тенденциями в процессуальном законодательстве, а соответствующие выводы, сделанные в статье, смогут минимизировать проблемы уголовного процесса.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетний, зеркало Гезелла, допрос подозреваемого, следователь, доказательство.*

Manapova Anna Fedorovna

postgraduate student, Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

Interrogation of a minor at the stage of preliminary investigation

***Annotation.** This article analyzes the specifics of the interrogation of a minor involved in a criminal case as an accused, suspect, witness; the issue of the need to introduce a Gesell mirror in rooms equipped for the interrogation of a minor is considered. Conclusions are drawn about the work done and about the importance and necessity of observing appropriate measures to implement the rights of minors in the criminal process. The relevance of the research topics is due to current trends in procedural legislation, and the relevant conclusions drawn in the article will be able to minimize the problems of the criminal process.*

***Keywords:** minor, Gesell mirror, interrogation of the suspect, investigator, evidence.*

Допрос в уголовном процессе, по мнению Д. А. Бауэр, «...это процессуальное действие, которое заключается в получении и фиксации уполномоченным должностным лицом в соответствии с нормами, установленными уголовно-процессуальным законом, показаний допрашиваемого лица об известных ему фактах, входящих в предмет доказывания и имеющих значение для расследования уголовного дела» [1, с. 122].

Законодателем установлен особый порядок производства допроса лиц, не достигших совершеннолетия, которые могут выступать по уголовному делу в качестве потерпевшего, свидетеля или подозреваемого. Перед проведением допроса следователю необходима тщательная подготовка с учетом психологических особенностей допрашиваемого лица [2].

На данный момент существуют тактические приемы, с помощью которых допрашиваемое лицо не устанет от допроса, но мало внимания законодатель уделяет обстановки допроса, особенно если это касается особой категории граждан – несовершеннолетние. Ведь для проведения допроса с ним находится не только следователь один на один, но и родители или законные представители, педагог или психолог.

В некоторых странах мира существуют специальные комнаты, оборудованные зеркалом Геззела, с помощью которого часть людей находятся за стеклом и следят за происходящим в комнате, другая часть людей находится с подозреваемым, обвиняемым или свидетелем, дабы создать более комфортную обстановку и услышать правдивые показания. Так, например, ст. 351 УПК Польши, ст. 398 УПК Италии, ст. 87 УПК Румынии и в ряде других стран нормативно закреплено использование зеркала для проведения допросов несовершеннолетних [4, с. 160].

А также в 2017 году по инициативе Уполномоченного по правам ребенка В. В. Шабардина совместно с Благотворительным проектом «Держи меня за руку» фонда Иоанна Богослова в городе Кирове была создана «Зеленая комната», в которой проходили допросы несовершеннолетних, подвергшихся насилию. «Здесь установлена звукоизоляция. Это тихая комната. Никаких пугающих и посторонних звуков. В ухе психолога находится микронаушник. Следо-

ватель из-за перегородки может корректировать ход беседы. В комнате, где сидит ребенок, вместо стульев стоят мягкие мешки-кресла, принимающие форму тела. Для ребенка это ощущение уверенности и защиты. Можно разговаривать с ребенком не за столом, а сидя на мягком полу. Ярких раздражающих цветов в комнате нет. Здесь небольшое количество игрушек. Иначе это будет отвлекать и рассеивать внимание ребенка» [5].

Поэтому необходимо создать специально оборудованную комнату с зеркалом Гезелла, которое будет служить эффективным средством получения информации, а также создаст комфортные условия для несовершеннолетнего. Особенно актуален данный вопрос в преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности, которые, безусловно, требуют присутствие психолога, в то время как следователь может находиться за зеркалом, не нанося несовершеннолетнему вреда психике, а также не способствовать напряженной обстановке [3, с. 87].

Такая обстановка способствует достижению более полного психологического контакта следователя с несовершеннолетним. Одним из достоинств зеркала Гезелла является изучение естественного поведения несовершеннолетнего, находясь в более спокойной обстановке.

Это свидетельствует о необходимости законодательного закрепления данного тактического приема, а также обязать все правоохранительные органы обеспечить данные условия несовершеннолетнему потерпевшему, подозреваемому или свидетелю.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бауэр Д. А. Производство допроса на стадии предварительного расследования: особенности и проблемы // Актуальные вопросы юридических наук : материалы III Междунар. науч. конф. Казань, 2017. 125 с.
2. Баранова И. С. Уголовно-процессуальная регламентация допроса несовершеннолетних в США и РФ. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24407288> (дата обращения: 07.04.2025).
3. Савицкая И. Г. Некоторые организационные и процессуальные проблемы производства допроса несовершеннолетнего // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-organizatsionnye-i-protsessualnye-problemy-proizvodstva-doprosa-nesovershennoletnego?ysclid=mffdxtpa37519578851> (дата обращения: 07.04.2025).
4. Ведение допроса ребенка, ставшего жертвой сексуального насилия. Международный опыт в области проведения допроса потерпевших детей в рамках судебной процедуры // Сборник эффективных методик. М., 2013. 160 с.
5. Свизева В. Проект «Зеленая комната». URL: <http://podarinadezdu.ru/proekt-zelenaya-komnata/> (дата обращения: 07.04.2025).

СЕКЦИЯ 5

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ, СЕМЕЙНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ

УДК 349.2

Кодолов Владимир Александрович

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры трудового и социального права

Вятский государственный университет

г. Киров, Российская Федерация

usr10230@vyatsu.ru

Остапко Дарья Александровна

студент, Вятский государственный университет

г. Киров, Российская Федерация

stud143300@vyatsu.ru

Рылова Полина Валерьевна

студент, Вятский государственный университет

г. Киров, Российская Федерация

rylovapol@yandex.ru

Антидискриминационный режим трудовых правоотношений

***Аннотация.** В работе представлен анализ российского законодательства с точки зрения недопущения дискриминации в трудовых правоотношениях с опорой на общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры. Описана суть дискриминационных нарушений, пути их пресечения и способы защиты работников, к которым они могут обратиться при факте нарушений их прав и свобод. В статье также имеется указание на то, что в силу закона не должно признаваться дискриминацией. На основании анализа был сделан ряд выводов по поводу антидискриминационного режима трудовых правоотношений.*

***Ключевые слова:** дискриминация, трудовые отношения, трудовые споры, трудовое законодательство, трудовой договор.*

Kodolov Vladimir Alexandrovich

candidate of law, associate professor

associate professor of the department

of labor and social law

Vyatka state university

Kirov, Russian Federation

Ostapko Darya Aleksandrovna
student, Vyatka State University
Kirov, Russian Federation

Rylova Polina Valeryevna
student, Vyatka State University
Kirov, Russian Federation

***Annotation.** The paper presents an analysis of Russian legislation in terms of non-discrimination in employment relations based on generally accepted principles and norms of international law and international treaties. The article describes the essence of discriminatory violations, ways to prevent them and ways to protect employees, to which they can turn in case of violations of their rights and freedoms. The article also indicates that, by virtue of the law, discrimination should not be recognized. Based on the analysis, a number of conclusions were drawn regarding the anti-discrimination regime of labor relations.*

***Keywords:** discrimination, labor relations, labor disputes, labor legislation, employment contract.*

Согласно статье 15 п. 4 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью правовой системы нашего государства и если международным договором России установлены иные правила, чем предусмотренные российским законом, то применяются правила международного договора.

Поэтому российское законодательство восприняло положения антидискриминационной Конвенции МОТ [7], которая определила критерии дискриминации с установлением требований борьбы с ней.

В частности, конституционной основой недопущения дискриминации является принцип равноправия, согласно которого гражданство России является единым и равным независимо от оснований приобретения (ст. 6 п. 1); все равны перед законом и судом (ст. 19 п. 1); граждане России имеют равный доступ к государственной службе (ст. 32 п. 4); судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 123 п. 3) и т. д.

В трудовых же отношениях каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав (ст. 3 ТК РФ); работодатель обязан обеспечивать работникам равную оплату за труд равной ценности (ст. 22 ТК РФ); основным принципом социального партнерства является равноправие сторон (ст. 24 ТК РФ) и т. д.

Одновременно установлен запрет принятия локальных нормативных актов, коллективного договора, условий трудового договора и изменения этих условий, если это ухудшает положение работника в сравнении с действующим законодательством (ст. 8, 50, 57, 74, 135, 139, 215, 329, 339, 348 ТК РФ и др.).

Лица, считающие, что они подверглись дискриминации в сфере труда, вправе обратиться непосредственно в суд с заявлением о восстановлении нарушенных прав, возмещении материального вреда и компенсации морального вреда (ст. 3 ТК), освобождаясь от обязанности предварительного обращения в комиссию по рассмотрению трудовых споров (ст. 382, 391 ТК РФ).

Дискриминацией считается только такое нарушение прав и свобод потерпевшего, которое совершено в зависимости (т. е. с целью нарушения) 17 свойств этого потерпевшего, указанных в законе (пола, возраста, национальности и т. д.).

Субъектами административной ответственности за совершение дискриминации являются граждане и юридические лица (ст. 5.62 КоАП РФ), а субъектами уголовной ответственности – только должностные лица при условии, что данное деяние совершено им с использованием своего служебного положения (ст. 136 УК РФ).

Антидискриминационные правила начинают применяться еще до возникновения трудовых правоотношений. Например, законодательство о занятости населения [12] запрещает распространение информации о свободных рабочих местах, содержащей сведения дискриминационного характера (17 указанных выше), а статья 13.11.1. КоАП РФ «Распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей ограничения дискриминационного характера» предусматривает административное наказание за осуществление такого распространения.

Вместе с тем судебная практика исходит из того, что сам по себе факт размещения объявления с указанием на половой признак требуемого работника не свидетельствует о дискриминации в сфере труда, а лишь указывает на предпочтение определенной категории лиц, что в силу закона не является дискриминацией [8].

Необоснованный отказ в заключении трудового договора запрещается и может быть обжалован в суд. При этом суд пояснил, что в судебном порядке может быть обжалован только отказ, исходящий от уполномоченного работодателем лица, т. е. лица, которое наделено работодателем правом приема на работу [1].

В целях пресечения возможных уловок работодателя в такой ситуации последний обязан по письменному требованию лица, которому отказано в заключении трудового договора, сообщить причину отказа в письменной форме в срок не позднее чем в течение семи рабочих дней со дня предъявления такого требования (ст. 64 ТК). В случае неисполнения этого требования работодатель может быть подвергнут административному штрафу (ст. 5.27 КоАП РФ).

В качестве одного из препятствий осуществлению необоснованного отказа в заключении трудового договора является запрет требовать от лица, поступающего на работу, документы помимо предусмотренных законодательством (ст. 65 ТК РФ).

Поскольку действующее законодательство содержит лишь примерный перечень причин, по которым работодатель не вправе отказать в приеме на работу лицу, ищущему работу, вопрос о том, имела ли место дискриминация при отказе в заключении трудового договора, решается судом при рассмотрении конкретного дела [10].

Согласно статей 12 и 56 ГПК РФ бремя доказывания факта незаконности отказа в заключении трудового договора возлагается на этого несостоявшегося

работника [6]. А добиться успехов в этом доказывании непросто. Например, имеют место попытки некоторых работодателей проверять поступающих на работу на полиграфе и, защищая права работников подзаконными нормативно-правовыми актами установлено, что результаты этой проверки не могут являться юридическими доказательствами, а применение полиграфа допускается только с согласия работника с информацией о тематике задаваемых на этой проверке вопросов [5].

Только деловые качества работника должны учитываться как при заключении трудового договора, так и при оплате труда [2]. Поэтому не может рассматриваться как дискриминация отказ в приеме на работу, обусловленный объективными обстоятельствами, связанными с отсутствием у истца соответствующей квалификации и опыта работы [9].

Дискриминационными могут быть признаны любые мотивы ограничения прав или необоснованного установления преимуществ, которые не связаны с деловыми качествами гражданина, поступающего на работу, поэтому вывод о наличии дискриминационных оснований может быть сделан при установлении факта преимуществ по сравнению с другими гражданами [11].

Одновременно не являются дискриминационным установление разным работникам разных поощрительных выплат, либо их не начисление одним работникам при начислении другим, поставленное в зависимость от результатов труда работников и их деловых качеств [3].

Установление же различий в выплате компенсации за неиспользованный отпуск в зависимости от продолжительности работы не может рассматриваться как забота о лицах, нуждающихся в особой социальной и правовой защите, т. е. является дискриминационным нарушением [4].

Основным приемом антидискриминационно-правового регулирования является сравнительный подход по формуле должно «не ухудшать положение работника по сравнению с установленным трудовым законодательством» содержание основных и дополнительных условий трудового договора (ст. 57 ТК РФ), изменений трудового договора (74 ТК РФ), локальных нормативно-правовых актов (ст. 8 ТК РФ), коллективных договоров (ст. 9 и 50 ТК РФ), оплаты труда (ст. 135 ТК РФ), режима рабочего времени и времени отдыха (ст. 329 ТК РФ) и т. п.

Все перечисленное могут быть только благоприятными для работников (ст. 41 ТК РФ), режима рабочего времени и времени отдыха (ст. 329 ТК РФ) и т. п.

Обобщение изложенного позволяет сделать следующие выводы.

1. Антидискриминационное правовое регулирование представляет собой принцип не только конституционного, но и международного права.

2. Главное назначение антидискриминационного правового регулирования заключается в обеспечении равноправного положения граждан перед законом.

3. Антидискриминационное правовое регулирование обеспечивает эту цель на всех стадиях трудовых отношений, начиная от рекламирования свободных рабочих мест.

4. Основным приемом антидискриминационного правового регулирования является сравнительный подход, осуществляемый по формуле «не ухудшать

положение работника по сравнению с установленным трудовым законодательством».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 21.11.2014 по делу № 33-15112/2014. URL: <https://base.garant.ru/131612229/> (дата обращения: 07.04.2025).
2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 26.11.2015 по делу № 33-2829/2015. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=297024#aUTCghUKmdF26izq> (дата обращения: 07.04.2025).
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.01.2020 по делу № 33-3146/2020, 2-3170/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1808076#ilhDghUig0XwZakN1> (дата обращения: 07.04.2025).
4. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19.02.2020 № 33-4976/2020 по делу № 2-5562/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=251205#iZsDghUYdI4WFeNE1> (дата обращения: 07.04.2025).
5. Вправе ли работодатель использовать полиграф? // Азбука права. 2025. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/poligraf_v_trudovom_dogovore/#link-to-assistant (дата обращения: 07.04.2025).
6. Кассационное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 20.07.2011 по делу № 33-2586/11. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/101082628/> (дата обращения: 07.04.2025).
7. Относительно принудительного или обязательного труда. Конвенция № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759/ (дата обращения: 07.04.2025).
8. Определение Московского городского суда от 19.03.2013 № 4г/3-2267/13. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/108351259/> (дата обращения: 07.04.2025).
9. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.10.2024 № 88-21665/2024 (УИД 03RS0005-01-2023-005178-51). URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=6382351&case_uid=a1061671-1f2a-4cbc-8a88-3e349bf28e1f&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 07.04.2025).
10. О применении судами России Трудового кодекса РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/ (дата обращения: 07.04.2025).
11. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 19.06.2020 № 05АП-147/2020 по делу № А24-4367/2019. URL: <https://www.con->

sultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS005&n=95610#ARVDghUUrLXs04hk (дата обращения: 07.04.2025).

12. О занятости населения в Российской Федерации : Федеральный закон от 12 декабря 2023 г № 565-ФЗ Ст. 53 п. 3 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/151df305f73.e727be3bf36a447c90c7c84f22219/ (дата обращения: 07.04.2025).

УДК 347.6

Васильева Анастасия Валерьевна

старший преподаватель

Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Ланкова Виталина Алексеевна

студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

vitawadcfv@gmail.com

К вопросам об особенностях заключения соглашения

об уплате алиментов в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) физических лиц

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема заключения алиментного соглашения в рамках процедуры банкротства в деле о несостоятельности физических лиц. Осуществлен анализ правовой природы соглашения. Приведена нормативная база, регламентирующая затронутую проблематику, а также указаны примеры из судебной практики. Проведенное исследование позволяет предложить механизмы оспаривания и недопущения заключения недействительных соглашений об уплате алиментов.*

***Ключевые слова:** семейное право, алименты, соглашение об уплате алиментов, банкротство, недействительность алиментного соглашения.*

Vasilyeva Anastasia Valeryevna

senior lecturer, Far Eastern law institute

(branch) university of the prosecutor's office of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Lankova Vitalina Alekseevna

student, Far Eastern law institute (branch)

university of the prosecutor's office of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

To questions about the specifics of concluding an agreement on the payment of alimony in the framework of the insolvency (bankruptcy) of individuals

***Annotation.** The article discusses the problem of concluding an alimony agreement in the framework of bankruptcy proceedings in the case of insolvency of individuals. The analysis of the legal nature of the agreement has been carried out. The regulatory framework governing the affected issues is presented, as well as examples from judicial practice. The conducted research makes it possible to improve the mechanism for challenging and preventing the conclusion of invalid alimony agreements.*

***Keywords:** alimony, alimony payment agreement, bankruptcy, invalidity of the alimony agreement.*

Право на судебную защиту в семейном праве возникает как самостоятельная возможность защиты семейных прав. В отличие, например, от обращения в государственные органы, судебная защита выступает основной, и применяется при разрешении большинства семейных споров, которые рассматриваются по нормам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

В настоящее время институт алиментов является одним из наиболее актуальных вопросов в сфере семейных правоотношений, что обусловлено его обеспечительным характером по отношению к нетрудоспособным в силу возраста или состояния здоровья, членам семьи.

Нередко в науке можно встретить мнение о том, что алименты выступают своеобразной мерой поддержки, обладающей материальным характером, для субъектов рассматриваемых правоотношений [3, с. 267]. Конечно, с данной точкой зрения сложно не согласиться, учитывая, что алиментные платежи, действительно, выступают гарантией для лиц, которые в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств не могут самостоятельно себя обеспечить. В результате чего такая обязанность возлагается на субъектов, которые состоят с ними в отношениях родства или свойства и несут ответственность за их достойное развитие.

На сегодняшний день институт алиментов, в силу активного развития межотраслевого взаимодействия, играет большую роль не только в семейных правоотношениях, но также выступает эффективным инструментом, например, государственной жилищной политики, пенсионного обеспечения [2, с. 198]. Это еще раз подчеркивает значимость его детальной правовой регламентации во избежание дестабилизации функционирования обеспечиваемых алиментными платежами сфер правоприменения.

Так, законодательно закреплено два варианта установления алиментных обязательств, которым посвящен отдельный раздел Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (далее – СК РФ).

Первый – решение суда, а второй – заключение соглашения об уплате алиментов. Дискуссионным до сих пор остается вопрос заключения алиментного соглашения, которому свойственна амбивалентность из-за сочетания гражданских и семейно-правовых начал в рассматриваемом договоре.

С одной стороны, к нему применимы императивные нормы относительно формы, установления ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения, а с другой стороны – субъектам предоставлена свобода договора в части установления размера алиментных платежей по соглашению, что вызывает определенные трудности на практике и ведет к попытке злоупотребления своими правами отдельных лиц, в частности, при инициировании процедуры банкротства граждан.

Проблематика рассматриваемого вопроса заключается в том, что гражданин-должник целенаправленно пытается вывести свое имущество из обладания, с целью сократить конкурсную массу и препятствовать восстановлению своей платежеспособности путем заключения мнимого соглашения об уплате алиментов.

Как отмечено выше, вопрос о размере алиментных платежей по алиментному соглашению отнесен законодателем на самостоятельное урегулирование сторон. Пункт 2 статьи 103 СК РФ устанавливает лишь нижний предел указанных платежей, а именно отсутствие возможности установить размер алиментов ниже, чем тот, который управомоченные лица могли бы получить при взыскании в судебном порядке. Исходя из особенности процедуры банкротства физических лиц в той части, что при определении размера требований кредиторов учитываются имущественные обязательства, вытекающие и из семейных правоотношений, должники могут целенаправленно заключить соглашение об уплате алиментов на сумму, которая носит явно завышенный и чрезмерный характер [6, с. 27].

Таким образом, наблюдается тенденция «мнимых соглашений» об уплате алиментов, что проявляется в цели их заключения – уклонение от обязанности по оплате долгов кредиторов.

«Мнимое соглашение» об уплате алиментов может быть признано недействительным на основании статей 101–102 СК РФ, статей 10, 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Однако с введением в Федеральный закон от 26.12.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) в 2015 году главы об оспаривании сделок должника, появился новый специальный правовой механизм оспаривания на основании статей 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве [5].

Для признания соглашения об уплате алиментов недействительным необходимо доказать явно чрезмерный и завышенный характер алиментов по соглашению.

В данном случае правоприменителям «дает ориентир» в этой части Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2012 № 11-П, которое признает возможным признание недействительным алиментного соглашения только в части, которая превышает явно необходимые потребности ребенка, оставляя в силе те размеры алиментных платежей, которые причитались бы по суду [7].

О возможности оспаривания алиментного соглашения также прямо указано в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями

формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», согласно которому соглашение может быть признано недействительным по заявлению, например, кредиторов, чьим интересам причиняется существенный ущерб в результате превышения размеров алиментных платежей разумности их выплаты [8].

Это обусловлено наблюдающимся смещением акцентов при обеспечении справедливого баланса интересов сторон алиментных и иных отношений, которое проявляется в соблюдении и обеспечении теперь не только «приоритетных» интересов управомоченного лица – получателя алиментов, но и третьих лиц, которые напрямую заинтересованы в удовлетворении их законных требований [2, с. 200].

Исходя из анализа судебной практики и научной литературы, можно выделить несколько основных признаков, которые свидетельствуют о недействительности соглашения об уплате алиментов, заключенного как в период до начала производства дела о банкротстве, так и непосредственно в рамках процедуры конкурсного производства:

1. Соглашение об уплате алиментов было заключено сторонами в период, когда у должника уже были явно выраженные признаки неплатежеспособности, имелись долги или иные денежные обязательства, которые не погашались в течение длительного времени. При этом при нотариальном удостоверении такого соглашения, должник дает отрицательный ответ у нотариуса о наличии долгов и иных обязательств перед кредиторами, что свидетельствует об обмане со стороны плательщика алиментов (апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 09.09.2013 № 33-10844/2013).

2. Наличие официально зарегистрированных семейных правоотношений между сторонами алиментного соглашения, т. е. брака, или их фактическое совместное проживание, что расценивается судами как нетрадиционный подход к построению взаимоотношений внутри семьи, для которой не характерно заключение соглашения об уплате алиментов (апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 07.06.2017 по делу № 33-11720/2017) [4, с. 16].

3. Явно завышенный размер алиментов, установленный соглашением, не отвечающий критериям разумности (постановление Тринадцатого арбитражного суда от 01.02.2022 № 13АП-35618/2021 по делу № А56-37894/2020/сд.1).

4. Заключение алиментных соглашений в отношении лиц, которые не отвечают критерию нуждаемости, который отмечен в статье 95 СК РФ, как необходимый для заключения подобной сделки. Так, соглашение может быть направлено на выплату алиментных платежей в пользу членов семьи, которые, например, получают пенсию и иной доход, т. е. отсутствует явная потребность в их дополнительной материальной поддержке.

5. Причинение вреда имущественным интересам кредиторов в результате заключения соглашения, обусловленного тем фактом, что мнимое соглашение об уплате алиментов, содержащее условие о выплате несоразмерных сумм управомоченному лицу, увеличивает имущественные требования к должнику, которые подлежат приоритетному удовлетворению.

Таким образом, в силу особого семейно-правового положения гражданина-должника, важное значение в рамках конкурсного производства по делу о несостоятельности (банкротстве) физических лиц является оспаривание недействительных алиментных соглашений, заключаемых с целью вывести из конкурсной массы должника некоторое количество имущества, тем самым причиня значительный ущерб интересам кредиторов.

Представляется, что в данных ситуациях необходимо создать эффективный правовой механизм, который будет способен препятствовать заключению подобных соглашений и позволит избежать в дальнейшем излишних процедур оспаривания финансовым управляющим таких сделок, что, в итоге, увеличит степень защищенности и гарантированности интересов других кредиторов, а также сократит сроки рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве) физических лиц.

В частности, следует рассмотреть возможность установления верхнего предела размера алиментных обязательств, который будет удовлетворять потребности управомоченных лиц, а также предусмотреть дополнительные обстоятельства, которые должен выяснить нотариус на этапе нотариального удостоверения алиментного соглашения. Например, наличие исполнительного производства в отношении плательщика алиментов, его доходы, факт состояния в браке и др. [4, с. 17].

В завершение отметим, проведенное исследование об особенностях заключения соглашения об уплате алиментов в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) физических лиц в определенной степени позволяет предложить механизмы оспаривания и недопущения заключения недействительных соглашений об уплате алиментов, что в последующем может стать не только предметом научного осмысления, но и практической реализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Ксенофонтова Д. С. Основные направления модернизации правового института алиментирования // Государство и право. 2022. № 11. С. 197–201.
3. Ненашева Д. М. Регулирование алиментных отношений по алиментному соглашению // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Тула, 16–17 ноября 2023 года. Чебоксары : Среда, 2023. С. 267–272.
4. Нохрина М. Л. Признание мнимыми алиментных соглашений в судебной практике // Нотариальный вестник. 2023. № 6. С. 14–20.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Огурцова Е. С. Некоторые проблемы оспаривания соглашения об уплате алиментов в деле о банкротстве // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф.,

Пенза, 10 октября 2018 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. С. 27–30.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2012 № 11-П // СПС «КонсультантПлюс».

8. О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Васильева А. В. Реализация судебного права на защиту в семейных правоотношениях // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества : сб. ст. по материалам II Всерос. науч.-практ. конф., Владивосток, 12 апреля 2024 года. Владивосток : Дальневосточный федер. ун-т, 2024. С. 305–308.

УДК 347.627(470)

Семенова Инна Юрьевна

старший преподаватель

Чувашский государственный университет

им. И. Н. Ульянова

г. Чебоксары, Российская Федерация

iysemenova@mail.ru

Медиация как альтернативный способ разрешения семейно-бытовых споров

***Аннотация.** В статье предпринята попытка донести идею о том, что досудебное разрешение семейно-бытовых споров с участием независимого нейтрального медиатора в условиях кризиса российских семей является, на взгляд автора, действенным инструментом сохранения семьи. Исследование действующих нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере общественных отношений и практики их применения доказывает эффективность медиативных процедур в семейной сфере.*

***Ключевые слова:** медиативные процедуры, семейно-бытовой спор, альтернативное разрешение проблем в семье, соглашение о медиации, досудебная возможность защиты семейных прав.*

Semenova Inna Yurievna

senior lecturer, Chuvash State University

named after I. N. Ulyanova

Cheboksary, Russian Federation

Mediation as an alternative way to resolve domestic disputes

***Annotation.** The article attempted to convey the idea that the pre-trial resolution of family-household disputes with the participation of an independent neutral mediator in the crisis of Rus-*

sian families is, in the opinion of the author, an effective tool for preserving the family. The study of existing regulatory legal acts in the field of public relations under consideration and the practice of their application proves the effectiveness of mediation procedures in the family sphere.

Keywords: *mediation procedures, family-household dispute, alternative resolution of problems in the family, mediation agreement, pre-trial possibility of protecting family rights.*

Понимая значимость семьи как базовой ячейки общества, государство поддерживает и охраняет ее институты, в том числе и в рамках проводимых мероприятий по улучшению жизни граждан страны [1]. В современном российском обществе наблюдается тенденция кризисного состояния семьи, проявляющаяся в росте числа разводов и незарегистрированных брачных сожительств, рождении внебрачных детей, невыплате алиментов, ослаблении внутрисемейных связей и иных, требующих скорейшего разрешения и пристального внимания со стороны законодателя и широкой общественности. Происходящие в обществе перемены выявили неготовность большинства российских семей к решению стоящих перед ними социально-экономических проблем (жилищный вопрос, недостаточная материальная обеспеченность, неспособность к надлежащему воспитанию и содержанию детей и др.). Возникшие сложности, обрушившись на семью, нередко приводят к серьезным разногласиям между ее членами, а те, в свою очередь, способны и вовсе разрушить семью. Распад семьи как негативное, но допустимое социальное поведение, все же необходимо максимально предотвратить. В связи с чем особую актуальность приобретают вопросы максимально безболезненного разрешения семейно-бытовых споров, в том числе, начиная с 2011 года с участием независимого посредника [1]. Как ранее уже было отмечено автором, «правовая природа семейного законодательства предопределяет необходимость совершенствования правовых механизмов, которые позволят предупредить распад семьи» [2, с. 66]. Семейные конфликты и недопонимания, разумеется, неизбежны, однако это не означает, что их нельзя минимизировать, предупреждать, смягчать и разрешать. Возможность привлечения нейтрального лица, способного беспристрастно и уважительно разрешить семейно-бытовой спор, несомненно, является действенным механизмом сохранения российских семей. Именно медиатор, не заинтересованный в поиске виновного в том или ином конфликте, а нацеленный в своей работе на максимально выгодный обоим сторонам компромисс, может помочь спорящим, не доводя дело до судебного разбирательства.

Анализ материалов правоприменительной практики в отношении медиативных процедур в семейной сфере позволил выявить следующие положительные моменты. Во-первых, равноправие спорящих, как правило, супругов (в отношении воспитания детей или раздела общесупружеского имущества и иное), позволяет им максимально высказать свое мнение, услышать иное, оценить предложенный компромиссный, достаточно взаимовыгодный вариант. Во-вторых, процедура добровольная, т. е. удобная и согласованная для обеих сторон, учитывающая их мнения и желания (медиатор ищет компромисс, когда как судья при принятии решения строго руководствуется законом). Возможность принятия обоюдно приемлемого решения и свобода прекращения участия

в переговорном процессе также важны для спорящих сторон. В-третьих, беспристрастность посредника и его независимость от обеих конфликтующих сторон. Разумеется, сама конфиденциальность процедуры, что немаловажно для конфликтующих участников, не желающих публичности в семейно-бытовых конфликтах (в судах разбирательство дел открытое). В-пятых, процедура проводится так скоро, как только сторонам удобно по времени и месту ее проведения (в отличие от суда, где все строго регламентировано процессуальным законодательством).

Несмотря на удобство и несомненные плюсы медиативной практики, нельзя не остановиться на отрицательных моментах, могущих иметь существенное значение при применении медиативных процедур в семейной сфере. В первую очередь, недостаточная четкость разрешений и запретов на применение примирительных процедур, касающихся ряда семейных вопросов. Законодатель закрепил невозможность медиации по вопросам, касающимся прав и свобод третьих лиц, а также затрагивающих публичные интересы. Анализ разъяснения данной правовой категории показывает ее широкое смысловое содержание, что вызывает сложности на практике. Во-вторых, хотя спорящие стороны изначально добровольно пожелали участвовать в медиации, но вскоре стали уклоняться от участия в кокусе или в самой примирительной процедуре в закрепленный законом 193-ФЗ месячный срок, то действенного механизма получения ответа от нее не предусмотрено. Вполне возможно, что конфликтующая сторона как бы намеренно будет затягивать примирительный процесс (в суде такой возможности нет). В-третьих, оплата услуг медиативных посредников может быть достаточно высока для определенных слоев населения. Получается, вроде как процедура доступна для всех, но дороговата по цене, т. е. фактически недоступна для многих. Закон не устанавливает сумм оплаты услуг посредника, в связи с чем цены на медиативные услуги могут сильно отличаться в разных субъектах РФ, что влияет на принцип доступности (в суде все государственные пошлины едины). В то же время, по смыслу закона, такая процедура может быть проведена безвозмездно, если принята надлежащая нормативно-правовая база в том или ином регионе. В-четвертых, медиатор наделен правом прекращения начатой медиативной процедуры, если видит ее бесперспективной. Такое положение дел может быть неприемлемым для одной или обеих спорящих сторон (в отличие от суда, где решение будет вынесено судьей в силу закона и исполнено принудительным механизмом службы судебных приставов).

Краткий анализ медиативной процедуры показал ее уместность для большинства семейно-правовых конфликтов. В частности, споры о воспитании и образовании детей, о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей, об общении с ребенком и иными родственниками, раздел совместно нажитого имущества и иные могут быть более эффективно разрешены в досудебном порядке. Специфика гражданских дел семейно-бытовой направленности такова, что здесь в принципе никто из спорящих сторон не может абсолютно «выиграть» или «проиграть». Например, разводящиеся супруги, не могущие самостоятельно решить вопрос проживания ребенка, в любом случае идут на определенный компромисс при вынесении решения, так как, даже настаивая на

своей позиции в суде, понимают, что судья выносит решение, руководствуясь интересами ребенка, а не бывших супругов. Разумеется, учитываются все обстоятельства дела (доходы родителей, жилищные условия, профессия, наличие иных детей или браков, прежний уровень жизни ребенка и т. д.), но приоритет всегда за интересами ребенка. Стоит помнить, что действующее семейное законодательство императивно устанавливает запрет на медиативные практики по делам об ограничении, лишении, восстановлении родительских прав, разбирательство по которым возможно лишь в судебном порядке [3]. Медиация применима, но только не тогда, когда закон определил иначе.

Отдельно можно говорить о спорах в смешанных семьях, где члены вновь образованной ячейки общества (женщина вступает в брак с уже имеющимися детьми, мужчина имеет внебрачных детей, и мужчина и женщина имеют детей от предыдущих браков или фактических сожительств) находятся в более сложном положении, как психологически, так и материально; внутрисемейные связи не всегда четко определены. При возникновении семейно-бытовых конфликтов помощь медиатора позволит быстрее разобраться в сложившейся ситуации, позволит найти компромиссный выход, так как стороны сами путем переговоров принимают взаимовыгодное решение.

Позиция большинства исследователей в рамках данной темы сводится к тому, что возможно и в нашей стране, как в ряде зарубежных, назрела необходимость закрепления процедуры досудебного урегулирования спора в обязательном порядке по некоторым насущным вопросам, особенно связанным с воспитанием и проживанием детей при раздельном проживании родителей как в статусе супругов, так и бывших супругов. В то же время некоторые авторы указывают на необходимость повышения правовой культуры россиян до введения ее в качестве обязательной [4].

Нельзя забывать и о примирительной возможности для конфликтующих по вопросам охраны и защиты личных неимущественных прав участников семейных отношений. Введение в семейное законодательство термина «семейно-правовая сделка» и схожих по смыслу правовых конструкций, имеющих смысловое содержание в виде достижения договоренности между конфликтующими сторонами в семейно-бытовой сфере, могут самым позитивным образом отразиться на сохранении семей. Дальнейшее оформление медиативного соглашения в виде мирового или закрепление его нотариально, несомненно, позволит максимально защитить обе спорящие стороны.

Даже при кратком сравнительно-правовом анализе медиации и судебного разрешения споров в семье, отчетливо выделяются ее преимущества. Медиация как посредничество – инструмент надежный, эффективный; отдельно отметим, что эмоционально мягкий для сторон, стремящихся прийти к взаимовыгодному решению с минимальными временными и эмоциональными потерями, в отличие от юридизированных судебных процедур.

Проводимая органами власти государственная семейная политика нацелена на всяческое укрепление института семьи. Досудебное медиативное урегулирование способно предотвратить развод, ухудшение отношений между членами семьи, выступая в большинстве семейно-бытовых конфликтов действенным ме-

ханизмом их предотвращения. Его предпочтение перед судебным разбирательством вполне очевидно, с учетом рассмотренных особенностей. Дальнейшая популяризация в нашей стране медиации как альтернативного несудебного способа разрешения семейно-бытовых споров должна самым позитивным образом сказаться на практике сохранения российских семей от распада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Информационный ресурс о планах развития страны на ближайшее будущее и мерах по улучшению качества жизни людей «Национальные проекты России». URL: <https://национальныепроекты.рф> (дата обращения: 06.04.2025).

2. Семенова И. Ю. Особенности медиации в семейных отношениях // *Oeconomia et Jus*. 2018. № 3. С. 63–70.

3. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

4. Шумилов Г. Р., Табакчи Т. А. Обязательная медиация по семейным спорам: «подводные камни» URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/obyazatel'naya-mediatsiya-po-semeynym-sporam-podvodnye-kamni/> (дата обращения: 06.04.2025).

УДК 347.611

Васильева Анастасия Валерьевна

старший преподаватель

Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Неретина Дарья Андреевна

студент, Дальневосточный юридический институт

(филиал) Университета прокуратуры

Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

darrika16@gmail.com

**Современные тенденции развития института брака и семьи:
анализ влияния социальных, экономических
и технологических факторов на семейные отношения**

Аннотация. В данной статье проводится анализ влияния современных социальных, экономических и технологических факторов на институт брака и семьи. Рассматриваются трансформации в правовом регулировании семейных отношений, включая процессы легали-

защиты однополых союзов и признания гражданских браков. Отдельное внимание уделяется позиции российского общества и законодательной системы в контексте глобальных изменений.

Ключевые слова: гражданский брак, законный брак, институт семьи, однополые браки, сожительство.

Vasilyeva Anastasia Valeryevna

senior lecturer, Far Eastern law institute (branch)
university of the Prosecutor's office
of the Russian Federation,
Vladivostok, Russian Federation

Neretina Darya Andreevna

student, Far Eastern law institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Current trends in the development of the institution of marriage and family: analysis of the impact of social, economic and technological factors on family relations

Annotation. *This article analyzes the impact of modern social, economic and technological factors on the institution of marriage and family. The article examines transformations in the legal regulation of family relations, including the processes of legalizing same-sex unions and recognizing civil marriages. Special attention is paid to the position of Russian society and the legislative system in the context of global changes.*

Keywords: *civil marriage, legal marriage, family institution, same-sex marriage, cohabitation.*

Институт брака и семьи, как и прежде, остается одним из самых значимых социальных институтов. Под влиянием различных факторов: социальных, экономических и технологических он претерпел значительные изменения. Так, в настоящее время в обществе укрепляется нейтральное отношение к зарегистрированному браку: все больше распространение получает сожительство или, как еще его называют, гражданский брак.

В подтверждение данному тезису следует обратиться к статистическим данным, предоставленным Федеральной службой государственной статистики. Так, за 2022 год в России зарегистрировано 1 053 756 браков, в то время как за 2023 – 945 995, что на 10,2 % меньше [1]. Таким образом, можно заметить, что наблюдается тенденция к снижению общего количества зарегистрированных браков.

Вместе с тем, несмотря на повсеместное распространение гражданского брака, такой институт в отечественном законодательстве отсутствует.

Сегодня в Российской Федерации признается только брак, зарегистрированный в установленном порядке в органах записи актов гражданского состоя-

ния [2, с. 7]. При этом совместное проживание двух лиц не может быть приравнено к таковому (п. 2 ст. 1, ст. 10 СК РФ).

В этой связи представляется интересным сравнить правовой статус лиц, находящихся в гражданском браке, и супругов. Так, сожители не обладают всеми правами и обязанностями, которые предусмотрены Семейным и Гражданским кодексами Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ, ГК РФ) для супругов. Например, при рождении общего ребенка гражданский муж не становится его отцом автоматически. Запись сведений об отце осуществляется по общему правилу на основании совместного заявления матери и отца ребенка.

Также важно отметить, что на гражданские браки не распространяются положения закона о совместной собственности супругов. В такой ситуации целесообразно оформить все приобретенное имущество в общую долевую собственность [3]. Такие действия помогут избежать сложностей при разделе имущества в будущем.

Судебная практика при разрешении указанных имущественных вопросов складывается таким образом, что иски, как правило, удовлетворяются в пользу собственника [4].

При раскрытии правового статуса сожителей следует также затронуть вопрос наследования. Отмечается, что лица, проживающие в гражданском браке, не могут претендовать на наследство друг друга по закону. Это связано с тем, что законодательство Российской Федерации четко определяет круг наследников, в который входят только супруги, заключившие официальный брак (ч. 1 ст. 1111, п. 1 ст. 1142 ГК РФ; п. 2 ст. 10 СК РФ).

Таким образом, сожительство не влечет за собой правовых последствий, которые возникают после регистрации брака в установленном законом порядке. Это означает, что лица, состоящие в незарегистрированном браке, не обладают правами и обязанностями супругов, предусмотренными законодательством.

В то же время, переосмысление традиционных семейных ценностей коснулось и темы однополых браков, как в нашей стране, так и во всем мире. Эта социальная тенденция стала одной из самых обсуждаемых в последние десятилетия.

Как справедливо отмечают О. Н. Кичалюк и В. В. Богданова, начиная с 2001 года, когда в Нидерландах впервые узаконили такие отношения, подобная практика распространилась в более чем в 20 европейских стран (по состоянию на январь 2025 года) [5, с. 203]. В их числе Австрия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Норвегия, Португалия, Соединенное Королевство [6].

Между тем, около 80 % россиян по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения по состоянию на 2024 год относятся категорично к однополым бракам. При этом в 2004 этот показатель был значительно меньше и составлял 59 % [7; 8].

Более того, в соответствии со ст. 12 СК РФ, в Российской Федерации признается одна форма брака – между мужчиной и женщиной. Иные союзы, создаваемые представителями сексуальных меньшинств, с юридической точки зрения не считаются ни браком, ни семьей. Пропаганда нетрадиционных сексуаль-

ных отношений и (или) предпочтений, смены пола, отказа от деторождения запрещается на законодательном уровне под угрозой административного наказания (ст. 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Несмотря на рекомендации Европейского суда по правам человека на узаконивание однополых браков, представители Правительства Российской Федерации, при рассмотрении дела «Федотова и другие против России» пояснили, что «юридическая практика в европейских странах по данному вопросу не должна влиять на Россию, которой следует дать возможность развивать свою политику в соответствии с ее традиционным пониманием брака и ее уникальным историческим путем» [9].

Таким образом, российский подход в данном вопросе, основанный на защите традиционных ценностей, контрастирует с либеральными взглядами европейских стран.

Продолжая тему изменений в традиционных ценностях, стоит отметить, что существенно трансформировались и взгляды на роль мужчины в семье. Если ранее в большинстве преобладал патриархат, характеризующийся тем, что мужчина принимал важнейшие решения, то сегодня все больше семей придерживаются эгалитаристских идей, предполагающих равенство мужчины и женщины в решении семейных вопросов.

На наш взгляд, нельзя не отметить и негативные последствия стремительного развития информационных технологий для института брака и семьи. С популяризацией социальных сетей и мессенджеров, представляющих возможность для взаимодействия на расстоянии, все большее число знакомств приходится на цифровые площадки. При этом партнеры не ограничиваются только общением в сети Интернет, но и нередко «переводят» отношения в онлайн-формат, что делает регистрацию брака в установленном законе порядке бессмысленной.

Тем не менее процесс цифровизации обладает рядом положительных аспектов. В частности, благодаря внедрению электронного документооборота, теперь доступна возможность подачи заявления на регистрацию брака через официальный портал государственных услуг, что существенно оптимизирует и упрощает административную процедуру.

Вместе с тем, технологические факторы оказывают существенное, многогранное и часто противоречивое влияние на семейные отношения.

Замена живого общения виртуальным может привести к поверхностным отношениям и недостатку эмоциональной близости. Постоянная доступность через мессенджеры и социальные сети может создавать ощущение навязчивости и нарушать личные границы.

Чрезмерное увлечение гаджетами, социальными сетями и видеоиграми может привести к зависимости, изоляции от семьи и проблемам в отношениях. Такие технологии создают новые риски для членов семьи, такие как кибербуллинг, онлайн-мошенничество и распространение нежелательного контента.

Разный уровень доступа к технологиям и цифровой грамотности может создавать неравенство внутри семьи и приводить к конфликтам.

Влияние технологий на семейные отношения зависит от того, как они используются. Осознанное и умеренное использование технологий может способствовать укреплению семейных связей, упрощению быта и доступу к образованию. Однако чрезмерное увлечение гаджетами и виртуальным миром может негативно сказаться на качестве коммуникации, привести к конфликтам и зависимости. Важно находить баланс между реальным и виртуальным общением, устанавливать правила использования технологий в семье и развивать цифровую грамотность всех ее членов.

Еще одним из значимых факторов, оказывающих негативное воздействие на институциональную значимость брака и семьи, является экономическая составляющая. В частности, финансовая нестабильность, отсутствие собственного жилья и безработица, по мнению И. П. Лукина, представляют собой ключевые препятствия для формирования семейных отношений [10, с. 547].

Помимо приведенных выше тенденций развития института семьи, А. А. Андреева также выделяет увеличение возраста вступления в брак, преобладание нуклеарных семей, распространение практики заключения брачных договоров, формирование толерантного отношения к разводам и т. д. [11].

Несмотря на снижение уровня значимости брака в современном обществе, вызванное как внешними, так и внутренними факторами, ученые справедливо обращают внимание на то, что кризис семьи не означает ее исчезновение как социального института, а является переходным этапом к новой форме развития. Семья по-прежнему остается высшей ценностью для общества и личности, несмотря на все негативные тенденции [12, с. 75–76].

Таким образом, современные тенденции развития института брака и семьи характеризуются сложным взаимодействием глобальных интересов и национальных особенностей. Российская Федерация, являясь сторонницей традиционных ценностей, сталкивается с необходимостью адаптации законодательства к новым социальным условиям. Это особенно актуально в отношении гражданского брака.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демография. Браки и разводы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 03.03.2025).
2. Васильева А. В. Семейное право : учеб. пособие для подготовки к аудиторным занятиям. Владивосток : Дальневосточный юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. 111 с.
3. Каковы права и обязанности лиц, проживающих в гражданском браке (сожителей)? // Азбука права. 2025. URL: https://raduga.nsk.socin-socin-fo.ru/media/2019/06/18/1260539435/Situaciya_Kakovy_prava_i_obyazannosti_licz_prozhivayushhix_v_grazh.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 117-КГ20-2-К4 // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legallacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24112020-n-117-kg20-2-k4/> (дата обращения: 03.03.2025).

5. Кичалюк О. Н., Богданова В. В. Вопросы легализации однополых браков за рубежом и в России // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 4-3(76). С. 203–205.

6. Признание однополых союзов в Европе // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Recognition_of_same-sex_unions_in_Europe (дата обращения: 11.03.2025). Однополые браки и аборт легализованы во всем Соединенном Королевстве// MEDIA.AZ. URL: <https://media.az/world/odnopolye-braki-i-aborty-legalizovany-vo-vsem-soedinennom-korolevstve> (дата обращения: 03.03.2025).

7. Страны, где признали однополые браки // NUR.KZ. URL: <https://www.nur.kz/kaleidoscope/1788643-fotografii-odnopolyh-svadeb/> (дата обращения: 03.03.2025).

8. Опрос: большинство россиян считает однополые браки недопустимыми // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20150710/1124517864.html> (дата обращения: 03.03.2025).

9. ЕСПЧ рекомендовал узаконить однополые браки в России, но оговорился, что с учетом традиций это будет на усмотрение страны. Дело «Федотова и другие против России» («Fedotova and Others v. Russia», № 40792/10 30538/14 43439/14) // Центр Международного Права. URL: <https://european-court-help.ru/espch-rekomendoval-uzakonit-odnopolye-braki-v-rossii-no-ogovorilsja-chto-s-uchetom-tradicij-jeto-budet-na-usmotrenie-strany-delofedotova-i-drugie-protiv-rossii-fedotova-and-others-v-russia-40792-10/> (дата обращения: 03.03.2025).

10. Лукин И. П. Проблемы и тенденции развития институтов семьи и брака в условиях современных угроз и вызовов // Методология предотвращения угроз в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Иркутск. гос. ун-т, 2022. С. 545–550.

11. Андреева А. А. Проблемы и тенденции развития современной семьи теоретический обзор // Аллея Науки. 2023. № 1(76). URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/3January2023/PROBLEMY%20I%20TENDECI%20RAZVITIYa%20SOVREMENNOY%20SEMI%20TEORETichESKIY%20OBZOR.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

12. Салихова А. А., Доница О. И. Современные тенденции брачно-семейных отношений в условиях деформации брачного рынка в России // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2020. № 1. С. 70–77.

Соловьева Ангелина Дмитриевна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
gelkasol77@mail.ru

Кузьмина Екатерина Николаевна
помощник судьи, Костромской областной суд
г. Кострома, Российская Федерация
ek.kyzmina@mail.ru

**Актуальные проблемы разрешения судебных споров
об осуществлении родительских прав родителем,
проживающим отдельно от ребенка**

***Аннотация.** Данная статья посвящена изучению проблем разрешения судебных споров об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Авторы приводят статистику, анализируют проблемы, возникающие при рассмотрении данной категории дел, и предлагают возможные способы их разрешения.*

***Ключевые слова:** ребенок, суд, родители, семейные споры, споры о детях, порядок общения с ребенком, права родителей.*

Solovieva Angelina Dmitrievna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna
assistant judge, Kostroma Regional Court
Kostroma, Russian Federation

**Current problems of resolving legal disputes about the exercise
of parental rights by a parent living separately from a child**

***Annotation:** This article is devoted to the study of the problems of resolving legal disputes about the exercise of parental rights by a parent living separately from a child. The author's provides statistics, analyzes the problems that arise when considering this category of cases and suggests possible ways to resolve them.*

***Keywords:** child, court, parents, family disputes, disputes about children, the order of communication with the child, the rights of parents.*

Конституция Российской Федерации [3] гарантирует всестороннюю государственную защиту семьи, материнства и детства на государственном уровне. Правовая система выстраивает комплексную защиту интересов как детей, так и их родителей. Анализ судебных решений показывает, что количество разногласий между родителями, требующих вмешательства суда в во-

просы воспитания детей не только не снижается, но и демонстрирует устойчивый рост. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2020 году в российские суды поступило 27,7 тыс. дел о воспитании детей, в 2021 – 31,4 тыс. дел, 2022 – 32,2 тыс. дел, 2023 – 35,6 тыс. дел, 2024 – 36,8 тыс. дел [4].

Споры родителей о детях имеют целый ряд особенностей, которые отличают их от иных гражданских дел. Согласно статистике, только 10 % родителей способны отделять нужды ребенка от своих собственных; признают важность его общения с другим родителем; считают другого родителя достаточно компетентным в вопросах воспитания и способны к взаимодействию с ним [2, с. 6]. В соответствии со ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей [6], однако зачастую родители не могут договориться и настраивают ребенка друг против друга. Родитель, проживающий вместе с ребенком, препятствует общению другого родителя с ребенком. Таким образом, дети становятся невольными участниками родительских разногласий, где их собственные права и интересы остаются без должного внимания, а порой и вовсе игнорируются в угоду интересов родителей.

Судебные споры по поводу определения порядка общения с несовершеннолетним ребенком возникают именно по той причине, что родители не могут договориться об этом по взаимному согласию. Поэтому решение суда с указанием «по согласованию с другим родителем» или «по договоренности с другим родителем» не разрешает спор по существу, напротив, порождает многочисленные сложности на этапе его исполнения. Решения, не устанавливающие конкретного графика встреч (например, не более трех дней в неделю, не менее двух недель летом, в течение 3-5 часов и т. д.), фактически оставляют родителей в той же ситуации неопределенности, которая стала причиной обращения в суд.

В соответствии с п. 8 Постановления Пленума № 10 от 27.05.1998 года «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [5] суду с учетом обстоятельств каждого конкретного дела следует определить время, место, продолжительность общения и т. п., изложив его в резолютивной части решения, исходя из права родителя, проживающего с ним, а также из необходимости защиты прав и интересов несовершеннолетнего при его общении с этим родителем. Это также подтверждает необходимость формулирования резолютивной части решения по данной категории как можно более четко.

В связи с вышеуказанным, будет целесообразно внести изменения в Постановление Пленума № 10 от 27.05.1998 года «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [5], дополнить п. 8 следующим абзацем: «Резолютивная часть решения суда по таким спорам должна содержать точные временные рамки и формулировки, не допускающие иного толкования или разрешения вопроса исключительно по согласованию между родителями (например, «по согласованию с другим родителем»,

«по договоренности с другим родителем», «не более...», «не менее...»)). Такие изменения позволят снизить количество оспариваемых решений.

Отказ суда в принятии искового заявления об определении места жительства ребенка или порядка общения с ним на основании п.2 ч.1 ст. 134 ГПК РФ [1], т. е. в связи с применением правил о тождественности исков, не во всех случаях является законным. Семейные отношения носят длящийся характер, а потому родители имеют право на обращение в суд для защиты интересов и прав своих несовершеннолетних детей вплоть до их совершеннолетия. Важно учитывать, что условия воспитания ребенка могут существенно изменяться с течением времени. При этом многие из таких изменений часто происходят независимо от желания родителя, с которым проживает несовершеннолетний. Поэтому суд не вправе отказать в приеме искового заявления по той причине, что такой спор уже был предметом судебного разбирательства и по нему уже есть вступившее в законную силу решение суда. Для пересмотра судебного акта необходимо наличие существенных оснований. Эти основания могут быть связаны с изменением режима дня ребенка, поступления его в детский садик, школу. Также могут быть улучшены жилищные условия родителя, проживающего отдельно от ребенка, которые бы позволили обеспечить ребенку комфортное место для сна и отдыха, если такого не было. Еще может быть изменено место жительства одного из родителей, что повлияло на время и удобство его общения с ребенком. Также на это может повлиять изменение графика работы родителя и многие другие обстоятельства.

Это же касается доводов сторон о том, что жизненные обстоятельства в дальнейшем могут измениться и необходимо рассматривать или предугадывать наперед все эти обстоятельства. В таких случаях суды должны разъяснить сторонам, что данные спорные правоотношения носят длящийся характер, в связи с чем в случае изменения существенных обстоятельств, учитываемых на данный момент, каждая сторона будет вправе поставить вопрос об определении иного порядка общения родителя с ребенком. Необходимость такого разъяснения целесообразно будет внести и в Постановление Пленума № 10 от 27.05.1998 года «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [5], поскольку вопрос о возможности или невозможности изменения порядка общения с ребенком может возникнуть у лиц и по прошествии какого-то времени.

Таким образом, несмотря на некоторые спорные вопросы в разрешении споров об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, существуют способы их преодоления. В таких спорах задачей суда является обеспечение баланса интересов всех участников семейных отношений при безусловном приоритете благополучия несовершеннолетнего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) : принят Государст-

венной Думой 23 октября 2002 года // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.04.2025).

2. Дергунова В. А., Прокопова А. Д. Анализ правового регулирования и судебной практики разрешения споров родителей о детях : монография. М. : ИНФА-М, 2024. С. 6–7.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.04.2025).

4. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 годы // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 02.04.2025).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.04.2025).

6. Семейный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) : принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.04.2025).

СЕКЦИЯ 6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 343.1

Токарева Анастасия Андреевна

студент, Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
staaaaaasiiiiiafrog@yandex.ru

Научный руководитель:

Верещагина Алла Васильевна

кандидат юридических наук, доцент,
Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
vereshagina_alla@mail.ru

Опыт типологии уголовно-процессуальных кодексов для государств постсоветского пространства через призму правопреемства

***Аннотация.** В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации нет полноценного института правопреемства, есть лишь предпосылки его формирования в норме ч. 8 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Иной подход содержится в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых государств постсоветского пространства. Изучение уголовно-процессуальных законов государств постсоветского пространства позволяет классифицировать их по критерию наличия и разработанности института правопреемства.*

***Ключевые слова:** государства постсоветского пространства, Модельный УПК, институт правопреемства, участники судопроизводства, родственники потерпевшего*

Tokareva Anastasia Andreevna

student, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Scientific supervisor:

Vereshchagina Alla Vasilieva

candidate of legal sciences, associate professor
Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Typology of Criminal Procedure Codes for Post-Soviet States Through the Prism of Legal Succession

Annotation. *In the Russian Federation, the institution of succession is still emerging, with its foundation in Part 8 of Article 42 of the Criminal Procedure Code. The author examines how this concept appears in the criminal procedure codes of post-Soviet states to support legal reception. A typology of these states is proposed based on the development of victim succession. Comparison is made across five key parameters: concept; legal and factual basis; decision-making entity; definition of potential legal successors; and the scope of their rights, duties, and responsibilities.*

Keywords: *institute of succession, post-Soviet states, relatives of the victim, Model Code of Criminal Procedure, participants in the legal proceedings.*

Часть 8 статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ [15] (далее по тексту УПК РФ) устанавливает, что права потерпевшего, по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, переходят к одному из его близких родственников или близких лиц, а в случае если указанные лица отсутствуют или представляется невозможным их участие в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников потерпевшего.

Обрывочность регламентации института правопреемства в УПК РФ побуждает искать разработанные модели для осуществления последующей рецепции, для этого можно обратиться к регламентации, предложенной в уголовно-процессуальных законах стран постсоветского пространства. Такой выбор обусловлен общим историческим прошлым. Логично начать с Модельного Уголовно-процессуального кодекса для стран СНГ (далее по тексту Модельный УПК) [1], принятого в 1996 году, потому как его разработка была направлена на сохранение единого уголовно-процессуального законодательства, и он предшествовал принятию уголовно-процессуальных кодексов большинства государств СНГ.

В разработке Модельного УПК для государств СНГ принимали участие рабочие группы из 10 государств. Из Постановления Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 февраля 1995 года «О программном комитете и рабочих группах по созданию Модельных Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов для государств – участников» [2] видно, что количество участников из Российской Федерации значительно превалирует над количеством участников из других государств, к тому же руководителем рабочей группы (по подготовке Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ) начальник отдела судебной реформы Государственно-правового управления Президента Российской Федерации – С. А. Пашин.

При таком значительном вкладе российских ученых в разработку рамочного нормативного правового акта можно предположить, что содержащиеся в нем положения соответствуют потребностям российского общества и государства. Российский законодатель, работая над действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ, по каким-то причинам не заимствовал содержащиеся в Модельном УПК положения.

Модельный УПК содержит достаточно детальную регламентацию института правопреемства. На это указывает наличие конкретного термина, его дефиниции, круга лиц, которые могут вступать в соответствующий процессуальный статус, а также какой орган принимает решение о признании лица право-

преемником и о выборе потерпевшего в ситуациях, когда правопреемником желают стать сразу несколько родственников (например отец и сын). В соответствии с нормой статьи 114 Модельного УПК обязательно желание близкого родственника или родственника на вступление в статус правопреемника. Присутствует и ряд процессуальных ограничений для правопреемников. Также в Модельном УПК отмечен двойной процессуальный статус таких лиц: это выражено в том, что соответствующее лицо допрашивается в качестве свидетеля, а все остальные действия осуществляет в процессуальном статусе правопреемника.

При изучении положений УПК государств постсоветского пространства можно выявить несколько групп государств по критерию проработанности института правопреемства:

1. Государства, в которых институт правопреемства только намечен и требует детальной проработки: Республика Беларусь [7], Кыргызская Республика [4], Литовская Республика [5], Российская Федерация, Республика Таджикистан [11], Республика Туркменистан [12], Республика Узбекистан [13], Республика Украина [14].

2. Государства, в которых регламентация аналогична имеющейся в Модельном УПК или незначительно дополнена: Армения [6], Республика Казахстан [9].

3. Государства, в которых представлена оригинальная регламентация института правопреемства: Азербайджанская Республика [3], Грузия [8], Республика Молдова [10], Эстония [16].

Процессуальный статус правопреемника складывается из следующих компонентов, которые и образуют его систему:

- 1) Понятие

Дефиниция правопреемника сформулирована в Азербайджанской Республике, Республике Грузия, Республике Беларусь, Республике Молдова и в Эстонии. Только лишь у трети стран присутствует определение правопреемника. Лучшими (по мнению автора) определениями являются данные в УПК Азербайджанской Республики и Республики Молдова (отражение основных и существенных признаков).

- 2) Фактическое и юридическое основание

- 2.1. Во всех государствах фактическим основанием для признания лица правопреемником является смерть потерпевшего, однако в Республике Казахстан, Республике Молдова и Украине помимо смерти потерпевшего основанием также является утрата способности осознанно выражать свою волю в результате уголовного преступления. Стоит отметить, что в Кыргызской Республике фактическим основанием также является неспособность лица по возрасту или состоянию здоровья выражать свою волю в уголовном судопроизводстве. Такие подходы представляются результатом смешения института правопреемства с институтом представительства.

В УПК Литовской Республики помимо смерти фактическим основанием может выступать «насильственное исчезновение в результате преступного деяния». Такая формулировка – результат перевода, и, если обратиться к значению

слов, можно обнаружить следующее: *priverstinio* – насильственный, принудительный, вымученный, невольный; *dingimo* – пропажа, исчезновение, утрата. Вероятно, речь идет о похищении человека (потерпевшего). С одной стороны, такой подход позволяет осуществлять процесс с привлечением правопреемников, если лицо не могут обнаружить, с другой – такая ситуация ведет к тому же смешению институтов (представительства и правопреемства).

В УПК Эстонии помимо смерти лица является обязательным, чтобы у правопреемника (в результате смерти потерпевшего) возник ущерб, такой подход отсылает к гражданской природе института.

2.2. Юридическим основанием считается процессуальный документ, который определен в большинстве стран, например в Грузии, Беларуси, Казахстане, Молдове, Туркменистане, Таджикистане, Латвии, Эстонии и Литовской Республике. В основном процессуальный документ представлен в форме постановления о признании потерпевшим, но за редким исключением оформлен в виде определения судебной инстанции.

3) Субъект, принимающий решение о признании лица правопреемником и о лишении лица соответствующего статуса

В большинстве стран субъектом, принимающим решение о признании лица правопреемником и о лишении лица соответствующего статуса, является орган, осуществляющий уголовное производство. Решение о лишении статуса принимает по общему правилу суд.

К государствам, указывающим конкретного субъекта, относятся: Грузия, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Туркменистан, Таджикистан, Латвия, Литовская Республика и Узбекистан.

Оригинальным представляется подход грузинского законодателя, потому как он перечисляет конкретных субъектов, уполномоченных на принятие решений относительно статуса правопреемника, их иерархию и порядок апелляции.

УПК Республики Казахстан указывает, что решение о лишении лица статуса правопреемника принимает следственный судья, что значительно ускоряет процесс, так как этот субъект, ввиду своей доступности, быстрее вырабатывает позицию по вышеуказанному вопросу.

4) Определение надлежащего субъекта, который может быть правопреемником

В большинстве государств правопреемником признается лицо, связанное с потерпевшим семейными узами/родством.

Можно отметить, что в законодательстве Беларуси правопреемник обязан быть совершеннолетним. Это позволяет исключить риск давления на несовершеннолетнее лицо и как следствие ограничить влияние сторонних лиц на судебный процесс.

В Республике Азербайджан и Республике Молдова правопреемником не может являться лицо, причинившее потерпевшему моральный, физический или материальный ущерб, предусмотренный уголовным законом. В законодательстве Азербайджана также указано, что при отсутствии родственников, желаю-

щих быть правопреемниками, орган, осуществляющий уголовный процесс, принимает решение о признании правопреемником адвоката.

5) Объем прав и обязанностей правопреемника, его ответственность

В большинстве стран есть только общая бланкетная норма, что правопреемник наделен тем же объемом прав и обязанностей, что и его правопрédéшественник. Следует отметить, что в Российской Федерации, Казахстане и Туркменистане норма ограничена исключительно правами потерпевшего.

В УПК Молдовы правопреемник помимо всех прав и обязанностей потерпевшего может иметь нескольких представителей.

В УПК Таджикистана отдельно отмечено право на возмещение вреда. УПК Эстонии наделяет правопреемников правами потерпевшего, связанными исключительно с производством гражданского иска, и накладывает на него все обязанности потерпевшего.

Грузия – единственное государство, в котором правопреемник наделен объемом прав и обязанностей свидетеля.

В УПК Азербайджана помимо прав и обязанностей есть перечень запретов для правопреемников, которые не являются близкими родственниками, в их числе: примириться с подозреваемым или обвиняемым, отказываться от частного обвинения, отказываться от частной жалобы, принесенной потерпевшим в прошлом.

Ни одна из моделей, представленных в законодательстве государств СНГ, не идеальна. В каждой есть положительные аспекты и недостатки. Многие положения, присутствующие в государствах постсоветского пространства, могут быть полезны для развития отечественного института правопреемства. Однако будет неосмотрительным полагаться исключительно на зарубежный опыт. Так, наше государство одно из немногих допускает к процессуальному правопреемству близких лиц, которые не являются потерпевшему родственниками (в Эстонии говорится о близких лицах, в Узбекистане указывается на лиц, которые могут быть правопреемниками и не входят в группу родственников).

На примере других государств можно выявить не только «плюсы», но и «минусы», так, например, в ряде регламентаций институт правопреемства не разграничен, а иногда и подменяется институтом представительства. Правопреемство следует понимать как осуществление лицом своих интересов, возникших в связи со смертью потерпевшего, в то время как представительство являет собой выражение интересов другого лица. Во время «строительства» отечественного института стоит избежать этой ошибки.

Баланс между ориентированностью на отечественный и зарубежный опыт может дать наилучшие результаты для формирования института правопреемства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ от 17.02.1996. URL: <https://shorturl.at/qCF3K> (дата обращения: 15.03.2025).

2. Постановление Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 14 февраля 1995 года «О программном комитете и рабочих группах по созданию Модельных Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов для государств – участников СНГ». URL: <https://shorturl.at/Puc5v> (дата обращения: 11.03.2025).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. URL: <https://clck.ru/3LQ4es> (дата обращения: 11.02.2025).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 20.06.1999. URL: <https://shorturl.at/JJhSS> (дата обращения: 15.03.2025).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики от 14.03.2002. URL: <https://clck.ru/3LQ4Sz> (дата обращения: 15.01.2025).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.07.1998. URL: <https://clck.ru/3LQ4ZN> (дата обращения: 03.03.2025).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999. URL: <https://clck.ru/3LQ4Tx> (дата обращения: 11.03.2025).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия от 09.10.2009. URL: <https://clck.ru/3LQ4fw> (дата обращения: 18.01.2025).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014. URL: <https://clck.ru/3LQ4PX> (дата обращения: 14.03.2025).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003. URL: <https://clck.ru/3LQ4Vf> (дата обращения: 01.03.2025).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009. URL: <https://clck.ru/3LQ4RA> (дата обращения: 08.02.2025).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Туркменистан от 01.07.2009. URL: <https://clck.ru/3LQ4Q4> (дата обращения: 10.03.2025).
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994. URL: <https://shorturl.at/yUjer> (дата обращения: 15.03.2025).
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Украина 13.04.2012. URL: <https://clck.ru/3LQ4UY> (дата обращения: 24.02.2025).
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001. № 174-ФЗ. URL: <https://clck.ru/3LQ4gu> (дата обращения: 15.03.2025).
16. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12.02.2003. URL: <https://clck.ru/3LQ4AS> (дата обращения: 28.03.2025).

Ермакова Арина Алексеевна

студент межрегионального юридического института
Саратовской государственной юридической академии
г. Саратов, Российская Федерация
arinaermakova060528@gmail.com

Цифровые технологии в деятельности правоохранительных органов

***Аннотация.** В статье проанализированы основные направления цифровизации деятельности правоохранительных органов. Рассмотрено применение современных технологий видео-фиксации с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ) для идентификации преступников. Проанализированы перспективы и проблемы применения информационных систем «Клон» и «Конъюнктура». Сделаны выводы о необходимости соблюдения баланса между безопасностью государства и защитой личных данных, что потребует обеспечения дальнейшего совершенствования нормативной базы цифровой трансформации правоохранительных органов и подготовки квалифицированных специалистов.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, киберпространство, правоохранительные органы, преступность, системы, цифровизация.*

Ermakova Arina Alekseevna

student interregional law institute
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Digital technologies in the activities of law enforcement agencies

***Annotation.** The article analyzes the main directions of digitalization of law enforcement agencies. The application of modern video recording technologies using artificial intelligence (AI) technologies to identify criminals is considered. The prospects and problems of using the “Clone” and “Conjuncture” information systems are analyzed. Conclusions are drawn about the need to maintain a balance between state security and personal data protection, which will require further improvement of the regulatory framework for the digital transformation of law enforcement agencies and the training of qualified specialists.*

***Keywords:** artificial intelligence, cyberspace, law enforcement agencies, crime, systems, digitalization.*

Цифровизация правоохранительных органов становится неотъемлемой частью цифровой трансформации современной государственной системы. В последние годы внедрение цифровых технологий изменило подходы к обеспечению безопасности и правопорядка. Одна из важнейших тенденций – активное использование городских видеокамер и систем искусственного интеллекта для идентификации и отслеживания подозреваемых. Это позволяет значительно повысить эффективность расследования преступлений и оперативность реагирования правоохранительных органов [2, с. 287].

С ростом преступности в киберпространстве возникают новые вызовы. Правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью борьбы с киберугрозами и защиты критически важной инфраструктуры. В условиях стремительного роста числа киберпреступлений, от мошенничества до кибертерроризма, работа цифровых систем становится критически важной как для раскрытия преступлений, так и для предотвращения их совершения [1, с. 1].

На фоне активной реализации цифровых инициатив наблюдается явная тенденция к роботизации некоторых процессов внутри органов. Внедрение автоматизированных систем позволяет освободить людей от рутинных задач, концентрируя усилия правоохранителей на более сложных аспектах служебной деятельности. Тем не менее остается актуальным вопрос о том, какую роль в системе правосудия и правоохранительных практиках должен занимать высококвалифицированный юрист, способный анализировать и принимать решения в сложных ситуациях [6, с. 1].

Таким образом, будущее цифровизации правоохранительных органов сосредоточено на глубоких трансформациях их структуры, методов работы и взаимодействия с обществом.

Одной из ключевых областей является анализ данных [13, с. 253]. ИИ позволяет правоохранительным органам обрабатывать большие объемы информации, что до недавнего времени было затруднительно реализовать. Приоритета удостоиваются системы, такие как «Паутина» и «Сфера», которые активно используются для мониторинга и анализа как подозрительных действий, так и общих тенденций в преступности [11, с. 1]. Применение ИИ в этой области помогает не только в борьбе с преступностью, но и в прогнозировании возможных преступных действий, что позволяет правоохранительным органам предвосхищать ситуации и принимать меры заранее [3, с. 45].

Прогнозирование преступлений – это еще одно важное направление. Выработка алгоритмов на базе исторических данных и аналитических моделей позволяет правоохранительным органам предсказать, где и когда может произойти преступление. Это дает возможность более рационально распланировать патрулирование и другие меры реагирования.

Система «Клон», разрабатываемая Министерством внутренних дел России в рамках внедрения технологий искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность, нацелена на решение одной из актуальных задач – выявление поддельных видеозаписей. Эта проблема становится все более значимой в условиях цифровизации, когда количество манипуляций с изображениями и видеоматериалами возрастает. Система будет использовать алгоритмы машинного обучения и нейросетевые технологии для анализа контента, позволяя оперативно выявлять фальсификации в видеоизображениях, что в свою очередь будет содействовать борьбе с дезинформацией и фейковыми новостями [9, с. 1].

Ключевым моментом является создание специализированных подразделений внутри МВД, которые будут заниматься как операционным применением системы, так и исследовательской деятельностью. Работы по внедрению системы «Клон» будут параллельно идти с разработкой комплекса «Конъюнктура»,

который сконцентрируется на прогнозировании негативных событий и моделировании ситуаций реагирования, демонстрируя тем самым комплексный подход к обеспечению правопорядка.

Эффективность системы «Клон» во многом зависит от качества данных, с которыми она будет работать. Поэтому важным этапом является подготовка архива видеозаписей, который должен содержать примеры как легитимных, так и фальсифицированных материалов. Это условие позволит системе адаптироваться к различным техникам подделки и повысить точность детекции [7, с. 1].

Кроме того, предполагается использование системы «Клон» в широком спектре задач: от проверки видеозаписей на допросах до анализа материалов, представляемых в судебных процессах. Это расширяет возможности для выявления и предупреждения правонарушений, связанных с манипуляцией визуальными доказательствами. В результате внедрения системы возможно повышение эффективности работы следственных органов и защиты прав граждан от потенциальных манипуляций [8, с. 1].

Таким образом, система «Клон» станет важной составной частью цифровой трансформации в правоохранительной деятельности. Она будет не только способствовать достоверности данных и повышению качества работы правоохранительных органов, но и формировать новые подходы к использованию технологий в борьбе с преступностью в условиях современного информационного пространства.

Система «Конъюнктура», планируемая для внедрения в 2025 году Министерством внутренних дел России (МВД), предназначена для прогнозирования и анализа чрезвычайных ситуаций. Вместе с системой «Клон», «Конъюнктура» станет важным элементом в цифровизации правоохранительной деятельности [11, с. 1]. Для достижения поставленных целей необходимо изучить различные аспекты работы систем с использованием машинного обучения. Система «Конъюнктура» будет направлена на моделирование сценариев реагирования на чрезвычайные ситуации, что поможет правоохранительным органам принимать обоснованные решения в кризисные моменты. Используя AI, МВД намерено объединить технологии анализа данных и прогнозирования, что позволит создать основу для более точного и быстрого реагирования на потенциальные угрозы безопасности.

Внедрение системы «Конъюнктура» вызывает серьезные обсуждения относительно баланса между безопасностью общества и защитой личных данных граждан. Это поднимает вопросы о мере допустимости использования систем, которые могут анализировать огромные объемы данных, потенциально взаимодействуя с базами данных о гражданах. Важно, чтобы права граждан учитывались при разработке и внедрении технологий, что станет одной из ключевых задач для МВД во время реализации этих систем.

Система уже привлекла внимание экспертов и представителей общественности, начав дискуссии о этических и правовых рамках, в которых она будет функционировать. Поскольку «Конъюнктура» будет способна выполнять прогнозирование, следует учитывать возможность злоупотребления ее функциона-

лом [5, с. 1]. Важно создать четкие регламенты, определяющие, как и в каких случаях будут использоваться данные, получаемые с помощью системы.

Основной целью процесс реализации «Конъюнктуры» заключается не только в предсказании инцидентов, но и в создании информационной среды, где правоохранители смогут получать доступ к важной информации в режиме реального времени. Такой подход призван повысить эффективность работы служб и минимизировать время реакции на угрозы безопасности. Ключевым аспектом станет дальнейшее исследование возможностей взаимодействия различных систем и технологий, внедрение которых позволит строить более надежные механизмы обеспечения правопорядка.

МВД должно обеспечить соответствие новых технологий требованиям прав человека и законодательным нормам, чтобы избежать возможных последствий для граждан [10, с. 1]. Это создаст необходимые предпосылки для доверия со стороны населения к системам, действующим при поддержке искусственного интеллекта и больших данных.

Цифровизация правоохранительных органов становится необходимым этапом их развития. Современные тенденции показывают, что интеграция технологий в правоохранительные структуры не только трансформирует методы работы, но и пересматривает подходы к обеспечению общественной безопасности.

Правоохранительные органы, такие как МВД и ФСБ, активно используют различные технологии для повышения эффективности своих действий. К примеру, системы распознавания лиц и предиктивная аналитика помогают выявлять подозреваемых и предотвращать преступления еще до их совершения.

Такие системы, как «Паутина» и «Сфера», служат примерами успешной реализации технологий для выявления и предотвращения правонарушений. Однако их использование должно сопровождаться обеспечением правовой базы, которая регламентирует подобные практики. Необходимость законодательных инициатив, касающихся алгоритмической прозрачности и этических норм использования ИТ, становясь все более актуальной на фоне растущей обеспокоенности общества [4, с. 98].

При подготовке и переподготовке сотрудников правоохранительных органов нужно акцентировать внимание на формировании навыков работы с современными аналитическими системами. Это требует пересмотра образовательных программ с акцентом на технологические аспекты и внедрение курсов по цифровым технологиям в правоохранительной деятельности [12, с. 183]. При рассмотрении перспектив цифровизации важным аспектом является грамотное взаимодействие правоохранительных органов с общественностью. Внедрение цифровых технологий должно сопровождаться прозрачностью действий и предоставлением гражданам информации о работе полиции. Такой подход не только повысит доверие к правоохранительным системам, но и улучшит их работу благодаря обмену данными и сотрудничеству с гражданами.

Таким образом, перспективы цифровизации правоохранительных органов в ближайшие годы предполагает активное внедрение технологий, однако каж-

дое нововведение должно быть предварительно проанализировано с точки зрения плюсов и минусов. Это позволит не только укрепить систему правопорядка, но и создать условия для существования общественной безопасности без угрозы для гражданских прав и свобод.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Будущее правоохранительной деятельности: эволюция. URL: <https://student39.ru/blog/sovety/budushchee-pravookhranitelnoy-deyatelnosti-evolyutsiya-tekhnologiy-i-perspektivy> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Волкова В. В., Галдина Э. О. Использование цифровых технологий в органах внутренних дел // Современная научная мысль. 2022. № 6. С. 287–291.
3. Гельманова З. С., Бакаев Т. К. Внедрение искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел // In The World Of Science and Education. 2024. № 15. С.45–48
4. Горошко И. В. Цифровизация – современный тренд развития правоохранительных органов // Обозреватель. 2022. № 2(385). С. 98–110.
5. Ефремов Г. Искусственный интеллект выходит на борьбу. URL: <https://cnews.ru/link/n588530> (дата обращения: 14.04.2025).
6. Информационные технологии в МВД России/ URL: <https://www.tadviser.ru/a/394160> (дата обращения: 10.04.2025).
7. Качалов А. МВД будет использовать нейросети для поиска правонарушителей. URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2024-01-11/mvd-budet-ispolzovat-neyroseti-dlya-poiska-pravonarushiteley> (дата обращения: 14.04.2025).
8. МВД воспользуется искусственным интеллектом для поиска. URL: <https://pravo.ru/news/250849/> (дата обращения: 14.04.2025)
9. МВД решило применить нейросети для поиска фейков. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/01/2024/659f82459a7947ef6a4f54e5> (дата обращения: 14.04.2025).
10. Мингазов С. МВД закажет разработку нейросетей для выявления фейковых видео и прогнозирования ЧС. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/504027-mvd-zakazet-razrabotku-nejrosetej-dlya-vyavleniya-fejkovyh-video-i-prognozirovania-cs> (дата обращения: 14.04.2025).
11. Морозов А. Как МВД и ФСБ используют ИИ в своей работе. URL: <https://vc.ru/flood/1906685-ispolzovanie-ii-v-mvd-i-fsb-rossii> (дата обращения: 14.04.2025).
12. Мусина А. И. Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления в органах внутренних дел // Молодой ученый. 2024. № 46(545). С. 183–185. URL: <https://moluch.ru/archive/545/119387/> (дата обращения: 14.04.2025).
13. Чайковский Д. С., Изотова В. Ф. Проблемы информационной безопасности больших данных // Взаимодействие власти, бизнеса и общества при формировании информационно-коммуникативной культуры граждан : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. / Саратовский национальный исследова-

тельский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2021. С. 253–256.

УДК 340

Бирюкова Диана Евгеньевна

студент, Северо-Западный филиал
Российского государственного университета
правосудия имени В. М. Лебедева
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
dbirukova11@gmail.com

Научный руководитель:

Потапов Юрий Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный филиал
Российского государственного университета
правосудия имени В. М. Лебедева
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
upotapov@mail.ru

**Правоохранительная деятельность
в период Великой Отечественной войны:
борьба с преступностью на фронте и в тылу**

Аннотация. В статье исследуется трансформация правоохранительной системы СССР в период Великой Отечественной войны, направленная на централизацию управления и усиление контроля. Введение военного положения расширило полномочия военных органов, а объединение НКВД и НКГБ консолидировало усилия по обеспечению госбезопасности. Основными задачами стали борьба с дезертирством, противодействие шпионажу и диверсиям, а также подавление бандитизма на освобожденных территориях. Создание СМЕРШа усилило военную контрразведку. Несмотря на репрессивные методы, система продемонстрировала эффективность в стабилизации фронта и тыла, подтвердив необходимость централизации в кризисных условиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные трибуналы, НКВД СССР, дезертирство, разведка, контрразведка.

Biryukova Diana Evgenyevna

student, North-Western branch
of Russian State University
of Justice named after V. M. Lebedev
Saint Petersburg, Russian Federation

Scientific supervisor:
Potapov Yuri Alekseevich
candidate of Juridical sciences
associate professor, North-Western branch
of Russian State University
of Justice named after V. M. Lebedev
Saint Petersburg, Russian Federation

Law enforcement activities during the Great Patriotic War: fighting crime at the front and in the rear

***Annotation.** The article explores the transformation of the USSR law enforcement system during the Great Patriotic War, aimed at centralising management and strengthening control. The introduction of martial law expanded the powers of military bodies, and the unification of the NKVD and NKGB consolidated efforts to ensure state security. The main tasks were to combat desertion, counter espionage and sabotage, and suppress banditry in the liberated territories. The creation of SMERSH strengthened military counterintelligence. Despite repressive methods, the system demonstrated its effectiveness in stabilising the front and rear, confirming the need for centralisation in crisis conditions.*

***Keywords:** Great Patriotic War, military tribunals, NKVD of the USSR, desertion, intelligence, counterintelligence.*

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) оказалась для советского государства периодом исключительных испытаний, сопряженных, в том числе, с необходимостью сохранения правопорядка в условиях всеобщей мобилизации и активных боевых действий. Правоохранительные органы, реорганизованные под давлением военных реалий, играли ключевую роль в борьбе с преступностью, дезертирством, шпионажем и иными преступлениями. Поэтому наша цель – проанализировать организационно-правовые основы и направления деятельности правоохранительной системы СССР в годы войны.

Великая Отечественная война потребовала кардинального пересмотра принципов и методов работы государственных институтов, чтобы адаптировать их к условиям военного времени.

Важно подчеркнуть, что объявление в 1941 году военного положения на значительной части европейских территорий СССР не привело к свертыванию работы правоохранительных органов. Напротив, поддержание законности в обстановке тотального кризиса требовало оптимизировать их работу, усиливая контроль и координацию действий в рамках названной сферы.

Так, произошло усиление централизации управления, расширение полномочий и ужесточение ответственности за преступления против государства и обороны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» военные советы фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, – высшее командование войсковых соединений, были наделены чрезвычайными полномочиями по обеспечению обороны, общественного порядка и государственной безопасности [1, ч. 2]. В то время зна-

чительную роль в системе правоохранительных органов играли военные трибуналы. Они были наделены широкими полномочиями по рассмотрению уголовных дел военнослужащих и гражданских лиц, совершивших преступления, связанные с нарушением воинской дисциплины, дезертирством, уклонением от призыва, а также преступления против государства и общественного порядка.

В связи с переходом от мирного времени на военное положение Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года «Об объединении Народного комиссариата внутренних дел СССР и Народного комиссариата государственной безопасности СССР в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР» Народный комиссариат внутренних дел СССР и Народный Комиссариат государственной безопасности СССР были объединены в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР (далее – НКВД СССР) [2].

В первые годы войны оперативная деятельность НКВД СССР в сфере государственной безопасности концентрировалась на двух ключевых аспектах: разведывательных операциях и нейтрализации иностранных агентов. Что касается общественного порядка, ведомство реализовывало комплекс мер, включая:

- организацию противовоздушной обороны на местах;
- профилактику пожаров и ликвидацию их последствий;
- надзор за содержанием заключенных и военнопленных с привлечением их к трудовой деятельности;
- противодействие детской беспризорности;
- пресечение уголовных преступлений и поддержание общественной стабильности.

С 1941 г. функционал НКВД значительно расширился за счет новых стратегических задач:

- проведение мобилизационных мероприятий;
- выявление и ликвидация диверсионных групп и парашютистов-разведчиков;
- контроль за соблюдением режима военного (осадного) положения;
- координация эвакуации гражданского населения и промышленных объектов;
- реализация программ принудительного переселения отдельных групп;
- возведение оборонительных сооружений;
- обеспечение секретной правительственной связи (ВЧ-связи) с фронтовыми частями [4, с. 19–20].

Эта трансформация превратила НКВД в ключевой институт поддержания правопорядка. Создание централизованной структуры, объединившей управление внутренними делами и безопасностью государства, позволило в кризисных условиях первых лет войны эффективно консолидировать усилия для противостояния не только врагу извне, но и внутренним угрозам – дезертирству и коллаборационизму. В структуре НКВД СССР были созданы специализированные управления: Главное управление войск НКВД по охране тыла, отдел по борьбе с бандитизмом, контрразведывательные подразделения.

17 октября 1941 года Государственный комитет обороны (ГКО) своим постановлением наделил Особое совещание при НКВД СССР исключительными судебными полномочиями. Данный орган получил право применять высшую меру наказания по делам, связанным с контрреволюционной деятельностью и особо тяжкими преступлениями против государственного управления, квалифицируемыми по статьям 58 и 59 УК РСФСР [3, ч. 2]. Это решение стало очередным этапом усиления репрессивно-карательных функций НКВД в военный период. Тем самым полномочия НКВД СССР были расширены еще сильнее.

Данная структура сохраняла свою деятельность до 1943 года, после чего произошла реорганизация: разведывательные и контрразведывательные подразделения были преобразованы в независимый Народный комиссариат госбезопасности (НКГБ) во главе с В. Н. Меркуловым. При этом Главное управление контрразведки «СМЕРШ» с его руководителем В. С. Абакумовым перешло в ведение Наркомата обороны, оказавшись в прямом подчинении И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего [6, с. 184]. Центральной миссией СМЕРШ стало оперативное выявление и уничтожение агентуры противника, диверсионных групп и шпионов как на линии фронта, так и в тыловых районах, освобожденных от оккупации.

Таким образом, основными направлениями и формами правоохранительной деятельности в период Великой Отечественной войны были:

1. Борьба с дезертирством и паникерством. Дезертирство стало массовым явлением в первые годы войны. По данным НКВД, за 1941 г. было задержано свыше 710 тыс. дезертиров и более 71 тыс. уклонистов от мобилизации [5, с. 9]. Для их задержания создавались заградительные отряды, проверявшие документы на дорогах и железнодорожных узлах. При этом до 80 % задержанных возвращались в части после фильтрации.

2. Противодействие диверсиям и шпионажу. Контрразведка СМЕРШ и территориальные органы НКВД нейтрализовали 30 тыс. установленных шпионов и 3,5 тыс. диверсантов [7, с. 95]. Основными методами были:

- вербовка осведомителей среди местного населения;
- радиоигры с противником (например, операция «Монастырь»);
- ликвидация диверсантов в прифронтовой полосе.

3. Деятельность на освобожденных территориях. После изгнания оккупантов НКВД столкнулся с ростом бандитизма и коллаборационизма. В Западной Украине и Прибалтике действовали националистические формирования (УПА, «Лесные братья»), против которых проводились масштабные спецоперации. Например, в 1944–1945 гг. в Литве было арестовано 22 тыс. участников националистического подполья [8, с. 196].

Подводя итоги работы, хотелось бы подчеркнуть, что правоохранительная система СССР в годы войны продемонстрировала высокую адаптивность, сочетая репрессивные меры с профилактикой. Усиление полномочий НКВД СССР и военных трибуналов позволило стабилизировать обстановку на фронте и в тылу, хотя некоторые методы остаются предметом дискуссий.

Опыт 1941–1945 гг. подтвердил необходимость централизации правоохранительной деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О военном положении. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

2. Об объединении Народного комиссариата внутренних дел СССР и Народного комиссариата государственной безопасности СССР в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 33.

3. О порядке приведения в исполнение приговоров в отношении лиц, осужденных к высшей мере наказания, и предоставлении Особому совещанию при НКВД СССР права выносить соответствующие меры наказания по делам о контрреволюционных и особо опасных преступлениях. Постановление Государственного Комитета Обороны от 17 ноября 1941 года // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nod> (дата обращения: 06.04.2025).

4. Беркутов А. С., Ровенский П. Н. Деятельность органов НКВД по обеспечению государственной и общественной безопасности в годы Великой Отечественной войны // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2020. № 1. С. 19–26.

5. Гусак В. А. Дезертирство из Красной Армии как социальная основа преступности в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 8(108). С. 9–16.

6. Клименко К. С., Кузнецов И. А. Правовой статус и деятельность правоохранительных органов СССР в годы Великой Отечественной войны // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10-2(61). С. 184–187.

7. Соболев М. П., Еременко Р. С. О колоссальном вкладе легендарного «Смерш» в победу Советского Союза во Второй мировой войне // На пути к гражданскому обществу. 2019. № 3(35). С. 79–102.

8. Чемоданов А. Н. Советская контрразведка против националистического подполья в Литве на заключительном этапе второй мировой войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 195–198.

Озеранская Анна Юрьевна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

aozeranskayaa@mail.ru

Разграничение государственной измены и сотрудничества на конфиденциальной основе с иностранным государством

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые аспекты составов преступлений, предусмотренных статьями 275 и 275.1 УК РФ и проведен их сравнительный анализ. На фоне происходящих политических событий преступления, направленные на против основ конституционного строя и безопасности государства, выдвигаются на первый план ввиду их высокой общественной и государственной безопасности, уголовное законодательство дополняется новыми составами данной категории преступлений, и одним из таких нововведений является ст. 275.1 УК РФ. Проведенный анализ позволил выявить разграничения между данными составами преступлений и особенности привлечения к уголовной ответственности.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, преступления против государственной власти, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, государственная измена, сотрудничество с иностранным государством.*

Ozeranskaya Anna Yuryevna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Distinguishing between treason and cooperation on a confidential basis with a foreign state

***Annotation.** The article examines the key aspects of the crimes provided for in Articles 275 and 275.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and provides their comparative analysis. Against the background of the ongoing political events, crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the state are being brought to the fore due to their high public and state security, criminal legislation is being supplemented with new elements of this category of crimes, and one of such innovations is art. 275.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis made it possible to identify the distinctions between these types of crimes and the specifics of criminal prosecution.*

***Keywords:** criminal liability, crimes against state power, crimes against the foundations of the constitutional order and state security, high treason, cooperation with a foreign state.*

В настоящее время в связи с последними событиями, происходящими на мировой арене, особую опасность для Российского государства представляют преступления против государственной власти, а именно те, которые посягают на подрыв национальной безопасности страны.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 4006 под

национальной безопасностью следует понимать состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [2].

Необходимость разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 275 и 275.1 УК РФ [4] обусловлена тем, что, во-первых, состав преступления, предусмотренный ст. 275.1 УК РФ, является нововведением в действующем уголовном законодательстве и требует более детальной регламентации, и, во-вторых, данные составы, являясь на первый взгляд схожими, включают в себя разные признаки объективной стороны, что влияет на правильную квалификацию содеянного.

Только лишь в первой половине 2024 года 52 человека получили приговоры за государственную измену, среди них один был приговорен к пожизненному заключению. Кроме того, 22 человека были осуждены за покушение на совершение госизмены [1]. Данных о количестве привлеченных за сотрудничество с иностранным государством или организацией в настоящее время не так много, однако в открытом доступе имеется около 8 приговоров в период за конец 2023–2024 гг. за совершение данного преступления.

Объективная сторона государственной измены представляет собой четыре разновидности преступных деяний в форме действия:

- 1) шпионаж;
- 2) выдача иностранному государству, международной или иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу либо ставшую ему известной по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством;
- 3) переход на сторону противника;
- 4) оказание финансовой, консультационной, материально-технической или иной помощи иностранному государству, международной или иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности РФ.

Устинов А. А. полагает, что сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной или иностранной отличается от государственной измены отсутствием со стороны гражданина России, установившего данное сотрудничество, совершения конкретных деяний, описанных в диспозиции ст. 275 УК РФ, покушения на них либо приготовления к их совершению [5, с. 97]. Однако законодатель не установил в диспозиции ст. 275.1 формы сотрудничества гражданина РФ с иностранным государством или организацией, что вызывает неясность в определении характера совершенных деяний и их квалификации по данной статье.

Для разграничения данных составов необходимо учитывать направленность умысла виновного. Если целью действий было именно подрыв безопасности РФ в результате сотрудничества с иностранным государством или орга-

низацией, содеянное квалифицируется по ст. 275.1 УК РФ. Если же действия были направлены на причинение ущерба основам конституционного строя, безопасности, обороноспособности РФ, содеянное квалифицируется как государственная измена.

И. М. Середа и С. А. Ступина полагают, что в соответствии со ст. 275.1 УК РФ предусмотрена ответственность только за сам факт установления и поддержания гражданином РФ указанных отношений сотрудничества. Если же на фоне такого установленного сотрудничества гражданин РФ совершает действия, предусмотренные ст. 275 УК РФ, то ответственность наступает именно за государственную измену [3, с. 86]. Отсутствие законодательного закрепления перечня иностранных организаций, за сотрудничество с которыми по российскому уголовному законодательству установлена уголовная ответственность, дает правоприменителю возможность более широкого толкования признаков данного преступления.

При квалификации по ст. 275.1 УК РФ необходимо также учитывать конкретные действия лица, характер оказываемого содействия и его влияние на безопасность РФ. Только совокупность этих факторов позволяет правильно квалифицировать содеянное и отграничить его от смежных составов преступлений.

Уголовное наказание за государственную измену более строгое, чем за сотрудничество с иностранным государством или организацией – за госизмену предусмотрено лишение свободы на срок от 12 до 20 лет или пожизненное лишение свободы, а за сотрудничество – лишение свободы на срок от 3 до 8 лет. Так законодатель подчеркнул более высокую степень общественной опасности за совершение государственной измены.

Таким образом, несмотря на внешнее сходство, составы преступлений, предусмотренные статьями 275 и 275.1 УК РФ, имеют различия, которые необходимо учитывать при разграничении данных составов и правильной классификации преступлений. Неясным остается определение квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 275.1 УК РФ и расплывчатая формулировка понятия «сотрудничества» с иностранным государством или организацией и отсутствие указаний на виды иностранных организаций, за сотрудничество с которыми предусмотрена уголовная ответственность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «За шпионаж и госизмену в России за первые полгода 2024 г. осуждены 70 человек» // Вести.RU. URL: <https://www.vesti.ru/article/4185022> (дата обращения: 06.04.2025).

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. II. Ст. 5351.

3. Середа И. М., Ступина С. А. Государственная измена: отдельные вопросы квалификации // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1. С. 79–90.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ с изм. от 1 апреля 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Устинов А. А. Уголовная ответственность за государственную измену: совершенствование правовой регламентации // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 1(94). С. 95–100.

УДК 343.3

Смирнова Ульяна Александровна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Smirnova.u05@bk.ru.

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

vse-evstegneev@yandex.ru

Проблемы квалификации деяний с признаками превышения пределов необходимой обороны

***Аннотация.** Статья посвящена вопросу правового регулирования отдельных положений института необходимой обороны. По мнению авторов, превышение пределов необходимой обороны является одной из актуальных проблем уголовного права, так как установление критериев пределов ее превышения не четко регламентированы в Российском уголовном законодательстве. В статье авторы приводят анализ понятий «необходимая оборона» и «превышения ее пределов». Сделана попытка вскрыть имеющиеся пробелы, связанные с превышением пределов необходимой обороны. Приводится свое видение разрешения проблем квалификации деяний с признаками необходимой обороны.*

***Ключевые слова:** необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, уголовный кодекс, законодательство, критерий, институт, преступление.*

Smirnova Uliana Aleksandrovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich

candidate of law sciences, associate

professor, head of the department

of Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of qualification of acts with signs of exceeding the limits of necessary defense

Annotation. *The article is devoted to the issue of legal regulation of certain provisions of the Institute of necessary defense. According to the authors, exceeding the limits of necessary defense is one of the urgent problems of criminal law, since the establishment of criteria for exceeding it is not clearly regulated in Russian criminal legislation. In the article, the authors provide an analysis of the concepts of “necessary defense” and “exceeding its limits”. An attempt has been made to uncover the existing gaps associated with exceeding the limits of necessary defense. His vision of solving the problems of qualifying acts with signs of necessary defense is given.*

Keywords: *necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, criminal code, legislation, criterion, institution, crime.*

Как известно, уголовное законодательство в качестве обстоятельства, исключающего преступность и наказуемость деяния, признает необходимую оборону, определение понятия которой дано в статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), согласно ее положениям: «Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [5, с. 384] таким образом, под необходимой обороной, как мы полагаем, следует понимать активную защиту обороняющимся своей жизни, здоровья, жизни других лиц, защиту общественных и государственных интересов в рамках действующего законодательства. Однако, как видно из законодательного определения, необходимая оборона обладает своими пределами, превышение которых образует в действиях обороняющегося состав соответствующего преступления и могут быть квалифицированы как преступление против личности и влечь за собой определенный вид уголовного наказания. Действующие положения ч. 2 ст. 37 УК РФ превышение пределов необходимой обороны определяют, как «умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства» [5, с. 384].

Представляется верным мнение некоторых специалистов, полагающих, что в ч. 1 ст. 37 УК РФ определены условия правомерности защиты от преступного посягательства, сопряженного с применением насилия, опасного для жизни, либо с угрозой непосредственного применения такого насилия к обороняющемуся или другим лицам, а также иным объектам уголовно-правовой охраны. Однако законодатель не предусмотрел в ней признаков, определяющих соразмерность средств и способов защиты, что в свою очередь создает проблему с определением анализируемого деяния, как совершенного при превышении пределов необходимой обороны. Здесь стоит предположить, что авторы данного комментария не совсем точно проанализировали данный аспект, так как законодатель определяет пределы возможных опасных последствий – они должны представлять опасность для жизни. Исходя из этого, представляется верным то, что главным основанием правомерности применения института необходимой

обороны должен быть, прежде всего, объективный характер возникшей опасности для обороняющегося или другого лица.

Изучение правоприменительной практики, научных источников, свидетельствует о том, что в таких ситуациях обороняющийся не всегда способен объективно оценить характер и степень тяжести угрозы посягательства. В то же время, действующий уголовный закон не называет признаков, по которым можно было бы четко определить явное несоответствие защитных действий характеру и степени опасности посягательства. Следовательно, такое явление, как «превышение пределов необходимой обороны» является оценочным [3, ст. 37]. Представляется интересным взгляд некоторых специалистов, полагающих, что в институте необходимой обороны определенную роль играет эмоциональное состояние обороняющегося (испуг, растерянность, страх, стресс, аффект и т. д.), при наличии которого ему достаточно сложно оценить складывающуюся ситуацию [3, ст. 37]. И не случайно на это обращено внимание в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 № 19 «О применении судами законодательства “О необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”». Таким образом, полагаем, что эмоциональное состояние лица, попавшего в ситуацию, подпадающую под признаки необходимой обороны, является одним из факторов, который надо учитывать при установлении пределов правомерной защиты.

В целях выработки единой практики применения законодательства о необходимой обороне, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в названном постановлении от 27 сентября 2012 № 19 назвал ряд условий правомерности необходимой обороны, к числу которых отнес:

- причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов);

- применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. п.).

Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы [6].

Особое внимание стоит уделить ряду дополнений Пленума Верховного суда в Постановление Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Пленум дополнил список незаконным проникновением в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженным с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица». В документе закреплено, что место осуществления необходимой оборо-

ны – собственное жилище, но вопрос оценки угрозы оставлен на усмотрение правоохранительных органов и судов. Помимо этого, Пленум Верховного Суда внес дополнения о том, что должны учитывать суды, разрешая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны (п. 13). Так, при проверке доводов подсудимого о совершении общественно опасного деяния в состоянии необходимой обороны суд обязан исходить из принципа презумпции невиновности (ч. 3 ст. 14 УПК РФ), в том числе учитывать, что подсудимый не обязан доказывать свою невиновность или наличие в его действиях признаков менее тяжкого преступления. Также ценным является дополнение в п. 8, которым уточняется, что лицо вправе действовать в рамках необходимой обороны не только после начала нападения, но и непосредственно перед ним, если угроза совершения общественно опасного посягательства субъективно очевидна для обороняющегося.

Наряду с этим, Д. Клячков отмечает, что понятие необходимой обороны часто трактуют далеко не в пользу обвиняемого. Нередко происходят случаи, когда государство оценивает действия обороняющегося как незаконные, что влечет за собой уголовную ответственность. Таким образом человек, пострадавший от нападения агрессора может еще и оказаться на скамье подсудимых. Таким образом на практике как следственные органы, так и суды в большинстве случаев стремятся игнорировать признаки необходимой обороны в действиях обвиняемого, что ведет к несправедливому судопроизводству.

Следует отметить, что институт необходимой обороны является одним из самых древних уголовно-правовых институтов, нормы которого направлены на защиту интересов личности, общества и государства. В связи с этим представляет интерес исследование эволюции нормы о необходимой обороне в советском и российском уголовном праве. Для наглядного сравнения возьмем Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. В статье 19 этого Кодекса указывается «Не подлежит наказанию уголовно-наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны» [2, с. 16] анализ приведенного определения позволяет выделить два условия правомерности необходимой обороны: 1) объектами защиты посредством необходимой обороны могут выступать личность или права обороняющегося либо других лиц; 2) пределы необходимой обороны не должны быть превышены. Однако законодатель не указал, что принимается под «превышением» необходимой обороны. Таким образом данное деяние в статье не признается правомерным, но является при этом ненаказуемым.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года устанавливал право на необходимую оборону в статье 13 следующим образом: «Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены ими в состоянии необходимой обороны против посягательства на Советскую власть, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны». Здесь к основ-

ным условиям правомерности необходимой обороны отнесены, помимо посягательства на личность и права обороняющегося добавляется такое условие как «посягательство на Советскую власть». Следовательно, помимо защиты личности и прав обороняющегося или иного лица, законодатель разрешил аналогичную защиту и от посягательств на интересы Советской власти. Как видим, здесь произошло изменение законодательной оценки оборонительных действий – они по-прежнему признавались правомерными и не влекли применения мер социальной защиты, «...если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

Особый интерес представляет статья 13 УК РСФСР 1960 года. Анализируя данную статью, можно сделать вывод, что законодатель расширил условия правомерности необходимой обороны, однако закрепил большее количество требований к оборонительным действиям:

- расширился круг объектов необходимой обороны – права и законные интересы обороняющегося лица, права и законные интересы другого лица, общества, государства;

- лицо наделялось правом необходимой обороны независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти;

- получило законодательное закрепление положение о том, что при защите от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой его применения;

- превышение пределов необходимой обороны возможно лишь при защите от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия;

- закреплено понятие превышения пределов необходимой обороны – под которым понимались умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства.

Согласно тексту рассматриваемой статьи оборонительные действия признавались правомерными, т. е. совершенными при обстоятельстве, исключаящем противоправность, «что означало признание их правомерности». Сравнивая статью 13 УК РСФСР 1960 года и первоначальную редакцию статьи 37 УК РФ 1996 можно заметить, что формулировка нормы в статье кодекса РСФСР в соответствии с которой признавалось правомерным причинение любого, в том числе и смертельного, вреда посягающему лицу, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, была заменена формулировкой: не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны». Сравнивая две эти формулировки можно сделать вывод, что формулировка, содержащаяся в УК РСФСР 1960 года более конкретизирована и допускала возможность причинения смерти

нападающему в целях сохранения своей или жизни иного лица, если обороняющемуся или иному лицу грозила смертельная опасность или угроза применения насилия опасного для жизни и здоровья.

В настоящее время институт необходимой обороны находит свое отражение в уголовном законодательстве большинства стран мира. В то же время в зависимости от конкретной страны, а также от правовой системы, к которой она относится, регламентация института необходимой обороны разнится. Например, в Уголовный кодекс Франции предусматривает «институт правомерной защиты». Нормы, посвященные правомерной защите, закреплены в статьях 122.5–122.6 УК Франции и включены в раздел «Основания ненаступления уголовной ответственности или ее смягчения» [7]. В соответствии с данными статьями «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое при наличии необоснованного посягательства в отношении него самого или другого лица совершает в то же самое время какое-либо действие, вызванное необходимостью правомерной защиты самого себя или другого лица, за исключением случаев явного несоответствия между используемыми средствами защиты и тяжестью посягательства». Особое внимание в уголовном кодексе Франции уделено защите имущества. Законодатель устанавливает дополнительные условия ее правомерности [1, 73–75]. Для этого закон устанавливает следующие условия: 1) Посягательство должно быть уже начавшимся, т. е. при угрозе такого посягательства действия по защите не будут считаться правомерными; 2) не допускается причинение смерти посягающему лицу, если такое посягательство не было сопряжено с насилием; 3) посягательство может быть не любым, а только таким, которое содержит в себе признаки проступка или преступления. Также стоит отметить что ст. 122–6 УК Франции закрепляет еще два отдельных случая, при которых действия обороняющегося представляют собой правомерную защиту. К ним относятся: 1) проникновение, осуществляемое путем взлома, насилия или обмана, ночью в жилище; 2) защита себя от совершающих кражу или грабеж, сопряженных с применением насилия. Сравнивая институт необходимой обороны во Франции и в России можно отметить, что УК Франции делает больше уклон именно на условия, при которых может осуществляться необходимая оборона, а также дает более четкую их регламентацию. Но при этом в УК Франции не закреплены специальные нормы, предусматривающих ответственность за преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны что является недостатком. Так же, как уже говорилось выше, в УК Франции закреплено право на оборону при проникновении в жилище. В России в феврале 2025 года был внесен законопроект расширяющий права жильцов на самооборону при незаконном вторжении в дом. Проект пытаются принять с 2022 года, но его каждый раз отправляют на доработку. Законопроект, разработанный депутатами ЛДПР, предусматривает ряд корректировок для 37-й статьи («Необходимая оборона») Уголовного кодекса РФ. В статью предлагается добавить часть 2.2, разрешающую хозяевам жилья, в которое проник неизвестный, действовать по принципу «мой дом – моя крепость». То есть в случае принятия этого законопроекта у жильцов не будет необходимости разбираться, хочет ли пробравшийся к ним преступник применить насилие или просто что-то

украсть. Они смогут защищаться от преступника любым способом, не опасаясь уголовной ответственности.

Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [9] (далее – УК ФРГ), принятый в 1871 г., содержит главу «Необходимая оборона и крайняя необходимость» и определяет юридическую природу необходимой обороны как обстоятельства, исключающего ответственность. УК ФРГ определяет необходимую оборону следующим образом «это защита, которая требуется для того, чтобы отразить наличное противоправное нападение на себя или кого-либо другого» [1, с. 73]. УК ФРГ как и УК РФ определяет два условия правомерности необходимой обороны: относящиеся к посягательству и защите. Схожи и сами условия правомерности необходимой обороны в этих странах. Вопросу превышения пределов необходимой обороны посвящен п. 33 УК ФРГ, предусматривающий следующее положение: «если лицо превышает пределы необходимой обороны из-за замешательства, страха или испуга, то он не наказывается» [8]. Однако стоит учитывать тот факт, что необходимая оборона в основном и сопровождается такими ощущениями как тревога, страх или испуг, исходя из этого можно сделать вывод, что формулировка данного положения не совсем удачна и требует определенных доработок. Так же, как и в УК Франции УК ФРГ не содержит специальных составов преступления, предусматривающие ответственность за превышение пределов необходимой обороны.

Если обратиться к американскому праву, то здесь важно отметить, что в США существует два уровня законодательства: на федеральном уровне и на уровне штатов. Институт необходимой обороны регулируется примерным уголовным кодексом и законами штатов. Примерный уголовный кодекс дает определение необходимой обороны, обозначая ее как «защиту». Примерный уголовный кодекс устанавливает и виды правомерной защиты, но отсутствует упоминание о превышении ее пределов и ответственность за это. Если подробно рассмотреть законы Соединенных штатов Америки, то наиболее урегулированным является Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. Так, согласно его положениям применение физической силы будет считаться правомерным действием в следующих случаях: 1) защита себя и других лиц; 2) защита помещений и недвижимости; 3) предотвращение или пресечение кражи; 4) производство ареста или предотвращение бегства из-под стражи. Также закон предусматривает такие условия правомерности необходимой защиты как угроза или наличие применения физической силы, если действия агрессора не были спровоцированы обороняющимся, обороняющийся не был первоначальным агрессором, физическая сила не является результатом поединка по соглашению и не санкционирована правом. Также в законе штата Нью-Йорк предусмотрены и отдельные случаи, при которых убийство может допускаться как средство необходимой защиты, но лишь при определенных условиях. Одним из таких условий является: если обороняющийся находился в своем жилище и не являлся первоначальным агрессором; если обороняющийся является сотрудником полиции, должностным лицом, ответственным за охрану правопорядка; если обороняющийся стал жертвой или свидетелем похищения, изнасилования, ограбления. Смертельная физическая сила может быть применена и для пресечения совершения или попыт-

ки совершить поджог. В указанных выше ситуациях обороняющийся имеет право на применение смертельной физической силы как средство необходимой защиты. Но если в ситуации когда агрессор готовится принять смертельную физическую силу обороняющийся может защищаться любыми способами, но если понимает что отступив он может этого избежать и при этом остаться в безопасности, он обязан отступить. Таким образом законодательство США довольно четко регламентирует условия правомерной защиты, а также выделяет отдельные случаи при которых может допускаться причинение смерти нападавшему как способ защиты себя или других пострадавших лиц. При этом в законодательстве США и его штатов нет понятия «необходимая оборона», нет упоминания о превышении ее пределов и юридических последствий за это. Правда, в ст. 7.01 – «Критерии, обосновывающие не вынесение приговора к тюремному заключению и направление подсудимого на испытание» указано, что основаниями, благоприятствующими не вынесению приговора к тюремному заключению, является то, что подсудимый действовал под влиянием серьезной провокации (противоправного поведения потерпевшего). Анализ уголовного законодательства США, а именно примерного уголовного кодекса и закона штата Нью-Йорк позволяют сделать вывод, что несмотря на то, что необходимая оборона хоть и не упоминается прямо в этих актах, но все-таки предполагается в виде общих положений, характеризующих некоторые преступления.

Не представлено понятие необходимой обороны и в Великобритании. В капитальном исследовании по уголовному праву Англии в числе обстоятельств, исключающих преступность деяния, необходимая оборона не называется, но при анализе убийства и телесных повреждений речь по сути дела идет о ней, правда, именуемой «самозащитой». Регулируется институт «необходимой обороны» в Англии законом «Об уголовном праве» 1967 г. Статья 3 данного закона устанавливает, что лицу разрешено применить разумную силу для предотвращения преступления, либо при производстве законного ареста правонарушителя или подозреваемого, либо во время оказания помощи такому аресту. Однако закон не предусматривает определение пределов необходимой обороны и ограничивается лишь общим понятием. Довольно интересным представляется подход к регламентации института необходимой обороны в Швейцарии. Он закреплен в ст.33 УК Швейцарии, который гласит: «если на кого-то неправомерно нападают или кому-то непосредственно угрожают нападением, то он или любой другой имеют право отразить посягательство способом, соразмерным обстоятельствам». Уголовный кодекс Швейцарии не определяет условий (критериев) правомерности необходимой защиты, не содержит определение ее пределов. Но указывает, что в случае превышения пределов необходимой обороны, судья может смягчить наказание по собственному усмотрению.

Также в Уголовном кодексе Швейцарии закрепляется, что в случае такого состояния обороняющегося как внезапный испуг или возбуждение вызванные внезапным нападением превышение необходимой обороны не влечет уголовной ответственности. В УК России в части 2.1 статьи 37 также закрепляется, что «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не

могло объективно оценить степень и характер опасности нападения» [10]. Таким образом институт необходимой обороны в Швейцарии, как и в России в большей степени носит оценочный характер, при этом УК Швейцарии предоставляет суду больше возможностей по применению института необходимой обороны. Оценивая зарубежный опыт можно сделать вывод, что во всех рассмотренных выше странах отсутствует понятие превышение пределов необходимой обороны, не закреплено специальных норм, предусматривающих ответственность за превышение ее пределов. Некоторые страны, такие как США, не содержат и самого понятия необходимой обороны, а лишь косвенно указывают на ее наличие при характеристике отдельных преступлений.

Это является общим недостатком зарубежных стран. К достоинствам можно отнести четкую и довольно обширную регламентацию условий правомерности необходимой защиты, отдельное внимание к объектам посягательства, а также наличие отдельных конкретных случаев, при которых в качестве необходимой обороны может выступать причинение смерти нападавшему [4, с. 459–461]. Зарубежный опыт может значительно помочь в выявлении возможных недостатков в институте необходимой обороны в России и его дальнейшему совершенствованию. Еще одним из наиболее актуальных проблем является необходимая оборона от посягательства против половой свободы и половой неприкосновенности.

С учетом физических и моральных последствий, посягательства на половую свободу соизмеримы с посягательством на жизнь, потому при обороне от подобных посягательств лишение нападающего жизни не будет чрезмерным. Принимая во внимание данный факт, государство должно быть на стороне обороняющегося лица, учитывать все обстоятельства, которые побудили его к тем или иным действиям в состоянии необходимой обороны [4, с. 459–461]. Также сама формулировка в статье 37 УК РФ является слишком узконаправленной поскольку позволяет обороняющемуся осуществлять право на защиту только при условии возникновения. При этом не всегда предоставляется возможность избежать посягательства. Поэтому нормы о необходимой обороне следует изложить таким образом, чтобы субъект обороны обладал законодательным преимуществом в случае возникновения посягательства. Анализируя уголовные положения как личности так и права собственности представляется целесообразным привести статью 37 УК в соответствии с положением норм о необходимой обороне. Это помогло бы закрыть некоторые пробелы в уголовном законодательстве и усовершенствовать институт необходимой обороны. В этом может помочь международный опыт и судебная практика, которая укажет на существующие ошибки и поможет избежать новых.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вереина М. И. Институт необходимой обороны в уголовном праве зарубежных стран // Молодой ученый. 2020. № 45(335). С. 73–75. URL: <https://moluch.ru/archive/335/74797/> (дата обращения: 19.03.2025).
2. Питецкий В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. 16 с.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарий к статьям УК РФ. 2024–2025. URL: <https://stykrf.ru/37>

4. Тараканов И. А. Некоторые особенности оценки пределов необходимой обороны при доказывании правомерности оборонительных действий // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 4. С. 106–108

5. Хренов Н. М. Необходимая оборона: значение, условия правомерности и актуальные проблемы правоприменения // Молодой ученый. 2023. № 33(480). С. 57–59. URL: <https://moluch.ru/archive/480/105532/> (дата обращения: 19.03.2025).

6. Южно К. В. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны // Молодой ученый. 2023. № 17(464). С. 459–461. URL: <https://Moluch.Ru/Archive/464/102111/> (дата обращения: 19.03.2025).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации. М. : Проспект, 2023. 384 с.

8. Уголовный кодекс Франции / под ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 648 с

9. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / под ред. Д. А. Шестакова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 524 с..

10. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 31.05.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 19.03.2025).

УДК 343.54

Душкова Алёна Владимировна

студент, Саратовская государственная

юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

b6almax@mail.ru

Рубан Анна Анатольевна

студент, Саратовская государственная

юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

anua.ruban.04@bk.ru

Сложные единичные преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности: проблемы квалификации

Аннотация. В настоящем исследовании авторами предпринята попытка ответить на вопрос о том, какую уголовно-правовую оценку должны получить неоднократные акты изнасилований или насильственных действий сексуального характера, совершенные одним лицом в отношении одного и того же потерпевшего. Были изучены такие признаки единого

продолжаемого преступления, как совершение противоправных деяний в течение непродолжительного времени и единство умысла виновного. Особое внимание в работе уделяется вопросу разграничения единого продолжаемого преступления от совокупности преступлений на примере преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. В завершение, предложены изменения действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: половая неприкосновенность; половая свобода личности; единичное продолжаемое преступление; непродолжительный временной интервал; единый умысел; совокупность преступлений.

Dushkova Alyona Vladimirovna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Ruban Anna Anatolyevna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Complex individual crimes against sexual freedom and sexual integrity of the individual: problems of qualification

Annotation. *In this study, the authors have attempted to answer the question of what kind of criminal legal assessment should be given to repeated acts of rape or sexual violence committed by one person against the same victim. Such signs of a single ongoing crime as the commission of illegal acts over a short period of time and the unity of intent of the perpetrator were studied. Special attention is paid to the issue of distinguishing a single ongoing crime from a set of crimes using the example of crimes against sexual freedom and sexual integrity of the individual. Finally, amendments to the current criminal legislation are proposed.*

Keywords: *sexual inviolability, sexual freedom of the individual, a single ongoing crime, a short time interval, a single intent; a set of crimes.*

Единичные сложные преступления – это преступления, в которых может быть предусмотрено два объекта посягательства или несколько деяний, с двумя формами вины и двумя последствиями [4, с. 120]. Разновидностью единичного сложного преступления является продолжаемое преступление.

В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 43 от 12 декабря 2023 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» (далее по тексту ППВС № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях») [7] дается дефиниция продолжаемого преступления, из которой можно выделить следующие характерные признаки: два и более тождественных противоправных деяний; единый умысел; незначительный временной разрыв между противоправными деяниями; одна цель посягательства; один объект посягательства.

В пункте 8 Постановления Пленума Верховного Суда от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (далее по тексту ППВС № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосно-

венности и половой свободы личности») [8] закреплено, что если в отношении лица совершено несколько преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, в течение непродолжительного времени, обстоятельства дела свидетельствуют о едином умысле на совершение одних и тех же действий. В таких случаях содеянное следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление по соответствующим частям статьи 131 или статьи 132 УК РФ [14].

А. А. Бимбинов рассматривал вопрос о том, как квалифицировать содеянное, если виновный неоднократно совершал преступления против половой свободы и половой неприкосновенности лица в течение длительного времени. Он указал, что трудности с квалификацией возникают из-за отсутствия четких критериев для единичного умысла и непродолжительного промежутка времени между действиями [1, т. 6, с. 191–204].

Обращаясь к комментарию Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» А. Н. Попова [6, с. 40], было выявлено, что главное значение для разграничения множественности и единого продолжаемого преступления, по статьям 131 и 132 УК РФ, имеет время совершения деяний (значительный или непродолжительный период времени) и умысел, которым охватывались совершенные деяния.

Как следствие, проблему разграничения продолжаемого преступления и множественности можно устранить только путем точного определения содержания указанных признаков.

Так, например, в 2000 году Мохов похитил двух несовершеннолетних девушек и удерживал их 3,5 года в подземном бункере. За это время потерпевшие неоднократно подвергались изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера. Суд установил виновность Мохова в совершении преступлений, предусмотренных на то время ч. 2 ст. 126 УК РФ (похищение двух или более лиц), ч. 3 ст. 131 УК РФ (изнасилование заведомо несовершеннолетней) и ч. 2 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера) и назначил наказание в виде лишения свободы на срок 17 лет [2]. Наказание назначено по совокупности преступлений, без установления точного количества тождественных действий по статьям 131 и 132 УК РФ.

На наш взгляд, судом дана верная оценка совершенного лицом преступного деяния. Однако неучтенным остается факт того, сколько именно тождественных деяний было совершено виновным лицом, по каждой из указанных статей УК РФ.

Рассмотрим другой пример из правоприменительной практики. Гражданин К. осужден за каждое из трех преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (совершенных 2 октября 2011 г., 3 апреля и 7 июля 2013 г.). В апелляционной жалобе защитник и обвиняемый просили о квалификации содеянного по одной статье (п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ), как единое продолжаемое преступление. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила жалобу без удовлетворения, указав, что временные промежутки между совершаемыми преступными деяниями являются зна-

чительными, поэтому умысел виновного при совершении каждого преступления будет считаться разным [5, с. 64].

В данном примере, виновным лицом совершены тождественные деяния, что подпадает под признаки единого продолжаемого преступления. Но временной интервал между преступлениями достаточно велик, 6 и 3 месяца. В этой связи суд посчитал такой промежуток значительным и квалифицировал содеянное по правилам реальной совокупности преступлений.

Существует и альтернативная позиция Верховного суда Башкирии в решении данного вопроса. В 2006 году П. 4 месяца совершал мужеложство в отношении малолетнего сына своей жены. Всего следствием установлено 30 эпизодов, временные промежутки между которыми варьируются от 1 дня до недели. Несмотря на существенные разрывы во времени, П. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ [13].

Суд счел промежуток между преступными деяниями незначительным, а в преступлениях П. установил единый умысел. Указанные обстоятельства позволили квалифицировать содеянное как единичное продолжаемое преступление.

Понятие значительного временного интервала носит оценочный характер. В толковом словаре Ожегова слово «значительный» имеет значение большой по размерам, силе, важности [12, с. 907]. Следовательно, «значительный временной интервал» – долгий, продолжительный, слово «непродолжительный», в словаре имеет значение продолжающийся, длящийся недолго.

Как показывает правоприменительная практика, точно определить непродолжительный период времени весьма проблематично. При его определении правоприменителям следует исходить из фактических обстоятельств дела, судебной практики, собственных убеждений. Существуют разные обстоятельства, которые могут на время отвлечь преступника от совершения преступления (принятие наркотиков, сон).

На наш взгляд, разумным временным интервалом между деяниями мы считаем временной период, который не превышает 2 дней. Если виновный совершил следующее изнасилование через 4 или 5 дней, единым продолжаемым преступлением такое деяние являться не может.

На наш взгляд, единство умысла, применительно к рассматриваемой категории преступлений, представляет собой совершение многократных действий с общей целью - удовлетворение половых потребностей.

По мнению А. Ф. Залова, о едином умысле могут свидетельствовать действия преступника, направленные на удержание жертвы рядом с собой, ограничение ее свободы (привязывание, запираание дверей, применение физической силы, запугивание). Побуждением к совершению таких действий является желание и осознание того, что жертва находится в его расположении и он может в любой момент ей воспользоваться в своих целях [3, с. 28].

На наш взгляд, данные обстоятельства не свидетельствуют о едином умысле виновного, поскольку при ограничении свободы жертвы, совершение

преступлений возможно и с большим временным интервалом, учитывая отсутствие возможности у потерпевшего покинуть место удержания.

Рассмотрим понимание единого умысла на примерах из судебной практики.

О. В. Гриценко дважды изнасиловал женщину в период с 22 часов 30 минут 13 июля 2019 г. до 07 часов 30 минут следующего дня. Исходя из обстоятельств дела, можно говорить о едином умысле при совершении указанных преступлений в отношении одного лица. Временной разрыв между действиями является незначительным, поэтому деяния необходимо рассматривать как единое продолжаемое преступление.

Судом содеянное было квалифицировано по ч. 1 ст. 131 УК РФ с назначением наказания в виде 3 лет и 1 месяца лишения свободы условно [10].

В Якутии отец 3,5 года совершал насильственные действия сексуального характера в отношении своей дочери. Всего установлено 12 эпизодов, на момент первого девочке было всего лишь 6 лет. Действия насильника были квалифицированы судом по п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, и назначено наказание в виде лишения свободы на 22 года [11].

В первом примере преступление соответствует всем признакам единого продолжаемого преступления, а именно единство умысла, тождественность деяний и непродолжительный промежуток времени (9 часов между половыми актами).

Во втором примере суд назначил наказание по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ. При этом каждое из названных преступлений включает в себя несколько единичных преступлений.

Следует не согласиться с приведенным решением. Содеянное не соответствует такому признаку единого продолжаемого преступления как единство умысла виновного, поскольку временные промежутки носят весьма продолжительный характер.

Как итог, предлагаем добавить следующий квалифицирующий признак в ч. 4 ст. 131 УК РФ: *«г) многократное совершение изнасилования (3 и более раза) в отношении одной потерпевшей, – ...»*.

Аналогичным признаком необходимо дополнить и ч. 3 ст. 132 УК РФ.

Данный признак позволяет квалифицировать преступление как единое продолжаемое, совершаемое с единым умыслом, а также учесть степень общественной опасности неоднократных преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, совершенных в отношении одной потерпевшей (*или в отношении одного потерпевшего*).

Критерием, по которому можно разграничить единое продолжаемое преступление от совокупности преступлений, является временной интервал между совершенными преступлениями.

По результатам изучения многочисленных примеров из судебной практики, мы пришли к выводу, что акты изнасилования или насильственных действий сексуального характера, совершенные в течение 2-3 дней в отношении одного потерпевшего, как правило, совершаются с единым намерением и оцениваются судом как единое продолжаемое преступление.

Длительный промежуток времени, превышающий 3 дня, указывает на разный умысел виновного, который при каждом совершенном преступлении возникает заново. Такое деяние следует квалифицировать как совокупность преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бимбинов А. А. Практика применения норм об ответственности за половые преступления (статьи 131–135 Уголовного кодекса РФ) и способы ее совершенствования // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 1. С. 191–204.

2. Кузьмина Н. Пожизненное не предусмотрено. На свободу выходит «скопинский маньяк» // Аргументы и Факты. 2021. URL: https://aif.ru/society/people/pozhiznennoe_ne_predusmotreno_na_svbodu_vyhodit_skopinskiy_manyak (дата обращения: 20.03.2025).

3. Залов А. Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2017. 28 с.

4. Краев Д. Ю. Множественность преступлений : учеб. пособие / под ред. Н. Я. Ёлкина. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. юрид. ин-та (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 120.

5. Обзор практики Судебной коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации // офиц. сайт Верховного Суда Российской Федерации. [2014]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/15143/> (дата обращения: 20.03.2025).

6. Попов А. Н. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 года № 16. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. юрид. ин-та (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 40.

7. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464554/ (дата обращения: 20.03.2025).

8. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/?ysclid=m1wd3idw3s925355143 (дата обращения: 20.03.2025).

9. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7932/ (дата обращения: 20.03.2025).

10. Приговор № 1-10/2020 1-98/2019 от 25 февраля 2020 г. по делу Гриценко О.В. № 1-80/2019 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WIMWyxhGh9mJ/> (дата обращения: 20.03.2025).

11. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Саха (Якутия) : [сайт] / учредитель СУ СК России по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2011. URL: <https://ykt.sledcom.ru/news/item/1554218/> (дата обращения: 20.03.2025).

12. Толковый словарь русского языка: 7250. М. : Азъ, 1994. С. 907.

13. Уголовное дело № 3-83/12 // Архив Верховного суда Республики Башкортостан за 2012 г.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (ред. от 28.02.2025 г.). 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 343.9

Пузарин Роман Олегович

аспирант, Пензенский государственный университет

г. Пенза, Российская Федерация

puzr28@gmail.com

**Виктимологический аспект состава, предусмотренного статьей 138
Уголовного кодекса Российской Федерации, и его влияние
на безопасность личных данных
в рамках социальных сетей и мессенджеров**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу виктимологических аспектов нарушения тайны переписки в условиях цифровизации коммуникаций. Рассматривается взаимосвязь между поведенческими паттернами пользователей и рисками утечек конфиденциальных данных. Выявлены ключевые факторы уязвимости: пренебрежение правилами кибербезопасности (слабые пароли, игнорирование двухфакторной аутентификации), доверие к фишинговым ресурсам, а также когнитивные искажения, такие как «иллюзия цифровой неуязвимости». Особое внимание уделено социально-психологическим и ситуационным рискам, включая избыточную публичность в соцсетях и использование незащищенных сетей. На основе проведенного анализа предложен комплекс мер: образовательные программы по цифровой гигиене, технологическая модернизация платформ и ужесточение законодательства. Подчеркивается необходимость формирования осознанного поведения пользователей в сочетании с правовыми и техническими инструментами для эффективной защиты конфиденциальности.*

***Ключевые слова:** виктимологический аспект, криминология, безопасность, социальные сети, мессенджеры, конфиденциальность.*

Puzarin Roman Olegovich

postgraduate student, Penza State University

Penza, Russian Federation

Victimological aspect of the composition provided for in Article 138 of the Criminal Code of the Russian Federation and its impact on the security of personal data within social networks and messengers

***Annotation.** The article analyzes the victimological aspects of breach of correspondence privacy in the context of digitalization of communications. The relationship between user behavior patterns and the risks of confidential data leaks is considered. Key vulnerability factors are identified: disregard for cybersecurity rules (weak passwords, ignoring two-factor authentication), trust in phishing resources, as well as cognitive distortions, such as the “illusion of digital invulnerability”. Particular attention is paid to socio-psychological and situational risks, including excessive publicity on social networks and the use of unprotected networks. Based on the analysis, a set of measures is proposed: educational programs on digital hygiene, technological modernization of platforms and tightening of legislation. The need to form conscious user behavior in combination with legal and technical tools for effective privacy protection is emphasized.*

***Keywords:** victimological aspect, criminology, security, social networks, messengers, confidentiality.*

В современном мире трудно представить жизнь человека без использования социальных сетей и мессенджеров, будь то необходимость в рамках трудовой, учебной деятельности или личных целей. Поддержание должного уровня безопасности каждой страницы или учетной записи лежит на плечах администрации проекта, где происходит общение неограниченного круга лиц. Ярким примером таких платформ могут послужить социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники». Обеспечение защиты конституционного права на тайну переписки на текущем уровне технологического прогресса не менее важно, чем остальные гражданские конституционные права в силу того, что в текстовых чатах может храниться настолько важная информация, что ее получение третьим лицом может сулить серьезные финансовые и не только риски.

Регулирование вопросов защиты конфиденциальности коммуникаций (тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений) в Российской Федерации осуществляется через систему нормативно-правовых актов. основополагающие гарантии закреплены в части 2 статьи 23 Конституции РФ [2], а также в статье 138 Уголовного кодекса РФ [3], устанавливающей ответственность за нарушение этого права. Дополнительные механизмы защиты предусмотрены Федеральным законом № 126-ФЗ «О связи», который конкретизирует обязанности операторов связи по обеспечению секретности передаваемых данных – будь то почтовые отправления, телеграфные сообщения или информация, передаваемая через сети электросвязи. Таким образом, законодатель последовательно обеспечивает правовые рамки для охраны приватности граждан в цифровую эпоху.

Тем не менее ответственность за сохранность данных аккаунта и переписок не всецело является обязанностью администраций онлайн-площадок и провайдера. Весомую долю ответственность в сфере безопасности личных данных несет непосредственно пользователь. В этой связи особый интерес представляет виктимологический аспект рассматриваемой темы в рамках статьи 138 УК РФ. Определение паттернов, ведущим к нарушению тайны переписки, по-

зволит оценить наиболее опасные гипотетические ситуации и сформировать комплекс мер рекомендательного характера, который в свою очередь способствует минимизации рисков пользователя утратить личные данные, доступ к личному аккаунту и стать жертвой преступного деяния.

«Преступник, преступление и жертва взаимосвязаны друг с другом сложной системой отношений». Следовательно, изучив модель поведения жертвы, представляется возможным раскрыть наиболее частные средства, способы, орудия совершения преступного деяния [4].

Полезными результатами исследования могут стать меры как общего толка, так и специальные профилактические меры, т. е. структура воздействия на процессы детерминации и причинности преступности, касающиеся отдельных социальных групп, сфер деятельности и объектов, характеризующихся повышенной вероятностью совершения преступлений [5].

Многочисленные исследования подтверждают, что значительная доля утечек конфиденциальной информации обусловлена действиями самих пользователей. Типичными примерами служит пренебрежение базовыми правилами кибербезопасности: выбор простейших паролей (например, «123456» или дата рождения), повторное использование одних и тех же комбинаций для разных сервисов, а также игнорирование двухэтапной верификации. Не менее рискованно взаимодействие с фишинговыми сообщениями, имитирующими официальные уведомления соцсетей – так, поддельные письма от имени «ВКонтакте» или «Одноклассников» регулярно становятся инструментом мошенничества. Риски усугубляются при публикации в открытом доступе сканов паспортов, номеров телефонов или сведений о месте работы, что позволяет злоумышленникам применять методы социальной инженерии для кражи личных данных или манипуляций.

Ключевым фактором уязвимости выступают когнитивные искажения. Например, «эффект цифровой неуязвимости» формирует у пользователей ложное убеждение в абсолютной защищенности мессенджеров, что ведет к передаче через них банковских реквизитов или закрытой переписки. Поколенческий аспект также играет роль: лица старше 50 лет чаще становятся жертвами из-за неумения отличить фишинговый сайт от легитимного, в то время как молодежь подвергает себя риску через избыточную публичность в соцсетях. Стремление к одобрению в онлайн-среде провоцирует демонстрацию личной жизни, превращая аккаунты в источник данных для шантажа или целевой рекламы.

Дополнительные угрозы связаны с контекстом использования цифровых сервисов. Подключение к незащищенным сетям Wi-Fi в общественных местах без VPN-шифрования, хранение файлов в облачных хранилищах с устаревшими протоколами безопасности или доступ к мессенджерам с устройств общего пользования создают лазейки для перехвата данных.

Для снижения виктимности необходим системный подход. Первостепенное значение имеют образовательные инициативы, направленные на формирование навыков цифровой гигиены: обучение распознаванию фишинга, настройке параметров приватности и работе с инструментами защиты (например, ме-

неджерами паролей). Технологическая модернизация платформ должна включать внедрение обязательной двухфакторной аутентификации, автоматическое сканирование вложений на вредоносный код и блокировку попыток передачи конфиденциальных данных. На законодательном уровне требуется расширение ст. 138 УК РФ за счет криминализации распространения фишинговых шаблонов и средств для создания поддельных веб-ресурсов.

Также далеко не лишним в рамках данной темы будет рассмотреть обстоятельства, в которых обычно пользователей узнает о том, что его аккаунт, страница стали доступны третьему лицу и тайна переписки находится под угрозой.

Пользователь обычно узнает о несанкционированном доступе к своему аккаунту в следующих ситуациях:

Сбой авторизации. При попытке входа с корректными логином и паролем система выдает ошибку. Восстановление доступа через стандартные процедуры (например, сброс пароля) также оказывается невозможным.

Оповещения от контактов. Друзья или коллеги сообщают о подозрительных действиях от имени пользователя: рассылке спама, просьбах перевести деньги, публикации неприемлемого контента (порнография, агрессивные сообщения) – всего, что противоречит привычному поведению владельца аккаунта.

Каскадная компрометация. Если аккаунт привязан к другим сервисам (игры, платежные системы), взлом может привести к цепной реакции. Например, внезапное прерывание онлайн-сессии с требованием повторного ввода пароля в игре часто указывает на утечку данных из связанной почты или соцсети.

Таким образом, косвенные признаки (реакция окружения, блокировка доступа, сбои в связанных сервисах) становятся ключевыми индикаторами взлома [1].

Таким образом, защита тайны переписки в цифровую эпоху зависит не только от правовых норм, но и от осознанного поведения пользователей. Синергия образовательных программ, технологических инноваций и ужесточения ответственности за киберпреступления способна трансформировать абстрактные гарантии конфиденциальности в действенный механизм противодействия угрозам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баринов С. В. Некоторые особенности преступных нарушений тайны переписки и иных сообщений, совершаемых в киберпространстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения 2016. № 2(10). С. 7–15.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Яшин А. В. Типология жертв преступлений – участников уголовного судопроизводства // Современное право. 2011. № 6. С. 126–128.

5. Яшин А. В. Уголовно-процессуальные нормы как одно из средств предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства // Современное право. 2011. № 10. С. 123–126.

УДК 349.23/24

Рейц Анна Николаевна

студент, Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
ognevaa36@gmail.com

Лунева Ксения Александровна

студент, Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
technohenia@gmail.com

**Трудовые гарантии лиц, проживающих в приграничье
Курской области и вынужденно покинувших место жительства
и место работы**

***Аннотация.** В статье рассматривает вопрос о правовом обеспечении лиц, проживающих в приграничье Курской области и вынужденно покинувших место жительства и место работы. Применение действующего трудового законодательства в связи сложными региональными условиями на приграничных территориях Курской области является затруднительным и возникает ряд вопросов, направленных на разрешение ситуаций связанных с правовым обеспечением лиц данной категории субъектов. В настоящее время законодательство в силу новизны возникших правоотношений не дает четкой регламентации всех прав и обязанностей, которыми обладают сотрудники организаций указанных территорий, а также прав и обязанностей работодателей по отношению к вынужденным переселенцам. Авторами исследовано действующее законодательство в области трудового права, осуществлена попытка выявить и систематизировать трудовые гарантии лиц, вынужденно покинувших место жительства и место работы.*

***Ключевые слова:** трудовое право, вынужденные переселенцы, социальные гарантии, чрезвычайные ситуации, правовой статус.*

Reitz Anna Nikolaevna

student, Southwestern State University
Kursk, Russian Federation

Luneva Xenia Alexandrovna

student, Southwestern State University
Kursk, Russian Federation

Labor guarantees for persons living in the border area of the Kursk region and forced to leave their place of residence and place of work

***Annotation.** The article examines the issue of legal support for persons living in the border area of the Kursk region and who were forced to leave their place of residence and place of work. Due to the difficult regional conditions in the border territories of the Kursk region, the application of current labor legislation is difficult and a number of issues arise aimed at resolving situations related to the legal support of persons in this category of subjects. Currently, the legislation, due to the novelty of the legal relations that have arisen, does not clearly regulate all the rights and obligations that employees of organizations in these territories have, as well as the rights and obligations of employers in relation to internally displaced persons. The authors have studied the current legislation in the field of labor law, an attempt has been made to identify and systematize the labor guarantees of persons who have been forced to leave their place of residence and place of work.*

***Keywords:** labor law, internally displaced persons, social guarantees, emergencies, legal status.*

Российское трудовое законодательство на текущий момент времени сталкивается с большими социальными вызовами в общественном пространстве Курской области, которые требуют дальнейшей проработки и внесения изменений и дополнений в законодательные акты ТК РФ.

При этом на сегодняшний день в юридической практике встает острый вопрос получения правового статуса переселенцам, вынужденно оставивших свою недвижимость в приграничных территориях Курской области.

Институт государственных гарантий в сфере труда занимает обособленное и невероятно важное место в каждом развитом национальном правовом порядке, поскольку посредством него государство транслирует свою заботу о сердцевине любого общества – трудоспособном населении, ведь именно оно создает экономические блага, которые государство направляет на решение своих задач по обеспечению функционирования социальной сферы (образование, здравоохранение, культура, спорт и т. д.), обороны и безопасности, по развитию и поддержанию инфраструктуры [4, с. 276].

Исходя из этого следует отметить, что значимой проблемой в отечественном трудовом праве является отсутствие разъяснений некоторых правовых аспектов относительно предоставления участникам социально-правовых отношений рабочих мест. В качестве примера можно привести ситуацию, когда большинство эвакуированных жителей приграничья Курской области не обладает статусом «вынужденных переселенцев», поскольку, как следует из пп. 2 п. 2. ст. 1 Закона РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах», вынужденным переселенцем является гражданин Российской Федерации, вынужденный покинуть место жительства на территории одного субъекта Российской Федерации и прибывший на территорию другого субъекта Российской Федерации. При этом большая часть выехавших из районов лиц находятся в ПВР (пунктах временного размещения) в городе Курске или у родственников, друзей – также в городе Курске, т. е. в пределах одного субъекта. Данный правовой факт исключает возможность получения указанными лицами такого статуса, что также исключает гарантированное ст. 7 Законом РФ от 19.02.1993 № 4530-1 со-

действие органами исполнительной власти субъекта РФ в реализации прав вынужденного переселенца на занятость, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Учитывая вышеуказанные обстоятельства, ставим задачу: определить, какими трудовыми гарантиями обладают лица, вынужденно покинувшие место работы?

Предоставление специальных трудовых гарантий вытекают из необходимости законодательной защиты трудовых прав отдельных социальных групп работников, которые в силу возраста, пола, особых условий труда, иных обстоятельств оказываются менее защищены, чем остальные работники [1, с. 35–37].

По сути гарантии трудовых прав граждан есть система условий, необходимых для реализации трудовых прав и интересов граждан. Будучи закрепленными в законе, эти условия обеспечиваются принудительной силой государства и приобретают статус государственных гарантий. Установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан как цель трудового законодательства означает, что, во-первых, государство обязуется закрепить на законодательном уровне объем трудовых прав граждан, создающий необходимые предпосылки достойной жизни граждан и развития личности. Во-вторых, государство принимает обязанность защищать трудовые права граждан при их нарушении, т. е. обеспечивает их реализацию своей принудительной силой [2, с. 96–98].

Так, в Трудовом кодексе РФ существуют императивные нормы, устанавливающие ответственность работника за неисполнение им своих трудовых обязанностей, в том числе за невыход на работу (прогул). Прогулом в соответствии со ст. 81 ТК РФ считается грубое нарушение работником своих трудовых обязанностей, выразившееся в отсутствии на рабочем месте без уважительных причин, т. е. отсутствие на работе в течение всего рабочего дня (смены) независимо от продолжительности рабочего дня (смены). Пунктом 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» определена более детальная характеристика прогула как основания для расторжения с сотрудником трудового договора. Однако в действующем законодательстве отсутствует официальный список или классификация «уважительных причин» прогула. Как указано в Письме Федеральной службы по труду и занятости от 04.12.2020 № ПГ/56975-6-1: «При этом необходимо понимать, что ТК РФ не содержит перечня причин, которые являются уважительными. Ввиду этого в каждом конкретном случае работодателю необходимо установить, является ли «уважительной» причина отсутствия работника на рабочем месте».

Также в некоторых статьях Трудового кодекса законодатель указывает на такое понятие, как вынужденный прогул (например, в статьях 121, 373, 374, 394). Официально разъяснений относительно сущности этого явления не представлено, однако, анализируя положения статей 121, 373, 374, 394 ТК РФ,

можно сделать вывод, что под «вынужденным» прогулом обычно понимается время, в течение которого работник не имел возможности трудиться в связи с нарушением работодателем его трудовых прав. В данном случае, как указано в ст. 394 ТК РФ, работнику работодателем выплачивается средний заработок за все время такого прогула. Однако, также из-за отсутствия официального определения, нельзя четко сказать, что «вынужденностью» неявки работника на рабочее место является неправомерное поведение работодателя.

В. Т. Савин отмечает, что субъекты трудового права несут позитивную ответственность в случаях нарушения трудового законодательства, которая проявляется как обязанность этих субъектов действовать правомерно, т. е. надлежащим образом исполнять требования права [3, с. 278].

Анализируя вышесказанное, задаемся вопросом: считается ли допустимым в данном явлении указывать на вынужденный характер действий не только стороны, выполняющей трудовые обязанности, но и стороны, способствующей осуществлению этих прав?

В статье 72.2 Трудового кодекса законодатель дает определение понятию «простой», который характеризуется как временная приостановка работы по причинам экономического, технологического, технического или организационного характера, а в статье 157 указанного Кодекса дается разъяснение относительно порядка оплаты такого времени в зависимости от того, по чьей вине простой «образовался». Гарантийные выплаты производятся в случаях, когда работник не может исполнять трудовые обязанности по уважительным (согласно законодательству) причинам: простои не по вине сотрудника, ежегодные отпуска, выполнение государственных обязанностей и т. д. [5, с. 345]. Предполагаем, что причина невыхода на работу сотрудника, повлекшая за собой образование простоя, является объективно уважительной и не зависит ни от одной из сторон трудового договора, следовательно, оплата такого времени должна осуществляться работодателем в размере не менее двух третей тарифной ставки, оклада (должностного оклада), рассчитанных пропорционально времени простоя. Однако, при применении и анализе указанных норм, суды приходят к следующему выводу: «Федеральное законодательство о труде не содержит указания о том, что в период приостановки работы в организации в случае простоя, работники в свое рабочее время могут отсутствовать на работе (не находиться на своем рабочем месте или на объекте, где они должны исполнять свои обязанности). Поэтому во время простоя работник должен фактически присутствовать на работе». Также стоит отметить, что перечень причин возникновения простоя не позволяет нам отнести к нему приостановку работы из-за вынужденной эвакуации работника.

Таким образом, можем сделать вывод, что правовое регулирование трудовых гарантий лиц, вынужденно покинувших свое место жительства, а соответственно и место работы, затруднено из-за отсутствия четких определений «вынужденного прогула» и «простоя». Так как исследуемая ситуация обладает преимущественно характерными чертами первого понятия, считаем, что действия работника должны квалифицироваться как «вынужденный прогул по неза-

висящим от работника и работодателя обстоятельствам» и оплата такого времени должна осуществляться по правилам статьи 394 ТК РФ. Притом является логичным тот вывод, что массовый невыход на работу сотрудников по объективно уважительной причине может привести к образованию простоя, но сложившаяся судебная практика указывает на отсутствие в законодательстве разъяснений относительно местонахождения работников в указанное время, в связи с чем они, по общему правилу, должны не покидать своего рабочего места. Данное обстоятельство не позволяет нам определить гарантию трудовых прав работника как оплату простоя.

На основании проведенного исследования для определения трудовых гарантий лиц, проживающих в приграничье Курской области и вынужденно покинувших свои место жительства и место работы, считаем необходимым:

1. Дать в отдельных статьях официальные определения понятиям «вынужденный прогул» и «простой», обозначить их основные характеристики и особенности для участников трудовых правоотношений;

2. Определить невыход на рабочее место работником по причине, не зависящей от него и от работодателя, как «вынужденный прогул по независящим от работника и работодателя обстоятельствам»;

3. Обеспечить лиц, проживающих и осуществляющих трудовую деятельность в Суджанском, Рыльском, Кореневском, Глушковском и Беловском районах Курской области, трудовыми гарантиями в виде оплаты времени вынужденного прогула, установленными в ст. 394 Трудового кодекса РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева С. Н. Гарантии обеспечения условий труда для отдельных категорий работников в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 34–39

2. Буянова М. О. Цели и задачи трудового законодательства как индикаторы публично-правовых начал современного трудового права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 1. С. 93–111

3. Лунянская Е. О. Проблема применения гарантий и компенсаций в трудовых отношениях // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 8-2. С. 273–280

4. Марков А. А. Развитие института государственных гарантий трудового права в современных условиях // European and Asian Law Review. 2023. № 4. С. 44–59

5. Савин В. Т. Позитивная юридическая ответственность в трудовом праве // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 341–348

Бондарева Татьяна Сергеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

Bondareva_tata06@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

vse-evstegneev@yandex.ru

Ответственность за помощь в добровольном уходе из жизни:

эвтаназия сквозь призму статей 105 и 110

Уголовного кодекса Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена проблемам уголовно-правовой оценки эвтаназии в Российской Федерации, с позиции науки, законодательства и правоприменительной практики в контексте статей 105 (убийство) и 110 (доведение до самоубийства) Уголовного кодекса РФ. В настоящей статье авторы анализируют существующие противоречия между гуманистическим подходом к праву на достойную смерть и жесткими уголовными запретами на любые формы содействия в добровольном уходе из жизни. Делается вывод о необходимости переоценки категории «убийства» применительно к актам ухода из жизни посредством причинения смерти другому лицу по его осознанной и настоятельной просьбе.

Ключевые слова: эвтаназия, уголовное право, убийство, доведение до самоубийства, право на жизнь, право на смерть, гуманизм, международный опыт.

Bondareva Tatiana Sergeevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich

candidate of law, associate professor

head of the department of criminal law discipline

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Responsibility for assistance in voluntary death: euthanasia through
the lens of articles 105 and 110 the Criminal Code of the Russian Federation**

Annotation. The article is devoted to the problems of criminal law assessment of euthanasia in the Russian Federation, from the standpoint of science, legislation and law enforcement practice in the context of Articles 105 (murder) and 110 (incitement to suicide) of the Criminal Code of the Russian Federation. In this article, the authors analyze the existing contradictions between the hu-

manistic approach to the right to a dignified death and the strict criminal prohibitions on any form of assistance in voluntary death. It is concluded that it is necessary to reassess the category of "murder" in relation to acts of death by causing death to another person at his conscious and insistent request.

Keywords: *euthanasia, criminal law, murder, suicide, the right to life, the right to die, humanism, international experience.*

Современное общество все чаще сталкивается с феноменом эвтаназии – добровольного ухода из жизни с помощью других лиц, при наличии осознанной и настоятельной просьбы, неизлечимо больного человека, чаще всего врачей или близких. В странах Европы и Америки этот вопрос находит различное законодательное оформление, от легализации (Нидерланды, Бельгия, Швейцария Люксембург, Колумбия и Канада) до полного запрета. В России эвтаназия запрещена законом, и любое содействие в ней расценивается как преступление. Официальный ее запрет приведен в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором статья 45, прямо указывает на «Запрет эвтаназии» [1], что, как мы полагаем, вызывает острые дискуссии в различных научных кругах и в среде медицинских работников. По нашему мнению, законодатель, при формулировании положений: ст. 20 Конституции Российской Федерации [2], закрепляя право на жизнь, поступил односторонне, не обозначив своего отношения к праву на смерть (в том числе достойную и добровольную) отсутствует? Следовательно, как нам представляется, в этом случае должен действовать принцип – что не запрещено законом (Конституцией РФ), то – разрешено. Однако мы наблюдаем обратное, статья 45 названного выше федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ напрямую запрещает добровольно лишать себя жизни с помощью других лиц, налагая запрет на эвтаназию.

Приступая к рассуждениям о таком явлении, как «эвтаназия», следует определиться с ее понятием. Мы солидарны с многие специалистами, которые под эвтаназией в широком смысле понимают действия сторонних лиц, направленные на прекращение жизни неизлечимо больного человека по его осознанной и настоятельной просьбе, в целях избавления его от невыносимых болей и страданий.

В настоящее время, как правило, выделяют следующие формы эвтаназии:

а) активная эвтаназия – введение врачом или иным лицом неизлечимо больному лицу, по его осознанной и настоятельной просьбе, препаратов, вызывающих безболезненную смерть.

б) пассивная эвтаназия – прекращение поддерживающей терапии в отношении неизлечимо больного человека. Что, кстати говоря, довольно распространено в современных лечебных учреждениях, в том числе и России.

в) ассистированное самоубийство – когда лицо самостоятельно принимает средство, предоставленное другим лицом и приводящее к наступлению безболезненной смерти [4].

Ввиду ограниченности объема возможного изложения анализа исследуемой проблемы мы остановимся лишь на некоторых вопросах активной эвтаназии.

Проводимое нами исследование, обуславливает наш вывод о том, что в России отсутствует легальное определение эвтаназии, а любая форма помощи неизлечимо больному человеку, по его осознанной и настоятельной просьбе, в причинении ему безболезненной смерти, квалифицируется как преступление.

Однако даже беглый анализ диспозиции ч. 1 ст. 105 УК РФ, убийство, указывающий на то, что – это умышленное причинение смерти другому человеку [3]. Здесь мы позволим себе оговориться о том, что убийство совершается вопреки воле и желанию убиенного. И, в данном случае закон не указывает на различия действий виновного по мотивам или целям убийства. Анализ обвинительных приговоров обуславливает наш вывод о том, что во всех случаях потерпевшие не желали, чтобы им была причинена смерть, т. е. преступление совершалось вопреки их воле и желания. В то же время, действия врача, вводящего смертельную дозу средства неизлечимо больному пациенту, надлежащим образом осведомленному о бесперспективности излечения данной болезни, по осознанной и настоятельной просьбе больного, приравниваются к действиям преступника, совершающего умышленное лишение жизни другого человека, помимо его воли, из корыстной или иной личной заинтересованности, либо ревности. Суды Российской Федерации придерживаются жесткой позиции, касающейся того, что осознанная и настоятельная просьба неизлечимо больного не освобождает причинителя смерти от уголовной ответственности. Исходя из анализа правоприменительной практики и положений значительной части теоретических источников, активная эвтаназия – это убийство, совершенное, как правило, по мотив – сострадания. Следовательно, даже если смерть наступила по осознанной и настоятельной просьбе самого больного, факт добровольности его ухода из жизни при помощи другого лица не исключает такого состава преступления как убийство, так как, по мнению правоприменителей и названной группы теоретиков, согласие потерпевшего на причинение ему смерти не имеет юридической силы. Таким образом, по их мнению, активная эвтаназия, выражающаяся в деянии, влекущим смерть неизлечимо больного пациента (например, посредством введения смертельной дозы специального вещества и т. п.), следует квалифицировать как убийство, причем в ряде случаев с отягчающими обстоятельствами (например, с использованием беспомощного состояния, из корыстных побуждений и т. п.).

Как мы уже отмечали, эвтаназия представляет собой действия сторонних лиц, направленные на прекращение жизни неизлечимо больного человека по его осознанной и настоятельной просьбе, с целью избавления последнего от невыносимых страданий. При этом подходы к правовому регулированию данного явления в различных странах мира демонстрируют значительную вариативность, обусловленную особенностями национальных правовых систем, религиозными и морально-этическими установками общества.

Следует отметить, что в ряде зарубежных стран эвтаназия получила легальное оформление и была интегрирована в систему здравоохранения и уголовного права, при условии соблюдения строгих критериев и процедур. Так, одним из первых государств, осуществивших подобный шаг, стали Нидерланды.

ды, где уже в 2002 году был принят Закон о контролируемом прекращении жизни по просьбе пациента и ассистированном самоубийстве. Данный акт установил ряд императивных условий: наличие неизлечимой болезни, невыносимых страданий пациента, осознанной и настоятельной просьбы о смерти, неоднократно подтвержденной самим больным, а также получение независимого врачебного заключения.

По аналогичному пути пошли Бельгия и Люксембург, где законодательно закреплена возможность проведения активной эвтаназии при наличии тяжелых, неизлечимых заболеваний, вызывающих хронические страдания. В Бельгии законодательство допускает эвтаназию не только совершеннолетним, но и, при определенных условиях, несовершеннолетним пациентам, что, в свою очередь, стало предметом активной дискуссии в европейском сообществе.

Особого внимания заслуживает правовая практика Швейцарии, где с 1942 года декриминализировано так называемое ассистированное самоубийство, при условии отсутствия корыстных мотивов у содействующего лица. В отличие от Нидерландов и Бельгии, в Швейцарии врач не обязан участвовать в процессе предоставления смертельного препарата, что придает этому институту особую правовую специфику.

Канада, легализовав эвтаназию в 2016 году посредством Законопроекта С-7, также установила детализированную процедуру ее проведения, ограничив круг лиц, имеющих право на подобную медицинскую услугу, пациентами, испытывающими невыносимые физические или психические страдания вследствие серьезного и неизлечимого заболевания. Впоследствии в Канаде была расширена практика оказания медицинской помощи при добровольном уходе из жизни, включая пациентов с психическими расстройствами.

Следует упомянуть Колумбию, ставшую первым латиноамериканским государством, легализовавшим эвтаназию. Верховный суд страны в 1997 году признал за неизлечимо больными пациентами право на достойную смерть, обязав государственные учреждения здравоохранения обеспечить возможность добровольного ухода из жизни.

Анализ динамики развития законодательства о легализации эвтаназии в тех или иных странах свидетельствует о тенденции увеличения количества стран, в которых данное явление становится правомерным, но осуществляемым в строго регламентированном порядке. Такое становится возможным лишь при наличии осознанного письменного согласия неизлечимо больного пациента, надлежащим образом проинформированного о негативных перспективах лечения его заболевания. Причем наличие диагноза неизлечимого заболевания должно быть подтверждено заключением авторитетного консилиума высококвалифицированных врачей.

Опыт применения эвтаназии в этих странах показывает, что гуманное отношение к праву человека на достойную «легкую» смерть может быть совместимо с принципами соблюдения прав и законных интересов человека, защиты его личности от жестокого обращения, при условии строжайшего исполнения

предписаний, регламентирующих порядок осуществления процедуры эвтаназии и контроля над ней.

Конституция РФ гарантируя человеку право на жизнь, однако не обеспечивает его аналогичным правом на смерть, даже при наличии тяжкого неизлечимого заболевания, влекущего невыносимые физические страдания и нестерпимую боль. Таким образом, правоприменитель, не учитывая принципа «что не запрещено законом, то разрешено» признает факты осуществления права на достойную смерть посредством эвтаназии, влекущими уголовную ответственность, что, как нам представляется, порождает некий этико-правовой парадокс, заключающийся в том, что государство продолжает охранять жизнь даже тогда, когда сам человек, не то что не нуждается в ней, но и претерпевает ее тяжкую и недопустимую, при данных условиях жизни, обременительность.

Мировая практика показывает, что с точки зрения гуманизма и прав человека на всякое причинение смерти является общественно опасным.

Для России было бы целесообразно ввести в УК РФ отдельный состав или исключаящее вину обстоятельство, предусматривающее условно допустимую эвтаназию, при строгих медицинских и юридических гарантиях, также установить четкое различие между умышленным убийством и сострадательной помощью в смерти, и развивать судебную практику, учитывающую мотив и просьбу потерпевшего.

Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу о том, что эвтаназия в современном уголовном праве России представлена как преступление против личности, посягающее на жизнь человека, либо как убийство, либо как ассистированное самоубийство. Однако полагаем, что такое отношение законодателя и правоприменителя к эвтаназии противоречит принципам гуманности, справедливости и законности, а также препятствует реализации права человека на достойную жизнь и смерть. Нам представляется, что уголовное законодательство России должно быть, в определенной мере гибким и гуманным, учитывающим волеизъявления человека, страдающего неизлечимым заболеванием и претерпевающим нестерпимые страдания и невыносимые боли. По нашему мнению, сказанное обуславливает вывод о целесообразности создания особого правового механизма, обеспечивающего возможность реализации права на эвтаназию под строжайшим контролем прокурора и суда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 01.04.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2025).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 февраля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Смирнов А. В. Эвтаназия в уголовном праве: сравнительно-правовой анализ // Уголовное право. 2021. № 3. С. 45–49.

УДК 342.7

Анисимова Милена Олеговна

студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
milyaanisimova.9@gmail.com

Казаченкова Анна Андреевна

студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
anna.kazachenkova.05@mail.ru

Защита персональных данных в сети Интернет

***Аннотация.** В статье рассматриваются различные подходы к трактовке понятия «персональные данные», проводится анализ статистики кражи персональных данных в сети Интернет, исследуются угрозы и риски утечки персональных данных, а также их последствия. Анализ действующего законодательства позволяет предложить современные подходы к решению данной проблемы.*

***Ключевые слова:** персональные данные, хакерская атака, фишинг, киберпреступность, кибератака, защита данных.*

Anisimova Milena Olegovna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Kazachenkova Anna Andreevna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Protection of personal data on the Internet

***Annotation.** The article discusses various approaches to understanding the concept of “personal data”, analyzes the statistics of personal data theft on the Internet, examines the threats and risks of personal data leakage, as well as their consequences. The analysis of the current legislation allows us to propose modern approaches to solving this problem.*

***Keywords:** personal data, hacker attack, phishing, cybercrime, cyberattack, data protection.*

В современном мире в условиях глобализации все сильнее увеличивается роль информации и информационных технологий в жизни общества. В настоящее время глобальной сетью пользуется большая часть населения России. Это обусловлено множеством факторов: неограниченный доступ к информации, общение и знакомство, практичность в процессе самообразования, возможность личностного развития и даже заработка денежных средств. Одновременно с положительными моментами остро стоит вопрос о защите персональных данных, попадающих в сеть Интернет, поскольку в руках злоумышленников они представляют реальную угрозу безопасности личности.

Согласно п. 1 ст. 3 Закона «О персональных данных», к персональным данным может быть отнесена «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [9]. По мнению И. Л. Бачило, персональные данные – это сведения о личности, включенные в различные информационные системы по инициативе гражданина или в силу закона [1]. Э. И. Лескина относит к персональным данным также «файлы cookie», историю заказов и данные пользовательской аналитики [4].

Персональные данные относятся к нематериальным благам, защита которых гарантирована Конституцией Российской Федерации, предусматривающей, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются [5].

Защита персональных данных в сети Интернет имеет особенности, обусловленные, в первую очередь, быстротой распространения информации, сложностью отслеживания и пресечения фактов нарушения законодательства о персональных данных [8].

Кража персональных данных в сети Интернет в последние годы становится все более распространенной. Это угроза как для отдельных пользователей, так и для организаций. По опросу ВЦИОМ почти две трети россиян (62 %) пользуются социальными сетями, 47% пользователей размещали в социальных сетях какую-либо информацию о себе за последний год [7]. Участились случаи утечки персональных данных в сети Интернет. За первое полугодие 2024 года скомпрометировано 986 млн строк персональных данных, что на 33,8 % больше, чем в первом полугодии 2023 года [3]. По данным статистики увеличились случаи кражи персональных данных, что подчеркивает необходимость улучшения конфиденциальности информации пользователей.

Угрозы утечки персональных данных могут проявляться в различных видах. Хакерская атака, при которой персональные данные и деньги похищают с помощью фейковых сайтов, аккаунтов или электронных писем, называется фишингом. Как правило, в данной ситуации, чтобы получить доступ к персональным данным лица, злоумышленники используют приемы социальной инженерии [2].

Риски кражи персональных данных могут иметь серьезные последствия, такие как финансовые потери, утрата репутации, использование украденной информации в мошеннических схемах. Чтобы защититься от фишинговых

атак необходимо: не отвечать на подозрительные сообщения; проверять адрес отправителя; использовать антивирусы, определители номеров, разные пароли для разных сайтов, двухфакторную аутентификацию.

Совершенствование системы защиты персональных данных в сети Интернет является актуальной задачей в условиях растущих угроз кибербезопасности. В данном направлении работают множество специалистов, активно совершенствуется действующее законодательство. Например, с 30 мая 2025 года существенно возрастут штрафы для операторов персональных данных за действия (бездействие), из-за которых произошла незаконная передача этих сведений [6].

Для профилактики и пресечения киберпреступности, в том числе хищения персональных данных с использованием информационных технологий и методов социальной инженерии, А. Ю. Чурикова предлагает проводить мониторинг сети Интернет программными методами с использованием систем искусственного интеллекта и индикаторов риска [10]. Также, на наш взгляд, стоит провести обучение пользователей с целью повышения осведомленности о рисках кибератак и методах защиты своих данных. Кроме того, необходимы технические меры защиты – применение современных методов шифрования при передаче и хранении информации.

Таким образом, для эффективного обеспечения защиты персональных данных в сети Интернет необходимо совершенствовать технические средства и действующее законодательство, а также проводить профилактические мероприятия – обучать не только должностных лиц, но и все население работе с персональными данными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бачило И. Л. Информационное право : учебник. М. : Юрайт, 2013. С. 124.
2. Завьялов А. Н. Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы противодействия и предупреждения // Baikal Research Journal. 2022. Т.13, № 2. С. 3.
3. За первое полугодие 2024 года в России утекло в сеть 986 млн строк персональных данных пользователей. URL: <https://habr.com/ru/news/841100/> (дата обращения: 02.03.2025).
4. Информационное право : учебник / И. И. Брянцев, Р. В. Амелин, О. В. Брянцева [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2024. 239 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237 (первоначальный текст). Ст. 24.
6. Новые штрафы за утечку персональных данных и другие нарушения при работе с ними: закон опубликован. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/27142/> (дата обращения: 04.03.2025).
7. Персональные данные в Интернете: возможности и риски. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/personalnye-dannye-v-internete-vozmoznosti-i-riski-18904> (дата обращения: 02.03.2025).

8. Семенов Е. Ю., Лысенко Е. С. Проблемы правового регулирования автоматизированной обработки общедоступных персональных данных // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 4(94). 2021. С. 44–48.

9. О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета, 29 июля 2006 г. № 165.

10. Чурикова А. Ю. Применение искусственного интеллекта и индикаторов риска для противодействия киберпреступности // Российский следователь. 2024. № 5. С. 47–51.

УДК 34.096

Белов Владислав Олегович

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

Lynch93@yandex.ru

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

n_ganzha@ksgos.ru

Отдельные вопросы законодательства в сфере регулирования ограничения доступа к информации

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования ограничения доступа к информации и обеспечения ее защиты от неправомерного доступа. Предлагаются способы решения указанных проблем путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации, а именно в федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».*

***Ключевые слова:** информация, информационная система, обладатель информации, оператор информационной системы, ограничение доступа к информации.*

Belov Vladislav Olegovich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Selected issues of legislation in the field of regulation of access restrictions to information

***Annotation.** This article discusses problematic issues of legal regulation of restrictions on access to information and ensuring its protection from unauthorized access. The ways of solving these problems are proposed by introducing amendments to the legislation of the Russian Federation, namely the federal laws “On Information, Information Technologies and Information Protection” and “On ensuring access to information about the activities of state bodies and local governments”.*

***Keywords:** information, information system, information holder, information system operator, restriction of access to information.*

Право гражданина на доступ к информации является одним из основных прав, закрепленных Конституцией Российской Федерации [1]. В соответствии с частью 4 статьи 29 Конституции каждый гражданин имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Однако в целях обеспечения защиты от неправомерного доступа к информации доступ к ней может быть ограничен.

Основным законом, регулирующим право на обеспечение доступа к информации, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) [2]. В соответствии с пунктом 1 части 4 статьи 16 данного закона обладатель информации, оператор информационной системы обязаны обеспечить предотвращение несанкционированного доступа к информации и (или) передачи ее лицам, не имеющим права на доступ к информации. Вместе с тем, статьей 3 Закона об информации утвержден принцип ограничения доступа к информации только федеральными законами.

В соответствии с вышеуказанным законом информация подразделяется на общедоступную, а также на информацию, доступ к которой ограничен федеральными законами (информация ограниченного доступа). Также Законом об информации установлены условия, согласно которым информация может быть отнесена к тому или иному из видов тайны (государственная, коммерческая, профессиональная, служебная и др.), что влечет за собой обязательное обеспечение ее конфиденциальности. В настоящее время более ста видов различных сведений определены федеральными законами и указами Президента Российской Федерации как информация конфиденциального характера.

Однако столь обширный перечень видов информации ограниченного доступа не включает в себя информацию о состоянии защищенности информационной системы, используемых информационных технологий и технических средств для обеспечения ее защиты. Вместе с тем, данные сведения являются жизненно важной информацией для функционирования различных объектов информационной инфраструктуры. Получив доступ к данной информации, злоумышленники могут воспользоваться ими с целью нарушения работы информационных систем различных объектов.

Это касается всех обладателей информации: органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц. Органы власти

и местного самоуправления находятся в наиболее уязвимой позиции, так как в соответствии с Федеральным законом от 02 мая 2006 г № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3] они обязаны предоставлять ответ на обращение того или иного лица. Соответственно если поступит запрос о предоставлении сведений о защищенности информационной системы государственного органа или органа местного самоуправления, то в обязательном порядке на него должен быть направлен ответ.

В вышеуказанном законе предусматривается возможность обоснованного отказа на предоставление информации. Отказ может последовать только в случае, когда доступ к запрашиваемым сведениям ограничивается законом и исключается возможность предоставления информации. Ни один из указов Президента Российской Федерации и федеральных законов не содержит положение о запрете предоставления данных о состоянии защиты информационной системы. Таким образом, возникает ситуация, когда органы власти и органы местного самоуправления обязаны представить сведения, доступ к которым они как обладатели информации обязаны ограничить в целях обеспечения защиты всей своей информационной системы.

В качестве примера рассмотрим возможный случай. Гражданин обращается в орган власти или орган местного самоуправления с запросом о предоставлении информации о том, как осуществляется защита его персональных данных, а именно какими техническими средствами или каким программным обеспечением они защищены. Пункт 2 статьи 8 Закона об информации гласит: «Гражданин (физическое лицо) имеет право на получение от государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы». В соответствии со статьей 140 Уголовного кодекса Российской Федерации [4] неправомерный отказ в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан является уголовно наказуемым деянием. В этой связи отказ органа власти предоставить гражданину ответ на данное обращение или неполное предоставление сведений будет являться основанием для привлечения должностного лица органа государственной или муниципальной власти к уголовной ответственности в виде либо лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Одним из способов устранения данного противоречия может быть внесение изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дополнение статьи 9 данного Федерального закона новой частью 1.1 следующего содержания:

«1.1. Доступ к сведениям о наличии уязвимостей, состоянии защищенности информационной системы, используемых информационных технологиях и технических средствах для обеспечения ее защиты может быть ограничен по решению обладателя информации или оператора информационной системы».

Принятие данных изменений позволит: во-первых, устранить правовой пробел в части отсутствия у обладателей информации, операторов информационной системы права ограничить доступ к сведениям о средствах защиты информации. Во-вторых, уменьшить количество правонарушений, связанных с неправомерным доступом к наличию уязвимостей и состоянию защищенности информационных систем. В-третьих, обеспечить более высокий уровень защиты как отдельных объектов информационной инфраструктуры, так и всей инфраструктуры в целом.

В настоящее время в соответствии с Федеральным законом от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [5] органы государственной власти и органы местного самоуправления обязаны размещать на официальных сайтах информацию о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе. Никаких исключений о видах товаров или услуг, подлежащих опубликованию, данным законом не предусмотрено.

Вместе с тем, опубликование сведений о производстве закупки определенного вида оборудования, программного обеспечения или каких-либо иных средств защиты информационной инфраструктуры того или иного органа власти может повлечь негативные последствия. Размещение в открытом доступе информации о произведенных закупках вышеперечисленных товаров, может быть использовано злоумышленниками для выполнения противоправных действий, что приведет к нарушению работы того или иного органа власти. К примеру, опубликование сведений о закупке того или иного серверного оборудования, антивирусного программного обеспечения дает определенные данные для лиц, занимающихся киберпреступностью.

Помимо этого, опубликование сведений о закупках программного обеспечения для работы единых государственных систем, проведения финансовых операций, кадровой работы органов власти также может повлечь собой угрозу персональных данных граждан и работников данных учреждений. Знание о том, что государственными или муниципальными органами закуплен для использования в работе определенный пакет программ, могут позволить злоумышленникам быстрее определить уязвимости и совершить деяние по незаконному доступу к персональным данным.

Кроме того, обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления размещать вышеперечисленные сведения прямо противоречит установленным Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» требованиям (п. 1, п. 3 ч. 4 ст. 16), в соответствии с которыми, обладатель информации обязан обеспечить:

1) предотвращение несанкционированного доступа к информации и (или) передачи ее лицам, не имеющим права на доступ к информации,

2) предупреждение возможности неблагоприятных последствий нарушения порядка доступа к информации.

С целью совершенствования правовых механизмов обеспечения защищенности информационной инфраструктуры органов власти и органов местного самоуправления предлагается устранить противоречие в двух федеральных законах, путем уточнения требования об обязательном опубликовании сведений о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Предлагаем дополнить Федеральный закон от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» подпунктом «в» пункт 2 части 1 статьи 13 изложив его в следующей редакции:

«в) информацию о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, за исключением сведений о произведенных закупках товаров, работ, услуг в области информационно-коммуникационных технологий;».

Данные изменения не повлияют на реализацию Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [6] (далее – Закон о контрактной системе) в части проведения самой процедуры закупок, а также не нарушают принципы открытости и прозрачности контрактной системы в сфере закупок.

В соответствии с частями 2 и 3 статьи 7 Закона о контрактной системе нарушениями принципа открытости и прозрачности являются неразмещение в единой информационной системе (далее – ЕИС) информации, а также размещение в ЕИС неполной и недостоверной информации. Предлагаемые нами изменения в законодательство не затрагивают обязанности размещения сведений в ЕИС, поэтому не противоречат положениям Закона о контрактной системе, однако они позволяют снять с органов власти и органов местного самоуправления обязанность опубликовывать в открытом доступе информацию о закупках в сфере информационно-коммуникационных технологий, что позволит:

1) обеспечить более высокий уровень защиты информационных систем органов власти;

2) уменьшить количество судебных споров в сфере обеспечения доступа к информации;

3) уменьшить количество совершаемых противоправных действий по отношению к информационной среде органов власти и органов местного самоуправления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосо-

вания 01.07.2020) // Офиц. интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года (ред. от 23.11.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ : принят Государственной Думой 21 апреля 2006 года : одобрен Советом Федерации 26 апреля 2006 года (ред. 28.12.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года (ред. от 28.02.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

5. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : Федеральный закон от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ : принят Государственной Думой 21 января 2009 года : одобрен Советом Федерации 28 января 2009 года (ред. от 14.07.2022). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

6. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ : принят Государственной Думой 22 марта 2013 года : одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 года (ред. от 26.12.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

УДК 342.9

Дадаева Марина Ивановна

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических кадров

Академия права и управления ФСИН России

г. Рязань, Российская Федерация

m.dadaeva13@yandex.ru

**Интеграция цифровых технологий в уголовно-исполнительной системе
Российской Федерации в условиях соблюдения ограничений и запретов,
связанных со службой в уголовно-исполнительной системе
Российской Федерации**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с использованием цифровых технологий в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы в контексте соблюдения ограничений и запретов, связанных со службой. Анализируются со-

временные вызовы, которые возникают с внедрением инноваций в деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, ограничения, связанные со службой, запреты, связанные со службой, сотрудники УИС, интеграция, инновации, цифровые технологии

Dadaeva Marina Ivanovna

adjunct of the faculty of training
scientific and pedagogical personnel
Academy of law and management
of the Federal penitentiary service of Russia
Ryazan, Russian Federation

Integration of digital technologies in the penal enforcement system of the Russian Federation in the context of compliance with restrictions and prohibitions related to service in the penal enforcement system of the Russian Federation

Annotation. *The article examines the problems associated with the use of digital technologies in the activities of employees of the penitentiary system in the context of compliance with restrictions and prohibitions related to the service. The article analyzes the current challenges that arise with the introduction of innovations in the activities of the penal system of the Russian Federation and suggests ways to solve them.*

Keywords: *penal enforcement system, restrictions related to service, prohibitions related to service, prison staff, integration, innovations, digital technologies.*

В современном обществе цифровые технологии играют все более значимую роль в различных сферах жизни, включая уголовно-исполнительную систему (далее – УИС). Концепция развития УИС Российской Федерации на период до 2030 года (Распоряжение правительства от 29.04.2021 № 1138-р) определяет цифровизацию как одно из главных направлений развития УИС. Реализация цифровой трансформации в УИС предполагает внедрение единой информационной системы, которая обеспечивает автоматизацию рабочих процессов и формирование баз данных по деятельности службы. Кроме того, важно создать защищенное информационное пространство для обработки конфиденциальных данных и обеспечения межведомственного взаимодействия. Одним из приоритетных направлений являются направление по созданию и развитию моделей принятия решений на основе результатов применения искусственного интеллекта в части расположения учреждений УИС, обеспечения их безопасности с использованием видеоаналитических материалов, прогнозирования поведения осужденных и персонала, обучение специалистов в сфере применения информационных технологий, цифровой трансформации при организации безопасности учреждений и органов УИС [1].

Внедрение новых технологий в деятельность УИС направлено на повышение эффективности работы сотрудников, оптимизацию процессов управления и контроля, улучшение условий содержания осужденных и обеспечение со-

блюдения прав и законных интересов всех участников правоотношений. Цифровые технологии открывают новые возможности для контроля за соблюдением ограничений и запретов, связанных со службой, сотрудниками УИС [2]. Однако, наряду с положительными аспектами цифровизации, возникают проблемы, связанные с интеграцией цифровых технологий в контексте соблюдения ограничений и запретов.

Одной из основных проблем, на наш взгляд, является недостаточная оснащенность УИС современными цифровыми инструментами и технологиями. В некоторых учреждениях до сих пор используются устаревшие системы и оборудование, которые не соответствуют современным требованиям и не обеспечивают эффективного выполнения задач. Например, видеокамеры с низким разрешением и качеством изображения (особенно в условиях слабого освещения, электромагнитные помехи, несовместимость форматов кодирования, вызывающая искажения и черные линии на видео), несовершенные досмотровые металлодетекторы, в том числе арочные, видеорегистраторы, далеко не все учреждения УИС обеспечены стабильным и быстрым доступом к Интернету, что также ограничивает возможности использования цифровых инструментов, и прочее. Это приводит к снижению качества работы и повышению риска нарушений ограничений и запретов, связанных со службой, например, пронос сотрудниками запрещенных предметов, неслужебные связи с осужденными и их родственниками, взяточничество, злоупотребления служебными полномочиями, превышения должностных полномочий и другое. В пенитенциарных учреждениях с высоким уровнем внедрения и использования цифровых технологий, и инноваций, современных интегральных систем безопасности и инженерно-технического уровня оборудования уровень нарушений установленного порядка отбывания наказаний в два раза ниже среднего показателя по УИС [4, с. 166].

Интеграция цифровых технологий в деятельность сотрудников УИС требует не только обновления оборудования, но и изменения существующих процессов и процедур. Однако многие учреждения сталкиваются с трудностями при адаптации к новым условиям. Это связано с недостаточным финансированием на замену устаревшего оборудования, несовершенство нормативного регулирования области цифровых технологий в системе исполнения наказаний, отсутствием четких методических рекомендаций, а также необходимостью переобучения сотрудников. Интеграция передовых цифровых технологий также требует значительных финансовых и временных затрат. Не все учреждения могут позволить себе масштабные инвестиции в модернизацию инфраструктуры и обучение персонала. Существуют очевидные сложности интеграции ИИ в существующие системы и процессы.

Некоторые сотрудники УИС могут сопротивляться внедрению цифровых технологий из-за привычки к традиционным методам работы и недоверия к новым системам. Стоит признать, что не все сотрудники УИС готовы к работе с новыми технологиями. Также сотрудники в возрасте могут испытывать трудности в адаптации к новым техническим устройствам. Для решения данной проблемы необходимо разрабатывать программы повышения квалификации

и переподготовки сотрудников УИС с учетом требований цифровизации, а также обеспечить доступ к соответствующим образовательным ресурсам.

Внедрение цифровых технологий требует от сотрудников УИС новых знаний и навыков. Однако система подготовки кадров в этой области не всегда может соответствовать требованиям времени. Для решения этой проблемы необходимо разработать программы повышения квалификации и переподготовки сотрудников УИС с учетом требований цифровизации, а также обеспечить доступ к соответствующим образовательным ресурсам.

Сотрудникам УИС запрещается разглашать или использовать в целях, не связанных со службой сведения, отнесенные к сведениям конфиденциального характера или служебную информацию, а также после увольнения не вправе разглашать или использовать сведения конфиденциального характера или служебную информацию, ставшие им известными в связи с исполнением должностных обязанностей [1]. То есть сотрудники должны соблюдать запреты в области информационной безопасности, но на практике это не всегда удается.

Цифровые технологии в УИС используются для обработки и хранения конфиденциальной информации, включая персональные данные осужденных и сотрудников. Однако это также создает риски утечки информации и несанкционированного доступа к ней. Недостаточная осведомленность о возможных угрозах, а также ошибки при работе с цифровыми инструментами могут привести к нарушению законодательства и утечке конфиденциальной информации. Одной из основных проблем, как мы считаем, является обеспечение информационной безопасности при использовании цифровых технологий в УИС. Сотрудники УИС имеют доступ к конфиденциальной информации, которая может быть использована для совершения преступлений или утечки данных. В связи с этим полагаем необходимым разработать и внедрить эффективные системы защиты информации, которые соответствовали бы требованиям законодательства и международным стандартам.

С развитием технологий появляются новые угрозы, такие как киберпреступления: фишинг, кибершпионаж, кибертерроризм. Сотрудники УИС должны быть готовы к противодействию этим угрозам и обладать специальными знаниями и навыками для обеспечения информационной безопасности, что является на данном этапе труднодостижимым, и может приводить к утечке важной конфиденциальной информации. Кроме того, в отсутствии специалистов в области информационных технологий в системе исполнения наказаний часто возникает сложность в различении действий сотрудников и действий киберпреступников при утечке конфиденциальной информации. Это связано с тем, что сотрудники могут непреднамеренно или намеренно способствовать утечкам, в то время как внешние угрозы могут быть маскированы под внутренние инциденты. В таких случаях вину легче всего приписать сотруднику, что может быть, как результатом его действий, так и следствием несовершенной системы безопасности и отсутствия адекватного контроля.

В условиях цифровизации возрастает риск несанкционированного доступа сторонних лиц к конфиденциальным данным. Для решения этой проблемы

необходимо внедрять системы защиты информации, соответствующие требованиям законодательства о защите персональных данных и государственной тайны. Также следует обеспечить обучение сотрудников УИС правилам работы с конфиденциальной информацией, повышение компетенций в этой области и контроля за соблюдением этих правил. Представляется необходимым активно формировать в сознании сотрудников культуру информационной и компьютерной безопасности, алгоритмизации реагирования пользователей сети и киберпространства на возможные ухищрения, используемые киберпреступниками [3, с. 83].

Необходимо учитывать риски и угрозы, связанные с внедрением цифровых технологий в деятельность УИС. Например, возможность использования информационных систем для незаконного воздействия на осужденных или распространения запрещенной информации. Для минимизации этих рисков необходимо разработать и внедрить системы контроля и мониторинга использования информационных систем сотрудниками УИС, а также обеспечить правовую ответственность за нарушение установленного законодательства в этой области.

Помимо этого, использование цифровых технологий в УИС также поднимает вопросы этического и правового характера. Например, возникает вопрос о правомерности использования определенных технологий для контроля за поведением осужденных и персонала или для анализа личных данных. Развитие цифровых платформ и доступность больших данных позволяет частично прогнозировать различные поведенческие аспекты. Но это вызывает этические проблемы. Прогнозирование поведения сотрудников УИС может вызывать вопросы относительно предвзятости и неточности таких систем. Во-первых, ИИ модели обучаются на исторических данных, которые могут содержать скрытые предубеждения, что приводит к искажению результатов и ошибочным выводам в поведении сотрудников, например, в части соблюдения ограничений и запретов. Во-вторых, поведение сотрудника сложно формализовать и предсказать из-за его иррациональности и множества внешних факторов, что ограничивает точность моделей, а ограниченная гибкость моделей ИИ неспособна адекватно реагировать на уникальные и изменяющиеся ситуации. Прогнозирование поведения сотрудника ИИ может быть воспринято как подозрительное, если не обеспечена прозрачность алгоритмов, качество данных и соблюдение этических стандартов.

Кроме того, важно определить какую информацию о гражданах, включая осужденных и сотрудников, может собирать государство. И необходимо установить границы того, какое поведение можно этично предсказать и тем более стимулировать, а также рассмотреть целесообразность таких действий [5, с. 195]. Для решения этих вопросов необходимо разработать и внедрить этические принципы и стандарты использования цифровых технологий в области ограничений и запретов связанных со службой в УИС, а также обеспечить соответствие деятельности сотрудников законодательству и международным нормам, и стандартам.

Цифровые технологии открывают новые возможности для повышения эффективности деятельности УИС и обеспечения соблюдения сотрудниками ограничений и запретов, связанных со службой. Однако их использование также сопряжено с рядом проблем, которые требуют внимательного изучения и решения на законодательном, организационном и этическом уровнях. Для этого необходимо разработать комплексные подходы, учитывающие особенности деятельности УИС и требования законодательства.

Для успешного решения задач, связанных с соблюдением ограничений и запретов, необходимо обеспечить оснащенность учреждений современными цифровыми инструментами, разработать методические рекомендации по их использованию, обеспечить высокий уровень информационной безопасности. Кроме того, важно учитывать этические и правовые аспекты применения цифровых технологий в УИС. Однако, по нашему мнению, никакие внешние меры, включая интеграцию цифровых технологий в учреждениях исполнения наказаний не могут обеспечить такого же уровня эффективности в соблюдение ограничений и запретов, связанных со службой, как внутренне обусловленная мотивация и добровольное желание сотрудников следовать требованиям, установленным законодательством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.04.2025).

2. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» : Федеральный закон от 19 июля 2018 № 197-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <http://internet.garant.ru> (дата обращения: 08.04.2025).

3. Ковалев О. Г. Обеспечение информационной и компьютерной безопасности учреждений и органов УИС в условиях цифровой трансформации и научно-технического развития уголовно-исполнительной системы // Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний : сб. материалов IV круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Владимира Савельевича Харичева. Тверь, 2022. № 8. С. 78–84.

4. Ковалев О. Г., Щербаков А. Основы комплексного обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития. Псков : Псковский филиал Ун-та ФСИН России, 2024. 199 с.

5. Мартынов В. В., Мартынова И. С., Казак И. Б. Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2023. № 5(221). С.194–197.

Подуременных Екатерина Алексеевна
студент, Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
Podyremennyh.k@yandex.ru

Макашова Татьяна Павловна
старший преподаватель, Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
t.p.ish@mail.ru

Полномочия военного прокурора при соблюдении прав мобилизованных

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются нормы российского законодательства в области военной службы. Проводится анализ, какими полномочиями пользуется военный прокурор для обеспечения прав мобилизованных граждан, какие нарушения выявляются в ходе проведения прокурорской проверки или рассмотрения обращения. Рассматриваются меры реагирования военных прокуроров по устранению выявленных нарушений. Определяется специфика полномочий военного прокурора. Приводятся примеры правоприменительной практики использования прокурором своих полномочий в отношении мобилизованных граждан. Подчеркивается важность прокуратуры, как в целом, так и военной.*

***Ключевые слова:** военный прокурор, прокурор, прокурорский надзор, мобилизация, защита прав граждан, полномочия, меры реагирования, военная служба, призыв.*

Poduremennykh Ekaterina Alekseevna
student, Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

Makashova Tatiana Pavlovna
senior lecturer, Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

The powers of the military prosecutor while respecting the rights of the mobilized

***Annotation.** This article examines the norms of Russian legislation in the field of military service. An analysis is being conducted of what powers the military prosecutor uses to ensure the rights of mobilized citizens, and what violations are detected during a prosecutor's check or consideration of an appeal. The response measures of military prosecutors to eliminate the identified violations are being considered. The specifics of the powers of the military prosecutor are determined. Examples of the law enforcement practice of using the prosecutor's powers in relation to mobilized citizens are given. The importance of the prosecutor's office, both in general and in the military, is emphasized*

***Keywords:** military prosecutor, prosecutor, prosecutorial supervision, mobilization, protection of citizens' rights, powers, response measures, military service, conscription.*

Ситуация в мире на сегодняшний день требует от государства принятия экстренных мер, в том числе мобилизации ресурсов и граждан. В таких условиях вопросы защиты прав мобилизованных становятся особенно актуальными. Важную роль в этом процессе играют военные прокуроры, обладающие особыми полномочиями

Главный военный прокурор и его подчиненные, наделенные полномочиями в рамках своей компетенции, действуют в соответствии с федеральным законом «О прокуратуре РФ» [3]. Власть и обязанности военных прокуроров четко определены, однако, они независимы и свободны от влияния командования и органов военного управления. Все их действия глубоко укоренены в правовом поле Российской Федерации, что подчеркивает важность соблюдения законодательства в их повседневной деятельности. В этом контексте они выступают гарантами правопорядка и справедливости, неся ответственность за исполнение своих обязанностей с высокой степенью доблести и преданности. Это служение закону создает надежную опору для обеспечения прав и свобод граждан, в том числе военнослужащих, а также сохранения общественного спокойствия. Взяв на себя такой важный груз, они утверждают ценности правосудия, укрепляют доверие к институтам и демонстрируют, что закон, в самом своем сущности, – это стержень, на который опирается государственное устройство.

Легальное определение мобилизации содержится в Федеральном законе от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», это «комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени» [4].

Военный прокурор – это лицо, ответственное за надзор за соблюдением законности в Вооруженных силах и защитой прав граждан, призванных на военную службу. Полномочия военного прокурора играют ключевую роль в обеспечении защиты прав военнослужащих. В современном мире, где безопасность государства может быть подвергнута риску из-за множества факторов, таких как войны и террористические акты, особо актуальным, является обеспечение прав мобилизованных граждан в сфере военной службы, включая вопросы призыва и мобилизации. Деятельность военных прокуроров сосредоточена на предотвращении злоупотреблений полномочиями и ущемления прав граждан, подлежащих призыву, и на обеспечении соблюдения законных интересов военнослужащих в ходе несения ими службы.

Общие полномочия военного прокурора, закреплены в статье 47 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202 «О прокуратуре Российской Федерации» [3]. Согласно которой, «главный военный прокурор и подчиненные ему прокуроры обладают в пределах своей компетенции полномочиями, определенными ФЗ «О прокуратуре»». В круг таких полномочий также входят: «уча-

стие в заседаниях коллегий, военных советов, служебных совещаниях органов военного управления; назначение вневедомственные ревизии и проверки, затраты на проведение которых возмещаются по постановлению прокурора органами военного управления, где состоят на довольствии проверяемые воинские части и учреждения; по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и в помещения воинских частей, предприятий, учреждений, организаций и штабов независимо от установленного в них режима, иметь доступ к их документам и материалам; проверять законность содержания осужденных, арестованных и задержанных военнослужащих на гауптвахтах, в дисциплинарных частях и других местах их содержания, немедленно освобождать незаконно содержащихся там лиц; требовать обеспечения охраны, содержания и конвоирования лиц, находящихся на гауптвахтах, в иных местах содержания задержанных и заключенных под стражу, соответственно воинскими частями, военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации, органами и учреждениями внутренних дел Российской Федерации» [3].

«В процессе выполнения надзорных функций за соблюдением законодательства и защитой прав граждан, осуществляемых в ходе организации и проведения призывных мероприятий, прокурор, реализуя свои полномочия, может:

- вносить представления об устранении нарушений закона, установленных в ходе прокурорских проверок;
- приносить протест на противоречащий закону акт;
- направлять предостережений о недопустимости нарушения закона;
- возбуждать производство об административном правонарушении, с требованием привлечения лиц, нарушивших закон, к установленной законом ответственности» [7].

Особенность компетенции военных прокуроров в сфере соблюдения законности при призыве граждан на военную службу состоит в совместной работе территориальных и военных прокуратур при проведении контрольно-надзорных мероприятий. Следовательно, надзор за соблюдением законов военными комиссариатами входит в сферу ответственности военных прокуроров, а территориальные прокуратуры осуществляют общий надзор, формируя, таким образом, партнерство в области защиты прав военнослужащих.

Генеральный прокурор РФ, Игорь Краснов, еще в 2022 г. отмечал, что «в некоторых регионах главами местных администраций не всегда обеспечено нормальное проведение медицинских осмотров мобилизуемых граждан». Так, в состав некоторых комиссий не были включены врачи, а в отдельных случаях медицинский осмотр такими специалистами не проводился вовсе. Также он отмечает, что «поступает множество жалоб мобилизованных и их родственников о недостаточном количестве вещевого имущества, амуниции, банковских карт, о нарушениях при оказании медицинской помощи, о пробелах в вопросах обучения и подготовки, боевого слаживания военнослужащих, их обеспечения необходимой техникой, вооружением» [1].

В ходе проверок такие нарушения находят подтверждение. Например, в январе 2023 г. военная прокуратура Ярославской области по просьбе правительства региона провела проверку по жалобе мобилизованных на командира.

Как указывалось в жалобе: во время выполнения задачи у солдат были только автоматы, а все остальное вооружение было повреждено. Теперь их хотят объявить дезертирами, так как командир роты говорит, что приказ не отдавал. В результате прокурором были приняты соответствующие меры реагирования.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что деятельность прокуратуры в данной области надзора достаточно результативна. «Для исключения таких нарушений прокуроры должны уделять особое внимание исполнению законодательства о материально-бытовом обеспечении, вопросам боевой и тактической подготовки. Военные прокуроры также реагируют на все факты нарушений, во взаимодействии с командованием принимают оперативные меры, направленные на обеспечение мобилизованных граждан всем необходимым и устранение имеющихся недостатков путем восстановления прав граждан» [2].

Например, в 2023 г. военным прокурором Екатеринбурга и Уполномоченным по правам человека в Свердловской области «удалось в ноябре решить вопрос с получением в полном объеме денежного довольствия и всех полагающихся выплат военнослужащему в течение 10 дней. До этого он пытался с июня добиться выплат по первому ранению, а в течение последних двух месяцев – перерасчета неправильно начисленного денежного довольствия» [6].

Другим таким примером является случай от февраля 2024 г. – Прокуратура Брянской области поручила прокуратуре г. Дятьково по поступившему обращению провести проверку соблюдения прав мобилизованного мужчины, проходящего службу в зоне проведения специальной военной операции. Установлено, что Дятьковским районным отделением службы судебных приставов, несмотря на установленный законом запрет, по приостановленному исполнительному производству с заявителя в марте прошлого года взыскано более 80 тыс. рублей. Его обращение о возвращении денежных средств оставлено без рассмотрения. В связи с этим прокурор внес представление руководителю регионального управления ФССП России. После вмешательства надзорного ведомства права мобилизованного восстановлены, взысканные денежные средства возвращены ему в полном объеме.

Из представленной судебной практики можно сделать вывод о том, что активное вмешательство органов прокуратуры и правозащитных структур играет ключевую роль в защите прав военнослужащих и мобилизованных граждан. В обоих случаях, описанных в примерах, прокурорские проверки и вмешательство привели к быстрому и эффективному разрешению проблем, связанных с выплатами и соблюдением прав.

Первый пример демонстрирует, как военная прокуратура и Уполномоченный по правам человека смогли оперативно решить вопрос с денежным довольствием военнослужащего, который долгое время сталкивался с проблемами в получении положенных выплат. Это подчеркивает важность взаимодействия различных органов власти для защиты прав граждан.

Во втором примере прокуратура выявила нарушение прав мобилизованного мужчины, связанное с незаконным взысканием средств судебными приставами. В результате прокурорского вмешательства права гражданина были восстановлены, и ему вернули незаконно удержанные деньги.

Таким образом, данные случаи подтверждают эффективность прокурорского надзора как механизма защиты прав военнослужащих и мобилизованных граждан, а также необходимость дальнейшего укрепления взаимодействия между различными государственными структурами для обеспечения соблюдения законодательства и защиты прав граждан.

Помимо этого, «есть граждане, которые не подлежат мобилизации, защита, чьих прав, также входит в пределы полномочий органов военной прокуратуры» [5]. Прокуроры используют средства прокурорского реагирования по восстановлению нарушенных прав военнослужащих, в том числе тех граждан, кто необоснованно призван и уже направлен в войска. Например, мобилизации не должны быть подвергнуты граждане, имеющие заболевания, указанные в Перечне заболеваний, при наличии которых гражданин (иностранец), признанный ограниченно годным к военной службе, не может быть принят на военную службу по контракту в Вооруженные Силы Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и военного времени (утв. Приказом Министра обороны Российской Федерации от 07 августа 2023 г. № 506). Так, в Омской области в 2022 году вернули 24 гражданина, в числе которых оказались: мужчина, который является единственным родителем несовершеннолетнего ребенка, а также человек с переломом позвоночника. Что бы защитить свои права, эти граждане обращались на организованные властями горячие линии, к правозащитникам, писали заявление в военную прокуратуру и обращались в приемную военного округа.

Всего с начала мобилизации, в течение месяца, прокурорами выявлено более 1500 нарушений законодательства, для которых внесено около 500 актов реагирования. По состоянию на 2024г. число актов значительно возросло. Однако в результате вмешательства прокуроров определенное количество негативных аспектов мобилизационных мероприятий в значительной степени устранены, некоторые находятся в стадии устранения, а ошибки анализируются, в целях их недопущения в будущем.

Таким образом, проведя анализа прокурорского надзора органов военной прокуратуры, в сфере защиты прав мобилизованных, можно сделать вывод о том, что контрольные и надзорные функции прокуратуры являются одним из наиболее эффективных инструментов для обеспечения соблюдения прав граждан, призванных на военную службу. Несмотря на существующие проблемы, связанные с недостаточной активностью граждан в обращении за правовой защитой, вмешательство прокуроров уже привело к устранению ряда негативных аспектов мобилизационных мероприятий. Это подчеркивает важность прокуратуры как института, способствующего выявлению и пресечению нарушений законодательства, что в свою очередь способствует более справедливому и законному проведению призыва на военную службу. Для повышения эффективности надзора необходимо продолжать работу по информированию граждан о их правах и возможностях обращения за помощью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова РИА «Новости» // Генеральная прокуратура РФ. 12 октября 2022 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=77377418> (дата обращения: 09.04.2025).
2. Маркелова О. Н. Правозащитные функции военных прокуроров в условиях проведения специальной военной операции // Актуальные вопросы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства: теория, методология, практика : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 17 мая 2024 г. М. : Воен. ун-т им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. С. 169–172.
3. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.
4. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: Федеральный закон от 26 февраля 1997 № 31 (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.02.1997. № 123. Ст. 4569.
5. Савенков А. Н. Полномочия военного прокурора по осуществлению надзора в войсках // Законность. 1997. № 4. С. 17–22.
6. Уполномоченный и военная прокуратура Екатеринбургского гарнизона защищают права мобилизованных // Уполномоченный по правам человека в Свердловской области. 21.11.2023. URL: <https://ombudsman.midural.ru/news/show/id/7393> (дата обращения: 09.04.2025).
7. Шамсутдинов Р. Р. Деятельность прокуратуры по защите прав граждан, подлежащих призыву на военную службу // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Чебоксары, 14 июня 2023 г. / гл. ред. Э. В. Фомин. Чебоксары : Среда, 2023. С. 337–340.

УДК 343.98

Усиков Дмитрий Витальевич

курсант, Московская академия

Следственного комитета имени А. Я. Сухарева

г. Москва, Российская Федерация

u.dmitriy.d@mail.ru

Использование искусственного интеллекта в криминалистике – перспективы и ограничения

***Аннотация.** В настоящей статье исследуется опыт применения новейших технологий искусственного интеллекта для решения задач, стоящих перед криминалистикой, в том числе, связанных с расследованием серийных преступлений, ведения криминалистических учетов, выявления и пресечения преступлений. Также обзореваются имеющиеся и возможные недостатки таких технологий. Сделан вывод о том, какие ограничения стоят перед*

искусственным интеллектом в криминалистике, какие перспективы его применения в указанной сфере существуют и при каких условиях, а также для решения каких задач искусственный интеллект окажется наиболее эффективным.

Ключевые слова: искусственный интеллект, объяснимый искусственный интеллект, цифровая криминалистика, автоматизированные учеты, распознавание лиц, серийные преступления.

Usikov Dmitry Vitalievich

cadet, Moscow academy of the Investigative
committee of the named after A. Y. Sukharev
Moscow, Russian Federation

Use of artificial intelligence in criminalistics: prospects and limitations

Annotation. *This article examines the experience of applying cutting-edge artificial intelligence technologies to address challenges in criminalistics, including those related to investigating serial crimes, maintaining forensic records, and detecting and preventing criminal activity. It also reviews existing or potential imperfections of such technologies. Conclusions are drawn about the limitations facing artificial intelligence in criminalistics, the prospects for its application in this field, the conditions under which it can be employed effectively, and the specific tasks for which AI will prove most effective.*

Keywords: *artificial intelligence, explainable artificial intelligence, digital forensic science, automated registration, face recognition, serial crimes.*

В связи с резким развитием и повсеместным распространением прикладных программ искусственного интеллекта, возникает потребность в использовании новейших технологий для решения задач криминалистики. Так, науке и практике уже известны конкретные случаи разработок или полноценного применения технологий искусственного интеллекта в криминалистике. Рассмотрим некоторые из них.

С ноября 2020 года существует информация об использовании Следственным комитете Российской Федерации программы искусственного интеллекта по поиску серийных преступников, позволяющей автоматически создавать портрет такого преступника, состоящий из нескольких показателей. Заявленная точность от 80 до 96 % в зависимости от конкретного показателя (например, наличие психического заболевания или знакомство с жертвой). Это программное обеспечение «Портрет серийного преступника» (PorSerO) использует технологию искусственного интеллекта, обученного на датасете материалов дел раскрытых и расследованных серийных преступлений – 1068 эпизодов и 186 лиц, согласно немногочисленным заявлениям. Составление портрета преступника производится на введенных пользователем сведений о преступлении в категориях, описание которых закрыто в ограниченном наборе выбираемых вариантов. При этом перечень предусмотренных вариантов места и способа совершения, используемых орудий и в особенности характеристика телесных повреждений представлена крайне узким и неточным списком без возможности открытого варианта ответа, что не позволяет полноценно описать конкретное преступление, а, следовательно, вызывает сомнения в точности портрета зло-

умышленника [2, с. 45–53]. Так, даже статистическая карточка на выявленное преступление предполагает десять вариантов отношений преступника и его жертвы. Отсюда закономерное явление – неточные вводные порождают неточный результат. Действующий в России учет нераскрытых убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений против личности в соответствии с приказом Следственного комитета Российской Федерации от 11.08.2011 № 123 «О централизованном учете в системе Следственного комитета Российской Федерации нераскрытых убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений против личности» в своих карточках содержит 17 граф (до 22 закрытых вариантов заполнения) в том числе 8 граф с открытым ответом [6]. Сложность заключается также в том, что информация, зафиксированная в протоколах следственных действий и материалах уголовного дела, по тем или иным причинам может не всегда соответствовать фактической информации. Это особенно пагубно сказывается на расширяемом для обучения программы датасете, поскольку даже небольшие неточности или неразрешенные противоречия могут привести к искажениям в работе программы. Проблемы учета и отражения эпизодов, их сокрытие, искажение сведений подрывают надежность системы учета серийных преступлений, а при добавлении к ней аналитической программы, объем ошибок и их опасность возрастают – такие искажения называют ошибкой выборки. Учитывая, что данное программное обеспечение функционирует как элементарный расчет вероятности отнесения преступника к той или иной категории путем сопоставления введенных критериев с имеющимися в выборке показателями, вызывает сомнение применения в «PorSerO» технологий глубокого обучения. Более того, в настоящее время отсутствуют сведения о практической проверке «PorSerO» или информация о его хотя бы частично успешном применении.

Ранее учеными осуществлялись попытки приложения искусственного интеллекта к изучению серийных сексуально мотивированных преступников. Так, в Перми разработана нейросетевая математическая модель, позволяющая путем вариации ряда параметров (наличие детей, семейный статус, склонность к алкоголизму у родителей – всего восемь) установить зависимость от них уровня агрессии преступника. Несмотря на заявляемые авторами успешные результаты, заметим, что модель недостаточно точна. Так, источником биографических данных известных маньяков послужили материалы Википедии, а эмпирическая точность и адекватность установления такого, например, критерия как «психическое расстройство» по трехзначной шкале «сильное – среднее – отсутствует» более чем сомнительна. Модель не в достаточной степени точно воспроизводящая объективную реальность не может использоваться для решения практических задач, поскольку даже при своей внутренней точности будет давать ошибочный результат [9, с. 423–430].

МВД России заявляет о намерении более широко использовать технологии искусственного интеллекта в своей деятельности. Так, имеется сообщение о создании двух систем на базе искусственного интеллекта: «Клон», предназначенной для выявления фактов подделки видеоизображений, и «Конъюнктура», которая должна прогнозировать негативные события и чрезвычайные ситуации

и моделировать сценарии реагирования на них [4]. В настоящее время искусственный интеллект уже используется МВД России, например, для поиска и биометрической идентификации человека по фотоизображению через городские камеры видеонаблюдения (ПАРСИВ), или для фиксации движения автотранспорта и нарушений правил дорожного движения (ЦАФАП, «Паутина»), а также в системах автоматизированных учетов. Мировой практике известны многочисленные случаи ошибок подобных им систем. Системы предсказания и предотвращения преступлений по «горячим точкам» на территории города и анализ поведения людей в общественных местах в некоторых случаях оказываются действительно эффективны, однако зачастую демонстрируют значительную предвзятость и низкую точность, что приводит к ложным предупреждениям и последующему привлечению к ответственности. Системы оценки рисков мошенничества на основе сведений о гражданах с одной стороны, оказываются также неэффективными к обнаружению реальных мошенников, а с другой – демонстрируют высокую предвзятость по признакам пола, возраста, расы и уровня дохода. Последующая оценка и корректировка выводов программы человеком вопреки своему предназначению иногда может усугубить ситуацию [5].

Ранее, еще в 2020 году, МВД России планировали развитие использования искусственного интеллекта в следствии, в том числе выявления признаков серийных преступлений, а также для определения индивидуальных анатомических признаков человека, полученных из биологического материала с мест совершения преступлений. Также сообщалось об имеющихся иных научно-исследовательских разработках по применению искусственного интеллекта к различным задачам [7]. В настоящее время имеется информация об успешном использовании современных технологий искусственного интеллекта подразделениями Бюро специальных технических мероприятий (БСТМ) МВД России. Эти технологии активно используются для выявления и пресечения киберпреступлений, следовая картина которых состоит преимущественно из цифровых следов, т. е. большого объема различных данных [8].

Приведенные примеры показывают определенную эффективность работы автоматизированных систем в сборе информации, ее систематизации по отдельным элементам и критериям, а также представлении пользователю по запросу. При этом следует отметить, что возможности таких систем на практике ограничены подробностью и точностью предоставления сведений в обучающей выборке. В то же время системы автоматизированного (без непосредственного изучения информации человеком) создания, например, портрета личности преступника или анализа поведения человека, установления происхождения некоторого объекта (подписи или фото/видео) нежизнеспособны, как и все программы автоматизирующие (фактически полностью берущие на себя) деятельность человека по решению задачи, где ключевую роль играет нечеткая логика, творческий подход, инсайт, индивидуальный подход. Автоматизация решения задач (в том числе использованием искусственного интеллекта), к которым помимо описанной относят творчество и его смысловая интерпретация, научное

исследование, отправление правосудия и прочее, принципиально невозможна, поскольку противоречит их существованию (вероятно, до тех пор, пока не будет создан общий искусственный интеллект – англ. *artificial general intelligence*, AGI). Интуиция, личный профессиональный и жизненный опыт, внимательность, творческий подход и способность распознать значимое и увидеть новое – критическая значимость этих качеств профессионала в области криминалистики.

Так, несмотря на то, что техническая сторона программы искусственного интеллекта может не вызывать нареканий, быть качественной и хорошо разработанной, несостоятельность изначальной идеи, сомнительность научной обоснованности применяемых методов, их валидности, а также существенные и неустраняемые противоречия между искусственной моделью и реальной природой объекта, как фундамент потенциально обрекают такие решения и не позволяют уверенно и эффективно использовать их на практике. Уязвимым местом является стык между техническим решением (машинное обучение) и содержательным наполнением (криминалистические аспекты) – даже при успешности первого несоответствие последнего общепринятым положениям криминалистики, неточность вследствие такого несоответствия отражения объективной реальности приводит к ошибочному результату работы программ.

В то же время, ряд случаев применения искусственного интеллекта в криминалистике показывают высокую эффективность и видятся перспективными. Так, большой потенциал для использования при расследовании преступлений имеют программы искусственного интеллекта, обладающие возможностью автоматического анализа документов, обобщения и извлечения из них информации по запросу пользователя, в том числе формировать краткое изложение сути содержания. К таким относится, например, Humata AI. Также рациональным решением будет использование искусственного интеллекта для составления однотипных документов – деятельность неотъемлемая от расследования преступлений [3].

Учитывая сегодняшнее состояние технологий искусственного интеллекта, а также специфику криминалистики как потенциальной сферы его применения, можно предложить следующие шаги для более эффективного его использования:

1. Применение подходов объяснимого искусственного интеллекта (ХАИ – от англ. *explainable artificial intelligence*). Работающая по такому принципу программа должна дать пользователю понимание причины, по которой была дан тот или иной ответ, предоставленные данные были обработаны именно таким образом – это позволит критически проверить и оценить итоговые выводы, отсеять из них полезные и значимые, сделав работу прозрачной и эффективной.

2. Перестраивание программы на решение качественно более частных или количественно узких задач. Уменьшение масштаба несколько изменит сущность программы, однако позволит сфокусироваться на направлениях, где она показала наибольшую эффективность и полезность работы, а также отработать технические и принципиальные решения, механизм работы программы и работы пользователя с ней [1, с. 43–49].

3. Использование программ искусственного интеллекта в работе по раскрытию и расследованию преступлений для мониторинга и аналитики сообщений в средствах массовой информации для выявления возможных эпизодов серийных преступлений или преступной деятельности организованной группы. Такую программу возможно использовать совместно с применяемым в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) Следственного комитета Российской Федерации – Hunter Hurry, производя обработку выгруженных сведений, которые позднее будут изучаться человеком.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в криминалистике перспективно при условии его применения в конкретных областях и для определенного спектра задач. При этом существует ряд мер, которые необходимо предпринять для повышения эффективности такого применения. В то же время объективные ограничения не позволяют применять искусственный интеллект при решении некоторых задач в криминалистике, по крайней мере, на современном этапе развития технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2(104). С. 43–49.

2. Бессонов А. А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 2(78). С. 45–53.

3. Британская полиция использует искусственный интеллект для подготовки документов. URL: <https://rg.ru/2024/09/10/britanskaia-policiia-ispolzuet-iskusstvennyj-intellekt-dlia-podgotovki-dokumentov.html> (дата обращения: 09.04.2025).

4. МВД РФ хочет привлечь нейросети к поиску правонарушителей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6444428> (дата обращения: 09.04.2025).

5. Передаем прогноз нарушений закона. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6894036> (дата обращения: 09.04.2025).

6. О централизованном учете в системе Следственного комитета Российской Федерации нераскрытых убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений против личности : Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 11.08.2011 № 123. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902311434> (дата обращения: 09.04.2025).

7. Следствие ведет ИИ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4574027> (дата обращения: 09.04.2025).

8. Сотрудники БСТМ МВД России провели межрегиональный семинар-совещание об использовании искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности. URL: <https://mvdmedia.ru> (дата обращения: 09.04.2025).

9. Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц / Л. Н. Ясницкий, С. В. Ваулева, Д. Н. Сафонова, Ф. М. Че-

УДК 347.932

Фигуровская Ирина Максимовна

студент, Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
figurovskaia@gmail.com

Длительность как проблема рассмотрения гражданских дел

***Аннотация.** В научной статье автор рассматривает особенности такого института гражданского процессуального права как разумные сроки, раскрывает его значение и необходимость существования как правового явления, а также обращает внимание на такую проблему гражданского судопроизводства как задержка отправления правосудия. Исследуются объективные и субъективные причины превышения законодательно установленных сроков разрешения судебных споров, особое внимание ввиду недобросовестного поведения уделяется злоупотреблению сторонами своим правом на судопроизводство в разумный срок. Сформулированы рекомендации по совершенствованию действующей правовой ситуации, предложения по дальнейшему обеспечению эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина.*

***Ключевые слова:** разумный срок, судебный процесс, злоупотребление правом, истец, ответчик, затягивание судебного процесса.*

Figurovskaia Irina Maksimovna

student of the National research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Duration as a problem in civil cases

***Annotation.** In the scientific article the author considers the peculiarities of such an institute of civil procedural law as reasonable time limits, reveals its importance and the need for its existence as a legal phenomenon, and also draws attention to such a problem of civil proceedings as delay by the parties, including the court, the procedure of case consideration. The reasons for exceeding the legally established time limits for the resolution of judicial disputes are studied, special attention is paid to the abuse by the parties of their right to legal proceedings within a reasonable time. Recommendations for improving the current legal situation and proposals for further ensuring effective protection of human and civil rights and freedoms are formulated.*

***Keywords:** reasonable time, judicial process, abuse of right, plaintiff, defendant, prolongation of judicial process*

Затяжная процедура рассмотрения гражданских дел, начиная с момента подачи иска и заканчивая принятием и вступлением в законную силу судебного

решения, непосредственно затрагивает интересы сторон гражданского судопроизводства. Какие же факторы способствуют таким задержкам и почему гражданские дела могут рассматриваться значительно дольше положенного срока?

Конституция Российской Федерации как основной закон страны, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также иные внутригосударственные нормативные правовые акты (в частности – Гражданский кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ) закрепляют за каждым человеком право на судебную защиту, что, в свою очередь, включает в себя право на судопроизводство в разумный срок, обеспечиваемое с помощью разработки государством процессуальных гарантий для своевременного и эффективного рассмотрения и разрешения дела.

В соответствии со ст. 6.1 ГПК РФ, судебные органы в рамках судебных разбирательств осуществляют процессуальные действия в конкретно-установленные в сроки. Законом предусматривается возможность продления данных сроков при наличии соответствующих обстоятельств, однако судопроизводство должно осуществляться в *разумный срок* [2].

В настоящее время отсутствует легальное закрепление понятия «разумного срока», в связи с чем нам необходимо обратиться к позициям ученых-правоведов: так, С. И. Князькин под разумным сроком понимает диспозитивную норму, в основе которой лежит возможность предоставления суду необходимого, определяемого им самостоятельно времени для надлежащего отправления правосудия сообразно специфике каждого конкретного дела [5, с. 398]. Для определения разумности срока в гражданском процессе обязательно учитываются многообразные объективные и субъективные обстоятельства, которые являются основанием для продления основных сроков, т. е. такие как: сложность дела, его процессуальный объем, количество процессуального материала и представленных доказательств, загруженность судьи, рассматривающего материалы дела, действия участников судебного разбирательства, их жизненные ситуации, время, затрачиваемое на проведение судебных и экспертиз и т. п. Таким образом, наличие данных юридических фактов демонстрирует логичность и обоснованность функционирования института разумного срока при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Конституционный Суд РФ в лице органа конституционного контроля разъясняет, что термин «разумный срок» носит оценочный характер и, следовательно, невозможно гарантировать возможность его единообразного применения ко всем возникающим судебным спорам [7]. Разумный срок в каждом конкретном случае с учетом множества факторов будет назначаться судом по-разному, в связи с чем его исчисление не может быть однозначно определено в гражданском законодательстве.

Однако ввиду предоставления законодателем возможности рассматривать гражданские дела дольше процессуально-закрепленных сроков без конкретного ограничения, следует говорить о таком негативном правовом явлении как злоупотребление правом.

Н. А. Зимина верно подмечает, что нередко стороны прибегают к преднамеренному затягиванию судебного разбирательства путем совершения необоснованных с точки зрения процессуального законодательства действий, например: неявка истца/ответчика на судебное заседание при должном оповещении со стороны суда с целью перенесения слушания дела и, следовательно, отсрочки принятия судом решения, немотивированные заявления об отводе судьи, неоднократные ходатайства о заключении мирового соглашения без непосредственной цели примирения, о назначении повторной судебной экспертизы и т. д. [4, с. 245]. Однако подметим, что обычно задержка рассмотрения гражданского дела является дорогостоящим бременем для участников судебного разбирательства ввиду необходимости оплаты услуг представителя интересов стороны, всех проводимых экспертиз, в том числе необоснованно запрошенных и др.

Чаще всего правом на рассмотрение дела в разумный срок злоупотребляет ответчик, пытаясь всячески отсрочить исполнение своего обязательства и факт привлечения к ответственности за причиненный истцу ущерб. Однако затягивать судебный процесс может и истец – например, с целью «помучить» должника, нанести вред его профессиональной деятельности, воспрепятствовать получению им выгоды от коммерческой деятельности и заставить его как можно скорее исполнить соответствующее обязательство.

Злоупотребление сторонами правом на разумный срок не является единственной причиной задержки рассмотрения и разрешения гражданских дел. Иными причинами длительных судопроизводств могут быть неполное и несвоевременное предоставление сторонами доказательств, материалов дела, что возможно как с целью преднамеренного затягивания судебного процесса, так и ввиду неопытности и отсутствия достаточных знаний у граждан, самостоятельно защищающих свои права и интересы без обращения за квалифицированной юридической помощью.

В зависимости от сложности и сущности дела сторонам, участвующим в судебном процессе, может потребоваться достаточно большое количество времени (недели, месяцы) для предоставления информации. Таким образом, юридически сложные дела закономерно требуют более тщательной подготовки. Одним из наиболее ярких примеров затяжного судебного процесса по гражданскому делу можно привести спор, возникший между Администрацией города-курорта Геленджик, обратившейся с иском к ООО «Фортуна» о сносе самовольной постройки: гражданское дело рассматривалось более 15 лет – с 2006 по 2023 гг. [8].

Конкретно-установленные сроки отправления правосудия могут быть изменены и в связи с обращением судов общей юрисдикции любой инстанции и на любой стадии рассмотрения дела в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке соответствия того или иного нормативно-правового акта, применяемого в конкретном гражданском деле, положениям Конституции РФ. Следовательно, осуществление процессуальных действий по данному делу будет продлено до окончания конституционного судопроизводства в соответствии с ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Помимо этого, среди объективных причин затягивания судебного процесса может быть предоставление судом времени для примирения сторон – например, в семейных спорах (бракоразводных процессах).

В настоящее время следует говорить о проблеме длительности рассмотрения и разрешения гражданских дел также по причине высокой загруженности представителей судебной власти: при кадровой нехватке судей (на конец 2024 г. количество вакантных должностей составляло 6491 у. е.) [1] количество дел, по которым имеется вступившее в силу решение суда, превышает статистические показатели за прошлые года (на конец 2024 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено около 34 млн дел, что на 19 % больше, чем за период 2023 г.) [3]. Таким образом, налицо колоссальная нагрузка на действующих судей по вопросу отправления правосудия, что влечет невозможность своевременного рассмотрения ими дела и, как следствие, непреднамеренность затягивания процесса. Еще в 2023 г. ВККС РФ, подводя ежегодные итоги своей деятельности, среди наиболее частых обращений (жалоб) граждан обозначила грубое или систематическое нарушение судьями процессуальных и иных правовых норм (83 % от всех жалоб), в том числе волокиту (11,4 %) [6].

Таким образом, существует множество причин задержки в отправлении правосудия по гражданским спорам. Наиболее распространенной проблемой в настоящее время является злоупотребление сторонами своим правом на продление процедуры рассмотрения дела с помощью института гражданского процесса как «разумный срок».

Исключить данное правовое явление из гражданского процесса и установить вместо него конкретизированное время для рассмотрения и разрешения дела не представляется целесообразным ввиду того, что иногда в силу объективных жизненных обстоятельств, возникающих у сторон судопроизводства, на законодательном уровне невозможно определить точный (в том числе продленный) срок для всех участников и охватить им все предполагаемые события-основания продления срока.

Наиболее оптимальным вариантом решения возникшей проблемы в виде злоупотребления правом на продление срока судопроизводства видится наложение на сторон судебного штрафа за затягивание судебного процесса, а конкретно для ответчика в качестве меры ответственности, как подмечает С. С. Завриев, может выступать заочное производство: «рассмотрение дела в заочном порядке представляет собой своего рода санкцию, применяемую в отношении ответчика за то, что он злоупотребляет своими процессуальными правами: не является в заседание, проявляет неуважение к суду, затягивает сроки рассмотрения дела» [4, с. 246].

При этом подметим, что в соответствии с ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» участники судебного процесса (как стороны непосредственно, так и третьи лица) имеют право на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, обратившись с соответствующим заявлением в судебный орган [9]. Законодателем подмечается, что присуждение

такой компенсации не зависит от наличия или отсутствия вины самого суда, таким образом, ее выплата заинтересованному лицу возможна также ввиду недобросовестного поведения одной из сторон судебного разбирательства.

Для законодателя также представляется важным решение вопроса об увеличении судейского корпуса для равномерного распределения нагрузки между судьями при рассмотрении и разрешении гражданских дел, что влечет не только их защиту как особой категории граждан РФ, наделенных особым правом статус представителей судебной власти, но закономерно способствует обеспечению своевременного отправления правосудия, защиты прав и интересов человека и гражданина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нехватка судей в России выросла до 20 %. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/03/1078913-nehvatka-sudei> (дата обращения: 05.04.2025).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 16.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации И. Л. Подносковой по итогам 2024 года. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/34239/?ysclid=m9448lgw6b444748339> (дата обращения: 05.04.2025).

4. Зимина Н. А. Длительность как проблема гражданского процесса // Молодой ученый. 2022. № 52(447). С. 244–246. URL: <https://moluch.ru/archive/447/98343/> (дата обращения: 05.04.2025).

5. Князькин С. И., Лушков В. К. Проблема разумности сроков судебного разбирательства в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика, 2022. С.398–400. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?ysclid=m99hs18hiz894366193&id=48256650> (дата обращения: 04.04.2025).

6. Обзор результатов деятельности судей Российской Федерации за 2023 год // Высшая квалификационная коллегия судей РФ. <https://www.vkks.ru/publication/101293/> (дата обращения: 05.04.2025).

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.07.2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ю. Какуева». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117357/ (дата обращения: 04.04.2025).

8. Об отмене определения об отказе в изменении способа и порядка исполнения судебного акта. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 февраля г. № 15АП-1154/2023 по делу № А32-22898/2003. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=247536#M4aezhUgJrO4ghDU3> (дата обращения: 05.04.2025).

9. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Федеральный

УДК 343.01

Шабанова Софья Александровна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

Shsony170905@yandex.ru

Принудительные меры воспитательного воздействия как средство достижения цели исправления несовершеннолетнего

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме преступности среди несовершеннолетних и анализу принудительных мер воспитательного воздействия как альтернативы уголовному наказанию. Несмотря на общее снижение подростковой преступности в России, в некоторых регионах наблюдается рост, что требует эффективных мер профилактики. Автор рассматривает дискуссию о правовой природе принудительных мер воспитательного воздействия: одни исследователи считают их формой уголовной ответственности, другие – способом освобождения от нее. На примере судебной практики проводится анализ эффективности принудительных мер воспитательного воздействия, как способа исправления поведения подростков без изоляции от общества. Предлагается унификация законодательства для повышения эффективности принудительных мер воспитательного воздействия.*

***Ключевые слова:** принудительные меры воспитательного воздействия и их эффективность, уголовная ответственность, профилактика преступлений, исправление как цель уголовного наказания и критерии ее достижения*

Shabanova Sofya Alexandrovna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Compulsory educational measures prospects for achieving the goal of correcting a minor

***Annotation.** The article is devoted to the problem of juvenile delinquency and the analysis of coercive measures of educational influence as an alternative to criminal punishment. Despite the general decrease in juvenile crime in Russia, there is an increase in some regions, which requires effective preventive measures. The author examines the discussion on the legal nature of coercive measures of educational influence: some researchers consider them a form of criminal liability, while others consider them a way of exemption from it. On the example of judicial practice, the author analyzes the effectiveness of coercive measures of educational influence to correct the behavior of adolescents without isolation from society. It is proposed to unify legislation to increase the effectiveness of coercive measures of educational influence.*

***Keywords:** coercive measures of educational influence and their effectiveness, criminal liability, crime prevention, correction as the goal of criminal punishment and criteria for its achievement*

Вопрос преступлений, совершаемых несовершеннолетними, остается одним из важнейших, ведь именно подростки определяют будущее современного общества. Данные МВД России за 2024 год показывают, что количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, снизилось, на 3,4 % [6]. Однако, например, в Пермском крае в 2023 количество несовершеннолетних, совершивших преступления, выросло на 1,4 %, а число уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними, выросло на 21,3 % [7]. Это говорит о том, что проблема правонарушений среди несовершеннолетних актуальна и требует постоянного контроля и эффективных мер для ее решения.

Одним из способов снижения числа преступлений среди несовершеннолетних являются принудительные меры воспитательного воздействия. Единого мнения о месте принудительных мер воспитательного воздействия в системе уголовного права нет. Одни ученые, например А. А. Шадрков [4, с. 77–78.], придерживаются мнения, что они являются одной из форм уголовного ответственности, поскольку обладают ее признаками: имеют принудительный характер, являются способом наказания несовершеннолетнего и ограничивают его права.

Другие, например Д. М. Латыпова и Е. К. Панькина [2, с. 124], Л. Ю. Канакова [1, с. 2], считают, что это способ освобождения от уголовного наказания, так как основной целью является не наказание, а воспитание несовершеннолетнего. Также в ст. 90 УК РФ закреплено, что они являются способом освобождения от наказания [8].

На наш взгляд, принудительные меры медицинского воздействия не являются формой уголовной ответственности, поскольку их главной задачей является помощь подростку, исправление его поведения, и в отличие от уголовного наказания они не несут в себе цели восстановления социальной справедливости.

У принудительных мер воспитательного воздействия есть ряд преимуществ перед уголовным наказанием. Одним из основных является то, что несовершеннолетние, которые совершили преступление в силу обстоятельств, не должны покидать свою социальную среду, возвращение в которую может быть крайне сложным [1, с. 2]. Также можно выделить такое преимущество, как их способность, при должном применении, оказывать больший воспитательный эффект, чем уголовное наказание [3, с. 99].

В качестве практического примера исследуемой тематики приведу вступившее в законную силу решение суда.

Уголовное дело № 1-392/2021 [5]. Кузьминский районный суд г. Москвы рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело в отношении несовершеннолетнего: Мороза Андрея Михайловича, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, постановил: прекратить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего Мороза А. М.... освободив его от уголовной ответственности. Применить к несовершеннолетнему Морозу А. М. на основании п. «б», «г» ч.1, 2 ст. 90 УК РФ ПМБВ на срок ОДИН год в виде: передачи несовершеннолетнего Мороза А. М. под надзор родителя – ма-

тери Солоницыной С. В. ... запретить возвращаться домой позднее 22 часов и не выезжать за пределы г. Москвы и Московской области без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением Мороза А. М.

В данном случае Мороз А. М. совершил неправомерное завладение автомобилем без цели хищения. Данное деяние относится к преступлениям средней тяжести, что позволяет применить принудительные меры воспитательного воздействия. Суд, учитывая возраст обвиняемого, его признание вины, отношения в семье, то, что он ранее не привлекался к уголовной и административной ответственности, характеризуется в целом положительно, считает, что исправление Мороза А. М. может быть достигнуто без применения к нему уголовного наказания, путем назначения принудительных мер воспитательного воздействия.

В целом анализируя судебную практику, можно сделать вывод, что при решении вопроса о возможности назначения принудительных мер воспитательного воздействия несовершеннолетним суд учитывает: отношение несовершеннолетнего к его поступку, характеристику несовершеннолетнего, особое внимание уделяется отношениям внутри семьи, имеется ли у родителей (законных представителей) авторитет перед несовершеннолетним, способны ли они контролировать соблюдение возложенных на него ограничений.

На наш взгляд, с целью совершенствования института принудительных мер воспитательного воздействия, необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 90 УК РФ, касающиеся условий применения рассматриваемого института, а именно:

«Несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Для признания их эффективности, следует учитывать: возраст несовершеннолетнего, его отношение к поступку, отношения внутри семьи, характеристику несовершеннолетнего с места учебы, характер и степень общественной опасности совершенного преступления, привлечение ранее к административной или уголовной ответственности».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Канокова Л. Ю. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. URL: <https://clck.ru/3Dmod8> (дата обращения: 04.10.2024).

2. Латыпова Д. М., Панькина Е. К. Проблемы применения принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5(31). URL: <https://clck.ru/3DmoSq> (дата обращения: 04.10.2024).

3. Терентьева В. А., Черненко Т. Г. Перспективы расширения круга принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых при освобождении несовершеннолетних от уголовного наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. URL: <https://clck.ru/3Dmoi8> (дата обращения: 04.10.2024).

4. Шадерков А. А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы применения // Новизна. Эксперимент Традиции. 2021. № 4. URL: <https://clck.ru/3DmoRz> (дата обращения: 04.10.2024).

5. Постановление Кузьминского районного суда г. Москва о прекращении уголовного производства по делу № 01-0392/2021 // Офиц. портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://clck.ru/3DmokJ> (дата обращения 04.10.2024).

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Офиц. сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 14.04.2025).

7. Состояние преступности среди несовершеннолетних // Офиц. сайт ГУ МВД России по Пермскому краю. URL: https://59.мвд.рф/press/Press_relises/item/47215264/ (дата обращения: 04.10.2024).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://clck.ru/3DmqXQ> (дата обращения: 04.10.2024).

УДК 343.163

Рыцарев Александр Дмитриевич

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

Aleksrytsarev2005@gmail.com

**Генеративный искусственный интеллект:
перспективы использования в правоохранительной деятельности
и проблемы регулирования**

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию возможностей и перспектив применения генеративного искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности, в частности в работе органов прокуратуры. Рассматриваются правовые аспекты использования и потенциальные преимущества внедрения искусственного интеллекта, анализируется его роль в автоматизации рутинных процессов, составлении отчетов и анализе данных. Подчеркивается важность регулирования государством развития и внедрения искусственного интеллекта, а также необходимость учета правовых и этических аспектов при его дальнейшем использовании. Проводится анализ данных, полученных посредством проведения социологического опроса среди студентов-юристов.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, прокуратура, нейросети, правоохранительные органы, безопасность, перспективы использования генеративного искусственного интеллекта.*

Rytsarev Alexander Dmitrievich

student, Saratov State Academy of Law

Saratov, Russian Federation

Generative Artificial Intelligence: prospects for use in law enforcement and regulatory challenges

Annotation. *The article explores the possibilities and prospects of applying generative artificial intelligence in law enforcement activities, particularly in the work of prosecutorial authorities. It examines the legal aspects of its use and potential benefits of AI implementation, analyzing its role in automating routine processes, drafting reports, and processing large volumes of data. The importance of state regulation regarding the development and deployment of artificial intelligence is emphasized, along with the necessity to consider legal and ethical aspects when utilizing it. The analysis includes data from a sociological survey conducted among law students.*

Keywords: *artificial intelligence, prosecution, neural networks, law enforcement agencies, security, prospects for using generative artificial intelligence.*

Вопросы о возможности, целесообразности и необходимости применения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) более не воспринимаются обществом как нечто иллюзорное и неактуальное. ИИ встречается повсеместно и окружает людей повсюду, находя свое применение как в экономической и предпринимательской деятельности [3], так и в правоохранительной сфере [4]. Причем, важность развития технологий ИИ ясно осознается и рядовыми субъектами гражданских правоотношений, уже не просто использующими плоды «деятельности» нейросетей, а активно вступающими в процесс создания собственных моделей, как, например, ПАО «Сбербанк», разработавший нейросетевую модель GigaChat, и российским государством в целом, о чем может свидетельствовать национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490. Так, именно в нем можно обнаружить определения как технологий ИИ, так и искусственного интеллекта в целом. В соответствии со статьей 5 вышеупомянутой стратегии, искусственным интеллектом признается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [2]. Таким образом, исходя из явной заинтересованности государственного аппарата во внедрении нейросетей в деятельность своих органов, особенно интересной становится возможность применения генеративного искусственного интеллекта в правоохранительной сфере.

Органы прокуратуры являются одним из ключевых элементов системы правосудия и защиты прав субъектов общественных отношений в Российской Федерации. Роль органов прокуратуры заключается в обеспечении соблюдения законности и правопорядка, защите прав и свобод граждан, а также в координации работы правоохранительных органов. В этой связи использование генеративного ИИ могло бы значительно повысить эффективность работы органов прокуратуры, путем автоматизации рутинных процессов, не требующих привлечения особого внимания со стороны сотрудника. Например, с помощью ИИ можно сократить время, затрачиваемое на выполнение стандартных процедур,

таких как составление некоторых отчетов и типичных по своей форме актов правоприменения.

Кроме того, генеративный ИИ способен существенно облегчить работу, предоставляя возможность оперативно получать аналитические данные, прогнозы и рекомендации по конкретным делам. Это особенно актуально в связи с расширяющейся правоприменительной практикой, не позволяющей лично отслеживать огромные массивы беспрестанно появляющихся данных. В то время как использование нейросетевых моделей способно сократить силы и время прокурорского работника, затрачиваемые на выполнение простых, но объемных задач, путем систематизации имеющихся данных и выделения общих закономерностей между ними, что существенно упростит анализ информации служителями закона. Помимо того, учеными выделяются и иные перспективы использования генеративного ИИ, как, например, интеллектуальное распознавание речи, используемое в целях упрощения процесса составления протоколов и иных процессуальных документов, установление дефектов и противоречий в доказательной базе и др. [6].

Хотелось бы заметить, что Генеральная Прокуратура РФ не манкирует запросы сотрудников. Так, по заявлению Генерального Прокурора РФ Игоря Викторовича Краснова, данного в ответ членам Совета Федерации, уже на момент 24 апреля 2024 года был подписан план по внедрению и использованию нейросетей в деятельность органов прокуратуры. В том же обращении было отмечено, что нейросети, на данный момент, будут использоваться преимущественно для аналитической работы, прогнозирования роста преступности в отдельных регионах, анализа законопроектов и других документов [1].

Однако, наряду с очевидными преимуществами использования генеративного ИИ возникают и серьезные правовые и этические вопросы. Одной из главных проблем, выделяемых исследователями ИИ, является вопрос невозможности обеспечения прозрачности и предсказуемости действий нейросетевых моделей. Данная проблема ограничивает возможности по внедрению технологий ИИ в правоприменительную и иные критически-важные сферы общества, так как «закрытость» логических цепочек ИИ не позволяет «понять» способ его «мышления», т. е. работу алгоритмов, и, в случае его применения, обеспечить прозрачность, открытость и контролируемость процесса расследования нарушений закона и последующего вынесения решений, что, в соответствии с нормами и духом права, является недопустимым. К сожалению, данная проблема лишь одна из многих, а не единственная. Исходя из анализа научной литературы, а также российских и зарубежных НПА, регулирующих использование ИИ, можно выделить целый список, в котором, с большой долей вероятности будут встречаться такие опасности, как: возможность утечки конфиденциальной информации; частое искажение данных системами ИИ; нарушение конституционных прав граждан, в особенности права на тайну частной жизни и другие [5].

Исходя из своей сути, вышеприведенные вызовы являются либо неразрешаемыми, либо почти неразрешаемыми, так как обусловлены объективными

особенностями и механизмами работы нейросетей. Потому, задача, стоящая перед законодателем, крайне нетривиальна: законное разрешение использования новых технологий правоприменителями – риск, а отказ от легального разрешения – ошибка. Отсутствие разрешенных программ и алгоритмов с большей долей вероятности приведет к обострению вышеперечисленных проблем, так как остановить прогресс не просто невозможно, а, более того, «преступно», по крайней мере, со стороны «здорового смысла» и существующих реалий.

Известно, что самые необходимые навыки и знания будущие специалисты получают во время обучения своей профессии в специализированных учебных заведениях. Помимо того, именно в студенческие годы люди вырабатывают не только профессиональные, но и общие навыки, в том числе связанные с поиском, изучением и обработкой информации. Поэтому мы посчитали необходимым посмотреть на ситуацию «на земле». Для выявления существующих тенденций, нами был проведен социологический опрос среди студентов Института Прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. Опрос проходил как письменно в онлайн-формате, так и устно. Хочется заметить, что студенты давали примерно одинаковые ответы в обеих формах опроса.

Перед респондентами было поставлено три вопроса: «Пользуетесь ли вы генеративным искусственным интеллектом в рамках образовательной деятельности?»; «Если вы пользуетесь генеративным искусственным интеллектом, то в какой степени вы полагаетесь на результаты его работы?»; «Каким ГИИ вы пользуетесь чаще всего?». На первый вопрос 100 % респондентов дали ответ: «Да, пользуюсь». На второй вопрос были даны следующие ответы: «Доверяю частично, потому всегда перепроверяю полученный материал, и, чаще всего, редактирую его» – с частотой 55 %; «Не доверяю, использую ГИИ лишь как вспомогательный элемент для сокращения затраты времени и сил на задачи, не требующие анализа и внимания» – с частотой 40 %; «Доверяю полностью, потому использую готовый материал без перепроверки и редактирования» – с частотой 5 %. В третьем вопросе выбор респондентов был следующим: ChatGPT – 34,1 %; DeepSeek – 26,8 %; Midjourney – 19,5 %; GigaChat – 12,2 %; «Пользуюсь иным ГИИ» – 7,3 %.

Проведя анализ полученных данных, можно прийти к следующему выводу: подавляющее большинство студентов используют генеративный искусственный интеллект в рамках образовательной деятельности. Однако полученный результат не должен вызывать серьезных опасений, так как 95 % обучающихся либо не доверяют ИИ и используют его лишь для простых, не требующих особого внимания задач, либо используют его обширнее, но перепроверяют результаты его работы и вносят необходимые правки. Но, с нашей точки зрения, особого внимания заслуживает то, что подавляющее большинство студентов пользуются нейросетями, разработанными зарубежными программистами, что, теоретически, может негативно повлиять на безопасность данных, подвергающихся анализу со стороны ИИ.

Таким образом, можно сделать вывод, что «уйти» от применения ИИ в рамках деятельности правоохранительных органов уже сейчас сложно, а са-

мое главное – ошибочно, в то время как в будущем, по заступлению на службу молодых специалистов, такая перспектива будет вовсе невозможной. Обществу и государству не стоит стараться остановить приближение будущего и внедрение современных технологий в повседневную деятельность. Но и пускать развитие технологий ИИ на «самотек» будет так же неверно. Достигнуть такого результата представляется реальным, например, посредством создания собственной модели генеративного ИИ. Законодателю необходимо выявить баланс между удобством нейросетевых моделей, как «помощников» сотрудников правоохранительных органов, и безопасностью самого государства и российского общества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Генеральная прокуратура начала внедрять в свою работу искусственный интеллект // ТАСС : информационное агентство России. URL: <https://tass.ru/politika/20634537> (дата обращения: 09.04.2025).

2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

3. Сушкова О. В. Правовые особенности использования и регулирования генеративного искусственного интеллекта для развития инновационной деятельности субъектами бизнеса // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10(122). С. 44–51.

4. Чурикова А. Ю. Использование искусственного интеллекта в целях управления рисками уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Пятой Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 19 мая 2023 г. Екатеринбург : Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб», 2023. С. 250–256.

5. Чурикова А. Ю. Использование систем искусственного интеллекта судами: риск-ориентированный подход регулирования // Организационные модели обеспечения деятельности судов в XXI веке: российский и зарубежный опыт и перспективы развития : сб. ст. к 25-летию Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Москва, 16 марта 2023 г. / отв. за выпуск А. А. Арямов, Е. В. Бурдина, Е. В. Голошумов. М. : Рос. гос. ун-т правосудия, 2023. С. 395–400.

6. Чурикова А. Ю. Управление рисками применения программ искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Севастополь, 27 апреля 2023 г. Севастополь : Ариал, 2023. С. 117–121.

Голованова Полина Александровна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

golovanovas118@yandex.ru

Смирнова Маргарита Алексеевна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

smirnovva.m.a@mail.ru

Правовое регулирование разрешения конфликтов в киберпространстве

***Аннотация.** В статье указывается на обусловленный анонимностью в сети Интернет и ослаблением моральных норм рост случаев киберпреступлений, в особенности кибербуллинга и троллинга. При этом отсутствие четких правовых дефиниций в российском законодательстве затрудняет привлечение виновных к ответственности. На основе исследования примеров из практики подчеркивается серьезность последствий кибербуллинга. Рассматривается возможность применения норм гражданского, административного и уголовного права. Авторы акцентируют внимание на необходимости совершенствования законодательства с учетом взаимоотношений в киберпространстве. Отмечается необходимость повышения осведомленности общества о способах разрешения конфликтов в сети Интернет.*

***Ключевые слова:** киберпространство, кибербуллинг, троллинг, киберправонарушения, Интернет.*

Golovanova Polina Aleksandrovna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Smirnova Margarita Alekseevna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Legal regulation of conflict resolution in cyberspace

***Annotation.** The article points out the increase in cybercrime cases, especially cyberbullying and trolling, caused by anonymity on the Internet and weakening moral standards. At the same time, the lack of clear legal definitions in Russian legislation makes it difficult to bring the perpetrators to justice. Based on a study of examples from practice, the seriousness of the consequences of cyberbullying is emphasized. The possibility of applying the norms of civil, administrative and criminal law is considered. The authors emphasize the need to improve legislation taking into account relationships in cyberspace. The need to increase public awareness of ways to resolve conflicts on the Internet is noted.*

***Keywords:** cyberspace, cyberbullying, trolling, cyber violations, Internet.*

В настоящее время роль информационно-телекоммуникационных технологий с каждым годом значительно возрастает. Возможность в некоторых случаях анонимно выступать в процессе цифровой коммуникации приводит к снижению воздействия моральных и этических норм, позволяя проявлять признаки агрессии, грубости и пренебрежительного отношения к окружающим. Данный фактор увеличивает возможности злоумышленников и позволяет совершать то, на что в реальной жизни они не способны. В связи с этим увеличивается и количество правонарушений и преступлений, совершаемых в киберпространстве. Так, по данным статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации за период с января по декабрь 2024 года 40 % от всего количества преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Это на 13,1 % больше, чем в 2023 году [5].

Несмотря на то, что термин «киберпространство» употребляется законодателем в нормативно-правовых актах, легального определения данного понятия не существует. Однако инициатива толкования данного понятия была представлена в проекте Концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации, в соответствии с которым киберпространство понимается как сфера деятельности в информационном пространстве, образованная совокупностью коммуникационных каналов Интернета и других телекоммуникационных сетей, технологической инфраструктуры, обеспечивающей их функционирование, и любых форм осуществляемой посредством их использования человеческой активности (личности, организации, государства) [8].

Киберпространство позволяет устанавливать различное коммуникативное взаимодействие, однако оно не всегда носит позитивный характер. В настоящее время распространенными конфликтами в киберпространстве являются кибербуллинг и троллинг. По данным мониторингового центра «Безопасность 2.0» количество проявлений кибербуллинга в России выросло на 15 % за 2024 год по сравнению с предыдущим годом [2].

Кибербуллинг – оскорбление, унижение через Интернет, социальные сети, электронную почту, телефон или другие устройства (распространение недостоверных изображений, телефонные звонки) [7]. Кибербуллинг, реализуемый посредством информационно-телекоммуникационных сетей, проявляется в таких формах как распространение компрометирующих фото- и видеоизображений, отправка сообщений, содержащих угрозы и унижительные оскорбления, распространение информации, порочащей человека, нарушающей неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров. Особую актуальность проблема кибербуллинга приобретает вследствие того, что чаще всего противоправные действия совершаются в отношении несовершеннолетних лиц. Острота данной проблемы проявляется в том, что психика детей в силу возрастных особенностей характеризуется повышенной подвижностью и восприимчивостью к разного рода негативным воздействиям, что приводит к неблагоприятным последствиям, вплоть до совершения самоубийства. Так, в 2006 году дело Меган Майер стало одним из резонансных преступлений

США. 13-летняя девочка, ставшая жертвой кибербуллинга в популярной социальной сети, совершила самоубийство.

Троллинг – размещение в Интернете провокационных сообщений с целью вызвать негативную эмоциональную реакцию или конфликты между участниками интернет-общения [6, с. 53–55]. Люди, занимающиеся троллингом, зачастую не только осуществляют оскорбление той или иной личности в сети с целью унижить получателя, повысить собственную самооценку или ради развлекательного эффекта, но и затрагивают острые социальные темы, провоцируя пользователей вступать в межличностные конфликты. Данные конфликты проявляются в агрессивных формах. Таким образом, главная задача троллинга – дестабилизация сетевого общения и нарушение нормального функционирования коммуникативной среды.

В российской юриспруденции констатируется отсутствие легальных дефиниций киберправонарушений и киберпреступлений, что, в свою очередь, обуславливает дефицит специализированных норм, регламентирующих юридическую ответственность за противоправные деяния, совершаемые в киберпространстве. Несмотря на отсутствие эксплицитного правового регулирования указанного комплекса общественных отношений, существующие формулировки норм в рамках гражданского, административного и уголовного права предоставляют возможность квалификации подобных деяний, используя диспозиции действующих статей ГК РФ, КоАП РФ и УК РФ. В частности, действия, конституирующие объективную сторону кибербуллинга, могут быть квалифицированы как административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ [4], санкция за которое предусматривает административный штраф в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей. Альтернативно, аналогичные действия могут содержать признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ [4], что влечет за собой наложение административного штрафа в размере от тридцати тысяч до ста тысяч рублей.

В зависимости от критерия общественной опасности деяния, совершенного субъектом правонарушения, возможна реализация уголовной ответственности, при условии наличия в деянии признаков состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ. Так, кибербуллинг, обусловивший доведение потерпевшего до суицида или покушения на суицид, может быть квалифицирован согласно п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ [9].

Троллинг, по своей сущности, содержит корреляции с клеветой, что обуславливает возможность наступления административной или уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности содеянного. Примечательно, что административная ответственность за распространение заведомо ложных сведений, дискредитирующих честь и достоинство индивида или наносящих ущерб его репутации, предусмотрена исключительно для юридических лиц. В отношении физических лиц, совершивших данное деяние,

применяется уголовная ответственность в соответствии с ч. 2 ст. 128.1 УК РФ [9].

Жертвы кибербуллинга и троллинга имеют право на обращение в судебные инстанции в рамках гражданского судопроизводства с целью взыскания компенсации морального вреда, причиненного действиями виновных лиц. В данном контексте, гражданско-правовая ответственность виновного лица может быть реализована в соответствии с положениями ст. 151 ГК РФ и п. 5 ст. 152 ГК РФ [3].

Анализ судебной практики показывает относительно небольшое количество споров, связанных с кибербуллингом и троллингом, при этом значительная их часть обусловлена обращениями органов прокуратуры в судебные инстанции с целью признания информации, распространяемой посредством сети Интернет, запрещенной к распространению и включения соответствующих интернет-страниц в Единый реестр доменных имен, содержащих информацию, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено. Реализация указанной возможности обеспечивается положениями ст. 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10].

В 2021 году прокуратурой Калужской области в Кировский районный суд был инициирован иск, преследующий цель защиты прав несовершеннолетних от деструктивной информации, распространяемой в сети Интернет и идентифицируемой как кибербуллинг. В обоснование заявленных исковых требований были представлены аргументированные доводы, опирающиеся на действующее законодательство Российской Федерации. Фундаментальным элементом обоснования искового заявления явились положения статей 5 и 22 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [11], детерминирующие информационную безопасность детей как состояние, исключающее вероятность причинения ущерба их физическому, психическому, духовному и нравственному развитию [10]. В развитие аргументации, прокурор апеллировал к письму Министерства образования и науки Российской Федерации «О направлении информации», содержащему экспликацию относительно дефиниции кибербуллинга и методов его превенции. В исковом заявлении была предпринята попытка обосновать потенциальную возможность применения статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации в контексте привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших особо квалифицированные формы кибербуллинга, которые могли быть квалифицированы как хулиганские действия, сопряженные с угрозами, насильственными действиями или причинением вреда здоровью. В дополнение к этому, прокурором была указана часть 1 статьи 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Основным требованием искового заявления являлось признание информации, размещенной на конкретном интернет-сайте, запрещенной к распространению, а также включение соответствующего доменного имени в Единый реестр доменных имен, содержащих информацию, распро-

странение которой в Российской Федерации запрещено. Рассмотрев представленные доказательства и правовые аргументы, судебная инстанция удовлетворила заявленные исковые требования прокуратуры. Указанное решение квалифицируется как эффективный инструмент в борьбе с распространением кибербуллинга и обеспечении защиты несовершеннолетних от контента, обладающего деструктивным воздействием [1].

Следует акцентировать внимание на том, что кибербуллинг характеризуется анонимностью, обусловленной техническими особенностями функционирования мессенджеров и социальных сетей, предоставляющих пользователям возможность сокрытия персональной информации или предоставления заведомо недостоверных персональных данных, включая имя и фамилию. В условиях анонимности повышается вероятность уклонения от ответственности за совершенные противоправные деяния. Данный фактор послужил одним из катализаторов введения различных видов ответственности за отдельные формы кибербуллинга в законодательстве Соединенных Штатов Америки, Австралии, Канады и Испании. Разделяя позицию М. А. Филатовой, представляется целесообразным принятие соответствующих мер на законодательном уровне в Российской Федерации в отношении описанных деяний, которые в настоящее время не подпадают под действие каких-либо мер ответственности в ситуациях, когда данные действия не содержат признаков иного правонарушения (клевета, отдельные виды оскорблений и т. п.) либо не квалифицируются как преступление в сфере компьютерной информации [12, с. 49–50].

Таким образом, проблема кибербуллинга и троллинга в современном цифровом обществе приобретает все большую актуальность – количество конфликтов в киберпространстве с каждым годом растет. Несмотря на то, что законодательство РФ не дает определения понятиям, связанным с киберпространством и киберправонарушениями, существующие нормы позволяют квалифицировать подобные действия. Однако они нуждаются в толковании в вопросах применения к общественно опасным деяниям, совершенным в сети Интернет, таким как кибербуллинг и троллинг, поскольку данный пробел в праве усложняет процесс выявления асоциального поведения злоумышленников [13, с. 48]. Важным шагом является также повышение осведомленности общества о рисках и последствиях кибербуллинга и троллинга, особенно среди несовершеннолетних. Эффективное противодействие этим явлениям требует комплексного подхода, включающего правовые, образовательные и профилактические меры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борьба с кибербуллингом. Что грозит за травлю в Интернете? // Мнения: ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/margaryan/1771240/> (дата обращения: 04.03.2025).

2. В 2024 году в России на 15 % выросло количество случаев кибербуллинга. URL: <https://www.anti-malware.ru/news/2025-02-11-121598/45246> (дата обращения: 03.03.2025).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2024. № 1. Ст. 1.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1; 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8510.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 03.03.2025).

6. Михайлова А. Д. Феномен интернет-троллинга: определение понятия и его возникновение // Вестник магистратуры. 2023. № 4-1 (139). С. 53–55.

7. О направлении методических рекомендаций». Письмо Минобрнауки России от 13 декабря 2022 г. № МН-6/1873 (вместе с «Методическими рекомендациями для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по профилактике буллинга (травли) среди обучающихся. Методическое пособие»). URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-13122022-n-mn-61873-o-napravlenii/> (дата обращения: 04.03.2025).

8. Проект Концепции стратегии кибербезопасности РФ. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2024. № 1. Ст. 77.

10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448; № 48. Ст. 7218.

11. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 1. Ст. 48; № 49. Ст. 7429.

12. Филатова М. А. Киберхарассмент: основания запрета по российскому и зарубежному уголовному законодательству // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 3. С. 48–66.

13. Чурикова А. Ю. Применение искусственного интеллекта и индикаторов риска для противодействия киберпреступности // Российский следователь. 2024. № 5. С. 47–51.

Гусельникова Ольга Владимировна
аспирант, Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации
имени А. Я. Сухарева
г. Москва, Российская Федерация
olya.gold25@mail.ru

**Коррупционная направленность при хищениях бюджетных средств,
выделенных для реализации национального проекта
«Безопасные качественные дороги»**

***Аннотация.** В настоящей статье производится анализ сущности криминалистических, уголовно-правовых основ борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности, связанными с распределением и использованием бюджетных средств, выделенных на реализацию национального проекта «Безопасные качественные дороги». Отмечается, что криминалистическая характеристика мошенничества отражает признаки и свойства конкретной категории преступлений, описаны материалы правоприменительной практики как приговоры по уголовным делам. В статье уделено внимание значимости знаний, характеристике способов совершения хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Безопасные качественные дороги» для усовершенствования методов их расследования. В этой связи задачей первоочередной важности является организация надлежащего контроля за распределением и расходованием бюджетных денежных средств во всех областях экономики.*

***Ключевые слова:** бюджетные средства, национальный проект «Безопасные качественные дороги», хищение, коррупция, должностное лицо, мошенничество.*

Guselnikova Olga Vladimirovna
postgraduate student, Sukharev Moscow Academy
of the Investigative Committee
Moscow, Russian Federation

**Corruption in embezzlement of budget funds allocated
for the implementation of the national project “Safe high-quality roads”**

***Annotation.** This article analyzes the essence of the criminalistic, criminal and legal foundations for combating economic and corruption crimes related to the allocation and use of budgetary funds allocated for the implementation of the national project “Safe high-quality Roads”. It is noted that the criminalistic characteristics of fraud reflect the signs and properties of a specific category of crimes, and materials of law enforcement practice are described as sentences in criminal cases. The article focuses on the importance of knowledge, characteristics of ways to commit embezzlement of budget funds intended for the implementation of the national project «Safe high-quality roads» to improve the methods of their investigation. In this regard, the organization of proper control over the distribution and expenditure of budget funds in all areas of the economy is of primary importance.*

***Keywords:** budget funds, national project “Safe high-quality roads”, embezzlement, corruption, official, fraud.*

Бюджетные средства остаются крайне привлекательными для преступного мира, что не обошло стороной бюджетных средств, выделяемые для реализации национальных проектов.

В период с 2019 по 2024 год действовал национальный проект «Безопасные качественные дороги» («Безопасные и качественные автомобильные дороги»), который являлся одним из приоритетных программ, направленных на развитие ключевых сфер жизни общества. С января 2025 года национальный проект «Безопасные качественные дороги» переименован – «Инфраструктура для жизни» и будет действовать до 2030 года. Национальный проект «Безопасные качественные дороги» ставил перед собой цель повышение качества жизни населения в сфере дорожного хозяйства.

В ходе анализа правоохранительной и судебной практики было выявлено, что преступления экономической и коррупционной направленности «совершаются гражданами и должностными лицами, из корыстных побуждений реализующими умысел на незаконное обогащение путем хищения бюджетных денежных средств, выделяемых для государственных и муниципальных нужд на реализацию национальных проектов (программ) и федеральных целевых программ» [4, с. 21], в том числе в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги»

Наиболее часто лицами совершались и совершаются хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Безопасные качественные дороги», путем обмана или злоупотреблением доверия, действия которых квалифицируются по ст. 159 УК РФ, как мошенничество. Второе место занимает получение взятки должностными лицами путем совершения действий (действий) в интересах дателя или представляемых им лиц, квалифицируется по ст. 290 УК РФ. Помимо этого действия лиц также квалифицируют по ст. 160 УК РФ (Присвоение или растрата), ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), ст. 291 УК РФ (дача взятки). Как отмечал Ю. П. Гармаев «хищения, прежде всего, составы мошенничества, присвоения и растраты (ст. 159–159.6, 160 УК РФ и др.)» [1, с. 178].

Наиболее опасные хищения совершаются в совокупности с коррупционными посягательствами. «Наиболее общественно опасна та преступная деятельность, что реализуется в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе (и особенно) – при реализации национальных проектов (программ)» [2, с. 104]. «В большинстве таких случаев преступники используют свое служебное положение и доступ к административным ресурсам» [5, с. 64].

В результате анализа расследованных преступлений по хищениям бюджетных средств, предназначенных для реализации нацпроекта «Безопасные качественные дороги», часто выявляются случаи, когда «виновными в фактах посягательства на бюджетные средства в процессе реализации национальных проектов являются как должностные лица, ответственные за выделение средств, так и за их освоение» [3, с. 131]. Преступники используют различные способы

для совершения преступления и получения ими выгоды. Так, для заключения государственного или муниципального контракта занижают начальные сумму контракта либо завышают расценки, при выполнении ими работ. Также выплачивают денежные средства за непринятие мер по привлечению подрядной организации к ответственности за ненадлежащее исполнение муниципального контракта, за беспрепятственную приемку работ по нацпроекту «Безопасные качественные дороги».

Например, в Мурманской области главный специалист Министерства транспорта и дорожного хозяйства, согласно функций и задач гражданского служащего выполнявшая обязанности по организации заседаний проектного комитета по реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» на территории Мурманской области, участвовавшая в подготовке проектов договоров и соглашений, обеспечивавшая осуществление Министерством контроля за их выполнением, выполнявшая иные функции в соответствии с решениями Губернатора, Правительства Мурманской области, министра транспорта и дорожного хозяйства Мурманской области и начальника отдела Министерства, получила информацию о заключенных по итогам проведения аукциона в электронной форме договорах на выполнение работ по ремонту автомобильных дорог общего пользования местного значения города Мурманска на сумму 399,1 млн руб. В целях личного обогащения, с использованием своего служебного положения, имела преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества – денежных средств. Неоднократно созванивалась с Потерпевшим (директором фирмы) и с целью хищения его денежных средств доводила до него сведения о решенных ею вопросах с представителями стороны заказчика, с организациями, осуществляющих контроль качества выполняемых работ, а также иных контролирующих органов, о приемке, согласовании и подписании исполнительной документации, а также, что оплата работ, выполненных по договорам, была произведена при ее содействии. Потерпевший (директор фирмы) показал, что он узнал от своего знакомого, что его родственница Н. может оказать содействие в приемке выполняемых ими работ и ускорить прохождение платежей. Далее, он встретился с Н., которая ему сказала, что готова оказать ему содействие в ускорении процесса приемки выполненных работ, за что он должен будет передать ей 8,0 млн руб., впоследствии эта сумма была ею снижена до 5,0 млн руб. Он понимал, что выдвигаемые Н. требования незаконны, и об указанном факте сообщил сотрудникам УФСБ России по Мурманской области, которые предложили ему изобличить действия Н., на что он ответил согласием. В ходе оперативно-розыскного мероприятия встретился с Н. и передал ей выданную ему сотрудниками УФСБ коробку конфет и 1,1 млн руб., т. е. часть средств. Н. была задержана сотрудниками УФСБ России по Мурманской области. Судом действия подсудимой квалифицированы как покушение на совершение мошенничества, «Октябрьским районным судом г. Мурманска Мурманской области признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.159 УК РФ» [6].

Должностные лица, совершающие противоправные деяния, запрашивают на реализацию соответствующих проектов намеренно завышенные объемы средств, специально придумывают определенные траты, номенклатуры товаров, направления. Дальше эти деньги расходуются почти законно, тут очень сложно оценить криминальную составляющую, поскольку вроде бы нужные позиции закупали. Ну да, по высокой цене, но вроде с соблюдением необходимых процедур. А зачем закупали – непонятно. Принцип целесообразности и обоснованности трат все еще чужд многим чиновникам.

Например, в Тамбовской области по итогам электронного аукциона между МКУ «ДГД» с ООО заключен контракт на выполнение работ по ремонту автомобильной дороги стоимостью 4,8 млн руб. В ходе исполнения контракта, в числе прочих работ, было предусмотрено, что ООО должно было выполнить работы по срезке деформированного асфальтобетонного покрытия фрезой и его транспортировка на площадку МБУ. С момента участия в Национальном проекте «Безопасные и качественные дороги», т. е. с 2018 года МБУ принимает возвратный материал, полученный в результате работ по демонтажу конструкций для возможного использования при содержании городских автомобильных дорог, фрез используется для устранения аварийной ямочности. Генеральный директор ООО, реализуя свой преступный умысел, направленный на хищение денежных средств путем обмана и злоупотребления доверием, подписал и предоставил в МКУ «ДГД» документы КС-2 и КС-3 (акты о приемке выполненных работ и справки о стоимости работ), соответствующие проектно-сметной документации, но с включением в них показателей о полученных 575 тоннах асфальтобетонного гранулянта и их перевозке на базу МБУ, которые фактически не перевозились, в сумме 1,2 млн руб., которые в действительности были незаконно использованы в личных целях. В ходе следствия проведена строительная экспертиза, согласно заключению эксперта, объем среза (фреза) асфальтобетонного покрытия, полученный в результате демонтажа дорожного покрытия, составляет 575 тонн, стоимость 575 тонн среза (фреза) асфальтобетонного покрытия на дату применения рыночного коэффициента подписания актов выполненных работ составляла 1,2 млн руб. «Октябрьским районным судом г. Тамбова генеральный директор ООО признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ» [7].

Следует отметить, что расследование экономических и коррупционных преступлений затрудняется сложностью анализа финансовых потоков, обработкой большого объема документации, давностью преступления, отсутствием свидетелей, утратой следовой картины. Как правило, причастные лица к совершенному хищению бюджетных средств, предназначенных для реализации нацпроектов, заинтересованы в успешном завершении расследования дела и не выявлению преступлений. Способность выявлять при расследовании скрытые механизмы и мотивы коррумпированных действий напрямую влияет на эффективность расследований и возможность привлечения виновных к ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гармаев Ю. П. Основы криминалистической характеристики коррупционных преступлений: обновленный методологический подход // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2. С. 174–183.
2. Гармаев Ю. П. Приоритеты государственной политики в контексте разработки и модернизации криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1(54). С. 101–108.
3. Клещев С. К. Аналитический инструментарий исследования угроз коррупционного характера при реализации национальных проектов в сфере образования // Журнал: Russianjournalofmanagement. 2021. Т. 9, № 3. С. 131–135.
4. Мангасаров Р. А. Борьба с преступлениями экономической и коррупционной направленности, связанными с распределением и использованием бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных проектов и федеральных целевых программ // Полицейская и следственная деятельность. 2022. № 1. С. 17–29.
5. Петухов А. Ю. К вопросу о криминалистической характеристике хищения денежных средств, выделенных на реализацию федеральных целевых программ // Вестник науки. 2020. Т. 4, № 10(31). С. 63–68.
6. Приговор Октябрьского районного суда г. Мурманска Мурманской области от 04 июля 2022 г. по делу № 1-188/2022 URL: <http://internet.garant.ru> (дата обращения: 10.04.2025).
7. Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова Тамбовская область от 17 июля 2023 г. по делу № 1-305/2023 URL: <http://internet.garant.ru> (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 347.963

Абрамова Злата Алексеевна

студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
zlatochkaabramova@mail.ru

Цифровизация органов прокуратуры

***Аннотация.** В статье анализируется современное состояние и будущие возможности интеграции цифровых технологий в работу прокуратуры. Рассматриваются основные направления цифровизации, включая создание электронных баз данных, использование систем для электронного документооборота, применение искусственного интеллекта для обработки больших объемов данных и автоматизации рутинных процессов, а также использование современных коммуникационных средств. Исследуется, как цифровизация влияет на эффективность работы прокуратуры, взаимодействие с гражданами и другими государст-*

венными учреждениями, анализируются риски, связанные с внедрением новых технологий. В заключении подчеркивается значимость и результаты цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, органы прокуратуры, Генеральная прокуратура РФ.

Abramova Zlata Alekseevna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Digitalization of the prosecution authorities

***Annotation.** The article analyzes the current state and future possibilities of integrating digital technologies into the work of the prosecutor's office. The main directions of digitalization are considered, including the creation of electronic databases, the use of systems for electronic document management, the use of artificial intelligence for processing large volumes of data and automation of routine processes, as well as the use of modern communications. It is investigated how digitalization affects the effectiveness of the prosecutor's office, facilitates the interaction with citizens and other government agencies, and the risks associated with the introduction of new technologies are considered. In conclusion, the importance and results of digital transformation are emphasized.*

***Keywords:** digitalization, information technology, prosecutor's office, General Prosecutor's Office of the Russian Federation.*

В настоящее время информационные технологии играют важную роль в повседневной жизни людей и в управлении различными процессами. В указе президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года обозначены основные цели развития страны до 2030 года, и одна из них – цифровая трансформация [12, с. 9].

Деятельность по цифровой трансформации прокуратуры входит в состав федерального проекта «Цифровое государственное управление». Целью этих мероприятий является интеграция современных технологий в надзорные функции прокуратуры, а также улучшение взаимодействия правоохранительных органов России через использование цифровых инструментов. В рамках проекта также предусмотрено создание современных автоматизированных рабочих мест и сервисов для обработки цифровой информации на защищенной инфраструктуре Генеральной прокуратуры РФ [11].

Цифровизация прокуратуры – это процесс интеграции современных информационных технологий в работу прокурорских органов, с целью улучшения их деятельности и взаимодействия с гражданами и государственными структурами, а также повышения прозрачности и доступности правосудия.

Целями цифровой трансформации являются: повышение эффективности деятельности органов прокуратуры по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства; создание условий для оперативной реализации надзорных функций в связи с цифровизацией объектов надзора; обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования собственной цифровой инфраструктуры, повышение ее информационной

безопасности; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия органов прокуратуры с гражданами, организациями, институтами гражданского общества, органами государственной власти и местного самоуправления и др. [9].

Цифровые технологии позволяют проводить более глубокий и оперативный анализ правопорядка и законности, совершенствовать документооборот, существенно сократить долю рутинных операций, выполняемых работниками, а также оптимизировать управление другими процессами и ресурсами.

В настоящее время все прокуратуры оборудованы автоматизированными рабочими местами с установленным специализированным программным обеспечением. Было поставлено более 5 тысяч multifunctional устройств и 7 тысяч сканеров. В процессе перехода на IP-телефонию в органах прокуратуры было установлено свыше 41 тысячи телефонных аппаратов. Везде принимаются меры по созданию структурированных кабельных систем [7].

С целью обеспечения эффективного использования программного обеспечения, информационных систем и информационных ресурсов в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации Генеральная прокуратура РФ утвердила единый реестр программного обеспечения [8]. В него входят:

1. Федеральная государственная информационная система «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий».
2. Государственная автоматизированная система правовой статистики.
3. Информационная система межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
4. Специальное программное обеспечение «Единый портал прокуратуры Российской Федерации».
5. Автоматизированный информационный комплекс «Надзор-WEB».
6. Автоматизированный информационный комплекс учета кадров и кадрового делопроизводства органов прокуратуры Российской Федерации.
7. И иные информационные ресурсы.

Также в новые информационные системы прокуратуры Российской Федерации интегрированы функции, связанные с использованием электронной подписи.

В 2023 году Генеральная прокуратура Российской Федерации выделила около 2 миллиардов рублей на приобретение персональных компьютеров, функционирующих на базе операционной системы Windows, которые поставлены ПАО «РОСТЕЛЕКОМ» во все регионы страны [1].

Генеральная прокуратура России учредила новое подразделение, которое будет использовать технологии искусственного интеллекта для анализа состояния преступности и прогнозирования будущих направлений работы прокуратуры с целью борьбы с правонарушениями. Об этом сообщил Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) [2]. Президент Владимир Путин предложил правоохранительным органам изучить опыт применения искусственного интеллекта в расследовании

преступлений и, при необходимости, подготовить рекомендации по его улучшению [10].

Генеральная прокуратура Российской Федерации активно занимается внедрением систем искусственного интеллекта, которые помогут прокурорам в выполнении их задач. В настоящее время разрабатывается информационно-аналитическая система «Электронный кабинет прокурора», который позволит сократить непроизводительные трудозатраты прокуроров, связанные со сбором и обработкой больших объемов данных. Система будет собирать различную информацию, необходимую для надзорной деятельности, и с помощью искусственного интеллекта распределять ее по категориям в зависимости от тематики докладных записок, выявленных нарушений и актов прокурорского реагирования. Такое распределение информации позволит упорядочить основные данные о работе прокурора и упростит подготовку обобщений и аналитических материалов по конкретным направлениям, а также сведений о результатах анализа состояния законности на контролируемой территории [4].

В настоящее время в прокуратуре эффективно используются платформы «СПАРК», «Маркер», «ГИС ЖКХ», «Правосудие» и X-Compliance для проверки сделок и выявления коррупции. В 2023 году это помогло предотвратить легализацию 46 миллиардов рублей и ущерб в 7 миллиардов рублей. Также разрабатывается программное обеспечение для борьбы с преступлениями в сфере криптовалют, что улучшает мониторинг транзакций и раскрытие мошенничества. Известно, что ИТ-преступления составляют более трети всех зафиксированных случаев в России [3].

Информационные технологии помогают органам прокуратуры не только в надзорных функциях, но в сотрудничестве с другими ведомствами и организациями с помощью оборудования и программного обеспечения для проведения мероприятий в режиме видеоконференцсвязи.

Любые технологические нововведения могут оказаться неэффективными, если не учитывать огромную роль человеческого фактора, без которого не будет работать ни одна система. Для работы с техническим оборудованием работники органов прокуратуры должны обладать соответствующими компетенциями для достижения результатов цифровизации. Еще на этапе обучения будущие прокуроры изучают информационные технологии, необходимые в работе.

Увеличение объемов цифровых данных создает риски кибератак, незаконного доступа к конфиденциальной информации и ее утечки, что является острой проблемой и требует надежной аппаратно-программной и правовой защиты этих сведений.

Еще одной проблемой прокурорского надзора является отсутствие возможности направлять меры реагирования в электронной форме. Законодательство об электронной цифровой подписи (ЭЦП) требует индивидуальной оценки законности оформления документов, и некоторые из них нельзя оформить в электронном виде. Хотя закон допускает электронные меры реагирования, необходимо разработать эффективные механизмы для их цифровой реализации. Однако использование ЭЦП не переводит процесс в цифровой формат, так как

документы часто распечатываются и заверяются, что сопоставимо с традиционным оформлением [6].

В своей статье Ю. О. Карпышев отмечает, что внедрение ГАС ПС в работу прокуроров связано с развитием технологий, но не достигло совершенства. Обучение часто не охватывает все нюансы, что затрудняет работу. Многие прокуроры считают систему сложной и неудобной, а также указывают на недостатки программы и проблемы с Интернетом. Ввод данных занимает много времени, отвлекая от основных обязанностей. Оптимизацией процесса может стать назначение специального сотрудника для внесения данных, что снизит нагрузку на прокуроров [5].

В заключении хочется отметить, что информационные технологии играют важную роль в современной деятельности органов прокуратуры. Их использование способствует улучшению эффективности работы, повышает качество и уровень выполнения задач и функций органов прокуратуры. Эффективное использование информационных технологий способствует повышению уровня реагирования на возникающие задачи и повышает работоспособность правоохранительных органов. В то же время информационные системы не способны заменить прокурора, обладающего профессиональной интуицией, умениями, преданностью своей стране и чутким отношением к людям. Личные качества имеют особое значение при решении острых социальных вопросов и в общении с гражданами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Генеральная прокуратура покупает 50 тыс. ПК на ОС Windows. Часть из них должна поддерживать американскую платформу Avaya. URL: https://gov.cnews.ru/news/top/2023-08-23_rostelekom_postavit_sotrudnikam (дата обращения: 19.03.2025).

2. Генеральная прокуратура стала применять искусственный интеллект для прогнозирования ситуации с преступностью // Рамблер/новости. URL: https://news.rambler.ru/world/50934179-gp-stala-primenyat-iskusstvennyy-intellekt-dlya-prognozirovaniya-situatsii-s-prestupnostyu/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 17.03.2025).

3. Как проходит цифровизация Генеральной прокуратуры // TADVISER. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информационные технологии в Генпрокуратуре РФ> (дата обращения: 25.03.2025).

4. Карпышева Ю. О. О возможностях использования искусственного интеллекта и иных информационных технологий в деятельности прокурора по надзору за исполнением законов // NB: Административное право и практика администрирования. 2023. № 4. С. 15–23. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68903 (дата обращения: 25.03.2025).

5. Карпышева Ю. О. Проблемы и перспективы использования государственной автоматизированной системы правовой статистики в работе прокурора // Законность. 2021. № 12(1046). С. 25–27.

6. Мигунова Т. Л., Королев А. А. Правовые проблемы цифровизации прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 6. С. 200–205.

7. О реализации мероприятий цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=76108304> (дата обращения: 17.03.2025).

8. Об утверждении перечня информационных систем персональных данных органов и организаций прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 12 мая 2023 г. № 316. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-12052023-n-316/> (дата обращения: 17.03.2025).

9. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года : Приказ Генпрокуратуры России от 14 сентября 2017 г. № 627 (ред. от 27.05.2024) (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») . URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-14092017-n-627/> (дата обращения: 17.03.2025).

10. В. В. Путин рекомендовал использовать ИИ при расследовании преступлений. URL: <https://pravo.ru/news/250981/> (дата обращения: 17.03.2025).

11. Цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры Российской Федерации // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/842/> (дата обращения: 17.03.2025).

12. Цифровизация деятельности органов прокуратуры : сб. материалов семинара (круглого стола) (Москва, 30 сентября 2020 г.) / под общ. ред. И. В. Горошко ; сост. А. Л. Коренюк. М., 2021. 212 с.

УДК 343.21

Баймухаметов Рашид Рафикович

студент Балаковского филиала

Саратовской государственной юридической академии

г. Балаково, Российская Федерация

baymukhametov_2017@mail.ru

Проблемы реализации отдельных направлений современной уголовно-правовой политики Российской Федерации

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные тенденции и нововведения в деятельности государства по борьбе с преступностью. На основе статистических данных проведен анализ эффективности используемых средств уголовно-правовой политики и проблемы их применения в современных условиях. Также исследованы причины возникновения таких проблем и способы, с помощью которых можно уменьшить их количество. Рассмотрена проблематика борьбы с кибермошенничеством, а также уголовно-правовое значение само-запрета на заключение договора потребительского кредита (займа) с кредитными и мик-*

рофинансовыми организациями. Раскрыты изменения, вносимые в Уголовный кодекс РФ, и выявлены особенности их влияния на криминогенную обстановку.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, киберпреступление, кибермошенничество, самозапрет, воспитательная функция, юридическая ответственность.

Baymukhametov Rashid Rafikovich

Student of the Balakovo branch

Saratov State Law Academy

Balakovo, Russian Federation

Problems of implementation of certain areas of the modern criminal law policy of the Russian Federation

***Annotation.** The article examines the main trends and innovations in the state's activities to combat crime. Based on statistical data, an analysis of the effectiveness of the used means of criminal law policy and the problems of their application in modern conditions is carried out. The causes of such problems and the ways in which they can be reduced have also been investigated. The article considers the problems of combating cyberbullying, as well as the criminal and legal significance of a self-ban on concluding a consumer loan agreement with credit and microfinance organizations. The amendments to the Criminal Code of the Russian Federation have been studied and the peculiarities of their impact on the criminal situation have been identified.*

Keywords: criminal law policy, cybercrime, cyberbullying, self-incarceration, educational function, legal responsibility.

Преступления, как проявления общественно опасного противоправного поведения, являлись и являются важной проблемой на протяжении всего периода развития любого государства. Но каждое из них само определяет для себя те способы, которыми будет бороться с данными явлениями. Российская Федерация в этом вопросе, конечно, не является исключением и также ищет пути решения этой насущной проблемы. Разработка и реализация уголовно-правовой политики – необходимые меры для минимизации криминального поведения, которые характеризуют конкретные направления деятельности нашего государства в данной сфере.

Современное общество развивается стремительными темпами. Данный факт свидетельствует о том, что каждый отдельный преступник использует все новшества для достижения цели своего преступного деяния. Это, в свою очередь, усложняет деятельность законодателя, которому приходится изучать нововведения, практику их применения преступниками и разрабатывать особые правовые подходы, направленные на минимизацию проявления новых видов криминального поведения. Все вышеуказанное демонстрирует догоняющий характер современной уголовно-правовой политики, где именно преступник применяет новые способы, средства совершения общественно опасного деяния, а законодатель, анализируя это, разрабатывает методы борьбы с данными проявлениями противоправного поведения. Анализ и принятие всех необходимых мер для качественной борьбы с преступностью является далеко не быстрым процессом, что также характеризует сложность реализации уголовной политики.

Внесение изменений в Уголовный кодекс РФ [2] – один из самых эффективных способов борьбы с преступным поведением: криминализация и декриминализация деяний, изменение видов и размеров наказаний по отдельным составам преступлений. Все это характеризует общие направления уголовно-правовой политики в РФ. Теперь более подробно стоит рассмотреть конкретные действия государства в этой сфере.

Рассмотрим некоторые направления уголовно-правовой политики в сфере борьбы с киберпреступностью. В действующей редакции УК РФ нет легального определения данного понятия, закрепляются только некоторые составы преступлений в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» а также в иных статьях других глав особенной части уголовного закона. Стоит обратиться к правоприменительной практике и статистическим данным. Таким образом, ознакомившись со статистикой МВД РФ за 2024 год [5] о состоянии преступности, количество киберпреступлений увеличилось на 13,1 % по сравнению с 2023 годом и составляет 765 365 совершенных общественно опасных деяний. Изучая статистические данные, можно также обнаружить и факт увеличения числа преступлений, совершенных с использованием сети Интернет и средств мобильной связи, в процентном соотношении – на 23,2 и 14,3 % соответственно. Это описывает необходимость внедрения новых подходов к борьбе с преступлениями, совершенными с использованием указанных выше средств. В таком случае не получается просто ограничиться разработкой и внедрением в уголовный закон новых составов преступлений или ужесточением ответственности по уже имеющимся статьям особенной части УК РФ. Рассмотрим конкретные действия государства по минимизации данных общественно опасных деяний.

Из всех киберпреступлений самым частым по количеству совершений является кибермошенничество, проявляющееся в самых разнообразных формах (телефонное, интернет-мошенничество и др.). Законодателем в данной сфере были выделены даже два отдельных состава преступления (статьи 159.3 и 159.6), по которым лица, нарушившие свою обязанность по воздержанию от совершения общественно опасных деяний, привлекаются к уголовной ответственности по данным статьям. Однако реализация мер государственного принуждения в этой сфере затрудняется совершением таких общественно опасных деяний лицами, не являющимися гражданами РФ и находящимися на территории другого государства. Высказанное позволяет установить факт надгосударственного характера такой преступности, что в свою очередь требует пересмотра уголовно-правовой политики РФ, которая должна закреплять значимость межгосударственного взаимодействия для минимизации преступлений в данной сфере. Также в реализации перечисленных выше положений особое место занимает деятельность Верховного Суда РФ по разъяснению судебной практики. Касаясь применения статей 159–159.6 УК РФ очень важно рассматривать Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [1], в котором

раскрывается множество особенностей, связанных с отправлением правосудия по уголовным делам.

Одним из нововведений в действующем законодательстве, касаемо борьбы со всеми видами мошенничества, является внедрение самозапрета на заключение договоров потребительского кредита (займа) с кредитными и микрофинансовыми организациями. Эти изменения внесены в два федеральных закона: «О потребительском кредите (займе)» [3] и «О кредитных историях» [4]. Они вступили в силу с 1 марта 2025 года. Это совершенно новый подход в сфере борьбы с мошенничеством, характеризующийся невнесением изменений в уголовный закон, а возможностью самих граждан установить такой запрет с целью обезопасить себя и свои средства от действий мошенников. Это характеризует осознание государством высокого уровня развития средств, с помощью которых совершаются подобные преступления, и принятием особых нетипичных способов борьбы с такими проявлениями криминального поведения. В свою очередь, самозапрет на заключение договоров потребительского кредита – наилучшее решение в данном случае, поскольку осуществляется не только уголовное преследование по отношению к лицам, совершившим преступное деяние, но и пресечение самой возможности совершить такое преступление. Но это не единственная проблема в реализации уголовно-правовой политики РФ.

Следующей немаловажной проблемой реализации современной уголовно-правовой политики РФ является отсутствие единого правового документа, в котором содержались бы все тенденции и приоритеты, которые должны быть реализованы в ходе процесса реформации уголовного и иного законодательства, которое может быть использовано для уменьшения количества совершаемых преступлений. Недостатком такого явления можно считать несистемный подход при внесении изменений в УК РФ. Законодатель, пытаясь создать правовые условия для охраны конкретных ценностей, благ и общественных отношений, иногда забывает о структуре и системе самого УК РФ, что в некоторых случаях приводит к образованию коллизий. Это связано с тем, что в количественном соотношении число новых составов преступлений превышает составы, которые признаются утратившими силу.

Несмотря на это, законодатель стремится к повышению воспитательного значения уголовного наказания, заменяя в конкретных статьях особенной части УК РФ лишение свободы на менее суровую меру либо снижая максимальный срок указанного ранее вида наказания.

Так, например, с 1 апреля 2024 года вступили в силу изменения, касающиеся статьи 226.1 УК РФ, которая устанавливает ответственность за незаконное перемещение через границу стратегически важных товаров и ресурсов, культурных ценностей, особо ценных диких животных, водных биоресурсов, растений и др. Эти изменения коснулись наказания за совершение данного преступного деяния: лишение свободы может назначаться на срок до 5 лет (было 3–7 лет), также введена альтернативная мера в виде штрафа или принудительных работ (ранее такового не присутствовало в данной статье).

В 2023 году также наблюдалась данная тенденция на установление более мягкого уголовного наказания. Рассмотрим это на конкретных примерах.

С 29 марта 2023 года вступили в силу изменения, которые смягчили ответственность за ряд экономических преступлений, совершенных в особо крупном размере: уклонение организации от уплаты налогов, сборов, страховых взносов (ст.199); неисполнение обязанности налогового агента (ст. 199.1); сокрытие денег или имущества организации или ИП, за счет которых взыскивают налоги, сборы, страховые взносы (ст. 199.2). Максимальный срок лишения свободы за совершение данных общественно опасных деяний был уменьшен до 5 лет, что в соответствии со статьей 15 УК РФ переводит категории этих преступлений с тяжкого на средней тяжести. Данное изменение имеет достаточно важное уголовно-правовое значение, так как влечет за собой снижение сроков давности с 10 до 6 лет, снижение максимального срока содержания под стражей до 6 месяцев, невозможность дополнительной квалификации действий соучастников по налоговым преступлениям по ст. 210 УК РФ (Организация преступного сообщества или участие в нем).

Разумеется, это не все нововведения в уголовном законе за последние пару лет, это лишь самые яркие примеры, которые демонстрируют конкретные направления деятельности государства в сфере реформации и изменения уголовно-правовой политики. Так как указанные выше меры были приняты не так давно, то нельзя сказать точно, какой итоговый результат они принесут, но, опираясь на статистику МВД РФ за январь – декабрь 2024 года [5], можно сделать предварительный вывод: меры, которые были направлены на уменьшение максимального срока лишения свободы за налоговые преступления, оправдали себя, так как по сравнению с аналогичным периодом 2023 года количество таких преступлений снизилось на 6 %.

Таким образом, рассмотрев конкретные примеры, можно прийти к выводу, что в условиях постиндустриального (информационного) общества перед Российской Федерацией стоит множество проблем, которые связаны с использованием преступниками все более изощренных средств совершения общественно опасных деяний. Это усложняет процесс разработки и реализации уголовно-правовой политики, где законодателю приходится наперед продумывать развитие общественных отношений для понимания того, как и от чего именно требуется охранять общество, и средств преступного воздействия на них с целью пресечения криминального поведения. Современная уголовно-правовая политика не является идеальной, но независимо от всех недостатков применяются и, действительно, качественные методы борьбы с преступностью, которые позволяют улучшить криминогенную обстановку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15.12.2022) // Российская газета. 2017. 11 декабря.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 28.02.2025г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. О потребительском кредите (займе) : Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6673.

4. О кредитных историях : Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 44.

5. Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года // Офиц. сайт МВД Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения 17.03.2025).

УДК 349.2

Богачева Екатерина Александровна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

katya.bogacheva.44@mail.ru

Скворцова София Сергеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

soniaskvo0409@mail.ru

Курение на рабочем месте – дисциплинарный проступок?

***Аннотация.** В статье рассматриваются случаи, порождающие проблему в определении отрасли, которую следует применять. Некоторые запреты, установленные административным и трудовым правом, могут пересекаться, поэтому появляется вопрос об их разграничении. Курение до сих пор является распространенным явлением. По данным ВЦИОМ [1] число курящих сигареты россиян в 2023 г. составило 30 % населения старше 18 лет. Не исключено, что какой-либо работник захочет покурить на рабочем месте. Тогда появляется вопрос о возможности привлечения работодателем работника к дисциплинарной ответственности за данное деяние при условии, что запрет на курение установлен федеральным законом, предусматривающим административную ответственность за это правонарушение. В данной работе рассматривается разрешение этого вопроса.*

***Ключевые слова:** дисциплинарная ответственность, административная ответственность, курение, разграничение, работник, работодатель, рабочее место.*

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Skvortsova Sofia Sergeevna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Is smoking in the workplace a disciplinary offence?

***Annotation.** The article discusses cases that pose a problem in determining the industry to apply. Some prohibitions established by administrative and labor law may overlap, so there is a question of their differentiation. Smoking is still a common occurrence. According to VTsIOM, the number of Russians smoking cigarettes in 2023 was 30 % of the population over the age of 18. It is possible that some employee will want to smoke in the workplace. Then the question arises about the possibility of bringing the employee to disciplinary responsibility by the employer for this act, provided that the smoking ban is established by federal law providing for administrative liability for this offense. This paper discusses the resolution of this issue.*

***Keywords:** disciplinary responsibility, administrative responsibility, smoking, differentiation, employee, employer, workplace.*

Определение границ трудовой функции и ее надлежащего исполнения является важной теоретической и практической задачей трудового права. Согласно статье 15 Трудового кодекса Российской Федерации работник обязан за плату лично выполнять трудовую функцию. В статье 21 Трудового кодекса определены основные трудовые права и обязанности работника независимо от организационно-правовой формы работодателя [2]. Между тем, возникает вопрос: является ли курение невыполнением трудовой функции и связано ли оно с должностными обязанностями? А также: возможно ли привлечь к дисциплинарной ответственности за курение на рабочем месте? На первый взгляд, на эти вопросы можно дать отрицательный ответ. Однако при более детальном рассмотрении, ситуация становится сложнее. Простое отрицание не учитывает всей сложности регулирования трудовых отношений и роли локальных нормативных актов в конкретизации общих положений трудового законодательства.

Поэтому, прежде чем дать окончательный ответ, необходимо тщательно проанализировать несколько ключевых аспектов:

Во-первых, вправе ли работодатель привлечь работника к дисциплинарной ответственности за курение на рабочем месте, если это деяние будет также запрещено локальным актом? Не является ли это «двойной юридической ответственностью» лица за одно и то же противоправное деяние? Здесь также возникает вопрос о соотношении административной ответственности, предусмотренной за нарушение запрета курения, установленного федеральным законом от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» [4] (далее – № 15-ФЗ), и дисциплинарной от-

ветственности, налагаемой работодателем за неисполнение либо ненадлежащее исполнение по вине работника трудовых обязанностей.

Во-вторых, не будет ли это выходить за рамки компетенции работодателя, так как этот юридический запрет уже установлен федеральным законом? Не происходит ли «подмена функций государства», когда работодатель, вводя аналогичные запреты, фактически дублирует законодательное регулирование? Не является ли это регулированием, неоправданно ограничивающим права работника?

И, наконец, в-третьих, может ли локальный нормативный акт установить подобный запрет? Какова природа обязанности не курить на рабочем месте? Является ли она производной от федерального закона или самостоятельной обязанностью, вытекающей из трудового договора и локальных нормативных актов работодателя?

Остановимся на каждом из вопросов более подробно. Так, для иллюстрации разграничения административной и дисциплинарной ответственности за схожие правонарушения обратимся к анализу ситуации с курением на рабочем месте. Согласно ст. 6.24 КоАП РФ [1], административная ответственность наступает за нарушение федерального запрета на курение в определенных местах, установленного федеральным законом № 15-ФЗ. Дисциплинарная ответственность, предусмотренная ст. 192 ТК РФ, наступает за нарушение правил внутреннего трудового распорядка, которые устанавливаются работодателем в соответствии со ст. 189 ТК РФ [2]. Если работодатель в локальном нормативном акте (например, в правилах внутреннего трудового распорядка) устанавливает запрет на курение на территории организации (или в определенных ее частях), нарушение этого запрета работником может повлечь за собой дисциплинарное взыскание. Данная мера направлена на обеспечение трудовой дисциплины и преследует разные цели и защищает разные правоотношения, что исключает возможность квалификации такой ситуации как «двойная ответственность».

Получается, работодатель вправе привлечь работника к дисциплинарной ответственности в описанной ситуации. Правовым основанием для этого является нарушение работником локального нормативного акта (например, правил внутреннего трудового распорядка), который обязателен для исполнения всеми работниками организации. Работодатель, устанавливая запрет на курение в локальном нормативном акте, реализует свое право на обеспечение надлежащей организации труда, безопасности и охраны здоровья работников, а также соблюдение санитарных норм и правил.

При этом важно понимать, что привлечение к дисциплинарной ответственности не является «наказанием» за нарушение федерального закона (№ 15-ФЗ). Работодатель наказывает работника за неисполнение трудовой обязанности – соблюдение трудовой дисциплины [2]. Административная ответственность, в свою очередь, применяется компетентными органами за нарушение требований федерального закона, направленных на защиту общественного здоровья.

Похожий пример можно найти и в других нормах трудового законодательства. Подпункт «г» п. 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федера-

ции устанавливает в качестве основания для расторжения трудового договора по инициативе работодателя совершение работником хищения по месту работы [2]. Данный факт является, в первую очередь, основанием для привлечения лица, совершившего хищение к административной (ст. 7.27 КоАП РФ [1]) или уголовной (ст. 158 УК РФ [3]) ответственности. Однако указанное правонарушение также является и основанием для дисциплинарной ответственности в виде увольнения (при условии, что хищение установлено вступившим в законную силу приговором суда либо постановлением судьи). Получается, в данном случае за одно и то же деяние лицо привлекается к публичной ответственности (административной или уголовной), а также к дисциплинарному взысканию в виде увольнения по соответствующим основаниям.

Курение на рабочем месте образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.24 КоАП РФ [1], соответственно, является основанием для привлечения к административной ответственности. Работодатель может установить, что дисциплиной труда также охватывается и курение на рабочем месте. Данное положение будет являться правилом поведения у данного работодателя. Оно может быть обосновано, например, условиями работы. Так, при работе во взрывоопасной среде, например, для заправщика на бензоколонке, работодатель указывает запрет на курение на рабочем месте в правилах техники безопасности (локальный нормативный акт). Поскольку работодатель имеет право установить подобный запрет в своих локальных нормативных актах, работник, совершивший данное противоправное деяние, будет нести как административную, так и дисциплинарную ответственность. Поэтому если подобный запрет локальным нормативным актом установлен, то это никак не является «двойной юридической ответственностью» за одно и то же деяние.

Таким образом, работник может быть привлечен и к административной, и к дисциплинарной ответственности за одно и то же действие (курение в неположенном месте), но основания и цели привлечения к ответственности будут разными, что исключает «двойную ответственность». Дисциплинарная ответственность направлена на защиту трудового порядка, а административная – на защиту здоровья населения. Поэтому работник может быть привлечен и к данным видам юридической ответственности за курение на рабочем месте.

Переходя к вопросу о компетенции работодателя и «подмене функций государства»: установление работодателем запрета на курение в локальном акте не выходит за рамки его компетенции и не является «подменой функций государства». Работодатель не издает законы и не устанавливает административные наказания. Он лишь реализует свои полномочия по регулированию трудовых отношений в рамках конкретной организации, установленные ст. 8, 22, 189 ТК РФ [2].

Федеральный закон устанавливает минимальные требования к охране здоровья граждан от воздействия табачного дыма, определяя перечень мест, где курение запрещено. Работодатель, учитывая специфику своей деятельности, может расширить этот перечень, установив дополнительные запреты на терри-

тории организации (при этом он должен сделать это так, чтобы эти нововведения соответствовали существующему законодательству).

В свою очередь, установление запрета на курение не является неоправданным ограничением прав работника, если оно обоснованно связано с обеспечением безопасности, охраной здоровья и соблюдением санитарных норм. Работодатель должен соблюдать баланс интересов и предоставлять работникам возможность курить в специально отведенных местах, соответствующих требованиям законодательства (ст. 12 Федерального закона № 15-ФЗ [4]).

Таким образом, работодатель, вводя запрет на курение в локальном акте, действует в рамках своей компетенции, обеспечивая соблюдение трудовой дисциплины и создавая безопасные условия труда, что не противоречит, а дополняет федеральное законодательство. Он не «подменяет» государство, а реализует свои законные права и обязанности по организации труда.

Отвечая на вопросы о локальном акте, природе обязанности и связи с трудом: локальный нормативный акт (например, Правила внутреннего трудового распорядка) может устанавливать подобный запрет. В этом случае положение о запрете курения на рабочем месте образует новую трудовую обязанность для работника.

Природа обязанности не курить на рабочем месте является комбинированной:

1. Она производна от федерального закона (№ 15-ФЗ) в той мере, в какой работодатель расширяет сферу действия федерального запрета на территории своей организации.

2. Она является самостоятельной обязанностью, вытекающей из трудового договора (поскольку работник обязуется соблюдать дисциплину труда) и локальных нормативных актов работодателя.

Включение запрета на курение в перечень трудовых обязанностей обоснованно, если это направлено на обеспечение безопасности труда и пожарной безопасности (особенно на взрывоопасных производствах); охрану здоровья работников (включая пассивных курильщиков); поддержание нормальной рабочей атмосферы и повышение производительности труда (снижение отвлекающих факторов); соблюдение санитарных норм и правил.

Если запрет на курение обоснованно связан с этими целями, то он не является необоснованным вмешательством в личную жизнь работника. Работник, вступая в трудовые отношения, соглашается с необходимостью соблюдения правил, установленных работодателем, если они не противоречат закону и направлены на достижение законных и обоснованных целей. Важно, чтобы работодатель не устанавливал полный запрет на курение, а предусматривал специально отведенные места для курения, соответствующие требованиям законодательства, чтобы работники могли удовлетворить свою потребность в курении во время перерывов. Работодатель должен действовать разумно и соразмерно, учитывая интересы как организации, так и работников.

Таким образом, анализ соотношения административной и дисциплинарной ответственности за курение на рабочем месте помог нам ответить на вопрос

о том, может ли работник быть привлечен к дисциплинарной ответственности за курение на рабочем месте. Возможность привлечения работника к дисциплинарной ответственности за нарушение локального запрета на курение правомерна и не является «двойной ответственностью», она возможна. Работодатель, реализуя свои полномочия по организации труда, вправе устанавливать дополнительные требования к поведению работников, направленные на обеспечение безопасности, охрану здоровья и соблюдение трудовой дисциплины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 20.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 01.04.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 07.04.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 28.02.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).

4. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотиносодержащей продукции : Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ (в ред. от 28.12.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).

УДК 343.85

Борисанова Виктория Денисовна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

borisanova.viktoriya@mail.ru

Проблемы правового обеспечения деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в предупреждении и пресечении правонарушений несовершеннолетних

***Аннотация.** В статье представлен анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) органов внутренних дел Российской Федерации. Рассматриваются положения Федерального закона № 120-ФЗ и Приказа МВД № 845, определяющие цели, задачи и полномочия инспекторов ПДН. Раскрываются механизмы межведомственного взаимодействия в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних, а также особенности правового регулирования контроля за несовершеннолетними, находящимися в социально опасном положении. Сделан вывод о необходимости совершенствования правового обеспечения и применения комплексного подхода к профилактической работе.*

***Ключевые слова:** ПДН, нормативно-правовое регулирование, профилактика правонарушений, несовершеннолетние, межведомственное взаимодействие, инспектор ПДН, социально опасное положение*

Borisanova Viktoria Denisovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of legal regulation of juvenile affairs units in preventing and suppressing juvenile offenses

***Annotation.** The article analyzes the legal framework regulating the activities of the juvenile affairs units (PDN) of the internal affairs bodies of the Russian Federation. It examines the provisions of Federal Law No. 120-FZ and the Ministry of Internal Affairs Order No. 845, which define the goals, tasks, and powers of PDN inspectors. The mechanisms of interagency cooperation in the field of juvenile delinquency prevention and the specifics of legal regulation regarding minors in socially dangerous situations are discussed. The article concludes that improving the legal framework and applying a comprehensive preventive approach is essential.*

***Keywords:** PDN, legal regulation, crime prevention, minors, interagency cooperation, PDN inspector, socially dangerous situation*

Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации (ПДН) представляет собой важнейший элемент системы правопорядка и социальной безопасности. Одной из ключевых задач этих подразделений является предупреждение и пресечение правонарушений среди несовершеннолетних, а также защита прав детей. Несмотря на значительные достижения в этой области, деятельность ПДН остается актуальной и требует постоянного совершенствования, учитывая изменения в законодательстве и социальную ситуацию в стране. Основой работы инспекторов ПДН является нормативно-правовая база, которая включает ряд федеральных законов и подзаконных актов, таких как Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Приказ МВД России от 15 октября 2013 года № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации».

Одним из основополагающих документов, регламентирующих работу подразделений ПДН, является Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», значительное внимание уделяется межведомственному взаимодействию органов, занимающихся профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних. Закон регулирует взаимодействие ПДН с другими государственными и частными учреждениями, такими как органы опеки и попечительства, образовательные учреждения, а также учреждения здравоохранения и социальной защиты. Поскольку работа с несовершеннолетними требует комплексного подхода, именно межведомственное взаимодействие позволяет эффективно решать вопросы, связанные с предупреждением правонарушений [3, с. 12]. Например, когда в образовательном учреждении становится известно о проблемах подростка, таких как пропуски занятий или плохое поведение, информация направляется в ПДН, где уже принимаются меры, направленные на

устранение этих проблем, включая профилактические беседы и работу с родителями [1, с. 38].

Согласно Приказу МВД России от 15 октября 2013 года № 845. Этот документ утверждает Инструкцию по организации деятельности подразделений, в которой подробно прописаны задачи и полномочия инспекторов. Основными функциями ПДН являются выявление, профилактика и пресечение правонарушений, а также защита интересов несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении. Например, инспекторы ПДН обязаны проводить регулярные проверки условий жизни несовершеннолетних, которые находятся в конфликте с законом или относятся к категории детей, попавших в социально неблагополучные условия. В рамках своей работы они занимаются профилактикой как правонарушений, так и преступлений, занимаясь индивидуальной коррекцией поведения подростков, например, через различные формы воспитательной работы и совместно с родителями.

Кроме того, Приказ МВД России № 845 закрепляет обязанность инспекторов по организации контроля за поведением несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете. В соответствии с этим приказом, для предотвращения правонарушений ПДН активно взаимодействует с образовательными учреждениями, органами опеки, медицинскими и социальными службами. В частности, инспекторы ПДН должны регулярно получать информацию от школ, где подростки, находящиеся в группе риска, могут демонстрировать отклонения в поведении. При этом инспектор обязан не только вести индивидуальную работу с ребенком, но и инициировать меры воздействия на его родителей или законных представителей [4, с. 20]. Примером может служить ситуация, когда несовершеннолетний систематически нарушает правила поведения в школе. В этом случае инспектор ПДН проводит профилактическую беседу с подростком, а также работает с его родителями для выяснения причин такого поведения и разработки мероприятий, направленных на исправление ситуации. Важно, что, работая с несовершеннолетними правонарушителями, инспектор должен использовать индивидуальный подход, чтобы эффективно воздействовать на причины девиантного поведения [5, с. 86].

В рамках межведомственного взаимодействия ПДН активно сотрудничает с социальными службами, медицинскими учреждениями и, при необходимости, с органами опеки. Практическим примером может быть работа инспектора ПДН с семьей, находящейся в трудной жизненной ситуации. В данном случае, если семья подвергается социальному риску, инспектор ПДН и социальные службы проводят комплексную работу с родителями, проводя беседы по вопросам воспитания детей, а также осуществляют контроль за условиями жизни несовершеннолетних, включая проверки дома и условия проживания. В случае выявления признаков жестокого обращения с ребенком или других угроз его жизни и здоровью, инспекторы ПДН совместно с органами опеки могут принять меры по помещению ребенка в специализированное учреждение.

Важной составляющей работы подразделений ПДН является профилактическая работа с несовершеннолетними правонарушителями. В рамках профи-

лактики правонарушений, инспекторы ПДН проводят индивидуальные беседы с подростками, попавшими в ситуацию конфликта с законом, а также с подростками, склонными к противоправным действиям. Например, если подросток был задержан за административное правонарушение, такое как нарушение правил дорожного движения или появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, инспектор ПДН проводит с ним профилактическую беседу, выясняет причины нарушения и принимает меры для предотвращения повторных правонарушений. Если подросток систематически нарушает общественный порядок или вовлекается в правонарушения, ему могут быть назначены дополнительные меры воздействия, такие как участие в программах социальной реабилитации [2, с. 64].

Особое внимание стоит уделить анализу судебной практики в делах несовершеннолетних правонарушителей. В судебной практике часто встречаются дела, связанные с наказаниями для подростков, совершивших правонарушения. Обычно суды применяют более мягкие меры наказания для несовершеннолетних, чем для взрослых правонарушителей, что подтверждается многочисленными решениями, основанными на принципах исправления и реабилитации. Например, при рассмотрении дела о правонарушении, совершенном несовершеннолетним, суд может назначить наказание в виде общественных работ, обязательного обучения или направления в специализированные учреждения для воспитания. В других случаях, когда подросток совершает более серьезные правонарушения, суд может принять решение о направлении его в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Такие меры направлены на то, чтобы несовершеннолетний мог получить образование и воспитание в условиях строгого контроля, что способствует его социальному исправлению и предотвращению повторных правонарушений [6, с. 117].

Важным аспектом работы ПДН является также участие в судебных разбирательствах, где инспекторы представляют интересы органов внутренних дел. Это включает в себя не только участие в судебных процессах по делам несовершеннолетних правонарушителей, но и представление в суде материалов, касающихся условий жизни несовершеннолетних и их участия в правонарушениях. В ходе судебного разбирательства важно, чтобы инспектор ПДН представил суду исчерпывающие данные о социальном окружении несовершеннолетнего, его поведении и условиях жизни, что позволяет судье принять наиболее взвешенное и справедливое решение.

Таким образом, деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации осуществляется в рамках жесткой нормативно-правовой базы, которая регулирует их функции и полномочия. Нормативные акты, такие как Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ и Приказ МВД России от 15 октября 2013 года № 845, дают четкие указания по организации работы с несовершеннолетними правонарушителями, включая профилактическую деятельность, взаимодействие с другими государственными и частными учреждениями, а также судебную практику. Комплексный подход, основанный на этих нормативных документах, позволяет эффек-

тивно предупреждать правонарушения среди несовершеннолетних и обеспечивать их социальную реабилитацию, что в свою очередь способствует снижению уровня подростковой преступности в обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилин А. А. Профилактика правонарушений несовершеннолетних в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2018. 198 с.
2. Исаев И. А. Правовое обеспечение деятельности инспекторов ПДН. М. : Проспект, 2021. 143 с.
3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.
4. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2013. № 46.
5. Смирнов А. В. Профилактика подростковой преступности: организационно-правовой аспект. СПб. : Юридический центр Пресс, 2015. 256 с.
6. Шестаков Д. А. Ювенальная юстиция: теория и практика. М. : Норма, 2010. 432 с.

УДК 343.85

Борисанова Виктория Денисовна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
borisanova.viktoriya@mail.ru

Бодорина Кристина Владимировна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kristina.bodorina.99@mail.ru

**Проблемы административно-предупредительных мер,
применяемых подразделениями по делам несовершеннолетних
в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения административно-предупредительных мер подразделениями по делам несовершеннолетних (ПДН) в рамках профилактики правонарушений несовершеннолетних. На основе анализа нормативно-правовых актов, актуальной статистики и практики работы ПДН, включая данные Кост-

ромской области, выявляются основные недостатки в действующей системе предупреждения правонарушений. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию административно-предупредительных мероприятий, которые могут быть эффективно применены на практике.

Ключевые слова: административно-предупредительные меры, профилактика правонарушений, несовершеннолетние, ПДН, межведомственное взаимодействие.

Borisanova Viktoria Denisovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Bodorina Kristina Vladimirovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of administrative and preventive measures applied by juvenile affairs departments in the field of juvenile offense prevention

Annotation. *The article examines the issues related to the application of administrative and preventive measures by juvenile affairs departments (JAD) within the framework of crime prevention among minors. Based on an analysis of regulatory legal acts, current statistics, and the practical activities of JAD, including data from the Kostroma region, the main shortcomings of the existing crime prevention system are identified. Specific measures are proposed to improve administrative and preventive actions that can be effectively implemented in practice.*

Keywords: *administrative and preventive measures, crime prevention, minors, juvenile affairs departments, interdepartmental cooperation.*

Административно-предупредительные меры представляют собой совокупность действий, направленных на предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних путем устранения факторов, способствующих их совершению.

Основными инструментами подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) являются:

1. Проведение профилактических бесед. В 2022 году в Москве сотрудники ПДН организовали свыше 120 000 таких бесед с подростками и их родителями. Однако, согласно статистике МВД, лишь 15 % из них оказали влияние на изменение поведения несовершеннолетних [4, с. 78].

2. Административное наблюдение за подростками, уже совершившими правонарушения, с целью предотвращения их повторного участия в противоправной деятельности. Однако дефицит ресурсов делает мониторинг затруднительным [2, с. 22].

3. Вынесение предупреждений как меры воздействия, направленной на профилактику правонарушений. Например, в Санкт-Петербурге в 2023 году было вынесено порядка 5 000 предупреждений несовершеннолетним и их родителям [4, с. 89].

4. Направление в специализированные центры. Подростки, имеющие серьезные проблемы, могут быть направлены в социальные учреждения или центры временного содержания [3, с. 15].

Эти меры регулируются Федеральным законом № 120-ФЗ, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и ведомственными нормативными актами МВД [1, с. 132; 6, с. 5].

Несмотря на важность административно-предупредительных мер, значительная часть подростковых правонарушений остается вне зоны их воздействия. Нормативные, организационные и кадровые проблемы снижают эффективность профилактической работы, требуя комплексного подхода к их решению.

Одной из ключевых проблем является недостаточная детализация механизмов применения административно-предупредительных мер в законодательстве. Федеральный закон № 120-ФЗ устанавливает общие принципы профилактической работы, но не определяет четкий порядок их реализации, что ведет к разночтениям в правоприменительной практике, особенно на региональном уровне. В Костромской области сотрудники профилактических органов сталкиваются с отсутствием детализированных инструкций по работе с подростками, которые еще не совершили правонарушений, но находятся в группе риска [2, с. 30].

Статистика подтверждает необходимость модернизации административно-предупредительных мер. В 2023 году в Костромской области количество правонарушений среди несовершеннолетних увеличилось на 5 % по сравнению с предыдущим годом. Наибольшее число случаев связано с мелким хулиганством, употреблением алкоголя и нарушением общественного порядка. При этом лишь 40 % подростков, подвергавшихся административному воздействию, прошли комплексные профилактические программы, что указывает на недостаточное взаимодействие субъектов профилактики [4, с. 94].

Важной проблемой остается взаимодействие ПДН с образовательными учреждениями, органами опеки и комиссиями по делам несовершеннолетних. На практике совместные мероприятия носят формальный характер. Например, в Костромской области инспекторы ПДН и социальные работники проводят совместные рейды лишь в ответ на совершенные правонарушения, что приводит к позднему выявлению подростков, находящихся в группе риска.

Также стоит отметить кадровый дефицит. Высокая нагрузка на инспекторов ПДН, недостаточная подготовка в области психологии и педагогики, а также текучесть кадров негативно влияют на качество профилактической работы. В небольших городах и сельской местности Костромской области один инспектор может курировать 150–200 несовершеннолетних, что делает индивидуальный подход практически невозможным [2, с. 41].

Для повышения эффективности административно-предупредительных мер необходимо усовершенствование нормативной базы. Введение федерально-

го стандарта профилактической работы позволит устранить разночтения в правоприменении и обеспечить единообразие действий ПДН по всей стране.

Не менее важным направлением является усиление межведомственного взаимодействия.

Создание единой цифровой платформы для обмена информацией между субъектами профилактики, включая школы, медицинские учреждения и органы опеки, позволит своевременно выявлять подростков группы риска и координировать действия по их поддержке.

Особое внимание следует уделить подготовке и переподготовке кадров. Введение образовательных курсов и тренингов по возрастной психологии и конфликтологии повысит квалификацию сотрудников ПДН. Также важно развивать программы наставничества для молодых специалистов.

Для снижения нагрузки на инспекторов можно привлечь волонтеров, включая студентов педагогических и социальных вузов, которые под руководством ПДН будут участвовать в профилактической работе.

Таким образом, совершенствование административно-предупредительных мер требует комплексного подхода. Обновление законодательства, укрепление кадрового потенциала и развитие межведомственного взаимодействия позволят повысить эффективность профилактической работы и создать условия для успешной социализации подростков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). М. : Официальное издание, 2023. 256 с.

2. Материалы Управления МВД России по Костромской области. Кострома, 2023. 48 с.

3. Рекомендации комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Российской Федерации. М., 2023. 32 с.

4. Статистические данные МВД России за 2023 год. М. : МВД России, 2024. 120 с.

5. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

УДК 343.2

Спивак Александра Владимировна
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
a.spivak.v@yandex.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна
кандидат педагогических наук
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна
кандидат юридических наук
доцент кафедры теории и истории государства и права
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
n_ganzha@ksu.edu.ru

Актуальные вопросы законодательного регулирования погашения судимости

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемные вопросы законодательного регулирования погашения судимости, исчисления срока погашения судимости. Обращается внимание на существующую коллизию в действующем уголовном законодательстве. Предложены изменения в существующие правовые нормы, которые могли бы способствовать преодолению возникших недостатков в уголовном законе.*

***Ключевые слова:** судимость, погашение судимости, уголовная ответственность, преступление, Уголовный кодекс Российской Федерации.*

Spivak Aleksandra Vladimirovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna
candidate of pedagogical sciences
associate professor of the department
of civil law disciplines Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna
candidate of law, associate professor
of the department of theory and history of state and law
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Current issues of legislative regulation of criminal record repayment

Annotation. *The article discusses problematic issues of the legislative regulation of the repayment of criminal records, the calculation of the repayment period of criminal records. Attention is drawn to the existing conflict in the current criminal legislation. The amendments to the existing legal norms are proposed, which could help to overcome the shortcomings in the criminal law.*

Keywords: *criminal record, cancellation of criminal record, criminal liability, crime, Criminal Code of the Russian Federation.*

Продолжительность срока погашения судимости зависит от категории совершенного преступником общественно опасного деяния, а также от вида назначенного ему наказания [2, с. 28].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 года № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» (далее по тексту Постановление № 14) [1] устанавливает особенности учета сроков при погашении судимости. Данное Постановление принято своевременно, поскольку у правоприменителей возникало много вопросов по порядку исчисления сроков погашения судимости, по ряду из них принимались иногда прямо противоположные решения.

Так, в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 года № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» разрешена коллизия между пунктами «д» и «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ, связанная с тем, что в пунктах «в» и «г» данной части законодатель предусмотрел сроки погашения судимости при осуждении лица к лишению свободы за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а также за совершение тяжких преступлений, тогда как пункт «д» устанавливает срок погашения судимости по истечении 10 лет после отбытия наказания для лиц, совершивших особо тяжкие преступления, без указания на вид наказания. В Постановлении Пленума дано разъяснение о том, что и в случае осуждения лица за особо тяжкое преступление к наказанию, не связанному с лишением свободы, применению подлежат положения пункта «д» названной нормы, т. е. срок погашения судимости составляет 10 лет после отбытия наказания.

Представляется, что такое разъяснение противоречит общему правилу, предусмотренному п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ, предусматривающему общий срок погашения судимости – по истечении одного года после отбытия или исполнения наказания при осуждении лица к наказаниям, более мягким, чем лишение свободы, поэтому возникшая коллизия должна решаться путем законодательного изменения статьи 86 УК РФ. Таким образом, предлагается внести изменения в ст. 86 УК РФ путем добавления п. «е» в ч.3, изложив который следующим образом: «В случае осуждения лица за особо тяжкое преступление к наказанию, не связанному с лишением свободы, применению подлежат положения пункта «д» настоящей статьи».

Законодатель предусмотрел исчисление срока погашения судимости для лиц, условно-досрочно освобожденных, с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказания. Судебная практика сложилась таким образом, что под освобождением от отбывания наказания в случае условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы понимается фактическое освобождение лица из исправительного учреждения.

Кардинально новый подход применен в Пленуме Верховного Суда РФ относительно срока погашения судимости в случае, если дополнительное наказание отбыто после основного. Сложившаяся судебная практика по данному вопросу исходила из того, что по отношению к основному наказанию применяются правила, предусмотренные пунктами «б» – «д» части 3 статьи 86 УК РФ, а к дополнительному, т. е. не связанному с лишением свободы, – пункт «б» названной нормы, и судимость считается погашенной после истечения более позднего срока.

Вместе с тем Верховный Суд РФ в Постановлении от 7 июня 2022 года № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» (п. 13) указал на то, что срок погашения судимости исчисляется, исходя из основного наказания по отбытию или исполнению последнего (основного или дополнительного) из исполняемых наказаний [1]. Особой проблемой для правоприменителя стал пункт 14 Постановления № 14, который вытекает из предыдущего пункта и из которого следует, что при условном осуждении с назначением дополнительного наказания, не отбытого к моменту истечения испытательного срока, судимость считается погашенной на следующий день после отбытия или исполнения дополнительного наказания.

Статья 86 УК РФ практически обошла вопросы погашения судимости в случае назначения осужденному наряду с основным и дополнительного наказания [3]. Дополнительное наказание упоминается в части 4 статьи, регламентирующей исчисление сроков погашения судимости в случае условно-досрочного освобождения от наказания либо замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Учитывая, что судом может быть назначено лицу несколько видов дополнительного наказания, их значительную продолжительность (ч. 2 ст. 47 УК РФ – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть назначено на срок до 20 лет), особенности исполнения отдельных видов наказаний, исчисление срока погашения судимости может вызывать определенные сложности.

На основании вышеизложенного, представляется необходимым дополнить ч. 3 ст. 86 УК РФ пунктом «ж», изложив его в следующей редакции: «При назначении осужденному помимо основного наказания дополнительного наказания, судимость погашается при условии отбытия или исполнения как основного, так и дополнительного наказания либо досрочного освобождения от их отбывания. При этом течение срока погашения судимости начинается со следующего дня после отбытия или исполнения либо со дня досрочного освобождения».

дения от отбывания последнего из исполняемых наказаний, сроки погашения судимости применяются применительно к основному наказанию».

Подводя итог, следует отметить, что дальнейшее развитие института погашения судимости невозможно без предложенных изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 года № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости». URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-07062022-n-14/> (дата обращения: 17.04.2025).

2. Скрипченко Н. Ю. Погашение и снятие судимости: законодательное регулирование и практика применения // Администратор суда. 2022. № 4. С. 28–32.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025 № 90-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.04.2025).

УДК 343.132

Аджиаметова Мавиле Нуриевна

студент, Крымский юридический институт (филиал)

Университета Прокуратуры Российской Федерации

г. Симферополь, Российская Федерация

mavile09092005@mail.ru,

Богдасарова Дарья Станиславовна

студент, Крымский юридический институт (филиал)

Университета Прокуратуры Российской Федерации

г. Симферополь, Российская Федерация

bogdasarova04@bk.ru

Уголовно-процессуальные проблемы проведения следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы, с которыми сталкиваются в рамках производства следственных действий, которые непосредственно ограничивают права граждан, регламентированные Конституцией Российской Федерации. Авторы акцентируют внимание на вопросах правомерности и необходимости вмешательства в права граждан с целью реализации назначения уголовного судопроизводства. Также в статье предложены рекомендации по устранению выявленных проблем, с целью обеспечения проведения данных следственных действий с целью укрепления прав граждан и повышения эф-

фективности следственных действий, учитывающих баланс между интересами общества и правами личности.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, проблемы, конституционные права, судебное решение.

Adzhiametova Mavile Nurievna

student, Crimean Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's office
of the Russian Federation
Simferopol, Russian Federation

Bogdasarova Daria Stanislavovna

student, Crimean Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's office
of the Russian Federation
Simferopol, Russian Federation

Criminal procedural problems of conducting investigative actions that restrict the constitutional rights of citizens

Annotation. *This article examines the problems faced in the framework of investigative actions that directly restrict the rights of citizens regulated by the Constitution of the Russian Federation. The authors focus on the issues of legality and the need to interfere with the rights of citizens in order to implement the purpose of criminal proceedings. The article also offers recommendations on how to eliminate the identified problems in order to ensure that these investigative actions are carried out in order to strengthen the rights of citizens and increase the effectiveness of investigative actions that take into account the balance between the interests of society and the rights of the individual.*

Keywords: *criminal proceedings, investigative actions, problems, constitutional rights, judicial decision.*

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК) не раскрывает термин «следственные действия», однако многие ученые в своих трудах его неоднократно определяют.

Так, традиционно, понятие «следственного действия» рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле под следственными действиями понимаются все процессуальные действия, осуществляемые следователем (дознавателем) при производстве по уголовному делу, направленные на собирание и проверку доказательств, имеющих значение для расследования уголовного дела. В узком смысле под следственным действиями следует понимать, регламентированные законом определенные действия, направленные на собирание и проверку доказательств» [6, с. 5–6].

Целью следственных действий является получение значимой информации о предмете доказывания. Следственные действия позволяют выявить обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения уголовного дела по существу.

Задачи следственных действий берут вектор направления на получение новых или проверку уже имеющихся доказательств. Помимо этого, в процессе проведения следственных действий решаются и иные задачи, такие как:

- розыск обвиняемого;
- поиск имущества, на которое в дальнейшем может быть наложен арест;
- выявление признаков нового преступления;
- профилактика преступлений и другие.

Ограничение конституционных прав граждан является существенным нарушением, однако, по смыслу закона, такое ограничение является исключением и возможно только при производстве определенных следственных действий и допускается только по решению суда. Так, в ст. 29 УПК РФ закреплены исключительные правомочия суда на принятие решений: о производстве осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц; о производстве обыска, выемки в жилище; о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; о производстве личного обыска, за некоторыми исключениями; о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; об осуществлении контроля и записи переговоров; о получении информации о соединениях абонентов и их абонентских устройств [4, с. 7].

Проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, является одним из наиболее сложных и деликатных аспектов уголовного судопроизводства.

С одной стороны, такие действия необходимы для эффективного расследования преступлений, сбора доказательств и установления истины по делу. С другой стороны, они затрагивают фундаментальные права и свободы человека, закрепленные в Конституции Российской Федерации, такие как право на неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, свободу передвижения и другие. Несоблюдение установленного законом порядка проведения этих действий может привести к признанию полученных доказательств недопустимыми, нарушению прав граждан и, как следствие, к неправосудному решению по делу.

В связи с этим, особую актуальность приобретают вопросы совершенствования уголовно-процессуального регулирования и практики проведения следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, с целью обеспечения баланса между интересами государства в борьбе с преступностью и необходимостью защиты прав и свобод личности.

Важной проблемой является неясность критериев, определяющих необходимость проведения подобных следственных действий. УПК РФ устанавливает общие условия, при которых наличие достаточных оснований, указывающих на совершение преступления, должно быть подтверждено для разрешения на проведение обысков, выемок, прослушивания телефонных разговоров и других

действий, которые могут ограничивать конституционные права граждан. В реальности же часто наблюдается расширительное толкование этих общих требований, что в итоге влечет за собой необоснованное ограничение прав граждан.

Еще одной существенной проблемой выступает недостаточная эффективность судебного надзора за законностью и обоснованностью осуществления следственных действий. По УПК РФ, большинство действий, ограничивающих конституционные права граждан, требуют предварительного судебного решения для проведения. Суды не всегда проводят достаточно глубокую оценку материалов, представленных органами предварительного расследования, порой ограничиваясь формальным соответствием предъявленных требований закона, без всестороннего анализа обоснованности подозрений в совершении преступления и целесообразности проведения определенных следственных действий.

Проблематика в принятии решения о производстве следственного действия с последующим уведомлением суда состоит в том, что в законе нет четкой регламентации оснований для данных действий. Часть 5 ст. 165 УПК РФ использует формулировку «когда производство... не терпит отлагательства», но чем именно должен руководствоваться следователь в данной ситуации не указано.

В результате этого объективные основания подменены субъективным решением лица, производящего расследование. А суд в последующем просто проверяет сам факт законности производства данных действий. Чаще всего обоснование решения следователя, например, на производство обыска в жилище ограничивается утверждением «у следствия есть все основания предполагать, что в данной квартире могут находиться предметы и вещи, добытые преступным путем, а также изъятые из гражданского оборота». Таким образом, именно позиция следователя имеет важное значение для обоснования производства следственного действия [2, с. 165].

Особенно остро стоит вопрос защиты прав адвокатов и журналистов, чьи профессиональные обязанности предполагают независимость и свободу слова, гарантированные Конституцией РФ и международными нормами. Здесь важно строго следовать принципам неприкосновенности адвокатской тайны и свободы выражения мнений.

Отдельную сложность представляют современные информационные технологии. С ростом цифровизации увеличивается значимость таких действий, как осмотр и изъятие электронных носителей, контроль телефонных переговоров через Интернет, сбор данных о соединениях абонентов. Крайне важно соблюсти баланс между соблюдением прав граждан на частную жизнь, тайну переписки и необходимость сбора доказательственной базы, обеспечивая при этом корректное использование этой информации в рамках уголовного дела.

Анализ норм уголовно-процессуального кодекса показал недостаточную регламентированность на законодательном уровне порядка получения и использования электронной информации. Следственные действия, связанные с получением электронной информации, имеют место как в рамках проверки сообщения о преступлении, на стадии возбуждения уголовного дела, так и его расследования [5, с. 132].

Таким образом, с целью устранения вышеуказанных проблем возникающих при производстве следственных действий, проводимых по судебному решению, целесообразно скорректировать статью 165 УПК РФ [1], заменив четкий перечень данных следственных действий на общие основания их производства в случаях, не терпящих отлагательства.

При этом, конечно, в правоприменительной практике производства по уголовным делам может возникнуть необходимость безотлагательного производства следственных действий, не указанных в ст. 165 УПК РФ, например, контроля и записи телефонных и иных переговоров, так как получение судебного решения требует времени, по истечении которого целесообразность производства следственного действия может и исчезнуть. В связи с этим представляется необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законе возможность проведения всех следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, при этом более детально регламентировав категорию «достаточности оснований» для их производства [3, с. 29].

Изложив ч. 5 ст. 165 УПК РФ следующим образом: «В исключительных случаях, когда производство следственных действий предусмотренных пунктами 4–9, 10.1, 11 и 12 части второй статьи 29 настоящего Кодекса, не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения...».

Предложенные изменения позволят повысить эффективность производства следственных действий и в конечном итоге достичь назначения уголовного судопроизводства.

Проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, сталкивается с рядом серьезных проблем, включая нарушение процессуальных требований, недостаточную защиту прав на неприкосновенность частной жизни и переписку, а также сложности с обеспечением справедливости в условиях цифровой среды. Эти трудности требуют усиления правового контроля, повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и разработки четких стандартов для работы с электронными доказательствами, чтобы гарантировать соблюдение прав граждан и законность следственных процедур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. 2001. 22 дек., № 249.
2. Ахмедов У. Н., Дутов Н. Ю. Типовые проблемы, возникающие при производстве следственных действий, проводимых по судебному решению // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 2. С. 164–169.
3. Берзинь О. А. К вопросу об особенностях производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан // Вестник КРУ МВД России. 2018. № 1(39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob>

osobennostyah-proizvodstva-sledstvennyh-deystviy-ogranichivayuschih-konstitutsionnye-prava-grazhdan (дата обращения: 04.04.2025).

4. Берзинь О. А., Леонов А. И. Порядок производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, как уголовно-процессуальная форма // ППД. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-proizvodstva-sledstvennyh-deystviy-ogranichivayuschih-konstitutsionnye-prava-grazhdan-kak-ugolovno-protsessualnaya-forma> (дата обращения: 04.04.2025).

5. Бегляров Б. Ш. Проблемы в реализации следователем полномочий по проведению следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан // Молодой ученый. 2021. № 46(388). С. 132. URL: <https://moluch.ru/archive/388/85291/> (дата обращения: 04.04.2025).

6. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М. : Юрлитинформ, 2001. С. 208.

УДК 343.195.3

Борисова Мария Андреевна,

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

hanfunb@gmail.com

**Анализ принципов организации и деятельности
советской прокуратуры в 1939-1941 годах
и современной прокуратуры: общие черты и различия**

***Аннотация.** Работа имеет междисциплинарный характер и написана на стыке двух дисциплин – «Правоохранительные органы», «История государства и права России». В статье рассматриваются и сравниваются принципы организации и деятельности советской прокуратуры в 1939-1941 годах и современной прокуратуры.*

***Ключевые слова:** советская прокуратура, принципы, современная прокуратура, организация, деятельность.*

Borisova Maria Andreyevna

student, Saratov State Academy of Law

Saratov, Russian Federation

**Analysis of the principles of organization and activity
of the Soviet prosecutor's office in 1939–1941 and the modern prosecutor's
office: common features and differences**

***Annotation.** The work has an interdisciplinary character and is written at the junction of two disciplines – “Law enforcement agencies”, “History of State and Law of Russia”. The article*

considers and compares the principles of organization and activities of the Soviet prosecutor's office in 1939–1941 and the modern prosecutor's office.

Keywords: *Soviet prosecutor's office, principles, modern prosecutor's office, organization, activities.*

Интерес к российскому прошлому не угасает и в настоящее время. Одной из причин такого повышенного внимания к истории является правовая преемственность. Принципы и нормы, выработанные Российской Империей и СССР, действуют и используются в современной России. Их эффективность доказана временем, а значимость – результатом соблюдения. Они также являются предметом дискуссий современных ученых.

Под принципами понимается основное исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, теоретической программы [1]. Учебник по дисциплине «Правоохранительные органы» выделяет следующее определение «в общей теории права принципы понимаются как исходные и основополагающие начала, руководящие нормы права, определяющие содержание и направления правового регулирования» [2, с. 262]. Основные принципы организации и деятельности правоохранительных органов закреплены в Конституции Российской Федерации. Примечательно, что многие из основных принципов сформировались еще в СССР.

Органы прокуратуры, как и любые другие органы, основываются и функционируют на определенных принципах. Но в период коренных изменений общества принципы могут измениться, исчезнуть или же появиться. Здесь стоит отметить роль Великой Отечественной войны. Данное событие не только оставило огромный след в военной истории, в культуре, в сфере международных отношений, но и отразилось на механизме государства, принципах и деятельности правоохранительных органов, в том числе и органов прокуратуры. Великая Отечественная война «заставила» изменить всю работу государства, правоохранительных органов и общества в самый короткий срок.

К началу Великой Отечественной войны в систему органов прокуратуры входили: Прокурор Союза ССР, Прокурор Союзной Республики, Прокурор Автономной Республики, Прокурор края и области, Прокурор округа города и района. Главным принципом построения системы органов прокуратуры был территориальный принцип. Предметный и предметно-территориальный принципы не использовались.

Система прокуратуры, принципы организации и деятельности были закреплены конституционно в 1936 году. В статье 117 Конституции СССР 1936 года провозглашались сразу два принципа – назначаемость и подчинение нижестоящих прокуроров вышестоящим прокурорам [3]. Так, Генеральный прокурор назначал прокуроров республик, краев, областей, автономных областей и республик. Согласно статье 116, Генпрокурор утверждал назначение предложенных прокурорами союзных республик кандидатур на должность прокурора округа города и района. Принцип согласования кандидатур при назначении на должность был ликвидирован, а прокуратура стала представлять собой центра-

лизованную систему. Но принцип централизации, хотя, вероятно, подразумевался, но не был конкретно установлен статьей.

В статье 117 Конституции 1936 года раскрывался принцип независимости советской прокуратуры, которая, подчиняясь Генпрокурору, функционировала независимо от органов власти на местах. Важно отметить, что независимость от органов государственной власти не провозглашалась.

Принимая во внимание, почти 41 год действия Конституции СССР, принятой в 1930-е годы, можно сделать вывод, что в 1939-1941 года выше раскрытые принципы организации и деятельности прокуратуры были установлены и соблюдались.

При этом уже 17 декабря 1933 года было утверждено «Положение о прокуратуре Союза ССР». В нем уточнялись цели и задачи, возможности и структура прокуратуры СССР. Отсюда возник принцип непосредственности: начало уголовного преследования и поддержка обвинения по делам, которые подсудны перечисленным судам, исполнялся напрямую.

Принцип деполитизации, означающий невозможность построения органов прокуратуры и осуществления их деятельности в зависимости от политических структур и идеологических взглядов не соблюдался, поскольку в СССР была установлена идеология социализма, партийный аппарат «смешался» с государственным. Все работники прокуратуры являлись партийными членами. В противном случае они освобождались от должности.

Коренные изменения государственных органов начались с указа Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении». На основании указа военные советы получили полномочия контролировать выполнение задач государственными органами в сфере общественного порядка и обеспечения национальной безопасности. На государственные органы, в том числе и на правоохранительные, возлагались обязательства по оказанию содействия военному командованию.

В начальный этап Великой Отечественной войны Прокурором Союза ССР с 1940–1943 года был Бочков Виктор Михайлович, под руководством которого территориальные и военные прокуратуры в самый малый срок изменили свою деятельность. Принципы организации и деятельности прокуратуры, закрепленные Конституцией 1936 года, сохранились. Но на территории, где было объявлено военное положение, например, Белорусской ССР, Литовской ССР, Украинской ССР, гражданские прокуратуры стали военными. Были образованы множество новых преимущественно военных прокуратур. Изменились и принципы деятельности прокуратуры, поскольку государство и общество направили все силы для достижения одной цели – победить врага.

Таким образом, основными принципами, действующими в отношении советской прокуратуры в 1939–1941 годах стали: территориальность, подчиненность нижестоящих – вышестоящим, независимость, непосредственность, назначаемость.

В ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» излагаются принципы организации и деятельности органов прокуратуры России.

В пункте 1 ст. 4 назван принцип централизации. Данный принцип выражается в том, что прокуроры подотчетны и абсолютно все они освобождаются от должности Генпрокурором РФ. Принцип централизации закреплён и в Конституции РФ в статье 129, но его проявления раскрываются в ФЗ «О прокуратуре РФ».

Пункт 2 статьи 4 ФЗ «О прокуратуре РФ» устанавливает принцип независимости, гласности. Свою деятельность органы прокуратуры выполняют самостоятельно, вне зависимости от государственных органов, органов власти субъектов России, общественных организаций и т. д. В сравнении с принципом независимости, установленным Конституцией СССР 1936 года, становится ясно, что независимость современной прокуратуры от органов расширилась.

Пункт 3, 4 и 5 статьи 4 ФЗ раскрывают выделенный учеными принцип деполитизации. Так, прокурорские работники не могут совмещать основную деятельность с иной оплачиваемой деятельностью кроме установленной законом, не могут являться членами общественных объединений, преследующих политические цели. Цель принципа ясна – обеспечить объективность и беспристрастность работы органов прокуратуры. Прокурорские работники в своей деятельности должны руководствоваться только законодательством, а не политической идеологией, политическим курсом государства. Также этот принцип во многом обеспечивает независимость прокуратуры.

Современная прокуратура «унаследовала» такие принципы как территориальный принцип организации, назначения, подчиненности нижестоящих прокуроров вышестоящим, независимости от местных органов. Принцип непосредственности не реализуется в современное время. Стоит отметить, что принцип независимости претерпел большие изменения, вызванные изменением политического режима и внутренней политикой государства. Принцип гласности, деполитизации – это те «новые» принципы, которые советская прокуратура не использовала в 1939–1941 годах.

Подводя итог вышесказанному, становится ясно, что в отношении принципов организации и деятельности прокуратуры наблюдается такое явление, как правовая преемственность. Многие принципы, которые действовали в 1939–1941 годах, продолжают реализовываться в современное время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов С. И. Толковый словарь // Википедия : свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10326782> (дата обращения: 12.03.2025).
2. Правоохранительные органы России : учебник / Т. М. Авдониная, Е. Н. Асташкина, Е. В. Богатова [и др.] ; под ред. Е. Н. Асташкиной. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2024. 461 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2173427> (дата обращения: 12.03.2025).
3. Конституция СССР. (1936). Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М. : Ярослав Мудрый, 2002. 47 с.

Борунова Яна Александровна
студент, Балаковский филиал
Саратовской государственной
юридической академии
г. Балаково, Российская Федерация
Borunova.06@mail.ru

К вопросу о некоторых тенденциях развития уголовного права

***Аннотация:** В статье рассматриваются отдельные направления развития уголовного законодательства, среди которых усиление уклона в сторону гуманизации правовых норм, а также стремительное развитие информационных технологий, влекущее за собой увеличение числа преступлений в сфере мошенничества. С учетом последних законодательных изменений, особое внимание уделено рассмотрению средств, методов и видов мошенничества, вопросам уголовно-правового противодействия им в сфере информационных технологий.*

***Ключевые слова:** уголовное право, преступление, юридическая ответственность, гуманизация, информационные технологии.*

Borunova Yana Alexandrovna
Student Balakovo branch
Saratov State Law Academy
Balakovo, Russian Federation

On the question of some trends in the development of criminal law

***Annotation.** This article examines trends in the field of criminal law, its bias towards the humanization of law, and the rapid development of information technology, which leads to an increase in the number of fraud crimes. Special attention is paid to the consideration of means, methods and types of fraud, issues of criminal legal counteraction to them in the field of information technology.*

***Keywords:** criminal law, crime, legal responsibility, humanization, information technology.*

Изучение истории формирования уголовного права в России демонстрирует, как в результате воздействия различных объективных и субъективных явлений формировалась современная система уголовного права в Российской Федерации. На сегодняшний день именно уголовное право выступает ключевым инструментом противодействия преступности. Изменения в уголовном законодательстве, продолжающиеся на протяжении последних лет, отражают стремление законодателя закрепить более эффективные способы уголовно-правового регулирования общественных отношений, формирование устойчивых правовых механизмов, а также определение новых тенденций развития уголовного права. Следует отметить, что причиной этого явления является постоянное изменение

обстоятельств жизни, требующих развития всего законодательства, а не только отдельной его части.

Говоря о важности функционирования уголовного права, стоит обратить внимание на отдельные тенденции его развития.

В. Н. Додонов выделяет несколько тенденций уголовного права, которые, по его мнению, являются главными. Одна из таких тенденций это гуманизация уголовного права [1]. В статье 7 Уголовного кодекса РФ указан принцип гуманизма [2], являющегося одним из ключевых элементов современного уголовного законодательства. В настоящее время основная тенденция к гуманизации уголовного права особенно выражается в следующих изменениях уголовного законодательства: отказ от смертной казни; отказ от телесных наказаний; появление новых наказаний, альтернативных лишению свободы. Общая часть УК РФ надежно закрепляет такое понятие, как «невиновное причинение вреда» (ст. 28 УК РФ). Также целесообразно обратить внимание на главу 14, которая описывает особенности уголовной ответственности и наказания для несовершеннолетних, учитывая международные стандарты защиты их прав и привлечения к уголовной ответственности. Стоит упомянуть о расширении перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния. В дополнение к двум обстоятельствам, предусмотренных УК РСФСР – необходимой обороне и крайней необходимости, настоящий уголовный кодекс РФ добавляет к ним: причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38); физическое или психическое принуждение (ст. 40); обоснованный риск (ст. 41); исполнение приказа или распоряжения (ст. 42). Система уголовного права выстроена по принципу от менее строгих к более суровым мерам наказания. Если в УК РСФСР основным видом наказания являлось лишение свободы, то сейчас в УК акцент делается на следующие виды наказания: штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы и ограничение свободы. Гуманизм уголовного права нельзя рассматривать только в отношении лиц, совершивших преступное деяние, так как целью наказания, впервые установленной Уголовным кодексом, является восстановление социальной справедливости (ч. 2 ст. 43). Она подразумевает, что назначенное виновному наказание, должно восприниматься как справедливое не только для самого осужденного, но и обществом, включая потерпевшего. В научных работах, касающихся развития российского законодательства, подчеркиваются недостатки в подготовке законопроектов, касаемо изменений и дополнений УК. Данные проекты не всегда разрабатываются на должном уровне и некоторые из них отличаются поспешностью в принятии решений об установлении уголовной ответственности. К примеру, действия, которые не имеют достаточной степени общественной опасности и не могут признаваться преступлениями. Так, Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], Уголовный кодекс РФ был дополнен статьями 159.1–159.6, которые предусматривают ответственность за мошенничество в различных сферах об-

ственных отношений (в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием платежных карт и т. д.).

Среди экономических преступлений особое место занимает мошенничество. Специфика данных преступлений заключается в том, что законодательство не успевает совершенствоваться в отношении них. Мошенничество приобретает новые формы, вызывая дискуссии и спорные вопросы по фиксации его новых форм и определению методики борьбы с ними. Законодатель дает определение понятию мошенничество (ч. 1 ст. 159 УК РФ) «Мошенничество, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Стоит отметить, что мошенники обладают навыками в области психологии и во время общения оказывают психологическое воздействие на своих жертв. От их решения зависит вопрос о привлечении преступников к уголовной ответственности. Существуют различные тактики убеждения, к примеру: обращение к жертве по имени, фамилии, отчеству или злоумышленник может представиться именем должностного лица либо органа. Степень сложности противодействия преступлению будет определяться в зависимости от индивидуальных характеристик преступника, а также от проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступления.

Объем операций, проводимых без согласия клиентов, за 2024 год достиг 27,5 миллиардов рублей, что на 1.74 раза превышает показатель за 2023 год, составивший 15,8 миллиарда рублей. По данным ГУ МВД по Саратовской области в 2024 году было совершено 16,8 тысяч преступлений против собственности, из которых основная часть нарушений касается фактов дистанционного мошенничества [4]. Проблема киберпреступности, телефонного мошенничества вызывает значительный общественный резонанс, что требует усовершенствования законодательства. Данные вопросы были подняты во время Прямой линии с Президентом России, которая состоялась 19 декабря 2024 года. Борьба с подобными правонарушениями и их предотвращение важно, так как они подрывают основы конституционного строя РФ, которые обеспечивают гражданам защиту и неприкосновенность их частной жизни.

С 1 марта 2025 года в силу вступил закон, предусматривающий право физического лица на оформление заявления о внесении в свою кредитную историю сведений о запрете (либо снятии запрета) на заключение с кредитной организацией договоров потребительского займа (кредита) [5]. Исключением являются ипотека, автокредиты, уже заключенные кредитные договоры. Самозапрет направлен не только на защиту от импульсивных покупок, но и в первую очередь на борьбу с мошенниками и сокращению роста данных преступлений. Каждый гражданин имеет право установить частный или полный запрет на оформление кредитов или займов на свое имя. Данный закон не позволяет мошенникам завладеть денежными средствами и совершить действия от чужого имени. Также отметим, что снятие запрета происходит через день после принятия данного решения, что помогает в случае завладения злоумышленником вашими данными, восстановить свой личный аккаунт в течение этого времени. На

наш взгляд новый закон должен уменьшить количество преступлений в сфере мошенничества.

В условиях напряженной политической ситуации возросло количество криминальных звонков из зарубежных стран. Здесь возможно два варианта: либо звонок осуществляется действительно из-за границы, либо мошенник совершает звонок с территории России, используя иностранный номер телефона. Рассматривая первый вариант, основной задачей преступника является вербовка жертвы, используя определенные рычаги воздействия он убеждает жертву в совершении террористического акта (акта диверсии), обещая крупную сумму денег в случае его выполнения. Под такое воздействие чаще всего попадают люди, имеющие низкий материальный достаток; лица, находящиеся в неустойчивом психоэмоциональном состоянии; зависимые граждане (наркоманы, игроманы и т. д.); подростки. Данный факт указывает на необходимость введения требований по блокировке телефонных звонков из-за границы. В настоящее время операторы связи имеют право блокировать звонки, поступающие из зарубежных стран. Тем не менее этого недостаточно, по-нашему мнению следует закрепить данный запрет на законодательном уровне и далее принимать необходимые меры по его совершенствованию.

Подводя итог можно отметить, уголовное законодательство не стоит на месте и постоянно совершенствуется, однако скорость этого процесса не всегда поспевает за скоростью течения общественной жизни. Это позволяет появляться на свет новым видам преступлений, которые требуют адекватной правовой и политической реакции государства на них. Одним из них выступает мошенничество. Данное обстоятельство требует разработки и усовершенствования законодательства, проведению профилактических мероприятий, чтобы минимизировать количество преступлений в этой сфере. В то же время целесообразно обратить внимание на то, что перечень тенденций, затронутых в данной статье, не является исчерпывающим поскольку с развитием общественных отношений в анализируемой правовой категории можно выделять все новые и новые направления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть : монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М. : Юрлитинформ, 2009. 448 с.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 15.03.2025).
4. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/mass-media/news?item=100360024 (дата обращения 15.03.2025).

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях. Федеральный закон и «О потребительском кредите (займе)» : Федеральный закон от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ // Российская газета. 2024. 28 февраля.

УДК 004

Булатова Эллина Рушановна

студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ellinabulatova62@gmail.com

Бахорина Анастасия Витальевна

студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
nastj8l14g@gmail.com

Использование цифровых технологий органами расследования

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс цифровой трансформации органов расследования, анализируются ключевые вызовы и возможности, связанные с внедрением цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов. Особое внимание уделяется перспективам использования искусственного интеллекта, больших данных и других передовых технологий для повышения эффективности расследований, обеспечения прозрачности и защиты прав граждан.*

***Ключевые слова:** цифровая трансформация, органы расследования, правоохранительные органы, искусственный интеллект, большие данные, цифровые доказательства, кибербезопасность, эффективность расследования.*

Bulatova Ellina Rushanovna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Bahorina Anastasia Vitalievna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

The use of digital technologies by investigative bodies

***Annotation.** The article examines the process of digital transformation of investigative bodies, analyzes the key challenges and opportunities associated with the introduction of digital technologies in the activities of law enforcement agencies. Special attention is paid to the prospects of using artificial intelligence, big data and other advanced technologies to improve the effectiveness of investigations, ensure transparency and protect the rights of citizens.*

***Keywords:** digital transformation, investigative agencies, law enforcement agencies, artificial intelligence, big data, digital evidence, cybersecurity, investigative effectiveness.*

Активное развитие цифровых технологий, особенно технологий искусственного интеллекта, больших данных, облачных вычислений и Интернета вещей, создает новые возможности для повышения эффективности и прозрачности расследования преступлений. Использование цифровых технологий органами расследования, а также цифровая трансформация их деятельности, особенно актуальны в условиях увеличения числа киберпреступлений. Внедрение современных технологий позволяет ускорить процесс расследования, улучшить взаимодействие между различными ведомствами и повысить уровень доверия общества к правоохранительным органам. Однако, отсутствие или недостатки правового регулирования цифровой трансформации органов расследования могут привести к негативным последствиям. Поэтому особое значение приобретает проведение научных исследований в этой области.

Термин «цифровая трансформация» в научной литературе определяется по-разному. А. О. Темников выделяет в качестве ключевых аспектов «раскрытия цифровой трансформации: инструменты, эффекты, направление и характер изменений» [6]. В связи с этим, А. Ю. Чурикова обоснованно определяет процесс цифровой трансформации как «процесс комплексного преобразования деятельности», «направленный на повышение эффективности, качества и доступности процессов, связанных с производством по уголовному делу на всех его этапах» [9].

Главное в этом определении то, что оно позволяет отграничить цифровую трансформацию, при которой происходит изменение и правоприменительной практики, и действующего законодательства, от цифровизации, при которой цифровые технологии используются в деятельности органов расследования, но их применение не вызывает каких-либо коренных преобразований.

Поиск, создание и внедрение новых методов и технологий, помогающих в расследованиях преступлений, происходит на протяжении всего развития нашей страны [3]. На сегодняшний день криминалистика и уголовный процесс эволюционировали от судебных поединков и ордалий, характерных для Древней Руси, до использования современных цифровых технологий в процессе расследования. В связи с этим, особенно важным представляется ответ на вопрос – как использование цифровых технологий влияет на деятельность органов расследования, а также на правовое регулирование данной деятельности?

В современном мире многие страны активно используют технологии в расследовании преступлений, что значительно повышает эффективность правоохранительных органов.

Например, в Соединенных Штатах Америки в некоторых регионах используется PredPol (Predictive Policing). Американская система прогнозирования преступлений PredPol использует алгоритм машинного обучения для создания прогнозов преступлений на основе всего трех типов данных: вид преступления, место преступления, дата и время преступления [4].

Полицейское управление Великобритании начало тестирование системы искусственного интеллекта под названием Soze, разработанной в Австралии. Система сканирует и анализирует разнообразные источники больших данных,

включая электронные письма, аккаунты в социальных сетях, видео, финансовые отчеты и другие документы. По информации полиции, искусственный интеллект смог обработать доказательства по 27 сложным делам всего за 30 часов, в то время как человеку-следователю на это потребовался бы приблизительно 81 год [1, 2].

В Российской Федерации также активно используются современные цифровые технологии и информационные системы для установления лиц, причастных к совершению преступлений, выявления, предупреждения и пресечения преступлений.

Например, Д. А. Тапчиева и С. П. Федоренко указывают, что разработана и применяется система «Криминалист», которая помогает «обнаруживать потенциальных преступников, группировки, места совершения преступлений, а также предлагать оптимальные решения для правоохранителей» [5].

Помимо этого используется множество других информационных систем, например, Следопыт-М. А. Ю. Чурикова также отмечает активное использование в практической деятельности правоохранительных органов технологии распознавания лиц [7], что не только дает множество преимуществ по установлению личности и местонахождения лиц, предположительно причастных к совершению преступлений, но и вызывает множество проблем, связанных с ошибками, возникающими при использовании данной технологии, а также множество дискуссионных вопросов по оформлению результатов ее использования. Кроме того, технологии искусственного интеллекта и обработки больших данных можно применять для установления признаков состава преступления, либо для того, чтобы выявить то, что указывает на высокую вероятность совершения преступлений, что особенно важно в противодействии киберпреступности [8].

Таким образом, применение современных технологий, а особенно искусственного интеллекта, все чаще встречается в деятельности органов расследования. Это не может не сказываться на фактическом порядке осуществления данной деятельности. Однако, если посмотреть действующее уголовно-процессуальное законодательство, существенного изменения правового регулирования в данной области не произошло. Следовательно, пока активно идет цифровизация, а процесс цифровой трансформации как деятельности, так и правового регулирования деятельности органов расследования только начинает осуществляться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Meijer A., Wessels M. Predictive policing: Review of benefits and drawbacks // International journal of public administration. 2019. Vol. 42, № 12. P. 1031–1039.
2. Ferguson A. G. Policing predictive policing // Wash. UL Rev. 2016. Vol. 94. P. 1109.

3. Еремеева А. Н. Исторический аспект эволюции криминалистической методики расследования преступлений в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2(47). С. 150–156.

4. Сидорова Д. Британская полиция тестирует ИИ-детектива. URL: <https://rb.ru/story/britanskaya-policiya-testiruet-ii-detektiva/> (дата обращения: 01.03.2025).

5. Тапчиева Д. А., Федоренко С. П. Применение технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений // Правовой порядок и юридическая деятельность : сб. науч. ст. III Всерос. нац. конф. студентов, магистрантов и молодых ученых, Ростов-на-Дону, 07 февраля 2024 года. Ростов-н/Д. : Ростов. гос. ун-т путей сообщения, 2024. С. 366.

6. Темников А. О. Современные подходы к определению термина «цифровая трансформация» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 227.

7. Чурикова А. Ю. Доказательственное значение результатов использования технологии распознавания лиц // Законность. 2025. № 1(1083). С. 66–69.

8. Чурикова А. Ю. Применение искусственного интеллекта и индикаторов риска для противодействия киберпреступности // Российский следователь. 2024. № 5. С. 47–51.

9. Чурикова А. Ю. Цифровая трансформация уголовно-процессуальной деятельности // Законность. 2024. № 2(1072). С. 63.

УДК 343.98

Воронин Даниил Вадимович

магистрант, Московская академия

Следственного комитета имени А. Я. Сухарева

г. Москва, Российская Федерация

voronind2105@yandex.ru

Социальная сеть как источник криминалистически значимой информации при расследовании преступлений

***Аннотация.** В настоящей статье исследуются возможности изучения социальных сетей для решения задач, стоящих перед криминалистикой, в частности получения сведений, имеющих доказательственное значение при расследовании уголовных дел. Обозревается, какая именно криминалистически значимая информация может быть получена при изучении социальных сетей и способы ее получения. Также выделены имеющиеся недостатки таких возможностей.*

***Ключевые слова:** социальная сеть, цифровой след, криминалистически значимая информация, OSINT, персональные данные.*

Voronin Daniil Vadimovich
undergraduate, Moscow Academy
Sukharev Investigative Committee
Moscow, Russian Federation

Social network as a source of forensically relevant information in crime investigation

***Annotation.** This article explores the possibilities of studying social networks to solve the problems faced by forensics, in particular, to obtain information of evidentiary value in criminal investigations. It reviews what kind of forensically relevant information can be obtained by studying social networks and how it can be obtained. The shortcomings of such possibilities are also highlighted.*

***Keywords:** social network, digital footprint, forensically relevant information, OSINT, personal data.*

Последние два десятилетия в современном обществе, во всех его сферах взаимоотношений и деятельности протекает процесс цифровизации, т. е. с течением времени происходит внедрение цифровых технологий. С использованием таких электронных устройств как смартфон, ноутбук и пр. стала возможна передача информации и общение между людьми в пространстве сети Интернет посредством социальных сетей. Рассмотрим социальную сеть как источник криминалистически значимой информации.

Впервые определение социальная сеть сформирована в 1954 году Джеймсом Барнсом в его работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе», опубликованной в сборнике трудов «Человеческие отношения». Определение указывает, что социальная сеть – совокупность множественных устойчивых однородных связей в обществе, выделяемых из разносторонних отношений между акторами (индивидами, группами, организациями, др. общностями), выступающими в качестве узлов [3]. В процессе виртуализации общества, значительный скачок которого приходится на первое десятилетие XXI века, понятие социальной сети от консервативного понимания отходит в сторону информационно-компьютерного определения. Э. Н. Забарная и И. В. Куриленко под социальной сетью понимают сообщество в виртуальной среде людей, сплоченных по какому-либо принципу на основе одной платформы, которая и обозначается как социальная сеть [1]. Социальная сеть включает в себя такие отличительные особенности как возможность создания личного аккаунта, содержащего персональные сведения о пользователе; предоставление возможности дистанционного общения между пользователями (включающей в себя возможность обмена различной информацией); вступление в сообщества (группы) в зависимости от интересов и личных потребностей человека; возможность с течением времени размещать в открытом доступе информацию о жизни пользователя (работа, обучение, досуг, семья и пр.).

Беспрерывное совершенствование цифровых технологий, а именно различных программ, приложений, устройств расширяются возможности получе-

ния криминалистически значимой информации при изучении социальных сетей, т. е. способов получения цифровых следов – любой криминалистически значимой компьютерной информации, т. е. сведений (сообщений, данных), представленных в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [2].

В современном понимании социальная сеть представляет собой интернет-ресурс, онлайн-платформу, предназначенную для обмена информации между пользователями. Имеется множество классификаций социальных сетей, но касаясь получения криминалистически значимой информации следует классифицировать социальные сети по назначению и по типам предоставляемых услуг. Первая классификация определяет социальные сети как общего или специального назначения в зависимости от цели использования. Например, «ВКонтакте» относится к социальным сетям общего назначения, а специализированные платформы для знакомств – к социальным сетям специального назначения. Вторая классификация основана на типе услуг, предоставляемых пользователям, и разделяет социальные сети на личные (например, «Одноклассники»), деловые (как LinkedIn) и блоггинговые платформы (такие как Twitter или LiveJournal). При коммуникации между пользователями социальной сети образуется значительный объем информации в сети Интернет, образуя тем самым цифровые следы, т. е. криминалистически значимую информацию. В число такой информации входит информация, имеющая противоправный характер, связанная с половой неприкосновенностью несовершеннолетних лиц, а также, что в настоящее время наиболее актуально, связанная с дискредитацией Вооруженных Сил Российской Федерации. Помимо наличия противоправной информации в социальных сетях, изучение персональной страницы пользователя способствует получению информации о личности пользователя, в частности его анкетные данные (фамилия, имя, отчество, дата рождения, контактные сведения), фотографии, увлечения, социальное окружение, а также, в некоторых случаях и его местонахождение. Не редко в ходе следствия доказательственное значение имеет установление анкетных данных зарегистрированного пользователя в социальных сетях, поскольку это подтверждает прямой преступный умысел лица, направленный на совершение противоправного действия, например, когда доказательственное значение имеет осведомленность преступника о действительном возрасте потерпевшей, например что имеет ключевое значение при расследовании преступления, предусмотренных ст. 135 УК РФ. Необходимо отметить, что осмотр аккаунта пользователя в социальной сети может служить отправной точкой для установления контактов, местонахождения, а также иной криминалистически значимой информации (например, злоумышленник, занимающий определенный социальный статус, высказывал угрозы в отношении гражданина, что было записано на аудиозапись, уже в рамках предварительного следствия возникла необходимость в проведении фоноскопической судебной экспертизы, однако подозреваемый отказался предоставлять образцы своего голоса в порядке, предусмотренном ст. 202 УПК РФ. В данной ситуации следствие в ходе осмотра аккаунтов подозреваемого в социальной сети Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремист-

ской и запрещенной на территории РФ) обнаружило видеоролик с публичным выступлением подозреваемого и голос на указанной видеозаписи в последующем послужил образцом для сравнения).

Цифровые следы, т. е. криминалистически значимая информация, в социальных сетях в ходе проведения предварительного расследования, может быть получена лицом, производящим расследование при самостоятельном изучении профилей социальных сетей, процессуально оформив такой осмотр, который будет соответствовать норме, предусмотренной ст. 74 УПК РФ, но такой осмотр позволяет только внешне просмотреть аккаунт пользователя, который представляет интерес для расследования.

В наиболее положительных следственных ситуациях при лице, производящим предварительное расследование, находится полученный в соответствии с требованиями УПК РФ (ст. 176–177 УПК РФ, ст. 182 УПК РФ, ст. 183 УПК РФ). В таких ситуациях уже существует возможность произвести осмотр ранее отправленной лицом информации и сообщений в социальных сетях, что может иметь ключевое доказательственное значение по уголовному делу.

Возможно направление официального запроса в организации, владеющими социальными сетями, с требованием предоставления в правоохранительный орган сведений о лице, на который зарегистрирован аккаунт, откуда можно получить указанные таким лицом анкетные данные (которые все-таки возможно могут быть недостоверными), а также номер мобильного телефона и адрес электронной почты, с приложением переписки с определенным пользователем.

При этом в абзаце выше приведены общие примеры получения криминалистически значимой информации в социальных сетях, когда лицу, производящему производство предварительного расследования достоверны известны сведения, осмотр и проверку которых необходимо произвести, либо когда объектом осмотра является конкретный носитель информации, содержащий сведения о личности, ему принадлежащий, т. е. следователю или дознавателю ясно, что именно и где именно необходимо искать. Однако на следственной практике бывают следственные ситуации, когда лицом, производящее предварительное расследование, на определенном этапе расследования не известны все необходимые исходные данные. Для решения данной проблемы в арсенале правоохранительных органов применяется OSINT (Open Source Intelligence Tracking, с англ. – разведка по открытым источникам или разведка открытых данных), данное понятие подразумевает под собой метод сбора и анализа данных, для получения дополнительной информации.

OSINT представляет собой способ сбора данных о лице на основе открытых источников, находящихся в сети Интернет, с дополнительным использованием различных баз данных. То есть OSINT это совокупность различных инструментов и методов, которые позволяют при изучении открытых источников и баз данных эффективно искать, собирать и анализировать информацию, находящейся в открытом доступе в пространстве сети Интернет. OSINT предоставляет правоохранительным органам широкий спектр возможностей для поиска различных лиц, а также возможностей по сбору иных сведений, имеющих доказательственное значение для уголовного дела. В том числе в рамках OSINT ши-

роко используется изучение социальных сетей, изучением которой возможен поиск персональных данных - профилей в социальных сетях (из которых возможно получить необходимые сведения; или зацепку, способствующую с использованием различных баз данных получить необходимую информацию), а также публикаций и активностей; анализ связей с другими пользователями; также имея в исходных данных только фотографию лица возможно обнаружение аккаунта лица в социальной сети.

Несмотря на все вышеперечисленные преимущества получения криминалистически значимой информации в социальных сетях, в современном следствии существует ряд негативных факторов, препятствующих полному и объективному получению таковой информации. При рассмотрении способов получения криминалистически значимой информации в социальных сетях выделено четыре способа получения таковой информации, которые имеют следующие проблемы:

- лицо, производящее предварительное расследование, при самостоятельном осмотре аккаунтов социальных сетей на общих основаниях сталкивается с проблемой закрытых аккаунтов, что препятствует оперативному получению криминалистически значимой информации;

- даже при наличии какого-либо электронного устройства, с которого осуществлялся вход в аккаунт социальной сети, без наличия пароля зачастую проблематично получить доступ к его содержимому, поскольку имеющиеся в РФ лицензированные программно-аппаратные комплексы начинают устаревать, в частности, к моменту второго квартала 2025 года, получить доступ к мобильному телефону на базе IOS не представляется возможным на версиях выше «16», которая выпущена 12.09.2022, т. е. имеющиеся в арсенале правоохранительных органов аппаратно-программные комплексы не соответствуют реальным потребностям при производстве расследования;

- касаясь получения ответа на запрос из организаций, осуществляющих управление и обслуживание серверами социальной сети, следует отметить, что получение ответа в адрес правоохранительного органа занимает длительный промежуток времени (при этом имеется тенденция более оперативного взаимодействия), что не является положительным фактором при необходимости принятия оперативного процессуального решения или проведения следственного (ых) действия (й). В частности, офис социальной сети «ВКонтакте» находится на территории г. Санкт-Петербург, а получение копии сообщений и передаваемой информации требует производство выемки, что особо проблематично для сотрудников правоохранительных органов в субъектах РФ. Касаясь зарубежных социальных сетей, то в современных реалиях получить от них информацию не представляется возможным;

- в соответствии с Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» законодателем введена статья 272.1 УК РФ – Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распро-

странения. То есть в настоящее время фактически получение информации из открытых источников, содержащие персональные данные граждан незаконно, и касаясь применения OSINT правоохранительными органами каких-либо формулировок и комментариев не имеется.

Таким образом, цифровизация общества, совершенствование цифровых технологий, все больше переносит обмен информации между людьми и размещений сведений о конкретном человеке в Интернет пространство, а именно в социальные сети. Выделено несколько способов получения информации из социальных сетей, несмотря на установленную проблематику, получение криминалистически значимой информации из социальных сетей не теряет актуальности, а напротив все чаще используется правоохранительными органами при раскрытии и расследовании преступлений. То есть социальная сеть, при правильно подходе к ее изучению и применению, является допустимым и важным источником получения необходимой информации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Забарная Э. Н., Куриленко И. В. Социальный медиа-маркетинг (на примере системы образования) // Вестник Волынского института экономики и менеджмента. 2012. № 5. С. 74–82.
2. Цифровые следы преступлений : монография / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин. М. : Проспект, 2021. 166 с.
3. Шахмартова О. М., Болгаева Е. Ю. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности // Известия ПГПУ имени В. Г. Белинского. 2011. № 24. С. 1002–1008.

УДК 343.1

Гончаренко Софья Романовна

студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
gon4sofa@mail.ru

Кравцова Анна Романовна

студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
kravcovaanna2904@gmail.com

Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты понятия «электронные доказательства». Работа направлена на анализ основных проблем, связанных с их использованием в уголовном процессе, таких как: легитимность и допустимость электронных доказательств, их сохранность и безопасность, а также трудности правового регулирования и защиты прав человека. Авторы подчеркивают необходимость совершенствова-

ния законодательства, улучшения технической оснащенности правоохранительных органов для эффективного использования электронных доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, уголовный процесс, допустимость, цифровые технологии, система защиты данных.

Goncharenko Sofya Romanovna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Kravtsova Anna Romanovna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Problems of using electronic evidence in criminal proceedings

Annotation. *The article discusses the theoretical aspects of the concept of “electronic evidence”. The work is aimed at analyzing the main problems related to their use in criminal proceedings, such as the legitimacy and permissibility of electronic evidence, its safety and security, as well as the difficulties of legal regulation and protection of human rights. The authors emphasize the need to improve legislation and improve the technical equipment of law enforcement agencies for the effective use of electronic evidence.*

Keywords: *electronic evidence, criminal procedure, admissibility, digital technologies, data protection system.*

Современный мир все больше связан с информационными технологиями, что отражается на всех аспектах жизни, включая правоохранительную деятельность. Электронные доказательства стали неотъемлемой частью уголовных процессов, однако их использование связано с рядом проблем, которые требуют серьезного внимания со стороны правовой науки и практики. Учитывая быстрые темпы развития цифровых технологий и их влияние на функционирование правовых институтов, актуальность исследования проблем использования электронных доказательств в уголовном процессе является высокой. Важность этого вопроса подтверждается как правовыми вызовами, так и необходимостью адаптации юридической системы к новым реалиям.

Необходимо отметить, что понятие «электронные доказательства» в уголовно-процессуальном законодательстве не закреплено. В науке существует ряд мнений по формулированию данного определения. Так, С. В. Зуев пишет, что электронные средства доказывания – это любые правовые и технические возможности, позволяющие в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством использовать в доказывании информацию в электронном виде [1, с. 46]. Также свое понятие предложила В. А. Спиридонова. По ее мнению, электронное доказательство – это любые сведения, созданные в электронной форме без предварительного выражения в объективном вещественном мире, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенным УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоя-

тельств, имеющих значение для уголовного дела [4, с. 423]. Таким образом, к электронным доказательствам можно отнести электронные документы, записи в базах данных, переписки, файлы на устройствах хранения данных, а также информацию, полученную из различных источников в Интернете.

Однако существует множество сложностей, связанных с использованием электронных доказательств. Одной из главных проблем является их допустимость. М. Г. Янин и К. М. Кочедыкова считают, что свойство допустимости электронных доказательств отражает требование, обращенное к форме доказательства, помимо того, данное свойство указывает на необходимость соблюдения формальных требований, предусмотренных законом [5, с. 30]. Основным критерием допустимости электронных доказательств является их содержание, которое должно обладать свойствами целостности и неизменности. Кроме того, важная роль отведена процессу их изъятия, который должен осуществляться законным путем. Причиной этой проблемы является отсутствие четко регламентированного порядка сбора, исследования и оценки данного вида доказательств. Решением рассмотренного вопроса может служить разработка и совершенствование законодательства. Требуется дальнейшее уточнение норм, касающихся использования электронных доказательств, их допустимости и методов проверки. Следует учесть особенности цифровых технологий и обеспечить унификацию правил для всех участников процесса.

Использование электронных доказательств также связано с проблемой защиты прав человека, в том числе права на неприкосновенность частной жизни и свободу выражения мнений. Сбор и использование информации, полученной из личных устройств, социальных сетей или других частных источников, могут вызывать вопросы о соблюдении прав и свобод граждан. Примером этому является жалоба Д. А. Прозоровского, по которой Конституционный Суд РФ в своем Определении пояснил, что лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в суд [2]. Таким образом, деятельность правоохранительных органов должна быть подвержена контролю в целях обеспечения баланса между необходимостью сбора электронных доказательств и соблюдением принципов конфиденциальности.

Электронные доказательства чрезвычайно уязвимы перед угрозами утраты, изменения или подделки. Технологии шифрования, методы защиты данных и правильная организация хранения информации играют ключевую роль в обеспечении безопасности этих доказательств. Однако не всегда обеспечиваются надлежащие меры защиты, что может привести к потерям данных или их фальсификации. Решением данной проблемы может являться создание системы защиты данных. Важно усилить требования к безопасности хранения и передачи электронных доказательств. По мнению В.Е. Пономарёва такая система должна обеспечивать конфиденциальность данных. Для этого необходимо применения двух инструментов, с одной стороны данные необходимо шифровать

как при их хранении, так и при передаче. А также необходимо строго контролировать доступ к данным. Следующее свойство система должна отвечать требованиям надежности и доступности [3, с. 318]. Также для этого необходимо внедрять современные методы криптографической защиты, а также обеспечить учет всех действий с доказательствами в процессе их сбора и хранения.

Использование электронных доказательств в уголовном процессе является необходимым и актуальным инструментом для установления истины в судебных разбирательствах. Однако существует ряд серьезных проблем, которые требуют внимательного и комплексного подхода для их решения. Развитие законодательной базы, улучшение технической оснащенности правоохранительных органов и создание эффективной системы защиты данных – все это позволит улучшить процесс сбора, хранения и анализа электронных доказательств, что в свою очередь повысит качество правосудия и безопасность граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3(26). С. 46–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-ponyatie-i-znachenie> (дата обращения: 19.03.2025).

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О. URL: <https://base.garant.ru/71875840/> (дата обращения: 18.03.2025).

3. Пономарев В. Е. Техничко-криминалистическое обеспечение хранения электронных доказательств // Юридическая наука. 2024. № 6. С. 316–319. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehniko-kriminalisticheskoe-obespechenie-hraneniya-elektronnyh-dokazatelstv> (дата обращения: 19.03.2025).

4. Спиридонова В. А. К вопросу о понятии и свойствах доказательств, представленных в электронном виде, в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2024. № 3(502). С. 423–424. URL: <https://moluch.ru/archive/502/110521/> (дата обращения: 19.03.2025).

5. Янин М. Г., Кочедыкова К. М. Проблемы сбора, проверки и оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Управление в современных системах. 2019. № 2(22). С. 28–31.

Горелкина Юлия Андреевна
студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г.Саратов, Российская Федерация
gorelkinayulya2704@gmail.com

Мошенничество в сфере социальных выплат

***Аннотация.** В статье изложены теоретические и практические проблемы уголовного права, в частности, мошенничество в сфере социальных выплат. Данная тема является актуальной, поскольку мошенничество в настоящее время стало одной из серьезных проблем для Российской Федерации. Приводится судебная статистика совершенных преступлений за 2019 год и 2023 год, а также анализ зарегистрированных преступлений за указанные годы. Рассматривается судебная практика по вопросам отнесения пенсий к категории социальных выплат. Предлагается ужесточение санкции части 3 статьи 159.2 УК РФ.*

***Ключевые слова:** мошенничество в сфере социальных выплат, пенсии, часть 3 статьи 159.2 УК РФ, пособие, субсидии.*

Gorelkina Yulia Andreevna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Social security fraud

***Annotation.** The article presents theoretical and practical problems of criminal law, in particular, fraud in the sphere of social payments. This topic is relevant, since fraud has currently become one of the serious problems for the Russian Federation. The article provides judicial statistics on crimes committed in 2019 and 2023, as well as an analysis of registered crimes for the specified years. It examines judicial practice on issues of classifying pensions as social payments. It proposes to tighten the sanctions of Part 3 of Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

***Keywords:** fraud in the field of social benefits, pensions, part 3 of article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, benefits, subsidies.*

На сегодняшний день мошенничество все больше набирает свои обороты. Государственные органы не справляются с тем объемом махинаций, которые проводятся каждую минуту по всей территории Российской Федерации. Недобросовестные граждане не боятся ответственности за свои неправомерные действия, злоупотребляя доверием граждан и вводя их в заблуждение.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [3] дается полное разъяснение статьи 159.2 УК РФ [5] «хищение денежных средств или иного имущества в форме мошенничества, которое связано с незаконным получением социальных выплат». Виды данных выплат закреплены в вышеуказанном Постановлении, к ним могут относиться: компенсация на питание, пособие по безработице, суб-

сидии для приобретения или строительства жилого помещения, предоставление лекарственных средств, специального транспорта, продуктов питания и др.

Не все указанные в диспозиции статьи 159.2 социальные выплаты (пособие, субсидии) в полной мере раскрывают свое значение. Например, квалификация будет исключена по такой категории выплат, как выходное пособие, предусмотренное Трудовым кодексом РФ, так как оно не носит социальной направленности и по нему приводится запись по счетным средствам работодателя. Исходя из этого, важно учитывать наличие социального признака, а также источник выплаты. Проанализировав все виды социальных выплат, содержащихся в диспозиции ст. 159.2 УК РФ, можно прийти к выводу, что законодатель, относя пенсии к социальным выплатам, не указал их в ст. 159.2 УК РФ, обосновав это тем, что лица могут по своему усмотрению распоряжаться накопительной частью пенсии, в том числе инвестировать ее в негосударственные пенсионные фонды [1, с. 810]. Следовательно, такой вид социальных выплат не подпадает под вышеуказанные критерии. При этом судебная практика говорит об обратном: Так, Замоскворецкий районный суд г. Москвы по уголовному делу № 1-199/2021 от 22 апреля 2021 года вынес обвинительный приговор в отношении подсудимого Персона Р. Р. по ч. 4 ст. 159.2 УК РФ за хищение денежных средств при получении иных социальных выплат, т. е. пенсии по инвалидности [4].

Если проанализировать статистические данные за период 2019–2023 гг., то можно сделать вывод, что количество данных преступлений увеличилось (2019 г. – 2205 человек, 2023 – 3527 человек) [2]. Данные судебной статистики показывают, что наиболее часто осуждают преступников по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, т. е. деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере.

В большинстве случаев мошеннические действия действительно наносят серьезный ущерб организациям. Лица, которые обманным путем завладевают денежными средствами или иными материальными объектами, не боятся последствий за свои действия. Так, согласно приговору Петровского районного суда Ставропольского края, лицо предоставило поддельную справку об инвалидности, чем причинило имущественный вред Отделению Фонда пенсионного и социального страхования РФ на сумму более 630 тысяч рублей, вследствие чего было привлечено к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ. К сожалению, санкция по данной статье не пугает преступников и не снижает число преступлений, которых становится все больше с каждым годом. Исходя из этого, мы предлагаем ужесточить санкцию за части 3 статьи 159.2 УК РФ, убрав штраф в качестве основного наказания и повысив его до ста пятидесяти тысяч рублей в качестве дополнительного наказания к лишению свободы.

Таким образом, мошенничество как одно из серьезных преступлений двадцать первого века актуализировалось во всех сферах общественной жизни, так как законодатель, регулируя преступления, связанные с хищением социальных выплат, исходит, прежде всего, из их социального критерия, который является наиболее значимым в современном обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зарывахина И. А., Мындырченко Н. С. Мошенничество в сфере социальных выплат // Наука и образование в наши дни: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ростов-н/Д.. 2021. С. 809–811.
2. Обзор судебной статистики – Верховный Суд РФ. URL: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 26.03.2025).
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15.12.2022) // СПС «Гарант» (дата обращения: 26.03.2025).
4. Приговор Замоскворецкого районного суда от 22 апреля 2021 г. по делу № 1-199/2021. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/cases/docs/content/e584f2b0-a401-11eb-b77a-b95a5235f8db> (дата обращения: 26.03.2025).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СПС «Гарант» (дата обращения: 26.03.2025).

УДК 343.2/.7

Гречко Елизавета Дмитриевна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
elisabetagrechko@yandex.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Правовой анализ множественности преступлений

***Аннотация.** Статья посвящена изучению феномена множественности преступлений в российском уголовном праве. Рассматриваются теоретические основы данного института, проблемы квалификации преступлений, целесообразность изменения отдельных положений уголовного законодательства и практики принятия судебных решений. Особый акцент сделан на проблемах правильной квалификации и особенностях назначения наказания лицам, совершившим несколько преступлений одновременно или последовательно.*

***Ключевые слова:** множественность преступлений, уголовный кодекс, совокупность преступлений, уголовная ответственность, квалификация преступлений.*

Grechko Elizaveta Dmitrievna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The totality of crimes as a type of multiplicity of crimes

***Annotation.** The article is devoted to the study of the phenomenon of multiple crimes in Russian criminal law. The theoretical foundations of this institution, the problems of crime qualification, the expediency of changing certain provisions of criminal legislation and judicial decision-making practice are considered. Special emphasis is placed on the problems of proper qualification and the specifics of sentencing persons who have committed several crimes simultaneously or sequentially.*

***Keywords:** multiplicity of crimes, criminal code, totality of crimes, criminal liability, qualification of crimes.*

Представляется, что проблематика множественности преступлений занимает одно из центральных мест в науке уголовного права и правоприменительной практике. В современных условиях изменений в состоянии борьбы с преступностью и усложнения социально-политических и экономических процессов, проблемы квалификации преступлений и назначения наказаний за совершение нескольких преступлений, образующих множественность, приобретают особую значимость.

Изучение судебной практики свидетельствует о том, что зачастую одно лицо обвиняется в совершении двух и более преступных деяний, каждое из которых содержит признаки отдельного состава преступления. В связи с этим, представляется, что признание института множественности преступлений имеет важное значение для правильной квалификации содеянного виновным лицом и назначения ему законного и справедливого наказания [7]. В российском уголовном законодательстве институт множественности определен нормами главы 3 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), содержащей в себе статьи о совокупности и рецидиве преступлений.

При этом следует отметить, что термин «множественность преступлений» в Уголовном кодексе Российской Федерации не используется, но он раскрывается через понятия: «совокупность преступлений», приведенное в ст. 17 УК РФ и «рецидив преступлений» – ст. 18 УК РФ [6].

Согласно положениям ч. 1 ст. 17 УК РФ, совокупность преступлений возникает в случаях, когда лицом совершено два или более преступлений, ни за одно из которых оно не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Уголовного кодекса, либо частями одной статьи, влекущее более строгое наказание [6]. Важным критерием здесь выступает наличие двух и более самостоя-

тельных составов преступлений, за совершение каждого из которых виновное лицо подлежит уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Уголовно-правовая наука выделяет ряд признаков, формирующих общее понятие совокупности преступлений.

Во-первых, это множественность деяний, предполагающая совершение двух и более преступлений, за которые лицо может нести ответственность в рамках уголовного закона.

Во-вторых, это отсутствие судимости за каждое из деяний, образующих совокупность, на момент их совершения. Из этого следует, что по всем ранее совершенным преступлениям, входящим в совокупность, либо не вынесен приговор, либо он вынесен, но не вступил в законную силу, или отсутствует какое-либо решение вообще.

В-третьих, это то, что каждое из совершенных общественно опасных деяний сохраняет свое уголовно-правовое значение, как преступление, т. е. ни одно из этих деяний не содержит оснований, исключающих возможность уголовного преследования, предусмотренных, как уголовным, так и уголовно-процессуальным законодательством [5, с. 34].

Исходя из приведенных признаков, в научной литературе сложилось универсальное определение совокупности преступлений: «Совокупность представляет собой ситуацию, при которой лицо совершает два или более преступления, каждое из которых содержит полный состав преступления и сохраняет самостоятельный характер. При этом ни одно из деяний не охватывается другими уголовно-правовыми составами или институтами, такими как более общая норма, специальная норма или сложный состав преступления, и ни по одному из преступлений не вынесен обвинительный приговор, вступивший в законную силу» [1].

Мы же полагаем, данное определение нельзя назвать оригинальным, или «универсальным» ввиду того, что в нем используется не совсем точная уголовно-правовая терминология, например, «...каждое из которых содержит полный состав преступления и сохраняет самостоятельный характер...» и др. Кроме этого, совокупность могут образовывать и однородные, и разнородные преступления, совершенные одним лицом и, ни за одно из которых это лицо не было осуждено.

Как известно, в теории уголовного права выделяют реальную и идеальную совокупность преступлений. Так, под реальной совокупностью преступлений понимают совершение виновным (виновными) двух и более преступлений, обладающих всеми признаками (элементами) состава преступления и квалифицирующихся по отдельной статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Эти преступления могут быть совершены друг за другом, в течение короткого промежутка времени, либо с большим временным интервалом. Здесь следует отметить такую характерную особенность, как то, что каждое из них следует рассматривать как отдельное, самостоятельное преступное деяние, совершенное независимо друг от друга [4, с. 107].

Сказанное обуславливает возможность выделить такие признаки реальной совокупности преступлений, как:

- 1) наличие двух и более действий или актов бездействия виновного лица.
- 2) каждое из совершенных преступлений является самостоятельным преступлением.
- 3) разновременное совершение нескольких преступлений, входящих в совокупность.

При этом реальная совокупность не исключается и при одновременном последовательном совершении преступлений.

Важным критерием, указывающим на наличие реальной совокупности преступлений, является последовательное их совершение виновным лицом и отсутствие, вступивших в законную силу приговоров за названные деяния, что подтверждает факт противоправного намерения на раздельное их совершение и последовательную реализацию такого намерения.

Исходя из сказанного, в качестве примеров реальной совокупности преступлений могут служить:

– кража – тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ) [6] и грабеж – открытое хищение чужого имущества (ст. 161 УК РФ) [6], а именно, виновный сначала тайно похищает чужое имущество из магазина, а спустя некоторое время совершает открытое хищение чужого имущества посредством вырывания из рук потерпевшей сумку с крупной суммой денег. Эти преступления образуют реальную множественность, так как они совершены в разное время и различными способами при одинаковом видовом и непосредственно объекте преступного посягательства – общественные отношения, обеспечивающие возможность нормально владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью;

– мошенничество – завладение чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ) [6] и подделка документов (ст. 327 УК РФ) [6]. Например, виновное лицо подделало документы, а затем использовало их для совершения хищения денег. Оба деяния являются отдельными оконченными преступлениями, а в совокупности они образуют реальную множественность.

Как сказано выше, следующей разновидностью совокупности является идеальная совокупность преступлений. То есть это особая форма множественности преступлений, когда, при совершении виновным лицом одного действия (или бездействия) образуются составы двух или более преступлений. Иными словами, виновный совершает преступление одним действием, порождающим несколько общественно опасных последствий, каждое из которых само по себе является отдельным преступлением. Такая ситуация, как мы полагаем, обуславливает целесообразность квалифицировать эти действия по нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации одновременно. Представляется, что такое возможно, когда содеянное виновным причиняет вред нескольким объектам уголовно правовой охраны и описывается в диспозициях различных статей Уголовного кодекса [3, с. 41]

Сказанное позволяет выделить ряд признаков идеальной совокупности преступлений:

- 1) один субъект преступлений, входящих в совокупность;
- 2) преступления, образующие совокупность выполняются одним действием (бездействием);
- 3) преступления, входящие в совокупность образуют различные составы преступлений. То есть, каждое из таких деяний квалифицируется по разным статьям Уголовного кодекса. Это важно, поскольку именно наличие различных составов отличает идеальную совокупность от простого сложения нескольких однородных преступлений;
- 4) преступления, образующие совокупность посягают на разные объекты [2].

Примером идеальной совокупности преступлений может служить умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. В данном случае одно действие – причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 111 УК РФ) влечет за собой причинение смерти по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ), включив в себя признаки двух преступлений: убийства (статья 105 УК РФ) [6] и истязания (статья 117 УК РФ) [6]. Как мы видим из приведенного примера, признаки обоих преступлений присутствуют в одном акте поведения, что, как справедливо отмечают специалисты, делает такую совокупность идеальной.

Перспективы развития института множественности преступлений: Современные реалии требуют постоянного совершенствования подходов к регулированию множественности преступлений. Необходимо учитывать растущую сложность структуры преступных сообществ, появление новых способов совершения преступлений и глобализацию криминальных угроз. Некоторые ученые предлагают расширить перечень ситуаций, относящихся к множественности преступлений, включить дополнительные критерии оценки вины и предусмотреть новые санкции для случаев повышенной общественной опасности. Подобные инициативы могли бы повысить эффективность системы правосудия и укрепить защиту общества от преступных посягательств. Важна также дальнейшая работа над совершенствованием процессуального механизма выявления и доказывания фактов множественности преступлений. Необходимость усиления кооперации правоохранительных органов, обмена информацией и улучшения качества расследования дел способствует укреплению защиты законных интересов граждан.

Таким образом, множественность преступлений является сложной и важной проблемой в уголовном праве. Она требует тщательного анализа и учета всех обстоятельств дела для правильной квалификации преступлений и назначения справедливого наказания. Множественность преступлений усложняет процесс квалификации, так как каждое деяние должно быть оценено отдельно. Это требует от следователей и судей глубокого знания уголовного законодательства, и умения точно определять составы преступлений. Ошибки в квалификации могут привести к несправедливому наказанию или, наоборот, к недос-

таточной ответственности. Дальнейшее изучение данной темы, активное участие ученых-юристов и практиков в разработке предложений по улучшению законодательства способствуют созданию прочной основы для построения цивилизованного и безопасного общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дербин Д. В. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение/ Д. В. Дербин. // Молодой ученый 2024. № 7(506)URL: <https://moluch.ru/archive/506/111267/> (дата обращения: 27.03.2025).
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др. ; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 1. Общая часть. 316 с.
3. Крапива И. И. Особенности совокупности преступлений в российском уголовном праве // Евразийский союз ученых. 2020. № 10–8(79). С. 41–42.
4. Кочои С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник. Краткий курс. М., 2009. 416 с.
5. Краев Д. Ю. Множественность преступлений : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 120 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г., № 63-ФЗ : офиц. текст : по состоянию на 18 марта 2025 г. М. : Омега-Л, 2025.
7. Шкредова Э. Г. Множественность преступлений в современной доктрине: понятие и признаки // Журнал российского права. 2024. № 10. С. 78–87. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-jrpr/2014/10-875206> (дата обращения: 31.03.2025).

УДК 343.57

Жныкина Анастасия Алексеевна

студент, Межрегиональный юридический
институт Саратовской государственной
юридической академии
г. Саратов, Российская Федерация
zhnykinanastya19@gmail.com

Совершенствование уголовного законодательства в сфере незаконного потребления наркотических средств

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования отдельных уголовно-правовых норм, касающихся наркопреступности в Российской Федерации. Сегодня среди многих современных проблем, стоящих перед российским обществом, на одно из первых мест выходит социальная проблема наркомании. Масштабность и темпы распростра-

нения наркомании в России настолько велики, что ставят под вопрос физическое и моральное здоровье населения, а также будущая стабильность социума в российском обществе. Обоснованы и сформулированы предложения по изменению отдельных положений действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: наркотические средства, уголовное законодательство, незаконный оборот наркотических средств.

Zhnykina Anastasia Alekseevna

student at the Interregional law

institute of the Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Improvement of criminal legislation in the field of illicit drug consumption

Annotation. *The article discusses the issues of improving certain criminal law norms related to drug crime in the Russian Federation. Today, among the many modern problems facing Russian society, the social problem of drug addiction is one of the first places. The scale and pace of the spread of drug addiction in Russia is so great that it calls into question the physical and moral health of the population, as well as the future stability of society in Russian society. Justified and formulated proposals for changing certain provisions of the current version of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Keywords: *drugs, penal legislation, illicit drug trafficking.*

В 2023 году страну захлестнула волна из 190 988 преступлений, связанных с наркотиками, что на 7,5 % превышает показатели 2022 года. Удручает тот факт, что более 150 тысяч из этих преступлений носят характер тяжких и особо тяжких. Растет число случаев вымогательства наркотических и психотропных веществ, а также их незаконного производства и пересылки, что свидетельствует о расширении наркосети и ее проникновении во все сферы жизни. Особенно тревожная ситуация складывается в Ямало-Ненецком автономном округе, где зарегистрирован взрывной рост преступности – на 76,8 %. Калининградская и Мурманская области (54,3 и 47,6 % соответственно) также оказались на втором месте. Замыкают пятерку лидеров Томская и Оренбургская области, где прирост составил 44,6 и 44 % соответственно. Однако наиболее трагичным является увеличение числа криминальных инцидентов с человеческими жертвами в Новгородской (плюс 30,1 %), Орловской (плюс 24,8 %) областях и на Ставрополье (плюс 22,8 %), что свидетельствует о жестокости и беспощадности наркобизнеса, готового на все ради наживы [3, с. 76].

В России существует рост угрозы криминальной обстановки, связанной с незаконным оборотом наркотиков. Год за годом тень преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических веществ, неуклонно растет в нашей стране, отравляя ее настоящее и омрачая будущее.

Наркотики наносят значительную угрозу здоровью, приводя к серьезным расстройствам, в том числе психическим, и, таким образом, представляют опасность для безопасности и благополучия общества. Также наблюдается уве-

личение доли преступлений, совершаемых лицами в состоянии наркотического опьянения.

Незаконный оборот наркотиков в сети стал ключевым фактором, способствующим росту преступности. Поскольку с развитием Интернета, совершение преступлений упростилось до пугающей степени, словно стирая грань между реальностью и виртуальным беззаконием [1, с. 42].

В связи с этим, растущее количество деяний, связанные с незаконным оборотом, представляют собой серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Незаконный оборот приводит к нарастанию наркотической зависимости среди населения страны, что влечет за собой катастрофические последствия в социальном, экономическом, нравственном, духовном состоянии России. Более того, он наносит непоправимый урон здоровью населения и становится причиной распространения опасных инфекционных заболеваний [2, с. 256].

В целях сдерживания роста наркопреступности необходимо, чтобы лицо, потребляющее наркотические средства и психотропные вещества подлежало не только административной, но и уголовной ответственности, поскольку немедицинское потребление наркотиков представляет общественную опасность, и способствует росту количества деяний за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

Таким образом, необходимо дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 228.2.2 «Потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афамготов Э. М. История развития антинаркотического законодательства: международно-правовой и отечественный опыт // Общество и право. 2009. № 1. С. 41–43.

2. Блохова Е. В. Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков // Молодой ученый. 2022. № 20. С. 256–259. URL: <https://moluch.ru/archive/519/114401> (дата обращения: 14.04.2025).

3. Васильев С. А. Анализ действующих правовых норм, регулирующих уголовную ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ: преимущества и недостатки // Юрист-правовед. 2017. № 2. С. 75–78.

УДК 343.14

Иванова Алёна Сергеевна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

ivanova.2005alena04@mail.ru

Мокану Антонина Игоревна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

antonella.mokanu@mail.ru

Научный руководитель:

Федюнин Антон Евгеньевич

профессор, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

aef@bk.ru

К вопросу исследования доказательств на стадии подготовки к судебному заседанию

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые аспекты исследования доказательств на стадии подготовки к судебному заседанию, что является важной частью судебного процесса. Авторы анализируют законодательные нормы и практические подходы, регулирующие сбор и оценку доказательств, а также их значение для обеспечения справедливости и эффективности судебного разбирательства. Работа наглядно иллюстрирует, каким образом реализуются доказательства на стадии подготовки к судебному заседанию, и какую роль в этом процессе играет судья. Исследования научной литературы и действующих нормативно-правовых актов позволяют авторам добраться до сущности проводимого действия, а также выделить главную цель исследования доказательств на стадии подготовки к судебному заседанию.*

***Ключевые слова:** судья, исследование доказательств, подготовка к судебному заседанию, законность, уголовно-процессуальное право, форма реализации, уголовное дело.*

Ivanova Alyona Sergeevna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

MokanuAntonina Igorevna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Scientific supervisor:

Fedyunin Anton Evgenievich

professor, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

On the issue of examining evidence at the stage of preparation for the court session

***Annotation.** The article examines the key aspects of evidence research at the stage of preparation for the court session, which is an important part of the judicial process. The authors analyze the legislative norms and practical approaches governing the collection and evaluation of evidence, as well as their importance for ensuring the fairness and effectiveness of judicial proceedings. The work clearly illustrates how evidence is implemented at the stage of preparation for the court session, and what role the judge plays in this process. Studies of scientific literature and current regulatory legal acts allow the authors to get to the essence of the action being carried out, as well as to highlight the main purpose of examining evidence at the stage of preparation for the court session.*

***Keywords:** judge, examination of evidence, preparation for trial, legality, criminal procedure law, form of implementation, criminal case.*

Право гражданина на справедливый суд всегда было и остается актуальным вопросом в рамках уголовно-процессуального права. Однако вынесение законного и справедливого решения невозможно без доказательств, которые имеются в материалах дела. Следует отметить, что работа судьи с доказательствами начинается сразу после поступления дела от прокурора, например на стадии подготовки к судебному заседанию, где стороны могут заявить ходатайство о признании их недопустимыми. В связи с этим возникают вопросы – какие пределы исследования доказательств имеются у суда на данной стадии и как не допустить подмену ей судебного следствия.

Например, ст. 77 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [4] гласит о том, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступлений может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по делу доказательств. В данном случае речь идет о необходимости подтверждения данного доказательства другими, поскольку оно должно содержать сведения, свидетельствующие о причастности лица к совершенному преступлению, подтвержденные в ходе соответствующей проверки, а не просто фактом признания вины. Доказательства фигурируют на протяжении всего процесса судопроизводства, но в данной работе нам интересны доказательства на стадии подготовки дела к судебному заседанию. Исследование доказательств на этом этапе не является целью, а имеет вспомогательное значение для обеспечения правосудия и соблюдения уголовно-процессуальных норм. Теория выделяет две существующие формы реализации стадии подготовки к судебному заседанию [3, с. 62–68]. Первая форма, закреплена в гл. 33 УПК РФ и реализуется судьей, который должен выяснить ряд вопросов, касающихся поступившего уголовного дела и назначения судебного заседания. В обязанности судьи в рамках этой формы входит изучение и анализ материалов уголовного дела, для выявления несоответствий законодательству, которые в будущем будут служить препятствием для рассмотрения и разрешения дела судом. Глава 34 УПК РФ содержит в себе вторую форму подготовки дела к судебному заседанию, а именно предварительное слушание. На данном

этапе судья проводит изучение материалов уголовного дела, рассматривает заявленные ходатайства (при их наличии). Далее, согласно ст. 229 УПК РФ, устанавливаются имеющиеся основания для назначения предварительного слушания. Проведение предварительного слушания осуществляется с соблюдением требований, предъявляемых к судебному заседанию. Затем суд, на основании установленных им в ходе предварительного слушания обстоятельств «...дает распоряжение о вызове в судебное заседание лиц, указанных в его постановлении, а также принимает иные меры по подготовке судебного заседания».

В связи с этим возникает вопрос, а вообще происходит ли исследование доказательств в ходе подготовки дела к судебному заседанию? Отвечая на поставленный вопрос, следует обратиться к законодательству. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит норм, которые бы запрещали проведение каких-либо процессуальных, следственных и судебных действий, когда их проведение необходимо для установления недопустимости доказательств. Так, в своей работе Л. Д. Калинкина отмечает, что к недопустимым доказательствам должны относиться нарушения требований уголовно-процессуального законодательства, процессуальные нарушения в отношении субъектов, на правах участников уголовного процесса, а также порядок производства следственных действий и оформление их результатов, в ходе которых происходит получение недостоверной доказательственной информации, либо ставится под сомнение достоверность данной информации [1, с. 82]. Так, анализируя ст. 228 УПК РФ, содержащей перечень вопросов, которые суд обязан решить на стадии подготовки дела к судебному заседанию. В п. 6 ч. 1 ст. 228 УПК РФ содержится обязанность судьи выяснить, нет ли оснований для проведения предварительного слушания по уголовному делу. Данный пункт отсылает нас к ст. 229 УПК РФ, где содержится перечень оснований для проведения предварительного слушания. Среди них следующие основания: наличие ходатайства стороны об исключении доказательства; наличие основания для возвращения уголовного дела прокурору; наличие основания для приостановления или прекращения уголовного дела; наличие ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняющегося от явки в суд; наличие не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело, за ранее совершенное им преступление; наличие основания для выделения уголовного дела; наличие ходатайства стороны о соединении уголовных дел. Проанализировав характер оснований для проведения предварительного слушания, мы можем сделать вывод о том, что на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд в любом случае обязан ознакомиться с имеющейся в уголовном деле доказательственной информацией, чтобы решить вопросы, предусмотренные ст. 228 УПК РФ. Однако описанные выше основания свидетельствуют о том, что суд обязан оценить представленные доказательства исключительно в контексте их допустимости, а не в отношении их

значения для дела. Это означает, что судья должен определить, соответствуют ли доказательства установленным процессуально-правовым требованиям, имеют ли они право быть представлены в судебном разбирательстве. Суд на данной стадии не должен углубляться в оценку доказательств с точки зрения их относимости и достоверности, а сосредоточить свое внимание на том, имеют ли эти доказательства законное основание для своего использования в судебном процессе.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что на стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству критерии оценки доказательств ограничиваются лишь только критерием допустимости. В процессе подготовки уголовного дела к судебному разбирательству дознаватели, следователи и прокуроры проводят тщательную проверку всех собранных материалов, чтобы исключить любые доказательства, которые могут быть признаны недопустимыми, однако на практике, конечно, сотрудники органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры не всегда качественно решают эту задачу, ввиду многих факторов, таких как, например, высокая нагрузка, связанная с дефицитом профессиональных кадров. Итак, оценка доказательств с точки зрения их допустимости судом на стадии подготовки дела к судебному разбирательству позволяет обеспечивать соответствие уголовного процесса установленным нормам, а также избежать задержек в ходе судебного разбирательства и минимизировать вероятность обжалований, связанных с нарушением процессуальных норм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калинкина Л. Д. Нарушения уголовно-процессуального закона и их правовые последствия по УПК РФ // Проблемные вопросы применения Уголовно-процессуального кодекса РФ : материалы науч.-практ. конф. / Мордовский гос ун-т им. Н. П. Огарева, Мордовский гуманит. ин-т, Прокуратура РМ и др. ; ред.: В. Т. Томин, Л. Д. Калинкина. Саранск : Тип. Крас. окт., 2002. С. 82.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009 № 4. Ст. 445.
3. Середнев В. А. Исследование доказательств на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 2(25). С. 62–68.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Иванова Полина Романовна
студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ivanovapr240805@yandex.ru

Незаконное увольнение: проблемы теории и практики

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются вопросы увольнения, причины его частой неправомерности и возможные пути решения данной проблемы. Актуальность темы обусловлена растущим числом случаев неправомерных увольнений, что негативно сказывается на трудовых отношениях и социальной стабильности. Также приводятся примеры из судебной практики, подтверждающие возможность признания увольнения незаконным и восстановления прав работника. Основное внимание уделяется информации о важности понимания незаконно уволенными работниками возможностей защиты и отстаивания своих прав и интересов через судебные и иные инстанции.*

***Ключевые слова:** увольнение, незаконное увольнение, права работников, работник, работодатель, защита нарушенных прав, трудовой договор.*

Ivanova Polina Romanovna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Illegal dismissal: problems of theory and practice

***Annotation.** This article discusses the issues of dismissal, the reasons for its frequent illegality and possible solutions to this problem. The relevance of the topic is due to the growing number of cases of wrongful dismissals, which negatively affects labor relations and social stability. There are also examples from judicial practice confirming the possibility of recognizing dismissal as illegal and restoring the employee's rights. The focus is on information about the importance of illegally dismissed employees understanding the opportunities to protect and defend their rights and interests through judicial and other authorities.*

***Keywords:** dismissal, unlawful dismissal, workers' rights, employee, employer, protection of violated rights, employment contract.*

Много лет споры между работником и работодателем являются актуальной проблемой. Конфликты между двумя сторонами могут появляться абсолютно по разным причинам, однако увольнение сотрудников является одним из наиболее болезненных и сложных вопросов в рабочих отношениях. Зачастую работодатели увольняют своих сотрудников по причинам, не предусмотренным законодательством Российской Федерации, или заставляют работника писать заявление об увольнении по собственному желанию, так как они уверены, что останутся безнаказанными, так как чаще всего вторые просто принимают свою судьбу и подчиняются велению начальника, не пытаясь отстоять свою правоту. Институт увольнения может быть использован как инструмент мощного давле-

ния со стороны работодателя на своих подчиненных, что часто приводит к злоупотреблениям и нарушениям трудового законодательства. Работники из-за низкого правосознания и плохой осведомленности о способах защиты своих прав, из-за незнания законодательства, из-за страха перед работодателем и иных проблем не обращаются за защитой своих прав в суд, прокуратуру или государственную инспекцию труда. Это является проблемой, так как каждый гражданин нашей страны должен быть заинтересован в защите своих прав.

Увольнение может быть признано незаконным, если оно не соответствует установленным законом основаниям или процедуре. Конкретного понятия «Незаконное увольнение» Трудовой кодекс Российской Федерации или иной нормативно-правовой акт не предусматривает. Однако в статье 81 Трудового кодекса Российской Федерации закрепляются случаи, когда трудовой договор может быть расторгнут работодателем [5]. С. А. Шаронов выделил классификацию оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя по двум группам: 1) основания, не связанные с совершением дисциплинарного проступка (п.1, 2, 3, 4, 13, 13.1, 14); 2) основание, применение которых обусловлено совершением работником (в том числе руководителем организации, его заместителями) дисциплинарного проступка (п. 5, 6, 7, 7.1, 8, 9, 10, 11) [6, с. 177].

Необходимо также отметить, что в статье 307 Трудового кодекса Российской Федерации закреплено, что помимо оснований, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации, трудовой договор с работником, работающим у работодателя – физического лица, может быть прекращен по основаниям, предусмотренным трудовым договором.

Онлайн-сервис «Онлайнинспекция.рф» является неотъемлемой частью комплексного долгосрочного проекта «Открытая Инспекция Труда». Данная платформа предоставляет гражданам возможность обратиться в инспекцию труда при нарушении их трудовых прав, а также получить исчерпывающую информацию о дополнительных способах разрешения конфликтных ситуаций, возникающих в сфере трудовых отношений. Согласно статистике, приведенной на данном сервисе, самое большое количество запросов граждан поступает как раз на тему увольнения. Так с 01 января 2020 года по 01 января 2025 года поступило 85 909 обращений, а это 31 % от общего числа запросов по теме увольнения. Такая статистика свидетельствует о значительной обеспокоенности граждан вопросами увольнения [4].

Если гражданин уверен в том, что его права были нарушены работодателем и увольнение не имело законных оснований, то он вправе обратиться в суд, в государственную инспекцию труда или в прокуратуру за защитой нарушенных прав. В случае, если уволенный сотрудник обратился в суд для обжалования решения об увольнении, суд может принять решение о восстановлении работника на прежней должности, а также обязать работодателя к выплате задолженности по заработной плате, компенсации морального вреда и других полагающихся по закону сумм.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2, «если работник, с которым заключен срочный трудовой договор, был незаконно уволен с работы до истечения срока договора, суд восстанавливает работника на прежней работе, а если на время рассмотрения спора судом срок трудового договора уже истек, – признает увольнение незаконным, изменяет дату увольнения и формулировку основания увольнения на увольнение по истечении срока трудового договора» [3]. Также если работник обратился в суд с иском о незаконности увольнения, то бремя доказывания наличия законных оснований увольнения возлагается на работодателя.

Работник имеет право обратиться в суд за разрешением спора о признании увольнения незаконным в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки или со дня предоставления работнику в связи с его увольнением сведений о трудовой деятельности у работодателя по последнему месту работы.

В качестве иллюстрации к вопросу незаконного увольнения, рассмотрим случай, описанный в «Адвокатской газете» от 17 марта 2022 года [2]. В марте 2018 года между гражданкой С. и Обществом с ограниченной ответственностью «Н.» был заключен трудовой договор.

2 августа 2021 года гражданка С. подала заявление об увольнении по собственному желанию, которое было удовлетворено приказом общества в тот же день в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации. Неделью спустя гражданка С. обратилась в общество с просьбой отменить приказ об увольнении и восстановить ее на прежней должности. Однако, общество отказало в удовлетворении этой просьбы, сославшись на соблюдение процедуры расторжения трудового договора по инициативе работника.

Привлеченный к делу адвокат, основываясь на показаниях гражданки С., которая утверждала о принуждении к написанию заявления об увольнении, проанализировал ситуацию и аудиозаписи бесед с директором, которые были в качества доказательства у гражданки С. В результате анализа он пришел к выводу о наличии давления со стороны руководства и принял решение о подаче иска в суд.

Суд первой инстанции не признал действия работодателя незаконными, посчитав, что предоставленные истцом аудиозаписи не подтверждают ее позицию относительно давления со стороны работодателя.

Адвокат, представляющий интересы гражданки С., обжаловал решение суда первой инстанции.

Суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, рассмотрев материалы дела, установил, что из содержания бесед, зафиксированных на аудиозаписи, следует информация о неоднократных настойчивых предложениях директора гражданке С. уволиться по собственной инициативе. В связи с этим суд округа признал увольнение гражданки С. неправомерным, поскольку инициатива расторжения трудового договора исходила от работодателя.

Данная ситуация служит примером того, что зачастую работодатели, будучи уверенными в своей безнаказанности, принуждают сотрудников написать

заявление об уходе по собственному желанию. Доказать действительно существовавшую неправомерность поступка работодателя в таком случае сложно, но возможно.

Рассмотрим еще один пример из судебной практики. Московский областной суд отменил решение первой инстанции, признав увольнение Людмилы Скрипченко от 2 октября 2023 года незаконным, поскольку оно произошло в период ее временной нетрудоспособности [1]. Суд восстановил ее на работе, обязав работодателя выплатить средний заработок за время вынужденного прогула и компенсацию морального вреда. Представитель истца отметил, что увольнение было связано с ее отказом выполнять незаконные требования руководства, что привело к моральному давлению и последующему обращению в трудовую инспекцию.

Первая инстанция отклонила иск, сославшись на наличие оснований для увольнения из-за сокращения штата и соблюдение порядка увольнения. Однако апелляционный суд указал на недостатки в этом решении, отметив, что работодатель не предложил все доступные вакансии, соответствующие квалификации истца, и не учел ее состояние здоровья. Суд также подчеркнул, что увольнение работника в период временной нетрудоспособности запрещено.

Судебная практика подчеркивает необходимость соблюдения трудового законодательства как работниками, так и работодателями, а также необходимость защиты прав работников, особенно в ситуациях, когда работодатели пытаются избавиться от «неудобных» сотрудников, игнорируя законные процедуры. В таких случаях важно понимать, что каждый работник имеет право на судебную или иную защиту своих интересов и не надо бояться их отстаивать.

Статистика обращений граждан в онлайн-инспекцию по труду, приведенная мною выше, доказывает, что вопрос увольнения является волнующим для граждан нашей страны. Трудовой инспекции РФ необходимо обратить большее внимание к вопросу законности увольнений, так как зачастую увольнение – это произвол со стороны работодателя. Если при проведении проверки обнаружатся какие-либо нарушения закона со стороны работодателя, то он может быть привлечен к административной или даже уголовной ответственности, в зависимости от степени нарушения законодательства.

Считаем правильным внесение в трудовое законодательство конкретного термина «Незаконное увольнение». Граждане должны знать о наличии права на защиту от незаконных действий со стороны работодателя и не бояться обратиться за защитой в соответствующие органы. Также необходимо тщательно изучать трудовой договор и трудовое законодательство, чтобы быть осведомленным об условиях и действующих нормах и смочь в нужной ситуации отстоять свои интересы и добиться справедливости. Создание благоприятной рабочей атмосферы и соблюдение законодательства – залог успешных трудовых отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адвокат добился признания незаконным увольнения женщины, находившейся на больничном // Адвокатская газета. <http://ka-advocat.ru/18-03-2025-адвокат-добился-признания-незаконн/> (дата обращения: 24.03.2025).

2. Адвокат добился признания незаконным увольнения работницы по собственному желанию // Адвокатская газета URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilysya-priznaniya-nezakonnym-uvolneniya-rabotnitsy-po-sobstvennomu-zhelaniyu/> (дата обращения: 24.03.2025).

3. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/?ysclid=m95ugjq92s74035806 (дата обращения: 21.03.2025).

4. Статистика // Онлайнинспекция.рф. URL: <https://xn--80akibcicpdbetz7e2g.xn--p1ai/statistics> (дата обращения: 21.03.2025).

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 21.03.2025).

6. Шаронов С. А., Рыженков А. Я. Трудовое право России : учебник для вузов / под общ. ред. С. А. Шаронова. 8-е изд., пер. и доп.. М. : Юрайт, 2025. 463 с.

УДК 343.163

Козырчикова Алина Александровна

студент, Северо-Западный филиал

Российского государственного университета

правосудия имени В. М. Лебедева

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

alya.kozyrchikova@bk.ru

Прокурорская деятельность в эпоху цифровизации: перспективные направления и проблемы осуществления

***Аннотация.** В статье исследуются актуальные проблемы влияния цифровизации на деятельность Прокуратуры Российской Федерации. Рассматриваются как позитивные, так и негативные факторы, сопутствующие внедрению цифровых технологий, включая искусственный интеллект и нейросети, в прокурорскую практику. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования использования новых технологий, обеспечения информационной безопасности и повышения эффективности надзорной деятельности прокуратуры в условиях цифровой трансформации. Сформулированы предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и организационных основ работы прокуратуры с учетом современных цифровых вызовов.*

***Ключевые слова:** прокуратура, прокурорская деятельность, цифровизация, искусственный интеллект.*

Kozyrchikova Alina Aleksandrovna

student, North-West branch

Russian State University

of Yustice named after V. M. Lebedev

Saint-Petersburg, Russia

Prosecutorial activities in the era of digitalization: promising directions and challenges of implementation

***Annotation.** The article explores the current problems of the impact of digitalization on the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Both positive and negative factors accompanying the introduction of digital technologies, including artificial intelligence and neural networks, into the prosecutor's practice are considered. Particular attention is paid to the issues of legal regulation of the use of new technologies, ensuring information security and improving the effectiveness of supervisory activities of the prosecutor's office in the conditions of digital transformation. Proposals for improving the legal framework and organizational foundations of the prosecutor's office taking into account modern digital challenges are formulated.*

***Keywords:** prosecutor's office, prosecutorial activity, digitalization, artificial intelligence.*

Цифровизация, проникшая во все сферы общественной жизни, оказывает существенное влияние на деятельность правоохранительных органов, в том числе и прокуратуры. С одной стороны, цифровые технологии открывают новые возможности для повышения эффективности прокурорского надзора, с другой – порождают новые вызовы, связанные с необходимостью противодействия киберпреступности, использования электронных доказательств и обеспечения информационной безопасности. В связи с этим, изучение актуальных проблем прокурорской деятельности в эпоху цифровизации является важным и перспективным направлением научного поиска.

По данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации за 11 месяцев 2024 года, на преступления, совершенные в сфере информационно-телекоммуникационных технологий либо компьютерной информации пришлось порядка 40 % от всех зарегистрированных противоправных деяний, что составляет в количественном выражении – 702,9 тысячи преступлений [2]. Эти данные демонстрируют рост киберпреступности на 14,3 % в сравнении с прошлым годом. При этом в октябре 2024 года Генеральный прокурор Российской Федерации отметил, что «раскрываемость киберпреступлений в РФ сейчас на низком уровне – 25,9 %» [6]. Этим обусловлена актуальность и значимость исследования проблем деятельности прокуратуры в эпоху цифровых технологий.

Научное осмысление проблем внедрения искусственного интеллекта и современных цифровых технологий в прокурорскую деятельность осуществлялось такими исследователями как Д. С. Быстров, М. А. Гаврилов, Д. А. Кунев, Р. В. Мельников, А. С. Сикач, А. А. Симонов, А. П. Спиридонов, В. В. Яцуценко, и др. Внушительное количество публикаций по теме свидетельствует о повышенном интересе к ней со стороны как научного сообщества, так и практических работников.

В настоящее время вопросы информационного развития и обеспечения информационной безопасности в нашей стране регламентируются на уровне подзаконных нормативно-правовых актов указами Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016 № 646 [7] и «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 09.05.2017 № 203 [8]. Их положения ориентированы на обеспечение национальных инте-

ресов и совершенствование цифровых технологий (включая искусственный интеллект) в различных сферах деятельности.

Необходимо отметить, что в целях совершенствования информационного обеспечения деятельности органов и организаций Прокуратуры России, повышения эффективности прокурорской деятельности и обеспечения развития цифровой инфраструктуры на основе отечественных технологий Генеральным прокурором Российской Федерации был издан Приказ от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» [5]. В качестве приоритетных направлений обозначены следующие. Во-первых, это высокотехнологичный надзор, предполагающий внедрение цифровых инструментов для анализа данных и прогнозирования нарушений действующих норм. Во-вторых, создание защищенных ИТ-систем, в том числе и специального мобильного приложения для коммуникации, т. е. формирование цифровой инфраструктуры. И наконец, обеспечение «среды доверия», подразумевающей кибербезопасность и обновление цифровой экосистемы органов прокуратуры, импортозамещение программного обеспечения. Эта концепция направлена на формирование единой среды в сфере ИТ, позволяющей интегрировать экосистему прокуратуры с другими правоохранительными институтами и органами государственной власти.

Современное развитие информационных технологий носит двойственный характер, будучи значимым фактором влияния на правоотношения, складывающиеся в сфере реализации прокурорских полномочий. С одной стороны, стремительное увеличение объема информации и повсеместное внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни создают некоторые трудности для контроля за соблюдением законодательства, осуществления отдельных надзорных полномочий органами прокуратуры. Данные трудности продиктованы, в частности, анонимностью пользователей и субъектов цифрового взаимодействия, сложностью мониторинга их онлайн-активности, а также трансграничным характером совершаемых и готовящихся правонарушений и преступлений, что усложняет правоприменительную практику в международном аспекте.

С другой стороны, перед прокуратурой открываются новые перспективы и возможности благодаря развитию и внедрению новых информационных технологий. Так, анализ и исследование больших объемов данных позволит прокурорским работникам более эффективно распоряжаться временем, оперативно выявлять сложные криминальные схемы и устанавливать связи между преступлениями, правонарушениями и лицами, их совершившими. Автоматизации рутинных процедур, таких как документооборот и ведение статистики, даст возможность сотрудникам прокуратуры сосредоточиться на более важных задачах, которые предполагают применение приемов аналитического мышления, творческого подхода, а не механизированную однотипную работу. Развитие технологий в цифровой сфере повышает уровень прозрачности и общедоступности правосудия и прокурорской деятельности через различные сервисы и средства обратной связи. Новые технологии позволяют прокуратуре предоставлять гражданам доступ к информации о своей деятельности, о результатах проверок,

проведенных по поступившим материалам, и о судебных процессах с участием прокурора, а также получать обратную связь от общественности, что способствует укреплению доверия общества к правоохранительным органам.

В контексте автоматизации рутинных процедур следует обратить внимание на перспективные направления внедрения искусственного интеллекта, который в настоящее время активно интегрируется в различные сферы человеческой деятельности, значительно оптимизируя рабочие процессы. Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения позволяют обрабатывать и систематизировать большие объемы информации, устанавливать закономерности и выявлять возможные нарушения действующего законодательства. В. С. Анисимов и Г. С. Бабоян в своем исследовании освещают возможности внедрения в профессиональную деятельность прокуратуры информационных систем, способных выявлять признаки махинаций в финансовых операциях, которые уже активно используются в банковском секторе [1, с. 123].

В 2024 году Генеральный прокурор России сообщил о внедрении искусственного интеллекта и нейросетей в работу прокуроров и отметил, что нейросети будут применять для прогнозирования состояния преступности в регионах, а также для анализа текстов законопроектов. Он отметил, что возможности искусственного интеллекта «будут максимально использоваться», но полная замена человека пока не предполагается [3]. В целом разделяя приведенный подход, полагаем, что в настоящее время в вопросе использования технологий искусственного интеллекта в правовом поле существует множество пробелов и лакун. Так, представляется проблематичным использование нейросетей и программного обеспечения, разработанных специалистами зарубежных стран. Доступность и агрегирование данных, в том числе, сопряженных с режимом государственной либо иной охраняемой законом тайны могут быть ограничены сотрудникам правоохранительных институтов по политическим причинам. Кроме того, использование отдельных программных продуктов, больших языковых моделей и технологий искусственного интеллекта может быть обращено против государства либо правоохраняемых интересов граждан. Обеспечение безопасности в обращении с такой «чувствительной» информацией на сегодняшний день является одной из первоочередных задач. В своей речи Генеральный прокурор России верно подметил, что решения должен принимать человек, а инструменты искусственного интеллекта необходимо внедрять для упрощения рутинной работы.

Несмотря на изложенные положительные стороны внедрения искусственного интеллекта, мы видим, что интеграция цифровых технологий в сферу прокурорского надзора может привести к снижению его качества и эффективности. А это в свою очередь значительно повлияет на соблюдение законности и реальные возможности достижения ключевой цели прокурорского надзора – обеспечения верховенства закона. Для предотвращения возможных негативных последствий, отмеченных выше, необходимо разработать единую и унифицированную стратегию и процедурный порядок действий прокурорских работни-

ков при выполнении ими служебных обязанностей, сопряженных с применением искусственного интеллекта в надзорной деятельности.

Для того чтобы надзорная деятельность с использованием новых цифровых технологий была эффективна представляется необходимым проведение комплекса мероприятий, которые включали бы в себя как законодательные, так и научно-практические меры. Р. М. Махьянова видит для решения данного вопроса необходимость в оптимизации правового регулирования организации и деятельности органов прокуратуры, проведении теоретико-прикладных исследований научных проблем прокурорского надзора, совершенствовании форм и методов организации, и осуществления надзорной деятельности, а также в оптимизации надзорной деятельности посредством применения цифровых технологий, включая искусственный интеллект [4, с.195]. Разделяя данный комплексный подход, полагаем, что результативность внедрения цифровых технологий в процесс осуществления прокурорской деятельности напрямую зависит от наличия доброкачественной нормативно-правовой базы, ее детальной проработки с учетом разработанных в науке теоретических основ, а также сформированных на основе накопленного положительного опыта надзорной практики результатов научных исследований. К этому следует добавить необходимость регулярного повышения квалификации кадрового состава органов прокуратуры, совершенствования навыков работы с цифровой инфраструктурой.

Таким образом, широкое внедрение цифровых технологий, включая искусственный интеллект, в прокурорскую практику требует взвешенного правового регулирования и качественного научно-методического обеспечения. Очевидно, что игнорировать научно-технический прогресс в современных условиях категорически нельзя, но нужно помнить, что использование новейших цифровых технологий, обладая колоссальным потенциалом, порождает вместе с тем и новые угрозы и вызовы. Эффективность и безопасность внедрения таких инструментов в конечном счете будет зависеть от человеческого фактора – тех должностных лиц органов прокуратуры, в руках которых они окажутся при осуществлении прокурорской деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анисимов В. С., Бабоян Г. С. Инновационные подходы к прокурорскому надзору в цифровую эпоху // Военное право. 2024. № 4(86). С. 122–125.
2. Информационное агентство России ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22831665> (дата обращения: 11.04.2024).
3. Информационное агентство России ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/20634537> (дата обращения: 11.04.2024).
4. Махьянова Р. М. Использование технологий искусственного интеллекта при осуществлении надзорной деятельности прокуратуры // Юридическая наука. 2024. № 1. С.195–199.
5. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 (ред. от 27.05.2024) № 627 // Законность. 2017. № 12.

6. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241010/kiberprestuplenie-1977431676.html> (дата обращения: 11.04.2024).

7. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.

8. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

УДК 343.8

Кокоринова Екатерина Михайловна

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kokorinova.yekaterina@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

**Правовые аспекты привлечения законных представителей
к административной ответственности в случае имеющих условия,
создающих опасность для несовершеннолетних
при нахождении в заброшенных объектах**

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию вопросов обеспечения безопасности несовершеннолетних. В целях защиты законных прав и интересов несовершеннолетних, предложены пути совершенствования правового регулирования, в части нахождения их на заброшенных объектах.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетние, безопасность, заброшенные объекты, травматизм, профилактика преступности несовершеннолетних.*

Kokorinova Ekaterina Mikhailovna

undergraduate
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich

candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal aspects of bringing legal representatives to administrative responsibility in the case of existing conditions that pose a danger to minors while staying in abandoned facilities

***Annotation:** The article is devoted to the study of issues of ensuring the safety of minors. In order to protect the legitimate rights and interests of minors, ways are proposed to improve legal regulation in terms of their presence in abandoned facilities.*

***Keywords:** minors, safety, abandoned facilities, injury, prevention of juvenile delinquency.*

Вопросы обеспечения детской безопасности являются актуальными и приоритетными в деятельности правоохранительных органов и органов публичной власти Российской Федерации, поскольку, как отмечается исследователями, несовершеннолетние являются особенно уязвимой социальной группой [1].

Как следует из статьи 38 Конституции Российской Федерации, материнство и детство находится под защитой государства [2]. В п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией № 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 года, вступившей в силу в СССР 15 сентября 1990 года (далее – Конвенция), провозглашено, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка [3].

В нашей стране вопросами обеспечения безопасности несовершеннолетних, в соответствии с имеющейся компетенцией занимаются органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Которые значительное внимание уделяют работе по ограничению доступа несовершеннолетних к заброшенным объектам, строениям, сооружениям, поскольку такие объекты являются жизненно опасными, создающими реальную угрозу жизни и здоровья несовершеннолетних.

В этой части, органы государственной власти и местного самоуправления обязаны принимать и принимают определенные меры по обеспечению подростковой безопасности в этом направлении. Так, например, за вход на охраняемый заброшенный объект предусмотрена административная ответственность по ст. 20.17. КоАП РФ «Нарушение пропускного режима охраняемого объекта», а также уголовная ответственность по ст. 215.4 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконное проникновение на охраняемый объект» [4], однако, несчастные случаи на заброшенных объектах с участием несовершеннолетних зачастую происходят.

Так, 9 августа 2020 года в поселке Сусанино Костромской области произошла трагедия, в результате которой 14-летняя девочка погибла под железобетонной плитой заброшенного здания.

В марте 2025 года на территории п. Сусанино, произошло 2 случая возгорания заброшенных зданий, в результате неосторожного обращения с огнем несовершеннолетними.

Подобные случаи не являются редкими и происходят практически по всей стране. Так, по сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, во всех регионах России проведены надзорные мероприятия по вопросам исполнения законодательства, направленного на обеспечение безопасности бесхозных и заброшенных зданий, строений и сооружений. В результате принятых прокурорами мер, выявлено свыше 181 тыс. подобных объектов, из них 157 тыс. – в сферах жилищно-коммунального хозяйства, 24,5 тыс. – иной категории [5].

Вместе с тем, учитывая значительность возникающих последствий получения травм несовершеннолетними при нахождении в заброшенных объектах, в силу требований федерального законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, значимой проблемой является предупреждение подобных происшествий.

Свободный доступ к заброшенному, ветхому и не охраняемому объекту, представляющему опасность для окружающих, отрицательно сказывается на профилактике правонарушений и преступлений, поскольку здание может быть использовано безнадзорными несовершеннолетними или гражданами без определенного места жительства, для совершения различных правонарушений и преступлений, а также как сбора асоциальных групп.

Важную роль в защите прав и законных интересов несовершеннолетних играют их родители (законные представители). Именно они, в первую очередь обязаны разъяснять своим детям опасность посещения заброшенных объектов, возможность возникновения непредвиденных, экстремальных ситуаций, влекущих тяжкие и трагические последствия.

Как известно, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за «Неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних» (ст. 5.35 КоАП РФ) [6].

Согласно положениям ч. 1 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации [7]: родители не только имеют право, но и обязаны воспитывать своих детей. В связи с этим каждый родитель несет ответственность за воспитание и развитие своих детей и обязан заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии.

Так, согласно ч. 3 ст. 14.1 Федерального закона № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка» [8], «Законами субъектов Российской Федерации в целях предупреждения причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию могут устанавливаться:

– меры по недопущению нахождения детей (лиц, не достигших возраста 18 лет) на объектах (на территориях, в помещениях) юридических лиц или граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, которые предназначены для реализации товаров только сексуального характера, в пивных ресторанах, винных барах, пивных барах,

рюмочных, в других местах, которые предназначены для реализации только алкогольной продукции, и в иных местах, нахождение в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию;

– меры по недопущению нахождения детей (лиц, не достигших возраста 18 лет) в ночное время в общественных местах, в том числе на улицах, стадионах, в парках, скверах, транспортных средствах общего пользования, на объектах (на территориях, в помещениях) юридических лиц или граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, которые предназначены для обеспечения доступа к сети Интернет, а также для реализации услуг в сфере торговли и общественного питания (организациях или пунктах), для развлечений, досуга, где в установленном законом порядке предусмотрена розничная продажа алкогольной продукции, и в иных общественных местах без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей...».

В этой части, законные представители могут быть привлечены к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. Основанием для привлечения будет служить – нарушение указанного запрета.

Рассматривая проблему нахождения несовершеннолетних в заброшенных объектах, следует отметить, что родители или законные представители обязаны предпринимать меры по недопущению нахождения несовершеннолетних в расположении указанных мест, однако на практике возникает проблема, приводящая к тому, что к ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, в случае нахождения несовершеннолетних на указанных объектах они практически не привлекаются.

В целях разрешения данной проблемы, представляется целесообразным, на законодательном уровне установить запрет на свободный доступ несовершеннолетних к названным объектам. В связи с этим предлагаем дополнить ч. 3 ст. 14.1 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» новым пунктом, изложив его в следующей редакции:

«меры по недопущению нахождения несовершеннолетних (лиц, не достигших возраста 18 лет) на заброшенных объектах – зданиях или сооружениях, оставленных собственником без присмотра и ухода в течение длительного периода времени и пришедших в негодность для эксплуатации».

Как нам представляется, с введением этой нормы в действие, позволяющей привлекать родителей или иных законных представителей к административной ответственности за нарушение предписаний данного запрета, повысится профилактическая составляющая ст. 5.35 КоАП РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Найни С. С. Травмы несовершеннолетних // Журнал спортивной медицины. 2023. № 4. С. 61–62.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.03.2025).

3. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. выпуск XLVI. выпуск XLVI. С. 986–992.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 28.02.2025) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2025).

5. По поручению Генерального прокурора России Краснова И. В. проведены проверки обеспечения безопасности бесхозных и заброшенных объектов // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.03.2025).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.03.2025).

7. Семейный кодекс Российской Федерации (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.03.2025).

8. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации. Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ (последняя редакция) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2025).

УДК 343.1

Кукеев Аскар Кульчимбаевич

аспирант, Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского
г. Омск, Российская Федерация
askar_kukeyev@mail.ru

К вопросу об особенностях проведения обыска по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом криптовалюты

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности проведения обыска в уголовных производствах, связанных с незаконным оборотом криптовалюты, который является сложным следственным (розыскным) действием, и которое имеет свои особенности. Отмечается, что в настоящее время отсутствуют типовые тактические и методические рекомендации по проведению обыска в уголовных производствах данной категории. Отмечается, что прежде всего изымаются электронные носители информации (персональные компьютеры, flash-карты, аппаратные криптогаманцы), предметы и документы, которые могут*

хранить сведения о seed-фразе или фразе восстановления для создания резервной копии. Автор приходит к выводу, что решение проблемных вопросов, связанных с проведением обыска и изъятием криптоактивов, требует четкого урегулирования в уголовном процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: обыск, уголовные правонарушения, связанные с незаконным оборотом криптовалюты, компьютерные преступления, криптовалюта, крипто-кошельки, криптоактив, изъятие криптовалюты.

Kukeyev Askar Kulshimbaevich

PhD student, Omsk State University

named after F. M. Dostoevsky

Omsk, Russian Federation

On the issue of the specifics of conducting a search in cases of crimes related to the illicit trafficking of cryptocurrencies

Annotation. The article discusses the specifics of searching for evidence in criminal cases related to the illegal trade of cryptocurrencies, a complex investigative process with its own unique characteristics. It notes that there are currently no standardized tactical and methodological guidelines for conducting searches in these types of cases. It has been noted that electronic media such as personal computers, flash drives, and hardware wallets, as well as objects and documents containing information about seed phrases or recovery phrases for creating backups, are being seized. The author suggests that resolving issues related to searching and seizing crypto assets requires clear regulations in criminal procedural law.

Keywords: search, crimes related to cryptocurrency trading, computer crimes, crypto-wallets, cryptocurrencies, seizure of cryptoassets.

Одним из самых эффективных следственных и розыскных мероприятий в уголовных делах, связанных с оборотом криптовалюты, является обыск.

Обыск особенно часто применяется при расследовании компьютерных преступлений, таких как майнинг, создание, использование и распространение вредоносного программного обеспечения, а также несанкционированный доступ к компьютерным сетям. Также он используется для выявления и пресечения мошенничества, правонарушений, связанных с отмыванием и легализацией преступных доходов, и финансированием терроризма.

Обыск является основным источником доказательств в таких делах. В ходе его проведения и по его результатам можно получить важную информацию о том, как было совершено уголовное правонарушение, а также обнаружить и изъять незаконно полученную криптовалюту и средства совершения преступления, такие как электронные носители информации и другое оборудование.

Однако, учитывая особенности предмета поиска, на практике у следственных и оперативных подразделений возникают сложности при проведении обыска, в том числе с его исключением. В первую очередь это связано с тем, что сотрудники не обладают достаточными специальными знаниями в этой области, а также с отсутствием законодательно закрепленного процессуального порядка и типовых тактических и методических рекомендаций.

По мнению ученого Е.Е. Хамита обыск является одним из невербальных следственных действий, которое представляет собой достаточно эффективное средство сбора и проверки доказательств при расследовании в уголовном производстве [1, с. 346].

Основной целью проведения обыска в уголовных производствах, связанных с незаконным оборотом криптовалюты является поиск и последующее извлечение виртуальных активов, электронных носителей информации (персональные компьютеры, flash-карты, аппаратные крипто-кошельки), предметов и документов, которые могут хранить сведения о seed-фразе или фразе восстановления.

Успех обыска в значительной степени определяется качеством его подготовки. При подготовке к проведению обыска по уголовным производствам данной категории важным этапом является выявление и анализ транзакций. Используя аналитические платформы, правоохранительные органы осуществляют мониторинг криптовалютных транзакций. Например, использование таких инструментов, как Chainalysis или Elliptic, помогает отследить происхождение и маршрут криптовалют, идентифицировать владельцев адресов.

Аналитический инструмент Crystal Expert по введенному адресу предоставляет информацию о категории владельца адреса (сервис микширования), текущем балансе, количестве транзакций, текущем состоянии, дате первой и последней активности, величине риска (Risk Score) относительно вероятного участия в уголовной деятельности и уголовного происхождения средств.

Особое значение приобретает сотрудничество с криптовалютными биржами, которые по запросу правоохранительного органа также могут предоставлять информацию о пользователях и криптовалютных транзакциях. Выявление и анализ транзакций позволит уже на подготовительном этапе понимать, какой вид криптовалюты разыскивается, на счету какой криптовалютной биржи она находится, на каких криптовалютных кошельках она может храниться.

На основе материалов уголовного производства и сведений, полученных в процессе следственных, оперативно-розыскных мероприятий, следователь уже на подготовительном этапе должен выработать линию поведения на месте обыска, наметить поисковую тактику действий, пошаговый алгоритм действий по изъятию незаконно полученной криптовалюты, в зависимости от вида криптокошелька, на котором она может храниться.

В зависимости от подключения к Интернету выделяют горячие и холодные кошельки.

Холодные кошельки являются самым безопасным способом хранения криптовалюты, поскольку они хранят частные ключи вне сети Интернет.

К холодным кошелькам относятся:

1) аппаратные кошельки, имеющие физическую форму, внешне похожи на USB-накопитель (например, кошелек Ledger SAS) или кредитную карту (например, кошелек Coolwallet Pro);

2) бумажные кошельки (Paper Wallet) – это лист бумаги, распечатанный на принтере и содержащий Private Key к адресу (кошельку) в Blockchain-системе. Также он может содержать сид-фразу цифровой валюты.

В случае хранения криптовалюты на аппаратных или бумажных кошельках следователю во время проведения обыска достаточно изъять этот вид кошелька, ограничив таким образом доступ к нему.

Однако одного только физического извлечения данного вида кошелька недостаточно, поскольку существуют способы восстановления доступа владельца к нему, которое обычно требует определенного времени.

Например, можно приобрести новый кошелек Ledger и с помощью фразы восстановления вернуться к обычной работе. Поэтому в данном случае следователю нужно не тратить попусту время с обращением в суд с ходатайством о наложении ареста на криптовалюту с запретом ее отчуждения и распоряжения.

Горячие кошельки – это онлайн-кошельки, которые доступны через Интернет.

К горячим кошелькам относятся:

1) настольные (десктопные, программные) – это программное обеспечение, которое загружается и устанавливается на компьютер и позволяет хранить криптовалюту и управлять ею;

2) мобильные кошельки – это приложения, которые можно скачать и установить на смартфон или планшет, и которые позволяют управлять криптовалютой в любом месте;

3) браузерные или веб-кошельки – кошельки, доступ к которым можно получить через веб-браузер, и которые часто предоставляются криптовалютными биржами или посторонними провайдерами кошельков.

Если с извлечением криптовалюты, которая хранится на холодных кошельках, особо не возникает сложностей, то вопрос извлечения криптовалюты из горячих кошельков значительно сложнее и проблематичнее. Удаление смартфонов, жестких дисков и т. п., на которых загружено соответствующее программное обеспечение, не даст правоохранительным органам уверенности в отсутствии полного доступа злоумышленника к криптокошельку, поскольку доступ к кошельку можно осуществить через другое устройство.

В таком случае наиболее выгодным для стороны обвинения является изъятие криптовалюты путем ее перечисления при проведении обыска на специальный подконтрольный счет.

Если обратиться к зарубежному опыту, то в таких странах, как США, Франция, правоохранительными органами могут создаваться специальные счета на криптобиржах для хранения конфискованных активов. Во Франции конфискованная криптовалюта хранится на аппаратных или других видах холодных кошельков для обеспечения максимального уровня безопасности активов.

Что касается Казахстана, то в настоящее время отсутствуют какие-либо нормы, регулирующие порядок создания правоохранительными органами специальных счетов и перевод изъятых при проведении обыска криптоактивов.

Несмотря на отсутствие законодательного регулирования указанного вопроса, на практике правоохранительные органы применяют процедуру перевода обнаруженных при обыске криптоактивов на свои подконтрольные крипто-расчета.

Однако существует большая вероятность, что сторона защиты будет убеждать суд о явной недопустимости вещественного доказательства в виде криптовалюты, поскольку ее изъятие осуществлялось не предполагаемым законом способом.

Следует отметить, что успех изъятия криптовалюты из горячего кошелька зависит от взаимодействия владельца криптовалюты со следователем, которое заключается в добровольном переводе лицом на криптогаманец правоохранительных органов криптоактивов, подлежащих изъятию.

В противном случае, когда лицо не дает следователю название логина или учетной записи, пароли доступа к кошельку, возникает необходимость в поиске частных ключей, мнемонической фразы (seed-фразы или фразы восстановления), а также других данных, которые позволят получить доступ как к холодным, так и к горячим кошелькам. Для понимания, частный ключ – это набор случайно сгенерированных символов, который дает доступ к активам на блокчейне и используется для подписания транзакций.

Частный ключ обычно выглядит следующим образом: afd9c3d2095ef696594f6cedcae59e72dcd697e2a7521b1578140422a4f890.

Seed-фраза (она же – восстановительная фраза, мнемоническая фраза, сид-фраза или просто сид) – это набор слов (от 12 до 24 слов), необходимых для восстановления кошелька. Она генерируется на пользовательском устройстве в момент создания кошелька и остается неизменной в течение всего времени его использования.

Сид-фраза, пример из 12 слов: correct horse battery staple yellow mango winter fox bridge jacket silent uncle.

При описанных выше обстоятельствах, с целью обеспечения эффективного проведения обыска в уголовных производствах указанной категории, следователь рядом со своими профессиональными знаниями должен иметь необходимый уровень знаний и навыков в сфере обращения криптовалюты и в области применения блокчейна.

Кроме того, проведение обыска в уголовных производствах, связанных с незаконным оборотом криптовалюты, необходимо проводить с обязательным привлечением в соответствии со ст. 80 УПК РК [2] специалиста в сфере компьютерных технологий, ИТ, чье содействие позволит быстро осмотреть технические устройства, изъять виртуальные активы, зафиксировать полученную информацию.

Ключевым и завершающим этапом проведения обыска есть документирование его результатов.

Основным средством фиксации обыска является протокол, который должен оскорблять ход и результаты следственного (розыскного) действия. Общие

требования, которым должен удовлетворять протокол обыска, закреплены в ст. 252 УПК РК.

В случае изъятия в ходе обыска криптоактивов, следователям в протоколе должны быть четко указаны следующие данные: название криптовалюты, ее количество, данные электронных кошельков, на которых она находится, название логина или аккаунта, на котором криптовалюта находится, пароли доступа к нему и идентификаторы новых электронных кошельков органов. Кроме того, в протоколах в зависимости от конкретных обстоятельств и особенностей кошельков и блокчейнов при условии технической возможности должны быть указаны хэши транзакций и время их проведения, идентификаторы кошельков, из которых и на которые проводились транзакции.

От полноты и объективности документирования хода, и результатов обыска зависит доказательное значение этого следственного (розыскного) действия.

Из анализа судебной практики усматривается, что нередко суды признают протокол обысков ненадлежащим доказательством, поскольку следователями допускаются при их оформлении существенные ошибки, например такие как не указание номера уголовного производства, отсутствие детального описания изъятого имущества, не указание специалистов, принимавших участие во время проведения указанного следователя.

Следовательно, наличие типовых тактических приемов и правильное их применение следователями позволит повысить результативность проведения обыска в уголовных производствах, связанных с незаконным оборотом криптовалюты.

Выводы. Суммируя вышеизложенное, обыск в уголовных производствах, связанных с незаконным оборотом криптовалюты, имеет свои особенности подготовки и фактического проведения.

С целью повышения в следственной практике эффективности и результативности обыска в уголовных производствах данной категории авторами отмечается необходимость:

- разработка типовых тактических и методических рекомендаций по порядку проведения обыска и изъятия незаконно добытой криптовалюты;
- законодательного урегулирования порядка создания специальных счетов правоохранительных органов на криптовалютных биржах или криптовалютных кошельках;
- законодательно закрепленной возможности на перевод обнаруженной во время проведения обыска криптовалюты на подконтрольные специальные счета правоохранителей;
- создание органа со специальным статусом по аналогу учреждений по возврату и управлению активами.

Бесспорно, что на сегодняшний день решение вышеуказанных вопросов невозможно без соответствующих законодательных изменений, прежде всего в части определения правового статуса криптовалюты в Казахстане.

Поэтому указанные вопросы требуют дальнейшего научного исследования и устранения недостатков в правоприменительной практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хамит Е. Е. Обыск интернет-пространства как эффективное следственное действие при расследовании интернет-хищений // Вестник Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. 2024. № 2. С. 346–351.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 27.02.2025).

УДК 342.9

Ларина Анастасия Эдуардовна

студент, Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

larina1804@mail.ru

Основания применения временного лишения водительских прав в законодательстве государств постсоветского пространства

Аннотация. В статье рассматриваются основания применения такой меры административно-юрисдикционного воздействия, как лишение права управления транспортным средством, действующие в законодательстве стран постсоветского пространства. Представлена характеристика видов правонарушений, за совершение которых назначается эта мера административно-юрисдикционного воздействия.

Ключевые слова: государственное принуждение, меры административно-юрисдикционного воздействия, специальное право, право управления транспортным средством.

Larina Anastasia Eduardovna

student, Vladivostok State University

Vladivostok, Russian Federation

The grounds for the temporary deprivation of a driver's license in the legislation of the post-Soviet states.

Annotation. The article examines the grounds for the application of such a measure of administrative and jurisdictional impact as the deprivation of the right to drive a vehicle, which are valid in the legislation of the post-Soviet countries. The characteristics of the types of offenses for which this measure of administrative and jurisdictional impact is assigned are presented.

Keywords: state coercion, administrative and jurisdictional measures, special law, the right to drive a vehicle.

В сфере обеспечения безопасности дорожного движения применение такой меры административного принуждения, как лишение права управления, осуществляется наиболее часто, поскольку позволяет более эффективно воздействовать на поведение правонарушителя, исключать его участие в дорожном движении.

Меры административного принуждения и порядок их применения регламентирован законодательством об административных правонарушениях, например, в России это Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [1].

Государства – входившие в состав СССР имеют общую законодательную основу – Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, принятых Верховным Советом СССР 23.10.1980 № 3145-Х.

С момента выхода из состава СССР и обретения независимости государства постсоветского пространства сформировали национальные законодательства с учетом своих социально-политических особенностей и сегодня, законодательство постсоветских стран.

Мера административного наказания лишение прав свойственна для административного законодательства государств постсоветского пространства. В соответствующих нормативных правовых актах указаны основания для лишения прав (например, вождение в состоянии опьянения, участие в ДТП, нарушения ПДД), процедура лишения прав (составление протоколов, рассмотрение материалов об административном правонарушении в суде и т. д.), сроки лишения прав, которые могут различаться в зависимости от характера нарушения.

Основанием для назначения административного наказания во всех без исключения государствах постсоветского пространства служит совершение административного правонарушения, представляющего собой противоправное деяние, запрещенное нормами административного права и влекущее за собой административную ответственность.

Лишение прав водителей, как правило, применяется за серьезные нарушения правил дорожного движения. Наиболее частой причиной ДТП являются нарушения Правил дорожного движения, к которым относятся: вождение в состоянии алкогольного опьянения; превышение установленной скорости, несоблюдение требований к перевозке детей, пренебрежение обязательной проверкой технического состояния транспортного средства до начала поездки; проезд на красный свет светофора, а также ситуации, связанные с управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, отказом от прохождения медосвидетельствования на предмет опьянения, а также покидание места дорожно-транспортного происшествия, в котором водитель был участником.

Во всех странах постсоветского пространства основанием лишения водительских прав является вождение транспортного средства в состоянии опьянения.

«Максимальная конкретизация видов опьянения и веществ, потребление которых вызывает данное состояние у водителя, характерна для законодательства Республики Беларусь, которое предусматривает, что оно вызывается приемом алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ (ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь)» [5].

В ряде государств закреплены только основные «традиционные» виды опьянения: алкогольное и наркотическое (Россия, Казахстан, Узбекистан), которые дополняются иными видами. Так, российское законодательство предусматривает опьянение, вызванное действием психотропных и иных веществ (ст. 12.8 КоАП РФ), Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях токсикоманическое опьянение (ст. 608 КоАП Республики Казахстан) [2], а Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности закрепляет наличие иного опьянения (ст. 131 КоАП Республики Узбекистан [3]).

К третьей группе государств следует отнести Таджикистан и Туркменистан, административное законодательство которых в диспозиции составов правонарушений не предусматривает закрепление самостоятельных видов опьянения (ст. 332 КоАП Республики Таджикистан, ст. 222 КоАП Республики Туркменистан [4]).

Еще одним основанием для лишения водительских прав на территориях стран, ранее входивших в состав СССР, являются систематические нарушения правил дорожного движения, такие как проезд на запрещающий сигнал светофора, превышение скорости. В Беларуси, Азербайджане, Армении и России систематическим нарушением признается и «накапливание» значительного количества штрафов или нарушений в течение непродолжительного времени.

В Азербайджане, Казахстане, Таджикистане к лишению водительских прав ведет нарушение правил обгона, а в Туркменистане – неосторожное управление.

Во всех без исключения странах постсоветского пространства лишение права управления транспортным средством за виновное участие в ДТП, приведшее к тяжким последствиям, таким как причинение вреда здоровью других участников дорожного движения или создание угрозы жизни (все страны), значительный материальный ущерб (Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Таджикистан, Молдова), а также за нарушения правил перевозки людей и грузов: Например, несоответствие требованиям по безопасности при перевозке пассажиров, отсутствие необходимой лицензии.

За управление транспортным средством без водительского удостоверения, а также с использованием поддельных документов также в государствах СНГ установлена такая мера ответственности как лишение водительских прав.

В некоторых странах (Азербайджан, Молдова, Туркменистан, Таджикистан) лишают права управления за несоблюдение условий, указанных в водительских правах: например, управление транспортным средством, не соответствующим категории прав.

В Беларуси помимо рассмотренных оснований, лишение права установлено за отсутствие медицинских справок подтверждающих способность управлять транспортным средством. В Армении – за нарушение условий, связанных с лицензией. Например, если водитель не соблюдает условия, указанные в выданной лицензии (например, управление транспортным средством, для которого права не были выданы). В Казахстане – за производственные нарушения.

Например, если водитель управляет транспортом в состоянии, угрожающем безопасности движения. В Туркменистане и Таджикистане – за отказ предоставить документы проверяющим органам.

Также различия наблюдаются в нормах правил дорожного движения и кодексов, закрепляющих ответственность за их нарушение. Так, в Российской Федерации фактически отсутствует ответственность за превышение скорости движения транспортного средства на 10 км/ч свыше допустимой, тогда как в республиках Беларусь и Казахстан она имеется.

В Республике Армения, которая также является участницей ЕАЭС, нарушение учитывается при превышении скорости на 1 км/ч, однако погрешность технического средства измерения скорости составляет 10 км/ч, что показывает разницу и в настройках работы комплексов автоматической фото-, видеофиксации нарушений правил дорожного движения, которая имеется в странах ЕАЭС.

Во всех рассмотренных случаях ответственность установлена для водителей. Вместе с тем, законодательство постсоветских стран неоднозначно подходит к определению статуса «участника производства» в делах об административных правонарушениях. Это различие существенно влияет на права и обязанности лиц, вовлеченных в административный процесс. В Азербайджане, Беларуси, Молдове, Таджикистане и Туркменистане законодательство определяет участником производства лицо, в отношении которого возбуждено или ведется производство по делу об административном правонарушении. Такая формулировка, на первый взгляд, кажется простой и понятной, подчеркивая статус лица как полноправного субъекта административного процесса, наделяя его определенными правами, такими как право на защиту, право на ознакомление с материалами дела, право на обжалование решений и т. д. Однако такая широкая трактовка может порождать неоднозначности в ситуациях, когда производство ведется, например, в отношении юридического лица, а к ответственности привлекаются его должностные лица. В этом случае возникает вопрос о том, являются ли эти лица участниками производства в полном объеме или только в части, касающейся их персональной ответственности.

В отличие от вышеупомянутых стран, законодательство Армении, Кыргызстана, Узбекистана участником производства признает лицо, которое привлекается к административной ответственности. Хотя данная формулировка может показаться более узкой, она также имеет свои особенности. Она, безусловно, акцентирует внимание на ответственности, однако не всегда четко определяет права такого участника. Возникают вопросы: имеет ли лицо, привлекаемое к ответственности, право представлять доказательства в свою защиту, вызывать свидетелей, получать юридическую помощь на равных условиях с инициатором производства? Ответы на эти вопросы могут различаться в зависимости от конкретных норм национального законодательства каждой страны. Более того, законы могут содержать дополнительные критерии, уточняющие статус участника производства, такие как наличие статуса подозреваемого или обвиняемого, что еще больше усложняет ситуацию.

Судебная практика стран СНГ также вносит свои изменения в интерпретацию законодательных норм, что дополнительно усложняет проблему разнообразия подходов. Поэтому для полного понимания статуса участников производства по делам об административных правонарушениях необходимо изучать не только законодательные акты, но и судебную практику конкретной страны СНГ. Кроме того, сравнительный анализ законодательства различных стран СНГ позволяет выявить лучший законодательный опыт и предложить рекомендации по гармонизации законодательства в этой области, что способствует созданию более эффективной и справедливой системы административной ответственности.

Таким образом, административное законодательство стран СНГ, регулирующих рассматриваемый вопрос, имеет как множество общих черт, что объясняется наличием в недавнем прошлом единой правовой системы и зачастую их географической близостью, так и существенные отличия, продиктованные самостоятельным развитием законодательства после обретения суверенитета. Проанализировав объективную сторону правонарушений, сопряженных с управлением транспортными средствами и влекущих лишение водительских прав, содержащихся в законодательстве стран СНГ, отметим неоднородность диспозиций составов административных деликтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : (ред. от 03 февраля 2025 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 02.04.2025).
2. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК : (ред. от 10 января 2025 года). URL: <https://mejlis.gov.tm/single-law/211?lang=ru> (дата обращения: 23.03.2025).
3. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 22 сентября 1994 г. № 2015-X11 : (ред. от 14 ноября 2024 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092 (дата обращения: 02.04.2025).
4. Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях от 29 августа 2013 г. № 422-IV : (ред. от 30 ноября 2024 года). URL: <https://mejlis.gov.tm/single-law/211?lang=ru> (дата обращения: 02.04.2025).
5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-3 : (ред. от 17 февраля 2025 года № 61-3). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK2100092> (дата обращения: 02.04.2025).

Лосякова Юлия Олеговна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

j.losiakova@yandex.ru

Научный руководитель:

Проводина Елена Валерьевна

доцент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

lysenko-elena12@yandex.ru

Проблемы квалификации вымогательства взятки

***Аннотация.** В статье автор затрагивает глобальную проблему взяточничества, которая существует в сфере государственного управления. Актуальность темы обусловлена не только ростом коррумпированных практик в различных сферах общественной жизни, но и постоянно изменяющейся правоприменительной практикой, которая затрудняет однозначное понимание и интерпретацию законодательства. Автор анализирует понятие вымогательства и взятки, изучает нормы действующего Уголовного кодекса РФ, а также постановление ВС РФ. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в процессе квалификации вымогательства взяток. В работе представлена судебная практика, которая подтверждает вышеизложенные проблемы. В заключение изложены меры, которые позволяют облегчить квалификацию такого рода преступлений.*

***Ключевые слова:** взятка, вымогательство, должностное лицо, преступление, квалифицирующий признак.*

Losyakova Yulia Olegovna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Scientific supervisor:

Provodina Elena Valeryevna

associate professor, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Problems of qualification of extortion of a bribe

***Annotation.** In the article, the author touches upon the global problem of bribery that exists in the field of public administration. The relevance of the topic is due not only to the growth of corrupt practices in various spheres of public life, but also to the constantly changing law enforcement practice, which makes it difficult to unambiguously understand and interpret legislation. The author analyzes the concept of extortion and bribery, studies the norms of the current Criminal Code of the Russian Federation, as well as the decree of the Supreme Court of the Russian Federation. Special attention is paid to the problems that arise in the process of qualification of extortion of bribes. The*

paper presents judicial practice, which confirms the above problems. In conclusion, measures were outlined that would facilitate the qualification of such crimes.

Keywords: *bribe, extortion, official, crime, qualifying feature.*

Взяточничество является одной из самых закоренелых проблем как в сфере государственного управления, так и в частном секторе. В общем количестве число уличенных в совершении преступлений против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления и осужденных за эти преступления (гл. 30 УК РФ) виновных в получении взятки значительно увеличилось. Однако не стоит умалять действия правоохранительных органов, поскольку сейчас наблюдается тенденция большой раскрываемости такой категории дел, причем пресекается не только мелкое взяточничество, но и взятки в особо крупных размерах.

Действующее законодательство определяет вымогательство взятки, как противоправные действия должностного лица (вымогателя), их следует рассматривать как преступное поведение обычного взяточполучателя, осложненное особым способом – вымогательством. Как правило, в данном случае, вымогатель, посредством злоупотребления властью, воздействует на волю лица и принуждает его к даче взятки. Частное лицо дает взятку не за совершение должностным лицом злоупотреблений по службе, а во избежание злоупотребления со стороны представителя власти, т. е. хотя и за действия по службе, но в целях предотвращения другого действия по службе, осуществлением которого угрожает должностное лицо. Поэтому взятка дается вымогателю под принуждением, а не добровольно, поэтому она является средством защиты от «нападения» вымогателя. Очевидно, что в этой ситуации лицо, давшее взятку, является жертвой преступления, но не преступником. А. А. Ганин рекомендовал подразумевать под должностным вымогательством требование взятки под угрозой насилия над личностью или под иной достаточно серьезной, с точки зрения лица, у которого вымогают взятку, ставящей его в тяжелое или даже безвыходное положение [1].

Определение, изложенное Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, позволяет правоприменителям квалифицировать действия лица, в которых проявляется создание условий, препятствующих осуществлению его законных прав и интересов через уплату взятки должностному лицу, как «незаконные препятствия» [3, с. 44–46]. Вымогательство вознаграждения можно рассматривать в двух аспектах:

- активное и настойчивое требование передачи взятки;
- пассивное ожидание получения взятки от лица, которое умышленно и неправомерно поставлено в ситуацию, заставляющую его передать вознаграждение.

На основании этих рассуждений можно заключить, что для квалификации вымогательства взятки следует выделить отдельный состав преступления, что упростило бы процесс квалификации. В современных реалиях УК РФ вымогательство взятки рассматривается в качестве квалифицирующего признака обычного состава преступления получения взятки. В соответствии со ст. 290

УК РФ вымогательство возможно лишь в случае, если оно осуществляется действиями, обозначенными частями 1 и 2 данной статьи. Однако такие формулировки вызывают определенные вопросы, что приводит к возникновению проблем.

Первая трудность возникает на начальном этапе квалификации, а именно в том, как определить, что именно можно считать вымогательством. Это может быть, как открытое требование взятки, так и косвенные действия, приводящие к ситуации, когда получение взятки становится почти неизбежным, например, угроза создания препятствий в работе, затягивание процесса рассмотрения дел или неправомерное давление. При расследовании таких случаев правоохранительным органам необходимо убедительно доказать, что должностное лицо целенаправленно создало обстоятельства, при которых лицо, передающее взятку, было вынуждено осуществить плату. Это может оказаться непростой задачей, особенно в ситуациях, когда вымогательство проявляется скрыто.

Часто возникают трудности в различении вымогательства и других преступных составов. В таком случае правоприменитель сталкивается с противоречием между квалифицированным и привилегированным составами преступления, следуя известному принципу квалификации, который требует выбора последнего в ситуации конкуренции норм [1]. Для подтверждения наличия квалифицирующего признака (вымогательства) необходимо установить намерение на вымогательство взятки. Должностное лицо должно осознавать опасность своих действий для общества и иметь целью получение незаконного вознаграждения. Проблемы возникают, когда должностное лицо утверждает, что не осознавало, что его действия могут восприниматься как вымогательство. Важным аспектом является установление субъективной стороны преступления, а также выявление мотивов (зачем) и целей (ради чего) вымогательства. Это может быть связано с корыстными интересами, стремлением к личной выгоде или иными обстоятельствами. Кроме того, из-за конфиденциальности передачи взяток, следственным органам сложно собрать достаточное количество доказательств вымогательства [2, с. 131].

Зачастую возникают проблемы при разграничении вымогательства с другими составами преступлений. В данном случае правоприменитель сталкивается с коллизией между квалифицированным и привилегированным составом преступления, по известному правилу квалификации при конкуренции норм обязан выбрать последний [1]. Чтобы доказать наличие квалифицирующего признака (вымогательства), необходимо установить наличие умысла на вымогательство взятки. Должностное лицо должно осознавать общественную опасность своих действий и желать получить незаконное вознаграждение. Сложности возникают, когда должностное лицо утверждает, что не понимало, что его действия могут быть истолкованы как вымогательство. Важно установить субъективную сторону преступления, выявить мотив (зачем) и цель (ради чего) вымогательства. Это может быть связано с корыстью, желанием получить личную выгоду или с другими обстоятельствами. Также в связи с конфиденциально-

стью дачи взяток, органам следствия сложно собрать достаточно количество доказательств вымогательства [2, с. 132].

Так, Октябрьский районный суд города Иваново признал К. виновным по пункту «б» части 5 статьи 290 УК РФ и назначил ему наказание в виде 7,5 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, а также штраф в размере 400 тысяч рублей и лишение права занимать определенные должности на срок 4 года. В ходе судебного разбирательства было установлено, что К., занимая должность в органах ГИБДД, виновен в получении взятки, связанной с ее вымогательством. Однако была подана апелляционная жалоба с просьбой переквалифицировать действия осужденного согласно части 1 статьи 290 УК и смягчить приговор. Адвокаты заявили, что бездействие К. в виде не привлечения к ответственности на основании сфальсифицированных материалов не подпадает под полномочия должностного лица, поэтому он не мог получить взятку за это действие. Кроме того, было отмечено, что квалифицирующий признак «вымогательство» взятки следует исключить, так как не было установлено, что К. преднамеренно создал условия, при которых другое лицо было вынуждено передать ему деньги.

В заключение следует отметить, что квалификация вымогательства взятки представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую от правоприменителя глубокого понимания уголовного закона, тщательного анализа фактических обстоятельств дела и умения отличать вымогательство от смежных составов преступлений. Анализ судебной практики и доктринальных положений выявил ряд проблем, связанных с определением самого факта вымогательства, доказыванием умысла должностного лица и оценкой действий взяткодателя. Преодоление указанных трудностей требует совершенствования правоприменительной практики, в том числе разработки более четких критериев разграничения вымогательства взятки и получения взятки, а также провокации взятки. Важным представляется усиление контроля за деятельностью должностных лиц, а также повышение правовой грамотности граждан в вопросах противодействия коррупции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адвокаты добились переквалификации деяния. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advakaty-dobilis-perekvalifikatsii-deyaniya-i-osvobozhdeniya-osuzhdenного-za-eks-politseyskogo/> (дата обращения: 30.03.2025).
2. Ганин А. А. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года в вопросах и ответах. М., 1927. С. 135.
3. Стовбун С. В. Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с вымогательством и получением взятки // Новый юридический вестник. 2018. № 4(6). С. 44–46.

УДК 343.132.4

Ломтева Елизавета Сергеевна

студент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

lomteva.elizavetka@mail.ru

Яснева Елена Васильевна

старший преподаватель кафедры

судебной и правоохранительной деятельности

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

yasneva.e.v@yandex.ru

**Системы видео-конференц-связи как современный способ
проведения отдельных следственных действий
на стадии предварительного расследования**

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются вопросы реализации допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видео-конференц-связи на этапе предварительного расследования. Выявленные в ходе исследования проблемы указывают на необходимость усовершенствования процедуры указанных следственных действий и предложены пути их разрешения.*

***Ключевые слова:** допрос, очная ставка, опознание, следователь, дознаватель, системы видео-конференц-связи, предварительное расследование.*

Lomteva Elizaveta Sergeevna

student

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Yasneva Elena Vasilyevna

senior lecturer at the department

of judicial and law enforcement activities

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Video conferencing systems as a modern way of conducting individual
investigative actions at the preliminary investigation stage**

***Annotation.** This article discusses the issues of the implementation of interrogation, confrontation and identification through the use of video conferencing systems at the stage of the preliminary investigation. The problems identified in the course of the study indicate the need to improve the procedure for these investigative actions and suggest ways to resolve them.*

Keywords: *interrogation, confrontation, identification, investigator, interrogator, video conferencing systems, preliminary investigation.*

В настоящее время с развитием и применением цифровых технологий, в том числе в уголовно-процессуальной деятельности, законодатель дополнил УПК РФ статьей 189.1 о проведении допроса, очной ставки и опознания путем видео-конференц-связи, что открыло новые возможности для эффективного взаимодействия между участниками уголовного процесса. Вместе с тем, возникает необходимость в адаптации правовых норм к новым условиям, улучшения механизма защиты прав участников процесса, повышения качества расследования и обеспечения правильности применения технологий в следственной практике [2].

Так, законодатель нормативно не закрепил понятие систем видео-конференц-связи в ст. 5 УПК РФ, которая раскрывает основные понятия, используемые участниками уголовного судопроизводства. Поэтому мы предлагаем дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 40.2, где изложить разработанное нами понятие в следующей редакции: «системы видео-конференц-связи – это компьютерно-цифровая технология, которая в установленных в уголовно-процессуальном законе случаях и порядке обеспечивает надлежащее качество дистанционного видео- и аудиовизуального взаимодействия в режиме реального времени нескольких участников уголовного судопроизводства, в целях обмена видео- и аудио-информацией посредством использования обособленной телекоммуникационной сети, либо с использованием закрытых защищенных каналов в сети Интернет». Данное предложение поможет обеспечить обоснованность выбора дистанционного формата проведения следственных действий должностными лицами.

Следующим вопросом, который мы хотели рассмотреть является ознакомление с результатами проведенного посредством использования систем видео-конференц-связи следственного действия участниками, находящихся вне места ведения предварительного расследования по уголовному делу. Согласно положениям ст. 189.1 УПК РФ после завершения следственного действия следователь, который его проводил, оглашает участникам протокол. Считаем, что при только устном оглашении протокола могут возникать ошибки восприятия участниками существа сведений, содержащихся в нем. В результате, возможно ограничение прав участников следственного действия по процессуальному реагированию на содержание протокола путем подачи замечаний. Мы предложили решить данную ситуацию посредством внесения изменения в положения ч. 5 ст. 189.1 УПК РФ следующим образом: «После завершения допроса, очной ставки, опознания, проведенных путем использования систем видео-конференц-связи, составления, оглашения и ознакомления с электронной версией протокола, участники соответствующего следственного действия вправе принести замечания о дополнении и уточнении протокола в подписке, указанной в части третьей настоящей статьи». Предложенный способ личного ознакомления обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим или свидетелем с прото-

колом дистанционно осуществленного следственного действия обеспечит его достоверность и соблюдение прав и законных интересов указанных лиц.

Еще одним не до конца урегулированным законодателем моментом при проведении отдельных следственных действий посредством видео-конференц-связи является определение места нахождения адвоката, оказывающего квалифицированную юридическую помощь участнику следственного действия, находящемуся вне места производства предварительного расследования. В связи с этим, мы посчитали нужным внести изменения в положения ст. 189.1 УПК РФ, дополнив ее ч. 10 и изложив следующим образом: «При участии адвоката в следственном действии, он должен находиться в месте, где и лицо, нуждающееся в его услугах». Такое нововведение обеспечит соблюдение возможности реализации участниками уголовного судопроизводства своих конституционных прав на квалифицированную юридическую помощь, при наличии которых они имеют возможность свободно сообщать адвокату необходимые сведения, а адвокат – возможность сохранить конфиденциальность полученной информации, важной для построения линии защиты.

Для правильной идентификации участников по видео-конференц-связи рассматриваемых нами следственных действий, перед их началом следователю (дознавателю), которому поручено провести следственное действие по месту нахождения его участника, необходимо проверить подлинность документа, подтверждающего личность участника следственного действия, и его соответствие информации, представленной в поручении. Следователю, поручившему проведение следственного действия, нужно визуально сличить фотографию в документах с изображением лица, полученным посредством видео-конференц-связи.

Считаем, что в органах расследования, подразделениях дознания, органах дознания необходимо иметь государственные системы видео-конференц-связи и ответственного за техническое обслуживание программно-технического комплекса систем видео-конференц-связи, осуществление настройки, диагностики, организации ремонта, замене оборудования, проверке каналов связи, для правильной и успешной организации следственных действий посредством видео-конференц-связи. Должностные обязанности таких лиц, должны определяться соответствующим регламентом, так как они будут оказывать техническую помощь сотрудникам органов предварительного расследования при проведении следственных действий в дистанционном формате [1].

Полагаем, что выявленные нами пробелы законодательства и пути их решения позволят избежать нарушения законных прав и интересов участников следственного действия, окажут помощь должностным лицам и поспособствуют результативности при производстве ими предварительного следствия по уголовному делу. Безусловно, применение дистанционных технологий при производстве следственных действий требует апробации, совершенствования и дальнейших исследований по данной теме. Однако ключевой шаг – принципиальное разрешение дистанционного формата законодателем сделан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видеоконференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 98–105.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 24 марта 2025 года : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года URL: [https://www.consultant.ru/document /cons_doc_LAW_34481/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/) (дата обращения 13.04.2025).

УДК 349.2

Манафова Сильвана Артековна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

silvanamanafova1402@gmail.com

Полотова Жасмина Фуркатовна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

polotovazhasmina@gmail.com

Особенности оснований дисциплинарной ответственности отдельных категорий работников

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются особенности оснований дисциплинарной ответственности менеджера по продажам. Менеджерам по продажам устанавливается план продаж, который им необходимо выполнить. Многие работодатели считают, что невыполнение работником плана продаж является основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности, ссылаясь на то, что это является его основной обязанностью. При этом необходимо не забывать о том, что для привлечения менеджера по продажам к дисциплинарной ответственности нужно учитывать все обстоятельства дела и понимать, что работник не может нести ответственность за третьих лиц. Защита прав менеджеров по продажам является в данной ситуации актуальной проблемой, которая носит правоприменительный характер.*

***Ключевые слова:** дисциплинарная ответственность, менеджер по продажам, работодатель, работник, план продаж, должностная инструкция.*

Manafova Silvana Artekovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Polotova Jasmina Furkatovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Specifics of the grounds for disciplinary liability of certain categories of employees

Annotation. *This article examines the specifics of the grounds for disciplinary responsibility of a sales manager. Sales managers are assigned a sales plan that they need to complete. Many employers believe that an employee's failure to comply with a sales plan is grounds for bringing him to disciplinary responsibility, referring to the fact that this is his main responsibility. At the same time, it is necessary not to forget that in order to bring the sales manager to disciplinary responsibility, it is necessary to take into account all the circumstances of the case and understand that the employee cannot be responsible for third parties. Protection of the rights of sales managers is an urgent problem in this situation, which is of a law enforcement nature.*

Keywords: *disciplinary responsibility, sales manager, employer, employee, sales plan, job description.*

Основной функцией менеджера по продажам является привлечение новых клиентов, удержание существующих и увеличение объема продаж на товары, которые производит или реализует компания.

У менеджеров по продажам есть должностная инструкция, которая помогает им четко выполнять установленные задачи и достигать поставленных целей.

Должностная инструкция менеджера по продажам – это документ, который содержит перечень обязанностей и функций сотрудника, а также требований к его квалификации и опыту работы.

Статьями 192, 193 ТК РФ предусматриваются виды и порядок привлечения к дисциплинарной ответственности, в том числе и менеджеров по продажам [6].

С учетом анализа дисциплинарной практики у правоприменителей разделилось мнение касательно вопроса привлечения менеджера по продажам к дисциплинарной ответственности.

Одни считают, что менеджера по продажам можно привлечь к дисциплинарной ответственности за невыполнение плана продаж, сославшись на то, что выполнение плана продаж является основной обязанностью менеджера и их невыполнение является ненадлежащим исполнением своих обязанностей.

Реализацию данной точки зрения мы можем увидеть на примере определения Свердловского областного суда от 24.04.2015 № 33-5570/2015 [3]. Истцу отказали в удовлетворении апелляционной жалобы, сославшись на то, что было подписано дополнительное соглашение к трудовому договору, согласно которому ей в обязанность вменялось выполнять установленные на подразделении планы продаж по всем видам страховых продуктов. Ответчик в возражениях указал, что выполнение плана продаж является основным показателем исполнения работником своих трудовых обязанностей. Изучив материалы дела, выслушав объяснения лиц, участвующих в деле, проверив законность и обоснованность судебного решения в пределах доводов апелляционной жалобы и возражений на нее, в соответствии с ч. 1 ст. 327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, судебная коллегия не нашла правовых оснований для отмены либо изменения решения суда, тем самым она определила ос-

тавить без изменения судебное решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 19.01.2015 и не удовлетворила апелляционную жалобу истца [4].

Вместе с тем правовая позиция судов не является одинаковой, так, например, согласно Апелляционному определению Московского городского суда от 10.11.2015 № 33-41338/15, в котором суд удовлетворил требования истца частично, оставив при этом решение Дорогомиловского районного суда города Москвы от 16 июня 2015 без изменения [1].

Как следует из вышеуказанного апелляционного определения, истец обратился в суд с требованием об отмене дисциплинарного взыскания и компенсации морального вреда. В обоснование своих требований истец указал, что был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде выговора за невыполнение установленных показателей по итогам года, на основании чего полагал, что дисциплинарное взыскание является незаконным, поскольку невыполнение плана продаж было вызвано сложившейся экономической ситуацией на рынке страхования.

Разрешая спор и признавая дисциплинарное взыскание незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что невыполнение плана продаж за год не может свидетельствовать о виновном и ненадлежащем исполнении истцом своих должностных обязанностей.

Судебная коллегия нашла указанные выводы суда первой инстанции верными, поскольку они не опровергаются доводами апелляционной жалобы и соответствуют нормам законодательства, регулирующего возникшие правоотношения. Таким образом, оснований для отмены решения у суда не имелось.

Мотивируя свои решение, суды указали, что предметом трудового договора является выполнение работником за плату трудовой функции, а не выполнение конкретной работы. Если работник выполнял трудовые действия, составляющие его трудовую функцию, но это не привело к желаемому работодателем результату, вменять это как вину работнику нельзя. Установление для менеджера по продажам плана, не является основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности. Так как точно не определено, является ли данный план продаж выполнимым для работника, мы не можем сделать вывод о том, что он будет выполнен вовремя. Кроме того, необходимо не забывать о том, что работник не может нести ответственность за третьих лиц, поскольку он не может предугадать их дальнейшие шаги или заставить их принять его предложение.

Противоположным будет являться мнение, согласно которому можно говорить о привлечении к дисциплинарной ответственности за невыполнение такого плана продаж, если этот план продаж является объективно достигаемым и исполнимым. Если будет установлено, что в результате противоправных, виновных действий работник не выполнил установленный план продаж, который является выполнимым для него.

Основанием должно являться виновное неисполнение менеджером по продажам своих обязанностей. Согласно Апелляционному определению Московского городского суда от 2 декабря 2020 года по делу № 33-419086/2020 не-

выполнение плана продаж лишь тогда можно считать нарушением трудовой дисциплины, когда к этому привело конкретное, доказанное работодателем неисполнение работником своих обязанностей [2].

Как следует из апелляционного определения, в отношении истца было незаконно применено дисциплинарное взыскание в виде замечания за ненадлежащее исполнение им своих должностных обязанностей, выразившихся в невыполнении плана продаж, что являлось незаконным. Апелляционная инстанция частично удовлетворила требования истца и обязала работодателя выплатить работнику заработную плату за все время вынужденного прогула.

Примером несогласия суда с увольнением в связи с невыполнением плана продаж, можно считать определение Судебной Коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01 ноября 2022 г. № 8Г-28927/2022[88-28704/2022] [5].

Исходя из текста определения судебной коллегии, менеджер по продажам, имея дисциплинарные взыскания, не выполнила ежедневный план продаж. В связи с неоднократным неисполнением без уважительных причин трудовых обязанностей работодатель применил к ней дисциплинарное взыскание в виде увольнения. Работница оспорила увольнение в суде. Признавая увольнение незаконным, суд пришел к выводу о том, что работодатель не представил доказательств, свидетельствующих о создании истцу условий для выполнения должностных обязанностей, а также не доказал факт того, что на работницу была возложена обязанность выполнить ежедневный план продаж. Кроме того, работодателем не была подтверждена обоснованность включения в план продаж менеджера тех показателей, выполнение которых требовалось от работницы ежедневно. Для других сотрудников такие же показатели не устанавливались.

Основываясь на судебной практике, установление плана продаж является законным, если это предусмотрено трудовым договором и соблюдены все условия. Например, подпись работника, что он ознакомлен с планом или являются ли цели, установленные планом, реальными и достижимыми. Однако следует учитывать и объективные признаки, так как работник может добросовестно выполнять свои трудовые обязанности. Привлечение менеджера по продажам к дисциплинарной ответственности является законным лишь тогда, когда к этому привело конкретное, доказанное работодателем, виновное неисполнение работником иных своих обязанностей.

Недостаточное внимание к деталям в процессе формирования и реализации плана продаж, а также наличие факторов, которые не зависят от самого менеджера по продажам, могут привести к его неэффективности, и, соответственно, к снижению результатов. Таким образом, прежде чем привлекать менеджера к дисциплинарной ответственности, необходимо провести полное расследование, проанализировать все обстоятельства, учитывая как внутренние, так и внешние факторы, которые могли повлиять на выполнение задач.

Согласно ст. 21 ТК РФ работник обязан выполнять свои обязанности на работе с серьезным подходом и ответственностью, придерживаясь условий, прописанных в трудовом договоре [6]. Это включает в себя:

1. Добросовестность – работник должен выполнять свои обязанности усердно и честно, не уклоняясь от работы и не нарушая правила.

2. Исполнение трудовых обязанностей – работник должен выполнять задачи и функции, которые он принял на себя, подписав трудовой договор. Он может содержать конкретные задачи, роли и обязанности, за которые работник отвечает.

3. Нормы труда – работник должен придерживаться установленных стандартов и правил выполнения работы, которые могут касаться качества, количества, сроков и других аспектов трудовой деятельности.

Из сказанного, можно сделать вывод о том, что основная проблема заключается в правоприменительной деятельности работодателя. Неправильное истолкование работодателем действующего трудового законодательства, приводит к подмене трудовых отношений гражданско-правовыми целями и задачами. Однако при надлежащем применении трудового законодательства и в буквальном толковании норм трудового кодекса проблема незаконного привлечения менеджера по продажам к дисциплинарной ответственности будет исключена, а также следует уделить внимание повышению правовой культуры работодателя, так как именно это является залогом соблюдения трудовых прав менеджеров по продажам.

Важно отметить, что для эффективного и правомерного подхода к данному вопросу важно разработать точные критерии и принципы установления плана продаж, которые будут учитывать, как требования законодательства, так и уважение к правам и интересам работников. Это позволит создать прозрачную и справедливую систему оценки труда менеджеров по продажам, снизить риск конфликтов и обеспечить более высокую мотивацию персонала к достижению поставленных целей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.11.2015 № 33-41338/15. URL: <https://base.garant.ru/138579367> // (дата обращения: 04.04.2025).

2. Апелляционное определение Московского городского суда от 2 декабря 2020 года по делу № 33-419086/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2044312#DAIq8hUKEZbK13a51> (дата обращения: 03.04.2025).

3. Апелляционное определение Судебной Коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 24 апреля 2015 г. по делу № 33-5570/2015. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/133870811/> (дата обращения: 06.04.2025).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2025).

5. Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01 ноября 2022 г. по делу № 8Г-28927/2022[88-28704/2022]. URL: <https://garant-rostovdon.ru/novosti/sud-vosstanovil-rabotnika-uvolennogo-za-nevypolnenie-plana-prodazh> (дата обращения: 07.04.2025).

6. Трудовой кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2025).

УДК 343.01

Майсурадзе Лука Гелаевич

аспирант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

lkmaysuradze@gmail.com

Криптовалютные биржи как средства легализации доходов, полученных преступным путем

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема использования криптовалютных бирж в целях легализации доходов, полученных преступным путем. Анализируются особенности функционирования криптовалютных бирж, способствующие их использованию в противоправных целях. Предлагаются методы противодействия и регулирования, направленные на минимизацию рисков, связанных с подобной деятельностью.*

***Ключевые слова:** криптовалюта, криптовалютная биржа, легализация доходов, финансовый мониторинг, KYC/AML, регулирование криптовалют.*

Maisuradze Luka Gelaevich

postgraduate student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Cryptocurrency exchanges as a means of money laundering

***Annotation.** This article examines the problem of using cryptocurrency exchanges for the purpose of laundering proceeds of crime. It analyzes the specific operational features of cryptocurrency exchanges that facilitate their use for illicit purposes, and also considers countermeasures and regulations aimed at minimizing the risks associated with such activities.*

***Keywords:** cryptocurrency, cryptocurrency exchange, money laundering, financial monitoring, KYC/AML, cryptocurrency regulation.*

Отношения в сфере цифровой экономики уже стали частью новой реальности. Используя технологические достижения последних десятилетий, она

трансформирует традиционные экономические модели и открывает новые возможности для участников оборота, а стирание географических границ в цифровой сфере наряду с отраслевой конвергенцией значительно облегчает приток капиталов со всего мира, но при этом создает новые вызовы для правового регулирования. Цифровое право, которое все еще находится на стадии формирования, сталкивается с механизмами, регламентация которых требует не только фундаментальных знаний в области юриспруденции, но и глубокого понимания технических особенностей новой парадигмы экономических отношений.

Рост популярности цифровых активов в качестве альтернативы традиционным финансовым инструментам породил не только новые возможности для инвесторов и предпринимателей, но и новые способы легализации доходов, полученных преступным путем. В свою очередь криптовалютные биржи как площадки обмена цифровых активов, находящиеся на стыке цифровой и традиционной экономики, становятся ключевым звеном в новых схемах отмывания преступных доходов.

Централизованные и децентрализованные криптовалютные биржи

С юридической и функциональной точек зрения важно понимать различия между двумя основными типами криптовалютных бирж: централизованными (CEX) и децентрализованными (DEX). Первые функционируют по модели, схожей с традиционными финансовыми институтами, выступая в роли посредника между покупателями и продавцами. Благодаря наличию статуса юридического лица и возможности отслеживания операций в блокчейне централизованные биржи служат так называемыми «чокерпойнтами» – некими точками доступа в цифровую экономику, через которые законодатель может понудить пользователей соблюдать уголовное и налоговое законодательство.

Децентрализованные биржи (DEX) в свою очередь стремятся устранить необходимость в посреднике: торговля на них происходит напрямую между пользователями (peer-to-peer) с использованием смарт-контрактов, развернутых на блокчейне. Пользователи на таких биржах взаимодействуют с биржей через свои собственные криптокошельки, сохраняя при этом полный контроль над приватными ключами (в отличие как раз от централизованных бирж, оказывающих кастодиальные услуги), что делает их удобным средством для обхода законодательства в области противодействия отмыванию денежных средств (далее – AML, anti-money laundering regulations), так как биржа не является юридическим лицом в традиционном смысле этого слова, а лишь предоставляет протокол (код) для совершения обмена, и обязать ее внедрять практики, соответствующие национальным или международным стандартам AML, становится практически невозможно.

Применение криптовалютных миксеров и тумблеров

Как показывает практика, ограничиваться контролем только посредством точек доступа в цифровую экономику при желании создать эффективное AML регулирование не выйдет. В криптосообществе уже существуют механизмы изменения записей в блокчейне: например, так называемый «миксер» Tornado

cash [3], позволяющий «запутать следы» к фактическому бенефициару путем добавления «нодов» (записей) в реестр.

Криптовалютные тумблеры работают путем объединения средств от нескольких пользователей и отправки случайных сумм в случайные временные отрезки на различные кошельки, что затрудняет отслеживание первоначальных транзакций, так как разрывает связь между первоначальным отправителем и получателем. В таком случае биржа, которая в силу AML регулирования не позволила бы совершить подозрительную транзакцию с крупной суммой криптоактивов, уже не откажет в обмене незначительной, не вызывающей подозрения сумме кошелек, формально не связанному с нелегальной деятельностью, и произведет транзакцию, после чего полученные средства снова будут сконцентрированы, но уже на «белых» кошельках конечных бенефициаров.

Ярким примером отмыывания преступных доходов при помощи тумблеров служит дело преступной группы, которая использовала биржу Cryptex [2] и другие онлайн-сервисы для осуществления незаконной банковской деятельности. Оборот средств через нее в 2023 году превысил 112 миллиардов рублей, а доход преступной группы составил около 3,7 миллиардов рублей. Дело Cryptex показывает, что в вопросах противодействия отмыыванию денежных средств через криптовалютные биржи правоохранители сталкиваются не только с лицами, легализующими собственные преступные доходы посредством новых цифровых технологий, но и с целыми организованными преступными группами, которые могут создавать собственные платформы или координированно использовать существующие способы легализации доходов, предоставляя свои услуги третьим лицам.

Использование анонимных криптовалют (монет конфиденциальности)

Одним из удобных для злоумышленников способов отмыывания преступных доходов также является использование «анонимных» криптовалют, известных как монеты конфиденциальности. Изначально задуманные с целью сохранения тайны расчетов между лицами (так как остальные цифровые валюты позволяют отследить движение средств благодаря публичному реестру), они стали одним из главных инструментов сокрытия адресов пользователей, балансов и происхождения транзакций. Наиболее популярными из них на сегодняшний день являются монеты Monero (созданная, к слову, энтузиастами из России), Zcash и Dash. Используя монеты конфиденциальности, преступники могут конвертировать незаконно полученные активы, сохраняя в тайне принадлежность начального кошелька, и затем обменивать их на децентрализованных биржах, прежде чем переводить на централизованные биржи и обменивать уже в фиатную валюту.

Большинство централизованных бирж на сегодняшний день не принимают к обмену монеты конфиденциальности как раз по причине частого их использования в преступных целях. Тем не менее их по-прежнему можно встретить на таких крупных торговых площадках, как Kraken. По подсчетам биржи только за 24 часа пользователи осуществляют обмен Monero на сумму около 5 000 000 долларов США [4].

Цифровые технологии и борьба с легализацией доходов через криптовалютные биржи

В Российской Федерации на сегодняшний день регулирование криптобирж в контексте борьбы с отмыванием денежных средств находится в стадии формирования и отличается от зарубежных юрисдикций отсутствием всеобъемлющего нормативного акта. Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1] формально хоть и может распространять действие на финансовые операции, связанные с обменом цифровых валют, но все равно не учитывает вышеописанную специфику криптовалютных бирж, оставляя их деятельность в «серой зоне».

Тем не менее эффективная борьба с легализацией доходов, полученных преступным путем в криптопространстве, невозможна без использования передовых цифровых технологий. В первую очередь следует иметь в виду, что прозрачность распределенного реестра блокчейна, вопреки распространенному мнению о полной анонимности, предоставляет уникальную возможность для отслеживания транзакций, а специализированные программные решения, уже используемые иностранными аналитиками, – возможность визуализировать потоки средств, идентифицировать подозрительную активность в реестре, и связывать криптокошельки с известными субъектами преступной деятельности на основе данных из открытых источников и информации, полученной в ходе расследований.

В условиях роста объемов транзакций и сложности схем отмывания денег, не следует также пренебрегать возможностями искусственного интеллекта и машинного обучения. Так, например, алгоритмы, используемые Chainalysis – одной из наиболее известных организаций, отслеживающих подозрительную деятельность в блокчейне, способны анализировать колоссальные массивы данных, выявлять аномальное поведение, которое может указывать на незаконную деятельность по отмыванию денежных средств, и прогнозировать потенциально подозрительные операции на основе выявленных закономерностей.

Наконец, данные из различных открытых источников, включая информацию из блокчейна и данных верификации клиентов (KYC/AML) с бирж позволяют формировать комплексное представление о субъектах и их деятельности в сети Интернет. Анализируя законодательство ЕС [6] и США [5] в области борьбы с отмыванием денег, следует обратить внимание на активное внедрение современных технологических решений для автоматизации процессов KYC/AML, включая биометрическую идентификацию, непрерывный мониторинг транзакций, и «правила о передаче данных» (Travel Rule) через специальные сети, администрируемые правоохранительными органами. Криптовалютные биржи, чья деятельность в этих странах является лицензируемой, по закону должны осуществлять мониторинг транзакций для выявления подозрительной деятельности и передавать сведения надзорным органам. В противном случае им грозит не только лишение лицензии и блокировка, но и уголовное преследование.

Заключение

Современные цифровые технологии способны доказать свою эффективность в борьбе с отмыванием денежных средств. Однако динамичный характер развития криптоиндустрии и постоянное появление новых способов сокрытия незаконных доходов требуют непрерывного совершенствования технологических и регуляторных подходов.

Представляется, что в условиях развитой цифровой экономики ограничиваться только лишь совершенствованием уголовного законодательства не представляется возможным. Необходимо также укреплять и развивать международное сотрудничество и повышать эффективность методов противодействия киберпреступности, проводить дальнейшие исследования в области применения искусственного интеллекта и разработки инновационных методов анализа блокчейна в качестве ключевых направлений деятельности правоохранительных органов в сфере информационно-коммуникационных технологий. В полной мере это относится и к противодействию использованию криптовалютных бирж в целях легализации доходов, полученных преступным путем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.

2. По делу Cryptex в России задержали 96 человек. Что известно об этой бирже, РБК-Крипто, новость от 03.10.2024. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66fe9bbe9a79476553802e0e?from=copyhttps://www.rbc.ru/crypto/news/66fe9bbe9a79476553802e0e> (дата обращения: 29.03.2025).

3. Разработчику криптомиксера назначили наказание в виде лишения свободы за отмывание \$1,2 млрд, РБК-крипто, новость от 14.05.2024. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66434f1d9a7947817ddfaaf9?from=copy> (дата обращения: 29.03.2025).

4. Страница анонимной криптовалюты Monero на бирже Kraken, электронный ресурс: <https://www.kraken.com/ru/learn/buy-monero-xmr> (дата обращения: 04.04.2025).

5. Bank Secrecy Act (BSA), 31 U.S.C. § 5311 et seq.

6. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 (Markets in Crypto-assets Regulation - MiCA) // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 40–205.

Максакова Виктория Владимировна
студент, Сибирский институт управления
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
г. Новосибирск, Российская Федерация
vikamaksakova826@gmail.com

Роль Конституции Российской Федерации в формировании и функционировании правоохранительных органов

***Аннотация.** В статье рассматриваются роль и значение Конституции Российской Федерации в формировании и функционировании правоохранительных органов, а также практическая реализация конституционных принципов в судебной и оперативно-розыскной деятельности. Анализируются вопросы защиты прав и свобод граждан, механизма государственного контроля, интеграции внешнего опыта для совершенствования отечественной системы. Исследование показывает, что ключевые правовые нормы способствуют укреплению верховенства права и повышению эффективности правоохранительной деятельности.*

***Ключевые слова:** Конституция, правоохранительные органы, правовые нормы, судебная практика, общественный контроль, правовые гарантии.*

Maksakova Victoria Vladimirovna
student, Siberian Institute of Management
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russian Federation

The role of the Constitution of the Russian Federation in the formation and functioning of law enforcement agencies

***Annotation.** The article examines the role and importance of the Constitution of the Russian Federation in the formation and functioning of law enforcement agencies, as well as the practical implementation of constitutional principles in judicial and operational activities. The issues of observing the rights and freedoms of citizens, the mechanism of public control and the integration of foreign experience to improve the domestic system are analyzed. The study demonstrates how the main legal norms contribute to strengthening the rule of law and increasing the efficiency of law enforcement agencies.*

***Keywords:** Constitution, law enforcement agencies, legal norms, judicial practice, public control, legal guarantees.*

Конституция Российской Федерации – основополагающий правовой акт, определяющий принципы государственного устройства, систему органов управления, основные гарантии прав и свобод граждан. В контексте формирования и функционирования правоохранительных органов Конституция опреде-

ляет рамки деятельности всех государственных структур, обеспечивая баланс между методами принудительного воздействия и защитой прав личности.

Одним из краеугольных положений Конституции является утверждение, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью в государстве. В статье 2 закрепляется обязанность государства признавать, уважать и защищать эти права [2]. В настоящем разделе устанавливаются правовые основы, на которых базируются все меры, направленные на обеспечение безопасности граждан. В то же время правоохранительные органы должны считать защиту человека приоритетом и неукоснительно придерживаться этого принципа. Такой подход предполагает, что любые меры по обеспечению правопорядка не должны нарушать гражданские свободы, а, наоборот, защищать их. Таким образом, конституционные принципы не только определяют нормативное пространство деятельности правоохранительных органов, но и служат ориентиром, к которому должны стремиться все специалисты, работающие в сфере охраны общественного порядка [4, с. 228].

Современная система правоохранительных органов строится на основе ряда нормативных актов, которые подчеркивают принципы организации и координации различных органов, а не механизм действия. Конституция вместе с другими ключевыми документами формирует основу для комплексной работы различных органов безопасности, направленной на предупреждение и расследование преступлений, а также защиту прав граждан. Это единство позволяет правительству оперативно реагировать на вызовы времени, устанавливая комплекс мер, охватывающих технические, организационные и правовые аспекты операций. В то же время принцип взаимного контроля и инспектирования между различными ветвями власти остается важным элементом, что способствует справедливости и законности всех оперативных мероприятий [1, с. 97].

Другим важным фактором является осуществление независимого и объективного надзора за деятельностью правоохранительных органов, а также за соблюдением закона судебной системой. Эффективное сотрудничество между различными ведомствами способствует комплексному подходу к решению проблем общественной безопасности, позволяя эффективнее использовать ресурсы и эффективнее реагировать на преступность. Такой диалог не только способствует снижению уровня преступности, но и укрепляет доверие граждан к государственным институтам.

Высшая юридическая сила Конституции обуславливает ее непосредственное применение в деятельности всех государственных органов, в том числе правоохранительных. Все решения, принимаемые на оперативном уровне, должны соответствовать основополагающим принципам, закрепленным в высшем законе страны, надлежащим образом реализуя конституционные нормы. Это означает, что при разработке оперативных мер или внедрении новых правоохранительных технологий основное внимание следует уделять защите прав и свобод граждан. Такой подход позволит сократить злоупотребления властью и обеспечить законность всех процессуальных процессов. Правительству важно

предоставить задержанным правовые гарантии и проводить предварительное расследование, поскольку необходимо соблюсти баланс между быстрым реагированием и защитой прав граждан. Наличие четкой процессуальной системы способствует повышению правовой осведомленности и правовой грамотности среди сотрудников правоохранительных органов и широкой общественности.

Конституция Российской Федерации, устанавливающая основные принципы общественного устройства, оказывает существенное влияние на формирование отношений государства и гражданского общества. Соблюдение стандартов правоприменения способствует формированию доверия между правоохранительными органами и населением. Этого можно достичь путем оценки деятельности правоохранительных органов, создания механизмов общественного контроля, диалога и участия граждан.

Применение конституционных принципов в области правоохранительных органов различается и отражается в различных формах правления. Важной частью операции является принятие мер по обеспечению законности арестов, расследований и преследований. Самым важным моментом здесь является соблюдение принципа равенства граждан перед законом. Реализация этих принципов требует от сотрудников правоохранительных органов регулярного прохождения обучения и аттестации, что обеспечивает не только освоение ими современных методов оперативно-розыскной деятельности, но и строгое соблюдение конституционных норм. Например, особое внимание уделяется защите прав заключенных. В этом контексте важно отметить, что статья 49 Конституции РФ, гарантирующая презумпцию невиновности, является одним из краеугольных камней, определяющих круг допустимых действий при расследовании преступлений [2].

Практическая реализация конституционных положений находит свое отражение также в разработке и внедрении внутренних руководящих документов, регламентирующих поведение сотрудников и устанавливающих правила ответственности за их нарушения. Такие документы часто содержат положения, защищающие права и свободы граждан, что приводит к разработке не только правовых, но и морально-этических норм служебного поведения. Кроме того, важной составляющей остается система надзора и контроля, в рамках которой независимые органы регулярно проверяют соблюдение законодательства при исполнении служебных обязанностей.

Эффективность правовой системы, включающей деятельность правоохранительных органов, оценивается на основе большого количества критериев, важнейшим из которых является защита прав и свобод граждан. Как показывает анализ, применение конституционных принципов способствует повышению уровня легитимности деятельности правоохранительных органов, хотя и сопряжено с некоторыми трудностями. Одной из основных проблем является несовершенство механизмов взаимодействия с гражданским обществом, которые важны для оперативного реагирования на нарушения и адаптации методов работы. Существующие формы государственного контроля и внутреннего аудита зачастую непоследовательны, что затрудняет разработку эффективных мер по

предотвращению нарушений внутри системы. Следовательно, необходимо совершенствовать организационные структуры, внедрять более прозрачные процедуры взаимодействия различных ведомств, а также усиливать роль независимых регулирующих органов [3, с. 233].

Кроме того, важным аспектом является корректировка внутренних правил с учетом меняющихся социальных и технологических условий. Постоянное обновление программ обучения сотрудников, разработка и применение международных стандартов являются важными инструментами для повышения качества работы правоохранительных органов. Такой подход позволит не только быстро решать текущие проблемы, но и создать устойчивую правовую культуру, на которой может базироваться вся система для долгосрочного развития.

Обобщая, можно сказать, что эффективность существующей системы напрямую зависит от степени интеграции теоретических конституционных норм с практическими методами их реализации. Постоянная оценка деятельности правоохранительных органов в демократическом государстве, совершенствование нормативных актов и активное взаимодействие с гражданским обществом являются залогом успешного функционирования правоохранительных органов в демократическом государстве [5, с. 15].

Перспективными направлениями дальнейшего развития являются модернизация законодательной базы правоохранительных органов, расширение механизмов взаимодействия с гражданами и внедрение инновационных технологий для повышения эффективности оперативно-служебной деятельности. Крайне важно, чтобы будущие реформы основывались на конституционных принципах, обеспечивающих баланс между мерами быстрого реагирования и защитой прав личности.

Основной закон Российской Федерации выступает не только теоретическим ориентиром, но и практическим механизмом, определяющим правовые основы деятельности правоохранительных органов. Такие конституционные принципы, как верховенство прав и свобод граждан, законность, независимость суда, защита частной жизни, находят свое отражение в деятельности правоохранительных органов, о чем свидетельствуют примеры из судебной практики.

Таким образом, Конституция Российской Федерации остается гарантом порядка и правовой стабильности, основой эффективной и прозрачной правоохранительной системы. Применение принципов, заложенных в Конституции, не только защищает права граждан, но и способствует укреплению доверия общества к государственным институтам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Берегова З. Р. К вопросу об определении понятия правоохранительных органов в Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 97–99. URL: <https://moluch.ru/archive/284/64118/> (дата обращения: 09.04.2025).

2. Конституция Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.04.2025).

3. Мусалаев М. М., Ниматулаева Р. А. Правовое регулирование деятельности правоохранительных органов Российской Федерации: основные проблемы // Закон и право. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-rossiyskoy-federatsii-osnovnye-problemy> (дата обращения: 08.04.2025).

4. Седой И. С. Роль правоохранительных органов в защите конституционных прав и свобод человека в российской федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravoohranitelnyh-organov-v-zaschite-konstitutsionnyh-prav-i-svobod-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 09.04.2025).

5. Упоров И. В. Правоохранительные органы: доктринальное толкование и проблема систематизации в правовых актах // Право и практика. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoohranitelnye-organy-doktrinalnoe-tolkovanie-i-problema-sistematizatsii-v-pravovyh-aktah> (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 343.575

Макуха Максим Алексеевич

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

makukha.04@mail.ru

К вопросу о снижении возраста уголовной ответственности за преступления, связанные со сбытом наркотиков

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема увеличивающегося количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и их аналогов, связанная с современной тенденцией вовлечения в наркопреступность несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности. Анализируются точки зрения, существующие в обществе на данный момент, касающиеся вариантов решения данной проблемы. Обосновывается, почему эта проблема должна решаться через снижение возраста уголовной ответственности, а не иным образом. По итогам работы, на основе исследования законодательства и научных исследований, предлагается снизить возраст привлечения к уголовной ответственности по ряду статей, связанных с незаконным сбытом наркотических средств.*

***Ключевые слова:** незаконное распространение наркотиков, несовершеннолетние, вовлечение несовершеннолетних, преступление, снижение возраста привлечения к уголовной ответственности.*

Makukha Maksim Alekseevich

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

On lowering the age of criminal responsibility for offences related to the sale of drugs

Annotation. *The article considers the problem of the increasing number of crimes in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs and their analogues, associated with the current trend of involvement in drug-related crime of minors who are not subject to criminal responsibility. The points of view existing in society at the moment concerning the options for solving this problem are analysed. It is substantiated why this problem should be solved by lowering the age of criminal responsibility and not in any other way. As a result of the work, based on the study of legislation and scientific research, it is proposed to lower the age of criminal liability for a number of articles related to the illegal sale of narcotic drugs.*

Keywords: *illegal drug distribution, minors, involvement of minors, crime, lowering the age of criminal responsibility.*

Проблема распространения наркотиков для нашей страны новой не является. К сожалению, несмотря на все усилия правоохранительных органов и общественных организаций по противодействию их распространению, статистика показывает, что ситуация не меняется. Более того, количество зарегистрированных преступлений в сфере сбыта наркотиков ежегодно повышается. В 2022 г. было зарегистрировано (в тыс.) 110,9, в 2023 г. – 126,2, в 2024 г. – 135,0 преступлений [6, с. 38]. В связи с этим, целью данной работы ставится изменение указанного положения с помощью реформирования уголовного закона.

О причинах данной проблемы на расширенной коллегии СК РФ 5 февраля 2025 г. высказался Председатель Следственного комитета Российской Федерации – Александр Бастрыкин. Он указывал на увеличение числа несовершеннолетних, занимающихся сбытом. Безнаказанность подростков в силу их возраста позволяет им не бояться уголовной ответственности, чем и пользуется наркобизнес. В связи с этим им было предложено снизить возраст привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних до 14 лет по статьям, связанным со сбытом наркотиков [1], чтобы оградить неокрепшие умы от наркотиков. Они свободно, в силу возраста и наличия свободного времени (по своей сути, это школьники 7-8 классов школы, которые не обременены даже экзаменами), прибегают к такому легкому заработку, не опасаясь уголовной ответственности. Правоохранительные органы в данном случае ничего не могут сделать с такими детьми, в связи с чем сбыт набирает все больший и больший оборот.

Данная новость быстро стала объектом широкого обсуждения в научной среде, а также в телекоммуникационной сети Интернет. В обществе сформировалось две диаметрально противоположных позиции, одни высказываются в поддержку главы Следственного комитета, другие же критикуют данную инициативу. Например, против высказалась член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Ева Меркачева [3]. Она указывает на то, что в данных ситуациях несовершеннолетние выступают скорее жертвами наркобизнеса. И данное изменение будет не чем иным, как переложением ответственности со взрослых на несовершеннолетних детей.

С этим, вероятно, можно согласиться, но только с морально-этической точки зрения. На практике же, федеральными законами от 29.05.2024 № 111-ФЗ и от 28.12.2024 № 514-ФЗ уголовная ответственность по ст. 150 УК РФ была за

2024 год неоднократно усилена. Однако значимого эффекта в сфере незаконного сбыта такое изменение не принесло, что можно посмотреть по статистике, ведь по результатам января 2025 г., количество зарегистрированных преступлений в сфере сбыта увеличилось на ~ 40 % [5, с. 38] по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. – с 9,8 тыс. в 2024 г. до 14,0 в 2025 г.

Поэтому в рамках данной проблемы мы вряд ли сможем повлиять на снижение уровня зарегистрированных преступлений среди сбыта через ст. 150 УК РФ, а именно – через совершеннолетних, кто вовлекает детей в незаконное распространение, поскольку в большинстве случаев их личность попросту не удастся установить. Следовательно, они и далее продолжают беспрепятственно вовлекать детей, не опасаясь уголовной ответственности. Об этом в свое время говорила и Е. А. Попова, указывая, что такие лица в силу бесконтактного способа совершения преступления (посредством связи через Интернет, обеспечивающий анонимность – прим. автора) чаще всего остаются безнаказанными [4, с. 32]. Таким образом, проблема осталась нерешенной.

В связи с этим, на наш взгляд, реальным вариантом разрешения данной проблемы является предложенный Председателем Следственного комитета РФ. На данный момент превенция уголовного закона не работает на таких несовершеннолетних, а это означает, что ст.ст. 228.1, 228.3, 228.4, 229.1 УК РФ не в состоянии сдержать преступность и в них назрели изменения.

В случае же снижения возраста уголовного ответственности, станет возможным предупредить под угрозой наказания множество преступлений несовершеннолетних. В таком случае они, перед тем как решиться на совершение преступления, будут ставить на чашу весов возможность оказаться в местах лишения свободы и будут делать выбор, в большинстве своем, в сторону правопослушного поведения. О необходимости введения данных изменений можно привести также следующие аргументы:

- одной из главных опасностей является распространение ими наркотиков среди своих сверстников, в особенности – друзей в школах, на улице и прочих местах. Уровень доверия к сверстникам и друзьям у несовершеннолетних намного выше, чем к взрослым, поэтому такое распространение наиболее вероятно, а значит, наиболее опасно.

- несовершеннолетние, пользуясь данной лазейкой и вовлекшееся в оборот с 14 или 15 лет, продолжают заниматься распространением и после достижения возраста уголовной ответственности либо в силу неимения иного способа легкого заработка, либо в силу зависимости от наркотических средств. Поэтому пока такая лазейка существует, законодатель как бы сам позволяет наркобизнесу беспрепятственно вовлекать неокрепшие умы в преступный оборот.

В связи с вышеизложенным, наилучшим выходом будет исключить данную возможность, чтобы препятствовать распространению наркотиков среди детей и не давать им возможности войти в сферу незаконного оборота наркотиков, откуда выйти не так-то просто.

О снижении возраста привлечения за сбыт говорила З. Р. Хисматуллина, указывая, что еще в 2019 году отмечалось значительное снижение возраста субъектов, занимающихся их изготовлением и распространением [7, с. 133].

За данное решение также высказывалась Е. А. Попова, объясняя положение дел широкой осведомленностью несовершеннолетних благодаря развитию интернет-технологий и их возрасту, не попадающему под уголовную ответственность [4, с. 33].

Еще одним ученым, кто высказался в пользу данного решения, был Е. Р. Ильин. По его мнению, применяемые меры к несовершеннолетним, совершающим преступления, недостаточны и не могут быть сдерживающим фактором преступности среди несовершеннолетних в сфере оборота наркотиков [2, с. 142].

В заключение необходимо сказать, что такие изменения назрели уже давно, это подтверждается изложенными выше тезисами и мнениями ученых. Следовательно, необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, добавив в ее содержание такие статьи, как: 228.1, 228.3, 228.4, 229.1 УК РФ. Благодаря этим изменениям, мы рассчитываем, получится снизить уровень сбыта наркотиков и их аналогов, а также уберечь несовершеннолетних от вовлечения в сферу незаконного оборота наркотических средств и их аналогов и преступный мир с раннего возраста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баstryкин предложил наказывать за сбыт наркотиков с 14 лет. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7479806?ysclid=m7rhnn6gf737166836> (дата обращения: 27.02.2025).

2. Ильин Е. Р. Уголовная ответственность несовершеннолетних за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Актуальные исследования студентов и аспирантов в области гуманитарных, общественных, юридических и экономических наук. 2021. С. 139–143

3. Меркачева Е. выступила против уголовной ответственности за сбыт наркотиков с 14 лет. URL: <https://rg.ru/2025/02/05/merkacheva-vystupila-protiv-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-sbyt-narkotikov-s-14-let.html> (дата обращения: 01.03.2025).

4. Попова Е. А. Проблемы вовлечения несовершеннолетних в употребление и распространение наркотических средств // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 4. С. 31–33.

5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь 2025 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9904676> (дата обращения: 01.03.2025).

6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 01.03.2025).

7. Хисматуллина З. Р., Исаева Л. А. Уголовная ответственность несовершеннолетних за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // E-Scio. 2019. № 2. С. 129–134.

Мамедов Максим Вадимович
студент, Балаковский филиал Саратовской
государственной юридической академии
г. Балаково, Российская Федерация
maksim.mamedov21@mail.ru

Правовой статус судьи: многообразие интерпретаций в современной юридической науке

***Аннотация.** Статья посвящена анализу различных интерпретаций правового статуса судьи в современной юридической науке. Рассматриваются основные компоненты правового статуса судьи: личный, процессуальный и институциональный. Автор исследует многообразие научных интерпретаций данного понятия, представленных в трудах ученых-правоведов. Особое внимание уделяется сравнительному анализу различных интерпретаций содержания правового статуса судьи. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что правовой статус судьи представляет собой комплексный институт, включающий в себя совокупность прав, обязанностей и гарантий, необходимых для реализации задач правосудия.*

***Ключевые слова:** правовой статус, судья, судебная власть, правоприменительная деятельность, правовая норма, совокупность прав и обязанностей.*

Mamedov Maksim Vadimovich
student, Saratov State Law
academy Balakovo branch
Balakovo, Russian Federation

Legal status of a judge: a variety of interpretations in modern legal science

***Annotation.** The article is devoted to the analysis of various interpretations of the legal status of a judge in modern legal science. The main components of the legal status of a judge are considered: personal, procedural and institutional. The author investigates variety of scientific interpretations of this concept, presented in the works of scholars jurists. Special attention is paid to the comparative analysis of different interpretations of content of the legal status of a judge. On the basis of the conducted research the conclusion is made that the legal status of a judge is a complex institute, including a set of rights, obligations and guarantees necessary for the realization of tasks justice.*

***Keywords:** legal status, judge, judicial authority, law enforcement, legal norm, set of rights and obligations.*

Правовой статус судьи является одной из категорий правовой науки, поскольку именно он определяет положение представителей судебной власти в системе государственного управления, их права, обязанности и гарантии независимости. Судья – это не просто участник правосудия, но и важнейший элемент системы сдержек и противовесов в демократическом обществе. Однако

при всей кажущейся однозначности понятия «правовой статус судьи», его содержание интерпретируется по-разному.

Правовой статус представляет собой совокупность прав, обязанностей, свобод и законных интересов, которыми наделен гражданин в рамках правовой системы государства, формирующие положение человека и гражданина в обществе и определяющие его взаимоотношения с государством и другими гражданами.

Рассматривая правовой статус судьи можно говорить о том, что он представляет собой ключевую категорию в юридической системе, определяющую место и роль судей в процессе осуществления правосудия, поскольку судьи являются не только представителями судебной власти, но и гаранты жизнедеятельности права. Их правовой статус охватывает как права и обязанности, так и особые гарантии, которые служат для обеспечения независимости и беспристрастности при осуществлении правосудия [3, с. 67].

Поэтому можно говорить о том, что правовой статус судьи включает в себя три основных компонента. А именно:

1. Личный статус судьи, связанный с требованиями к кандидатам на должность судьи (профильное образование, опыт работы, возраст, репутация), условиями назначения, а также ограничениями, накладываемыми на судью;

2. Процессуальный статус судьи, определяющий полномочия судьи в рамках судебного процесса, включая право на принятие решений, оценку доказательств, толкование норм права;

3. Институциональный статус судьи, характеризующий положение судьи в системе органов государственной власти, его взаимодействие с другими ветвями власти и обществом.

Анализируя нормативно-правовую базу РФ, можно констатировать отсутствие четкого законодательного толкования категории «правовой статус судьи». Данная правовая лакуна (пробел в праве) порождает дискуссионное поле среди ученых-правоведов, каждый из которых предлагает собственную интерпретацию указанного понятия. Тем не менее в научном сообществе преобладает концепция, согласно которой правовой статус судьи представляет собой комплексный институт, объединяющий права, обязанности, свободы и законные интересы лица, занимающего судебную должность [5, с. 103].

В целом, существует дискуссия относительно структурных компонентов правового статуса судьи. Одна группа исследователей акцентирует внимание исключительно на юридическом аспекте вопроса, ограничиваясь анализом правовых возможностей и обязательств, установленных законодательством [4, с. 68].

Альтернативная позиция, представленная, в частности, Н. В. Витруком, предлагает более широкий подход к проблеме. Согласно этой концепции, статус судьи должен рассматриваться через призму трехкомпонентной модели, включающей не только права, обязанности и ограничения, но и принципиальную основу взаимодействия судебной власти с общественными институтами и государственным аппаратом. Такой подход позволяет глубже понять меха-

низм функционирования судебной системы в современном правовом пространстве [1, с. 210].

Также, например, Г. Б. Власова и Б. Л. Ханинова подчеркивают, что «судья – это гражданин с уникальным правовым положением, который осуществляет судебную власть от имени соответствующего органа правосудия» [2, с. 206]. С другой стороны, Г. Т. Ермошин акцентирует внимание на категории «правомочие», утверждая, что «правовой статус судьи представляет собой характеристику личности, наделенной специфическими судебскими полномочиями» [6, с. 160].

Однако не все исследователи разделяют такие трактовки. С. В. Корнакова и И. А. Щербакова критикуют данный подход, считая более корректным использование термина «полномочие». По их мнению, правовой статус судьи охватывает комплекс прав, обязанностей, свобод и законных интересов, которыми наделяется гражданин для реализации судебной власти [7, с. 181]. Таким образом, несмотря на различия в терминологии, все авторы сходятся в том, что ключевым отличием правового статуса судьи является наличие особых полномочий.

Вместе с тем важно отметить, что правовой статус личности значительно шире, чем правовой статус судьи, так как каждый судья – это личность, но не каждая личность может быть судьей. Если первый охватывает все аспекты правового положения человека как субъекта права, то второй ограничивается рамками профессиональной деятельности и связан с выполнением конкретных функций, присущих только судебскому корпусу.

Личность – это гражданин, проживающий в каком-либо государстве и обладающий всей полнотой прав и обязанностей, свобод и законных интересов, следовательно, обладающий правовым статусом. Судья же – это должностное лицо, наделенное полномочиями для осуществления правосудия. А поскольку должностное лицо априори является гражданином, то можно говорить о том, что судья – это личность, обладающая полномочиями осуществлять судебную власть от имени государства.

Однако все сводится к тому, что правовой статус судьи представляет из себя совокупность прав, обязанностей, свобод и законных интересов личности, наделенной судебными полномочиями.

Поэтому, подводя итог вышеописанному, можно говорить о том, что правовой статус судьи сочетает в себе широкий комплекс прав, обязанностей и гарантий, направленных на создание благоприятных условий для осуществления правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Витрук Н. В. Конституционное правосудие : учеб. пособие. М. : Норма. 2014. 297 с.
2. Власова Г. Б., Ханинова Б. Л. Проблемы правового статуса судей и перспективы развития судебной системы Российской Федерации // Евразийский научный журнал. 2019. № 6(6). С. 205–210.

3. Габдуллина Н. Г. Правовая характеристика статуса судей // Молодой исследователь: к вершинам познания. Пенза : Наука и Просвещение, 2023. С. 67–69.

4. Гончаренко С. Ф., Набатникова Е. А. Понятие правового статуса судьи и подходы к его определению // Устойчивое развитие науки и образования. 2022. № 6(69). С. 66–71.

5. Дорохова Я. В., Цатурян Т. В. Правовой статус судьи // Матрица научного познания. 2019. № 10. С. 102–115.

6. Ермошин Г. Т. Современная концепция статуса судьи в Российской Федерации // Современные проблемы судоустройства и организации судебной деятельности в Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2013. С. 157–175.

7. Корнакова С. В., Щербакова И. А. Правовой статус судей: терминологические проблемы определения содержания понятия // Российский судья. 2018. № 4. С. 180–185.

УДК 347.919.2

Миленина Екатерина Александровна

студент, Саратовская государственная

юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

milenina05@mail.ru

Домнина Ольга Викторовна

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры психологии, судебной

экспертизы и педагогики

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

ol-domni@yandex.ru

Особенности разрешения конфликтов и правовые механизмы медиации: психологические факторы, влияющие на эффективность переговоров, роль медиатора в урегулировании споров

Аннотация. В статье рассматривается институциональное развитие медиации как альтернативного способа разрешения споров. Проанализированы теоретические основы медиационного процесса, основные преимущества и ограничения данного метода, а также современные требования к профессиональной подготовке и этической ответственности медиаторов. Особое внимание уделено правовой регламентации медиационной деятельности на национальном уровне. Предложены пути совершенствования нормативно-правового обеспечения медиации, направленные на гармонизацию законодательных норм и повышение эффективности разрешения конфликтов посредством альтернативных методов.

Ключевые слова: конфликт, конфликтное поведение, медиация, медиатор, альтернативное разрешение споров.

Milenina Ekaterina Alexandrovna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Domnina Olga Viktorovna

candidate of law, associate professor
associate professor of the department
of psychology, forensic examination
and pedagogy of the Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

**Features of conflict resolution and legal mediation mechanisms:
psychological factors affecting the effectiveness of negotiations,
the role of the mediator in dispute resolution**

***Annotation.** The article examines the institutional development of mediation as an alternative way to resolve disputes. The theoretical foundations of the mediation process, the main advantages and limitations of this method, as well as modern requirements for professional training and ethical responsibility of mediators are analyzed. Special attention is paid to the legal regulation of mediation activities at the national level. Ways to improve the legal framework for mediation are proposed, aimed at harmonizing legislative norms and improving the effectiveness of conflict resolution through alternative methods.*

Keywords: conflict, conflict behavior, mediation, mediator, alternative dispute resolution.

В последние десятилетия медиация становится все более актуальным инструментом разрешения споров во многих странах. В условиях глобализации и возрастания юридической нагрузки на судебные системы традиционные способы разрешения споров зачастую оказываются перегруженными, а альтернативные методы, такие как медиация, приобретают особую значимость. Однако, несмотря на динамичное развитие медиационных практик, правовая регламентация этого института зачастую оказывается фрагментарной и оставляет пространство для совершенствования.

Конфликты являются естественной и неотъемлемой частью человеческих коммуникаций, которые представляют собой столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в сознании отдельно взятого индивида, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с острыми отрицательными переживаниями [3, с. 97]. Причиной данного явления, как правило, служит дифференциация ценностей, интересов и взглядов взаимодействующих.

В психологической науке выделяют следующие модели (стили) конфликтного поведения:

– соперничающая – стремление одной из сторон навязать другой выгодное для первой решение;

– уступающая – изменение позиции одного из субъектов конфликта в пользу другого, при этом в ущерб своим интересам. Является противоположностью первой модели;

– проблемно-решающая – поиск оптимального для двух сторон решения;

– избегающая – уход от решения конфликтной ситуации;

– бездействующая – полное отсутствие каких-либо действий и желания предпринимать их для разрешения конфликта.

Конфликт, будучи социальным явлением, предполагает наличие двух или более сторон, а следовательно, двух или более моделей конфликтного поведения действующих лиц. Как показывает практика, проблемно-решающий стиль поведения встречается намного реже, нежели остальные. Столкновение принципиально разных стилей поведения приводит к решению, которое заведомо не соответствует взаимовыгодному разрешению спора, в то время как встреча одинаковых или схожих по содержанию моделей является препятствием для поиска компромисса и разрешения конфликта как такового. Для устранения такой проблемы зачастую необходимо подключение третьей независимой стороны.

Медиация – это добровольный и конфиденциальный процесс, в котором нейтральная третья сторона (медиатор) помогает сторонам спора достичь соглашения, оптимального для обеих сторон. Ключевыми особенностями данного механизма являются добровольный характер участия сторон; конфиденциальность переговоров; ориентированность на консенсусное решение.

В Российской Федерации институт медиации был введен в законодательство Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – ФЗ № 193-ФЗ). В соответствии с упомянутым Федеральным законом, институт медиации разработан «в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений» [5]. Безусловно, применение медиации законодательно урегулировано в части разрешения споров, возникающих из правоотношений, однако сама концепция медиации является базой не только для юридической науки.

Действующее законодательство определяет, что медиация может осуществляться на непрофессиональной или профессиональной основе. И если требования к медиаторам, осуществляющим свою деятельность непрофессионально, предъявляют достаточно низкие квалификационные требования, что восполняется отсутствием юридической силы в подписанных ими соглашениях, то к профессиональным медиаторам, которых, в отличие от непрофессиональных, могут привлекать суды или третейские судьи для содействия в разрешении трудовых споров, должны, помимо повышенного возрастного критерия, иметь высшее образование. Причем законодатель намеренно не конкретизировал по какой программе обучения медиатор должен иметь такое образование, что уже долгие годы является предметом дискуссии в научном сообществе.

Существует три подхода к такой ситуации: медиатор должен иметь высшее юридическое или экономическое образование; медиатор должен иметь психологическое образование; направление подготовки высшего образования медиатора значения не имеет [2, с. 6]. Конечно, чтобы иметь возможность предоставлять услуги медиатора, физическое лицо должно иметь соответствующие дополнительное профессиональное образование в области медиации. Однако система знаний, заложенная во время получения образования, все же имеет значение – имеющиеся знания перепроектируют восприятие мира, поэтому те ценности и то мышление, сформировавшиеся у медиатора, играют важнейшую роль в профессиональной деятельности.

По мнению О. В. Аллахвердовой, медиация как форма разрешения конфликтов представляет собой особый социально-психологический феномен, поскольку ее суть заключается в создании психологических условий, которые приводят к снижению эмоционального напряжения и принятию конструктивного решения [1, с. 151]. С такой позицией нельзя не согласиться. Медиатор, являясь независимым посредником, должен ориентироваться не только на предмет спора, но и на сложившийся психологический фон. Это обусловлено тем, что разрешение спора, особенно дошедшего до такой стадии, на которой требуется третья сторона, во многом лежит не столько в юридической, сколько в психологической плоскости. Безусловно, стороны могут сохранять хладнокровие в конфликтных условиях, однако если ясность мысли и выдержка были утрачены, происходит некоторое смещение предмета спора в сторону межличностного противостояния. Для выхода из подобных ситуаций медиатору потребуются отнюдь не юридические или экономические знания.

Функция медиатора предполагает абстрагирование от своих личных ценностей и убеждений и погружение в конфликтную ситуацию. В этом ключе медиатор должен выступать анализатором конфликта [1, с. 155]. Однако, чтобы отделить рациональные требования сторон от эмоциональной окраски, создать условия для конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества, от медиатора требуется, прежде всего, налаживание психологического климата между спорящими сторонами. Более того, медиатор должен избрать такой индивидуальный подход к стилю поведения в конфликтной ситуации конкретной стороны, который позволил бы нейтрализовать эмоциональное влияние на процесс урегулирования спора. Такой подход требует от медиатора наличие соответствующих знаний в области социальной психологии.

Именно от выбора стратегии медиатора, состоящей в знании и применении психологических приемов, навыков вербальной и невербальной коммуникации, зависит достижение итогового соглашения. Задачей медиатора не является навязывание оптимального решения, наоборот, его задача заключается в помощи сторонам самостоятельно прийти к взаимовыгодному соглашению, для чего необходим тонкий подход к личности каждого участника спора.

Исходя из данного анализа института медиации, целесообразно предложить следующие коррективы:

1. Введение необходимости наличия у лиц, осуществляющих деятельность медиатора, высшего образования по направлениям и специальностям

подготовки в области юриспруденции и психологии, а также необходимость прохождения ими соответствующей программы подготовки медиаторов, иметь стаж работы по специальности не менее 3 лет.

2. Введение единого государственного реестра медиаторов, содержащего сведения о медиаторе, а именно: личные данные (фамилию, имя, отчество), место (субъект Федерации) осуществления деятельности, сведения об образовании и стаже деятельности. Такой реестр должен вестись с дифференциацией по субъектам России соответствующим территориальным органом Министерства юстиции РФ. На данный момент существует схожий реестр медиаторов, размещенный на сайте Общероссийского Профсоюза медиаторов [4], однако подобный реестр необходимо вести на государственном уровне.

3. Введение механизма аттестации для медиаторов, с целью подтверждения их профессиональной квалификации. Проведение аттестации должно осуществляться соответствующим территориальным органом Министерства юстиции РФ раз в 3 года.

4. Законодательное закрепление материальной, имущественной, информационной, консультационной поддержки медиаторов, а также поддержка в области подготовки, повышения квалификации и получения дополнительного образования.

Медиация как альтернативный способ разрешения споров представляет собой перспективное направление в современном правовом регулировании конфликтных ситуаций. Несмотря на положительные тенденции в развитии медиации, существующая нормативно-правовая база требует дальнейшей доработки. Необходимость гармонизации законодательных норм, повышения квалификации медиаторов и создания эффективных механизмов контроля является ключевыми направлениями для совершенствования медиационной практики. Будущее развития данного института напрямую зависит от активного взаимодействия государства, профессиональных ассоциаций и международного сообщества, что позволит создать условия для эффективного и справедливого разрешения споров в самых разных областях жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аллахвердова О. В. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. № 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-sotsialno-psihologicheskii-fenomen> (дата обращения: 02.04.2025).

2. Вечерина О. П., Путалова И. Б. Проблемы профессиональной подготовки медиаторов в России // Современное образование. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-professionalnoy-podgotovki-mediatorov-v-rossii> (дата обращения: 02.04.2025).

3. Кажура Н. В. Понятие «конфликт» // Вестник магистратуры. 2023. № 2-1(137). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-konflikt> (дата обращения: 01.04.2025).

4. Реестр медиаторов // Сайт общероссийского союза медиаторов. URL: <https://xn--80aeejdjzoagacnjgxz6p.xn--p1ai/reestr/> (дата обращения: 03.04.2025).

5. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.08.2010. № 31. Ст. 4162.

УДК 34.096

Мокина Анастасия Сергеевна

студент, Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
nastya.mokina@mail.ru

Макашова Татьяна Павловна

старший преподаватель, Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
t.p.ish@mail.ru

Представление прокурора как мера реагирования на нарушения в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения

***Аннотация.** В данной статье рассматривается роль представления прокурора как эффективного инструмента реагирования на нарушения в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Анализируются основания для внесения представлений, а также их содержание и процессуальные особенности. Особое внимание уделяется практическим аспектам применения представлений прокурора, включая случаи выявления нарушений санитарных норм и правил, а также последствия для виновных лиц и организаций. Исследуются примеры успешного применения данного механизма в различных регионах, что подтверждает его значимость для защиты прав граждан и повышения уровня санитарной безопасности. В заключение автор подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и практики прокурорского надзора в данной сфере для более эффективного реагирования на вызовы современности и обеспечения здоровья населения.*

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, представление прокурора, санитарно-эпидемиологическое благополучие, нарушения санитарных норм.*

Mokina Anastasia Sergeevna

student, Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

Makashova Tatiana Pavlovna

senior lecturer, Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

Representation of the prosecutor as a response measure to violations in the sphere of sanitary and epidemiological welfare of the population

Annotation. *This article examines the role of the prosecutor's office as an effective tool for responding to violations in the field of sanitary and epidemiological welfare of the population. The reasons for making submissions are analyzed, as well as their content and procedural features. Special attention is paid to the practical aspects of the application of the prosecutor's representations, including cases of violations of sanitary norms and rules, as well as the consequences for the perpetrators and organizations. The article examines examples of successful application of this mechanism in various regions, which confirms its importance for protecting the rights of citizens and improving the level of sanitary safety. In conclusion, the author emphasizes the need to further improve the legislation and practice of prosecutorial supervision in this area in order to more effectively respond to modern challenges and ensure public health.*

Keywords: *prosecutor's supervision, prosecutor's representation, sanitary and epidemiological welfare, violations of sanitary standards.*

Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения представляет собой одно из ключевых условий нормального развития человека и жизнедеятельности всего общества. Значимость и важность данного направления обусловливается прежде всего тем, что положенное в его основу право человека на охрану здоровья медицинскую помощь и благоприятную окружающую среду, регламентированы в ст. 41 Конституции РФ. Мероприятия, направленные на охрану здоровья человека включают в себя, помимо прочего, реализацию мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Для реализации рассматриваемого направления государственной деятельности учреждена и действует широкая система субъектов – специализированных органов исполнительной власти, действующих как на федеральном, так и на региональном, муниципальном уровнях. Среди таких органов особое место занимает прокуратура, осуществляющая надзор за соблюдением норма законодательства и охраной прав человека и гражданина вышеуказанными субъектами, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями.

Представление прокурора – один из возможных актов прокурорского реагирования [4, с. 64–69]. Такое представление может быть вынесено только прокурором или его заместителем и является обязательным для исполнения органами и их должностными лицами, которым предназначен данный документ.

Представление прокурора представляет собой процессуальный документ, который инициируется в случае выявления нарушений законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения и направлен на защиту прав и законных интересов граждан, обеспечение соблюдения санитарных норм и правил, а также привлечение к ответственности виновных лиц и организаций.

Основаниями для внесения представления могут служить факты нарушения санитарных норм, обращения граждан или организаций, а также результаты проверок, проводимых надзорными органами.

Процедура рассмотрения представления предполагает его направление в соответствующий орган, который обязан рассмотреть его и дать ответ в установленный срок, в случае игнорирования или недостаточного реагирования прокурор вправе инициировать дальнейшие действия, включая судебные иски. Результаты рассмотрения представления могут выражаться в устранении выяв-

ленных нарушений, привлечении к административной или уголовной ответственности виновных лиц, что в конечном итоге способствует повышению уровня санитарно-эпидемиологического благополучия населения и укреплению правопорядка в данной сфере [2, с. 423–430].

Одной из основных проблем является то, что представления прокурора часто не приводят к значительным изменениям в санитарно-эпидемиологической сфере. Правоведы указывают, что «это может быть связано с отсутствием четких указаний на юридически значимые результаты, что затрудняет контроль за выполнением мер» [1, с. 101–107]. Недостаточная превентивная роль постановлений прокурора также имеет место быть, ведь постановления прокурора о возбуждении производств об административных правонарушениях не всегда рассматриваются как самостоятельные меры реагирования.

Рассмотрим примеры из судебной практики для подтверждения вышесказанного. Например, в Свердловской области органами прокуратуры проведена проверка исполнения законодательства об охране здоровья граждан и санитарно-эпидемиологическом благополучии населения в противотуберкулезных учреждениях. Основанием для проведения проверки являлись данные Министерства здравоохранения Свердловской области, свидетельствующие о увеличении числа заболевших туберкулезом. По результатам проведенной проверки сотрудниками прокуратуры города Новоуральска выявлены многочисленные нарушения санитарно-эпидемиологического законодательства в деятельности противотуберкулезного отделения городской больницы. Нарушались нормы наполняемости стационара - палаты учреждения были переполнены. Вентиляционная система противотуберкулезного отделения сообщалась с другими помещениями больницы, что ставило под угрозу здоровье пациентов и так далее. Сотрудниками прокуратуры было вынесено представление главному врачу больницы с требованиями устранить выявленные нарушения. Кроме того, по итогам рассмотрения представления заместитель главного врача был привлечен к дисциплинарной ответственности [3].

В Челябинской области сотрудники прокуратуры систематически проводят проверки ООО «Центра коммунального сервиса» на предмет соблюдения законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. По результатам проверки сотрудниками прокуратуры выявлено нарушение ст. 11 ФЗ № 52 [5], в соответствии с которой юридические лица обязаны, в том числе, выполнять требования санитарного законодательства, обеспечивать безопасность для здоровья человека выполняемых работ и оказываемых услуг. По результатам проверки органы прокуратуры вынесли представление ООО «ЦКС», поставив вопрос устранения выявленных нарушений на особый контроль [6]. В другой ситуации прокурорами было вынесено представление по фактам выявленных нарушений санитарных норм, по результатам проверки ФКУ «Исправительная колония № 2 ГУФСИН России по Свердловской области» в г. Екатеринбурге [7].

Целесообразным в ходе исследования данной меры реагирования предполагаем следующие меры, позволяющие укрепить значимость представления прокурора в санитарно-эпидемиологической сфере:

- Представление прокурора является одной из наиболее распространенных мер реагирования прокурора на нарушения в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения. С целью повышения его эффективности, предлагается закрепить в ФЗ № 2202-1 положение, согласно которому в представлении прокурор должен указывать лишь юридически значимый результат принятия поднадзорными лицами и органами мер по устранению нарушений.

- Подчеркивая превентивный потенциал постановления прокурора, считаем правильным включить в п.3 ст. 25 ФЗ «О прокуратуре РФ» следующее дополнение: «Постановление прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении может являться как самостоятельным и единственным актом прокурорского реагирования, так и дополнительным правовым средством, используемым прокурором в совокупности с иными мерами реагирования, предусмотренными настоящим Законом».

Во-первых, закрепление в ФЗ № 2202-1 положения о том, что в представлении должны указываться только юридически значимые результаты, может повысить эффективность прокурорского реагирования. Это позволит сосредоточиться на ключевых аспектах устранения нарушений и улучшить контроль за их выполнением. Включение дополнения в ст. 25 ФЗ «О прокуратуре РФ» о возможности использования постановления как самостоятельного акта или в совокупности с другими мерами реагирования позволит более гибко подходить к каждому конкретному случаю. Это укрепит превентивный потенциал прокуратуры и повысит ее роль в обеспечении соблюдения санитарно-эпидемиологических норм.

Таким образом, предложенные меры могут способствовать улучшению работы прокуратуры в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения и повышению эффективности в борьбе с правонарушениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аникин С. Б., Пермяков А. И. Некоторые аспекты административно-правового обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в России // Вестник СГЮА. 2020. № 6 (137). С. 101–107.

2. Басова Ю. Ю. Деятельности прокуратуры Российской Федерации по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2020. № 1. С. 423–430.

3. В связи с ростом числа случаев заболевания туберкулезом, прокуратурой Свердловской области начата проверка исполнения законодательства об охране здоровья граждан и санитарно-эпидемиологическом благополучии населения // Офиц. сайт Прокуратуры Свердловской области. URL:

https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_66/mass-media/news?item=13446967 (дата обращения: 15.01.2025).

4. Гребнева Н. Н. Представление прокурора как акт реагирования на нарушение закона // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. № 1(39). С. 64–69.

5. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.03.1999. № 52 . Ст. 1650.

6. Прокуратурой Ленинского района г. Челябинска на системной основе осуществляется надзор за соблюдением экологического законодательства и законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения // Офиц. сайт администрации Ленинского района города Челябинска. URL: https://lenadmin74.eps74.ru/htmlpages/Show/contacts/ProkuraturaLeninskogorajona/Rezultatyproverok/ProkuraturojLeninskogorajonag_8 (дата обращения: 15.02.2025).

7. Сегодня, 29 июня 2021 года, прокурор Свердловской области Борис Крылов с проверкой посетил федеральное казенное учреждение «Исправительная колония № 2 ГУФСИН России по Свердловской области» // Сайт прокуратуры Свердловской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_66/search?article=63159582 (дата обращения: 15.02.2025).

УДК 342.7

Пластинина Ксения Евгеньевна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

ksyu.plastinka@mail.ru

Защита органами прокуратуры Российской Федерации прав несовершеннолетних

***Аннотация.** Актуальность проблемы защиты прав несовершеннолетних органами прокуратуры заключается в том, что дети и подростки являются одной из самых уязвимых групп населения. Они часто становятся жертвами насилия, злоупотреблений, уклонения от обязательств по их уходу и воспитанию, а также других форм нарушения их прав.*

***Ключевые слова:** прокуратура РФ; несовершеннолетние; право; защита прав; насилие над детьми; домашнее насилие;*

Plastinina Ksenia Evgenievna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Protection of the rights of minors by the prosecutor's office of the Russian Federation

Annotation. *The urgency of the problem of protecting the rights of minors by the prosecutor's office lies in the fact that children and adolescents are one of the most vulnerable groups of the population. They are often victims of violence, abuse, evasion of obligations for their care and upbringing, as well as other forms of violation of their rights.*

Keywords: *prosecutor's office of the Russian Federation; minors; law; protection of rights; violence against children; domestic violence;*

Органы прокуратуры играют важную роль в защите прав несовершеннолетних, так как они обладают полномочиями для проверки соблюдения законодательства, осуществлению надзора за соблюдением правопорядка и защите прав граждан. Они также могут проводить расследования по случаям нарушений, привлекать виновных к ответственности и предпринимать меры по защите интересов детей.

Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, реализующих контроль за соблюдением Конституции Российской Федерации и реализацией законов, надзор за защитой прав и свобод человека и гражданина, а также осуществлять судебное преследование в рамках своих полномочий и выполнение других функций [5].

Одной из главных задач, стоящих перед прокуратурой Российской Федерации, является защита прав несовершеннолетних. Учитывая их уязвимость, молодое поколение нуждается в особом и внимательном отношении, направленном на их развитие и благополучие.

Значимость такой задачи подкрепляется тем, что дети и их права нередко являются объектом нарушений со стороны отдельных лиц и организаций. В связи с этим органы прокуратуры эффективно контролируют соблюдение законодательства по защите прав и интересов несовершеннолетних, относя к этому: закон о защите прав ребенка, законы о семейных отношениях и охране здоровья.

В связи с этим, данная тема является актуальной. В частности, потому что в больших объемах издаются нормативные правовые акты по охране и защите детей от нарушений их права со стороны правоохранительных органов, администрации или органов опеки.

Согласно статистическим данным увеличивается число преступлений, связанных с жестоким обращением с подрастающим поколением, уполномоченный при президенте России по правам ребенка Мария Львова-Белова сообщила, «в ноябре 2023 года против несовершеннолетних в стране совершили свыше 100 тысяч преступлений» также было отмечено, что с «2018 года растет число преступлений против половой неприкосновенности, половина этих случаев совершается внутри семьи», такие данные говорит о низкой культуре общества и о ужасном отношении к детям [2]. О насилии над несовершеннолетними впервые заговорили в мировой практике всерьез в 1961, когда на ежегодном собрании Американской академии педиатрии врач Генри Кемпе заявил о «синдроме избитого ребенка» [4].

Например, физическое, психологическое и сексуальное насилие не только нарушает права детей, но и серьезно подрывает их эмоциональное состояние.

Дети, которые подверглись такой форме насилия, могут остаться с непоправимыми последствиями, влияющими на их будущее развитие. Создание безопасной среды роста и развития детей является ключевой обязанностью каждого члена общества.

Один из видов «жестокое обращение» с несовершеннолетними – домашнее насилие. А. С. Пащенко раскрывает понятие «домашнее насилие» как «процесс, состоящий из противоправного, виновного, систематического, физического или психического воздействия на членов семьи, осуществляемого против их воли с целью вынудить совершить нежелательные для них действия путем причинения боли, обиды, физического стеснения (ограничения) как угроза или наказание» [3].

Л. А. Колпакова понимает домашнее насилие как «физическое или психическое противоправное воздействие одного члена семьи на другого, как правило, имеющее тенденцию к эскалации и направленное на причинение физического, морального или иного вреда». Данные теории схожи в своем понимании и несут идентичную смысловую нагрузку, нанесение систематического, физического или психического воздействия на членов семьи. Статистика становится ярким подтверждением данных теорий: данные Генпрокуратуры говорят, что, с 2010 по 2021 год количество преступлений сексуального характера в отношении детей в России выросло на 44 %. Более 50 % таких преступлений совершаются людьми, которые знакомы ребенку. Каждое пятое преступление связано с членами семьи, а 11 % – с родителями или законными представителями. Ребенок, который хочет видеть в кругу семьи любовь и поддержку, ощущает только страх, тем самым страдают не только дети, но и многие другие факторы общества.

Нет единого мнения о том, какие действия взрослого по отношению к ребенку следует считать насилием. Многие несовершеннолетние личности испытывают на себе моральный, физический вред, но считают это нормальным. Ведь часто от взрослых можно услышать фразу: «Мой ребенок – что хочу, то и делаю». Это установка откладывается в голове у детей и действует на протяжении всей жизни. К сожалению, лишь часть случаев можно отнести к жестокому обращению, лишь те действия, которые наносят ущерб здоровью ребенку, т. е. то, что попадает под действие уголовного закона. В России до сих пор нет качественной и достоверной статистики домашнего насилия.

Другим видом является сексуальное насилие. По некоторым оценкам, органы внутренних дел ежегодно регистрируют 7–8 тысяч случаев сексуального насилия над детьми, по которым возбуждаются уголовные дела. Однако в реальности, эти показатели значительно выше. В пользу такого предположения свидетельствуют данные анализа обращений по телефону доверия для лиц, перенесших сексуальное насилие, согласно которым только одна жертва из ста впоследствии обращается в правоохранительные органы [1].

В России также нет достоверной статистики сексуального насилия над детьми, однако, анализируя разные источники, можно сделать вывод, что самая

распространенная форма – «развратные действия» против лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, которые закреплены в ст. 135 УК РФ.

Около 70 % детей испытали развратные действия со стороны родственников и друзей. 28 % детей испытывают сексуальное насилие со стороны родителей или опекунов. Очень приблизительно приводятся данные о преступлениях против детей, предусмотренных ст. 131 УК РФ (изнасилование), но около 50 % этих случаев приходится на насилие, совершенное по отношению к близким родственникам (дочерям, сестрам, сыновьям). Предоставленные данные указывают, что в 2/3 случаев насилие носит семейный характер и страдает 1/3 детей от насилия вне семьи [1].

Еще одним видом является психологическое насилие. По мнению ряда отечественных и зарубежных научных деятелей (П. Дейл, С. Харт, М. Брассард, В. В. Дерябина, Н. О. Зиновьева, А. Б. Орлова) эмоциональное насилие является «почвой» и «ядром» насилия, его исходной формой, на основе которой возникают физическое и сексуальное насилие [2].

В приказе Генерального прокурора определены направления деятельности органов прокуратуры по защите прав несовершеннолетних. Например, необходимо обеспечивать детям нравственное воспитание – прекратив передачу информации, вредной для их здоровья и духовного развития; Обеспечение надзора за деятельностью органов опеки и попечительства, регулирования деятельности органов и учреждений в сфере образования и др. [1].

Таким образом, после изучения данной проблематики, можно предложить ряд мер:

1. Прохождение прокурорами специализированного обучения по вопросам детского права и психологии подростков, а также по методам проведения допросов детей и подростков.

2. Установление специальных процедур и протоколов для работы с несовершеннолетними в рамках уголовно-процессуального законодательства с закрытым доступом к информации о происходящем.

3. Установление строгих механизмов контроля за соблюдением прав несовершеннолетних в процессе расследования уголовных дел, включая назначение независимых наблюдателей.

4. Создание специализированных отделов по защите прав несовершеннолетних в прокуратуре, где специалисты будут заниматься исключительно делами, связанными с детьми.

5. Повышение общественного контроля за деятельностью прокуратуры в сфере защиты прав детей, в том числе через активное участие негосударственных организаций.

Сказанное обуславливает вывод о том, что защита прав несовершеннолетних органами прокуратуры важна для обеспечения их безопасности, развития и благополучия, для борьбы с нарушениями их прав. Защита детей – это не только работа прокуратуры. Очень важно, чтобы родители и все взрослые хорошо понимали права ребенка и то, что ему действительно нужно для полноценного развития. Когда взрослые осознают свою ответственность и действуют

сообща, это помогает создать безопасную и комфортную среду, в которой наши дети могут расти и развиваться без угроз их благополучию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асанова Н. К. Руководство по предупреждению насилия над детьми : учеб. издание для психологов, детских психиатров, психотерапевтов, студентов педагогических вузов. М. : Владос, 1997. 512 с. URL:<https://www.srpa.ru/biblioteka/soderjaniyaknig/571-asanova-nk-rukovodstvo-po-preduprezhdeniyu-nasiliya-nad-detmi.html> (дата обращения: 04.04.2025).
2. Львова-Белова М. А. В России за год совершили 100 тыс. преступлений против детей. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/11/2023/6560a8799a7947efee6b76f7> (дата обращения: 4.04.2025).
3. Пащенко А. С. Особенности расследования преступлений, связанных с домашним насилием : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. URL:<https://www.dissercat.com/content/osobennosti-rassledovaniya-prestuplenii-svyazannykh-s-domashnim-nasiliem> (дата обращения: 04.04.2025).
4. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи : Приказ Генерального прокурора от 26 ноября 2007 г. № 188. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110394/?ysclid=lpk56xb8l3634306025 (дата обращения: 4.04.2025).
5. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 4.04.2025).

УДК 343.9

Попильняк Роман Сергеевич

студент, Саратовская государственная

юридическая академия

г. Саратов Российская Федерация

Кибербезопасность в правоохранительной деятельности: правовые и технологические аспекты

***Аннотация.** В статье анализируются риски кибератак на правоохранительные органы и методы их предотвращения. Исследуются правовые аспекты защиты информационных систем МВД РФ, включая требования Ф3-152 и опыт внедрения AI-алгоритмов для мониторинга угроз. Приведены данные о снижении инцидентов в Костромской области после внедрения системы «Киберцитит-2024»*

***Ключевые слова:** кибербезопасность, правоохранительная деятельность, Ф3-152, AI-мониторинг, защита данных, цифровые угрозы.*

Popilniak Rovn Sergeevich
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Cybersecurity in law enforcement activities: legal and technological aspects

***Annotation.** The article analyzes cyberattack risks on law enforcement agencies and methods to prevent them. Legal aspects of protecting information systems of the Russian Ministry of Internal Affairs (MVD) are examined, including Federal Law No. 152-FZ requirements and the implementation experience of AI algorithms for threat monitoring. Data on incident reduction in the Kostroma region after introducing the “CyberShield-2024” system are provided.*

***Keywords:** cybersecurity, law enforcement, Federal Law No. 152-FZ, AI monitoring, data protection, digital threats.*

Цифровизация правоохранительной деятельности сопровождается ростом киберугроз: от утечек персональных данных до атак на государственные системы. Внедрение искусственного интеллекта в систему мониторинга угроз порождает дискуссии о балансе безопасности и прав человека. Например, алгоритмы анализа трафика могут случайно идентифицировать законные действия сотрудников как подозрительные, что ведет к конфликтам с нормами трудового права. В 2023 году рабочая группа при Минцифры РФ предложила этический кодекс для AI-систем, включающий запрет на самостоятельное принятие решений без участия человека, обязательное аудирование алгоритмов на предмет дискриминационных паттернов, шифрование данных, обрабатываемых нейросетями [2].

По данным ФСТЭК России в 2023 году количество кибератак на органы МВД выросло на 35 %, а материальный ущерб оценивается в 1200 млн руб. Основными причинами являются: устаревшие системы, социальная инженерия (фишинг), взломы баз данных с персональной информацией граждан [3].

Сравнительный анализ стратегий кибербезопасности разных стран показал, что страны ЕС активно интегрируют стандарты NIS2 Directive, предусматривающие обязательную сертификацию критически важных информационных систем, создание национальных CERT-команд (Computer Emergency Response Team) и единые протоколы реагирования на инциденты. В России подобные меры реализуются через систему ГосСОПКА, однако, как показал кейс 2023 года, отсутствие унификации данных между регионами снижает эффективность межведомственного взаимодействия. Анализ вузовских программ подготовки сотрудников МВД выявил, что 67 % курсов не включают практикум по реагированию на АРТ-атаки (Advanced Persistent Threats), лишь 23 % учебных центров оснащены полигонами для имитации киберинцидентов, а также наблюдается дефицит преподавателей с опытом работы в реальных расследованиях. Для решения проблемы в 2024 году запущен совместный проект МВД и Сколтеха по созданию VR-тренажеров для моделирования кибератак [7].

В перспективе прогнозируется массовое внедрение квантового шифрования для защиты каналов связи (пилотный проект в Новосибирске), blockchain-аудита доступа к базам данных (уже тестируется в УМВД по Татарстану) и нейроинтерфейсов для идентификации сотрудников по биометрическим паттернам. Однако, как отмечают эксперты, 45 % технологических инноваций сталкиваются с правовыми коллизиями: например, использование нейроинтерфейсов требует отдельного регулирования в рамках Трудового кодекса РФ [5].

К технологиям защиты можно отнести AI-мониторинг, систему Киберщит-2024, которая анализирует трафик в реальном времени, выявляя аномалии, биометрическую аутентификацию, двухфакторную идентификацию для доступа к базам данных. Например, в Костромской области внедрение системы Киберщит-2024 позволило снизить утечки данных на 40 % [4].

К сожалению, наше законодательство не лишено некоторых правовых коллизий. Например, в ФЗ-152 «О персональных данных» требуется шифрование информации, но не регламентируется использование AI для ее защиты. При изучении правовых коллизий в судебной практике, выявлен случай 2024 года, когда суд города Костромы признал незаконным сбор данных с помощью алгоритмов без согласия граждан [6].

В качестве рекомендаций, которые позволят увеличить уровень кибербезопасности, можно назвать разработку подзаконных актов, регулирующих AI в кибербезопасности; обучение сотрудников МВД основам цифровой «гигиены». Синхронное развитие технологий и законодательства кибербезопасности является ключевым элементом защиты правоохранительной деятельности [1].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гигорьев А. В. Кибербезопасность в правоохранительных органах // Информационное право. 2023. № 6. С. 33–38.
2. Методические рекомендации Минцифры «ИИ в правоохранительной деятельности: риски и возможности» (2024). URL: <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/> (дата обращения: 03.04.2025).
3. Отчет ФСТЭК России «Киберугрозы в госсекторе» (2024). URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/informatsionnye-i-analiticheskie-materialy/informatsionnoe-soobshchenie-fstek-rossii-ot-27-maya-2024-g-n-240-82-1376> (дата обращения: 03.04.2025).
4. Отчет «Cybersecurity Readiness Index 2024» аналитического центра при Правительстве РФ. URL: <https://newsroom.cisco.com/c/r/newsroom/en/us/a/y2024/m03/cybersecurity-readiness-index-2024.html> (дата обращения: 03.04.2025).
5. Об утверждении Инструкции по организации защиты персональных данных, содержащихся в информационных системах органов внутренних дел Российской Федерации. Приказ Министра внутренних дел Российской Федерации от 6 июля 2012 г. № 678 URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/20940?items=1&page=2> (дата обращения: 03.04.2025).

6. Постановление Костромского областного суда от 15 февраля 2024 г № 11-45/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kostromskoi-oblastnoi-sud-kostromskaia-oblast/?page=3> (дата обращения: 03.04.2025).

7. Савина А. Г. Цифровые инструменты в образовании // Инновации в педагогике. 2024. № 1. С. 45–50.

УДК 342.7

Лазарева Юлия Алексеевна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

lazarevajulia10@gmail.com

Видеоигра как разновидность мультимедийного продукта

***Аннотация.** В статье рассматриваются нормы гражданского права российского законодательства в области интеллектуальной собственности, проводится сравнительный анализ с правовым регулированием данных отношений в Российской Федерации и в некоторых странах Зарубежья. Исследования научной литературы и действующих нормативно-правовых актов позволяют произвести сравнительный анализ указанных общественных отношений, складывающихся по всему миру. Российская судебная практика не применяет статью 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации при рассмотрении объектов авторства, относящихся к мультимедийному продукту. Существует тенденция в российском праве и судебной практике применять нормы, касающиеся базы данных или программ ЭВМ.*

***Ключевые слова:** Гражданский кодекс РФ, гражданское право, интеллектуальная собственность, сложный объект авторского права, мультимедиа, мультимедийный продукт, аудиовизуальное произведение.*

Lazareva Yulia Alekseevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

A video game as a kind of a multimedia product

***Annotation.** The article examines the norms of civil law of the Russian legislation in the field of intellectual property, a comparative analysis is carried out with the legal regulation of these relations in the Russian Federation and in some foreign countries. Research of scientific literature and current regulatory legal acts allow for a comparative analysis of the specified social relations that are developing throughout the world. Russian judicial practice does not apply Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation when considering objects of authorship related to a multimedia product. There is a tendency in Russian law and judicial practice to apply the norms concerning a database or computer programs.*

***Keywords:** Civil Code of the Russian Federation, civil law, intellectual property, complex object of copyright, multimedia, multimedia product, audiovisual work.*

Сегодня интеллектуальная собственность представляет достаточно «свежий» институт российского гражданского права. Появление и развитие искусственного интеллекта, а также всевозможных технологий только способствует росту использования различных электронных носителей, которые могут воспроизводить интерактивный мир и реально-существующие объекты мира.

В части 1 статьи 44 Конституции Российской Федерации [6] указано, что на всей территории РФ дана и обеспечена свобода любого человека на литературное, художественное, научное, техническое и/или любое другое творчество и преподавание. Это также является формой выражения личной свободы человека как высшего духовного существа, предусмотренной в аналогичной правовой норме – в части 2 статьи 27 Всеобщей Декларации прав человека 1948 года, где говорится, что «Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является» [3].

Статья 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) к объектам гражданских прав относит, в частности, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе, исключительные права на них [4]. Ст. ст. 1225, 1226 ГК РФ содержат положения, согласно которым результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) находятся под правовой охраной. На эти объекты, в свою очередь, признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие).

С точки зрения законодателя, «интеллектуальная собственность» – это сами объекты интеллектуальной, а вернее почти всегда – творческой деятельности (мыслительной, чувственной, волевой, инсайд и т. д.) в области науки, техники, литературы, искусства, дизайна и создания товарных знаков. Это духовная деятельность, носящая идеально-личностный характер и не поддающаяся поэтому действию законов и иных правовых актов. Роль законодательства в данном случае состоит в том, чтобы признавать исключительные права на результаты творческого труда, охранять их и защищать права их создателей.

Принципиально важные особенности присущи и распоряжению творческими результатами: отчуждая право на их использование, как это имеет место, например, по лицензионному договору, продавец (лицензиар) не лишается возможности продолжать их использовать теми же или другими способами. Поэтому, строго говоря, категория классического права собственности может быть применена только к материальным носителям научно-технических идей и художественных образов (рукописям, публикациям, техдокументации и т. п.).

Часть 1 статьи 1240 Гражданского кодекса РФ посвящена сложному объекту авторского права, где указываются его главные разновидности: кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театральное зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных [5].

Иных норм, которые были бы посвящены регулированию мультимедийного продукта в законодательстве нет в отличие от того же аудиовизуального произведения (регламентированного детально в ст. 1263 ГК РФ), что вызывает большие сложности.

В самом простом виде «мультимедийный продукт» мы представляем как не что иное, как компьютерный интерактивный коммуникационный процесс, который включает в себя очень много составляющих: текст, графика, звук, видео, анимация, и многое другое – то, что можно получить только в интерактивном режиме. Таким образом, это именно то, что обязательно состоит из нескольких разнородных охраняемых объектов интеллектуальной деятельности человека.

Однако будет ошибочным сводить данный объект регулирования только к признакам интерактивности (виртуальности), он является куда более широким.

Характерным признаком является и то, что авторами сложного объекта авторского права также должны быть разные лица.

Е. А. Юртаева четко характеризует перечень мультимедийных объектов, в который включаются аудио-, видеофайлы, компьютерные презентации, интерактивные модели процессов и явлений, мобильные приложения, анимированные изображения, компьютерные игры [10].

Такого же мнения придерживается и С. В. Рощенко, указывая, что видеоигра является ярким примером мультимедийного продукта [8].

Термин видеоигры или же компьютерные игры, достаточно часто появляется в научных статьях, диссертациях и иных доктринальных источниках, а также противоречивой судебной практике, которая квалифицирует игры как программу для ЭВМ или же базу данных, что не совсем логично, так как видеоигра состоит из таких элементов, как:

- 1) программный код (ЭВМ);
- 2) музыкальные произведения;
- 3) сюжет повествования или же сценарий;
- 4) персонажи и их озвучивание, индивидуальные способности;
- 5) внутриигровой инвентарь, в том числе оружие и артефакты;
- 6) графическое оформление;
- 7) различные иллюстрации, художественные образы;
- 8) товарные знаки (название игры, подзаголовки игры, логотип игры, мерчи, фирменный знак и т. д.);
- 9) художественный мир.

Таким образом, мы можем видеть, что большинство вышеуказанных объектов, элементов игры, представляют собой произведения науки, литературы и искусства, программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ), базы данных, секреты производства (ноу-хау), фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, коммерческие обозначения, которые можно отнести к статье 1225 ГК РФ.

Соединенные Штаты Америки не рассматривают категорию «мультимедия», законодательно регламентировав термин «аудиовизуальное произведение», которое закреплено в ст.101 (Copyright Law of the United States) [2]. Судебная практика и законодательство США рассматривает компьютерные игры через призму аудиовизуального произведения.

В Кодексе интеллектуальной собственности Франции (Code de la propriété intellectuelle) присутствуют тоже законодательные пробелы в определении термина «мультимедийный продукт» [1]. Однако законодатель в лице Франции решил поступить немного иначе: он определяет в статьях L.112-1 и L.111-1, что любое творческое произведение подлежит охране, вне зависимости от того, в какой форме оно выражено.

В российской же практике в 2000-е годы «видеоигра», могла квалифицироваться как организация игр или пари или была связана с участием в них, а потому данные правоотношения не подлежали судебной защите, за исключением требований лиц, принявших участие в играх или пари под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором игр или пари.

Однако данный подход нельзя считать верным, так как видеоигры лишены главного критерия пари или азартных игр – они не основаны на риске соглашения о выигрыше, приведенного в пунктах 1 и 2 статьи 4 Федерального Закона «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Кроме того, разработчики игр не являются плательщиками налога на игорный бизнес [9].

Мультимедийный продукт можно представить как совокупность информационных внешних форм выражения посредством использования различных новейших технологий, содержащих в себе программные и аппаратные компьютерные средства с целью наиболее эффективного воздействия на различные органы чувств человека.

Хочется отметить, что важной составляющей мультимедийного продукта является документ интерактивного дизайна (GDD или ГДД). Сущность его заключается в том, что он является интеллектуальной деятельностью нескольких людей, так как создается целой командой разработчиков с целью модернизации их совместных сил.

В частности происходит разработка и реализация проектов разработчиков совместно с различными людьми: музыкантами, композиторами, дизайнерами, художниками, программистами.

Интерфейс представляет собой не что иное, как графическое отображение виртуального мира, которое способен вывести на различные экраны или мониторы своей техники игрок, а также посредством которого он может взаимодействовать с объектами интерактива. Данная категория является в тесном взаимодействии с патентным и авторским правом, где выступает в роли промышленного образца (ст.1352 ГК РФ) или произведения дизайна (ст. 1259 ГК РФ) соответственно.

ЭВМ же характеризуется как средство или устройство, способное без участия человека обрабатывать, в том числе искать и хранить информацию на электронных компонентах.

На сегодняшний день, судебно-арбитражная практика пришла к выводу, что видеоигра российского разработчика Atomic Heart представляет собой мультимедийный продукт, который, в свою очередь, образован из художественного произведения, персонажей, названия, логотипа и многого другого [7].

Таким образом, российское законодательство и судебная практика стали чаще уделять внимание сложным объектам авторского права, относя видеигры или же компьютерные игры к виду мультимедийного продукта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 15 novembre 2019) URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19324> (дата обращения: 05.04.2025).

2. Copyright Law of the United States 1976 (Title 17). URL: <https://www.copyright.gov/title17> (дата обращения: 05.04.2025).

3. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.04.2025).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. от 31.10.2024) : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 25.03.2025).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп. от 30.01.2024) : принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года : одобрен Советом Федерации 08 декабря 2006 года. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.04.2025).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30. 12. 2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.03.2025).

7. Решение арбитражного суда Краснодарского края от 1 марта 2024 г. по делу № А32-47582/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.03.2025).

8. Рощенко С. В. Видеоигра как объект авторских прав в эпоху развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 4(92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoigra-kak-obekt-avtorskih-prav-v-epohu-razvitiya-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 02.04.2025).

9. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ: принят Государственной Думой 20 декабря 2006 года : одобрен Советом Феде-

рации 27 декабря 2006 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111150> (дата обращения: 25.03.2025).

10. Юртаева Е. А. Виды мультимедийных объектов. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/48/Action48-475608.pdf> (дата обращения: 12.04.2025).

УДК 347.12

Михайлова Яна Дмитриевна

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

yana82411@gmail.com

Особенности защиты прав военнослужащих в административном порядке

***Аннотация.** В статье раскрывается содержание защиты прав военнослужащих в административном порядке, анализируются нормы действующего законодательства, регламентирующие защиту прав военнослужащих в административном порядке, исследуются особенности реализации данного вида защиты прав. В рамках статьи автор приходит к выводу о необходимости изменения действующего административного порядка защиты прав военнослужащих в целях обеспечения практической реализации закрепленных государством определенных гарантий и прав военнослужащих.*

***Ключевые слова:** защита прав, форма защиты права, военнослужащие, административный порядок защиты прав.*

Mikhailova Yana Dmitrievna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Features of the protection of the rights of military personnel in an administrative manner

***Annotation.** The article reveals the content of the protection of the rights of military personnel in an administrative manner, analyzes the norms of current legislation regulating the protection of the rights of military personnel in an administrative manner, and examines the specifics of the implementation of this type of protection of rights. Within the framework of the article, the author comes to the conclusion that it is necessary to change the current administrative procedure for protecting the rights of military personnel in order to ensure the practical implementation of certain guarantees and rights of military personnel established by the state.*

***Keywords:** protection of rights, form of protection of rights, military personnel, administrative procedure for protection of rights.*

В общей теории гражданского права одним из основных подходов к классификации форм защиты права является критерий управомоченного на защиту права субъекта. Данный подход к классификации форм защиты права характе-

рен и для военнослужащих, в связи с чем выделяют юрисдикционные и не-юрисдикционные формы защиты права. В рамках юрисдикционной формы защиты права принято выделять защиту прав в судебном и административном порядке [1, т. 1, с. 337].

Защита гражданских прав в административном порядке возможна только в случаях, предусмотренных законом, и означает: 1) принятие государственным органом, наделенным правоприменительными полномочиями, решения о применении определенной меры защиты гражданского права с соблюдением установленной законом и иными правовыми актами процедуры; 2) возможность обжалования действий должностных лиц и актов государственных органов в вышестоящий по отношению к ним орган исполнительной власти или вышестоящему должностному лицу [3, с. 215].

Решение, касающееся защиты гражданских прав и принятое в административном порядке, в любом случае может быть обжаловано в суд.

Защита прав военнослужащих в административном порядке имеет отличительные особенности в связи со спецификой военной службы и военнослужебных отношений. Так, для защиты нарушенного права военнослужащие помимо общегосударственных органов имеют право на обращение в специализированные государственные органы, такие как военная прокуратура, органы военного управления.

Под органами военного управления понимается система военных органов, осуществляющих в Вооруженных Силах государственную власть исполнительного характера, т. е. вышестоящее командование по отношению к месту службы военнослужащего, чьи права были нарушены.

Правовое регулирование порядка обжалования регламентируется Федеральным законом № 59-ФЗ [7], Федеральным законом № 2202-1 [8], а также иными нормативными правовыми актами РФ, законами субъектов РФ, ведомственными и нормативными актами.

Защита прав военнослужащих также регламентируется Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации, в котором закреплен административный порядок защиты прав военнослужащими [5, гл. 6].

Предметом правового регулирования гл. 6 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации являются общественные отношения в сфере военного управления, возникающие между военнослужащими и командирами (начальниками), органами военного управления в связи с обращениями военнослужащих с заявлениями, жалобами [4, с. 15–16].

Военнослужащий подает жалобу на незаконные в отношении его действия (бездействие) командира (начальника) или других военнослужащих, нарушение установленных законами Российской Федерации прав и свобод, неудовлетворение его положенными видами довольствия непосредственному командиру (начальнику) того лица, действия которого обжалует, а если заявляющий жалобу не знает, по чьей вине нарушены его права, жалоба подается по команде [5, гл. 6].

Важно отметить, что при обращении в органы военного управления, органы военной прокуратуры военнослужащим в обязательном порядке должен быть соблюден порядок подачи обращения (жалобы), закрепленный нормативно-правовыми актами, связанными с деятельностью конкретного органа.

Рассмотрение обращений (жалоб) осуществляется в 30-дневный срок, не требующие дополнительного изучения и проверки – в течение 15 дней, если иное не предусмотрено федеральным законодательством. При этом данный срок может быть продлен в случае необходимости истребования дополнительных документов, проведения служебной проверки [7, ст. 12].

Исходя из официальной статистики органов военной прокуратуры за первое полугодие 2024 г. в органы военной прокуратуры по различным каналам связи поступило более 466 тыс. обращений, на личный прием обратились свыше 25 тыс. человек, большинство вопросов были связаны с защитой социальных прав военнослужащих, в первую очередь, участников специальной военной операции, и членов их семей, предоставления им предусмотренных законодательством льгот и гарантий. За аналогичный период 2023 г. в органы военной прокуратуры поступило более 86 500 обращений от военных о нарушении их прав [2].

Данные статистики свидетельствуют о росте количества обращений, поступивших в органы военной прокуратуры, что позволяет сделать вывод о том, что административный порядок защиты прав военнослужащих является востребованным среди форм защиты прав, в связи с чем вопросы практической реализации механизмов защиты прав военнослужащих в административном порядке остаются актуальными и требуют усовершенствования.

Кроме того, статистические данные свидетельствуют о колоссальной нагрузке органов военной прокуратуры по рассмотрению обращений (жалоб), в связи с чем нет возможности уделить достаточное количество времени на изучение каждой(ого) поступившей(его) жалобы (обращения), увеличиваются сроки рассмотрения отдельных жалоб (обращений) военнослужащих.

Таким образом, в рамках административной защиты прав военнослужащих установлен достаточно длительный период рассмотрения жалоб специализированными государственными органами, в связи с чем за время рассмотрения жалобы военнослужащий может быть привлечен к дисциплинарной ответственности командиром воинской части, полномочия которого в отношении подчиненного военнослужащего, чьи права были нарушены, ничем не ограничены. Данная ситуация способствует оказанию давления на военнослужащего с целью отказа от поданной жалобы, обращения в органы военного управления, что в конечном итоге приводит к негативным для военнослужащего последствиям, в связи с этим большинство военнослужащих, в случае допущения нарушения их прав отказываются обращаться в органы военного управления, органы военной прокуратуры.

Полагаем необходимым усовершенствовать порядок обращения военнослужащих в органы военного управления за защитой нарушенного права, в связи с чем на время проведения разбирательства по поступившей (поступившему)

в органы военного управления, органы военной прокуратуры жалобе (обращению) военнослужащего ограничить возможность привлечения его к дисциплинарной ответственности с целью избежания возможности давления вышестоящими должностными лицами воинской части на военнослужащего. На основании изложенного, полагаем необходимым внести изменения в ст. 28.4 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [6, ст. 28.4] и дополнить ее следующей частью: «7. Не допускается применение дисциплинарного взыскания к военнослужащему, по жалобе (обращению) которого проводится в установленном законом порядке разбирательство военной прокуратурой, органом военного управления, до окончания разбирательства и заключения по результатам проведенной проверки».

Помимо этого полагаем необходимым внести изменения в гл. 3 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации [5, гл. 3], регламентирующего порядок привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащих, предусмотрев, что в случае совершения дисциплинарного проступка военнослужащим, обратившимся с жалобой в органы военной прокуратуры, органы военного управления, срок проведения служебного разбирательства о привлечении к дисциплинарной ответственности необходимо приостановить до окончания проверки органами военной прокуратуры, органами военного управления по поданной жалобе, обращению военнослужащего.

Считаем, что закрепление в законе данных правовых норм позволит избежать воздействия с целью отказа от поданной жалобы (обращения) вышестоящих должностных лиц, по чьей вине может быть допущено нарушение прав военнослужащего, и тем самым гарантирует отсутствие негативных последствий для последнего для защиты нарушенных прав, обеспечит возможность реализации закрепленных законом форм защиты прав военнослужащих.

Кроме того, данные правовые нормы позволят выявить латентные нарушения прав военнослужащих, что приведет к снижению общего числа нарушений прав военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и соблюдению предусмотренных государством для данной категории лиц определенных прав и гарантий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сергеев А. П. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. 1040 с.
2. Статистические данные количества обращений за первое полугодие 2024 г. // Офиц. портал органов военной прокуратуры. URL: <https://gvp.gov.ru/uvo/news/view/> (дата обращения: 05.04.2025).
3. Суханов Е. А. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. 958 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/61530> (дата обращения: 04.04.2025).

4. Тараненко В. В. Как военнослужащему защитить свои права (судебный и несудебные способы защиты). М. : За права военнослужащих, 2004. Вып. 50. 272 с. (Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант»).

5. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента РФ № 1495 (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») от 10.11.2007 (ред. от 01.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/ (дата обращения: 04.04.2025).

6. О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 МАЯ 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 12.02.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/ (дата обращения: 04.04.2025).

7. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 02 МАЯ 2006 Г. № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 05.04.2025).

8. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 30.09.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 05.04.2025).

УДК 343.13

Мальцева Арина Сергеевна

студент, Саратовская государственная

юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

arina.maltseva.2004@bk.ru

Беджиева Жамиля Рашидовна

студент, Саратовская государственная

юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

jamka_2020@mail.ru

Прокурорский надзор в сфере противодействия распространению терроризма и экстремизма в сети Интернет

Аннотация. В статье рассматриваются нормы российского законодательства в области противодействия распространения терроризма и экстремизма, проводится особенностями правового регулирования именно в сети Интернет. Исследования правоприменительной практики, а также действующих нормативно-правовых актов позволяют определить проблемы прокурорского надзора в исследуемой области и определить пути их разрешения.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, прокуратура, Интернет, прокурорский надзор, международные соглашения.

Maltseva Arina Sergeevna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Bedzhieva Zhamilya Rashidovna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Prosecutor's supervision in the field of countering the spread of terrorism and extremism on the Internet

Annotation. The article examines the norms of Russian legislation in the field of countering the spread of terrorism and extremism, and examines the specifics of legal regulation on the Internet. Studies of law enforcement practice, as well as current regulatory legal acts, make it possible to identify problems of prosecutorial supervision in the field under study and identify ways to resolve them.

Keywords: terrorism, extremism, prosecutor's office, Internet, prosecutor's supervision, international agreements.

Привлекательность Интернета с его обширной аудиторией, анонимностью, отсутствием цензуры и технологическими возможностями, к сожалению, не осталась незамеченной преступным миром. Сложность отслеживания действий пользователей создала благоприятную среду для развития преступной деятельности. Терроризм и экстремизм также нашли свое отражение в сети.

Экстремистские проявления, включая их наиболее радикальную форму – терроризм, представляют собой серьезную угрозу общественной и политической стабильности. Предотвращение экстремизма и терроризма – это общая ответственность, лежащая не только на государственных органах, но и на гражданском обществе, включая общественные организации, религиозные институты и отдельных граждан.

В России любая экстремистская деятельность находится под запретом, и соблюдение этого запрета тщательно контролируется. Эта строгость оправдана многообразием национальностей и вероисповеданий в стране, что требует повышенного внимания и оперативного реагирования на любые попытки разжигания вражды между различными этническими группами и слоями населения.

Правовую базу общегосударственной системы борьбы с экстремизмом и терроризмом составляют общепринятые нормы и принципы международного права, международные соглашения Российской Федерации, федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности»[1] и «О противодействии терроризму» [2], а также другие нормативные правовые акты Российской Федерации, нацеленные на улучшение работы в этой сфере.

Результаты деятельности органов прокуратуры по противодействию экстремизму свидетельствуют о крайней эффективности надзорного органа. Так, в мае 2024 года на коллегии Генеральной прокуратуры РФ, Генеральным прокурором РФ И. В. Красновым были отмечены результаты работы прокуроров в данном направлении. Так, в части распространения экстремистских материалов за последние два года из сети Интернет было удалено сведений с более чем 270 тысяч сайтов [5].

Террористические сайты отличаются высокой динамичностью, часто меняя формат и исчезая, но содержимое при этом сохраняется. Размещением подобных ресурсов часто занимаются иностранные провайдеры, что затрудняет их блокировку. Например, Россия долгое время требовала от Литвы закрытия прочеченского сайта «Кавказ-Центр», который считался главным рупором чеченских сепаратистов. Данный хостинг предоставляла литовская компания ELNETA [6].

Контент террористических сайтов обычно включает историю организации, отчеты о деятельности, биографии лидеров, информацию о целях и критику врагов. Организация представляется как преследуемая и угнетенная государством, чтобы привлечь сочувствующих и представить своих членов борцами за свободу.

Кроме информационных сайтов, Интернет используется для координации терактов. Сервисы вроде Google Maps и Яндекс.Карты позволяют получать доступ к спутниковым снимкам и планировать действия. Также создаются «энциклопедии» по изготовлению оружия и организации терактов.

Террористы используют Интернет для психологических атак, распространяя угрозы и панику, а также для сбора средств на свою деятельность. Их деятельность в сети четко организована и контролируется специалистами, что позволяет им воздействовать на людей с несформировавшимся мировоззрением.

С целью пресечения подобных действий, прокуратура Российской Федерации акцентирует внимание на контроле за соблюдением законодательства, направленного на предотвращение пропаганды террористических и экстремистских взглядов, распространения материалов или сведений, подстрекающих к террористическим акциям или оправдывающих их необходимость [3; 4].

Прокурорские работники регулярно отслеживают интернет-пространство для обнаружения сайтов, связанных с терроризмом и экстремизмом. При выявлении подобных материалов, содержащих открытые призывы к террористической и экстремистской деятельности, публичное оправдание терроризма, безотлагательно принимается решение о передаче материалов в следственные органы для рассмотрения вопроса об уголовном преследовании.

Кроме того, применяются иные меры прокурорского реагирования. Аналогичные меры прокурорского реагирования применяются к интернет-ресурсам, содержащим информацию о методах изготовления оружия и взрывчатых веществ, тактике совершения терактов, открытые призывы к экстремистской деятельности и т. п.

Пример пресечения распространения экстремистских и террористических материалов в сети Интернет – работа прокуратуры Забайкальского края в 2017 году [6].

В ходе мониторинга Интернета выявили видеоролик экстремистского и террористического содержания, в котором демонстрировались насилие, жестокость и другие противоправные действия, а также содержались кадры публичного убийства людей. Ролик показывал деятельность террористической организации «Аль-Каида», запрещенной на территории Российской Федерации.

Прокуратура обратилась в суд с заявлением о признании видеоролика информацией, распространение которой в России запрещено. Центральный районный суд Читы удовлетворил исковые требования прокуратуры. Затем копию решения направили в Управление Роскомнадзора по Забайкальскому краю, чтобы включить видеоролик в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в Интернете и сетевых адресов, содержащих запрещенную информацию [7].

После начала специальной военной операции вопрос о противодействии экстремистской деятельности и терроризму является актуальным.

Так, по иску прокурора Херсонской области, Херсонский областной суд вынес приговор в отношении местного жителя, признав его виновным по ст. 275 УК РФ – государственная измена и ч. 2 ст. 280 УК РФ – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Судом установлено, что осужденный собирал данные о местах дислокации военной техники и личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, а полученные данные передавал посредством интернет-мессенджера представителям специальных служб Украины [8].

Таким образом, от эффективной работы прокуратуры зависит способность государства защищать своих граждан от угроз, исходящих от экстремистских и террористических группировок.

Стоит заметить, в деятельности прокуратуры по предотвращению экстремистской и террористической деятельности в сети Интернет есть свои недостатки:

Во-первых, это сложность оперативного реагирования. Например, если в прокуратуру поступает сообщение о призывах к экстремистской деятельности на определенном интернет-ресурсе, прокурор не может сразу направить требование в Роскомнадзор для блокирования информации. Для этого необходимо реализовать громоздкий комплекс мероприятий.

Во-вторых, невозможность изобличения анонимных авторов. Правоохранители могут лишь ликвидировать последствия экстремистской деятельности, а лидеры преступных группировок или первоисточники запрещенной информации остаются безнаказанными.

В-третьих, сложность идентификации экстремистских материалов и невозможность изъятия запрещенных материалов. Понятие «экстремистских материалов» в российском законодательстве носит расплывчатый характер, что затрудняет работу правоохранительных органов. Кроме того, владелец сайта

или хостинг-провайдер может отказаться удалять запрещенный материал или проигнорировать обращения органов власти, особенно если материал располагается на серверах вне Российской Федерации.

Для повышения эффективности противодействия распространению экстремизма в Интернете предлагается централизовать интернет-мониторинг и создать специализированное программное обеспечение для автоматизированного поиска экстремистского контента.

Для этого предлагается создание специализированного подразделения прокуратуры, в состав которого войдут компьютерные специалисты. В их компетенцию могут войти вопросы использования специальной компьютерной техники, фото- и видеофиксация материалов, свидетельствующих об экстремистском характере размещаемых в сети Интернет материалов. А также упростить процедуры ограничения доступа к интернет-сайтам противоправного толка. Например, можно направлять в адрес провайдеров акты прокурорского реагирования (представления) с приложением заключений соответствующих специалистов и информации органов внутренних дел либо ФСБ, в которых бы обосновывалась необходимость ограничения доступа к конкретным сайтам исходя из специфики представленной в них информации. Целесообразным является создание специальным подразделениям Федеральной службы безопасности России и Бюро специальных технических мероприятий. На них возложены функции по выявлению и пресечению деятельности интернет-сайтов, содержащих информационные материалы противоправного характера, в том числе экстремистские, а также лиц, причастных к публикациям такой информации в сети Интернет.

Итак, прокуратуре Российской Федерации как координационному центру по противодействию экстремизму и терроризму, необходимо дать ей более широкие полномочия в отношении других правоохранительных органов, а также привлечь специалистов в сфере информационных технологий для более эффективной деятельности по противодействию экстремистской и террористической деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст.3031.

2. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146; 2008. № 52. Ст. 6227; 2016. № 28. Ст. 4558.

3. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 г. № 156 (ред. от 24.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298172/ (дата обращения: 31.03.2025).

4. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 295 (ред. от 24.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303846/ (дата обращения: 31.03.2025).

5. Краснов поставил задачу противодействия вовлечению подростков в экстремизм в соцсетях. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20884225> (дата обращения: 31.03.2025).

6. Центр безопасности Интернета в России. URL: <http://saferunet.org/adult/news/982> (дата обращения: 31.03.2025).

7. Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу // Прокуратура пресекает распространение в сети Интернет информации экстремистского и террористического содержания. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_dvfo/mass-media/news/archive?item=34022406 (дата обращения: 31.03.2025).

8. В Херсонской области суд вынес приговор по уголовному делу о государственной измене и публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности // Офиц. сайт прокуратуры Херсонской области. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/news-state-main?item=99644860> (дата обращения: 31.03.2025).

УДК 343.8

Сажин Кирилл Андреевич

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
sazhinkirill14@gmail.com

Конардов Сергей Борисович

старший преподаватель
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
skonardov@yandex.ru

Определение места жительства при исполнении наказания в виде ограничения свободы

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос об определении места жительства при исполнении наказания в виде ограничения свободы. Автором исследуется правовая база в рассматриваемой сфере, обозначается проблема в терминологии действующего уголовно-процессуального законодательства, которая касается наименования места отбывания наказания осужденным в виде ограничения свободы. Анализ научной доктрины позволяет подтвердить наличие указанной проблемы. В результате научной работы представлены пути совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства в терминологической части.*

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, ограничение свободы, осужденный, место жительства, место пребывания, терминология, коллизии, унификация, толкование норм

Sazhin Kirill Andreevich

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Konardov Sergey Borisovich

senior lecturer of the department
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Determination of the place of residence during the execution of the punishment in the form of restriction of freedom

***Annotation.** The article discusses the issue of determining the place of residence during the execution of a sentence in the form of restriction of freedom. The author examines the legal framework in the field under consideration, identifies a problem in the terminology of the current criminal procedure legislation, which concerns the designation of the place of serving a sentence by a convicted person in the form of restriction of freedom. The analysis of scientific doctrine allows us to confirm the existence of this problem. As a result of the scientific work, the ways of improving the current criminal procedure legislation in the terminological part are presented.*

***Keywords:** criminal procedure legislation, restriction of freedom, convicted person, place of residence, place of stay, terminology, conflicts, unification, interpretation of norms*

Наказание в виде ограничения свободы является одной из мер уголовного наказания, применяемым к осужденным, и предполагает установление судом ряда ограничений, среди которых, – запрет покидать место постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток (ч. 1 ст. 53 УК РФ) [1]. Вопрос определения места отбывания наказания при ограничении свободы является принципиально важным, ведь наличие постоянного места пребывания, во время отбывания такого наказания позволяет контролировать поведение осужденного и обеспечивать соблюдение условий исполнения наказания.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере исполнения наказания в виде ограничения свободы; предметом исследования выступают нормы действующего уголовно-исполнительного законодательства в сфере регулирования исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы. Методы, используемые в указанных целях, характеризуются сочетанием диалектических, системно-структурных, аналитических, а также формально-логических и сравнительно-правовых методов.

Исполнение наказания в виде ограничения свободы регулируется главой 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [2]. Проанализировав нормы указанной главы, мы пришли к выводу, что существует проблема в терминологии, которая касается наименования места отбывания наказания осужденным в виде ограничения свободы. Так, в статье 47.1 УИК РФ установлено, что осуществля-

ет исполнение указанного вида наказания уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства осужденного. В статье 49 УИК РФ, где раскрывается исчисление срока ограничения свободы, также законодатель использует конструкцию «место жительства осужденного». Порядок отбывания наказания в виде ограничения свободы, предусмотренный ст. 50 УИК РФ, предполагает наличие у осужденного места жительства (ч. 1 ст. 50 УИК РФ). При этом в частях 4–7 статьи 50 УИК РФ предусмотрено «место постоянного проживания (пребывания) осужденного».

Указанные разночтения правовых норм осложняют правоприменительную деятельность и исполнение наказания в виде ограничения свободы структурными подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний России. Это выражается в виде неоднозначного толкования законодательных положений, а также игнорировании требования единства терминологии в рамках Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и смежных отраслей права. Кроме этого, судебные ошибки из-за неопределенности понятия места жительства в уголовно-исполнительном законодательстве происходят из-за того, что на первый план выходит судебное усмотрение в данном вопросе, которое в разных субъектах Российской Федерации может приобретать разные формы. На выделенную проблему указывают и в научной доктрине.

Так, О. А. Подрезова утверждает, что «в нормах, при помощи которых осуществляется правовое регулирование ограничения свободы, можно наблюдать разность в закреплении наименования места отбывания наказания». Автор подчеркивает, что на основании ст. 50 УИК РФ «нахождение осужденного к ограничению свободы по месту пребывания незаконно» [5].

С. А. Сторожев указывает, что «в последнее время также наблюдается тенденция использования неопределенности понятия места жительства самими осужденными для обжалования назначения им ограничения свободы». По убеждению автора, «еще более усугубляет ситуацию наличие в уголовно-исполнительном законодательстве, наряду с «местом жительства», других, на первый взгляд, схожих понятий, например, «место постоянного проживания (пребывания)» в гл. 8 УИК РФ» [6].

З. Б. Леймоева также обозначает в качестве проблемы «исполнение осужденным к ограничению свободы установленного законодательством ограничения – не уходить из места проживания в определенное время суток», поскольку имеется диссонанс в наименовании места проживания [4].

Изучив словарную терминологию по указанному вопросу, мы пришли к выводу, что и в ней нет единства.

Ввиду того, что проблема отсутствия единой терминологии относительно места жительства осужденного при исполнении наказания в виде ограничения свободы имеет место быть, исследователи предлагают различные пути ее решения.

О. А. Подрезова считает, что «для устранения указанного законодательного несоответствия в настоящее время требуется внести изменения в часть 1 статьи 50 УИК РФ, а именно дополнить фразой «или пребывание». Это будет

способствовать уравниванию основных законодательных норм, при помощи которых осуществляется правовое регулирование исполнения наказания в виде ограничения свободы» [5].

С. А. Сторожев отмечает, что «на сегодняшний день существует объективная потребность к использованию в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве единой терминологии в вопросах назначения, исполнения и отбывания уголовных наказаний без изоляции от общества». В связи с этим автором предлагаются словосочетания «место проживания» (ст. 60.17 УИК РФ), «место фактического проживания» (п. 22 Инструкции), «место постоянного проживания (пребывания)» (ст. 50 УИК) и др. схожие заменить понятием «место жительства или пребывания», под которым понимается жилое помещение, где физическое лицо постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма) либо на иных законных основаниях; место пребывания – жилое помещение, не являющееся местом жительства, где физическое лицо проживает временно на законных основаниях» [6].

Р. В. Комбаров, отмечая существующую коллизию в положениях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, считает целесообразным «предусмотреть возможность отбывания ограничения свободы по месту пребывания осужденного, поскольку направить приговор для исполнения в уголовно-исполнительную инспекцию по месту пребывания осужденного не позволяет редакция ч. 1 ст. 50 УИК РФ в нынешнем виде» [3].

На наш взгляд, в данном вопросе требуется унификация уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ, в связи с чем, мы считаем целесообразным дополнить часть 1 статьи 50 УИК РФ указанием на место пребывания лица, изложив ее следующим образом: «1. Наказание в виде ограничения свободы отбывается осужденным по месту его жительства (пребывания)». Данное нововведение поспособствует не только унификации, но и правильному толкованию правовых норм при исполнении наказания в виде ограничения свободы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : текст с изм. и доп. на 28 декабря 2024 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.01.2025).

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : текст с изм. и доп. на 25 октября 2024 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.01.2025).

3. Комбаров Р. В. Актуальные проблемы исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3(40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ispolneniya-ugolovnogo-nakazaniya-v-vide-ogranicheniya-svobody> (дата обращения: 07.01.2025).

4. Леймоева З. Б. К вопросу об эффективности наказания в виде ограничения свободы // Теория и практика общественного развития. 2023. № 1(179). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-effektivnosti-nakazaniya-v-vide-ogranicheniya-svobody> (дата обращения: 06.01.2025).

5. Подрезова О. А. Содержание наказания в виде ограничения свободы и актуальные проблемы его исполнения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4-2(79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-nakazaniya-v-vide-ogranicheniya-svobody-i-aktualnye-problemy-ego-ispolneniya> (дата обращения: 06.01.2025).

6. Сторожев С. А. Определение «места жительства» осужденного к ограничению свободы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4(49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-mesta-zhitelstva-osuzhdenного-k-ogranicheniyu-svobody> (дата обращения: 07.01.2025).

УДК 342.723

Сазонов Никита Денисович

студент, Сибирский институт управления
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
г. Новосибирск, Российская Федерация
onmaneck@yandex.ru

Конституционные пределы вмешательства правоохранительных органов в частную жизнь граждан

***Аннотация.** В статье рассматриваются нормы российского законодательства в области вмешательства правоохранительных органов в частную жизнь граждан, их регламентацию и рамки подобных действий. Анализ нормативно-правовых актов и решений Конституционного Суда позволяет определить степень интеграции государства в личную жизнь человека. Статья обращает внимание на взаимосвязь необходимости обеспечения безопасности общества и неприкосновенности частной жизни граждан, а также деятельности правоохранительных органов по осуществлению этих прав.*

***Ключевые слова:** частная жизнь, Конституционный Суд, вмешательство в личную жизнь, деятельность правоохранительных органов, конституционные права человека*

Sazonov Nikita Denisovich

student, Siberian institute of management
Russian Presidential academy of national
economy and public administration
Novosibirsk, Russian Federation

The constitutional limits of law enforcement agencies' interference in the private lives of citizens

Annotation. *The article examines the norms of Russian legislation in the field of law enforcement interference in the private lives of citizens, their regulation and the scope of such actions. The analysis of normative legal acts and decisions of the Constitutional Court makes it possible to determine the degree of integration of the state into a person's personal life. The article draws attention to the interrelationship of the need to ensure the safety of society and the inviolability of the private life of citizens, as well as the activities of law enforcement agencies to exercise these rights.*

Keywords: *Private life, Constitutional Court, interference in private life, activities of law enforcement agencies, constitutional human rights*

В Российской Федерации, как в правовом государстве, неприкосновенность частной жизни, а также личная и семейная тайна в полной мере защищаются и охраняются. Статья 23 Конституции Российской Федерации закрепляет реализацию этих прав [1]. Это позволяет сделать выводы о правовом положении граждан, а также политическом режиме страны. Подобные ценности являются приоритетными для демократического правового государства, а их реализация важнейшая задача для правовой системы государства. Личность, ее права и свободы признаются высшей ценностью в Российской Федерации. Однако реализация подобных прав и свобод неизбежна связана с задачей обеспечения общественного порядка и безопасности. Интеграция государства в личную жизнь граждан неизбежно происходит при осуществлении этой деятельности правоохранительными органами. Они наделяются широкими полномочиями, позволяющими контролировать некоторые аспекты частной жизни граждан, посредством прослушивания телефонных разговоров, слежки за определенными людьми и их действиями, проведением оперативно-розыскных мероприятий и так далее. Насколько подобное вмешательство в личную жизнь человека оправдано? Закон Российской Федерации четко регламентируют подобную деятельность и ее рамки.

Понятие неприкосновенности личной жизни граждан и обеспечение их же безопасности постоянно находятся в тесных взаимоотношениях. Сложно обозначить границы вмешательства государства и определить причины, которые могут оправдать подобные действия. Конституционные рамки в данном случае выступают не только как правовой аспект, но и как показатель уровня правовой сформированности государства. Так, в стране с развитой демократической системой, свобода человека в своей личной жизни четко регламентирована законом, но при этом право на реализацию своих свобод ничем не ограничено. Соблюдение баланса между общественной безопасностью и личными правами является приоритетной целью работы правоохранительных органов. Деятельность по обеспечению безопасности граждан зачастую проводится непосредственно при участии самих граждан. Согласно статье 141 УПК РФ любой гражданин вправе сообщить в правоохранительные органы о готовящихся или совершенных правонарушениях. Также граждане в качестве понятых, свидетелей, потерпевших, общественных защитников, участвуют в процессуальной деятельности правоохранительных органов. Их участие необходимо для обеспечения гласности, объективности и независимости.

Конституционно-правовые основы вмешательства в частную жизнь граждан закреплены в законе и реализуются в необходимых случаях. Неприкосновенность личной жизни человека закреплена в Конституции Российской Феде-

рации в статье 23, некоторые иные аспекты указаны в статьях 24, 25, 29. Таким образом человек может рассчитывать на конфиденциальность собственной жизни. Тем не менее переписки, телефонные разговоры, цифровые следы в Интернете, убеждения, мировоззрение, личные взгляды могут послужить ценными сведениями для правоохранительных органов в ходе их деятельности по раскрытию преступлений. Так, когда можно вмешиваться в личную жизнь человека? И какие могут быть причины этого? Конституционный Суд Российской Федерации особое внимание уделяет тому, что вмешательство в частную жизнь человека возможна только при наличии законных оснований для этого, а также если цель оправдывает средства. То есть должен соблюдаться принцип соразмерности действий и возможного результата, например, получение важных для следствия фактов является достаточным поводом для производства слежки, прослушивания телефонных разговоров и так далее.

Статья 23 Конституции РФ утверждает, что каждый гражданин имеет право на тайную переписку, конфиденциальность телефонных переговоров, почтовых и телеграфных сообщений. Ограничение данных прав является возможным только на основании судебного решения. В случае одобрения суда правоохранительным органам представляется возможным проведение оперативно-розыскных мероприятий, таких как прослушивание телефонных разговоров, перехват сообщений, вскрытие и проверка корреспонденции, наблюдение за гражданином. Слежка без разрешения суда, фальсификация основания, чрезмерное по объему вмешательство в данном случае будет нарушением конституционных прав гражданина. Уголовно-процессуальный кодекс регулирует как основания, так и степень вмешательства правоохранительных органов в личную жизнь человека. Таким образом, конституционные права граждан не нарушаются, а обеспечение общественной безопасности остается полным и не ограниченным полностью изолированной частной жизнью потенциального преступника.

Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» четко показывает конституционные пределы действий правоохранительных органов в сфере слежки и сборке информации о человеке. Подчеркивается, что право на тайну переписки, закрепленное в части 2 статьи 23 Конституции РФ, является обязательным для соблюдения всеми субъектами права. Это означает, что даже при отсутствии прямого указания в законодательстве, правообладатели интернет-сервисов обязаны обеспечивать конфиденциальность передаваемой информации. Суд признал, что доступ к подобной информации также затрагивает право на неприкосновенность частной жизни и должен быть подчинен четким правовым рамкам. Следовательно, даже косвенные формы контроля, вроде информации о звонках, требуют соблюдения прав гражданина на частную жизнь. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан» подчеркивает, что сбор и хранение информации о гражданах возможно только в рамках закона,

и только тогда, когда это оправдано целями уголовного судопроизводства. Информация, относящаяся к частной жизни, не может собираться «про запас» – только при необходимости.

В современных реалиях борьбы с киберпреступностью на первый план выходит реализация права свободы слова и мысли. Конституция РФ регулирует этот вопрос в том числе в статье 29, согласно ней принуждение человека к выражению мнения против его воли, а также принятие убеждений или отказ от них рассматривается как нарушение важнейших прав человека. Давление при допросах, угрозы или манипуляции в ходе процесса, нарушают неприкосновенность этих прав. Контроль государства за личными субъективными мнениями граждан в социальных сетях наиболее острый и непонятный вопрос современного права. Конституционные рамки здесь являются очень важными с правовой точки зрения, так как высказывание собственного мнения напрямую является выражением свободы слова. Гражданин должен четко понимать, что является реализацией его прав и свобод, а что правонарушением. Границы дозволенной свободы выражения мнения контролируются с целью не допустить общественных волнений и распространения неправильных или общественно опасных идей.

Работа правоохранительных органов неизбежно связана с контролем за жизнью граждан, в том числе и за ее личными аспектами. Но Конституция РФ четко регламентирует подобные действия, это свидетельствует о том, что концепция социального правового государства реализуется в полной мере. Тем не менее необходимость осведомленности о готовящихся правонарушениях, или уже совершенных, вынуждает правоохранительные органы вмешиваться в личную жизнь людей. Четкая правовая регламентация этих действий позволяет не нарушать конституционные права граждан, и, одновременно, следить за общественной безопасностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30. 12. 2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.03.2025).

Скотникова Марина Михайловна

студент, Ивановский государственный университет

г. Иваново, Российская Федерация

skotnikovamarin@yandex.ru

Видео-конференц-связь как способ коммуникации при рассмотрении уголовных дел в суде

***Аннотация.** Центром научного внимания данной работы является технология видео-конференц-связи, использование которой при отправлении правосудия по уголовным делам было законодательно закреплено в 2022 году в качестве общего условия судебного разбирательства. Сравнительная новизна данного явления определяет наличие ряда сложностей, возникающих в связи с неоднозначностью толкования правовых норм и (или) их неполнотой и недостаточностью, что констатируют как ученые, так и практики. В статье рассмотрены проблемы определения понятия систем ВКС, а также необходимости обеспечения обязательного участия защитника при рассмотрении уголовных дел с использованием таких средств связи.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, цифровизация, компьютеризация, видео-конференц-связь, участие защитника.*

Skotnikova Marina Mikhailovna

student, Ivanovo State University

Ivanovo, Russian Federation

Videoconferencing as a means of communication during criminal cases in court

***Annotation:** The focus of this work is on videoconferencing technology, the use of which in the administration of justice in criminal cases was legislatively enshrined in 2022 as a general condition of trial. The comparative novelty of this phenomenon determines the presence of a number of difficulties arising from the ambiguity of the interpretation of legal norms and (or) their incompleteness and insufficiency, which can be found both in the scientific community and in practice. The article considers the problems of defining the concept of videoconferencing systems, as well as the need to ensure the mandatory participation of a defense attorney in the consideration of criminal cases using such means of communication.*

***Keywords:** criminal proceedings, digitalization, computerization, videoconferencing, participation of a defense attorney.*

Влияние цифровизации на уголовное судопроизводство проявляется в значительном количестве явлений, возникающих в последние годы в правовом поле. Изменение общественной жизни в связи с внедрением информационных технологий с необходимостью влечет за собой ответную реакцию со стороны органов, осуществляющих деятельность по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел. Особенно важна степень вовлеченности суда в технические новшества, поскольку именно данный орган разрешает

дело по существу. Рассмотрим некоторые формы взаимодействия органов судебной власти с информационными технологиями, где последние выступают как механизм, содействующий отправлению правосудия.

В 2022 году глава 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [5] (далее – УПК РФ) была дополнена ст. 241.1 [1], в которой было сформулировано новое общее условие судебного разбирательства – участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи (далее – ВКС). Именно она определяет правовой статус и значение сравнительно нового для отечественного уголовного процесса способа обмена информацией посредством технологий дистанционной коммуникации. Вместе с тем положениями о рассматриваемой технологии были дополнены и иные статьи УПК РФ, среди них: 189.1, 240, 253, 258 и другие.

Как справедливо отмечает С. В. Романов, общие условия судебного разбирательства – это концептуальные положения, определяющие структуру и содержание отдельной стадии судопроизводства, в нашем случае, судебного разбирательства [4, с. 870]. Такого рода нормы содержат в себе положения, характерные для данного этапа развития процесса, определяют смысл специальных норм, конкретизируют деятельность участников процесса после окончания предварительного расследования вплоть до постановления и провозглашения приговора включительно. Введение в главу 32 УПК РФ новой нормы, регулирующей видео-конференц-связь, позволяет сделать вывод о значении этого средства связи для уголовного судопроизводства как одной из основ процесса отправления правосудия, задающей тон цифровизации всей деятельности судов в стране.

В соответствии со ст. 241.1 УПК РФ, по общему правилу участие подсудимого в судебном заседании должно быть непосредственным, т. е. личным, но при ряде особых обстоятельств допускается и опосредованное участие с применением систем ВКС. К рассмотрению дела с их использованием суд переходит на основании ходатайства подсудимого (ч. 1 ст. 241.1 УПК РФ), но лишь при наличии технической возможности. При этом мы считаем уместным использование последнего критерия в наиболее широком смысле – соответствующее материальное обеспечение для выхода на связь должно иметься как у суда, осуществляющего производство по делу, так и в месте нахождения подсудимого. Данные условия являются приоритетными при решении вопроса о переходе к рассмотрению дела с использованием систем ВКС. Как видим, в списке основных требований не содержится информации о необходимости какого-либо обоснования ходатайства подсудимого, например, его состоянием здоровья или иными обстоятельствами, препятствующими нахождению его в зале судебного заседания непосредственно. По нашему мнению, данный способ правового регулирования является наиболее оптимальным, так как создает условия для наиболее органичного внедрения этой технологии в практическую деятельность судов: к системам ВКС обращаются не в виде исключения, т. е. при наличии особых обстоятельств, а в качестве альтернативы, равноценной традиционной форме. Это позволяет в очередной раз определить подход законодателя к оценке

значения рассматриваемого цифрового способа коммуникации для деятельности по отправлению правосудия по уголовным делам.

Существующая законодательная база применения ВКС является достаточно скудной. В настоящее время не закреплено и нормативное определение такого явления, что, в свою очередь, обеспечило бы организационную упорядоченность его использования на практике. Проанализировав научные подходы к указанной проблеме, полагаем, что предпочтительным является определение, которое дала К. С. Плахота. Она полагает, что видео-конференц-связь – это средство электронного обмена данными, предназначенное для интерактивного взаимодействия двух и более удаленных абонентов при производстве судебных, следственных и иных процессуальных действий для обмена криминалистически значимой информацией [2, с. 13]. При этом считаем важным дополнить эти положения: передаваемые данные, по нашему мнению, могут иметь более широкое значение, т. е. не криминалистическое, а также и процессуальное. Такой подход будет более инклюзивным с точки зрения общих исследований уголовного судопроизводства. В остальном, в дальнейшем будем придерживаться именно этого определения, так как оно полно и емко отражает основные функции и направления использования предмета исследования.

Часть 3 ст. 241.1 УПК РФ описывает один из немногих предусмотренных Кодексом случаев, когда обязательно участие защитника, что отражено и в ч. 3.1 ст. 51 УПК РФ. При этом формулировки законоположений несколько различаются, так как в ст. 241.1 УПК РФ используется термин «судебное заседание», а в ст. 51 – «судебное разбирательство», что может вызвать расхождения в толковании данных норм. На практике суды нередко приходят к выводу о том, что данное правило относится лишь к судебному разбирательству, т. е. к стадии рассмотрения и разрешения дела по существу. Участие защитника не является обязательным абсолютно во всех случаях использования систем ВКС для связи подсудимого и суда. Так, например, суд Еврейской автономной области в постановлении № 22-78/2024 от 20 февраля 2024 г. по делу № 4/17-126/2023 отклонил требования осужденного, обжалующего в апелляционном порядке отказ в удовлетворении ходатайства о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в порядке ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации. В жалобе обращается внимание на участие в рассмотрении ходатайства дистанционно с применением ВКС. По мнению осужденного, несмотря на его отказ от участия адвоката, такие услуги должны ему предоставляться в связи с обязательностью участия защитника. Суд отклонил эти доводы, отметив распространение действия нормы ч. 3 ст. 241.1 УПК РФ только на стадию судебного разбирательства, где такое положение обеспечивает право подсудимого на защиту в суде первой инстанции [3]. К такому выводу суд закономерно приходит, исходя из буквального толкования нормы ч. 3.1 ст. 51 УПК РФ, которое предполагает, что правовая помощь адвоката обязательна лишь до вынесения приговора, так как закон использует термины «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый», соответствующие юридическому статусу лица на конкретных стадиях процесса. Данная практика, по нашему мнению, не является безупречной, так

как во всех установленных УПК РФ случаях наличие защитника императивно в связи с теми или иными особенностями процесса либо ограниченными способностями подсудимого самостоятельно в полной мере осуществлять защиту своих прав. Действительно, использование систем ВКС создает определенные угрозы для ограничения прав подсудимого на доступ к судопроизводству, дополнительная защита может потребоваться и в случае возникновения неполадок в подключении, сбоев техники. Представляется, что ситуация существенно не изменится, и круг знаний осужденного не станет более широким после вынесения приговора. Следовательно, необходимость в обязательном присутствии адвоката будет сохраняться и на иных стадиях процесса, например, при обжаловании приговора либо при рассмотрении в суде вопросов, связанных с исполнением приговора.

Противоречивость рассмотренной правоприменительной практики становится еще более очевидной с учетом положений п. 4 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ, устанавливающей обязательное участие защитника при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции в случаях, установленных ст. 51 УПК РФ. Следовательно, данный субъект все же должен присутствовать в процессе и после завершения стадии судебного разбирательства в случае использования систем ВКС. Вследствие этого считаем закономерным изменение положения, закрепленного в ч. 3.1 ст. 51 УПК РФ, посредством исключения существующей формулировки «судебное разбирательство» и введения более сообразной существующему законодательному регулированию - «судебное заседание», что внесет конкретику и позволит добиться единообразия правоприменения в данной сфере. В свою очередь, это будет способствовать обеспечению прав подсудимого, осужденного и, возможно, оправданного при участии в судопроизводстве.

С использованием систем ВКС также допускается производство допроса и иных судебных действий, что установлено ст. 278.1 УПК РФ. Подобный способ правового регулирования корреспондирует аналогичному положению, закрепленному ст. 189.1 УПК РФ, позволяющему осуществлять такие следственные действия, как допрос, очная ставка и опознание с использованием ВКС на стадии предварительного расследования. Данная норма служит обеспечению единообразия правового регулирования применения данной технологии, расширяя возможности суда в рамках судебного следствия. В то же время, ст. 278.1 крайне сходна по содержанию с положением ч. 4 ст. 240 УПК РФ, закрепляющей непосредственность и устность в качестве общих условий судебного разбирательства. Отличие состоит лишь в наличии в первом случае отсылки к ст. 241.1 УПК РФ как общей, содержащей основные принципы использования таких систем. Дублирование нормативных положений, по нашему мнению, не является эффективным приемом юридической техники, так как не является законодательно обусловленным и несет в себе ограниченное количество информации. Считаем возможным изложение ч. 4 ст. 240 УПК РФ, например, в следующей редакции: «Использование систем видео-конференц-связи при проведении допроса и иных судебных действий в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, не противоречит условиям непосредственности и устности су-

дебного разбирательства». Таким образом, норма будет нести информацию, относящуюся к непосредственному предмету регулирования этой статьи.

Использование систем ВКС при производстве по уголовным делам является передовым и крайне эффективным шагом, обеспечивающим право на доступ к правосудию и на защиту. Положительный эффект их применения оказался особенно заметным в период пандемии коронавирусной инфекции Covid-19. В то же время, даже спустя несколько лет после того, как было положено начало нормативному регулированию рассмотренного способа связи, остаются существенные проблемы его применения, во многом вытекающие из несовершенства законодательного регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч. 1). Ст. 57.

2. Плахота К. С. Использование электронных средств связи в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 32 с.

3. Постановление суда Еврейской автономной области № 22-78/2024 от 20 февраля 2024 г. по делу № 4/17-126/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QjiB6jZGO7I5/> (дата обращения: 04.04.2025).

4. Романов С. В. Понятие, значение и характеристика общих условий судебного разбирательства // Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. С. 870–882.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921; 2025. № 12. Ст. 1205.

УДК 343.132

Слепцова Анастасия Алексеевна

студент, Военный университет имени князя Александра
Невского Министерства обороны Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
snipersleptsova@yandex.ru

**К вопросу об особенностях производства осмотра
места происшествия следователем
военных следственных органов в особые периоды**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при осуществлении следователем военных следственных органов осмотра места происшествия в особые периоды, в том числе, связанные с протоколированием указанного следственного действия.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, особые периоды, следователь военных следственных органов, боевая обстановка, опасность, беспилотные летательные аппараты, протокол следственного действия.

Sleptsova Anastasia Alekseevna
student, Prince Alexander Nevsky Military
University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

On the issue of the specifics of conducting an inspection of the crime scene by an investigator of military investigative bodies during special periods

Annotation. *The article examines problematic issues that arise when an investigator of military investigative bodies inspects the crime scene during special periods, including those related to recording the said investigative action.*

Keywords: *inspection of the crime scene, special periods, investigator of military investigative bodies, combat situation, danger, unmanned aerial vehicles, investigative action protocol.*

В настоящее время расследование уголовных дел следователем военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации (далее – следователем ВСО) осуществляется в особых условиях действительности, сопряженной с боевой обстановкой и условиями неопределенности.

Современная реальность диктует необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства, в том числе системы реализации полномочий следователя ВСО в условиях военного времени, военного положения (далее – особые периоды).

Очевидно, что порядок расследования и разрешения уголовного дела в мирное время и в особые периоды не может быть одинаков, т. е. в последнем случае следует учитывать наличие реальной угрозы участникам уголовного процесса при производстве процессуальных действий. А значит, их порядок проведения должен быть пересмотрен.

Так, в условиях неординарных правовых режимов процесс организации и планирования предварительного следствия следователем ВСО может оказаться сопряжен и с недостаточно исследованными процессуальными проблемами. Необходимо отметить, что важнейшим отличием следственных ситуаций при расследовании в особые периоды является то, что они связаны с ситуациями тактического риска.

Несмотря на это, никаких законодательных изменений в части предварительного расследования в условиях военного положения Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не предусматривает [1]. Нельзя не отметить тот факт, что объем выполняемых полномочий следователем ВСО увеличивается, появляются новые задачи, не свойственные для повседневной деятельности, что в свою очередь требует изменения функционирования органов предварительного расследования и совершенство-

вания нормативной правовой базы, регламентирующей порядок досудебного производства.

В частности, следователями ВСО в особые периоды не просто проводится расследование по уголовному делу о преступлениях, совершенных военнослужащими государства-агрессора, но и прорабатываются вопросы, связанные с установлением наличия таких преступлений, как геноцид, ведение агрессивной войны и других особо тяжкие преступлений.

Неслучайно Указом Президента Российской Федерации была увеличена штатная численность военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации до 2698 единиц, в том числе военнослужащих в количестве 2247 (до изменений штатная численность военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации составляла 2566 единиц, в том числе военнослужащих в количестве 2132) [2].

Осуществление предварительного расследования в особых условиях требует от следователя ВСО особой концентрации и объективности ввиду повышенного значения такой деятельности для общества и государства.

Кроме того, как справедливо отмечает Д. М. Козловцев, к числу основных вопросов, разрешаемых следователем ВСО при организации осмотра места происшествия, является обеспечение безопасности всех участников такого следственного действия, особенно при его осуществлении в условиях вооруженного конфликта [6, с. 13].

По общему правилу при производстве следственных действий недопустимо создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ (Общие правила производства следственных действий)). Эта обязанность обеспечения безопасности лежит на следователе ВСО.

При этом опасность при осуществлении следователем ВСО осмотра может исходить как от самого противоправного деяния, так и от его последствий (например, опасности обрушения конструкций и строений, повторный взрыв и т. п.), что необходимо учитывать при производстве такого следственного действия.

В соответствии со ст. 176 УПК РФ (Основания производства осмотра) осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Согласно ч. 2 ст. 177 УПК РФ (Порядок производства осмотра) осмотр следов преступления и иных обнаруженных предметов производится на месте производства следственного действия.

Однако в науке уголовно-процессуального права существует мнение о том, что непосредственное присутствие на месте происшествия следователя ВСО не является обязательным условием для соблюдения должного порядка производства осмотра.

Так, П. Г. Смагин полагает, что исследование места происшествия может быть и опосредованным, поскольку анализ положений УПК РФ, регламентирующих производство осмотра места происшествия, его процессуальное оформление (ст. 166 УПК РФ (Протокол следственного действия)) не позволяет

выявить указание на необходимость проведения такого следственного действия путем непосредственного наблюдения субъектом его производства (следователем ВСО) изучаемой обстановки [8, с. 157].

Указанная точка зрения нами не разделяется, поскольку, как уже было отмечено, в ч. 2 ст. 177 УПК РФ определено, что осмотр следов преступления производится *на месте* производства следственного действия.

А если для производства осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, то предметы должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя ВСО на месте осмотра (ч. 3 ст. 177 УПК РФ). Указанные положения четко свидетельствуют о том, что следователь ВСО должен быть непосредственно на месте происшествия.

В свою очередь, нами представляется обоснованным мнение П. Г. Смагина о возможности осуществления особого порядка производства осмотра места происшествия следователем ВСО с помощью беспилотных летательных аппаратов или иных специализированных средств, которые позволят произвести указанное следственное действие наиболее безопасным способом.

При этом, согласно ч. 6 ст. 164 УПК РФ при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

Основываясь на данном положении И. С. Трубчик небезосновательно считает, что в ходе производства осмотра места происшествия необходимо использовать новейшие технологии, в частности, беспилотные летательные аппараты, спутниковый навигатор и др. [10, с. 103].

Нами не исключается тот факт, что практическими работниками, в частности следователями ВСО в условиях военного положения используются указанные выше приемы.

Однако стоит обратить внимания на тот факт, что в УПК РФ по-прежнему не регламентирован порядок осмотра места происшествия, местности, жилища иного помещения, предметов и документов удаленно с помощью технических средств.

В свою очередь, А. А. Балашова, развивая идею производства удаленных следственных действий, предлагает внести в УПК изменения, устанавливающие порядок проведения обыска и осмотра дистанционно. Необходимость таких изменений обусловлена отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве положений регулирующих вопросы получения доказательственной информации, содержащейся в информационной системе [3, с. 13–14].

Необходимо отметить, что в особые периоды организация и проведение следователями ВСО следственных действий приобретает особую значимость, требует адаптации традиционных криминалистических методик к условиям боевой обстановки.

Также, учитывая изложенные обстоятельства, представляется необходимым предусмотреть должные процессуальные изменения как для предварительного расследования в целом, так и для отдельных следственных действий в частности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с порядком протоколирования следственных действий.

Так, анализируя положения ст. 166 УПК РФ (Протокол следственного действия), можно определить основополагающие принципы составления протоколов следственных действий, а именно: незамедлительность и своевременность; письменность; обязательность сохранения последовательности следственных действий.

Однако, в условиях боевой обстановки следователь ВСО может столкнуться с ситуацией, при которой соблюдение указанных выше принципов окажется небезопасным.

С одной стороны, это связано с необходимостью оперативного производства следственных действий в постоянно изменяющейся боевой обстановке, обусловленной маневренным характером боевых действий.

С другой стороны, возможны ситуации, когда место преступления находится на территории временно занятой противником, ввиду чего дальнейшее осуществление предварительного расследования полностью или частично (в зависимости от обстоятельств) зависит от хода боевых действий.

Одним из решений, связанных с упрощением порядка протоколирования следственных действий, является составления указанного процессуального документа по усеченной методике либо при аудио-видеофиксации в кратчайшее время после производства следственного действия, но, например, не позднее трех суток после его окончания.

Так, В. Н. Григорьев предлагает использовать в особых условиях такой тактический прием, как проведение осмотра по усеченной методике, суть которого состоит в отказе от поиска и описания в протоколе места происшествия, которое несущественно для целей доказывания состава преступления [5, с. 101].

Вместе с тем, как нам представляется, М. С. Строгович обоснованно полагал недопустимыми при производстве осмотра в боевой обстановке такие приемы, как сокращение и сжатие протоколов осмотра [4, с. 59].

Такой подход не бесспорен, так как в условиях боевых действий, если для следователя ВСО не будет предусмотрен особый порядок производства следственного действия (например, сокращение описательной части места осмотра и т. п.), следственное действие вообще может быть не произведено, а доказательства будут утрачены.

В свою очередь С. А. Торопов и Д. А. Сафонов полагают, что в настоящее время целесообразно фиксировать весь ход следственного действия при помощи фото и видеозаписи, для последующего анализа в «спокойной обстановке» [9, с. 129].

Нами представляется, что производство осмотра или иных следственных действий в особые периоды должно быть допустимо с применением технических средств фиксации, в том числе без выезда на место происшествия (при помощи БПЛА) и без ведения протокола в ходе проведения следственного действия. В этой связи стоит согласиться с мнением А. В. Пономаревой, которая указывает на необходимость введения в законодательство военного времени

норм уголовно-процессуального свойства, направленные на уменьшение количества бюрократических процедур и предполагающие, в том числе, сокращенные сроки производства действий процессуального характера [7, с. 178].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Указ Президента Российской Федерации от 03.10.2024 г. № 850 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» и в перечень должностей в Следственном комитете Российской Федерации, по которым предусмотрено присвоение высших специальных званий, утвержденный этим Указом // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 41. 6138.
3. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 30 с.
4. Григорьев В. Н. Был ли профессор М. С. Строгович против «усеченной» методики осмотра места происшествия в боевой обстановке? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 58–62.
5. Григорьев В. Н. Об «усеченной» методике осмотра места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 1(91). С. 100–112.
6. Козловцев Д. М. Осмотр места происшествия на начальном этапе расследования уголовных дел о хищениях оружия и боеприпасов, совершаемых военными в районах вооруженного конфликта немеждународного характера // Российский следователь. 2016. № 17. С. 11–15.
7. Пономарева А. В. О необходимости разработки уголовного и уголовно-процессуального законодательства военного времени // Военное право. 2017. № 2(42). С. 176–181.
8. Смагин П. Г. К вопросу о производстве осмотра места происшествия дистанционным способом // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5-1. С. 157–160.
9. Торопов С. А., Сафонов Д. А. Особенности организации проведения осмотра места происшествия в условиях локального военного конфликта // Таврический научный обозреватель. 2016. № 12-1(17). С. 128–130.
10. Трубчик И. С. Первоначальный этап расследования преступлений в особых условиях // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 1. С. 100–105.

Сучилина Виктория Сергеевна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

viktoria.suchilina@yandex.ru

Хопрова Александра Александровна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

hoprovaaleksandra@gmail.com

Правовые и этические вопросы использования искусственного интеллекта в судопроизводстве

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы и перспективы внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в деятельность судов, нормы, регулирующие использование искусственного интеллекта в судопроизводстве. Проводится сравнительный анализ с правовым регулированием данной сферы в зарубежных странах.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект (ИИ), судопроизводство, интернет-суд, обработка текстовых документов, судебное решение.*

Suchilina Victoria Sergeevna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Khoprova Alexandra Alexandrovna

student, Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Legal and ethical issues of using artificial intelligence in legal proceedings

***Annotation.** The article discusses the problems and prospects of introducing artificial intelligence (AI) into the activities of courts, as well as the norms governing the use of artificial intelligence in judicial proceedings. A comparative analysis is carried out with the legal regulation of this area in foreign countries.*

***Keywords:** artificial intelligence (AI), legal proceedings, online court, text document processing, judicial decision*

В век информационных технологий люди все чаще сталкиваются с влиянием машин и роботов на их повседневную жизнь. В погоне за автоматизации работы, человеческий потенциал уходит на второй план, уступая место искусственному интеллекту [5, с. 87]. Однако, не стоит забывать о наличии профессий, работу которых невозможно механизировать, так как на эффективность ее выполнения влияют определенные возможности человека, которые не смогут заложить в код программы.

Согласно п. 2 ст. 2 ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» **искусственный интеллект** – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [9, с. 10].

Использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в различных сферах жизни общества становится все более распространенным явлением [4, с. 95]. В частности, ИИ активно внедряется в судебную систему многих стран мира, где его применение связано с обработкой больших объемов данных. В настоящее время вопрос использования ИИ в судопроизводстве и вопрос ответственности за его неправомерную работу не урегулирован в полной мере нормативно-правовыми актами. В связи с этим данная технология требует специального рассмотрения, как с правовой, так и с этической точки зрения.

Появление технологий ИИ вызывает вопросы и сомнения со стороны государства и общества. Главные правовые проблемы, связанные с ИИ следующие: правовая ответственность, конфиденциальность личной информации граждан, неравенство в доступе к правосудию и т. д. Алгоритмы ИИ могут быть подвержены влиянию данных, на которых они обучены, что может привести к субъективности в принятии решений. Кроме этого, данные технологии используют огромную базу данных граждан для формирования ответов, что может нарушать ФЗ «О персональных данных». Для решения данных проблем требуется дальнейшее совершенствование законодательства и выстраивание четкого механизма внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство.

Для того, чтобы осмыслить глубину правовых проблем в сфере ИИ, внедрение таких технологий проводится в форме пилотного проекта во многих государственных учреждениях по всей России. Так, например, в 2024 г. был разработан новый проект «Кассатор онлайн». Это специализированный ИИ-сервис, созданный для обжалования судебных решений. По информации газеты «Коммерсантъ», данная платформа основана на новой нейросети, которая анализирует судебные акты на наличие ошибок, нарушений правовых норм и процедурных несоответствий [7, с. 1].

Помимо этого, в России действует система «Мой арбитр», позволяющая автоматизировать процесс подачи и рассмотрения исковых заявлений при помощи нейросетей [3, с. 121].

Анализ результатов внедрения этих проектов показывает, что ИИ в них является помощником в деле судопроизводства, который упрощает и ускоряет работу работников суда, но не заменяет их полностью. С помощью подобных проектов необходимо выявлять статистику наиболее частых проблем, возникающих во время использования нейросетей и активно разрабатывать нормативно-правовую базу.

Использование искусственного интеллекта в судебной практике набирает популярность во многих странах мира. На примере некоторых стран можно рассмотреть основные направления использования ИИ в зарубежной практике судопроизводства.

Япония является передовой страной по внедрению ИИ во все сферы жизни. Японские власти предпринимают действия, направленные на обеспечение устойчивого и всестороннего благосостояния уровня граждан, в связи с чем правительство заявило о новой социально-технической революции, формировании «Общества 5.0», или Super Smart Society – «Сверхумное общество». Цифровое «Общество 5.0» предполагает наличие специальных роботов, взаимодействующих с людьми в различных социальных сферах. В Европе в 2017 г. были опубликованы «Нормы гражданского права в робототехнике», по результатам которых был введен термин «электронное лицо», что закрепляло за роботами-андроидами их правовой статус и обязанность нести ответственность за свои действия [2, с. 57].

А в Китае с 2020 г. ИИ стал помогать интернет-суду с расшифровкой стенограмм и обработкой цифровых доказательств. Помимо этого, Верховный Суд Китая обязал судей делать заключение при помощи ИИ, но окончательное решение по делу остается за судьей. В таком подходе возникает противоречие правовой и этической стороны.

В США технологий ИИ в судебной деятельности сфере были направлены на распознавание и обработку текстовых документов и файлов, с целью анализа большого объема информации за максимально короткое время. Была разработана технология eDiscovery – это система, которая проводит автоматический анализ данных до начала судебного разбирательства. Она использует искусственный интеллект, который выбирает оптимальный алгоритм извлечения определенных фрагментов информации из большого количества данных. В том случае, если стороны соглашаются на такие условия поиска и кодирования, судье остается только подтвердить согласие и оценить полученную информацию. В США также используется правовой навигатор, который генерирует документы или выдает ответ с помощью анкетных вопросов [6, с. 63].

Таким образом, использование ИИ требует четких правовых норм, регулирующих сбор и обработку данных, защиту конфиденциальности и ответственность за ошибки. Международное сотрудничество играет важную роль в разработке общих стандартов внедрения ИИ в судопроизводство. Кроме того, этот процесс требует большой общественной поддержки и обеспечения прозрачности всех действий.

Применение искусственного интеллекта в судебной практике создает ряд этических проблем, связанных с обеспечением справедливости, вынесением законных решений, защитой прав личности и др.

В определении ИИ, приведенном в Федеральном законе «О персональных данных», подчеркиваются его способности имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и независимый поиск решений без заранее заданных алгоритмов, а также достигать результатов, сопоставимых с результата-

ми, получаемыми человеком. Эти характеристики ИИ делают его мощным инструментом, но в то же время создают потенциальные угрозы для системы правосудия.

Использование искусственного интеллекта в судебной системе не должно исключать судью из процесса. Даже самые современные технологии не способны полностью выполнить ту роль, которую выполняют судьи. При вынесении решения судья оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какие факты установлены, а какие нет, анализирует правоотношения сторон и решает, какой закон должен быть применен, а также удовлетворится ли иск.

В ходе осуществления правосудия судья ориентируется на свой личный опыт, сочетает различные факторы и интерпретирует правовые принципы и основы законодательства, что помогает ему находить решения в самых сложных правовых ситуациях. При этом учитываются и моральные аспекты. Использование личного опыта, учет нравственных и этических аспектов – это та сфера, в которой машина пока не может полноценно действовать. Что ведет к проблемам с пониманием и применением таких ключевых для правосудия категорий, как справедливость.

Ситуацию усугубляет отсутствие общего и единообразного понимания этики, и норм морали в обществе, что затрудняет обучение ИИ их правильному и объективному применению в различных случаях.

Нельзя забывать про неизбежные ошибки, возникающие при самообучении искусственного интеллекта или при некорректности введенных в него данных.

Примером может послужить случай из судебной практики Колумбии. В конце января 2023 года в колумбийском городе Картахена судья Хуан Мануэль Падилья Гарсия воспользовался ИИ для вынесения решения о страховой компенсации. Семья, в которой ребенок страдает аутизмом, обратилась в суд с просьбой признать, что медицинская страховка покрывает затраты на лечение сына. ИИ подготовил для судьи решение, в которое включил ссылки на юридическую практику и разъяснения местного Верховного суда. По итогу иск был удовлетворен. Судья отметил, что окончательное решение принимал сам. Этот случай вызвал общественный резонанс, так как ИИ не может заменить знания, опыт и суждения судьи-человека [8, с. 1].

Затрагивая этический вопрос использования искусственного интеллекта в судопроизводстве, задаешься вопросом, допустимо ли адвокату обращаться к ИИ, не возникнет ли проблема доверия к адвокатам, сможет ли адвокат принять верное решение, опираясь на ИИ.

Для многих людей адвокат – это человек, который сможет защитить их интересы и права. Клиентам важно получить качественную помощь, они ожидают от адвоката высокий уровень знаний, опыта и профессионализма.

Адвокат же в свою очередь должен действовать в интересах клиента, всеми способами пытаться защитить его права. Если юрист станет использовать ИИ, то он должен быть уверен в том, что это не будет противоречить интересам клиента.

Если в деятельность адвоката войдет ИИ, то он должен будет в обязательном порядке перепроверять результаты ИИ, так как он анализирует имеющиеся данные и выдает максимально точные прогнозы. Решения ИИ могут быть ошибочными, что может привести к нарушению интересов и прав клиента.

Не стоит забывать и про постоянно изменяющееся законодательство, которое могут не успеть внести в систему ИИ, вследствие чего решения ИИ могут быть основаны на старом законодательстве. Адвокат не может предоставить клиенту документы, которые основаны на устаревших нормах права.

Чтобы не допускать таких рисков, адвокату придется тщательно перепроверять заключения ИИ. Можно привести пример из зарубежной практики, связанный с адвокатами Стивеном Шварцем и Питером Лодуком. Адвокаты истца использовали GPT-бот в деле против авиакомпании Avianca. В качестве доказательства они предоставили документ с цитатами экспертов и ссылками на аналогичные дела. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что некоторые из упомянутых дел были созданы искусственным интеллектом. Судья отметил, что шесть из этих дел оказались вымышленными судебными решениями с фальшивыми цитатами и ссылками. В результате адвокаты признались, что использовали GPT-бот, и получили штраф [1, с. 1].

Таким образом, можно сделать вывод, что этические аспекты применения искусственного интеллекта в судебной деятельности требуют особого внимания к соблюдению моральных норм и ценностей. Использование ИИ затрагивает проблемы, касающиеся справедливости, законности решений и защиты прав личности. Ключевые качества судьи, такие как эмпатия и личный опыт, недоступны для ИИ. Разногласия в трактовке этических понятий и неизбежные ошибки в обучении ИИ создают риск неправомерных решений. Внедрение ИИ в юридическую практику требует тщательной проверки выводов и регулярного обновления знаний о постоянно изменяющемся законодательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ChatGPT обманул. Юристов накажут за выдуманные судебные дела в США // *tengrinews.kz*. URL: <https://tengrinews.kz/usa/chatgpt-obmanul-yuristov-nakajut-vyidumannyye-sudebnyie-dela-501620/> (дата обращения: 30.03.2025).
2. Богомазова Н. Л. Тенденции развития искусственного интеллекта в Японии: «Общество 5.0» и статус «Электронное лицо» // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2024. № 2(50). С. 57–58.
3. Губайдуллина Э. Х., Барабошкина А. А. Искусственный интеллект в судебной деятельности // *Юридическая наука*. 2024. № 2. С. 121.
4. Ковалева Н. Н., Ересько П. В., Изотова В. Ф. Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в единой государственной информационной системе здравоохранения // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2024. № 3 (158). С. 95–102.
5. Ковалева Н. Н., Ересько П. В., Изотова В. Ф. Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в системах электронного документо-

оборота // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4(55). С. 87–92.

6. Купчина Е. В. Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 4. С. 63–71.

7. Нейросеть заходит в суд. Искусственный интеллект натаскивают на проверку судебных решений // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6727888> (дата обращения: 30.03.2025).

8. Судья в Колумбии использовал искусственный интеллект при вынесении решения по делу // informburo.kz. URL: <https://informburo.kz/novosti/sudya-v-kolumbii-ispolzoval-iskusstvennyi-intellekt-pri-vynesenii-reseniya-po-delu> (дата обращения: 30.03.2025).

9. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ (посл. Ред.) // Собрание законодательства . 2020. № 17. Ст. 2701.

УДК 347

Темралиев Данислав Александрович

студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
danislavtemraliev@outlook.com

научный руководитель:

Соколова Татьяна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
tnsokol@mail.ru

Сравнительный анализ способов подачи документов в суд

Аннотация. Законодательством предусмотрены разные варианты подачи документов в суд. Понимание преимуществ и недостатков каждого из них является актуальной задачей. В статье проводится сравнительный анализ подачи документов в суд в электронном виде и на бумажном носителе. Сформулированы преимущества и недостатки каждого из них.

Ключевые слова: подача документов в суд, документ в электронном виде, электронный образ документа, документ на бумажном носителе, электронная подпись.

Temraliev Danislav Aleksandrovich

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Scientific supervisor:

Sokolova Tatyana Nikolaevna

candidate of economic sciences, associate
professor, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Comparative analysis of the ways of filing documents in court

***Annotation.** The legislation provides for different options for submitting documents to the court. Understanding the advantages and disadvantages of each of them is an urgent task. The article provides a comparative analysis of the submission of documents to the court in electronic form and on paper. The advantages and disadvantages of each of them are formulated.*

***Keywords:** filing documents in court, electronic document, electronic image of the document, paper document, electronic signature.*

По словам Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, за 2024 год российскими судами всех уровней рассмотрено свыше 42 млн дел, в том числе дел по заявлениям, поданными в суд физическими или юридическими лицами [6]. В этой связи можно однозначно сказать, что обращение в суд является высоко востребованным способом защиты нарушенных прав. При этом стоит отметить, что такое количество дел создает на судей большую нагрузку, в связи с которой подаваемые документы могут рассматриваться долгие месяцы. Так как в 2016 году был принят федеральный закон № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», стало возможным подавать документы в суд в виде подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью электронного документа или в виде электронного образа (отсканированной копии), при этом возможность подачи бумажных документов сохранилась [3]. В такой ситуации вопрос способа подачи документов в суд становится особенно актуальным. У лиц, подающих какие-либо документы в суд, может возникнуть вопрос, насколько это удобно в сравнении с подачей бумажных документов, позволяет ли это рассмотреть документы в быстрее и не посещать здание суда?

При подаче документов в суд на бумажном носителе необходимо распечатать документы и приложения к ним (при их наличии), подписать их, передать их в приемную суда, либо направить в суд почтой России. Если документы подаются в приемной суда, то сотрудник, их принимающий, может указать на имеющиеся в них нарушения, препятствующие их принятию, а при отсутствии таковых – зарегистрирует их и, как правило, не позднее следующего рабочего дня, направит судье. В том случае, если документы составлены с какими-либо нарушениями, для их принятия необходимо будет устранить имеющиеся нарушения и явиться в суд с документами повторно. Если же документы подаются

посредством почты, то срок их поступления в суд отодвигается соответственно сроку доставки письма. Таким образом, подача документов в суд на бумажном носителе не позволяет рассмотреть их в максимально короткий срок и может потребовать нескольких посещений здания суда. В случае, если суд находится далеко от места нахождения стороны, такой вариант особенно неудобен. Стоит также учесть, что на бумажном носителе в суд подают только оригиналы или копии после их заверения надлежащим образом [1, ст. 4, 125, 126, 260, 277; 2, ст. 3, 124, 131, 132; 4, п. 2 пп. 2.1–2.3].

При подаче документации в электронном виде следует подготовить документ в текстовом редакторе, сохранить его в формате PDF-файла и подписать его усиленной квалифицированной электронной подписью, после чего пересохранить подписанный документ с файлом подписи. Собственную усиленную квалифицированную электронную подпись может получить каждый гражданин с подтвержденной учетной записью на портале «Госуслуги», у которого имеется либо заграничный паспорт нового образца (с чипом NFC), либо биометрические данные, подтвержденные в единой биометрической системе. Такая подпись будет храниться на личном мобильном устройстве в приложении «Госключ». В случае же, если такой подписи нет и нет возможности ее получить, можно распечатать документы, подписать их своей обычной подписью, после чего отсканировать подписанные документы и сохранить их в формате PDF-файла (электронный образ документа). Указанные файлы прикрепляются в обращении на одном из следующих сайтов: если документы подаются в суд общей юрисдикции – ej.sudrf.ru, а если в арбитражный суд – my.arbitr.ru. Также необходимо прикрепить файл с подписью (файл с расширением *.sig), если документы подписаны с помощью УКЭП. В этом случае перед направлением документов в суд система проведет проверку действительности электронной подписи. При таком варианте документы регистрируются и передаются на рассмотрение судьи не позднее следующего рабочего дня, а в случае, если документы составлены с нарушениями, препятствующими их рассмотрению, они будут возвращены с указанием причин такого возврата в течение нескольких часов [1, ст. 4, 125, 126, 260, 277; 2 ст. 3, 124, 131, 132; 4 п. 2.1 пп. 2.1.1, 2.1.3–2.1.8; 5, п. 2–4].

Преимуществ у электронного способа подачи документов много:

- нет необходимости посещать здание суда или отделение почты;
- документы подаются и рассматриваются судом в максимально короткий срок;
- при наличии в документах нарушений, препятствующих их рассмотрению, заявитель оперативно информируется о них, что позволяет быстро устранить выявленные нарушения.

Помимо этого, законодательство позволяет подавать одновременно часть документов в виде электронных документов, а часть – в виде их электронных образов. Это особенно актуально, когда у лица, подающего несколько разных документов в суд, одна часть на бумажном носителе, а другая будет составлена в электронном виде непосредственно перед тем, как они будут направлены в адрес суда. На сегодняшний день составить документы, направить их на пе-

чать, отсканировать, подписать электронной подписью и направить в суд можно даже с помощью мобильного телефона.

Таким образом, подача документов в электронном виде – удобный способ, гарантирующий максимально короткий срок рассмотрения документов без посещения здания суда.

Электронный способ отправки корреспонденции в суд пользуется большой популярностью. По словам руководителя федерального государственного бюджетного учреждения «Информационно-аналитический центр поддержки государственной автоматизированной системы «Правосудие» Л. А. Юхневича, с января по октябрь 2017 года (т. е. с момента введения такого способа подачи документов в суд) одними только гражданами подано в суд более 200 тысяч документов в электронном виде и с каждым годом количество подаваемых в электронном виде документов растет [3]. О популярности такого варианта подачи документов говорит и тот факт, что в 2022 году в электронном виде в суды подано более 4,8 млн электронных документов, а в 2023 году – 4,6 млн [7]. Кроме того, Л. А. Юхневич сообщил о планируемой разработке мобильного приложения «Мобильный каталог судебных дел и личный кабинет участника судебного процесса», однако точные сроки запуска не назвал. Леонид Александрович также подчеркнул, что подсистема «Обеспечение безопасности информации», являющаяся составной частью ГАС «Правосудие», обеспечивает максимальную безопасность передачи данных и защиту от доступа к ней третьим лицам и вредоносным программам [3].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что подача документов в суд в электронном виде позволяет не только рассмотреть документы в короткий срок без личного посещения суда, но и гарантирует, что документы будут доставлены в суд и третьи лица не получат к ним доступ. В случае подачи документов в суд на бумажном носителе временной интервал между подготовкой документов и их передачей на рассмотрение судье значительно увеличивается, особенно, при обнаружении нарушений в оформлении. Также необходимо учитывать человеческий фактор: документы могут быть утеряны, в связи с чем доступ к ним могут получить третьи лица и использовать их в своих недобросовестных целях.

Возможность подачи документов в суд в электронном виде обеспечивает эффективный доступ физическим и юридическим лицам к правосудию, поскольку позволяет подавать документы в суд в короткий срок в независимости от территориального расположения здания суда, при этом гарантируется безопасность их передачи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 03.04.2025).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025). URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 03.04.2025).

3. Епифанова А. Интернет-интервью с Л. А. Юхневичем, руководителем ФГБУ «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие»: «Электронное правосудие – будущее российской судебной системы». URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/yuhnevich/?ysclid=m8vopjysle43038237> (дата обращения: 03.04.2025).

4. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде : Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 (ред. от 10.03.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42700/ (дата обращения: 03.04.2025).

5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 N 251 (ред. от 23.01.2024) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/ (дата обращения: 03.04.2025).

6. Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов от 20 февраля 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76296-sel=7:20:hjg,11:67:gfU> (дата обращения: 03.04.2025).

7. Цифровизация судов и новые постановления: как прошел Совет судей от 6 декабря 2023 года. URL: <https://pravo.ru/story/250266/?ysclid=m91cx2fp5s199707178> (дата обращения: 03.04.2025).

УДК 343

Торгашова Ирина Михайловна

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

irina.torgashova55@gmail.com

Научный руководитель:

Соколова Татьяна Николаевна

кандидат экономических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

tnsokol@yandex.ru

Анализ правонарушений с использованием информационно-коммуникационных технологий

***Аннотация.** В статье проведен анализ правонарушений с использованием информационно-коммуникационных технологий, акцентируя внимание на его значении для борьбы с киберпреступностью в условиях быстро развивающихся технологий. Проводится анализ структуры ИТ-преступлений за последние 5 лет, отслеживается состояние и динамика,*

обсуждаются современные методы, используемые для предотвращения киберпреступлений. Особое внимание уделяется новым положениям в законодательстве, направленным на защиту личной информации. В заключение подчеркивается важность интеграции новых технологий в правоохранительную практику для повышения эффективности борьбы с киберпреступностью.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, киберпреступность, цифровые технологии, анализ, безопасность, информация.

Torgashova Irina Mikhailovna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Scientific supervisor:

Sokolova Tatyana Nikolaevna

PhD in economics, associate professor
Saratov state law academy
Saratov, Russian Federation

Analysis of offenses involving the use of information and communication technologies

Annotation. *The article analyzes offenses involving the use of information and communication technologies, focusing on its importance in combating cybercrime in the context of rapidly developing technologies. The analysis of the structure of IT crimes over the past 5 years is carried out, the status and dynamics are monitored, and modern methods used to prevent cybercrimes are discussed. Special attention is paid to new legal provisions aimed at protecting personal information. In conclusion, the importance of integrating new technologies into law enforcement practice is emphasized in order to increase the effectiveness of combating cybercrime.*

Keywords: law enforcement, cybercrime, digital technologies, analysis, security, information

В современном мире, в связи с внедрением технологий, мы наблюдаем, как Интернет, социальные сети, искусственный интеллект затрагивают все стороны общественной жизни человека, в том числе правоохранительную деятельность. За последние десятилетия число киберпреступлений увеличилось в огромное количество раз, а опасность возрастает с каждым годом. Развитие технологий привело к возникновению новых проблем в области конфиденциальности и безопасности, неправомерного доступа к личной информации: взломанные аккаунты в социальных сетях, рассылка различных писем на электронную почту, непрерывные неизвестные звонки, доступ к фотографиям, банковским картам. Наиболее частыми видами киберпреступлений являются: распространение вредоносных программ, распространение противоправной информации, незаконный оборот наркотических средств и другие [6, с. 6]. Зачастую киберпреступники выходят за пределы одного государства и действуют в глобальном масштабе. В связи с этим правоохранительным органам необходимо бороться с высоким уровнем киберпреступности и находить пути решения этой проблемы.

Анализ статистики последних лет показал, что среди всех зарегистрированных преступлений, огромное количество преступлений было совершено

с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [2], причем доля их постоянно растет (рис. 1). Согласно данным Генпрокуратуры, в России раскрывается меньше 25 % киберпреступлений [13]. Все это говорит об актуальности темы.

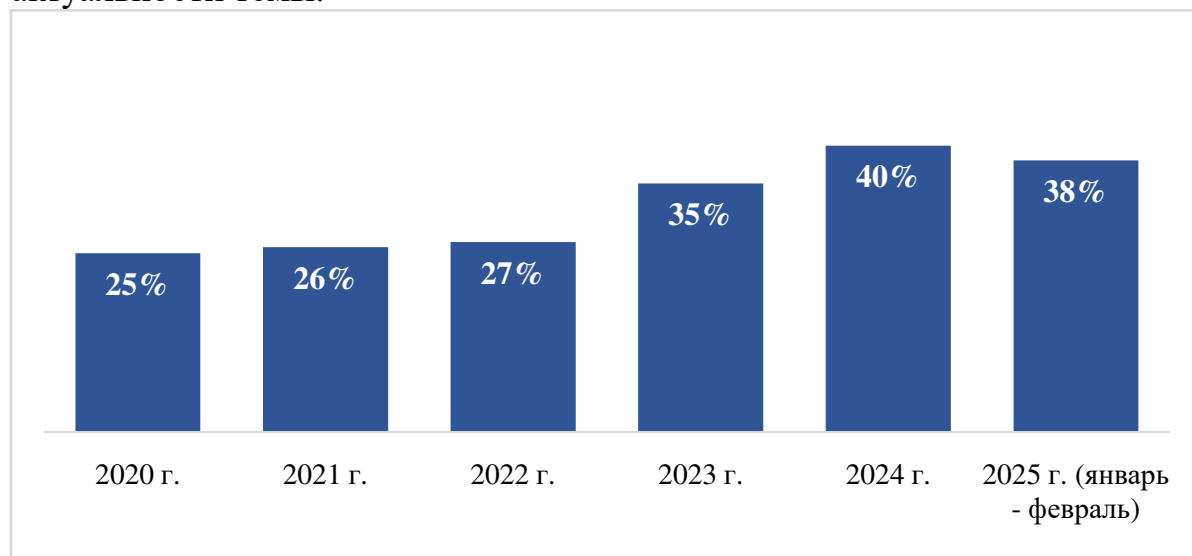

Рис. 1. Доля преступлений, совершенных с использованием ИКТ, в общем количестве зарегистрированных преступлений
Разработано автором по материалам сайта <https://media.mvd.ru>

Пострадавшим от киберпреступления может стать практически каждый человек. Ведь эта проблема существует во многих странах, особенно тех, где велика доля жителей, имеющих доступ в Интернет, и широко распространены различные онлайн сервисы. Российская Федерация – одна из стран с высоким уровнем киберугроз. Всплеск киберпреступности за последние 5 лет большинство экспертов связывают с эпидемией COVID-19, введенными ограничениями на перемещение граждан, переводом многих организаций на дистанционный режим работы. Это, в свою очередь, многократно увеличило объем данных, доступ к которым стал возможен из глобальной сети. Отмечается, что чаще всего жертвами становятся люди, которым больше 60 лет, и подростки до 20 лет. Самыми распространенными являются преступления с использованием сети Интернет и средств мобильной связи (рис. 2).

В прошлом (2024) году в России зафиксированы 765 тыс. киберпреступлений, ущерб от которых, превысил 200 млрд рублей [8]. Пострадали как физические, так и юридические лица. С этой проблемой столкнулись, в основном, более 100 тысяч пенсионеров и несколько тысяч несовершеннолетних [11]. Количество ИТ-преступлений увеличилось на 13 % по сравнению с 2023 годом, раскрываемость снизилась до 23%. Самый большой удельный вес ИТ-преступлений наблюдается в Мордовии, Марий Эл, Татарстане. За 8 месяцев в 2024 г. в Роскомнадзор направлено 642 требования об ограничении доступа к противоправной информации (в 2023 г. – свыше 1,2 тыс.). Заблокирован доступ либо удалена такая информация с 54,8 тыс. интернет-ресурсов.

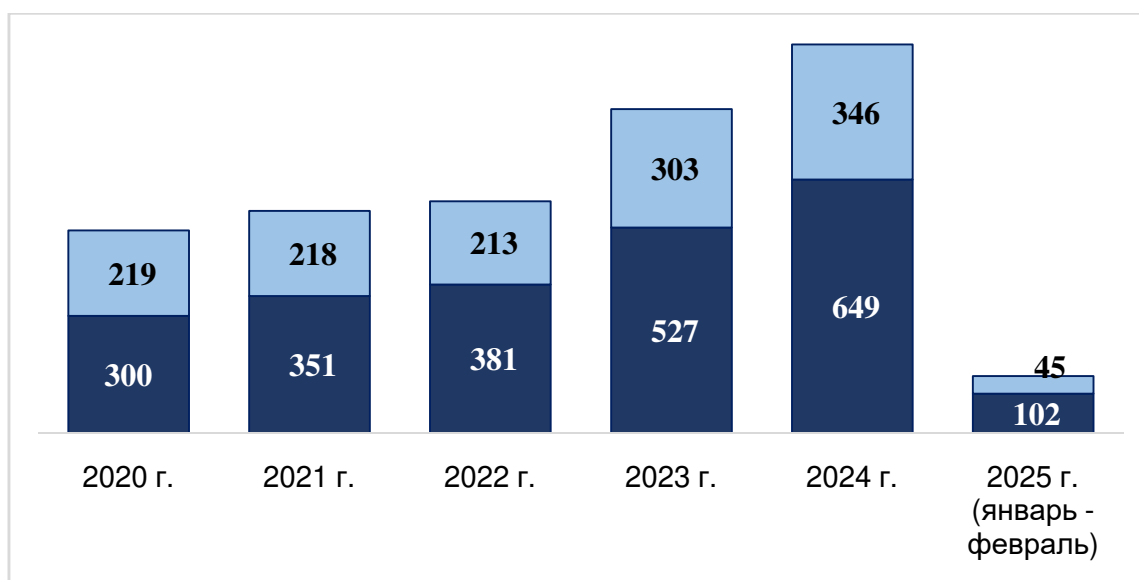

Рис. 2. Статистика наиболее распространенных ИТ-преступлений, тыс.
Разработано автором по материалам сайта <https://media.mvd.ru>

Анализ судебной практики показывает, что самыми распространенными преступлениями в данной сфере являются мошенничество (ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ), преступления с помощью Интернета и средств мобильной связи (ст. 272, 272.1, 273, 274 УК РФ) [10]. Это составляет 40 % от общего числа противоправных деяний, совершенных с использованием ИКТ [5]. Мошенники активно используют современные технологии, например, искусственный интеллект (ИИ) в своих противоправных деяниях, поэтому в марте в Госдуму внесен на рассмотрение законопроект о признании использования ИИ при совершении правонарушения обстоятельством, отягчающим ответственность или наказание. В связи с постоянным ростом количества преступлений, связанных с использованием ИКТ, и относительно невысоким уровнем их раскрываемости 25 марта 2025 года Госдума приняла законопроект о противодействии телефонному мошенничеству [3]. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 01 апреля 2025 года подписан Федеральный закон «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Законом предусмотрены следующие изменения и поправки: обязательная маркировка звонков от организаций, право абонента отказываться от получения рассылок и массовых вызовов, на «Госуслугах» появится возможность установить самозапрет на дистанционное оформление сим-карт, сообщения от «Госуслуг», в том числе код подтверждения, не будут приходить во время телефонного разговора и т. д. [12].

Наиболее распространенными способами использования информационных технологий правоохранительными органами являются мониторинг и анализ данных, благодаря которым сотрудникам удастся оперативно выявлять угрозы и предотвращать преступления. Искусственный интеллект и аналитика данных позволяют правоохранительным органам обрабатывать и анализировать огромные объемы информации, включая видеозаписи, текстовые документы, звуковые файлы и данные социальных сетей. Системы распознавания лиц и ви-

деонаблюдение могут предоставить важные данные и доказательства в расследовании преступлений [7]. Так, совсем недавно 7.04.2025 года сотрудники уголовного розыска УМВД России по Кировской области раскрыли серию дистанционных мошенничеств, совершенных по схеме «Родственник в беде». Жертвами преступного посягательства стали четверо пожилых жителей областного центра, суммарный причиненный ущерб превышает 1 миллион рублей. Ранее потерпевшим на стационарные телефоны поступали звонки, в собеседниках они «узнавали» близких людей. Звонившие сообщали о том, что якобы близкие попали в дорожные аварии, и на лечение или решение проблем с законом якобы нужны деньги, за которыми подъедет курьер. Оперативники установили местонахождение и задержали в Кирове молодого человека [4].

Необращение потерпевших в правоохранительные органы приводит в конечном итоге к росту киберпреступлений, так как преступные лица избегают уголовной ответственности, а факт безнаказанности служит определенной мотивацией для дальнейшего совершения преступных деяний в данной сфере, что значительно сказывается на уровне и степени общественной опасности киберпреступности [1].

Уменьшение количества подобного рода преступлений связано не только с работой правоохранительных органов, но и с правовой и информационной культурой населения. Каждый гражданин должен знать и соблюдать простые правила: никому не передать какие-либо личные данные, не отвечать на неизвестные звонки и не переходить по ссылкам в письмах от незнакомых отправителей [9]. Разумеется, огромную роль в решении этой задачи играет позиция регулятора, его готовность корректировать законодательство с учетом возможностей современных информационных и сетевых технологий, которые используются не только во благо, но и в преступных целях.

Киберпреступления являются серьезной угрозой для общества. Правоохранительные органы играют важную роль в расследовании и предотвращении мошеннических действий. Только совместными усилиями можно минимизировать риски и обеспечить безопасность в постоянно меняющемся цифровом пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Будущее правоохранительной деятельности: эволюция технологий и перспективы: URL: <https://student39.ru/blog/sovety/budushchee-pravookhranitel-noy-deyatelnosti-evolyutsiya-tekhnologiy-i-perspektivy/> (дата обращения: 07.04.2025).

2. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики: URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 07.04.2025).

3. Госдума приняла закон о противодействии телефонному мошенничеству: URL: <https://ria.ru/amp/20250325/zakon-2007174644.html> (дата обращения: 07.04.2025).

4. МВД. Кировские полицейские раскрыли серию дистанционных мошенничеств, совершенных по схеме «Родственник в беде». URL: <https://мвд.рф/news/item/63662218/> (дата обращения: 07.04.2025).

5. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/> (дата обращения: 07.04.2025).
6. Побегайло А. Э. Борьба с киберпреступностью. М., 2018. 184 с.
7. Прокуратура Саратовской области: Преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Как не стать жертвой киберпреступников? URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_64/activity/legal-education/explain?item=86538369 (дата обращения: 07.04.2025).
8. Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 07.04.2025).
9. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Сахалинской области. Профилактика и предупреждение киберпреступлений. URL: <https://sakh.sledcom.ru/news/item/1967057/> (дата обращения: 07.04.2025).
10. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.12.2003. Гл. 21. Ст. 159.
11. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. Гл. 28. Ст. 272.
12. Ущерб от IT-преступлений в России превысил 116 миллиардов рублей. URL: <https://ria.ru/20240925/it-1974584213.html> (дата обращения: 07.04.2025).
13. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 01 апреля 2025 г. № 41-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.04.2025. Ст. 9.

УДК 343.163

Тупотилов Петр Викторович

студент, Сибирский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
г. Новосибирск, Российская Федерация
peter.tupotilov@yandex.ru

**Независимость прокуратуры в России: проблемы,
вызванные политическим давлением
и институциональными ограничениями**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы независимости прокуратуры в Российской Федерации, ее значение как элемента правового государства и влияние политических и административных факторов на функционирование этого органа. Автор анализирует нормативные основы, регулирующие деятельность прокуратуры, в том числе Кон-

ституцию Российской Федерации и федеральные законы, а также их соответствие международным стандартам. Особое внимание уделено внутреннему и внешнему давлению на прокуратуру, что негативно сказывается на ее способности эффективно исполнять надзорные функции и обеспечивает укрепление вертикали власти. В статье затрагиваются вопросы доверия общества к прокуратуре, а также необходимость реформирования системы для обеспечения настоящей независимости этого органа.

Ключевые слова: Независимость прокуратуры, правовое государство, прокуратура Российской Федерации, административное давление, правоприменение, судебная система.

Tupotilov Petr Viktorovich

student, Siberian Institute of Management
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russian Federation

The independence of the Prosecutor's Office in Russia: problems caused by political pressure and institutional constraints

Annotation. *The article examines the role and importance of the Constitution of the Russian Federation in the formation and functioning of law enforcement agencies, as well as the practical implementation of constitutional principles in judicial and operational activities. The issues of observing the rights and freedoms of citizens, the mechanism of public control and the integration of foreign experience to improve the domestic system are analyzed. The study demonstrates how the main legal norms contribute to strengthening the rule of law and increasing the efficiency of law enforcement agencies.*

Keywords: *Independence of the prosecutor's office, rule of law, prosecutor's office of the Russian Federation, administrative pressure, law enforcement, judicial system.*

Независимость прокуратуры в Российской Федерации представляет собой не отвлеченное юридическое понятие, а ключевой элемент функционирования правового государства. Ее наличие обеспечивает возможность эффективного надзора за соблюдением закона органом, который обязан быть свободным от политического и административного давления. В условиях современной России, где государственная власть носит выраженный вертикальный характер, вопрос о независимости прокуратуры приобретает особую значимость: может ли орган, призванный следить за соблюдением закона, сохранять объективность и беспристрастность, если сам становится объектом давления?

Речь идет не только о внешнем воздействии, но и о внутренних факторах, затрудняющих осуществление независимой деятельности. Прокуроры, сталкивающиеся с административным принуждением, кадровыми решениями за инициативы, идущие вразрез с политической конъюнктурой, или с санкциями за попытки действовать строго в рамках закона, оказываются в положении, несовместимом с ролью защитников законности. В таких условиях надзорная функция, предусмотренная статьей 129 Конституции Российской Федерации [4], утрачивает свое первоначальное назначение: вместо обеспечения прав и законных интересов граждан прокуратура все чаще воспринимается как инструмент контроля и поддержания государственной вертикали. Независимость прокуратуры

ры – это не только вопрос ее статуса, но и фактор, напрямую влияющий на общественное доверие к государственным институтам. Когда прокурор лишен возможности принимать решения, опираясь на закон и факты, нарушается принцип разделения властей, закрепленный в статье 10 Конституции РФ [4], что, в свою очередь, ставит под сомнение саму идею правового государства.

Конституционная модель прокуратуры в России предполагает существование единой федеральной централизованной системы, основанной на принципе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим, вплоть до Генерального прокурора. При этом прокуратура не входит в систему ни законодательной, ни исполнительной, ни судебной власти, занимая тем самым особое положение в государственной структуре. Формально это обеспечивает высокий уровень автономии, позволяя выполнять надзорные функции независимо от прочих ветвей власти. Однако на практике такая организационная конструкция делает прокуратуру уязвимой: при отсутствии институционального механизма сдержек и противовесов она становится зависимой от административной воли и политического курса, что усугубляется жесткой внутренней иерархией и ограниченным доступом к средствам защиты от давления сверху [3, с. 263].

Вертикальная структура, предполагающая строгую подчиненность прокуроров, приводит к снижению уровня профессиональной автономии на местах. Прокуроры фактически лишены свободы принятия решений и вынуждены ориентироваться на позицию руководства, что провоцирует атмосферу правовой неуверенности и подавления инициативности. При этом дисциплинарная ответственность за проявление самостоятельности становится действенным механизмом давления, ограничивая возможности правовой активности и, как следствие, подрывая авторитет прокуратуры в глазах общества [2, с. 774].

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» провозглашает принцип независимости прокурора. Так, статья 17.1 обязывает прокурора руководствоваться исключительно законом, Конституцией РФ и федеральными нормативными актами, запрещая любое вмешательство в его деятельность [7]. Согласно статье 41.1, прокурор несет ответственность только в рамках предусмотренных законом процедур, что должно исключать административное давление и произвольное влияние со стороны вышестоящих инстанций. Однако в действительности положения закона реализуются непоследовательно. Особенно это проявляется в применении дисциплинарной ответственности, где основания, такие как «утрата доверия», нередко используются в обход правовых процедур и становятся инструментом давления [5, с. 49].

Судебная практика демонстрирует устойчивые тенденции приоритета административного усмотрения над принципами юридической объективности. Так, в Апелляционном определении Московского городского суда от 22.11.2013 № 11-37817/13 рассматривалось дело бывшего прокурора, уволенного за нарушение Присяги. Несмотря на последующее прекращение уголовного преследования и признание права на реабилитацию, суд отказал в удовлетворении иска о корректировке формулировки увольнения, сославшись на выводы внутренней проверки [6]. Аналогично, в Определении от 18.12.2012 № 4Г-11667/12 суд под-

твердил законность увольнения по формулировке «проступки, порочащие честь прокурорского работника», несмотря на отсутствие всестороннего разбирательства и конкретизации обстоятельств. Использование таких размытых оснований позволяет применять дисциплинарные меры без надлежащей юридической аргументации, тем самым ограничивая внутреннюю независимость и профессиональную свободу прокурорского корпуса.

Подобная практика наносит двойной ущерб – подрывает внутреннюю независимость прокуроров и ослабляет общественное доверие к самой прокуратуре как институту. Возможность увольнения или понижения в должности за негодные решения, формально обоснованные «утратой доверия», формирует атмосферу страха и правовой неопределенности, лишаящую прокуроров стимула к проявлению профессиональной инициативы [5, с. 51]. Это ведет к трансформации прокуратуры из независимого надзорного органа в инструмент административного воздействия.

Дополнительное беспокойство вызывает несоответствие российской практики международным стандартам, сформулированным в документах Венецианской комиссии и Совета Европы. Эти стандарты подчеркивают необходимость прозрачности и независимости процедур назначения, продвижения и освобождения прокуроров, предусматривая участие профессиональных и общественных институтов. В российской действительности подобные процедуры характеризуются закрытостью и концентрацией полномочий в руках ограниченного круга должностных лиц. Кадровые ротации, дисциплинарные меры и административное давление становятся инструментами управления, особенно в делах, затрагивающих интересы власти или бизнеса. Это снижает не только доверие к прокуратуре, но и ее способность выполнять свою основную функцию – защиту закона и прав граждан [3, с. 264].

Таким образом, проблема независимости прокуратуры в России затрагивает фундаментальные вопросы государственной легитимности, доверия к власти и справедливости правоприменения. Несмотря на формально закрепленные гарантии – статьи 10 и 129 Конституции РФ [4], положения профильного законодательства и международные обязательства, прокуратура остается уязвимой к политическому и административному воздействию. Судебные примеры, практика дисциплинарных взысканий, отсутствие прозрачности в кадровой политике и ограниченные механизмы правовой защиты указывают на необходимость системных реформ. Подлинная независимость возможна лишь при условии изменения модели управления, внедрения открытых процедур назначения и продвижения, а также создания действенного механизма внешнего контроля. Только в этом случае прокуратура сможет быть не придатком административной системы, а по-настоящему независимым гарантом законности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2013 г. № 11-37817/13 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154111/ (дата обращения: 12.04.2025).

2. Бочкарев С. А. Состояние независимости прокуроров в отечественной системе правосудия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 4. С. 769–786. URL: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/22097> (дата обращения: 12.04.2025).

3. Ершова А. А. Прокуратура в системе разделения властей в государственном механизме защиты конституционных прав граждан // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 263–265. URL: <https://moluch.ru/archive/418/92819/> (дата обращения: 12.04.2025).

4. Конституция Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.04.2025).

5. Карпов А. В. К вопросу о месте прокуратуры в системе государственной власти Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2020. № 2. С. 45–52. URL: <https://journals.eco-vector.com/2410-7522/article/view/18485> (дата обращения: 12.04.2025).

6. Определение Московского городского суда от 18 декабря 2012 г. № 4г-11667/12. URL: <https://base.garant.ru/70230166/> (дата обращения: 12.04.2025).

7. О прокуратуре Российской Федерации. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 11.04.2025).

УДК 347.78

Устинова Валерия Георгиевна

студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
lerra.lu@yandex.ru

Научный руководитель:

Соколова Татьяна Николаевна

кандидат экономических наук, доцент
Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
tnsokol@yandex.ru

Искусственный интеллект и авторское право:

кто владеет результатами творчества искусственного интеллекта

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об установлении авторства на продукт деятельности искусственного интеллекта, проводится анализ и сравнение тенденций решения данной проблемы в Российской Федерации. В ходе исследования рассматривается

правовое регулирование авторского права на продукты, полученные с использованием нейросетей и их применения в российской действительности. Изучение научной литературы и действующих нормативно-правовых актов позволяют найти возможные решения проблемы определения авторского права на результаты деятельности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, нейросети, авторское право, авторство, разработчик, пользователь, доказательство авторства, результаты творчества ИИ.

Ustinova Valeria Georgievna

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Scientific supervisor:

Sokolova Tatyana Nikolaevna

PhD in Economics, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Artificial Intelligence and Copyright: Who Owns the Results of AI Creativity

Annotation. *The article examines the issue of establishing authorship of the product of artificial intelligence activity, analyzes and compares trends in solving this problem in different countries. The study examines the legal regulation of copyright on the activity of neural networks abroad and its application in Russian reality. The study of scientific literature and current regulatory legal acts allows for a comparative analysis of establishing copyright on AI creativity.*

Keywords: *artificial intelligence, AI, neural networks, copyright, authorship, developer, user, proof of authorship, results of AI creativity.*

В настоящее время цифровизация охватила почти все сферы жизнедеятельности людей. Кроме того, большое распространение получило использование искусственного интеллекта (ИИ). Каждый человек имеет доступ к новым технологиям получения ответов, генерации изображений, музыки и презентаций. Компьютер через специальные алгоритмы учится думать и работать как настоящий человек – разве это не чудо? Можно заметить, что компьютер это делает достаточно быстро, во многом опережая человека и в некоторых отраслях даже заменяя его. Искусственный интеллект используется практически во всех сферах жизни людей: культуре, технике, производстве, логистике, экономике, политике и так далее. Алгоритмы открывают новые возможности, но одновременно вызывают вопросы о допустимых границах их применения.

По мнению Т. Г. Пенькова, искусственный интеллект – совокупность моделей, методов и технологий для решения плохо формализуемых (интеллектуальных) задач [4, с. 7]. Одной из самых важных функций нейросетей является поиск и анализ закономерностей в огромных базах данных, на основе которых ИИ способен сгенерировать изображения, музыку, текст и многое другое. При этом искусственный интеллект предоставляет продукт чрезвычайно быстро

(создание картинки по описанию пользователя составляет от 20 секунд до двух минут в зависимости от сложности).

Стоит отметить, что искусственный интеллект не создает что-то качественно новое – в процессе генерации изображения по определенному описанию ИИ заимствует с уже существующих в открытых источниках картинок какие-то детали, фрагменты, при этом не указывая на авторов этих элементов. Подобным образом нейросети действуют и в других сферах. Из этого следует вопрос: кто является правообладателем продукта, созданного искусственным интеллектом? Очевидных вариантов ответа на этот вопрос три: правообладатель произведения ИИ – сама нейросеть, разработчик нейросети или пользователь нейросети. Некоторые эксперты выдвигают «теорию служебного произведения», по которой искусственный интеллект выступает в роли исполнителя заказа, наемного работника [2, с. 7].

Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает, кто может быть автором. Согласно ст. 1257 ГК РФ «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано» [1, ст. 1257]. Таким образом, авторское право может принадлежать только человеку. При этом важным свойством произведения является его творческий характер, т. е. оно должно быть создано впервые и обладать уникальными характеристиками. Как было сказано выше, ИИ не может заниматься творческой деятельностью, так как в процессе генерации чего бы то ни было основывается на уже существующих произведениях. Таким образом, нейросети не могут обладать авторством на продукт собственного производства.

Также существует мнение, что автором сгенерированного искусственным интеллектом контента является разработчик нейросети. ИИ создает определенный материал самостоятельно через созданные разработчиком алгоритмы. Следовательно, автор нейросети принимает участие в создании произведений лишь косвенно. Согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ, не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие [1, п. 1 ст. 1228]. Отсюда следует, что разработчик алгоритмов также не может являться автором контента, созданного искусственным интеллектом. Однако, в пользовательском соглашении сервиса Kandinsky, принадлежащего Сбербанку, сказано: «Сервис Kandinsky/Сервис – программа для ЭВМ, функционирующая с применением технологий искусственного интеллекта, правообладателем которой является Банк, способная создавать Сгенерированный Контент в графическом формате в ответ на Запрос Пользователя» [5, п. 1.11]. При этом человек, воспользовавшийся помощью нейросети, может использовать полученный материал, но с обязательным указанием, что контент был сгенерирован ИИ. Этот пример показывает, что именно создатель искусственного интеллекта обладает правами на созданные произведения. Приведенные аргументы противоречат друг другу. Это говорит о том, что российское законодатель-

ство в этой сфере еще недостаточно развито в связи с быстрым и масштабным внедрением искусственного интеллекта в жизнь общества.

Правами на продукт, созданный искусственным интеллектом, может обладать пользователь. В этом случае решение вопроса определения субъекта авторских прав зависит от запроса пользователя и дальнейшего вектора применения контента. Согласно п.80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются [6, п. 80]. Исходя из этого положения и п. 1 ст. 1228 ГК РФ, можно сделать вывод, что если лицо в своей деятельности использует готовый материал, созданный алгоритмами, и не вносит никакой творческой новизны, то тогда он не может считаться правообладателем полученного продукта. Как известно, в художественных школах ученики изучают технику и манеру письма великих портретистов, и пейзажистов. И в случае, когда этот самый ученик создает свое произведение, основываясь на пройденном материале, ни у кого не возникает вопрос об его авторском праве. Стоит отметить, в настоящее время востребованы так называемые промпт-инженеры, т. е. люди, умеющие писать правильные промпты (запросы, инструкции или входные данные, которые отправляются нейросети) для получения качественного результата. Поэтому роль пользователя в полученном результате и, следовательно, в претензии на авторство – велика. Приведенные мною аргументы достаточно противоречивы и говорят о сложности проблемы.

Искусственный интеллект не обладает ключевыми признаками субъекта права: волей, волеизъявлением и интересом. Вопросы субъектности ИИ дискутируются во многих странах, особенно там, где технология получила широкое распространение и активно развивается. Так, например, решением Народного суда округа Наньшань в Китае искусственный интеллект был признан автором. Судья аргументировал это тем, что статья, созданная чат-ботом Dreamrihter и опубликованная на сайте фирмы Shanghai Yingxun Technology Company, обладает определенной оригинальностью формулировок и полностью соответствует критериям письменной работы [7]. В то же время Бюро США по авторскому праву разрешило громкое дело «художники против Midjourney» и приняло решение об аннулировании регистрации сгенерированных нейросетью изображений, так как она компилировала и совершенствовала продукты творчества художников, а не создавала их самостоятельно. Это свидетельствует о том, что пока отсутствует общий подход к авторскому праву на продукты искусственного интеллекта.

Представляет особый интерес в решении поставленного вопроса «теория служебного произведения». Согласно ей, искусственный интеллект выступает наемным работником и выполняет четкие инструкции, заданные пользователем. В контексте российского законодательства сходства между отношениями сотрудника-работодателя и системой ИИ есть. Но помимо этого присутствуют и определенные сложности. Например, согласно ст. 1257 ГК РФ, автором про-

изведения может являться только человек, что отрицает право алгоритмов на авторство [1, ст. 1257]. Также согласно ст. 1295 ГК РФ, авторские права на произведения, созданные при выполнении своих служебных обязанностей, принадлежат непосредственно автору, а работодателю переходят исключительные права [1, п. 1–2 ст. 1295]. Но из этого положения не ясно конкретное содержание авторских прав ИИ. Несмотря на это, стоит отметить, что именно «теория служебного произведения» наиболее приближена к российской действительности и, при определенной корректировке и совершенствовании действующего законодательства, может быть применима. По нашему мнению, при доработке нормативно-правовых актов в сфере авторского и цифрового права (введение понятия служебного договора на продукт, созданный искусственным интеллектом, установление соответствующего правового режима) вполне может оказаться работоспособна эта теория и решить вопрос определения автора на результаты деятельности нейросетей.

В настоящее время искусственный интеллект все чаще используется людьми в разных сферах. ИИ позволяет в кратчайшие сроки выполнить определенные задачи, получить ответы на вопросы. В связи с некоторыми сложностями в решении вопроса о регулировании авторского права на продукты творчества нейросетей можно ожидать изменения в законодательстве относительно интеллектуальной собственности. Так, в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, который мог бы решить эту проблему. «Есть много форм создания интеллектуального продукта, и в зависимости от степени участия в этом человека должны быть установлены различные меры защиты авторских прав и ответственность за использование технологий», – заявил первый заместитель председателя комитета Госдумы по информационной политике, информтехнологиям и связи Антон Ткачев [3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/?ysclid=m92kxi5qai393794672 (дата обращения: 02.04.2025).
2. Кудинов М. А. К вопросу об интеллектуальных правах на произведения, созданные искусственным интеллектом // Новый юридический вестник. 2022. № 2(35). С. 7-10.
3. Любавина А. Власти России готовят закон об авторском праве на произведения искусственного интеллекта. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-04-11_v_rossii_gotovitsya_zakon (дата обращения: 02.04.2025).
4. Пенькова Т. Г., Вайнштейн Ю. В. Модели и методы искусственного интеллекта : учеб. пособие. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. 116 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1816605> (дата обращения: 02.04.2025).
5. Пользовательское соглашение об использовании Сервиса Kandinsky // Сайт Сбербанка. URL: <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/promo/kandinskiy-terms/kandinskiy-terms-of-use.pdf> (дата обращения: 02.04.2025).

6. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/?ysclid=m92l78rews823882256 (дата обращения: 02.04.2025).

7. Решение Народного суда округа Наньшань, Шэньчжэнь, провинция Гуандун, (2019) Юэ 0305 Мин Чу № 14010 Гражданское решение от 25 ноября 2019 г. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010> (дата обращения: 02.04.2025).

УДК 343.9

Фёдоров Евгений Алексеевич

аспирант, Пензенский государственный университет

г. Пенза, Российская Федерация

ekatalatamaya@mail.ru

**Криминологическая характеристика лица
на примере преступного посягательства,
предусмотренного статьей 306
Уголовного кодекса Российской Федерации**

Аннотация. Статья посвящена проблеме заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ) как фактора, дестабилизирующего работу правоохранительных органов и подрывающего доверие к системе правосудия. Автор акцентирует необходимость борьбы с причинами этого явления через криминологический анализ личности преступника. На основе социально-демографических, уголовно-правовых, социально-психологических и нравственно-этических критериев выделены пять типов правонарушителей. Каждый тип отличается специфической мотивацией – от мести и страха до жажды внимания или материальной выгоды. Исследование подчеркивает, что понимание поведенческих паттернов и мотивационной структуры преступников позволяет разрабатывать адресные меры профилактики, оптимизировать расследование и снижать нагрузку на правоохранительные органы. Результаты представляют ценность для криминологов, юристов-практиков и специалистов в области уголовной политики.

Ключевые слова: правосудие, преступления против правосудия, система, типология, заведомо ложный донос, личность преступника.

Fyodorov Evgeniy Alekseevich

postgraduate student, Penza State University

Penza, Russian Federation

**Criminological characteristics of a person using the example
of a criminal attack provided for in Article 306 of the Criminal Code
of the Russian Federation**

Annotattion. *The article is devoted to the problem of knowingly false denunciation (Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation) as a factor destabilizing the work of law enforcement agencies and undermining confidence in the justice system. The author emphasizes the need to combat the causes of this phenomenon through a criminological analysis of the offender's personality. Based on socio-demographic, criminal-legal, socio-psychological and moral-ethical criteria, five types of offenders are identified. Each type is distinguished by a specific motivation – from revenge and fear to a thirst for attention or material gain. The study emphasizes that understanding the behavioral patterns and motivational structure of criminals allows developing targeted preventive measures, optimizing investigations and reducing the burden on law enforcement agencies. The results are valuable for criminologists, practicing lawyers and specialists in the field of criminal policy.*

Keywords: *justice, crimes against justice, system, typology, knowingly false denunciation, personality of the criminal.*

Заведомо ложный донос как преступное деяние является одним из вызовов системе правосудия любой страны. Усложнение и без того трудоемкого процесса расследования и раскрытия преступлений ставит под угрозу не только интересы отдельно взятых лиц, которых защищает закон, но и государственные интересы, продиктованные национальной безопасностью как таковой. Непосредственная дополнительная лишенная объективной пользы нагрузка на органы внутренних дел, судебную систему, прокуратуру сулит неэффективное использование трудового ресурса каждого сотрудника, ухудшая эффективность труда каждого, снижая работоспособность государственного аппарата в целом.

Исходя из этого, необходимо бороться не с последствиями такого негативного явления как ложный донос, а с причинами такового. В свою очередь, причины представляется возможным выяснить только в результате анализа поведенческих особенностей и всеобъемлющей криминологической характеристики лица, которым совершается данное преступное деяние.

По мнению В. И. Задорожного, «преступник, преступление и жертва взаимосвязаны друг с другом сложной системой отношений», следовательно, дав подробную характеристику личности преступника, откроется возможность к анализу остальных элементов данной цепи [5, с. 124].

Чтобы дать полную и детальную криминологическую характеристику лица, нужно определить ее базовые элементы и понятийный аппарат.

Личность – это система психических процессов, состояний и свойств, возникающих, с одной стороны, вследствие социализации под влиянием воспитания и среды, а с другой – в результате преобразований врожденных внутренних условий организма, которые управляют деятельностью человека, влияя на выбор им различных способов поведения [2, с. 183]. Личностью преступника по своей сути можно считать непосредственно связанные составляющие личности индивида (биологическое, духовное, социальное и другие начала), нашедшие свое отражение посредством конкретной жизненной ситуации в форме преступного поведения [1].

Исходя из этого, личность преступника можно охарактеризовать как систему устойчивых поведенческих паттернов, которые реализуются через преступное поведение. Выяснение этих паттернов, в свою очередь, поможет в раз-

работке как общих, так и специальных мер предупреждения. Общее предупреждение – это система мер по устранению процессов детерминации и причинности преступности, воздействующих на все население или его группы, выделяемые по общим экономическим, социальным, иным критериям, и создающих вероятность преступного поведения практически всех представителей этих социальных групп. Специальная профилактика – структура воздействия на процессы детерминации и причинности преступности, касающиеся отдельных социальных групп, сфер деятельности и объектов, характеризующихся повышенной вероятностью совершения преступлений [5, с. 125].

После раскрытия сущности данного понятия логичным шагом становится анализ структурных элементов, входящих в его содержание. В криминологической науке эти элементы традиционно обозначаются как признаки.

Первый признак к рассмотрению – социально-демографический. Данный параметр включает базовые характеристики: пол, возраст, семейный статус, уровень образования и материальную обеспеченность. Его анализ позволяет выявить закономерности криминальной активности в различных социальных группах. Например, возраст правонарушителя не только определяет возможность привлечения к ответственности (ст. 20 УК РФ), но и отражает этап социализации личности, ее ценностные ориентации и уровень зрелости.

Следующий к рассмотрению – уголовно-правовой элемент. Его следует рассматривать как наиболее важный с точки зрения изучения и характеристики того или иного преступника. Подразумевает характер и степень тяжести совершенного преступного деяния, выполняемая роль при совершении преступления, рецидив, эффективность применяемых мер уголовной ответственности.

Третий аспект к рассмотрению – социально-психологический. Акцент здесь делается на мировоззрении и социальных установках личности. Анализ данного блока помогает выявить: деструктивные паттерны мышления (например, склонность к агрессии); влияние среды на формирование мотивов преступления; наличие психических аномалий, не исключающих вменяемости.

Последний, но не по значению аспект в характеристике личности преступника – нравственно-этический. Исследование моральных ориентиров индивида (понимание добра, зла, справедливости) раскрывает глубинные причины противоправного поведения. Помимо этого, стоит обратить на такую особенность как правовой нигилизм у некоторых преступников, который также является отличительной чертой и важной характеристикой.

Итак, выяснив какие элементы содержит в себе характеристика личности преступника, представляется возможным дать таковую лицу, которое совершило и предположительно совершит преступной деяние, предусмотренное ст. 306 УК РФ.

Относительно социально-демографического параметра информация представлена следующая: в большей части дел преступник – мужчина (68,65 %), женщины составляют меньшую долю (41,35 %), но от этого ущерб, который они наносят своими действиями не становится более незначительным, в возрасте – 30–49 лет (54,1 %), со средним профессиональным (37,89 %) или общим

(35,49 %) образованием, трудоспособные лица без постоянного источника дохода (59,8 %), граждане РФ (99,01 %), холостые (не замужние) или разведенные (60,4 %), постоянные жители данной местности (94,66 %).

Ко второму аспекту можно отнести информацию о том, что данное деяние совершается, как правило, лицом единолично. Что позволяет сделать выводы о специфике данного состава. Имеет место более личный аспект, никак не сопряженный с чувством защищенности, безнаказанности, распределением ответственности с точки зрения лица, как это случается при совершении групповых преступлений.

Третий аспект выражается в подавляющем большинстве лиц, которые психологически здоровы и никаких отклонений не имеют (92,6 %). Это свидетельствует о том, что ложный донос зачастую не является продуктом пораженного, больного разума, а имеет иной, осмысленный мотив и цель. Лицо имеет образ конкретного результата и пытается добиться определенной цели, совершая данное преступное деяние.

Четвертый аспект представляет возможным раскрыть посредством типологии личности преступника. Таким образом, будут раскрыты поведенческие особенности внутри рассматриваемой группы преступников. Из всего множества характеристик наиболее универсальным критерием типологии личности преступника является мотивация преступного поведения.

Как справедливо указывает А. Н. Игнатов, «анализ мотивов и мотивации преступного поведения является содержательной основой исследования личности преступника, «методологической осью», поскольку именно он раскрывает глубинные составляющие структуры личности преступника, а также и одну из ее основных категорий, которая непосредственно коррелирует с базисом совершения преступления – категорию потребностно-мотивационной сферы» [3, с. 228].

Таким образом, при всем множестве мотивов преступного поведения именно они отражают разнообразные характеристики личности преступника, являясь наиболее информативным и интегративным критерием типологии данной категории лиц. На основании анализа судебно-следственной практики в соответствии с критерием мотивации преступного поведения можно выделить следующие типы личности преступника, совершающего заведомо ложный донос.

1. «Мстительный» тип. К данной категории относятся лица, использующие заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) в качестве инструмента реализации мотивов мести, личной неприязни или сведения счетов. Сообщение заведомо ложных сведений о преступлении направлено, как правило, против конкретного лица или группы лиц с целью нанесения репутационного вреда, создания препятствий в профессиональной деятельности или «возмездия» за реальное или мнимое ущемление интересов. Например, ложные обвинения могут адресоваться сотрудникам правоохранительных органов, которые ранее выявили противоправные действия самого доносчика, что усиливает мотив мести.

Характерной тактикой является злоупотребление правовыми механизмами: преступники имитируют сотрудничество со следствием, подавая фиктивные явки с повинной, где указывают на «соучастников», не имеющих отношения к деянию.

2. «Защищающийся» тип. Лица, относящиеся к данной категории, совершают заведомо ложный донос, движимые гипертрофированной потребностью в обеспечении собственной безопасности или защиты близких. Источником угрозы они воспринимают как реальные действия третьих лиц (например, конфликты с соседями или деловыми партнерами), так и субъективно искаженные события, которые ошибочно интерпретируются как опасные. Мотивация таких преступников основана на страхе – будь то угроза физической расправы, утраты социального статуса, семейного благополучия или иных ценностей. При этом негативные последствия для объекта ложных обвинений (уголовное преследование, ограничение прав, репутационный ущерб) воспринимаются ими как «оправданная плата» за нейтрализацию мнимой или реальной опасности.

Характерной чертой этого типа является сочетание чрезмерной подозрительности с убежденностью в собственной правоте. Преступники осознают ложность предоставляемой информации, но оправдывают свои действия «высшей целью» – защитой интересов себя или своей семьи. В результате преступник, пытаясь «обезопасить» себя, сам нарушает закон, усугубляя ситуацию и создавая риски для окружающих.

3. «Избегающий ответственности» тип. К данной категории относятся лица, совершающие заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) с целью уклонения от ответственности за собственные противоправные действия или защиты близких от последствий их аморального или криминального поведения. Мотивация здесь основана на страхе разоблачения и желании сохранить статус-кво, даже если для этого требуется искажение реальности и подмена фактов.

Типичными сценариями являются: сообщение об угоне автомобиля после ДТП, чтобы скрыть вину в аварии; заявление о краже для маскировки растраты средств; организация фиктивных улик (например, подбрасывание орудия преступления) для создания ложной версии события; ложное объявление о пропаже родственника, фактически ставшего жертвой убийства; признание в менее тяжком преступлении при явке с повинной, чтобы избежать наказания за более серьезное деяние. Отдельную группу составляют лица, берущие на себя вину за преступления, совершенные близкими, – такая «жертвенность» направлена на сокрытие истинного виновника и нарушение хода следствия.

Преступники этого типа демонстрируют высокий уровень изобретательности в создании ложных повествований. Например, подделывая следы взлома при хищении, они пытаются убедить правоохранительные органы в версии «стороннего преступника», тогда как сами являются исполнителями. Их действия часто сопровождаются попытками манипулировать эмоциями следователей – апелляцией к семейным ценностям, имитацией сотрудничества или демонстрацией мнимого раскаяния.

4. «Корыстный» тип. К этой категории относятся лица, совершающие заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) из корыстных побуждений, где корысть трактуется широко – не только как материальная выгода, но и как стремление к любой личной преимущественной пользе, включая социальные, профессиональные или психологические дивиденды. Их действия направлены на эксплуатацию правовых механизмов для извлечения прибыли, уклонения от обязательств или устранения препятствий. Отдельную группу составляют случаи вымогательства: преступники намеренно обвиняют невиновных в тяжких преступлениях (например, в сексуальном насилии или угрозе убийством), чтобы затем шантажировать их, требуя денег или имущества за «заккрытие» дела.

5. «Демонстративный» тип. К преступникам данного типа следует отнести лиц, которые стремятся посредством заведомо ложного доноса, как правило, о факте совершения преступления, привлечь общественное внимание к своей персоне. Данную категорию составляют как различного рода медийные личности (блогеры и т. п.), так и лица с выраженными акцентуациями характера.

В соответствии с таким наиболее универсальным (системообразующим и информативным) критерием, как мотивация преступного поведения, установлены следующие типы личности преступника: «мстительный» тип (40,7 %); «избегающий ответственности» тип (33,4 %); «корыстный» тип (15,4 %); «демонстративный» тип (6 %); «защищающийся» тип (4,5 %).

Таким образом, характеристика личности преступника представляет особый интерес как в научной среде, так и в практической деятельности по предупреждению преступлений соответствующими органами. Правильная и всеобъемлющая с точки зрения криминологии характеристика является интересным и полезным материалом к изучению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Игнатов А. Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-obschaya-harakteristika-lichnosti-prestupnika> (дата обращения: 03.04.2025).

2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл, 2005. 346 с.

3. Пузарин Р. О. Криминологическая характеристика лица на примере преступного посягательства, предусмотренного статьей 139 УК РФ // Актуальные вопросы экономики, права и социологии : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Чебоксары, 10 декабря 2024 г. Чебоксары : Среда, 2024. С. 228–229.

4. Шуров А. А. Заведомо ложный донос: криминологическая характеристика и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2024. 25 с.

5. Яшин А. В. Уголовно-процессуальные нормы как одно из средств предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства // Современное право. 2011. № 10. С. 123–126.

Научное издание

**«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»**

Сборник трудов
IV Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

(Кострома, 24–25 апреля 2025 года)

Составители:

А. С. Евстегнеев, Н. В. Ганжа, Д. Н. Лукоянов, Н. В. Кузьмина, И. Н. Мельников,
О. В. Плюснина, Л. А. Сиверская, А. Г. Сироткин, И. В. Орловская, Е. В. Яснева

Ответственный редактор:

Б р и л ь Геннадий Геннадьевич

16+

Текстовый электронный сборник на компакт-диске

Верстка О. В. Тройченко
Дизайн И. М. Ивановой

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию 25.09.2025. 6,1 МБ. [П. л. 42,0].
Заказ 114. Электронное издание. Тираж 300.

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11.
Тел. 63-49-00, доп. 3110, e-mail: rio-kgtu@yandex.ru

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание